

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ КРУТОЙ ПОВОРОТ

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ
КРУТОЙ ПОВОРОТ

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

КРУТОЙ ПОВОРОТ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

P2
B93

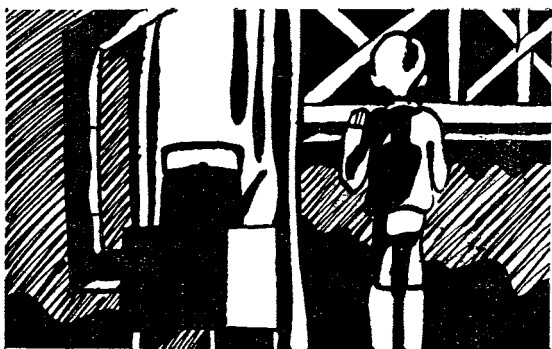
В $\frac{70302-112}{078(02)-79}$ 248—79. 4700000000

© Издательство «Молодая гвардия», 1979

УВОЛЬНЕНИЕ НА СУТКИ

Повесть

Когда Т-108-й, отсемафорив постам службы наблюдения и связи, миновал Кронштадт и Морской собор стал таять в дымке, Гаврилов спустился в кубрик и молча сидел там, дожидаясь, когда его сосед Журков кончит бриться. Журков не торопился, густо намыливал пухлые щеки, кряхтя от удовольствия, тщательно оглядывал лицо, ощупывал выбритые места пальцами.

— В увольнении что главное? — говорил он, обращаясь к своему отражению в небольшом, круглом, как его лицо, зеркале. — Гладко выбриться, надраить бляху и корочки. Ни одна девушка не устоит... У тебя, Гаврилов, знакомые небось на каждой линии Васиного острова есть?

Гаврилов молчал, досадуя на медлительность приятеля, на его благодушную болтовню.

— Мрачный ты кореш, Гаврилов, — не дождавшись ответа, продолжал Журков. — Мрачней тебя на Балтике не найдешь. Разве что адмирал Макаров в Кронштадте... И парень вроде бы свойский, другом считаешься...

— Кончай, Леня, трепаться, — сказал Гаврилов, глядя в иллюминатор. Вдали виднелась полоска берега, можно было разглядеть лес, шпиль какого-то собора. «Наверное, Петергоф уже, — подумал Гаврилов. — Или еще Рамбов»*.

— Ты, Гаврилов, совсем бешеный стал, — Журков

* Р а м б о в — Ораниенбаум.

вытер лицо полотенцем и, плеснув на ладонь одеколо-
ну, опрокинул все на лицо, громко зафыркал. — Нет,
правда, Гаврилов. У всех настроение что надо! В Пи-
тере трапец на ремонт ставят. Как-никак с месяц про-
кантуемся. Тебе бы в первую очередь и радоваться.
А ты только ноздри раздуваешь.

Он аккуратно протер бритву, хотел уложить в коро-
бочку, помедлив, спросил:

— Ты бриться будешь?

— Я уже брился, — ответил Гаврилов.

— Да ведь чего я спрашиваю — ты у нас молодой,
тебе же брить еще нечего!

Журков надел новенькую белую форменку, аккурат-
но расправил. Подмигнул сам себе:

— Держитесь, девочки!

Форма сидела на нем ладно, словно пригнанная хо-
рошим портным. Да и сам он был ладный, крепкий.

— Пойдем, Гаврилов! Ленинград прямо по носу!..

Как только он ушел, Гаврилов быстро открыл свой
рундук, достал с самого дна небольшой сверток, развер-
нул осторожно. Тускло блеснул в его руке пистолет,
Гаврилов тщательно протер его драной тельняшкой. Вы-
нул обойму. Сосчитал патроны, хотя хорошо знал, что
их всего три. И пистолет, и эти три патрона к нему он
приобрел несколько месяцев назад в Таллине на база-
ре за четыреста рублей. Деньги он копил долго, откла-
дывая от своего небогатого матросского довольствия,
не тратил ни на что другое...

Гаврилов вставил обойму на место, прикинул писто-
лет на ладони, словно хотел узнать, много ли в нем
весу. Кто-то гулко затопал по трапу, спускаясь вниз.
Гаврилов поспешно сунул пистолет в карман. Наклонил-
ся над рундуком. Но шаги протопали мимо, и он опять
достал пистолет и поднял на уровень глаза, словно
прицеливался в кого-то. Лицо его стало жестким и да-
же каким-то отрешенным, но рука, сжимавшая рукоять,
задрожала. По трапу опять затопали, и Гаврилов снова
спрятал пистолет. Оружие тянуло карман, пришлось по-
туже затянуть ремень. Он постоял еще несколько ми-
нут, задумчиво глядя в иллюминатор, и поднялся на
палубу.

Ленинград был совсем рядом. Вцепившись в леер,
волнуясь, вглядывался Гаврилов вперед, туда, откуда
надвигался огромный город. Тральщик вдруг словно

уменьшился в размерах, потерялся. Вот город уже охватил залив полукольцом, и Гаврилов судорожно вертел головой, стараясь увидеть все сразу, ничего не пропустить в открывшейся ему панораме. Уже четыре года он был в разлуке с родным городом и совсем не представлял, каким его увидит.

Лес кранов, вытянувших стрелы, возвышался над причалами. Какие-то облупленные, пятнистые корабли, не то стоящие на ремонте, не то уже совсем отслужившие срок, теснились у причальных стенок. И над всем этим портовым хаосом парил вдали вечный Исаакий с серым тусклым куполом.

Гаврилов чувствовал, что подступают слезы, вот-вот прорвутся. Он ни о чем сейчас не думал. Просто смотрел и смотрел и впитывал все, что видит, и это наполняло его счастьем.

Он без труда отыскал серый шпиль Адмиралтейства, Петропавловку. Справа от Исаакия вздымался еще один огромный купол, не купол даже, а каркас, скелет от купола, поврежденного снарядами. Левее от Исаакия был Васильевский остров, но ничего приметного там не виднелось. Глазу не за что было зацепиться.

Когда подошли поближе, он высмотрел колокольню большого собора. Собор этот, твердо знал юнга, стоял рядом с Тучковым мостом --- на Съездовской линии... Съездовская и Первая линии... Если идти оттуда по Среднему проспекту сюда, ближе к заливу, то сначала пройдешь совсем тихие, мощенные булыжником Вторую, и Третью, и Четвертую, и Пятую линию. Потом Шестая и Седьмая с аллеюшкой посередине. Там кино-театр «Форум», куда Гаврилов часто ходил и один, и с матерью, и с Алькой... Потом Восьмая и Девятая. Здесь грохочут трамваи, шумят машины из открытых окон табачной фабрики Урицкого, здесь гастроном, куда он так часто бегал в довоенные времена за маслом и чайной колбасой... А следующая линия — Десятая. Пройти всего один квартал и свернуть налево. Второй дом от угла — большой, черно-серый, мрачный (таких Гаврилов насмотрелся в немецких портах) — дом № 26. «Десятая линия, дом 26, квартира 25, Гавриловой П. Ф.», — писал он на конвертах, посылая письма матери, когда жил летом, до войны, у тетки на даче.

Дом 26, квартира 25. Пятый этаж. Грязноватая темная лестница со двора. Они с матерью всегда ходили черным ходом, хотя имелся и парадный, — не надо было тащиться через всю квартиру длинным-предлинным коридором, заставленным пыльными шкафами. Их комната выходила прямо в кухню. Когда-то она была людской в этой огромной, нескончаемой квартире.

Гаврилову предстояло сегодня, прямо сегодня — ни минуты не медля — пойти на Десятую линию, в дом № 26, подняться по узкой лестнице на пятый этаж, позвонить в эту квартиру. Двери откроет человек, носящий ненавистную фамилию Егупин, спросит: «Вам кого, молодой человек?» Гаврилов молча вытащит пистолет и в упор выстрелит три раза — ведь в обойме всего три патрона.

Гаврилов уже сотни, а может быть, и тысячи раз переживал этот момент. Переживал во всех подробностях. По сути, эти выстрелы были формальностью — смертный приговор он вынес Егупину уже давно, но формальность эта была смыслом жизни для Гаврилова все последнее время. С марта 1942-го, когда его в бессознательном состоянии вывезли из Ленинграда, и по сегодняшний день, 7 августа 1946 года.

...Тральщик медленно шел по Неве мимо судов, ремонтирующихся у заводских причальных стенок, мимо плавучих доков и огромных кранов. Вот и последний изгиб реки, а впереди уже видны мост Лейтенанта Шмидта, собор Николы Морского и грязноватое, облезлое здание морского училища.

Когда на палубе построили идущих в увольнение и капитан-лейтенант, прохаживаясь перед строем, сам намытый, начищенный до блеска, франтоватый больше, чем всегда, напутствовал матросов, как надо вести себя в городе, Гаврилову вдруг впервые пришла мысль, что завтра капитан-лейтенант и остальные узнают о том, что он застрелил человека.

Для него самого, уже давно свикшегося с мыслью об этом, все было ясно. Наказание не страшило Гаврилова. Он просто считал, что должен выполнить свой долг. Должен сделать то, что, кроме него, сделать было уже некому, ибо все, кто знал глубину падения гадины Егупина, погибли, а остальным до него нет дела. Нет де-

ла — в этом Гаврилов был уверен. Нет дела, коль до сих пор живет этот человек на свете, живет и дышит одним воздухом со всеми остальными людьми.

Гаврилов даже не пытался заглянуть в свое будущее. Он разделил свою жизнь надвое мертвой чертой. И если до черты все было рассчитано, взвешено своей подчиненностью главному, то за чертой не было ничего — Гаврилов просто не хотел думать о том, что будет потом. Знал только твердо, что предстанет перед судом и будет наказан, наказан сурово, но дальше суда его мысли не шли. Да и о суде он думал лишь как о возможности там сказать все. Сказать все людям, которые уже не смогут не принять его слова во внимание. Не смогут просто посочувствовать или разгневаться и тут же забыть. Они вынуждены будут отнестись к его словам всерьез, осмыслить их, вынести по ним свое суждение — ведь эти слова скажет в свое оправдание убийца.

И вот теперь, за десять минут до того, как сойти на берег с палубы тральщика, ставшего за два года родным и близким, сойти прямо на набережную Васильевского острова, где он родился, прожил почти всю свою жизнь и где он сегодня должен застрелить самого ненавистного человека, Гаврилов с внезапно нахлынувшей острой тоской подумал о том, что скажут о его поступке товарищи. Франтоватый матерщинник каплей, любимец всего экипажа, его, Гаврилова, друг Ленька Журков...

«Они же не знают всего, — думал Гаврилов, — ведь пока следствие, суд... Будут считать простым убийцей, еще, чего доброго, грабителем. Каплею дадут взбучку за плохую воспитательную работу, соберется собрание. Обсудят ЧП на тральщике. «Преступление матроса Петра Гаврилова...»

— Эй, на шкентеле! — Голос капитан-лейтенанта вернул Гаврилова к действительности: — Сон в строю — прямая дорога на гауптвахту! Молодым матросам это следует помнить...

— Ему снятся любимые девушки, — негромко сказал Журков.

— Разговорчики в строю! — повысил голос капитан-лейтенант. И добавил, улыбнувшись: — О своих встречах с любимыми девушками юнга Гаврилов доложит завтра на утренней поверке.

В строю приснули.

Гаврилов вымученно улыбнулся и ткнул Журкова кулаком в бок. Удар получился злой и, по-видимому, болезненный. Журков оглянулся с недоумением и обидой.

— Помните, в каком мы городе, — наставлял матросов капитан-лейтенант, — еще не все от блокады оправились... Если старушке какой дорогу помочь перейти, поднести что — будьте балтийцами. На барахолку — ни-ни! Девушку в обиду хулиганам не давайте. — Он опять улыбнулся.

С тяжелым сердцем шагнул Гаврилов на трап, соединивший тральщик с гранитной набережной Васильевского острова. Не то чтобы у него убавилось решимости, появился страх или сомнение. Нет. Просто к чувству ненависти, к жажде действовать, раз и навсегда освободиться от гнетущего сознания неисполненного долга присоединилось чувство неясной тоски... Радость, охватившая его в тот момент, когда перед взором открылся родной город, без которого не представлял своей жизни Гаврилов, прошла.

За те четыре года, что прожил он вдалеке от Ленинграда, это была вторая попытка попасть в город и познакомиться с человеком, омерзительнее которого Гаврилов не знал никого.

Первую попытку Гаврилов предпринял глубокой осенью сорок второго года, начав свой путь из пермского села Сива. Это было 15 ноября. А может быть, уже 16-е. В ночь с 15-го на 16-е. Часов у воспитанников детского дома не было. Они жили по звонку в школе и в детдоме и по солнцу, когда летом целыми днями пропадали в лесу.

Гаврилов дождался, когда смолкли шаги бродившей по коридору ночной дежурной Рахили, и осторожно, чтобы не разбудить других воспитанников, вылез из-под куцевого одеяла. Достал маленький узелок, спрятанный под кроватью. Там была печеная картошка и немного сухарей. В течение месяца Гаврилов уносил обеденную пайку хлеба и тайком от всех сушил в лесу на костре.

Одеваться ему было не надо — с вечера он забрался под одеяло в одежде. Впрочем, в холодные осенние но-

чи многие делали так. Осторожно прошел он между кроватями, ступая на носки, у дверей снял с гвоздя зеленый сиротский бушлат, постоял, прислушался. В коридоре было тихо. Гаврилов вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь, прокрался слабо освещенным коридором в темные сени. Здесь он надел бушлат, натянул лямки мешочка на плечи и минуту помедлил, прежде чем снять щеколду с дверей. Ему было не жаль оставлять этот дом. Он не успел еще завести здесь друзей — с ребятами Гаврилов сходилась туго, взрослые же не верили его рассказам о Егупине — он понимал, что не верили, — хотя и слушали сочувственно, и кивали головами, и возмущались. Гаврилов видел, что сочувствие было фальшивым — иначе ведь взрослые должны были бы действовать. Но никто не действовал — все только слушали Гаврилова и успокаивали. «Наверное, принимают за психа», — подумал он однажды. И решил действовать сам.

Егупин мешал Гаврилову жить. В долгие осенние ночи, свернувшись от холода калачиком в постели, лежал Гаврилов без сна, с открытыми глазами и думал об этом страшном человеке. Думал? Нет, не думал — грезил наяву. Ему слышались шаги Егупина под окном, в ущербном месяце мерещились черты егупинского лица. Он представлял, как ходит этот человек в накинутой на плечи бобровой шубе по большой ленинградской квартире, заглядывает в пустые комнаты и думает о новых подлостях. Сколько темных дел он еще совершит? Сытый, спокойный убийца. И никто не остановит его, никто не отомстит за погибших...

После бессонных ночей Гаврилов ходил хмурый и безучастный ко всему, невпопад отвечал на уроках, раздражался без причины. И так повторялось день за днем, пока он не решил: да, надо действовать самому.

Ему было не жаль покидать детдом. Вот если только Зварыкин, Алька Зварыкин из малышовой группы, который так привязался к Гаврилову и всюду ходил за ним — и в лес, и на реку... Да Вёрушка, заведующая учебной частью, добрая, ласковая Вёрушка будет огорчена, узнав, что Гаврилов убежал.

Он осторожно, затаив дыхание, снял засов, приоткрыл чуточку дверь и выскользнул в темноту. Морозный воздух заставил Гаврилова съежиться, он почув-

ствовал, что начинает дрожать, заторопился, спотыкаясь о комки замерзшей грязи.

Село лежало во тьме. Лишь в здании военкомата на первом этаже горел свет. Гаврилов поторопился побыстрее пройти улицей — мало ли кто встретится — и только раз оглянулся. С плотины.

Двадцать пять километров до станции Верещагино он одолел к утру. Дорога была пустынной, темной. В лесу Гаврилову стало страшно. Особенно когда шел мимо разрушенного кирпичного дома — в селе рассказывали много историй о грабителях, которые вроде бы скрывались в нем.

Один раз Гаврилову почудился волчий вой. Он долго прислушивался, но вой не повторился. Где-то на полпути, у Черного болота, ему повстречались мужики на телеге. Гаврилов свернул в лес — переждал, пока телега, поскрипывая на ухабах, не проехала.

Уже под утро, когда стало светать, услышал далекий гудок паровоза. Вздохнул с облегчением: «Верещагино. Теперь бы только попасть на поезд». А впереди была еще далекая дорога.

Целый день бродил Гаврилов по станции, по железнодорожным путям и тупикам, стараясь не попадаться на глаза милиционерам. Прислушивался к разговорам железнодорожников. Денег на билет у него не было, да и поезда на Ленинград не ходили. Это Гаврилов знал. Оставались товарняки. Он видел несколько составов с зачехленными пушками, но подойти к ним не решался — вдоль составов ходили солдаты с винтовками. Один раз он отважился подойти к шипящему, пышущему паром паровозу и долго дождался, когда высунется из окна или выйдет машинист. Но машинист не появлялся, и шипящий паровоз казался вымершим, живущим без людей, сам по себе. Гаврилов стоял до тех пор, пока не подошел чумазый злой железнодорожник с масленкой в руках и не заорал:

— Чего глазеешь, бродяга! Мотай, мотай отсюда, пока в милицию не сдал.

Гаврилов ушел.

Потом он встретил железнодорожника с чемоданчиком, который не торопясь шел по путям, напевая себе что-то под нос.

— Товарищ, — спросил его Гаврилов, волнуясь, — вы не машинист?

Железнодорожник остановился и улыбнулся.

— Машинист. А ты? Пассажир небось?

— Товарищ, — сказал Гаврилов. — Мне очень в Ленинград надо. Ну очень-очень... Я бы не стал просить... — Он сглотнул комок, подступивший к горлу, и почувствовал, что вот-вот заплачет, но не заплакал.

— В Ленинград... — удивился машинист. — Вон ты куда собрался. Эвакуированный? К матери? — Он подошел к Гаврилову, положил руку на плечо. — Да разве до Ленинграда доберешься нынче? Блокада же.

— Да я знаю, я знаю... — заторопился Гаврилов. И все-таки не выдержал — всхлипнул. — Мне бы только до Ладоги. Там я у военных попросился бы. Объяснил все. Они бы меня взяли! Они бы мне помогли!

— Вон ты какой... — удивился машинист. — Говоришь, надо очень. Глаза у тебя честные. Прямо глядишь. Наверно, надо. А то ведь время такое — кто только не шастает. Кто с добром, а кто и по злему делу.

Машинист говорил ласково, с участием, и Гаврилов решил: «Если спросит, зачем в Ленинград, — расскажу ему все». Но машинист не спросил, а сказал только:

— У меня-то, паря, в Пермь ездка — в другую сторону. Не то подбросил бы тебя до Котласа. Мы-то, пермяки, до Котласа водим. Там смена. Прямоком никто не идет. Да и заберет тебя милиция, паря, заберет...

Он снял свою фуражку, в раздумье почесал козырьком голову, словно что-то вспоминая.

— Нет, не припомню, кто на Котлас ведет сегодня. Не припомню... Да ты иди к сортировке, — машинист показал рукой, куда следовало идти Гаврилову, — там наши, верещагинские, формируют. Поспрошай, кто на Котлас. Если туго будет, скажи: Долгих послал, Трофим Игнатьич. Иди, иди, паря. Не робей. А мне на Пермь. Спешу.

Гаврилов с сожалением смотрел, как удалялся машинист, подтянутый, стройный. Только правую ногу чуть приволакивал. «Эх, невезуха, — подумал Гаврилов, — ну почему не он в сторону Котласа?! Уж он-то помог бы мне...»

Резкий гудок заставил его вздрогнуть.

Сквозняком, не останавливаясь на станции, не сбавляя хода, шел эшелон. С грохотом пронеслись мимо

платформы с танками, теплушки с солдатами, вырвалась из окон и тут же оборвалась, растворилась в грохоте лихая песня. Эшелон промчался, оставив за собой легкий запах гари и мазута. «Вот бы мне к солдатам», — вздохнул Гаврилов и побрел к сортировке, куда указал ему машинист Долгих.

Взял Гаврилова с собой на паровоз седой, горбатый дед. «Дядей Лешей зови», — сказал он, когда Гаврилов спросил его имя и отчество. На вид дядя Леша был угрюм и диковат. И глаза жгучие, злые. Когда Гаврилов окликнул его, стоя у паровоза, то в первый момент решил, что этот горбун или обругает его, или даже побьет. Но горбун не побил и не обругал. Услышав про Долгих, он буркнул:

— Возьму до Кирова. Только на шаньги не рассчитывай. Жрать нечего. Калигу вареную с Прошкой вон едим.

— И то! — Из будки высунулась молодая чумазая личность. — Чем калижка не еда? Цинготить не будешь!...

— Да у меня есть сухари, — не веря еще в удачу, обрадованно сказал Гаврилов.

Словно зачарованный, смотрел он, как кидает кочегар Прошка колотые метровые поленья в топку, прислушивался к гудению огня, разглядывал приборы. Дядя Леша посадил его в углу на откидную железную скамеечку, и Гаврилов, съевшись, чтобы занимать как можно меньше места, забыв про бессонную ночь, про все волнения, сидел счастливый оттого, что несется вперед на этом огромном, гудящем паровозе... Он рассказал дяде Леше и Прошке, что хочет добраться до Ленинграда.

— К мамке? — так же, как и Долгих, спросил его Прошка.

Гаврилов насупился и сказал:

— Умерла мама... Погибла.

— От голода? — участливо спросил Прошка и хотел о чем-то еще спросить, но дядя Леша одернул его:

— Отчего да почему! Привязался к мальцу, как репей. Дровишки лучше кидай. Да пошуруй в топке.

Гаврилов, не чувствуя усталости, смотрел и смотрел на проносившиеся мимо леса, на деревеньки, то освещенные ярким солнцем, то в пелене мокрого осеннего снега. Прошка молчал, не донимал больше разговора-

ми, дядя Леша тоже молчал, внимательно глядя вперед. И вдруг Гаврилов почувствовал, что не сможет не рассказать этим людям, зачем так стремится он в Ленинград.

...Он рассказал им о Егупине во время стоянки на какой-то маленькой станции. Об одном только умолчал — о том, что в кармане у него, аккуратно завернутая в тряпочку, лежит самодельная, из плоского напильника выточенная финочка.

— Так тебе-то зачем туда ехать? — удивился Прощка. — В Кирове надо в милицию пойти. Этого Егупина сразу к стенке поставят. Чего же ты молчал?

— Я не молчал, — ответил Гаврилов. — Я и в Ленинграде в милиции был. Тогда не смогли дознаться. А потом к нему с обыском приходили. Он хитрый. Вывернулся. Я знал, догадывался, что он ракетчик. А как докажешь? Потом он меня убить хотел... — Гаврилов замолчал, не в силах справиться с волнением. — А меня нашли и эвакуировали. Без сознания почти месяц был... Следователю рассказывал — не поверил. Я знаю. Только соглашался, чтобы не обидеть.

— Да, может, его там уже сцапали, — не сдавался Прощка. — И кокнули, как немецкого шпиона! А ты и знать не знаешь.

— Не знают же, что он ракетчик. И что убийца — тоже не знают. А других его подлостей им, видать, мало... До них никому дела нет, — с горечью сказал Гаврилов. — Иначе давно бы забрали. А он на свободе... Я вот доберусь домой, одного товарища разыщу там, если он жив. Мы с ним вместе...

— А что, товарищ твой, — спросил горбатый дядя Леша, внимательно прислушивавшийся к разговору Гаврилова с Прохором, — в Питере остался?

— Да, — кивнул Гаврилов. — Только он однажды с завода не вернулся. Наверно, на передовую послали, прямо там танки ремонтировать... Вот мы и потерялись. Если бы он не уехал, мы бы...

— Он, значит, взрослый, твой друг-то? — перебил Гаврилова дядя Леша. И, не расслышав ответа, нетерпеливо прикрикнул: — Да громче ты, громче говори. Не слышно!

— Ну да, взрослый. Старый уже, — повысил голос Гаврилов. — Пятьдесят лет ему было, как война началась. Двадцать второго июня.

— Совсем старик, значит, — усмехнулся машинист, и Гаврилов увидел, что лицо у него совсем не злое, как ему показалось сначала, а просто перекошенное каким-то недугом и все в мелких морщинках. И глаза не злые, а просто усталые.

— Но он такой сильный, сильнее его трудно найти, — сказал Гаврилов. — И лучший токарь. На ДИПе работал. Вот если бы он... Если бы найти мне его...

— Его, его ты и ищи, — согласился машинист, озабоченно поглядывая вперед. — Ищи дядю Васю. На завод сходи. Не найдешь — в милицию иди. Не ходи один к этому Иудину.

— Егупину, — поправил Гаврилов.

— Егупину, — согласился машинист. — Не ходи к Егунину. Ненависти в тебе много. Дрожишь вон весь, как больной. А у больного туман в глазах, видеть мешает. Слепому ненависть — беда.

— Да нельзя ему в Ленинград, дядя Леша, нельзя, — вдруг, словно поняв что-то очень важное для себя, испуганно сказал Прохор. — Он же там наделает делов... Пойдем в Кирове вместе в милицию. Объясним, что к чему, а?

— Да, — вздохнул дядя Леша и долго молчал, время от времени высываясь в окошко, поглядывая вперед.

Гаврилов с тревогой следил за ним. А вдруг отведут они его в милицию? И опять все сначала. Детприемник, детдом... Опять бежать...

— Пускай едет, — наконец сказал машинист. — Не то и жисть не в жисть, одна маета будет. Душа изболится. Я по себе знаю. Так человек и сгореть может. Пускай правду ищет, пускай Иудина ищет... Только не дурит. Без людей ты, Петушок, ничего не сделаешь — глупости одни. Ты к людям иди. К дяде Василию иди, в милицию иди. Если Иудин твой на свободе еще, значит, есть какая-то закавыка. Вот ты узелок и развяжешь... Ты, Петушок, адресок нам с Прошкой напиши. Может, когда погостевать у тебя доведется.

В Кирове они были ночью. На паровоз поднялась новая бригада. Гаврилов так хотел спать, что не разглядел никого хорошенько. Только смотрел с тревогой, как о чем-то говорил тихо дядя Леша с новым машинистом, таким же стариком, как и он сам. Говорили они довольно долго, время от времени поглядывая на Гав-

рилова, и тогда у него замирало сердце. Сейчас скажут: «Выметайся!» Но, видать, переговоры закончились успешно. Дядя Леша попрощался со сменщиком, пошел к Гаврилову.

— До Котласа берут. Там опять переменка. Чего ни-то придумают. Бывай, Петушок! С людьми действуй. — Он крепко пожал Гаврилову руку и, спустившись с паровоза, пропал во тьме.

В Котласе Гаврилова отвели на другой паровоз. Опять машинисты долго беседовали вполголоса, и опять все кончилось хорошо. Только, пока стояли в Вологде, молодой улыбчивый машинист ушел и через полчаса вернулся с милиционером.

Это было всего четыре года назад, а Гаврилову казалось, что полжизни прошло. Полжизни. И вот вторая попытка.

Времени у Гаврилова было много — целые сутки. А дело только одно. И совсем недолгое. Он мог бы пройтись по городу, в котором не был уже так давно, заглянуть к друзьям. Хотя кто знает, что с ними стало. Можно было бы, по крайней мере, хоть узнать, живы ли они. Но Гаврилов не мог ничего этого сделать. Он не мог ни на шаг отклониться от прямой, которая именовалась Десятой линией и вела его с набережной Лейтенанта Шмидта к большому черно-серому дому на углу Среднего проспекта.

Не оглядываясь, он перешел по брусчатке дорогу, цокая подковами начищенных до блеска ботинок, и медленно пошагал по плитняку Десятой линии.

Если бы Гаврилов не был так сосредоточен, он обратил бы внимание на яркое солнце, на мелкую пенистую волну на Неве, на роту курсантов-фрунзенцев, что шли по брусчатке набережной, лихо распевая: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе гореваты!..» Он обратил бы внимание на девушку, которая чуть замедлила шаг, разглядывая тральщик, и которую он чуть не задел плечом. Девушка проводила Гаврилова долгим заинтересованным взглядом. То ли этот высокий стройный матрос с русым вихром, торчащим из-под бескозырки, показался ей очень симпатичным, то ли она хотела у него что-то спросить, да не спросила, испугавшись его отчужденного вида.

В это время капитан-лейтенант стоял на мостике вместе со старшим помощником и смотрел, как расходились с тральщика отпущенные в увольнение. Старпом, совсем молодой лейтенант, заметил девочку в красном беретике, глазевшую на тральщик, и кивнул на нее капитан-лейтенанту:

— Смотри, кеп, какая курочка!

Как раз в это время Гаврилов чуть не столкнулся с девушкой. Девушка обернулась, проводив Гаврилова долгим взглядом, и старпом сказал:

— Ну оглянись же! Оглянись, юнга! Она же к тебе глазами прилипла...

Но Гаврилов не оглянулся, и старпом с сожалением махнул рукой, сказав:

— Мрачный все же парень этот Гаврилов... Такую девочку пропустил!

— Таких бы мрачных побольше в команду, — ответил капитан-лейтенант. — Мне бы и черт не брат был! — Потом вздохнул, глядя, как Гаврилов скрылся за домом, и сказал: — Но есть у парня что-то на сердце. Грызет его что-то, это я тебе, лейтенант, точно скажу...

Переходя через Большой проспект, Гаврилов чуть не шагнул под машину. Шофер «эмки» притормозил и показал ему кулак, крикнул что-то. Что — Гаврилов не расслышал. Но, видимо, это было что-то смешное и обидное — две девочки, шедшие ему навстречу, прыснули и внимательно посмотрели на него. Гаврилов словно очнулся и увидел вдруг зеленый проспект, по которому шли люди, неслись гремящие трамваи...

Огромная, столетняя, наверное, осина росла все там же, на углу Большого и Десятой. В сорок втором каждый раз, проходя мимо этой осины, Гаврилов думал о том, сколько дров можно было бы наготовить из нее. «Вот бы попал снаряд ей прямо под корень, — мечтал он. — Летают же они всюду». В марте сорок второго снаряд угодил прямо под часы на углу Большого и Десятой линии, разворотив весь асфальт и вырыв огромную яму. «Нет бы ему в осину угодить...» — сердился тогда Гаврилов.

Сейчас под осиною стояла скамейка. На одном ее конце, облокотившись на клюку, сидела совсем ветхая,

сгорбленная старушка. «И мне посидеть, что ли? — подумал Гаврилов. — Времени-то еще впереди много. Да и Егупин с работы, наверное, приходит не раньше шести...»

Он окинул взглядом бульвар и, пройдя мимо бледной, худенькой девочки, игравшей в песке, опустился на скамейку. Старушка подняла голову, посмотрела на Гаврилова и поклонилась слегка. Гаврилов сказал: «Здравствуйте», — и почему-то смутился. «Может, какая знакомая? Узнала?» Но припомнить старушку не смог.

На Большом было довольно тихо. Только время от времени гремели старенькие трамваи. Гаврилов отметил: «пятерку» по старому маршруту пустили... Шли люди по своим делам, изредка прогуливались балтийцы, ведя под руку девчат. Но не было той веселой, шумной толпы, что текла под густыми кронами Большого проспекта до войны. И совсем непривычно мало было детей.

На земле лежали палые листья — желтые, красные. «А ведь уже осень, — подумал Гаврилов, — скоро сентябрь». Но погода была теплая, солнечная. Яркое голубое небо совсем не походило на осеннее.

— Вот какая погода стоит чуждая, — сказала вдруг старушка, обращаясь к Гаврилову, — просто благодать.

Гаврилов от неожиданности вздрогнул, обернулся.

— У вас-то на море, наверное, все ветер да волны? Пароходы качает?

— Да не всегда, — улыбнулся Гаврилов. Его позабавило, что старушка сказала «пароходы». Совсем как лихой боцман.

— Какое счастье жить спокойно! — продолжала старушка, глядя на Гаврилова очень внимательно и почему-то с участием. — Жить, когда не воет сирена и не везут на кладбище эти страшные саночки... Столько — словно умерли уже все...

«Блокадница, — думал Гаврилов, глядя на старушку. — Но выжила. И как это она вынесла? Такая старая. А бабушка Анастасия не вынесла...»

— ...Но главное — холод. Я так, наверное, и не согреюсь... А люди добрее стали.

Старушка все говорила и говорила... Гаврилов ки-

вал головой. Его смущал участливый тон старушки и пристальный, цепкий взгляд.

— У меня соседка по квартире такая была неприятная дама. Грубая, подозрительная, настоящая моветон, и, вы знаете, чай приглашает меня пить. С сахаром! А раньше не здоровалась... Да что и говорить — блокадники пленных фашистов кормят, папиросы кидают — тем, что дома восстанавливают. Я сама видела... Добрые люди у нас, добрые...

«Да, добрые, — подумал Гаврилов, — но уж если сволочь попадется, то это такая сволочь...» Сердце его застучало быстрее. Он снова ощутил тяжесть пистолета в кармане.

Здесь, на углу Большого и Десятой, Гаврилов уловил легкий аромат табака. Табачная фабрика имени Урицкого находилась рядом с его домом — к одной из стен внутреннего двора примыкало здание самой фабрики, к другой — фабричный двор. Прямо на крыше фабрики стояли во время войны зенитки. Стреляли они гулко и часто, а осколки сыпались, как горох, по крыше, падали даже во двор-колодец. Первое время мальчишки собирали эти осколки и хвастались друг перед другом, кто собрал больше. Потом на эти осколки уже никто не обращал внимания: одних мальчишек эвакуировали, другие умерли, а оставшимся было не до осколков.

С августа Гаврилов часто дежурил с соседом Василием Ивановичем на крыше — тушил зажигалки. Мать уже не требовала, чтобы он по каждой тревоге бегал в бомбоубежище — иногда за ночь было по десять-двенадцать тревог. Да потом они с матерью видели однажды, как на Среднем раскапывали подвал обрушенного бомбой дома, — живых там не осталось никого...

К тому же почти всю осень мать была на окопах. Иногда вырывалась на несколько часов. Привозила картошки, овощей. Мылась в ванной. Брала смену чистого белья и уезжала снова.

...Крыша была без всяких ограждений, в меру покатая, но Гаврилов не боялся. Боязнь высоты прошла у него как-то сама собой. Он даже не успел этому удивиться. А раньше боялся ездить в лифте и смотреть в пролет лестницы. С Василием Ивановичем ему всег-

да было спокойно, даже когда крышу пробила первая зажигалка и Гаврилов опрокинул на нее ящик с песком.

Чаще всего они дежурили вечером и ночью, когда Василий Иванович приходил с работы. Днем дежурили другие соседи — Зойкина мать, учительница Валентина Петровна. В короткие перерывы между окопами дежурила мать Гаврилова. Не дежурил только Егупин. Гаврилов слышал, как однажды он сказал управдому Антонине (так ее звали все, словно отчества у этой полной веселой женщины никогда и не было), что у него кружится голова.

С крыши было далеко видно. Вблизи — только крыши, крыши... Лес труб. Гаврилов раньше никогда и не подозревал, что так много высоких печных труб торчит над городом. Дальше — купола и колокольни соборов. Посеревшие Исаакий и Петропавловка.

Когда не было налета или стрельба шла где-то в стороне, они сидели с Василием Ивановичем на проржавевшей железной скамеечке между двух труб, постелив на нее кусок старого половика. Когда в дело вступали зенитки с фабрики, они пролезали через слуховое окно на чердак и сидели на красивом, но без ножек, обитом ярким шелком диване с завитушками. Осколки гремели по крыше, заглушая прерывистый гул немецких самолетов.

Гаврилов видел с крыши, как горели американские горы и Народный дом на Петроградской, стадион Ленина...

Сейчас ему не вспомнить было всех подробностей — вроде бы и небольшой срок, всего четыре года прошло с той страшной блокадной поры, но многое забылось, стерлось в памяти. И как начались эти пожары, и откуда летели самолеты. Он помнил только зарево вполнеба, запах гари в воздухе и щемящее чувство тоски и незащищенности.

И другие события со временем как-то поблекли в памяти Гаврилова. Он многого не мог вспомнить, как ни старался. Например, как умерла Валентина Петровна, как увезли ее дочь Зойку. «Наверное, в то время, когда я сам болел?» — думал Гаврилов. Чудовищные провалы образовались в его памяти. «Может, все это так и надо — забыть жестокие подробности, иначе они никогда не дадут покоя», — думал Гаврилов,

А почему же тогда он помнит и не забудет никогда Егупина?

Но что бы ни случилось с его памятью, сквозь общую тупую боль воспоминаний о том годе, как о чем-то жестоком и тяжелом, в нем жили, никогда не тускнея, картины, связанные с самым больным и самым радостным.

И эта картина: в одно из первых своих ночных дежурств он увидел, как, рассекая тьму, тянутся к вражеским самолетам цепочки ракет. Он инстинктом почувствовал, что это за ракеты, еще не смея подумать о том, какая большая подлость совершается сейчас на его глазах в небе родного города.

— Дядя Вася! Дядя Вася! — закричал Гаврилов и схватил за руку Василия Ивановича. Схватил и почувствовал, какая твердая и бугристая стала у того рука.

— Молчи, сынок, молчи! — сказал Василий Иванович, и Гаврилов поразился, как это он может говорить так спокойно. Не кричит, не зовет его бежать туда, откуда тянутся к небу эти предательские цепочки.

Его сердце готово было разорваться. Неимоверный, невыносимый гнев душил его.

— Сволочи, гады! — закричал Гаврилов. — Сволочи, гады!.. — Он порывался бежать. Скорее, скорее туда! Попадись ему в руки сейчас этот ракетчик, он. бил бы, бил, бил!..

Гаврилов и раньше слышал про ракетчиков и шпионов, слышал о парашютистах, переодетых красноармейцами. Но он еще ни разу не видел, как они действуют.

Василий Иванович не успокаивал его. Только обнял и прижал своею сильной рукой к груди.

Потом они долго сидели молча, вглядываясь в ночную темень, следя за тем, как далеко-далеко в стороне залива, наверное у Кронштадта, метались неясные всполохи — не то прожекторы шарили по небу, не то стреляли.

Наконец Гаврилов спросил, все еще не в силах успокоиться:

— Что ж это, ракеты все шпионы пускают, диверсанты?

— И диверсанты, наверное, есть, да только мало, —

ответил Василий Иванович. — Им в город пробраться трудно. А вот предатели еще встречаются.

Налет закончился. Они сидели на своей скамеечке в крошечной тьме затемненного города. Ветер гнал с залива низкие рваные облака. Они наплывали на город, то затягивали все небо, то вдруг размыкались, и в просвет тревожно светили одна-две ярких звезды. Было тихо. Лишь время от времени на Среднем проспекте скрипел на повороте запоздавший трамвай да слышались голоса дежуривших на фабрике зенитчиков.

— Затаившихся гадов-то осталось еще немало, — сказал после долгого молчания Василий Иванович. — Недобитки из лавочников да троцкисты-перевертыши... Ну и шпионы, конечно. К нам на завод приезжал начальник один из Смольного. Рассказывал. Поймали недавно ракетчика — так он двадцать лет в одном институте проработал и всегда лучшим конструктором считался, — он вздохнул тяжело. — И наших-то соседей не зря из города выслали. Они-то, конечно, хорошие люди, да время суровое, все вперед не предугадаешь. Когда нас немец со всех сторон жмет, несподручно еще в доме немца иметь... Риск большой. А война пройдет — разберемся.

— Когда она пройдет... — грустно прошептал Гаврилов.

— Пройдет, Петруша. Закончится. — Он снова обнял Гаврилова. — И города нашего фрицам не видать. Если бы могли они, давно его взяли. — Он помолчал несколько секунд и добавил тихо: — И если бы мы способны были его сдать, то давно уж сдали... А мы не способны, не в нашем это характере! Правда, Петруша?

— Правда, — ответил Гаврилов и подумал, успокаиваясь: «А этих ракетчиков все равно переловим...»

Кроме Гавриловых, чья маленькая комнатка, бывшая людская, дверью выходила прямо на кухню, черным ходом пользовался только Василий Иванович Новиков, работавший на Кировском заводе. Его холостяцкая комната тоже была рядом с кухней, и он тоже предпочитал ходить черным ходом. Гаврилов привык встречать его с работы, выскакивал на кухню, едва заслышав, как на пятом этаже негромко хлопала дверца лифта. Всегда, кроме тех дней, когда получал «неуд». В такие дни он не выходил на кухню. Знал,

что Василий Иванович непременно спросит про отметки.

Василий Иванович, не обнаружив Гаврилова в кухне, громко вздыхал: «Опять неудачный день!» — и называл Гаврилова не по имени, а по фамилии. Повесив между дверьми свою брезентуху и тщательно, с пемзой отмывая большие костистые руки, он громогласно корил Гаврилова:

— Подводишь рабочий класс, Гаврилов. Небось по арифметике «неуд»? А еще за ДИП хочешь стать! Как же перегонять буржуев будешь? Даже детали сосчитать не сможешь? Стыд! Сколько я тебе говорил: неученье — мрак! Вот и сиди во мраке.

Гаврилов грустно стоял за дверью и, слушая Василия Ивановича, тяжело вздыхал. К «неудам» он относился спокойно — было стыдно только, что это огорчало Василия Ивановича. А работать на ДИПе с ним рядом было заветной мечтой Гаврилова. Василий Иванович давно уже посвятил Гаврилова в рабочие дела, рассказал о своем станке, который назывался «Догнать и перегнать», сокращенно ДИП.

Выходила в кухню Анастасия Михайловна и ласково здоровалась с Василием Ивановичем.

— Гаврилов-то опять подвел! — как последнюю новость, сообщал ей Василий Иванович. — Опять у него неудачный день — по арифметике «неуд». Сопит за дверью. Глаз не кажет.

Анастасия Михайловна сокрушалась неподдельно, хотя уже давно, как только Гаврилов пришел из школы, догадывалась про этот «неуд».

— А у нас такой случай в цеху сегодня произошел, — нарочито громко говорил Василий Иванович, — такой случай... Я вот приду к тебе, Анастасия Михайловна, вечером чайку погонять — расскажу... Удивлю тебя. Ох, удивлю!..

Это было для Гаврилова самым обидным. Опять будет сидеть один в своей комнате, пока не придет с вечернего дежурства мать или Василий Иванович не отойдет, не отмякнет и не зайдет на минутку, словно бы только за тем, чтобы спросить, все еще строго, сделаны ли уроки.

Зато в обычный, удачный день Гаврилов встречал Василия Ивановича в кухне и, усевшись на старенькой, хлипкой табуретке, выслушивал новости, которых у Ва-

сия Иванаовича было всегда много. У них в цехе всегда случалось что-нибудь удивительное.

Гаврилов любил смотреть, как неторопливо, обстоятельно расстегивал Василий Иванович толстую потрепанную полевую сумку, вынимал бутылку, в которой брал на завод молоко, разворачивал недоеденный бутерброд и аккуратно складывал промаслившиеся листки бумаги. Вынимал заводскую многотиражку и, разгладив, откладывал в сторону, говоря при этом:

— Изучим на досуге. Да, Петруша?

Разобрав сумку, он вешал ее на гвоздик около маленького кухонного столика и, взяв мыло и пемзу, начинал старательно отмывать руки. Гаврилову нравился запах металла и машинного масла и чего-то еще непонятного, но явно заводского, запах, которым был пропитан весь Василий Иванович, — его одежда, полевая сумка, бутерброды, побывавшие на заводе.

— Прибавил сегодня я скорость на своем норовистом, — рассказывал Василий Иванович. Он всегда говорил о своем станке как о существе, и это настолько соответствовало представлению Гаврилова, что ему по ночам иногда снился ДИП, большой, веселый, чем-то похожий на Василия Ивановича. — Прибавил прилично. Слушаю — ничего. Тянет. Борозды не портит... А что? Чем мы хуже Гудова? Путиловцы отставать не привычны... Правда, Петруша? — Василий Иванович подмигнул Гаврилову.

Про Гудова, московского стахановца, Василий Иванович рассказывал ему не раз. Даже читал письма, которые писал Гудову, и его ответы.

— Сегодня сам товарищ директор приходил посмотреть на моего коня. Час стоял — рта не открыл: присматривался, прислушивался. А потом сказал мне: «Ты, Василий Иванович, хоть и за станком стоишь, большую политику делаешь, в самое «яблочко» бьешь. Ворошиловский стрелок. Время сейчас такое — спешить нам надо. И станки заставить спешить». Вот, Петруша, что сказал мне директор. Поручался и пошел. Да разве я и сам не чую, что спешить надо?

От Василия Ивановича всегда веяло добродушием и спокойной силой. Все шли к нему за советом, за помощью, когда требовалось чего-то добиться от домоуправа — ремонта, ордера на дрова... С его появлением пре-

крашались обычные ссоры на кухне. Дядя Вася был ровен со всеми, никому не отказывался помочь, не считал за труд починить керосинку или примус.

В июле сорок первого года из квартиры уехали Крамеры, Алька Крамер уехал, лучший друг Гаврилова. Уехали поспешно, в двадцать четыре часа, ни с кем даже не попрощались толком, не поговорили. Гаврилова в эти дни и вообще не было в городе. Он доживал последние дни на даче под Сиверской, а когда вернулся, в комнате Крамеров уже обосновался новый жилец — Илья Дорофеевич Егупин.

— Повезло нам с жильцом, — сказала мать, — тихий, спокойный. Будто и нет его...

Но Гаврилову Егупин не понравился. Может, оттого, что въехал в комнату Крамеров, где Гаврилов был всегда как дома, а теперь эта комната стала чужой и недоступной. А может быть, потому, что голос у Егупина был какой-то уж очень противный. Бесчувственный. Гаврилову хотелось убежать, когда Егупин при встрече с ним выговаривал словно бы через силу: «Здравствуй, детка!»

Но в общем-то вселение Егупина не вызвало особых перемен в большой и шумной квартире. Дома он бывал мало. На кухне почти не готовил: изредка вскипятит чайник — и тут же в свою комнату. От матери Гаврилов слышал, что Егупин сам из Луги. Не то торговал там в керосиновой лавке, не то заведовал складом. Когда немцы подходили к Луге, он уехал чуть ли не последней машиной в Ленинград. Гаврилову не очень-то верилось, что такой большой, степенный человек с густой шевелюрой красивых седых волос мог торговать в лавке керосином. Вот на профессора он был похож. Тихий, вкрадчивый. Только что-то жабье было в чертах его лица. Да еще глаза — один смотрит прямо на тебя, другой — куда-то в сторону. Продавец керосина, по мнению Гаврилова, должен быть крикливым, разбитым ухарем вроде того, что привозил керосин в огромной бочке в деревню, где Гаврилов проводил лето у тетки. Останавливая свою колымагу на прогоне, он доставал трубу и долго дудел в нее, а потом кричал, распугивая любопытных кур:

— Ки-ро-син, ки-ро-син, запасай керосин!

Вот это был настоящий торговец керосином — веселый, острый на язык, всегда чуточку пьяный.

Как-то в начале сентября, когда мать была на окопах, Гаврилов играл с мальчишками в футбол и потерял ключ от квартиры, от черного хода. В квартире в это время обычно никого не бывало. Даже Анастасия Михайловна, несмотря на годы, пошла теперь работать в госпиталь, который разместился на Девятой линии, в двадцать седьмой школе. Там, где раньше учился Гаврилов.

Гаврилов пошел разыскивать Зойку, дочку Валентины Петровны. Зойка обычно торчала у своей подружки из тринадцатой квартиры.

Зойкин ключ был от парадного входа. Когда Гаврилов вставлял ключ в замочную скважину, в квартире что-то грохнуло. «Ну вот, — с досадой подумал Гаврилов, — зря к Зойке бегал — дома кто-то есть». Он открыл дверь и, не включая света, пошел по коридору. Коридор всегда был заставлен всяким хламом. А когда выселили из Ленинграда Альку с родителями — Гаврилов раньше и понятия не имел, что они немцы, — добавилось три огромных опечатанных шкафа с имуществом и книгами Крамеров. В спешке они мало что смогли забрать с собой.

Гаврилов мог пройти по коридору и с завязанными глазами — немало было поиграно здесь в прятки. Но на этот раз налетел на поваленный стул и больно ушиб ногу. Когда он включил свет, то первое, что бросилось ему в глаза, — растворенные дверцы крамеровского шкафа, разрытое белье на полках.

Гаврилов подумал сначала, что Крамеры вернулись, и постучал в их дверь, туда, где жил теперь Егупин. Но никто не ответил.

— Алька! — крикнул на всякий случай Гаврилов. — Алька, это я, Гаврилов!..

За дверью было тихо, но Гаврилову вдруг почудилось, что там кто-то дышит. Тяжело и прерывисто. Дышит совсем рядом. Гаврилов решил заглянуть в замочную скважину, но в нее ничего не было видно. Мешал ключ, вставленный с внутренней стороны.

Гаврилов испугался: «А может быть, воры? А что, если догадаются, что он один в квартире, и выйдут?» Затаив дыхание, на цыпочках он прошел к черному ходу, осторожно повернул затвор французского замка,

тихонько прикрыл за собой дверь и припустился вниз по лестнице.

На улице было светло и не страшно. Теперь надо было что-то предпринять. Сначала у Гаврилова была мысль побежать в милицию. Но здесь, на людной улице, эта мысль показалась нелепой. «Что я скажу в милиции? Что за дверью кто-то дышал? А может быть, не дышал? Засмеют. В такое время, скажут, на пустяки отвлекаешь. Значит, надо дожидаться кого-то из своих. Первыми придут Анастасия Михайловна и Василий Иванович. А может быть, Егупин. Он всегда уходит и приходит в самое разное время».

Гаврилов перешел на Одиннадцатую линию и сел на скамеечке, как раз напротив своего дома. «Надо Зойку предупредить. А то начнет звонить...» — подумал Гаврилов и обомлел: из парадного вышел Егупин и, оглядевшись по сторонам, неторопливо двинулся к Среднему проспекту: «Так вот кто там дышал за дверью! — изумился Гаврилов. — Вот кто опечатанный шкаф открыл и рылся в нем! Ну и ну!..»

Как только пришел с работы Василий Иванович, Гаврилов рассказал ему все. Тот молча прошел в коридор и осмотрел шкафы: с двух были сорваны печати.

— Ничего, Петруша, разберемся, — сухо, сквозь зубы сказал Василий Иванович. — Разберемся.

— Ох и подлец же этот Егупин! — Василий Иванович все никак не мог успокоиться, все ходил по просторной комнате Анастасии Михайловны, размахивал руками.

Гаврилов сидел в глубоком кресле, разглядывая подшивку «Красного следопыта», прислушивался к тому, что говорил Василий Иванович: всегда спокойного, ровного Василия Ивановича сегодня нельзя было узнать.

— Он мне предложил разделить все добро Крамеров! Представляете? Сначала отпирался: «В шкафы я не лазил, — а потом говорит: — Ну что вы горячитесь, товарищ Новиков, кто теперь про это добро вспомнит. Крамеров небось уже в расход пустили, они не вернутся... А милиция скоро от голодухи передохнет, туда ей и дорога!..»

— Что ж ты ему сказал, Василий Иванович? — совсем тихо спросила Анастасия Михайловна.

— Что сказал?.. Я ему сказал все, что думаю. Своими руками задушил бы...

— Дядя Вася, а он, Егупин, — вор, значит? — спросил Гаврилов.

— Кто ж его знает, — пожал плечами Василий Иванович, присаживаясь наконец к столу, — знакомы-то мы без году неделю... На физиономии ведь не написано. Одно скажу, Петруша, не вешай носа! Мы из этого Егупина душу вытрясем, колобродить не дадим!.. Да, темный человечиска. Подлый! — Василий Иванович снова вскипел. Ему не сиделось. Он вскочил со стула и заходил по комнате. — Это ж надо! Такое сказать мне!..

— Может, он от жадности! — робко вставила Анастасия Михайловна.

— В шкафы-то полез? От жадности, от жадности, — как-то странно усмехнулся Василий Иванович. — Да ведь жадность далеко завести может. Ох, далеко!.. Жадный — он и отца родного за копейку продаст. Из таких жадных предатели получаются.

— Да, — горько вздохнула Анастасия Михайловна, поджав губы. — Прав ты, батюшка. Из таких ироды, хриstopродавцы получаются... — И, обратясь к Гаврилову, сказала: — В человеке ведь что, Петруша, главное? Совесть. Есть совесть и человек есть. Нет совести — и нет человека...

— Совесть, кабы одна совесть! Иной всю жизнь совестится, а толку от него... — Василий Иванович не договорил, махнул рукой и тяжело сел на стул.

Некоторое время они сидели молча.

— Нет на свете человека более жалкого, чем предатель, — нарушила молчание Анастасия Михайловна. — Всем-то он мерзок — и даже хозяевам своим. И себе самому...

— Эх, Анастасеюшка, добрая душа, — вдруг встрепенулся Василий Иванович. — Ты все по библии. Да что ж, их жалеть, что ли?

— Да уж жалеть-то незачем, — в тон Василию Ивановичу ответила Анастасия Михайловна. — Они и богом прокляты и людьми. И сами себя проклянут, придет время.

Она встала из-за стола и подошла к маленькому столику, что стоял рядом с ее креслом. На столике лежала

небольшая книжка в коричневом переплете с золотым тиснением. Анастасия Михайловна взяла книжку и вернулась к столу.

— Вот читаю я, — сказала старуха, — не только библию. Попалось мне тут одно местечко у Гоголя Николая Васильевича...

Она долго листала страницы, ища что-то. Наконец нашла. Стала читать:

— «Но у последнего подлюжки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; проснется оно когда-нибудь, — и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело». — Она дочитала и посмотрела на Василия Ивановича строго. Словно хотела спросить: «Ну как?»

— Как же, схватится он за голову, дожидайся! — проворчал Василий Иванович. — Когда петлю на шею наденут — тогда схватится.

— Дядя Вася, а немцы уже Мгу взяли. И Сиверскую. А там наши тети... — сказал Гаврилов.

— Да, Петруша, взяли...

— А мама вчера приезжала из Колпина — они там окопы копают, рассказывала: немцы совсем рядом.

— Ничего, Петруша. Мы еще им покажем... — хмуро сказал Василий Иванович. — За всю нашу скорбь-печаль получают сполна...

Василий Иванович говорил с ним серьезно, как со взрослым, и Гаврилов понимал это, чувствовал. И становилось на душе у него поспокойнее, словно знал он — пока дядя Вася жив, пока он рядом, они переживут любые трудности, любые обстрелы и бомбежки. Вон бабушка Анастасия Михайловна, сама себе голова, а Гаврилову говорила: «На таких, как Вася наш, земля устроена. Он без суеты человек — поэтому доброта в нем большая». Гаврилов не понимал только, какая связь между добротой и суетой. Вот Валентина Петровна, Зойкина мать, уж какая добрая и хорошая, а как суетится всегда?! Да и суета у нее, Гаврилов был твердо в этом уверен, от доброты, от желания всем сделать доброе.

— А города ему не видать, — продолжал Василий Иванович, — земля наша советская велика. Без подмо-

ги не оставит. Да и мы не лыком шиты! И хворь и маету одолеем — еще покажем себя...

Он вынул из кармана газетку, разложил на столе. Разглядел и, чуть волнуясь, стал читать громко и твердо:

— «Воины Красной Армии, знайте, что ни бомбы, ни снаряды, никакие военные испытания и трудности не поколеблют нашей решимости сопротивляться, отвечать на удар ударом, не заставят нас забыть клятву: истребить врагов до последнего...» — Дядя Вася оторвался от газеты и кивнул Гаврилову. — Это мы, кировцы-старики, писали. Пусть знают наших! Как, Анастасия Михайловна?

Старуха посмотрела на Василия Ивановича задумчиво и на вопрос не ответила. Только кивнула, читай, дескать, дальше.

— «Пусть каждый из вас, — голос у Василия Ивановича чуть зазвенел, — высоко несет почетное звание советского воина, твердо и нерушимо выполняет свою священную обязанность — защищать Родину с оружием в руках. Ляжем костями, но преградим дорогу врагу. Мы никогда не были рабами и рабами никогда не будем. Умрем, но Ленинграда не отдадим!»

Василий Иванович кончил читать и снова взглянул на Анастасию Михайловну.

«Да, — подумал Гаврилов. — Что фашисты смогут против кировцев? Весь Ленинград стоит... Да балтийцы еще».

— Умно, батюшка, написано, умно, — сказала Анастасия Михайловна, — только я бы попроще сказала, посердечней. Время суровое — слова сердечного просят. Ну да и это, Василий Иванович, хорошо. Толково.

Василий Иванович кивнул:

— Хотелось как получше, но и торопились. Не ждет время-то! Что думали, то и написали. А слово, правду говоришь, Анастасия Михайловна, часом дороже хлеба человеку необходимо.

Они замолчали. Анастасия Михайловна достала чашки из буфета, поставила на стол пачку ванильных сухарей.

Василий Иванович покрутил удивленно головой:

— И сухарики у тебя! Ну и запаслива ты, Михайловна. Сто лет таких не едал!

— На всю голодуху не напасешься, — с сожалением сказала Анастасия Михайловна, — на всю зиму не наешься.

— Да уж, брюхо — злодей, старого добра не помнит.

Анастасия Михайловна ушла на кухню за чайником.

— Вот она, русская душа наша, сердце золотое, — сказал Василий Иванович Гаврилову. — Ее, Анастасеюшку нашу, поди, третья война да голодовки уму-разуму учат. Много научили. У нее и в мирное время на полках запасец круп был. Другая с такими запасами и не горевала. Много ли старухе надо? Да только не Анастасеюшка-Расеюшка. О всех скорбит. Всем помогает...

Пришла Анастасия Михайловна с чайником. Заварила земляничным листом. Сказала ласково:

— Вот, Петруша, листочки нынче собрала, а уж ягоды-то немцы вытоптали. Нечем мне вас и побаловать...

— Кабы одни ягоды... — буркнул Василий Иванович. — Нашла о чем жалеть...

— А в прошлом году столько грибов было, столько грибов! И все больше подосиновики. — Анастасия Михайловна разлила душистый чай по чашкам. — Недаром говорят, что такой урожай к войне.

— Ты уж скажешь, Анастасия Михайловна! — не согласился дядя Вася. — Не каждому поверью — вера. Мало ли что говорят! Одни: мальчиков много рождается — к войне. Другие: девочек много — тоже к войне.

Анастасия Михайловна усмехнулась грустно:

— И то, батюшка, болтают много. Только вот уж что я тебе точно скажу: когда девочек много родится — для народа хорошо. Матери рождаются. Здоровый народ, и здоровья ему еще прибавится. Это я точно знаю.

Василий Иванович махнул рукой.

— Ну-ну! Уж ты знаешь...

— Ты, Василий Иванович, не смейся. Я много знаю. Когда в деревне-то жила, так все ко мне советоваться ходили. Корову змея укусит — ко мне: «Помоги, Анастасия!» С мужиком поругается — ко мне! «Помири, Анастасия!» — Анастасия Михайловна умолкла, задумалась.

— А я вот все в городе, — сказал Василий Иванович, — все в дыму и в копоти. Для меня окалина лучше, чем сено, пахнет.

— Ну что ты, батюшка, — встрепенулась Анастасия Михайловна, — скажешь такое!

И дядя Вася словно смутился, махнул рукой:

— Да это я так, в шутку. Но поверишь ли — на неделю уеду в санаторий или в деревню — тянет назад! Не могу в тиши прохладиться. Вот когда вокруг все гудит да гремит — у меня и на душе спокойно. Ни одного отпуска еще не догулял до конца.

— А ко мне даже мужики советоваться приходили, — опять начала про свое Анастасия Михайловна, — когда сеять начинать, когда косить, где колодец ставить...

Гаврилов с удивлением слушал бабушку Анастасию. Вот она, оказывается, какая! Оттого что его любила такая мудрая старая женщина, у Гаврилова стало тепло на душе.

— Откуда же ты знала все это? — недоверчиво спросил Василий Иванович.

— От деда, от отца... Да я и сама соображала, ты что думаешь! — сказала Анастасия Михайловна. — В лес придешь — вроде и ветра нет, а лес сильно шумит — к дождю. Соль отсырела — опять к дождю — вот и хитрость вся. — Она улыбнулась. — Или вот зарницы летом полыхают часто — к урожаю. Если с вечера земля покроется росой — на завтра жарко будет. Летом много желтого листа — осень ранняя.

Василий Иванович смотрел на Анастасию Михайловну и восхищенно крутил головой:

— Ну ты и молодец, Анастасеюшка! Вот молодец! Тебе наркомом земледелия надо быть.

Анастасия Михайловна улыбалась застенчиво. Светилась вся. Видно, ей приятно было слышать эти слова от Василия Ивановича.

— Анастасия Михайловна, — вдруг вспомнил Гаврилов, — ну а колодец как же, где копать?

— Это, Петруша, в деревне почти каждый знает. Где по заре первый пар, туман первый, ляжет — там и копай колодец. Вода близко. Или вот росы сильные на водяных жилах...

Она опять замолчала, опечалилась. Сказала:

— Зима суровая будет нынче. Ох, суровая!.. Тяжелый год, морозный. Сколько рябины-то уродилось! Видели?..

Василий Иванович кивнул. Молча встал из-за стола.

— Спасибо за чай, Анастасеюшка. Пойду я. Завтра на работу рано.

И уже в дверях сказал с горечью:

— Эх, Егупин, Егупин!.. Неужто подлец законченный?!

В ту ночь Гаврилов долго не мог уснуть. Он лежал на своем диване, укутавшись в старенькое лоскутное одеяло, и никак не мог согреться, хотя на улице стояла теплынь. Кончался день 10 сентября, кончалось бабье лето. Какая-то серая, липкая тоска охватила его, такой холод жег его грудь. Егупин... Злой, недобрый человек, но ведь человек, с которым они живут под одной крышей, в одной квартире! Каждый день встречаются. Здороваются. Нет, Гаврилов не думал уже о том, что этот Егупин залез в чужие шкафы, хотел украсть... Егупин ждет, когда начнут умирать ленинградцы. И говорит так, как будто это доставит ему радость. Может быть, ему хочется, чтобы пришли немцы? Немцы, которые каждый день бомбят Ленинград и тоже очень хотят, чтобы умирали ленинградцы? Вот и сейчас в тишине притихшего города слышится тонкий прерывистый вой. Так воют их самолеты. Что же он там, Егупин, слушает и радуется?

Холодно. Так холодно было Гаврилову в ту сентябрьскую ночь, что казалось, уже никогда не согреться. И было жалко мать, которая сидит сейчас где-то у костра, недалеко от передовой, после тяжелой дневной работы; и Анастасию Михайловну, которая сейчас тоже, наверное, не спит в своей большой пустынной комнате, стена к стене с комнатой Егупина. Гаврилову хотелось плакать, но слез не было, словно все слезы высохли.

Гаврилов не был маменькиным сынком. В свои четырнадцать лет он видел и пьяные драки, зверские, бесчеловечные, и видел убийство. Гаврилов шел как-то по Среднему проспекту, когда вдруг раздался выстрел. В толпе прохожих возникло какое-то замешательство, два человека метнулись неожиданно в узенький Соловьевский переулок, а трое других кинулись за ними. Несколько любопытных тоже побежали в переулок, Гаврилов с ними. Когда первый из преследователей поравнялся с воротами, где скрылись двое, раздался еще выстрел... Мужчина упал, не охнув, словно бы споткнулся, и остался лежать неподвижно. Маленькая дырочка на лацкане светлого пиджака на глазах Гаврилова превра-

тилась в ржавое пятнышко, пятнышко набухало темной густой кровью, растекалось... Потом мимо притихшей толпы из подворотни вывели двух пойманных бандитов. Один шел спокойно, даже улыбался, глядя на толпу равнодушными глазами, а у другого было тупое, перекошенное от злобы лицо.

А когда началась война и город стали бомбить, Гаврилов видел с крыши цепочки ракет, взмывавших в небо, указывавших врагу цели. Это потрясло его. Он был готов своими руками убивать врагов, крушить их, рвать зубами. Но это были явные враги. И Гаврилов не знал их лично, не видел. Они прятались в ночной тьме. А здесь человек, который спит сейчас в одной с тобой квартире, который встанет завтра и, выйдя на кухню, скажет тебе: «Доброе утро!»; человек, который дышит с тобой одним воздухом! И он ждет, когда умрут с голоду милиционеры, когда все ленинградцы умрут. И даже, может быть, побежит устилать коврами дорогу, по которой поползут немецкие танки, думал Гаврилов. Нет, не поползут. Не придут. Читал же дядя Вася сегодня письмо кировцев. А уж если кировцы сказали... И страна велика — это тоже дядя Вася сказал, — она в беде не оставит.

У-у-у, Егупин!

Проснувшись однажды раньше обычного, Гаврилов вдруг ощутил всем существом своим какую-то едва уловимую перемену в мире. Он лежал в постели, чутко прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Со Среднего проспекта доносились заглушенные расстоянием звонки первых трамваев и гулкая речь громкоговорителя. Гаврилову показалось, что все эти привычные звуки улицы сегодня были более ясные и четкие, чем обычно. И в маленькой полутемной их комнате стало светлее — словно воздух стал прозрачнее. И самое главное — Гаврилов вдруг уловил аромат, тревожащий аромат настоящего на увядающей листве свежего утреннего воздуха. Воздух этот бодрил, звал к действию, обещал радость. Но легкий привкус дыма примешивался к нему. Так бывает, когда на опустевших огородах жгут сухую картофельную тину и тоненькие струйки дыма поднимаются к холодной сини небес.

Гаврилов вскочил с постели, быстро умылся в пустой пока еще кухне и, прежде чем бежать на Средний в булочную, вылез на крышу — так хотелось ему вдохнуть

побольше этого свежего осеннего воздуха, подставить лицо неяркому солнцу, оглядеть просветлевшие городские дали.

Кругом было тихо. И даже у зенитчиков на фабрике Урицкого царствовала тишина. А далеко-далеко на юге, за куполами соборов, за высокими заводскими трубами растекались черные пласты дыма. Растекались, заволакивая горизонт. Догорали, как он потом узнал, Бадаевские продовольственные склады...

Василий Иванович все чаще и чаще задерживался на заводе до позднего вечера или даже не приходил вовсе. Рассказывал, что работы очень много. Часть Кировского завода уже эвакуировали в Свердловск, в сентябре начали вывозить оборудование и рабочих в Челябинск. Но старик уезжать отказался. «Чего я поеду? — говорил он Гаврилову. — На Урале и без меня справятся. Там своих мастеров хватает, а у нас в Питере особстатья, у нас каждый человек на учете. Небось здесь я больше пригожусь».

У Гаврилова после этого разговора отлегло от сердца. Узнав от матери, что начинают эвакуировать Кировский завод, он несколько дней ходил сам не свой. А вдруг уедет Василий Иванович, вдруг ему прикажут? О том, что Новиков может уехать по своей воле, Гаврилов даже мысли не допускал. Разве может он, Василий Иванович Новиков, пойти на это? А вот если прикажут?..

Василий Иванович несколько дней не появлялся дома, и Гаврилов не засыпал допоздна, все ждал, слушал, не стукнет ли дверь черного хода, не появится ли старик. Новиков появился однажды вечером и развеял все страхи Гаврилова: никуда он не поедет! Даже если прикажут!

Гаврилову было спокойно, когда Василий Иванович возвращался домой, рассказывал о том, что делается в городе, что пишут в газетах. Обычно и все остальные жильцы заглядывали на кухню, как бы поздно он ни приходил, — перекинуться парой слов с дядей Васей, пока он кипятил себе чай на керосинке. Не показывал носа только один Егупин. А все остальные были женщины...

Валентина Петровна читала Василию Ивановичу новое письмо от мужа и советовалась со стариком: как бы добиться съездить к нему на фронт. Ольга Ивановна,

понижив голос до шепота, спрашивала, правда ли, что немецкие парашютисты высадились в Озерках? Слухов в ту пору ходило много. И шуткой, и добрым советом, и маленькой помощью по хозяйству дядя Вася умел угодить всем. Успокоить, развеять сомнения, нелепый слух.

Мать как-то сказала Гаврилову:

— Вася человек основательный, на нем и работа держится и порядок. Вон к управдому пошел, сказал ей, Антонине, петушиное слово — быстро чистоту в бомбоубежище навела. А то все отмахивалась. Или когда меня уволили — к директору пошел, добился своего. А ведь кто мы ему — никто. Соседи просто.

А Анастасия Михайловна вздыхала:

— Все бы ничего. Вот только бобылем живет, как женка померла. Жаль... Говорю ему: «Женись, Василий Иванович, сына воспитай». Да однолюб он. Не думает о будущем, не думает.

Гаврилов удивлялся:

— Почему не думает?

— В детях будущее-то, — говорила бабушка Анастасия, — в таких, как ты, шустриках. Не думают некоторые о будущем. Заведут себе одного — и все... О роде своем не думают. Основательности нет. У Василия Ивановича-то другое. Основательность есть, а вот бессемейный. Тоже плохо. Казацкому роду не должно быть переводу...

А дежурить на крыше теперь приходилось Гаврилову одному. Большинство мальчишек его возраста эвакуировались. Взрослые работали. Только иногда на чердак поднималась пожилая женщина из двадцать второй квартиры — Лариса Николаевна, но на крышу она не выходила: у нее сильно кружилась голова и с трудом гнулись распухшие ноги.

Рядом, на крыше четырехэтажного дома сорок два (он был угловым и выходил на Средний) дежурил «Гешук Отбившийся от рук» — рыжий Гешка, одногодок Гаврилова, с которым они до войны постоянно ссорились и враждовали. Гешка был парень хулиганистый, вечно у кого-нибудь разбивал стекло мячом или ронял развешанное на просушку во дворе белье. Все ходили жаловаться управдому Антонине, а Антонина, встретившись с Гешкиной матерью во дворе, начинала громогласно выговаривать ей: «Гешка ваш совсем отбил от

рук! Когда вы примете меры?» Так и пошло: «Гешук Отбившийся от рук».

На дом сорок два вела с крыши двадцать пятого узенькая, основательно проржавевшая лесенка. Гешка частенько залезал по этой лесенке в гости к Гаврилову. Обычно он свистел снизу, и, если Гаврилов откликнулся, вскорости над крышей появлялась его рыжая голова.

— Доблестным защитникам двадцать пятого от гвардейцев сорок второго уголовного физкульт-привет! — говорил он внушительно. — Доложить обстановку на крыше...

Гаврилов докладывал, и они сидели вместе, наблюдая, как вслед за надрывным воем сирен то над одним, то над другим районом города стремительно разрастаются белые клубки разрывов.

Частенько и Гаврилов спускался по лесенке в гости к Гешке. У Гешки на крыше была железная будка, где они с Гавриловым довольно свободно могли разместиться. Если вечером было холодно, они всегда залезали в эту будку и, укрывшись старым одеялом, следили за крышей.

Однажды днем, поднимаясь по лестнице от Гешки, Гаврилов увидел, что на крыше их дома, держась рукой за слуховое окно, стоял Егупин. Он внимательно разглядывал крышу, словно примерялся, как ему удобнее пройти по ней.

«Вот это да! — подумал Гаврилов. — Егупин-то! Как дежурить — «голова кружится».

Гаврилов присел, чтобы его не было видно, а когда снова поднял голову, Егупина на крыше уже не было.

И в тот же вечер, во время очередной тревоги, когда Гаврилов с Гешкой сидели в железной будке, прямо над ними, разрезая темноту, одна за другой полетели ракеты.

У зенитчиков на крыше фабрики Урицкого закричали:

— Вот подлец! Ребята, ребята! Вниз! Это у соседей...

Кто-то из зенитчиков стал стрелять — несколько пуль тонко пропели над головами выскочивших из будки мальчишек.

— Это у нас, это у нас, — горячился Гаврилов. — Давай, Гешка, скорей к нам...

Они прогрохотали бегом по крыше к лестнице. Задышавшись от гнева, полезли вверх. Но на крыше дома двадцать пять уже никого не было. Гаврилов кинулся к слу-

ховому окну. Гешка попридержал его за рукав. Потом они спустились на чердак, постояли несколько секунд, вглядываясь в кромешную тьму, прислушиваясь. Ни шороха, ни легкого движения.

— Фонарик есть? — прошептал Гешка. — Давай фонарик...

Гаврилов вытащил из брюк плоский карманный фонарик и, волнуясь, передвинул пуговку выключателя. Слабый лучик выхватил из темноты балки стропил, ящик с песком и щипцами для зажигалок. Чья-то фигура метнулась вдруг в дальнем углу чердака. Ржаво скрипнула дверь, захлопнулась. Гаврилов успел только заметить, что на голове у мужчины глубоко надвинутая кепка и светлое клетчатое пальто, как у Егупина. «Неужели Егупин? — ужаснулся Гаврилов. — Неужели он?..»

— Стой! — истошно закричал Гешка. — Стой, стрелять буду!

Когда Гаврилов первым добрался до двери, в замочной скважине дважды повернулся ключ и послышались торопливые шаги по лестнице.

— Стой, гад! — заколотил Гаврилов по обитой железом двери.

Дверь не подавалась, а единственный ключ Гаврилов оставил в двери, когда пришел на дежурство.

С чердака их вызволили зенитчики с фабрики Урицкого, они взломали дверь и отвели Гаврилова с Гешкой в милицию.

— Кто вас знает, ракеты с вашего дома шмаляли, а вы на чердаке сидите!..

В милиции ребята выложили все, что знали.

— Мне показалось, что это сосед наш, Егупин, — сказал Гаврилов. — Пальто такое же. Только кепку он не носит...

Гаврилову и Гешке пришлось еще часа два сидеть ночью в коридоре на скамейке, пока следователь, у которого они были, не вышел и не отправил их с милиционером домой, сказав на прощанье:

— Караульте получше, огольцы. Чуть что — к нам. А про соседа твоего, про Егупина, так тебе, мальчик, показалось просто. Мы все как следует проверили — сидел у себя на складе, продовольствие выдавал ополченцам... Есть и свидетели... Начальство характеристику хорошую выдало — работник, говорит, толковый.

Гаврилов промолчал. Но следовательно не поверил. «Такие подлецы, как Егупин, на все способны. Они за деньги и ракеты готовы пускать». А когда шли домой по ночному городу, решил: «Не могло мне показаться! Такое же пальто... Да и днем он не зря на крышу вылез. Примерялся. Ну ничего, я его сам выслежу!»

Гаврилов знал, что Егупин уходит на работу в семь. Рано утром, в половине седьмого (мать все еще была на окопах), он выскользнул из дому. На улице было сыро и прохладно. Только начинало светать, и одинокие прохожие в промозглой утренней мгле походили на тени. Гаврилов постоял в соседнем парадном, подождал, когда выйдет Егупин, и пошел за ним следом — ему хотелось узнать, где работает сосед.

Егупин повернул по Среднему проспекту в сторону Первой линии и шел не торопясь, чуть сутулясь, поглядывая по сторонам. «Словно на прогулке!» — неприятно подумал Гаврилов. Он привык, что мать всегда спешила, боялась опоздать на работу. Да и все прохожие спешили в эту раннюю пору.

Около булочной на углу Соловьевского переулкa уже выстроилась большая очередь. Женщины в белых фартуках сгружали с полуторки ящики с хлебом. Около машины стоял пожилой милиционер. От хлебного запаха Гаврилову нестерпимо захотелось есть.

Перейдя через Первую и Съездовскую линии, Егупин свернул в Тучков переулок и пошел еще медленнее. Гаврилов постоял на углу, подождал. На первом этаже углового дома женщины замуровывали окна квартиры кирпичной кладкой, оставляя лишь узкие амбразуры. «Еще один дот, — отметил Гаврилов, — в несколько рядов кирпич кладут...»

Стало уже светло.

В Тучковом переулке к Егупину подошла пожилая женщина, сказала ему что-то, и они вместе зашли в подъезд большого дома. «Была не была, — подумал Гаврилов, — пойду!» Его била дрожь — не то от холода, не то от волнения. В подъезде было совсем темно. В гулкой тишине слышались шаги и приглушенный разговор поднимающихся по лестнице людей, хлопнула дверь. Гаврилов постоял, привыкая к темноте, потом, разглядев под лестницей укромный закуток, спрятался там. Минут через десять наверху снова хлопнула дверь, и слышались голоса. Мужской, егупинский, и жен-

ский. Через несколько секунд Гаврилов уже слышал, о чем говорили.

— Илья Дорофеич, вы не заметили в прихожей картину? Баба в красном сарафане... Сколько бы вы дали за нее? Это ведь Репин...

— Меня не интересуют картины, — оборвал ее Егупин, — они никому не нужны... И не будут нужны. Вы мне лучше десятирублевиков еще достаньте.

— Откуда же, Илья Дорофеич, это было последнее мамино золото. И как мало вы за него дали. Только крупу и сгущенку...

Говорившие остановились совсем рядом с Гавриловым. Он слышал хриловатое, прерывистое дыхание женщины и посапывание Егупина.

— Вам через месяц и банки не дадут... А вы — мало! Я ведь от себя отрываю... То, что с лета припас.

— Илья Дорофеич, — в голосе женщины слышалась мольба, — если не картины, то, может, сервиз? У нас есть севрский... столовый. На двенадцать персон. А, Илья Дорофеич?

— Сервиз возьму, — сухо ответил Егупин, — сами принесете завтра днем. Две банки сгущенки и три кило гречки...

Женщина горестно ахнула:

— Только?

— Да у вас этот сервиз разлетится при первой же хорошей бомбежке, — Егупин хихикнул. — А через месяц-два умолять будете, чтоб за банку сгущенки взял. Что вам на этом сервизе есть-то? Жмыхи да суп из отрубей? — И он опять хихикнул.

— Я принесу вам завтра, — покорно прошептала женщина.

Егупин вышел, хлопнув дверью, а женщина всхлинула и медленно-медленно стала подниматься...

* * *

Из задумчивости Гаврилова вывел резкий голос: «Матрос!» Он поднял голову и вскочил. Перед ним стоял старший лейтенант с красной повязкой патрульного на рукаве, чуть поодаль два солдата, тоже с красными повязками.

Старший лейтенант молчал, ощупывая Гаврилова колючим взглядом. Сердце Гаврилова похолодело — он

чувствовал, что пистолет в кармане лежит неудобно, брюки топорщатся. Сейчас старший лейтенант увидит и спросит, что это такое... Да и вообще придерется к какой-нибудь мелочи, отведет в комендатуру. Скандал, все опять сорвется, все сорвется!..

Старший лейтенант осматривал Гаврилова слишком долго, словно во что бы то ни стало хотел найти какую-нибудь небрежность в его форме. От напряжения у Гаврилова взмокла спина. Наконец старший лейтенант требовательно протянул руку:

— Увольнительную...

Торопясь, Гаврилов полез в карман, достал увольнительную, предупредительно развернул ее, протягивая офицеру, и противным сладеньким голосом сказал:

— Пожалуйста, товарищ старший лейтенант! Увольнение на сутки. Сегодня только пришвартовались...

Ему самому стало противно от своей торопливости и заискивающего тона.

Старший лейтенант, внимательно посмотрев увольнительную, вернул Гаврилову и, козырнув, удалился пружинящей походкой. Важный, подтянутый.

«Пронесло, — вздохнул Гаврилов. — А могло бы плохо кончиться. Расселся, ничего вокруг не вижу». Он тихо зашагал на Десятую линию, тут же вспомнив про старушку с клюкой, обернулся на скамейку, где только что сидел. Но старушки там не было. Наверное, ушла раньше. «Какая разговорчивая, — подумал Гаврилов о ней с теплотой, — и как она только выжила?» И он снова вернулся в мыслях к своей квартире, и к тем, кто жил там, а теперь уже не живет нигде, и к тому, кто остался жив вопреки здравому смыслу. Потому что именно Егупину надо было бы умереть — в мире стало бы одним подлецом меньше.

Первой в их квартире погибла Ольга Ивановна. Из всех жильцов с нею Гаврилову приходилось до войны сталкиваться реже всего. Да, наверное, и всем другим. Ольга Ивановна занимала удивительно мало места в квартире, хотя ее комната и была одной из самых больших. В ней среди дорогой красивой мебели стоял даже большой концертный рояль. Гаврилов в комнате у Ольги Ивановны не был, знал об этом от матери, раз другой занимавшей у нее деньги до получки.

На кухне Ольга Ивановна появлялась редко, грела лишь чай на керосинке. Что она ела и когда, никто в

квартире не знал, хотя о любом другом знали буквально все. Была Ольга Ивановна невысокая, худенькая, с гладко зачесанными волосами. Какого она возраста, Гаврилов представления не имел: молодой он считал только Зойку, девочку на два года старше его самого. Но и старухой она не была. Работала Ольга Ивановна преподавателем музыки в театральном училище. Уходила на работу поздно. По вечерам чаще всего бывала в театрах. Ни с кем в квартире не дружила. Мать Гаврилова ответила как-то на его вопрос: «Почему Ольга Ивановна живет одна?» — «Гордячка. Так и будет в старых девах век вековать».

По выходным, нередко с самого утра, Ольга Ивановна садилась за рояль. Играла она подолгу, и в это время все в квартире притихало. Слушали. Даже на кухне разговаривали вполголоса. Гаврилов любил слушать, как играет Ольга Ивановна. Приглушенные стенами звуки рояля неслись словно из-под земли. Гаврилов не знал, что играет Ольга Ивановна, он только жадно слушал, и ему то хотелось броситься на диван и плакать — так горько становилось у него на сердце, то вдруг у него появлялся необычайный прилив энергии, хотелось куда-то бежать, что-то делать. И когда раздавался громкий металлический стук — стучал из своей комнаты Егупин, и Ольга Ивановна прекращала игру, — Гаврилов думал о Егупине с ненавистью.

В ноябре Ольга Ивановна перестала ходить на работу. И дома перестала играть. Даже тогда, когда в квартире оставался один Гаврилов. Лишь изредка из ее комнаты доносились сиротливые звуки какой-нибудь нехитрой мелодии и тут же обрывались. «Руки распухли», — сказала Гаврилову мать.

В конце месяца мать Гаврилова постучала как-то к Ольге Ивановне и застала ее рыдающей. Оказалось, Ольга Ивановна потеряла карточки на декабрь. Ее надо было спасать.

Вечером на кухне собрались все жильцы, все, кроме Ольги Ивановны.

Когда мать Гаврилова рассказала о случившемся, в кухне воцарилось гробовое молчание. Первым подал голос Егупин:

— Война — дело суровое. Она растерях не жалуется... — И собрался было уйти, но Василий Иванович остановил его:

— Вы же, Илья Дорофеевич, у нас самый обеспеченный. Около питания находитесь. От вас бы и первая помощь!..

— Я, как и все, товарищ Новиков, — Егупин всегда так ему говорил: «товарищ Новиков», — на карточку живу. И государственным добром не пользуюсь. А Ольга Ивановна сама виновата — пусть сама и расхлебывает! — Он хотел уйти, но Анастасия Михайловна загородила ему дорогу.

— А тот хлеб, за который вы у голодных добро скупаете, тоже по карточкам получаете? А сгущенка, на которую обручальные кольца вымениваете, — и она по карточкам?

Егупин стоял, скривив рот, холодно глядя на старуху.

— В прошлые времена это мародерством называли. Не знаю, как сейчас, — продолжала Анастасия Михайловна, тяжело дыша. — Сердца у вас нет... — Она вдруг всхлипнула и сказала жалобно, просяще: — Неужто дадите человеку погибнуть, Илья Дорофеевич? Мы ведь все тоже поможем.

Гаврилов почувствовал, как кровь прилила ему к лицу. Мучительный стыд овладел им: «Зачем она так унижается?»

— Нет у меня, нет! — крикнул Егупин и, оттолкнув Анастасию Михайловну, выскочил с кухни.

— Экий нелюдь! — только и вымолвила Анастасия Михайловна и вышла с кухни, не затворив за собой дверь, а все посмотрели ей вслед недоуменно.

Прошло несколько тягостных минут, пока Анастасия Михайловна вернулась с небольшим пакетом, на котором было написано: «Рис».

— Ох, бабка, ну и молодец ты! — весело сказал Василий Иванович.

Анастасия Михайловна положила пакет на кухонный стол Ольги Ивановны. Села молча на табуретку.

— Давайте, бабоньки, каждый день хлеба по сто пятьдесят Ольге Ивановне отдавать, — предложил Василий Иванович. — С Анастасии Михайловны уж не брать — и так ее подарок царский. А остальные — по пятьдесят граммов с семьи. Ну и если еще что давать будут — крупы там, маслица. Хоть по талону...

Все согласились, и расплакавшаяся Валентина Петровна, утирая слезы, пошла ободрить Ольгу Ивановну. Но Ольга Ивановна на стук не отозвалась.

— Не трогайте вы ее сейчас, — сказал Василий Иванович. — Может, поплакала-поплакала да уснула. Утром зайдете.

Утром Гаврилова разбудило необычное движение в кухне, всхлипы, плач. Вставать с нагретой за ночь постели не хотелось. Он прислушивался, но понять ничего не смог. Наконец вошла вся зареванная мать.

— Ольга Ивановна повесилась... У себя в комнате... — только и вымолвила она и снова залилась слезами.

Так и не узнала Ольга Ивановна о том, что люди протянули ей руку помощи.

Анастасия Михайловна сварила из своего риса жиденькую кашу и два дня кормила ею всех жильцов.

С тех пор как в начале декабря встали трамваи, дядя Вася домой наведывался редко — слишком уж длинной была дорога. В двадцатых числах января он привез на саночках большую вязанку дров.

Гаврилов слышал, как медленно стучали полозья санок по ступенькам черного хода. Он подумал сначала, что везут хоронить очередного покойника и обессиленные люди спускают санки с мертвецом прямо по ступенькам. Но было слишком поздно, да и звук не удалялся, а приближался. Время от времени на лестнице все смолкало, и тишина стояла минут десять-пятнадцать. Наконец он сообразил, что кто-то, совсем выбившийся из сил, тянет санки вверх по ступеням. Гаврилов застегнул пальто, с которым не расставался весь день, и вышел на лестницу. В темноте ничего не было видно, только на площадке ниже светился огонек папиросы и кто-то шумно дышал.

— Кто здесь? — спросил Гаврилов, пугаясь собственного голоса, прозвучавшего неестественно громко на пустой, замороженной лестнице.

— Петруша, ты? — отозвались снизу голосом Василия Ивановича. — Я тут сижу перекуриваю. Коли одет, вай ко мне, подсобишь.

Гаврилов, ежась от холода, спустился на тринадцать ступеней вниз, наткнулся на протянутую руку. Василий Иванович притянул его к себе, усадил. Гаврилов почувствовал, что сидит на досках.

— Дрова, дядя Вась? — спросил он радостно.

— Дровишки, Петруша, дровишки. Сегодня мне премию такую на заводе отвалили. Полдня вез...

— А мы с мамой уж беспокоились... И Валентина Петровна говорит: «Куда-то запропастился наш Василий Иванович!»

— Что дяде Васе сделается? Мне, Петруша, помирать нельзя. Без меня завод остановится, солдату спина откроется... — Василий Иванович обнял Гаврилова, притиснул совсем легонько. — А если и не приду на неделе — значит, в ночную оставался. Или просто в цеху заночевал... У нас теперь там и кровати есть. И белье белое. Только я все ходить норовлю. Привычней все-таки. А то с порядку собьешься, и все кувырком пойдет.

Они посидели еще несколько минут молча, а потом взялись за санки. Тяжесть была неимоверной. «Может, дрова мокрые?» — подумал Гаврилов и потрогал рукой. Но доски были сухие, тонкие. От разбитых ящиков, наверное. Гаврилов грудью налегал на доски сзади, а Василий Иванович, кряхтя, тянул за веревку. Щелк, щелк! — стукали сани стальными полозьями о каменные ступени. Всего тринадцать ступеней, а у Гаврилова мелкой-мелкой дрожью дрожали руки; и когда натянутая веревка ослабевала, он вместе с санками сползал вниз. Но Василий Иванович снова натягивал веревку, и они продвигались еще на ступеньку, потом еще, пока наконец не остановились на площадке перед дверью в квартиру.

В кухне, слабо освещенной зыбким пламенем свечи, мать Гаврилова тихо говорила что-то закутанной в облезлую беличью шубу Валентине Петровне. Увидев дрова, улыбнулась слабо, сказала:

— Ух, Иваныч разбогател...

Валентина Петровна как-то горестно поджала губы и вздохнула.

— Ну, я пойду, Паня. Чужому счастьем-то что завидовать... — И пошла было, но Василий Иванович бросил хмуро:

— Чужое, свое... Зови лучше соседей. Стал бы я за себя корячиться, через весь город тащить. На заводе переспал бы, да и ладно.

Валентина Петровна всхлипнула и ушла молча.

Василий Иванович кивнул на маленькую скамеечку, что стояла под счетчиком:

— Подай, Петруша.

Гаврилов принес скамеечку, поставил ее около Василия Ивановича, и тот сел на нее тяжело, стащил с головы запорошенную снегом шапку, снял рукавицы.

Гаврилов даже охнул от изумления. Его голова, которую он привык видеть всегда голой и блестящей, вся заросла густыми темными волосами. Ни единой сединки. От этого лицо у Василия Ивановича показалось Гаврилову еще больше осунувшимся. Но молодым.

— Удивляйся, удивляйся, — проворчал Василий Иванович, перехватив удивленный взгляд Гаврилова. — Бритву-то дома забыл, не идти же ради нее такую дорогу. А приятель предлагал свою — да разве это бритва... От моих волос на ней зазубрины...

— Ну что, Прасковья, погреемся мал мала? — весело сказал он матери Гаврилова и стал дуть на окоченевшие пальцы. Потом он развязал узел обледеневшей веревки, которой были связаны покрытые изморозью доски, и сказал Гаврилову:

— Давай, Петруша, на пять кучек раскладывай. Все, что помельче, — в одну. И щепки туда же. Это бабке Анастасье. Чтоб ей не надрываться, не колоть...

— Это почему же на пять? — сурово спросила мать.

Василий Иванович вздохнул, но промолчал.

— Почему же на пять? — повторила мать с укором.

— А может, и в нем проснется человеческое-то? Может, проснется... — не очень уверенно ответил Василий Иванович.

— Проснется, когда подыхать будет.

— Да не могу я так, Прасковья, не могу, — уже тверже сказал Василий Иванович. — Все-таки человек он!

На кухню уже пришли и Анастасия Михайловна, и Валентина Петровна, и Зойка. Не было одного только Егупина. Анастасия Михайловна сидела на табурете в засаленном ватнике. Лицо у нее отекло и было словно неживое. Все молча смотрели, как Гаврилов раскладывал доски по кучкам.

— А к этому-то что не зашла? — спросил Василий Иванович Валентину Петровну.

— Неужто надо было? — встрепенулась та и посмотрела на Василия Ивановича удивленно. — Ему-то за чем?

Василий Иванович только рукой махнул и сказал Гагрилову:

— Стукни в дверь, Петруша!

Гаврилов нехотя поднялся с коленей и посмотрел на мать. Мать молчала. Тогда он пошел по коридору в самый конец, к двери, что была рядом с парадной лестницей. Там жил Егупин. Гаврилов подергал большую бронзовую ручку на обитой черным дерматином двери. За дверью что-то прошелестело, потом упало на пол, покапилось. Не то банка, не то кастрюля.

— Кто там? — раздался похожий на карканье голос. Мать называла Егупина гнусавым.

— На кухню просят, — буркнул Гаврилов и прислушался: интересно, что это там упало у Егупина? Наверное, банка со сгущенкой.

— Зачем это на кухню? — снова каркнул Егупин. — И кому я там понадобился?

— Дрова там Василий Иванович привез...

— Приду сейчас, сейчас, мальчик, — заторопился Егупин.

Гаврилова так и передернуло от этого «мальчика». Сколько он помнил, Егупин всегда называл его «мальчиком», а Зойку — «девочкой». Видно, имен никогда не старался запомнить.

Гаврилов не уходил от двери, ждал. Наконец дернулась большая ручка, на Гаврилова пахнуло теплом и жареным хлебом (оттуда всегда пахло жареным хлебом), и высунулась голова Егупина.

— Ты здесь еще? — спросил Егупин, взглядываясь в темноту коридора. — Зачем ждешь? Я же сказал — иду.

Он вышел закутанный в длинную, до пят, шубу, с большим, шалью воротником и в черной камилавке. Шубу эту, говорила мать, Егупин выменял на банку сгущенки у жившего на третьем этаже профессора. Егупин запер дверь ключом и двинулся на кухню. Гаврилов пошел следом.

Войдя на кухню, Егупин прокаркал: «Мое почтение», но ему никто не ответил. Василий Иванович сказал тихо Гаврилову:

— Петруша, стань-ка лицом к стене, разгадывать будешь.

Гаврилов послушно повернулся к стене. Облокотился на нее. Стена была холодная, словно лед.

— Эту вязаночку и разыгрывать не будем, — сказал Василий Иванович, повертываясь к Анастасии Михайловне. — Эту вязаночку я вам снесу. Здесь дощечки-то помельче. Вам сподручнее топить будет.

— Спасибо, батюшка! — еле слышно вымолвила Анастасия Михайловна. — Спаси тебя господь, родимый.

— Ну а теперь за тобой очередь, Петруша. Кричи: кому эту кучку?

У Гаврилова вдруг сжалось сердце и бешено застучало в висках. Ему почудилось, что он сложил только четыре кучки, а не пять, как велел Василий Иванович. Только четыре. Ну, конечно, четыре! Он же не имел в виду Егупина. Это Василий Иванович хотел, а он не хотел и разложил дрова на четыре кучки, и никто не заметил этого. Просто не обратили внимания! И теперь кому-то не достанется. И может, им с матерью не достанется. Первую надо назвать себе! Обязательно себе. Мало ли что там случится! Он даже задохнулся от волнения.

— Ну что ж ты, Петруша! Думай не думай, три рубля не деньги, — поторопил его Василий Иванович.

Но слова застряли у Гаврилова в горле. Он почувствовал, что сейчас зарыдает, и, сделав над собой усилие, выдохнул:

— Вам! — И стало ему сразу легко и свободно.

— Ух ты! — сказал с восхищением Василий Иванович. — А эту?

— Эту... Валентине Петровне...

— Эту... — Он на мгновение запнулся, считая, сколько уже назвал, и тут же выпалил: — Эту нам с мамой!

Он не мог, нет, никак не мог назвать Егупина. Это было б противоестественно, невозможно. Это было бы предательством по отношению к матери. И он не назвал его имени. И был горд. И совсем не стыдился этого.

— Ну вот и молодец! — с облегчением сказал Василий Иванович. — А эта, выходит, вам, — обратился он к Егупину, не называя его ни по имени, ни по отчеству. — Погреемся, бабоньки! От досок-то тепла больше будет, чем от книжек...

В этот день, впервые за многие недели, Гаврилов лег в постель раздевшись. В комнате было тепло. «Буржуй-

ка» раскалилась докрасна, и мать долго сидела перед ней, не решаясь лечь спать. Боялась угару, боялась, как бы не загорелось что.

.
Он хорошо помнил то утро в декабре, когда открыл на кухне кран, а вода не пошла. Это случалось и раньше, и приходилось ходить на первый этаж, брать воду в квартире у татарки-дворничихи. Но в то утро воды не было и на первом этаже. Ее больше совсем не было. Просто замерзли трубы в холодном, неотапливаемом доме.

Гаврилов шел и все вспоминал и вспоминал тот холодный, невыносимо холодный год, и моментами ему вдруг начинало казаться, что вокруг сугробы да вьюга, и везет он с Невы на саночках ведро с водой, а вода расплескивается, намерзая на веревке, которой привязано ведро к саням, на самих санях, и Гаврилову до слез жаль воды, так трудно она ему досталась. Гаврилова начинало знобить от этих воспоминаний, и он пытался думать о чем-нибудь другом, но не мог.

Неожиданно громко хлопнула дверь, из большого дома стремительно выскочил хохочущий парень, рослый, широкоплечий, он чуть не сбил Гаврилова с ног. За парнем выскочила рослая девушка с прутиком в руке. От неожиданности Гаврилов инстинктивно схватился за парня, и глаза их встретились. Это был «Гешук Отбившийся от рук».

— Петька! — заорал Гешук. — Моряк — с печки бряк! Вот это номер!

Гешук схватил было Гаврилова в охапку, но тут же отпустил и, встав навытяжку и приложив руку к рыжей голове, снова заорал:

— Доблестным защитникам двадцать пятого от гвардейцев сорок второго уголовного физкульт-привет!

— Гешук! — обрадованно вскрикнул Гаврилов и чего-то вдруг испугался. — Гешук...

Они долго трясли друг другу руки, похлопывали по плечам, подталкивали.

— Ну моряк! — кричал Гешук. — Вот это да! Ну Гаврилов! Давно я вашему брату из двадцать пятого бока не мял. Вот доберусь теперь. Да моряков-то и бо-

язно лупить... Как же ты на флот-то попал? — спросил он, чуть успокоившись.

— Юнгой. Два года уже, — ответил Гаврилов. — Из детдома бежал, потом в школу юнг. Упросил...

— И я в детдоме был, — словно обрадовался Гешук. — Потом ФЗО. Год назад вернулся. На заводе работаю. Тебе посудины строю...

Потом, вспомнив про девушку, с интересом наблюдавшую за их встречей, Гешук чуть смущенно сказал:

— Вот с Лизаветой мы и работаем вместе. Знакомься.

Гаврилов повернулся к девушке, сказал: «Здравствуйте!» Хотел приложить руку к бескозырке, да застеснялся.

— Здравствуйте, — с наигранной чопорностью ответила девушка, — если не шутите. — И засмеялась.

— Ну вот, — вздохнул Гешук. — Ей палец покажи — она целый день смеяться будет. — И тут же получил прутиком по руке.

— Лизка! — закричал Гешук. — Наскребешь у меня. — И обернулся к Гаврилову: — Петька, надолго?

— Пока на сутки увольнительная. А там, может, на ремонт станем...

— Вот здорово! — обрадовался Гешук. — Мы сейчас с Лизкой в кино опаздываем, а в ночь на работу. Утром заходи. Я все там же, а Лизка здесь живет. Заходи, Петь. Я все собирался в твою квартиру. Да знаешь, как-то боязно... Столько умерло. Из вашей квартиры я только того хмыря видел, что мы с тобой за ракетчика приняли. Помнишь?.. Ну заходи, не забудь: квартира шестая. — Он хлопнул его по плечу и побежал за своей Лизаветой.

«Значит, жив-здоров, сволочь, — подумал Гаврилов, — ничего-то ему не сделалось. Никто-то его пальцем не тронул...»

— «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными...» — тихо прочла Анастасия Михайловна и вздохнула.

Гаврилов сидел в старом большом кресле, закутавшись в одеяло, и смотрел, как Анастасия Михайловна готовится разжечь «буржуйку», негнущимися пальцами вырывая листы из большой черной книги.

Он всегда приходил к Анастасии Михайловне погреться у «буржуйки». Старуха сама стучала в стену своей сучковатой тростью, и Гаврилов радовался ее сигналу, радовался тому, что ощутит тепло, увидит живые языки пламени. Обычно Гаврилов сам растапливал «буржуйку». Открывал вьюшку, садился на маленькую скамеечку и начинал не торопясь рвать приготовленные книги. Он вырывал листок, сминал его и совал в «буржуйку». Потом вырывал еще и еще, пока не набивал печурку до отказа. Тогда Анастасия Михайловна давала ему одну спичку и пустой коробок. И Гаврилов осторожно, стараясь не дышать, чиркал спичкой о коробок и дрожащей рукой подносил огонек к бумаге. Бумага вспыхивала мгновенно, огонь плясал в печурке, веселя сердце, и так же мгновенно опадал. Огонь съедал бумагу моментально. А книжки иногда попадались очень красивые, с большими цветными картинками, на которых были изображены морские сражения, самолеты, похожие на этажерки, тропические леса и дикари в немыслимых уборах из перьев. Но смотреть картинки было некогда. Погаснет огонь — тогда придется тратить еще спичку.

Гаврилов любил, когда попадались тонкие книжки в жестких картонных переплетах. Листки сгорали быстро, зато переплеты горели медленно; и он, набив «буржуйку», мог не торопясь любоваться тем, как играет пламя...

Сначала Гаврилову тоже было до слез жаль книг. Он иногда хитрил: откладывал приглянувшуюся ему книжку подальше от «буржуйки», подсовывал под другие книги, а когда наконец приходил и ее черед, выпрашивал книжку у Анастасии Михайловны. Она никогда не отказывала, и Гаврилов брал книжку с собой. Почитать. Понравившуюся книжку сжигать было невыносимо жалко. Гаврилов со слезами на глазах смотрел, как пожирает огонь листочки, и ему казалось, что в огне погибают полюбившиеся ему люди — герои книжки. Ночью, лежа с открытыми глазами, прислушиваясь к хлопкам зениток, то дальним, то совсем близким, Гаврилов перебирал в памяти прочитанное — ста-

рался навсегда запомнить. Сгоревшую книгу он считал потерянной навсегда...

Потом Гаврилов смирился с тем, что книжки сгора-
ли. Ему было по-прежнему жаль их, но ведь, сгорая,
книжки давали тепло, давали ему жизнь.

Анастасия Михайловна всегда сидела в большом
кресле, накинув на ноги одеяло, протягивая к огню рас-
пухшие больные руки. Иногда она рассказывала Гаври-
лову о том, как попала к ней та или другая книжка.
Рассказывала, о чем в ней написано, если он не читал
ее раньше. Сначала они жгли журналы. Их было очень
много. Гаврилову казалось, что они никогда не смогут
сжечь все эти «Нивы», «Красные нивы», «Задумчивые
слова», «Столицу и усадьбу», «Всемирного следопыта»...
Но журналы кончились быстро. Стали жечь книги.
Большинство из них были тома собраний сочинений:
Пушкин, Шекспир, Шиллер... Много старых книг по
садоводству и земледелию. Их Гаврилову было не так
жалко — у них не было толстых, с золотым тиснением
переплетов, муаровых закладок. Только одной из таких
он заинтересовался всерьез. Называлась она «Всенарод-
ный месяцеслов». Гаврилов вырвал страницу, но не
бросил сразу в печь, а прочитал: «Если при ясной по-
годе летом отдаленные предметы неясны, как бы в ту-
мане, — будет засуха». Он прочитал и вспомнил лето,
куст цветущей черемухи под окном, тихую деревенскую
улицу, по которой шли с поля коровы, и аромат поспе-
вающих в духовке пирогов...

«Поле шумит — будет ясно», — читал Гаврилов; и
ему казалось, что он слышит, как шелестит вокруг него
рожь, а он спрятался во ржи от матери, лежит, слуша-
ет: шумит рожь, кричит где-то далеко-далеко мать:
«Петруша! Петруша!»

— Петруша, печь погаснет, — напоминала ему Ана-
стасия Михайловна, и он торопливо начинал бросать
листы в огонь.

На этот раз Анастасия Михайловна посадила Гаври-
лова в свое кресло и закутала в одеяло.

— Сегодня сама буду топить, — сказала она стро-
го. — Сама на душу грех возьму.

Гаврилов думал, что книг у Анастасии Михайловны
уже не осталось. Ведь даже большие красного дерева
шкафы, в которых они стояли, Василий Иванович раз-

рубил на дрова, и последнюю охапку их сожгли вчера в печке.

Тяжело ступая, Анастасия Михайловна подошла к своей незастеленной кровати и, пошарив под подушкой, достала оттуда большую книгу в черном переплете. Несколько минут она стояла в глубокой задумчивости, прижав книгу к груди, словно не зная, что дальше делать. Губы ее беззвучно шептали. Так она стояла несколько минут, и Гаврилову показалось, что старая женщина уже не сможет двинуться с места, упадет. Но вот она двинулась. Тяжело дыша, проковыляла к скамеечке перед «буржуйкой», с трудом села на нее. Положила книгу на колени. Руки у Анастасии Михайловны были белые-белые, словно мраморные. Серdito ворча себе под нос, она стала листать книгу. Это давалось ей с трудом. Негнувшиеся, распухшие пальцы не слушались ее вовсе. Наконец она нашла нужную страницу, прочла еле слышно:

— «В городе люди стонут, и душа убиваемых вопиет, и бог не воспрещает этого».

Она подняла глаза от книги и посмотрела на Гаврилова внимательным взглядом. Глаза у нее были словно голубые льдинки. Она смотрела долго, и Гаврилову стало не по себе, он захотел спрятаться в одеяло с головой, убежать. Но не убежал, не сделал ни одного движения: не было сил.

Наконец Анастасия Михайловна, словно стряхнув с себя оцепенение, снова посмотрела на раскрытую страницу и рванула ее. С трудом достала из кармана шубы спички, чиркнула. Вспыхнул трепетный огонек, и запылали листки в «буржуйке». Анастасия Михайловна рвала и рвала листки. Бросала один за другим в печь, пока по комнате не пошел волнами теплый воздух. Время от времени она задерживала листочки в руке и читала Гаврилову красивые, но непонятные слова.

— «Поднялись высоко, — и вот нет их; падают и умирают как и все, и, как верхушки колосьев, срезаются...»

— Вот библия, святая книга горит, — горестно сказала Анастасия Михайловна. — Догорит, и топить больше нечем... И кончились мои страдания. Кончились, Петруша!

— Бабушка Анастасия... — испуганно прошептал

Гаврилов, — бабушка Настя... Мы дров принесем. Нам с мамой ордер дали. На Третьей линии пилить...

— Спасибо, Петруша. Спасибо, добрая душа... Тяжелое время у нас, но сердце мое радуется. Доброму среди ада радуется. Мне, старухе, давно умирать пора... И умерла бы в срок, на теплой постели. А вот не привел господь... И радуюсь я — умирать вроде бы на фронте буду, вместе с другими.

Гаврилов заплакал, не в силах сдержать в себе тоскливую тяжесть нахлынувших чувств, жалость к Анастасии Михайловне, к себе, к матери.

Старуха не уговаривала его, не успокаивала.

— Поплачь, поплачь, Петруша, — говорила она, — слезы только добрым господь дал в облегчение. Поплачь и успокойся. Помни — что город разрушенный, без стен, что человек, не владеющий духом своим. Это тоже в библии сказано. Этому ты верь.

Гаврилов понемногу успокоился. Одна мысль занимала его, и он долго собирался с духом, чтобы спросить у Анастасии Михайловны. Наконец осмелился:

— Бабушка Настя, а что, если люди все книги сожгут? Так же, как мы? Что тогда будет? Ведь плохо это — книги жечь, да? Я сам читал — фашисты книги жгут. Но ведь они фашисты.

— Плохо, Петруша, книги жечь, плохо, — кивнула старуха. — Но умирать сложа руки еще больший грех. Мы с тобой книжками топим ради тепла. Человек без тепла-то не проживет. А с теплом выживет, новые книжки напишет. И ты, Петруша, напишешь... Вон ты какой лобастый.

Анастасия Михайловна протянула к Гаврилову руку, наверное, хотела погладить, но дотянуться не смогла — рука бессильно упала на колени.

— Выходит, Петруша, мы книжками топим, чтоб новые написались. — Она прикрыла глаза, помолчала. — А изверги-то жгут их от страха. И от злобы большой.

Гаврилов хотел спросить у Анастасии Михайловны, почему фашисты боятся книг, но не решился. Старуха сидела, тяжело дыша, с закрытыми глазами, распухшие ее руки-шевелились, вздрагивали.

На следующий день Анастасия Михайловна не постучала, как обычно, в стенку. Когда он зашел к ней в комнату, старуха сидела в кресле перед холодной «буржуй-

кой» в той же позе, что и вчера. Голова у нее беспомощно наклонилась на плечо, глаза были открыты...

Ни у матери, ни у Валентины Петровны не было сил похоронить Анастасию Михайловну. Лишь на пятые сутки пришли дружинницы и, завернув старуху в байковое одеяло, увезли на листе фанеры на Смоленское кладбище.

В письменном столе Анастасии Михайловны нашли два небольших пакетика, на которых корявыми крупными буквами было написано: «Петруше», «Зоечке». В пакетиках было по плитке шоколада «Мокко»...

Как-то, уходя на работу, мать дала Гаврилову пятьдесят рублей.

— Сходи на Андреевский рынок. Купи жмыхов. Это на полплитки... Бери у женщин, да только на рынке. Никуда во двор не заходи — деньги отнимут...

Никогда еще Гаврилов не держал в руках столько денег. Он пошел на рынок, запрятав деньги во внутренний карман пальто и застегнув его булавкой. Он только подошел к рынку, как началась воздушная тревога. Раздались свистки милиционера, толпа медленно, нехотя стала расходиться. Гаврилов спрятался в подворотню какого-то дома. Народу туда набилось уже много, и торговля продолжалась. Здесь у мордастой, гунявой тетки Гаврилов и купил жмыхов. Тетка подозрительно осмотрела его с ног до головы, потребовала деньги и только потом достала из огромной сумки кусок жмыха.

Гаврилов уже хотел взять его и спрятать за пазуху, но тут вмешался стоявший рядом мужчина.

— Ты что, мальчика обдурить хочешь? — сказал он вдруг хриплым голосом. — Да разве этот кусок полста тянет? Разве полста? Это ж четвертной стоит...

Тетка зло посмотрела на него и, молча вырвав у Гаврилова жмых, сунула ему другой кусок, почти в два раза больший...

— Спекулянтка чертова! — выругался мужчина. — А ты, малец, рот не разевай.

В это время раздались звуки отбоя, и все стали выбираться из подворотни. Гаврилов пошел потихоньку домой, принюхиваясь к тому, как пахнет у него за пазухой жмых — чуть-чуть затхло, с горчинкой, но очень аппетитно. Он попытался отломить кусочек, но жмых не ломался. Тогда Гаврилов остановился, достал жмых и

стал откусывать прямо от плитки. Маленькими-маленькими кусочками. Какая-то женщина остановилась около и неодобрительно посмотрела на него.

— Наверное, мать послала купить, — сердито сказала женщина, — дома небось еще едоки есть, а ты здесь один грызешь...

Гаврилову стало стыдно, он спрятал жмых за пазуху и, придерживая его рукой, пошел дальше.

На Шестой линии, на бульварчике недалеко от кинотеатра «Форум» толпились люди. Гаврилов остановился узнать, что случилось. Около большого серого дома стояла пожарная машина, брезентовые рукава тянулись от водосточного люка в раскрытые настежь двери парадного входа. Из дома то и дело выходили люди, таща узлы, чемоданы, какое-то совсем ненужное, нелепое сейчас барахло — большую раму от картины, цинковое корыто... На сваленных прямо в скверике вещах сидели несколько маленьких детишек и две старухи. Гаврилов испугался гнетущей тишины, что стояла вокруг. Не слышно было ни криков, ни шума... Только изредка что-нибудь падало из рук выбегавших из дома людей, и снова тишина, шарканье ног, сдержанный шепот собравшейся толпы, которую не подпускали к дому взявшиеся за руки дружинницы с хмурыми лицами.

— Что тут? — шепотом спросил Гаврилов стоявшую рядом с ним женщину.

— Пожар, — так же тихо ответила она, даже не обернувшись, — зажигалки немец набросал...

Тут только Гаврилов увидел, что из нескольких раскрытых форточек на верхних этажах дома тянутся легкие струйки дыма, почувствовал, что в воздухе пахнет гарью. И ничего, кроме этих струек дыма, не говорило о пожаре. «Ну, наверное, сейчас потушат, — подумал Гаврилов, — небось только что загорелось». И, словно отвечая на его мысли, женщина сказала:

— Давно уже горит, несколько часов... Никак пожарники не справятся. Всего одна машина...

Вдруг с треском вылетела рама в одном из окон второго этажа. В оконном проеме появился мужчина с большим узлом в руках, заглянул вниз и, размахнувшись, бросил узел на тротуар. Потом второй... Из окна густыми клубами пошел дым. А весь дом стоял нетронутый, спокойный, словно бы ничего и не случилось. С ули-

цы никак нельзя было угадать, что там происходит внутри, справляются пожарницы или нет. Огня не видеть было нигде, только дым, словно дом и не горел, а слегка тлели его внутренности.

Из парадной две чумазы пожарницы вывели под руки третью. Ей, видно, стало плохо. Ее посадили прямо на снег, прислонив к дереву, сняли каску. Большой пук льняных волос рассыпался по плечам. Брезентовая куртка у нее чуть тлела. Одна из пожарниц затушила тлеющее пятно и снова ушла в дом, другая дала подруге что-то выпить из алюминиевой кружки. Пожарница была очень бледная, тяжело дышала. По перепачканному сажей лицу текли струйки пота.

Завыла, леденя душу, сирена воздушной тревоги.

— Товарищи, идите в убежище, не толпитесь, — обратилась к окружающим одна из женщин-дружинниц, стоящих в цепи. — Разойдитесь, товарищи.

Но никто не шелохнулся. Все стояли по-прежнему молча, сосредоточенно, напряженно вглядываясь в неживые окна серого дома, следя за слабыми, словно нехотя растекающимися в воздухе змейками дыма.

Заплакала маленькая девочка, сидевшая на стуле рядом с вещами.

— Сейчас придет мама, придет, — крикнула ей одна из дружинниц. — Она твои вещички заберет и придет...

Но девочка продолжала плакать, горько, с надрывом.

Внезапно внутри дома раздался глухой гул, звякнули стекла. Гаврилову не то почудилось, не то он действительно услышал протяжный, сдавленный стон. Словно из-под земли. Все окна одновременно осветились ярким, нестерпимо ярким светом, словно бы кто-то разом во всех комнатах включил электричество. Это продолжалось миг, секунду, а потом со страшным треском и звоном стекла вылетели вместе с рамами, словно вихрь пронесся. Гаврилова обдало нестерпимым жаром. Толпа подалась назад. Кто-то истерически вскрикнул... Гаврилова сильно толкнули. Он чуть не упал, но устоял, прижав к груди купленный на рынке кусок дуранды.

Из зияющих окон дома вырывалось бушующее пламя, полетела гарь. Горящие занавески бились красными языками на ветру и огненными хлопьями падали на снег, на спасенные узлы и чемоданы, цеплялись за деревья. Слышались вопли, плач.

Простоволосая женщина, без пальто, в разодранном платье, с криком бросилась в парадную дома, прямо в огонь. Дружинницы пытались схватить ее, но в это время в доме опять обвалились перекрытия... И словно кто-то могучий и страшный дунул на толпу раскаленным ветром.

Гаврилов как завороченный смотрел на огонь, не в силах отвести глаз. Потом он вспомнил про пожарниц, и ему вдруг стало нехорошо. Он почувствовал слабость и с трудом удержался от того, чтобы сесть прямо на снег. Он отыскал глазами беленькую пожарницу, которую несколько минут назад подружки вывели из дому... Она сидела все на том же месте, закусив ворот брезентовой куртки и неотрывно глядя на горящий дом. Лицо ее, освещенное огненными отсветами, словно окаменело...

Послышалась сирена санитарной машины.

А дом продолжал содрогаться от внутренних обвалов, пламя то взметалось ввысь, то спадало, утихая, и тогда начинал валить густой дым и летели крупные, похожие на черных птиц хлопья. Весь снег стал черным. Черная, словно грозовая, туча с огненными подпалинами висела над улицей, растекаясь все шире и шире... Потом снова вспышка, и снова треск дерева, и гул пламени... И над всем этим нечеловеческий, тоскливый вой маленькой девочки.

Гаврилов вдруг почувствовал, что он весь дрожит от холода, несмотря на то, что горящий дом веял раскаленным жаром.

«Надо идти домой, — подумал он. — И мать скоро придет. Будет варить дуранду».

Он тихонько пошел к Среднему, все время оглядываясь на пожар. Уже не было слышно треска горящих балок и гула толпы, только вой девочки раздавался по-прежнему громко. Даже после того как Гаврилов вышел на Средний и свернул к дому, ему все казалось, что он слышит ее плач...

В феврале на работе у матери Гаврилова сотрудниками стали давать суп. Иногда кашу. Давали не каждый день, а раза два-три в неделю, и Гаврилов стал вести отсчет времени от супа и до супа. В день его выдачи он приходил к маме на работу и съедал полпорции. Мать

служила лаборанткой в институте усовершенствования учителей, на Фонтанке, в красивом здании с колоннадой, напротив Летнего сада. Идти надо было очень далеко. Гаврилов тратил на дорогу почти целый день. Выходил заранее, отчасти чтобы сократить ожидание в пустой холодной комнате, заворачивал в бумажку и клал в карман половину дневного пайка хлеба (полпайка съедал рано утром, как только получал в магазине. С конца января хлеба прибавили. Гаврилов стал получать двести пятьдесят граммов), брал легонькую палочку, на которой было написано: «Привет из Сочи», и выходил из дому. Изю дня в день он ходил одной и той же дорогой. Быстро проскальзывал темной подворотней, где, припорошенный метелью, лежал умерший мужчина. Гаврилов уже привык и не боялся.

Этого мертвеца Гаврилов не забудет никогда. Он всегда будет стоять перед глазами, как только Гаврилов начнет вспоминать ту страшную зиму. И будет вечным укором ему, хоть и неясным, но вечным. И освободиться от этого Гаврилову не дано.

...Он вышел из дому около часу дня, чтобы, как всегда, пойти к матери. Прошел по узенькой тропке, ведущей через двор-колодец от лестницы к подворотне. И в подворотне наткнулся на мертвеца. Вчера утром, когда Гаврилов ходил за хлебом, его не было. Он это хорошо помнил. Это был мужчина в черном зимнем пальто, в шапке, завязанной под подбородком, с лицом, исхудавшим до предела.

Гаврилов приостановился на мгновение, посмотрел на мертвого и вскрикнул: глаза мужчины смотрели на него в упор, смотрели призывно, не мигая... Гаврилову показалось даже, что губы его чуть шевельнулись, словно силились что-то сказать. Но тут порыв ветра пронесся в подворотне, побежали снежные волны, тронули воротник пальто, запорошили лицо. Гаврилов испугался и вышел из подворотни. Потом поздно вечером он рассказал об этом матери.

— Он, наверное, был еще жив... А я ушел.

Мать стала успокаивать его. Она подходила к умершему еще утром, когда шла на работу. Видно, пораньше пошел в магазин за хлебом, но обессилел совсем. Не смог дойти. Гаврилов успокоился немного, но в душе не поверил ей. Так и не смог до конца избавиться от чувства вины.

Выйдя из подворотни, он шел по Десятой линии до Невы, потом по набережной, а у сфинксов, напротив Академии художеств, спускался на невский лед. Здесь всегда было людно — из прорубей брали воду. Тропка через Неву приводила Гаврилова к львам на другом берегу, около Республиканского моста. Там Гаврилов всегда отдыхал. Сидел прямо на снегу. Тогда все отдыхали часто, только следили друг за другом, чтобы кто-нибудь не засиделся, не замерз. Потом он шел по Дворцовой набережной; кажется, она тогда называлась Республиканской, до Марсова поля. И снова отдыхал. Гаврилов помнил, что всегда сидел здесь на чем-то. Скамеек, правда, в то время не было. Их пожгли на дрова. Да если бы и сохранилась какая — занесло бы снегом. Нет, не мог вспомнить он, на чем сидел. Только не на снегу. И еще не мог вспомнить, где были зенитки на Марсовом поле. На фотографиях потом видел эти зенитки, но память тех времен не сохранила.

Гаврилов и до войны часто бывал на Марсовом поле, проходил не раз мимо гранитных кубов, но никогда не воспринимал их как могилы, как надгробия, под которыми лежат люди.

Однажды Гаврилов шел в очередной раз за супом. И когда, совсем ослабевший от ходьбы и единоборства с вьюгой, хотел сесть отдохнуть на свое место на Марсовом поле — увидел, что оно занято. В первую минуту он подумал, что сидящий на нем старик уже замерз, и стал внимательно смотреть ему в бородатое, морщинистое лицо, чтобы твердо убедиться в этом. Но мужчина был жив. Просто он сидел неподвижно и неотрывно смотрел, как беснуется белая снежная заверть на поле. Он наконец обратил внимание на Гаврилова и, ни слова не говоря, подвинулся, уступая немного места. Гаврилов сел, а мужчина посмотрел на его палку и сказал:

— Хорошая растопка...

Гаврилов удивился, что ему самому не приходила такая мысль. Палка была очень красивой, покрыта лаком и уже не воспринималась как деревянная. Потом они сидели молча; и только когда Гаврилов встал, чтобы идти дальше, старик сказал:

— Там мой сын лежит.

Гаврилов проследил за его взглядом: метель кружила над белыми сугробами. Он стал испуганно озн-

раться, подумав, что сын старика ослаб и лежит где-то тут, под снегом. Старик, видно, понял это и сказал:

— Он с революции здесь лежит... под гранитом... — А потом прочитал нараспев: — «В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно...» И мы живем в страшные дни...

— Только нас забудут, — сказал Гаврилов.

— Вы ошибаетесь, гражданин! — сурово и торжественно ответил старик и с трудом поднялся. — Нас будут так же помнить.

— Всех разве запомнишь? — сказал Гаврилов и хотел уже пойти, но старик сделал шаг к нему, положил руку на плечо.

— Вы еще молоды, гражданин, вам не пристало быть пессимистом. Вы, молодые, еще поставите здесь памятник нам. А наш город будут помнить дольше, чем Трою. Будут помнить всегда. — Он помолчал, глядя куда-то вверх Гаврилова. — Поставят гигантский памятник и выбьют на граните имена всех погибших...

— И детей? — спросил Гаврилов.

— И детей, — ответил старик. — В городе-патриоте и дети — воины. И имеют звание граждан.

— Но ведь есть и подлецы, почему они живут лучше всех! Честные умирают... А они-то уж точно выживут. Я знаю. Если бы я мог, я бы их всех... — Гаврилов говорил зло, задыхаясь и слабея от непривычки говорить много и быстро, а перед глазами у него стояло ненавистное сытое лицо Егупина.

Старик молча слушал Гаврилова. Не перебивал. Когда Гаврилов, утомленный, смолк, старик сказал:

— Что ж, даже ради этого стоит дожить до победы... Ради того, чтобы наказать зло. И кто ж это сделает, если не ты, молодой человек!

Он повернулся и, припадая на правую ногу, покачиваясь, медленно пошел по тропинке к Неве. Гаврилову показалось, что ветер свалит старика, и он крикнул:

— Дедушка... Товарищ!

Старик обернулся.

— Вот эта палка... С ней легче ходить. — Гаврилов подошел к нему и протянул палку, неведь кем привезенную из Сочи.

— Спасибо, мальчик. — Старик взял палку, улыбнулся. — Я тебе желаю дожить до победы.

Гаврилов пошел в институт к маме и долго оглядывался на старика, пока его силуэт не пропал в белой мгле.

«Кто же, если не ты, — долго слышались ему слова старика. — Кто же, если не ты...»

В ордере на дрова, который мать принесла и показала Гаврилову, значилось: «Третья линия, дом 38. Один кбм». «Один кбм» представлялся Гаврилову огромной грудой смолистых чурок — звонкие от мороза, они разлетаются от легкого прикосновения топора. И обязательно несколько березовых поленьев с мягкой, шелковой берестой, что сворачивается трубочкой, только начнешь ее сдирать. Какая радость растапливать такой берестой набитую поленьями печурку!

Мать приходила поздно и, обессиленная, прикрыв глаза, ложилась на диван в пальто. Отдышавшись, отдохнув, она разогревала немного кипятку, бросив в буржуйку несколько щепок от очередного разрубленного стула, и говорила Гаврилову:

— За дровами завтра сходим. Мочи сегодня нет... Два часа добиралась.

Назавтра повторялось все сначала.

С работы мать приходила все позже и позже.

Стены в комнате покрылись изморозью, а один угол, тот, что примыкал к лестнице, затянуло молочно-голубой коркой льда. Кубометр дров, трескучих, душистых, нетронутый, лежал где-то на Третьей линии. И лежал еще долго, потому что в конце февраля Гаврилов заболел. Собственно, какой-то определенной болезни у него не было — просто истощение и апатия... Он как-то вдруг потерял интерес ко всему на свете. Даже свою пайку хлеба съедал словно бы через силу, медленно пережевывая, запивая кипятком, чуть подслащенным сахарином. Одетый в свитер, рваную душегрейку, накрытый стареньким лоскутным одеялом, Гаврилов целый день, почти не вставая, бездумно лежал на кровати. Первое время мать, приходя с работы, пыталась поднять его, заставить двигаться. Рассказывала о том, что произошло у нее в институте, что она видела по дороге домой. Но Гаврилов был безучастен ко всему. Мать подолгу сидела рядом с ним на стуле, согнувшаяся, почерневшая. Глядела скорбными сухими глазами и только при-

говаривала время от времени: «Петенька ты мой, родненький, ну поговорил бы со мной, мальчик!..»

Она носила что-то продавать на рынок — Гаврилов видел, как мать долго перебирала одежду в шкафу, завязывала в узел — три дня потом ели суп из пшеники. Но уже и к супу Гаврилов был равнодушен, съедал всего по несколько ложек и, как ни заставляла мать, больше не ел. Не хотелось. Будто ком стоял в горле.

Самым страшным в дни болезни была тишина. Тишина в те часы, когда он оставался один в квартире. В такие часы в стылой ноющей тишине Гаврилова охватывал безотчетный ужас, от него кружилась голова. Страх подкатывался незаметно, исподволь, и Гаврилов не знал, от чего он исходит. Страх сидел в нем внутри и сковывал мысли.

Гаврилов лежал, обливаясь потом, в комнате, где одна стена от пола до потолка сверкала в ледяных кристаллах мороза, безучастный ко всему на свете, не думая ни о чем, даже о еде, следя только за тем, как замолкала квартира. Ему казалось, что замолкала квартира навсегда, навечно.

Уходила на работу мать, поцеловав его в лоб и положив рядом с подушкой завернутую в бумажку пайку хлеба. Гаврилов прислушивался, как ее большие солдатские ботинки шаркают по лестнице. Потом далеко-далеко внизу, на первом этаже, хлопала дверь. Гаврилов ловил своим обострившимся слухом и второй шелчок, более слабый. Это хлопала наружная дверь черного хода. Минут пятнадцать он лежал, прислушиваясь и ничего не слыша, со страхом думая, что вот она и наступила, эта проклятая тишина, что квартира уже умерла и больше никогда не оживет. Но потом с радостью улавливал какой-то легкий шелест, ритмичное поскрипывание. Скрип-скрип, скрип-скрип. И снова тишина. И снова скрип. Гаврилов в первый раз долго не мог понять, что это такое скрипит, и наконец догадался, что это в комнате у покойной Анастасии Михайловны скрипит форточка с обрывками приклеенной бумаги. Ее открыли тогда, да так и не закрыли.

Потом стихал и скрип форточки. Лишь изредка хлопала дверь на лестницу, но вскоре и она переставала хлопать. И тогда наступала полная тишина. Давно уже не капала вода из крана в кухне, не стучали по полу

своими лапами отвратительные крысы, которые появились было глубокой осенью, некому было ходить по квартире и хлопать дверьми, ворчать по поводу сквозняков. И даже ветер не свистел и не играл с плотными занавесками на окне. Вот тогда приходил страх.

А в некоторые дни Гаврилова душила ненависть. Ненависть к человеку, который оставался в этой вымершей квартире, сидел там, за толстой, обитой дерматином дверью с большой бронзовой ручкой, и не подавал никаких признаков жизни, хотя Гаврилов-то знал, что он жив, что он самый живой из всех оставшихся в живых. Эта ненависть накатывала на Гаврилова в те дни, когда он не слышал стука дверей парадного хода, а это могло означать только одно — Егупин оставался дома. И эта ненависть помогала Гаврилову жить.

Гаврилов представлял себе, как Егупин сидит около раскаленной «буржуйки» и, макая поджаренный ломтик хлеба в сгущенку, лениво жует, стараясь не хрустеть, чтобы не услышал Гаврилов. Егупин жует, а сам все раскладывает и складывает выменянные на продукты шубы и золотые кольца, сервизы и часы... Сколько уже раз видел Гаврилов, как, воровато оглядываясь, этот омерзительный человек тащил домой свертки и чемоданы.

И Гаврилов ждал, оставаясь один на один в огромной квартире с Егупиным, когда прошелестят по коридору крадущиеся шаги и сам Егупин встанет у его кровати. «Мальчик, ты слишком много видел и слышал, — скажет Егупин. — Я помогу тебе умереть». И тогда Гаврилов соберет все свои последние силы и будет бить по этой ненавистной физиономии. И вдруг появится со своего завода Василий Иванович, вспомнит про него. Обязательно вспомнит. Вот уже больше месяца его нет, но Гаврилов был уверен — ничего не случилось с ним плохого. Просто ремонтирует танки на передовой.

В один из дней — наверное, это было уже в начале марта — в комнату ненадолго заглянуло солнце, пробив вечный сумрак двора-колодца, пыльные, заклеенные полосками бумаги оконные стекла. Солнечный луч погостил немного на полу, потом медленно двинулся по лоскуткам одеяла, под которым лежал Гаврилов. Гаврилов выпростал руку и подложил под лучик. Луч не грел. Ни чуточки. Гаврилов двигал руку вслед за ним. Ни ра-

дости, ни удивления он не испытывал, просто двигал руку. Луч наконец перебрался на стену и полез вверх по выцветшей карте, которая висела здесь. Поднять руку вслед за лучом Гаврилов не смог, сил не хватило. Он следил теперь за лучом взглядом, следил до тех пор, пока луч не растаял вдруг так же неожиданно, как и появился.

Гаврилов внимательно смотрел теперь на карту, на то место, где только что был луч. Карта была пестрой, и у Гаврилова зарябило в глазах от всех этих кружочков, квадратиков и разноцветных линий. Он даже на миг закрыл глаза. А когда открыл, равнодушно обвел ее взглядом, жалея о том, что потерялся солнечный луч, словно утонул в одном из нарисованных на карте озер. Луча не было. Но что-то заставило Гаврилова вернуться к карте. Он еще раз окинул ее взглядом и снова за что-то зацепился. И уж теперь не отводил глаз до тех пор, пока не нашел то слово, за которое цеплялся подсознательно. «Дивенка» — вот что это было за слово.

Что-то шевельнулось в душе Гаврилова. Какая-то неясная мысль, не мысль даже, а словно легкая искорка промелькнула в его голове. Неясная, но сладкая и приятная...

«Дивенка, — прошептал он. — Дивенка...» И опять лежал безучастный, устремив тусклый взгляд на карту.

Зрение в последние дни ослабло у Гаврилова, так же как и сознание. Все перед глазами расплывалось, смазывалось, словно залитое потоками воды. Но он все смотрел и смотрел, пока наконец не обнаружил тонюсенькую ниточку, вьющуюся меж зеленых пятен лесов и желтых проплешин возвышенностей. И тогда вдруг сквозь броню апатии и равнодушия обессиленной души прорвались к нему, словно освещенные вспышкой молнии, крутые берега реки Дивенки, заросшие густыми настороженными ельниками, березовыми крепями; темный поток, несущий первые, тронутые багрецом листья; пронзительный крик тянущихся к югу ястребов и терпкий аромат черемухи, от которого закружилась голова. Красивое слово «Дивенка» обрело наконец для Гаврилова свой конкретный смысл. Он улыбнулся слабо. Улыбнулся впервые за многие-многие дни, равные годам, и уже не отводил глаз от карты...

Гаврилов разглядывал карту до тех пор, пока не угас тусклый сумеречный день и пестрые кружки и пунктиры не растворились в липкой темноте. Встать и зажечь свечу у него не было ни сил, ни желания. Он все лежал и думал о той, довоенной жизни, когда ему были доступны и эта чудесная речка Дивенка, и леса по ее берегам. И в голове у него уже не было тумана, он чувствовал себя почти хорошо, только легкость необычайная в теле. «Завтра с утра сам пойду за хлебом», — подумал Гаврилов. Впервые за десять дней он почувствовал яро-
стный голод.

Чем ближе подходил Гаврилов к своему дому, тем медленнее и неувереннее делались его шаги. Это получалось произвольно, словно бы и не он сам, а кто-то другой за него все время стремился оттянуть момент встречи с Егупиным.

Темно-серый дом выделялся среди своих соседей мрачной респектабельностью, а прихотливая арка над парадным напоминала разинутую пасть дикого животного. На скамеечке перед домом сидели несколько старушек и один старик, совсем сухой и прозрачный, с медалью «За оборону Ленинграда» на черном пиджаке. Гаврилову показалось вдруг, что все сидящие на скамейке внимательно приглядываются к нему. А старик вроде бы даже зашептал что-то соседке, кивая на Гаврилова головой...

Гаврилов прошел мимо дома. Это вышло совсем непроизвольно, и уже через несколько шагов он, досадуя на свою мнительность, ругал себя на все корки. Возвращаться на виду у всех скамеечников он не решился, дошел до Среднего проспекта и только там повернул обратно. Теперь он шел быстро, не оглядываясь, не поднимая головы, и только в подворотне чуть замедлил шаг. Она, как и раньше, была отделана белым кафелем и казалась заснеженной. Там было сыро и прохладно, и Гаврилов поежился. Он вспомнил, как ходил через эту подворотню зимой, по узенькой тропинке между сугробами. И мертвеца вспомнил, что лежал вот здесь слева. И как они вместе с матерью прошли через эту подворотню за дровами, чтобы никогда больше не встретиться...

...Они пошли с матерью за своим кубометром в воскресенье, прихватив завернутую в мешок пилу и саночки. Утром мать ходила на рынок. Купила несколько плиток столярного клея и немного сахара. Клей стоил четвертной за плитку. Уходя за дровами, они напились кипятку с сахарин. Давно не испытывал Гаврилов такого блаженства — пить сладкий кипяток.

На улице было безлюдно. Колючая метелица мела по пустынному Среднему проспекту. На углу Девятой крутились легкие снежные столбики, завывал ветер в полузанесенном снегом вагоне трамвая. По Шестой линии ветер гнал клубы едкого дыма.

— Мама, — спросил Гаврилов, — а мы увезем целый-то кубометр? На одних санках?

— Ты его сначала отковырни, этот кубометр, — хмуро ответила мать. — Отвезти-то дело нехитрое...

— Как отковырнуть?

— Да от дома же! От дома отковырнуть. Вот придем — увидишь. Там до нас уж так наковыряли...

— Отковырнем, — твердо сказал Гаврилов, хоть и чудно ему показалось, что дрова придется отковыривать. Он никак не мог отказаться от того кубометра сухих еловых и березовых поленьев, что грезились ему в промерзшей комнате.

...Дом № 38 по Третьей линии был полуразрушенным двухэтажным домом. Даже не полуразрушенным, а полубглоданным. Полы, дверные косяки, переборки между комнатами — все было давно отодрано, распилено, увезено. Было выпилено, отколото все, что только можно было отпилить и отколоть. Гаврилов горестно ахнул, увидев этот почти отполированный остов.

Они обошли все комнаты, спустились в сырой, мрачный подвал. Луч света пробивался туда с улицы сквозь крохотное оконце. С осени подвал, наверное, залило водой — грязно-голубой лед заполнял его почти доверху. Два мертвеца вмерзли в лед — один, словно мумия, завернутый в простыни, завязанный веревками, другой, в легком пиджачке, лежал, раскинув руки, словно плыл на спине.

На второй этаж подняться было невозможно — лестницу уже давно распилили.

Мать, осмотрев, ощупав каждый угол, каждое хоть чуточку выступающее бревно, сказала, тяжело вздохнув:

— Вот тебе и кубометр, Петруша...

Гаврилов стоял молча.

Потом мать взяла пилу.

— Ну чего нос повесил? Собирайся с силами. Без дров не уйдем...

Они встали в проеме дверей и, поставив пилу под углом, начали пилить. Тихонько, стараясь не задохнуться, сосредоточенно глядя только на то место, где тугие, повизгивающие зубцы уходили все глубже и глубже в темное бревно, из которого сыпались янтарные опилки. После пяти-шести проходов Гаврилов почувствовал, что больше уже ни разу не сможет потянуть пилу на себя.

— Mam, отдохнем минутку, — попросил он.

Несколько минут они стояли, не глядя друг на друга, прислонясь к стене, тяжело дыша. Наконец мать снова взялась за ручку. У Гаврилова не было сил поднять руки. «Что же делать, что же делать, — растерянно подумал он, — неужели останемся без дров?»

— Ну, Петруша... Берись потихоньку. Сейчас снова отдохнем. Потом еще. Так и пойдет.

От ласкового голоса матери Гаврилову стало совсем не по себе. Он подумал: «Вот лягу сейчас и не встану больше».

Мать посмотрела на Гаврилова и молча взялась за пилу. Она дергала ее рывками на себя. Пила то соскакивала, то застревала, и рез совсем не углублялся.

— Ну что же я, — прошептал Гаврилов, — что же я?.. — И, преодолевая слабость, вцепился обеими руками в толстую ручку пилы.

Он совсем повис на ней, толкал ее грудью, тянул на себя. И снова сыпались янтарные опилки. Мать улыбнулась Гаврилову и сказала ободряюще:

— Разойдешься. Еще как пилить будешь!..

Они пилили долго. Пилили и отдыхали. Пилили и отдыхали... После того как отвалилась от стены первая косая чурка, пилить стало удобнее, легче. Ими овладел азарт, даже жадность — напилить, пока есть силы, побольше, сколько сумеют.

Наконец Гаврилов выдохся окончательно. Колени дрожали так, что он не мог стоять. Руки повисли плетью. Мать поставила в углу чурку потолще и посадила на нее Гаврилова. Он сидел, безучастный ко всему, чув-

ствуя, как холод начинает подбираться к разгоряченному телу. Тишина стояла вокруг. С улицы не доносилось ни единого звука.

В доме стало почти совсем темно. Мать уложила на саночки чурки, пилу. Увязала их толстой белой веревкой, на которой обычно развешивала белье после стирки. Несколько чурок еще осталось.

— Леший с ними, — сказала мать. — Может, ночью сюда и не забредет никто. А с утречка я их заберу. С самого утречка. — Она подошла к Гаврилову, сняла шапку с его разгоряченной головы, погладила ласково жесткой рукой. — Пойдем к дому, Петруша. Ох и напомним мы с тобой нашу буржучку!

Гаврилов попытался встать, но ноги не слушались.

— Не могу я, мам, — только и выговорил он и заплакал.

Мать в нерешительности стояла перед ним.

— А, пропади они все пропадом! Без чурок проживем. Посажу сейчас тебя, Петруша, на саночки и домой... — Она было нагнулась, чтобы развязать веревку, но Гаврилов попросил, глотая слезы:

— Не надо, мам. Я посижу здесь, а ты вернешься. Я тихонько посижу... Не замерзну.

Мать вздохнула, стащила с плеч большой шерстяной платок и обвязала им Гаврилова поверх пальто. Платок был огромный, и Гаврилову стало сразу теплее.

— Ну сиди тихо, сынка! С места не двигайся. Я быстро обернусь...

Она с трудом сдвинула санки с места, осторожно скатила по каменным ступеням. Гаврилов слышал, как скрипели по снегу полозья удаляющихся санок и материны торопливые шаги.

Больше мать он никогда не видел...

Гаврилову было страшно одному. Тишина, что установилась в доме после того, как они кончили пилить, оказалась мнимой. Отовсюду слышались шорохи, скрип; ветер завывал на верхнем этаже; в подвале что-то потрескивало, и Гаврилов вспомнил двух вмерзших в лед мертвецов. Как они туда попали? Может быть, в этом доме по ночам скрываются бандиты?

Он сидел тихо, стараясь даже не дышать. Чуткий, напряженный, с судорожно колотящимся в груди сердцем, он пытался представить путь матери. Вот она дошла уже до Среднего, свернула к Четвертой линии.

Вот уже приближается к Восьмой. Скорее бы шло время, скорей бы она возвращалась!

Потом на Гаврилова напало какое-то сонное равнодушие, и он перестал пугаться шорохов за стеной и заывания ветра наверху. Он стал засыпать.

Гаврилов очнулся от того, что ему почудились голоса. Да, рядом в комнате разговаривали двое. Сначала Гаврилов не пытался вникнуть в смысл разговора — ему показался очень знакомым голос одного из говоривших: пронзительный, каркающий, — и он старался вспомнить, чей это голос. И вспомнил. Это был голос Егупина, только чуть измененный гулкой тишиной пустого дома. Голос другого был незнаком.

— Ну что вы ноете: мало, мало! Где я вам возьму много?..

Гаврилов не расслышал окончания фразы и весь напрягся, прислушиваясь.

— Не ха́ми, Ча́лый, — прохрипел Егупин, — никто тебе больше, чем я, не даст. И не таскай мне мелочь.

— Теперь уже кольца стали мелочью, — проворчал тот, которого Егупин назвал Чалым. — И на кой черт заставлять меня таскаться в эту развалюху? Могли бы по-прежнему дома встречаться...

Гаврилов вспомнил, что еще с осени к Егупину ходил какой-то мрачный тип, небритый, с грязным вещевым мешком за плечами. Анастасия Михайловна, мельком увидев этого человека, сказала:

— Ну и рожа, господи Христе. По таким тюрьма плачет. Люди воюют, а он с мешком шляется...

«Уж не он ли?» — подумал Гаврилов.

За стеной несколько минут молчали. Потом что-то упало, глухо ударившись об лед.

— О черт! — выругался Егупин. Попросил: — Посвети-ка сюда. Куда она завалилась, зараза... А, наконец-то.

— Вы чего с ракетницей ходите? Ну как патруль задержит?

— Да это я так... Просил тут один человек достать. Почему же не достать — золотыми платит. А у нас на складе чего только нет!

— Человек просил, — проворчал Чалый. Голос у него был недовольный. — Это вам не сгущенкой торговать. К стенке поставят и как звать не спросят.

— Да ведь и я так, случайно. Попросил один на толкучке... — Егупин вдруг заюлил. От его спесивого тона и следа не осталось.

— Где в следующий раз? — спросил Чалый.

— Здесь же... Не могу я в квартире, — ответил Егупин. — У меня уже с обыском были...

— С обыском? — испугался Чалый. — Что же вы молчите?

— Да это так, несерьезно. Соседи. Бабье болтливое... Из зависти. Жареным хлебом в квартире пахло. Из моей комнаты. Ну и подсмотрели, что у меня сгущенка... Привели милицию...

— Ну? — требовательно спросил Чалый.

— «Ну-ну» — не нукай. Что я, маленький. Нашли кое-что по мелочи — три банки сгущенки, муку. Милиционеры-то еле ноги волочили. Им не до обыска! Одному даже дурно стало. От хлебного запаха...

— Эх, вот некстати!... А если опять придут?

— Позвать некому... Подошли почти все. Одна баба с заморышем осталась, да и те на ладан дышат...

«Гадина, гадина, — шептал Гаврилов. — Это он про нас так, про меня... — Он так стиснул зубы, что у него вдруг свело мышцы на лице. Сильно закружилась голова. — Ну что же это я? — подумал Гаврилов. — Неужели не встану?.. Замерзну ведь...» И еще подумал он, что не сумеет предупредить мать, они могут убить ее, когда вернется.

Гаврилов замерзал.

Он чувствовал, как холод подбирается к нему все глубже и глубже, сковывая руки и ноги, сковывая мысли. Тупой, изнуряющий холод.

А Егупин и другой, незнакомый Гаврилову человек по имени Чалый все говорили и говорили за стеной, переходя на шепот, который сливался с шелестом ветра, и тогда Гаврилов ничего не мог услышать, то начинали кричать друг на друга, и голоса их глухо бубнили в пустом промерзшем доме, словно в бочке, и тогда Гаврилову все было слышно.

— Я отдал за эти монеты всю свою сгущенку, почти все, — каркал Егупин. — А ты хочешь присвоить их себе. Так не поступают с друзьями...

— А вы мне и не друг, — ответил Чалый. — И благотворительностью я не занимаюсь. И сгущенку помо-

гал доставать я. Без меня вы пустое место, ноль. Можете только воровать карточки у соседей...

Что он сказал дальше, Гаврилов не расслышал. «Воровать карточки у соседей», — гудели у него в голове и повторялись слова. «Воровать карточки у соседей, воровать карточки...» Вот, значит, кто украл карточки у Ольги Ивановны! Она их не теряла, их Егупин украл. Он украл карточки. А Ольга Ивановна повесилась...

— ...Столько золота вам, Егупин, ни к чему, — уже спокойно говорил за стеной Чалый, — я вам отдам только половину... Это ведь и так очень много. А? Как вы считаете? Я даже мог и не говорить вам, что столько получил?

Егупин прорычал что-то нечленораздельное.

— И потом, Егупин, переезжайте на другую квартиру. Не будем хоть мерзнуть встречаясь. Я вам подкину адресок...

— Я не буду переезжать, — буркнул Егупин. — Это исключено. Смешно я буду выглядеть, перевоза на саночках свои вещи...

— Ну да, я ведь забыл про ваше барахло. Все скупаете за пайки?

— Ну вот что, — вдруг твердо, каким-то изменившимся, звонким голосом сказал Егупин. — Мы торчим здесь, Чалый, уже не один час. Обо всем условились, встречаемся через неделю. Теперь отдавай мои монеты — и расходимся... Все монеты... — В его голосе слышалась угроза.

— Идите вы к черту со своими монетами! — заорал Чалый. — Можете подавиться ими. Но больше я не имею с вами никаких личных дел. Только здрасьте и до свидания...

Видимо, Чалый пошел к выходу. И в это время Егупин крикнул:

— Здесь только сорок! Ты что?..

Чалый выругался грязно, и Гаврилов услышал, как в стену глухо ударились кинутые им монеты. Одна звякнула обо что-то, а несколько монет влетели через дверной проем, упали в комнате, где сидел Гаврилов.

За стенкой слышались какая-то возня, шорох. Похоже, что Егупин ползал на коленях, искал монеты.

«Почему не идет мама? — подумал с тоской Гаврилов. — Что-то с ней случилось. Что-то случилось...»

Внезапно Гаврилова качнуло в сторону, все повернулось вокруг него неторопливо и плавно — и дом, и улица с завывающим ветром. Он попытался остановить этот полет, закрыл глаза и старался представить себе дом неподвижным, но это удавалось ему лишь на миг, а потом все начинало кружиться снова...

Гаврилов очнулся от резкого света.

— Кто? Кто здесь? — истерически взвизгнул Егупин.

Видно, руки у него очень сильно дрожали, потому что луч фонарика прыгал все время и никак не мог остановиться на лице Гаврилова.

— Я здесь случайно. Забрел дровишек поискать... Да уже темно, ночь... Боюсь идти, — стал бормотать Егупин, подползая на коленях. Видно, он все еще собирал свои монеты.

Гаврилов сидел молча, оцепеневший от холода. «Егупин меня не узнает, — только и подумал он, — испугался, думает, что его поймали». И оттого, что Егупин стоял перед ним на коленях, бормоча оправдания, Гаврилову стало приятно. Но эта мысль мелькнула и пропала. И остались только холод и оцепенение.

Егупин наконец сообразил, что ему никто не угрожает, а человек, сидящий на вязанке дров, — полуживой мальчишка. Он медленно поднялся с коленей и подошел к Гаврилову. Фонарик все еще дрожал в его руке, но Егупин все же сумел направить луч в лицо Гаврилову.

— Ты... ублюдок! — В голосе у Егупина было столько злости, что Гаврилов съежился еще больше. — Ты здесь подслушивал?! Откуда взялся?

Он схватил Гаврилова за грудь и стал трясти. Перед глазами Гаврилова снова все стало кружиться, и он закрыл глаза.

Егупин начал бить его по лицу. Может быть, это и спасло Гаврилова от смерти. От замерзания...

Так и не добившись ничего, Егупин бросил Гаврилова на пол, потушил фонарик. Последним усилием воли Гаврилов попытался встать, но тупой удар обрушился ему на голову.

Пришел в себя Гаврилов только через несколько недель в эвакогоспитале Кирова. Он смутно помнил все, что происходило с ним. Мерный стук колес сменялся тишиной, в которой время от времени слышался чей-то

шепот. Боль от уколов... Снова перестук колес, и все время неотступно следовавший за ним острый запах больницы. Когда он окончательно пришел в себя, то уже точно знал, что у него нет матери, хотя ему никто об этом не говорил. Он знал, что мать нашли мертвой на улице, у саночек с дровами, недалеко от дома, в подвале которого нашли и его самого. Видимо, сквозь пелену забвения мозг Гаврилова впитал в себя эти вскользь оброненные при нем фразы.

О том, что его нашли в подвале дома почти без признаков жизни, было написано в лечебной карточке. Нашел ночью патруль, прочесывавший пустые дома.

Гаврилов попросил, чтобы к нему пригласили следователя.

— Парень, тебе нужен покой, тебе нельзя волноваться, — сказал ему врач, глядя на Гаврилова с состраданием, глазами, полными слез. — Тебе нужно окрепнуть...

Гаврилов перестал есть. Тогда к нему пришел пожилой вежливый мужчина в халате, наброшенном поверх милицейской формы. По тому, как мягко и предупредительно следователь разговаривал с ним, во всем поддакивая и соглашаясь, Гаврилов понял, что ему не верят.

Следователь ласково погладил Гаврилова по обритой голове, сказал:

— Разберемся, сынок. Ты только поправляйся.

Он ушел и больше не появлялся.

Когда Гаврилов дошел до четвертого этажа, на пятом хлопнула дверь. Кто-то медленно спускался по лестнице навстречу ему. Гаврилов остановился, напряжившись, крепче сжал пистолет в кармане — на пятом этаже была только одна дверь, из нее мог выйти Егупин. На лестнице стояла гулкая тишина. Слышались лишь шаги, да из-за обшарпанной двери, около которой остановился Гаврилов, вдруг раздался детский плач. Гаврилов вздрогнул от неожиданности и подумал: «Вот переполошатся там, в квартире, когда услышат стрельбу. И ребенок перепугается». Он поднял голову. Тяжело опираясь на перила, осторожно ставя ноги на ступеньки, по лестнице спускался человек в черных очках. Гаврилов понял, что человек этот ослеп недавно. Сliš-

ком неуверенно он шел, даже держась за перила. Поравнявшись с Гавриловым, слепой задержался на миг, повернув лицо к нему, словно пытаясь что-то разглядеть. Гаврилов увидел на лице шрамы от ожогов. «Наверное, артист или летчик!» Человек пошел дальше, покачивая головой, словно беседовал сам с собой.

Дождавшись, когда хлопнула внизу входная дверь, Гаврилов стал подниматься. «Ну вот, ну вот, — повторял он себе, словно хотел в чем-то убедить себя и успокоить, — сейчас все кончится. Все, все!.. Только бы он был дома! Только бы не откладывать, не искать в другом месте! Тогда все сорвется. Только бы он был дома!»

Гаврилов остановился перед знакомой дверью и перевел дух, не в силах справиться с противной дрожью в ногах. «Сколько к нему звонков? — подумал он, стараясь вспомнить. Но вспомнить не мог. — А, ладно!»

Он протянул руку к звонку и машинально позвонил три раза. Так, как звонил когда-то к себе. Подождал, потом позвонил еще три раза. «Неужели там никого нет?» — подумал он и в это время услышал, как в глубине квартиры хлопнула дверь и раздались шаги. Ближе, ближе... «Сейчас я всажу все пули в его поганую жабью морду...» Гаврилов напрягся до предела и стал вынимать пистолет. Дверь открылась. На пороге стоял не Егупин, а Василий Иванович.

— Василий Иванович? Дядя Вася! — выдохнул Гаврилов.

— Нет, — удивился мужчина, покачав головой. — Я не Василий Иванович. Я Иван Васильевич. А ты к кому, матрос?

Он смотрел, чуть улыбаясь, словно что-то знал такое, что и Гаврилову узнать сейчас будет приятно.

— Как же... Значит, я ошибся? — растерянно сказал Гаврилов, ошеломленный и сбитый с толку.

— Значит, ошибся. Да тебе какую квартиру-то надо? — сказал мужчина чуть строже.

— Эту, двадцать шестую...

— Да ты войди, чего стоишь на пороге!

Гаврилов вошел в кухню и сразу же увидел обитую старой коричневой клеенкой дверь в свою комнату и ключ, торчащий из замочной скважины. Он смотрел как завороченный на этот ключ, не в силах оторвать

глаз, и ему вдруг почудилось, что дверь сейчас откроется и из комнаты выйдет мать.

— Проходи, матрос, проходи. Не стесняйся!

— Здесь жил Василий Иванович, — начал Гаврилов, с трудом выдавливая слова. А глаза его быстро обшаривали кухню, старую, закопченную, с примусами и керосинками, с большими черными полками, сплошь заставленными кастрюлями, с висящими на стене медными тазиками для варенья. — Жил Василий Иванович Новиков, — повторил он, — до войны жил. И в войну тоже. Вы так похожи...

Иван Васильевич засмеялся:

— Как сын на отца? Да только мой отец лет двадцать как помер. И тебе, по всему судя, с ним встречаться не довелось. — Он обнял Гаврилова и легонько подтолкнул к двери, что вела в коридор. — Заморочил я тебе голову, балтика! Проходи в комнату, покурим. Обсудим вопрос, кто на кого похож.

— Да я... — начал было Гаврилов, но только рукой махнул.

Столько разноречивых чувств владело сейчас им, что голова кругом шла. Он шел по коридору, такому же пыльному и заставленному старьем, как и прежде, и смотрел не отрываясь на большую дверь с огромной бронзовой ручкой, обитую черным дерматином. Эта дверь вела в комнату Егупина.

— Сюда, сюда! — Иван Васильевич придержал Гаврилова за руку. — Ты чего?

Они вошли в просторную комнату — Гаврилов никак не мог сообразить, кому она раньше принадлежала, — Иван Васильевич усадил его на оттоманку, протяжно скрипнувшую и сразу осевшую. Потом взял из рук Гаврилова бескозырку и повесил на крючок у двери и, наконец, сам сел на стул и посмотрел так, словно приготовился слушать долгий рассказ.

Да, он был похож на Василия Ивановича, но теперь при ярком свете Гаврилов понял, что это не портретное сходство, а что-то совсем-совсем иное, трудноуловимое. Не то глаза такие же живые, добрые, не то манера держаться — спокойная, уверенная. А скорее всего в темной кухне все примерещилось взвинченному до предела Гаврилову.

— Василий Иванович Новиков работал на Кировском, — сказал Гаврилов, — рабочим. Жил в этой

квартире. Мне и показалось... Да ведь он еще в феврале сорок второго пропал, как это я забыл! Ушел на завод и не вернулся. А мы с матерью очень плохи были — не могли поискать, нам до Кировского было бы не добраться.

— Он что, родственник? — спросил Иван Васильевич.

— Нет, — ответил Гаврилов. — Сосед. Но он всем нам как родной был...

— Да... — протянул Иван Васильевич. — А я ведь тоже на Кировском. Вот как демобилизовался полгода назад, так снова на Кировском. Токарь я, балтика, универсал. А сюда меня исполком вселил. Мой-то дом на дровишки пустили, вместе с мебелью. Тоже людям пользы принес. Не жалко. А про Новикова надо в отделе кадров узнать...

— Что ж узнавать-то? — махнул рукой Гаврилов. — Ясно, что погиб. Пропал. Сколько тогда пропало!

— Надо узнать, — убежденно сказал Иван Васильевич. — Надо всех разыскать. Чтоб по каждому память жила. Это я сделаю! Это мне не в тягость!

Гаврилов аж вздрогнул и, пристально вглядываясь, посмотрел на Ивана Васильевича: вот точно такие слова, с такой же интонацией частенько говаривал и Василий Иванович — «это мне не в тягость».

— Ну ладно, — Иван Васильевич встал со стула, — что мы о мертвых все. Надо и о живых подумать. Как, балтика, сто граммов флотских с путиловцем примешь? У меня сегодня день счастливый. От брата письмо получил, а думал, уж и не встречу. В сорок третьем сгинул. А сейчас вот объявился. Уж год как война кончилась, а он только объявился. В плену был. Праздник для меня, а выпить не с кем. Примешь? А то один не могу...

Гаврилов кивнул.

— Тогда бери стул, к столу поближе швартуйся...

Он полез в буфет, вынул хлеб, тарелку с картошкой, сваренной в мундире, ополовиненную бутылку водки.

Гаврилов поднялся с дивана и, подойдя к Ивану Васильевичу, сказал:

— Вы не беспокойтесь, пожалуйста... Мне... Я сейчас не могу. Вы извините. Мне надо зайти к одному человеку...

— Ну так и зайдешь, — весело сказал Иван Ва-

сильевич. — Зайдешь, балтика. Посидим с тобой, потолкуем, потом и зайдешь. Ведь не на пожар? А то «здрасьте, я пошел». Так у нас не делается.

Он внимательно посмотрел на Гаврилова.

— Да ты чего, нездоров? Дрожишь прямо, ты чего это, балтика?

— Егупин дома? — хрипло спросил Гаврилов, не в силах больше совладать с собой.

— А-а!.. Так ты тоже этого типа знаешь, — Иван Васильевич как-то странно посмотрел на него, переменился в лице.

— Я же жил здесь! — выкрикнул Гаврилов. — Жил. Там, в маленькой комнате. У кухни!

— Ах, вот что!.. — Иван Васильевич хлопнул себя по лбу. — Вот ведь что!.. Ты же жил тут, балтика. С Егупиным жил — и жив остался. А я, старый дурак, не понял сразу-то!

Он смотрел на Гаврилова с участием, понимающе кивая головой. Бутылку водки он так и не поставил на стол, а держал в руке.

— Вот ведь как, балтика! Не гость ты тут, а хозяин! С Егупиным повидаться пришел. А Егупина-то и нет. Ну садись, садись. Что стоишь-то, нет Егупина! Со мной поговори, товарищ матрос. Егупин поздно приходит. У кабаков папиросками торгует.

Гаврилову почудилась какая-то многозначительность, какой-то скрытый смысл в том, что говорил Иван Васильевич о Егупине.

Иван Васильевич поставил наконец бутылку на стол, быстро достал стопки, вилки, кусок сала, завернутый в газету. Наливая в стопки, спросил:

— Тебя звать-то как, балтика?

— Гаврилов, Петр...

— Ну давай, Петруша, за знакомство! За союз пехоты с балтийцами!

Гаврилов машинально выпил и не почувствовал вкуса водки. У него опять екнуло сердце оттого, что его называли Петрушей, как называл Василий Иванович.

— А Егупин этот — большая сволочь, — сказал Иван Васильевич. — Гнида на теле человеческом... Его еще прошлой зимой арестовали.

— Арестовали?.. — Гаврилов растерянно посмотрел на Ивана Васильевича.

— Арестовали. Год всего и отсидел, гадина. За сле-

зы людские — год! Да ты никак его пожалеть хочешь? — спросил Иван Васильевич с тревогой.

— Пожалеть?! — Гаврилов задохнулся от душившей его ненависти. — Эту гниду пожалеть?! Из-за него люди погибли... Да я его... — И осекся.

— И я бы своими руками его задавил, — сказал, успокаиваясь, Иван Васильевич, — хоть у тебя и больше, наверно, оснований для этого. С такими уродами на одной земле противно жить. Мне следователь порассказал, что он тут в блокаду вытворял. У Егупина одного золота килограммов пять при обыске взяли... Я тут насмотрелся, когда у него обыск был. Сервизы, отрезы. Вещей всяких тьма, уже и гнить начали. Ну и конфисковали все. Часть хозяевам отдали — кто жив остался. Ну давай, Петруша, еще по одной. Ты надолго ли?

— Увольнительную на сутки дали. А там не знаю... Может, в ремонт поставят.

Они выпили молча, закусили.

— А в моей комнате живет кто? — спросил Гаврилов.

— Женщина одна, Петрова. С сыном. Она работает на фабрике Урицкого. Что, будешь комнату требовать?

«Женщина с сыном, — подумал Гаврилов. — Как и мы с матерью».

— Нет, не буду. Что мне сейчас комната! — ответил он и горько усмехнулся про себя: «Будет у меня другая комната. И надолго».

— Да, у тебя все впереди, — сказал Иван Васильевич одобрительно. — Может, посмотреть хочешь? Мать-то на работе, а сынок дома.

— Нет, не хочу, — твердо сказал Гаврилов.

— Ну и ладно, — согласился Иван Васильевич. — Ну и лады. А родные-то у тебя где? Остались живы?

«Добрались, значит, до этого подлеца. Добрались. Но ведь знали-то не все. За спекулянта посчитали, — лихорадочно думал Гаврилов. — Ну да ничего. Еще не все ты заплатил, Егупин. Еще мне платить будешь...»

...Гаврилов просидел до позднего вечера, все время прислушиваясь к звукам в коридоре. Пришла с работы жена Ивана Васильевича. «Татьяна», — назвалась она, и Гаврилов удивился: голова с коротко подстриженными волосами почти вся седая. Татьяна работала воспит-

тателем в детском саду. Она быстро состряпала суп, а потом сидела, слушала, как рассказывал Гаврилов о житье-бытье в блокаду. Плакала, не стесняясь мужчин.

Рассказала о том, что еще в середине прошлого года приходил сюда старик железнодорожник. Расспрашивал про Егупина. Говорил, что детдомовец-мальчишка рассказал ему еще в войну, что Егупин страшный человек.

— Горбатый? — спросил Гаврилов, чувствуя, как поднимается у него в груди теплая волна.

— Горбатый, — кивнул Иван Васильевич, — с него-то все и началось. Мы и в милиции с ним побывали. А потом еще военный приехал. Генерал. Расспрашивал про Лапиных.

«Зойкин отец, — подумал Гаврилов. — Значит, наврала похоронка».

Был этот военный в комнате у Егупина. И очень кричал там. А потом Ивану Васильевичу показывал письмо от дочери. О всех подлостях этого ирода.

— Да мы и сами-то уже знали, что это за человек, — сказала жена Ивана Васильевича. — Тут раз с милицией приходила одна женщина. Отбирать вещи, которые в голодовку он за куски хлеба выменивал. А Егупин-то уж и сам людей сторонился. И на кухню не выходил почти. Шмыгнет из двери в дверь и сидит упырем. И одевался-то ведь в старье. А тут, оказывается, на золоте сидел, на богатстве таком... Потом следовательно приходил. Расспрашивал нас.

Хлопнула входная дверь. Гаврилов услышал, как кто-то тяжелой шаркающей походкой прошел по коридору в кухню и обратно.

— Это он, — брезгливо покосившись в сторону шагов, сказал Иван Васильевич. — Егупин твой.

Гаврилов почувствовал вдруг непонятную слабость во всем теле. У него даже не хватило силы ответить. Он только кивнул Ивану Васильевичу, подумал: «Да, мой! Мой Егупин. Сегодня он только мой...»

Гаврилов вдруг снова вспомнил старика на заметном снегом Марсовом поле и его слова, он никогда не забывал их: «Кто же, если не ты, молодой человек». Слабость прошла. Гаврилов только почувствовал, как холодной испариной покрылась спина.

— Пойдешь проведать, балтика? — спросил Иван Васильевич хмуро.

Гаврилов не ответил. Прислушивался, не раздадутся ли снова шаги в коридоре. Но там было тихо.

Иван Васильевич встал из-за стола и, закулив «Звездочку», остановился у окна. Гаврилов вдруг почувствовал на себе взгляд и, подняв голову, встретился глазами с Татьяной: были в них боль, и сострадание, и испуг. словно бы отразилось в них печальное будущее Гаврилова, судьба его. Гаврилов заметил еще закусенную губу и сведенные на груди побелевшие руки.

Иван Васильевич тоже заметил состояние жены и сказал испуганно:

— Да что ты, Татьяна?.. Что ты? словно на похоронах... Ну пойдет балтика, скажет пару ласковых этому подонку. Отведет душу...

Татьяна опустила голову.

— Вот нашла отчего расстраиваться! Все же хорошо, дуреха! Ну было тяжело... А теперь-то? Вернулся парень живой. И голод и войну прошел. Домой вернулся... Ну чего ты, чего, дуреха? — Он обнял ее как-то застенчиво, погладил по волосам.

Гаврилов видел, что Иван Васильевич и сам расстроился. Сидеть дольше здесь было невыносимо. Он вскочил, пробормотал: «Я сейчас, я на минутку», — и вышел в коридор.

Гаврилов стоял перед дверью с большой бронзовой ручкой. Как и в те далекие времена, он не стал стучать, а просто подергал эту ручку. Раз. Другой.

— Чего там? — раздался голос, и Гаврилов не узнал его.

Голос был чужой, не егупинский. В голосе Егупина, хоть и был он противный, пронзительно-каркающий, всегда чувствовались властные нотки, превосходство в нем чувствовалось. А здесь какой-то шамкающий, сдавленный голос. Нет, совсем не егупинский!

Гаврилов сказал: «Свои», помедлил, ставя пистолет на боевой взвод и снова опуская в карман. Потом решительно нажал на ручку и распахнул дверь. Он увидел посреди комнаты огромный, красного дерева стол с бронзовыми украшениями, а за столом какое-то небритое, лохматое существо. Существо это испуганно взглянуло на Гаврилова и смахнуло рукой со стола себе на колени ворох мятых бумажных денег,

— Чего вам? — прошамкало существо, пристально вглядываясь в лицо Гаврилова. — По какому праву?

Руки у него дрожали крупной дрожью. Отечное, землистое лицо тоже подергивалось.

«Неужели это Егупин? Неужели это он?» — спрашивал себя ошеломленный Гаврилов, вглядываясь и не узнавая прежнего Егупина.

В комнате стоял невыносимо удушливый запах тления и плесени. Кроме этого — во всю комнату — стола, мебели не было почти никакой. Только большой, окованный железом сундук да незастланная, с грязным и рваным бельем железная кровать. Гаврилов узнал этот сундук. Он стоял в комнате у Анастасии Михайловны и был набит старыми журналами. Прямо на столе, без подставки, стоял чайник. И весь стол, вся его бывшая красота была залепана грязью, жжеными кругами — следами от горячих кастрюль.

«Неужели это Егупин? — думал Гаврилов, все вглядываясь и вглядываясь в это убогое лицо, не выражавшее ничего, кроме испуга. Да, это был все-таки он, Егупин. Характерная его брезгливая нижняя губа, теперь совсем отвисшая и обнажившая давно источенные зубы, егупинский нос с легкой горбинкой, ставший почти бесформенным и сизым. — Егупин, Егупин!..» Гаврилов уже не сомневался в этом, но все медлил и медлил вынуть из кармана стиснутый в руке пистолет.

Молчание Гаврилова еще больше испугало хозяина комнаты. Он вдруг зашевелился, заюлил, пытаясь дотянуться до табуретки, стоявшей рядом, сбрасывая с нее картофельные очистки и приглашая садиться. Губы его растянулись в подобие улыбки и еще больше обнажили щербатые зубы.

— Вы ко мне, товарищ? Садитесь, садитесь, — зачастил, заторопился Егупин. — Вы по делу... Может, за вещичками? Был грех, был. Черт попутал. Покупал я вещички у людей. Но все ведь добра хотел, добра. Гибли люди. Умирали с голоду на вещичках. Задарма, говорят, отдавали, мол, за клей столярный. А помнят ли, что стоили эти вещички тогда — ничего! А я хлебушек им давал, сгущенку даже, а это дороже золота было, так-то! Выжить помогал, жизнь сохранить. — Егупин говорил быстро-быстро, угодливо улыбаясь. Глаза у него стали слезиться. — А люди добра не помнят. Забыли, как на коленях упрашивали меня за триста грам-

мов хлеба кольцо золотое взять. Я и брал. Жалеючи брал... И наказали. И вещички забрали, и в тюрьму посадили. В тюрьму посадили старого человека. — Он внезапно заплакал, и лицо его совсем потеряло человеческое выражение.

«Да он, кажется, сумасшедший!» — ужаснулся Гаврилов.

Но так же внезапно Егупин перестал плакать, вытерся рукавом, оставив на лице грязные полосы от слез.

— Все рушилось, пропадало... Горело все, морячок, горело... Вот я и собирал, собирал. Монетку к монетке, вещичку к вещичке. Чтоб ничего не пропало, не запылилось... — Он говорил нараспев, будто сказку рассказывал засыпавшему дитяти. — Монетку к монетке... — И вдруг взвизгнул: — Все отобрали! Все!..

На мгновение, на кратчайший миг появилась осмысленность в его глазах. И как ни краток был этот миг, Гаврилов увидел в слезящихся егупинских глазах ненависть, безысходную ненависть. Не просто увидел — физически ощутил и вздрогнул, будто от электрического разряда.

— Не за вещичками я! — крикнул он срывающимся голосом. — Рассчитаться я пришел с вами, Егупин. За все рассчитаться. Не узнаете меня? Гаврилов Петр, сосед ваш. Вот кто я, Егупин. — И достал пистолет.

«Сейчас, сейчас все это кончится. Надо только нажать курок, только нажать. Не медлить», — подгонял себя Гаврилов.

Егупин хрюкнул совсем по-поросячьи и сполз со стула на пол. Прикрывая лицо трясущейся рукой, он пытался сказать что-то, но горло издало только судорожные рыдания.

— Ва... ва!.. — прорвалось наконец сквозь всхлипы, — ва... имя человеколюбия... Старый, больной... Не со зла я... Власти хотелось, силы... — Продолжая бормотать, он пополз на коленях к Гаврилову, цепляясь рукой за шнур лампы с зеленым абажуром, стоявшей на столе. — Не бери грех на душу, не бери!

Лампа с грохотом упала, абажур разлетелся на куски, и свет погас. Гаврилов услышал в темноте сдавленные рыдания, шорох и вдруг почувствовал, что Егупин цепко обхватил его руками за ноги, гладил их и целовал, бормоча сквозь всхлипывания какую-то явную

бессмыслицу. Гаврилов попробовал вырваться, но Егупин держал его крепко.

«Надо стрелять. стрелять, — мелькнула мысль, — надо же наконец стрелять в эту мразь! — Но, вместо того чтобы стрелять, Гаврилов, собравшись с силой, вырвался из рук Егупина, пнул его ногой, содрогнувшись, словно попал в гниющий, смердящий труп, и, не помня себя, словно в бреду, выскочил из комнаты, шепча: — Нет, не могу, не могу...»

Только на лестнице он пришел в себя и увидел, что все еще сжимает в руке пистолет. «Как же это я ушел, — обожгла его мысль, — как же это я оставил эту сволочь в живых?» Мысль эта была нестерпимой. Опустошенный, растерянный, Гаврилов несколько минут стоял на слабо освещенной лестничной площадке, не решаясь вернуться и не в силах спрятать пистолет и уйти. Мерзкое и жалкое лицо Егупина все еще стояло перед глазами. «И я жалкий! Не смог выстрелить! Не смог!...»

Внизу хлопнула входная дверь. Кто-то, гулко топая, стал подниматься по ступенькам. Гаврилов торопливо сунул пистолет в карман и медленно-медленно стал спускаться по лестнице.

«Нет, не мог я в лежачего, не мог, — пытался он оправдаться перед собой. — Я шел к сильному и наглому. Шел к убийце...»

Чем дальше уходил он от квартиры, тем яснее понимал, что уже никогда не вернется сюда.

На улице было тепло. Прохладный воздух освежал лицо, успокаивал. А на душе у Гаврилова было тоскливо и гадко, но потом какая-то неясная радость шевельнулась в нем, проснулся, заговорил какой-то другой голос.

«Не стрелять же в лежачего! Ведь это уже труп. В трупы не стреляют».

Гаврилов вышел на Средний проспект. Здесь гремели трамваи, былолюдно.

На тральщик Гаврилов пошел вкруговую, по Пятой линии. Он шел медленно, с трудом приходя в себя, вновь и вновь переживая встречу с Егупиным.

Напротив Академии художеств, у сфинксов, спустился по гранитным ступеням к Неве. Вода была совсем

спокойная, гладкая. На мосту Лейтенанта Шмидта звенели трамваи, искря на стыках проводов разводной части. На гранитной скамье, тесно прижавшись друг к другу, целовались парень с девушкой.

Гаврилов вытащил пистолет, подержал несколько секунд на ладони. Подумал: «Зачем он мне теперь? Только нарвешься на неприятности!..» Он размахнулся и швырнул пистолет в темноту. Раздался всплеск. Парень с девушкой отпрянули друг от друга, с недоумением посмотрели на Гаврилова.

Он поднялся по ступенькам, посмотрел на часы. Было ровно двадцать три. «Успею еще пройтись по набережной».

И он зашагал по гранитным плитам мимо Меншиковского дворца, мимо университета, испытывая необычайное облегчение, словно избавился от чего-то ужасного, мучительного, тяготившего его душу. И было еще сожаление оттого, что не увидел Егупина сильным, наглым, которому можно было бы крикнуть: «Узнаешь меня, гадина?!..» Но это сожаление было слабым и даже чуточку приятным. Гаврилов вспомнил бабушки Настино: «Поднялись высоко — и вот нет их; падают и умирают, как и все...»

«Надо обязательно узнать, как судили эту сволочь, за что, — думал Гаврилов. — Знают ли о нем все то, что я знаю? Наверняка не знают. Если поставят тралец на ремонт, не уйдем в море — обязательно все выясню!»

Гаврилов шел и вспоминал жалкого, трясущегося Егупина, смахивающего грязные рублевки со стола, его цепкие руки, затхлый дух в комнате. Его передернуло. «Нет, просто противно... лежачего...»

Вечер был теплый, безветренный, какой-то даже праздничный. Набережная была заполнена гуляющими. Слышался смех. Парни стояли у гранитного парапета, разглядывая проходивших мимо девчонок, перекидываясь с ними необходимыми шуточками, прохаживались чинным шагом с девицами чуть высокомерные курсанты Дзержинки.

Гаврилов тоже вглядывался в лица проходивших мимо девушек, удивляясь, как много симпатичных, даже красивых, время от времени ловя словно бы брошенный невзначай быстрый заинтересованный взгляд. «Познакомиться бы с хорошей девчонкой! Гулять под ручку, как все, по набережной, писать письма, ждать с нетер-

пением встреч». От этой мысли ему стало легче. И словно сам собой стал высвистываться игривый флотский мотивчик: «...но прежде чем уйти в далекие пути, на берег был отпущен экипаж...» Гаврилов уже был почти уверен, что обязательно познакомится с хорошей девчонкой, обязательно большеглазой и веселой. И он уже стал смотреть на встречающихся ему девушек попристальней, не отводя глаз и даже улыбаясь, если какая-нибудь шустрая девчонка с вызовом глядела на него, и прикидывая, какой будет его будущая подруга.

У Дворцового моста Гаврилов спустился на широкую гранитную площадку у воды, постоял немного. От воды веяло холодом, пахло сыростью, рыбой. Из-под огромного пролета моста, словно из распахнутых ворот, тихо постукивая и отчаянно дымя, выполз маленький буксирчик с белым и зеленым огоньками на мачте. За ним бесшумно выдвинулись одна за другой две огромные баржи. Они заслонили огоньки на противоположном берегу, Адмиралтейство. На корме последней баржи светились иллюминаторы, доносилась приглушенная музыка. Подгоняемые течением, баржи, словно тени, проскользили мимо и через несколько минут уже вползли под пролет моста Лейтенанта Шмидта, где слабо мерцающий зеленый огонек указывал путь к заливу.

Гаврилов вдруг подумал о своем тральце, об уютном и таком привычном кубрике. «Пора двигаться, — решил он, — потихонечку-полегонечку». Он хотел уже подниматься вверх, когда на площадку поспешно спустились три парня и стали прямо у самой воды. Один из них, самый длинный, вытащил из-под пиджака дамскую сумочку, открыл и стал жадно рыться в содержимом. Какие-то предметы полетели в воду.

— Ты что, сдурел, Фитиль, — хриплым голосом спросил парень в морской фуражке с большим крабом, в тельняшке, торчащей из-под распахнутого ворота рубахи...

— Пудреница, дешевка, — отозвался длинный и кинул в воду еще что-то. — Документики любят ментики... — пропел он дурашливо.

«Ворье, — подумал Гаврилов, — женщину обокрали...»

— Карточки е?

— Рабочие и детские, Рудик...

«Надо найти милиционера, — подумал Гаврилов. — И скорей, скорей. Да просто подняться наверх и крикнуть людям... Сказать, что здесь ворье». Он сделал шаг к лестнице, и тут его заметил Рудик.

— А это что за легавый подсматривал? — прохрипел он.

— Мариман... — оторвавшись от сумочки, сказал длинный. — Салага...

— Посмотрим, что за салага...

Рудик двинулся к Гаврилову, и за ним двинулись два других вора.

— Подь сюда, салага. Поведай, что тут ищешь? Может, нас? — хрипел Рудик.

— Ворье, — в бешенстве крикнул им Гаврилов. — Ворье... Карточки хотя бы отдали!

Он поднимался по ступеням и думал: «Надо успеть задержать их. Надо успеть».

Гаврилов думал, что они побегут за ним, но все трое остановились, глядя, как он поднимается, и только Рудик вдруг свистнул негромко. Гаврилов был уже у самого верха, там, где горели фонари и гуляли с девушками молодые сильные мужчины, когда на его пути возникла массивная фигура, загораживая дорогу. Гаврилов хотел уклониться, бросился в сторону, но получил оглушительный удар в челюсть чем-то тяжелым, наверное кастетом, и полетел по ступенькам вниз.

— С возвращением, — сказал Рудик, когда Гаврилов стал подниматься. — Не желаете ли перекинуться парой словечек с урками?

Он неожиданно размахнулся и ударил поднимающегося Гаврилова ногой в живот. Превозмогая боль, Гаврилов вскочил и вцепился Рудiku в рубашку. Рудик вырвался, отступил к стене, и Гаврилов, не помня себя от ярости, ударил его кулаком по лицу.

Гаврилова снова сбили с ног, и, падая, он подумал о том, что все это может плохо кончиться...

На этот раз он не смог вскочить быстро, и его с остервенением били ногами.

Когда Гаврилов с трудом поднялся, Рудик снова пошел на него, ссутулившись, чуть расставив руки. На этот раз Гаврилов уклонился от удара и тут заметил, что к ним подходят еще два парня.

— Оставь ты его, Рудик! Этого кореша я где-то видел, — сказал один из подошедших. Гаврилову пока-

зался знакомым голос говорившего. «Славка Мухин?» — подумал он. С Мухиным он жил в одном детском доме.

— Как же! Хватит... — с ненавистью хрипел Рудик. — Смотри, какой он чистенький! Смотри, он какой гордый! Такие гордые в легавые идут. Их на месте кончать надо! Ублюдок! Ублюдок! — повторял он с остервенением, и на Гаврилова вдруг дохнуло ледяным холодом до основания промерзшего дома, и выплыло из тьмы перекошенное злобой давным-давно знакомое ненавистное лицо.

«Пистолет... — вспомнил Гаврилов. — Зачем я его выкинул?»

Он оглянулся, ища выхода, но бежать было некуда. Парни стояли кольцом. Только один, тот, который просил Рудика оставить в покое Гаврилова, отошел в сторону и прислонился к стене.

«Ну что ж», — Гаврилов перевел дыхание и почувствовал, как ярость вскипает в нем, наливая мускулы нечеловеческой силой. Вся ненависть, что жила в его сердце последние годы, ненависть к Егупину, выплеснулась наконец через край. Два лица, одно старое, жабье, другое молодое и тоже жабье, слились в одно, ненавистное, безобразное.

Гаврилов кинулся на Рудика, кто-то из парней загородил ему дорогу, но Гаврилов отшвырнул его сильным ударом. Услышал сдавленный крик и всплеск воды. Он увидел страх на лице Рудика и ударил по нему, шептав: «Это тебе за ублюдка, это тебе за карточки». Раз, второй, третий. Нестерпимая боль обожгла Гаврилову руку, наверное, Рудик полоснул ножом. Гаврилов сбил его с ног и схватил за горло. Где-то рядом раздался пронзительный милицкий свисток. Гаврилов бил и бил Рудика головой о прохладный невиский гранит, повторяя: «Вот тебе карточки, вот тебе «ублюдок», вот тебе предательство».

Он не видел, как разбежались друзья Рудика, словно растаяли в темноте, не видел, как подбежали к ним несколько прохожих и стояли в нерешительности. Не слышал, как закричала вдруг истошным голосом женщина:

— Да что же это! Он ведь убьет парня, убьет. Милиция!

Прибежавшие два милиционера с трудом оторвали Гаврилова от обмякшего Рудика. Один из милиционе-

ров наклонился и поднял финку, тускло блеснувшую в темноте. В толпе, собравшейся вокруг, прошел ропот осуждения. Но Гаврилов не услышал его. Перед глазами у него замелькали радужные круги, нестерпимо захотелось спать. Он чувствовал, как бежит по руке теплой стружкой кровь, как покачнулась вдруг и двинулась вверх вместе с мостами тревожно поблескивающая темная Нева.

Но на душе у него было хорошо и спокойно.

1971 г.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ МАСТЕР

Рассказ

Никогда не думал, что могу быть таким нерешительным. Вот уже час хожу около кассы в большом шумном зале Московского вокзала и никак не решу окончательно — уехать или остаться? Делаю очередной круг, прохожу мимо скамейки, на которой расположилось большое семейство: миловидная, с чудесными русыми волосами женщина, две девочки, похожие на мать, и мрачноватый мужчина неопределенных лет, скорее всего глава семейства, в джинсовом костюме. Мужчина поглядывает на меня сердито. Возможно, принимает мои круги на счет своей супруги. Краем глаза я замечаю, как он, наклонившись к уху, что-то говорит жене. Наверное, обо мне, и, конечно, нелестное. Женщина смотрит в мою сторону, улыбается.

Вчера я уже сдавал билет и брал новый. Хорошо, что это была суббота. Но сегодня воскресенье, завтра мне на службу, командировка закончилась. Правда, я могу позвонить начальству и попросить один день за свой счет. Но зачем? Я еще не решил для себя главного: сказать или не сказать...

Все началось с того, что мне захотелось вспомнить прошлое, и, выйдя вечером из гостиницы, я отправился на Васильевский остров. Нет, уж если рассказывать, то надо с самого начала...

Мне показалось, что этого человека я уже когда-то видел. Во всяком случае, он напомнил мне довоенное детство. В душном вагоне метро он стоял в толпе сосредоточенных, большей частью хмурых людей и улы-

бался удовлетворенно и чуть застенчиво, показывая редкие, порченные зубы. Сделав из ладони трубочку, он то и дело подносил ее к глазам и пристально и подолгу вглядывался туда. На его худом, заросшем белой щетиной лице дегенерата в эти моменты отражалось какое-то непонятное, раздражавшее меня блаженство. Оторвавшись от созерцания, мужчина оглядывался на пассажиров, словно хотел кому-нибудь рассказать о том, что он увидел. Но люди отводили глаза или хмурились отчужденно, и мужчина, виновато улыбнувшись, опять углублялся в свое занятие.

До войны в нашем дворе жил Миша, молодой парень, debil. Впрочем, мы, мальчишки, такого слова не знали и дразнили Мишу просто психом, когда он выходил гулять со своей матерью. Мать всегда крепко держала Мишу под ручку и шла, низко опустив голову, не глядя по сторонам. А парень вот так же застенчиво и блаженно улыбался, вглядываясь в сложенную трубочкой ладонь, и, завидев кого-нибудь из мальчишек, тянулся к нему, приглашая поглядеть. «Иди, псих!» — обычно кричали мы на его приглашение, и Миша, улыбаясь, смотрел на кричавшего с сожалением. Вот этого сожаления мальчишки и не могли ему простить.

Я прикинул: Мише до войны было уже лет восемнадцать, а этому мужчине не больше сорока. Впрочем, психи всегда выглядят моложе своих лет. Но нет, это был не Миша, тот погиб во время блокады. Сначала умерла его мать, потом две тети — старые девы... Кто-то из оставшихся в живых ребят говорил мне, что умер и Миша. Да он просто не мог не умереть, беспомощный и одинокий.

Перед войной я слышал, как моя мать рассказывала приехавшей погостить из деревни тетке, что психи вроде Миши рождаются, если женятся близкие родственники. Но в доме у Миши мужчин не было видно, и о его отце никто ничего не знал.

Встреча с сумасшедшим напомнила мне мое детство. Но так уж, видно, предназначено мне было сегодня — вспоминать. Какой-то механизм сработал в моей памяти при виде этого человека, и люди, давно ушедшие или совсем забытые, обступили меня со всех сторон. В кармане у меня уже был билет на ночной поезд в Москву. Оставалось немного свободного времени, и мне захотелось побродить по тем улицам, где прошло мое дет-

ство, заглянуть во дворы, что служили нам, мальчишкам, полем нескончаемых битв между красными и белыми. Увы, война прилась как раз на то время, когда только начинаются первые прогулки по набережной со знакомыми девочками, и вспомнить по этой части мне было совсем нечего.

От гостиницы я прошел набережной, через мост Лейтенанта Шмидта, по пыльной Восьмой линии. Долго стоял на углу Среднего и Седьмой, около школы, в которой начинал учебу.

Уже смеркалось. Правда, электричество на улице еще не зажигали, но в окнах домов то тут, то там вспыхивал свет. Вспыхнул он и в огромных окнах на втором этаже большого дома прямо передо мной, на другой стороне неширокого Среднего проспекта. В комнатах мелькнула женская фигура и исчезла. А несколько секунд спустя зажегся свет в окне рядом. Видимо, это была кухня. Но я смотрел в светлые окна комнаты и не мог отвести взгляда — на темно-синей стене висела огромная картина в богатой золоченой раме. Мне была видна только часть картины, но я сразу узнал ее. До войны она украшала нашу квартиру, совсем недалеко отсюда, на Третьей линии.

Ночное море, рассеченное лунной дорожкой, несколько мрачных утесов, белеющая кайма прибоя и на рейде большой парусник со спущенными парусами. Вокруг какая-то тревожная пустыньность, и только на корме у парусника горит свет в небольшом окошке...

У нас дома было много картин, но эта мне нравилась больше других. Я мог часами сидеть на диване и, вглядываясь в мрачные скалы, искать притаившихся там разбойников, задумавших напасть на парусник. Даже перед сном мне обязательно хотелось взглянуть на картину — проверить, есть ли в окне свет. Пока горит огонек, думал я, паруснику нечего бояться. Значит, люди не спят, и кто-то стоит на вахте и зорко следит за берегом. Чуть что — прозвучит сигнал тревоги, взвоется белый дымок над амбразурой, и просвистит над скалами пушечное ядро. И я могу спать спокойно...

Почему я всегда думал, что этот дом на Среднем проспекте весной сорок второго разрушило бомбой? Ну, конечно, разрушило. В нем погиб мой приятель Костя Лебедев. Только он жил в другом подъезде, ближе к Пятой линии. И когда после войны я узнал о не-

счастье, то поставил крест на всем этом доме. Мне хотелось забыть его навсегда, забыть, несмотря на то, что в нем жил Костя Лебедев, мой приятель. Но там жил и мой враг — дядя Коля, фамилии которого я, кажется, никогда не помнил. Там жил человек, о котором мать в день первого знакомства сказала мне: «Это дядя Коля, сынок». И поэтому я навсегда вычеркнул большой серый дом с венецианскими окнами на углу Среднего и Пятой из своей памяти. Я ведь думал, что вместе с моим другом Костиком Лебедевым погиб и мой враг, дядя Коля.

В первый момент, увидев картину, я просто обрадовался, как радуются хорошему другу. Я даже не сразу вспомнил про дядю Колю. Выбрал позицию поудобней, откуда было видно большую часть картины, и разглядывал ее, не обращая внимания на толчки прохожих.

Господи, как же это все было давно, думал я. Наша большая, но такая уютная квартира, заставленная шкафами с книгами, стены, завешенные видами старого Петербурга, запах пирогов, которые пекла бабушка. И мои «кругосветные путешествия», когда, составив из нескольких стульев корвет, подняв паруса-одеяла, запасшись провизией, компасом и картой, я отправлялся в путь, навстречу паруснику, красовавшемуся на картине. Я не знал имени художника. Сейчас я вспомнил почему-то Тёрнера и подумал, что это был скорее всего какой-то английский мастер.

В комнате опять появилась женщина, мне показалось, что она совсем молода. Она подошла к окну, некоторое время смотрела на улицу. Потом задержала штору в одном окне, в другом...

Минут пять я еще стоял и всматривался в окна, как будто женщина могла снова раздернуть шторы. Слабый свет, чуть проникавший из-за них, породил во мне чувство одиночества и неприютности. Я почувствовал, что на улице прохладно, что с Невы тянет сырой сентябрьский ветер, но уходить отсюда мне не хотелось. На Шестой линии, в сквере, стояли скамейки, и я сел на одну из них.

...К февралю сорок второго года мать продала на рынке свое последнее кольцо — обручальное. Еще раньше отдала за дуранду шубу, старенькое пианино...

Однажды, когда мы пошли продавать мамин оренбургский платок, я заметил, как высокий сутулый муж-

чина, весь заросший щетиной, придирчиво листал какую-то небольшую книжку, предложенную ему старухой. Старуха смотрела на мужчину с надеждой, а он все листал и листал книгу, что-то читал, и я даже испугался — вот он сейчас прочитает всю книгу и отдаст старухе, ничего ей не заплатив. Но, видно, книга его заинтересовала, потому что мужчина, порывшись в своей черной сумке, достал кусок хлеба и протянул старухе. Та взяла хлеб и быстро спрятала на груди.

— Мама, смотри, за книги тоже хлеб дают, — сказал я, удивившись. Мне сразу представилась гора хлеба, которую мы смогли бы получить за свою библиотеку.

Я сам подтолкнул мать к этому человеку.

Оставив меня в сторонке, мама подошла к сутулому и долго о чем-то говорила ему, время от времени оглядываясь на меня. Я видел, как мужчина изредка отрицательно качал головой, и сердце у меня падало. «Наверное, у него нет больше хлеба», — с тоской думал я. Но мать снова что-то говорила, и мужчина, глядя на нее исподлобья, кривил тонкие губы, словно жевал корку хлеба. Наконец он вытащил из кармана клочок бумаги и, написав что-то на нем толстым красным карандашом, отошел.

На бумажке был адрес: Средний проспект, дом 28, квартира 9.

На следующий день мать долго перебирала одну за другой книги в шкафу. Все книги были в красивых переплетах, с золотым тиснением на кожаных корешках. Наконец она отобрала несколько томов, я уже не помню их названий, и отнесла по адресу. Домой она вернулась веселая. С порога показала мне пузатый пакет из пожелтевшей бумаги. Это было пшено в довоенной расфасовке.

Что может быть в жизни лучше горячей, рассыпчатой пшенной каши! Даже если она без капельки масла, а просто с куском сыроватого черного хлеба.

...Я смотрю на часы. До отхода моего поезда остается час. Можно еще успеть сдать билет. Правда, я потеряю несколько рублей, ну да бог с ними.

Невольно я опять вспоминаю довоенное детство, несметное количество книг, за которые даже в дни блокады давали то пакет пшена, то кусок хлеба. А картины и старинные гравюры?

Но главное — книги. С раннего детства я благоговел перед ними. И сейчас, заходя иногда к букинистам, я вдруг загораюсь при виде томика «Русской старины» или помятой, трижды перепроданной, но не потерявшей своей элегантности и притягательной силы книжки «Столицы и усадьбы». Я осторожно листаю тома, у меня начинает шевелиться мысль о том, как было бы здорово собрать хорошую библиотеку и вечерами погружаться в книги. Но, окинув взглядом забитые книгами полки магазинов, я остываю. Время упущено. Мне уже сорок пять. Книги баснословно дороги. Их теперь не покупают, а скупают. Скупают люди, которые раньше скупали хрусталь.

Поздно.

...В тот первый вечер, продрогнув, сидя на бульваре, я все-таки вошел в дом. Я сразу узнал эту лестницу. Даже странно! Не был тридцать лет и сразу узнал. Наверное, потому, что десять-двадцать минут, которые мне приходилось проводить на лестнице в ожидании матери, казались мне нескончаемыми. Даже сейчас, как только я вступил на лестницу, меня прохватил озноб.

...Каким могильным холодом тянуло тридцать лет назад снизу, из подвала. На лестнице, что вела туда, громоздились наросты льда. Я боялся смотреть в ту сторону. Не знаю, лежали ли там замороженные покойники, но в нашем доме лежали, и я боялся.

Дней через пять после того, как мать принесла пшено, дядя Коля пришел к нам сам. Небритый, сутулый, все в том же засаленном ватнике, с большой черной сумкой. Но у нас дома мужчина расстегнул свой ватник, и я увидел под ватником красивую меховую безрукавку.

— Это дядя Коля, сынок, — сказала мать.

Я сидел на диване и молча наблюдал за человеком, который ходил по комнате, как хозяин, подолгу останавливался у гравюр и, прищурившись, внимательно их разглядывал, листал книги, откладывал некоторые в сторонку.

Наверное, он почувствовал мою угрюмую недоброжелательность.

— Пускай мальчишка посидит в другой комнате, — сказал он матери.

И больше никогда сам не приходил к нам и меня не впустил ни разу в свою квартиру.

Почему?

Теперь я думаю, что дядя Коля был человеком дальновидным. И, наверное, считал, что у меня больше шансов выжить. Что мать, отрывая от себя последний кусок хлеба, выходит меня, а сама выживет вряд ли.

Дяде Коле не нужны были свидетели.

А тогда мне казалось, что он просто меня боится.

Он ничего от нас не унес и ничего нам не оставил.

Мы сами на следующий день к вечеру отнесли дяде Коле отобранные им гравюры. Мать вытряхнула ноты из большого черного альбома с завязками, и мы их туда сложили. Осторожно вынимали каждую из рамки, прокладывали нотными листами. Папка была большая и тяжелая, я подумал, что нести ее будет тяжело, и предложил:

— Давай свернем их в трубочку. Упакуем в газету.

— Дядя Коля просил не комкать. Мятые не возьмет. А газету залепит снег, и она размокнет. — Мать вздохнула.

Гравюры мне было совсем не жаль. Кроме одной. На ней был изображен парад на Дворцовой площади. И все участники парада — крохотные пехотинцы, кирасиры, уланы, драгуны и еще бог знает кто были изображены так четко, так скрупулезно точно, что у меня дух захватывало от этой пестроты. Отдельно толпились вельможи, а царь поднял шпагу, мчался во весь опор на белом коне. Эту гравюру я пожалел и спросил у матери:

— Мам, а что нам за это даст дядя Коля? Опять пшена?

— Обещал хлеба.

Слова о хлебе смирили меня с потерей.

Мать уложила последнюю гравюру, завязала тесемки у альбома и села. Дышала она тяжело, с каким-то свистом.

— Папа сделал бы то же самое, — сказала мама, глядя куда-то вдаль, сквозь замерзшее толстым слоем льда окно. — И дедушка твой тоже.

Отец мой, историк, преподаватель университета, погиб в начале войны под Лугой, а дед умер в Малой Вишере.

Идти нам было совсем недалеко, несколько кварталов, но мы останавливались раз пять. Отдыхали. А ко-

гда поднимались по лестнице, отдыхали чуть не на каждой ступеньке.

В каждом марше этой лестницы было двадцать шесть ступеней. Мраморных, очень стертых, широких ступеней с бронзовыми ушками у основания. В сорок втором году, когда, ожидая мать и стараясь отвлечься от своих страхов, я считал ступени и заметил эти ушки, то не знал, что в них просовывают прутья для крепления ковровых дорожек.

Меня мучили страхи. Я боялся, что мать убьют за этой обитой дерматином дверью, а гравюры заберут себе. Я боялся, что здесь, на полутемной лестнице, убьют меня, и вздрагивал каждый раз, когда где-то хлопала дверь. Уж лучше бы они хлопали чаще и по лестнице ходили жильцы. Но за все мои сидения только дважды мимо меня прошли люди. Один раз откуда-то сверху спустился старик, подозрительно оглядевший меня с головы до ног, в другой — поднималась на третий этаж женщина. Усевшись рядом со мной на ступеньку, она спросила, кого я жду. Я сказал, что маму. Женщина хотела еще что-то спросить, но в это время вышла мать, и она ничего спрашивать не стала.

За гравюры дядя Коля дал полбуханки хлеба и банку сгущенки. Радости нашей не было конца. Дома, прежде чем открыть сгущенку, я играл с банкой, как с самой дорогой игрушкой, прижимал ее к груди, целовал.

...Я медленно поднимался по ярко освещенной лестнице. Мраморные ступени были те же, широкие и стоптанные. Пахло свежей краской. Видно, лестницу недавно ремонтировали. Стены были выкрашены в нежный сиреневый цвет, плафоны вымыты. Одолев первый марш, я остановился у окна и задумался. «Чего я туда иду? Кого надеюсь встретить? Дядю Колю? Так его уже давно нет в живых — он и в сорок втором казался мне стариком. Кто эта женщина, задерживавшая шторы? Дочь? Внучка? А может быть, посторонняя? Ведь сколько я сам слышал таких историй, когда все жильцы в квартире умирали и поселяли чужих людей из разрушенных домов. Оставляли им мебель, утварь.

Дядя Коля умер? Выменивавший на куски хлеба и ишнено ценнейшие произведения искусства, редчайшие книги! Нет!

А бомбежки? А снаряды? В конце концов даже в

этот дом попала бомба и убила моего приятеля Костю Лебедева. Костю убила, а дядя Коля остался жив.

Но зайти все-таки надо. Взглянуть на старый парусник. На гравюры, если они целы. Что я теряю? Несколько секунд неловкости и замешательства, пока объясню, кто я и зачем? Переживу. Мало ли в жизни приходится терпеть даже унижений!

Я стал подниматься выше, но почувствовал, что слишком волнуюсь. Нет, сегодня я не готов идти в гости. Мне надо быть спокойным, корректным. Надо лучше выбриться, отутюжить костюм.

На вокзале я попросил перекомпостировать билет на завтра, позвонил домой и сказал, что вынужден задержаться на день.

Ночью мне не спалось. Как только я закрывал глаза, так видел освещенные окна и картину с парусником. Временами я начинал думать, что сделал большую глупость, оставшись. Поддался минутному чувству, глупец! Прошел бы мимо, спокойно спал сейчас в поезде, воскресенье провел с семьей и не мучил себя воспоминаниями.

Нет-нет! Это проще всего — взять и уехать. Надо выяснить все до конца, кто бы ни жил в квартире номер девять, ценности там — и наша картина с парусником, даже если, кроме нее, ничего больше не осталось, — краденые! Выменянные за куски хлеба у полумертвых, распухших от голода людей...

Спор этот продолжался долго. Наконец в комнате с ярко освещенными окнами появилась девушка, посмотрела в мою сторону и задернула шторы. Я заснул.

Никогда нельзя откладывать задуманное! Я считал, что мне следует подготовить себя к посещению квартиры номер девять, войти в нее спокойным, собранным, но утро не прибавило мне решимости. Я волновался еще больше. Никак не мог придумать вразумительную причину своего прихода, мучительно ломал голову над первой фразой. Кончилось все тем, что я спустился в буфет и выпил полстакана коньяку.

Уже стоя перед самой дверью, я выругал себя за опрометчивость — уверенности мне коньяк не прибавил. Зато теперь будет пахнуть, и хозяйка подумает обо мне бог знает что. А может быть, в этой квартире есть и хозяин? Необязательно же дядя Коля. Молодой муж молодой хозяйки.

Я позвонил. Машинально позвонил три раза, как звоню у себя дома.

Дверь открылась почти сразу. У меня мелькнула мысль о том, что если бы женщина была одна, то обязательно спросила: «Кто?» — прежде чем отворять.

Не знаю, что она подумала обо мне. В первый момент я не только не уловил выражения ее лица, но даже плохо разглядел саму женщину.

— Вчера вечером, — сказал я, поздоровавшись, — в вашей квартире не были занавешены окна, и мне бросилась в глаза большая картина. Парусник...

Женщина кивнула.

Я молчал как истукан, не зная, что сказать дальше.

— И что же? — спросила женщина. — Вы пришли узнать, не продается ли она?

— Нет, вы меня неправильно поняли, — начал я горячо. — Не подумайте ничего плохого. Вот мой паспорт. — Я полез в карман. — В Ленинграде я в командировке. На один день задержался, чтобы попросить вас...

Она смотрела на меня чуть-чуть удивленно, но без насмешки, и первое, что я наконец разглядел в ней, были добрые глаза.

Я протянул ей паспорт. Она отодвинула его.

— Вы хотите посмотреть картину? Пожалуйста.

Женщина отступила, пропуская меня в квартиру, закрыла дверь.

— Почему картина заинтересовала вас?

— У нас дома до войны висела очень похожая. Ночное море, парусник на рейде и только одно освещенное окно...

Женщина посмотрела на меня удивленно.

— Вы и окно разглядели? С улицы?

— Да нет, вашу картину я видел плохо. Общие контуры. А на той... На той, что висела дома, окно светилось.

Ей было больше тридцати. Короткие каштановые волосы лежали свободно и красиво. Теперь я разглядел цвет ее глаз. Темно-карий.

Идя вслед за хозяйкой по широкому коридорчику, заставленному старинными шкафами с книгами, я успел разглядеть светлые, телячьей кожи, с золотым тиснением тома «Жизни и деяний Петра Великого». Эти тома могли быть из нашей библиотеки.

Женщина привела меня в большой мрачноватый кабинет.

— Посидите здесь несколько минут. В гостиной не прибрано.

Увидев, что я все еще держу в руках паспорт, она засмеялась.

— Да спрячьте вы свой паспорт. Просто скажите, как вас зовут.

— Анатолий Сергеевич.

— А меня Софья Николаевна...

Сердце мое екнуло. Софья Ни-ко-ла-ев-на!.. Значит, она дочь дяди Коли? Да ведь он еще в сорок втором был совсем-совсем старый... А ей только за тридцать. Нет, пожалуй, побольше. Где же ты была, милочка, в сорок втором? В эвакуации? Или в этой пропахшей запахом съестного квартире?

Я чувствую, как волна ненависти прокатывается через мое сердце. Спокойно! Дети за отцов не отвечают! У этой женщины добрые глаза.

Видимо, заметив мою нервозность, Софья Николаевна посмотрела на меня с любопытством, хотела что-то спросить. Но не спросила. Сказала только:

— Посидите, я сейчас. — И вышла.

В одиночестве я немного пришел в себя.

Кабинет был большим. Только поначалу, из-за обилия шкафов с книгами и пришторенных окон, он казался мне маленьким. На двух больших стенах, самых затененных, висели гравюры и акварели старого Петербурга. Я сразу увидел парад на Дворцовой площади и мчащегося галопом царя перед выстроившимися шпалерами войсками. Других рисунков я не помнил, но в кабинете их висело значительно больше, чем было когда-то у нас. Нет, не одни мы приходили в тот год за куском хлеба к дяде Коле.

— Анатолий Сергеевич! — Ее слова вернули меня к действительности. — Можно пройти в гостиную. Взгляните на картину. — Она уже успела переодеться. Вместо платья на ней был черный тонкий джемпер и белые брюки.

— Вот с этого места видно лучше всего, — сказала Софья Николаевна и подвела меня к маленькому диванчику в углу большой светлой комнаты.

Голос у хозяйки приветлив. Глаза смотрят на меня без всякой настороженности. Скорее с любопытством.

Слишком непринужденно она ведет себя со мной. Слишком! В этой ее непринужденности я начинаю ощущать какую-то скрытую для себя угрозу. Почему она не боится? Все-таки незнакомый человек, выдумал нелепый повод — посмотреть картину, случайно замеченную в окне. А если вор? Наверное, мое объяснение выглядело слишком нелепым, чтобы заподозрить подвох. Плохие намерения скрываются за более логичными объяснениями.

Как бы то ни было, я сажусь на диванчик и смотрю на картину. Желтым светом светит мне окно на корме парусника. Вот и встретились старые друзья. На какое-то мгновение мне чудится, что свет в окошке начинает мигать, словно передают сообщение по азбуке Морзе. Меня тоже узнали? Нет. Просто изломанный лучик солнца отразился от проезжавшего по улице автомобиля. Вот еще один. И еще... Лучики мешают мне сосредоточиться. Я встаю с диванчика и, виновато посмотрев на Софью Николаевну, пристроившуюся на круглом стуле у рояля, чуть-чуть задергиваю штору.

Она смеется:

— Я тоже люблю смотреть на картину вечером, при свете электричества. Зажечь?

— Спасибо. Так тоже хорошо.

— Анатолий Сергеевич, вы художник?

Ах, вот в чем дело! Она приняла меня за художника. Считает, что только художник может позволить себе такое сумасбродство — вломиться к чужим людям, случайно увидев с улицы картину.

— Я инженер. — В моем голосе появляются какие-то игривые нотки. Дескать, я инженер, но...

Софья Николаевна поддается на мою приманку. Она улыбается, и по этой улыбке я вижу, что она мне не верит. Ну и пускай думает, что хочет.

— Выпьте чашку кофе? — спрашивает хозяйка. — Раз уж пришли в гости, придется вас угостить.

А она приятная женщина, думаю я и киваю в знак согласия. Глаза у нее добрые. И мелкие-мелкие морщинки у глаз, и волосы она, пожалуй, красит. Наверное, есть седые. Но выглядит совсем молодо...

Софья Николаевна уходит. Я снова один в этой похожей на антикварный магазин комнате. Но я отвожу взгляд от уникальных ваз, от чужих картин. Только сейчас я по-настоящему вижу свою картину. Солнечный

зайчик снова пляшет на ней. Правда, теперь на раме. На массивной золоченой раме. Это редкая рама. Даже дядя Коля сказал нам: «Редкая рама».

...Еще раз два или три мы с мамой возили дяде Коле на саночках книги. «Жизнь и деяния Петра Великого», редкие издания Пушкина, «Хиромантию», написанную французской девицей Ленорман». Мы жили в эти дни! И даже не просыпались спозаранку, чтобы встать в очередь за своими дневными пайками хлеба. Мать выкупала их, когда шла с работы.

В одно из воскресений она даже навестила тетку — двоюродную сестру отца. Тетка жила за Большим Охтенским мостом на Новочеркасском проспекте. Мать отнесла ей немного хлеба и крошечный кулек пшена, но пришла совсем разбитая. Не снимая пальто и валенок, долго лежала на диване с закрытыми глазами. Лицо у нее было опухшее.

Однажды, к моей радости, мать вышла от дяди Коли очень быстро. Только радость моя была преждевременной. Вместо хлеба в руках у нее была связка книг, которые мы только что привезли. Мать села рядом со мной и заплакала.

— Книги он больше не берет, — сказала она, немного успокоившись. — Обещал за большую картину дать хлеба и банку сгущенки. И то слава богу!

Связку книг мы оставили прямо на лестнице у дверей дяди Колиной квартиры. Везти их назад не было мочи.

Несколько дней мы никуда, кроме булочной, из квартиры не выбирались. Мать чувствовала себя очень плохо, почти не вставала с постели. Я приносил ей из маленькой аптечки старые, еще довоенные пузырьки, и она говорила, откуда накапать капель. Вряд ли эти выдохшиеся капли могли помочь.

Да, не скоро собрались мы к дяде Коле. Но лучше бы уж не собирались никогда.

С трудом сняли мы картину со стены. Почти целый день, осторожно, боясь попортить холст, мать вытаскивала гвозди, которыми он был прибит к раме.

— Завтра распилим ее, — сказала мать, кивнув на раму, — и неделю будем топить «буржуйку»...

...«Неужели можно было бы неделю топить «буржуйку» этой рамой?» — думаю я, внимательно разглядывая ее. Солнечный зайчик все еще скачет по прихотливой

вызолоченной лепнине. Правда, рама на удивление массивная, но и неделя — срок немалый.

Откуда-то из-за дверей, наверное из кухни, доносится приглушенный вой кофемолки. Софья Николаевна готовит кофе. Какая большая у них квартира! Собственно, у кого «у них»? Пока я видел только одну Соню. Мысленно я называю ее Соней, а не Софьей Николаевной, и чувствую, что мне хотелось бы так называть ее и в разговоре...

...Мы свернули картину трубкой и запеленали в мягкую цветастую материю. Перевязали бечевкой. Она и без рамы была тяжелой. На улице, прикрутив рулон с картиной к саночкам, мать с трудом распрямилась и покачала головой. Картина выглядела словно мертвец, которого везут на кладбище. Только тех заворачивали в белые простыни или одеяла, а не в яркую цветочками фланель. Но делать было нечего. Не возвращаться же домой за новой оберткой?

Мы взяли за веревку и потихоньку поехали. На углу Третьей и Среднего какая-то старушка перекрестилась, глядя на сверток. Может быть, покойник в таком пестром покрывале показался ей кощунством.

Мама думала, что дядя Коля поможет нам втащить картину. Но он отказался. В тот раз впервые я стоял на пороге его квартиры. Буквально несколько секунд. Но их хватило мне, чтобы уловить запах еды.

В этот день нас ждал страшный удар — мать вышла ко мне сама не своя: дядя Коля потребовал привезти раму.

— Может быть, он и прав? — задыхаясь, через силу говорила она. — Где ему найти такую красивую и большую раму? Только надо было сразу сказать!

Как бы ни был я мал, но понял, что с рамой нам не справиться. Не поднять, не поставить на санки. Да наши маленькие санки и не годились для такой громадины.

Усталые, молчаливые, мы вернулись домой. Не затопили «буржуйку» — не было сил. И варить на ней было нечего. Дневные пайки хлеба мы съели утром. Надеялись на дядю Колю.

А утром я проснулся и увидел, что мать, ползая на коленях вокруг рамы, пытается отвернуть какие-то винты. Оказалось, что рама скреплена металлическими уголками. В первую минуту я обрадовался. Это же так

просто! Отвинтим уголки, разберем раму и отвезем дяде Коле.

Какое изнурительное дело — вывинчивать старые, ржавые, просидевшие, может быть, сто лет в прочном, словно камень, дереве, винты!

Шестнадцать винтов. Отвертка скользила с противным скрежетом, срывалась с винта, оставляя лишь легкие царапины на металле. Не было сил прижать ее так, чтобы хоть немного стронуть винт с места. Только бы чуточку вылез он из своей берлоги! Тогда можно зажать его плоскогубцами и крутить, крутить, крутить, с радостью ощущая, что хоть и туго, но винт поддается.

Казалось, эту работу мы не закончим никогда. Но вот последний винт, с приросшими к нему намертво ошметками дерева, падает рядом с другими. Мама целует меня.

...Ей стало плохо, когда мы возвращались от дяди Коли. Она села прямо на сугроб и стала судорожно растегивать пальто, срывать с себя платок.

Я стоял рядом и кричал сквозь рыдания:

— Мамочка, не надо! Мамочка, не надо!

Что было дальше, я помню плохо. Маму везли куда-то на санках, я шел рядом...

...На какое-то время я перестал себя ощущать. Это был не обморок, не забытие. Я ходил, разговаривал с вошедшей в комнату Софьей Николаевной как во сне. Ощущение реального вернулось в тот момент, когда, сидя за столом и помешивая ложечкой в чашке, я говорил ей:

— У вас замечательный дом. Такие книги, прекрасные картины...

— Эта, — Софья Николаевна кивает на картину с парусником, — работы неизвестного голландского мастера. Шестнадцатый век...

— А мне показалось, что это Тёрнер...

— Вы ошибаетесь, — почему-то радуется она. — Манера очень близкая. Особенно море. Эту картину, когда папа был жив, просили продать Эрмитажу. Предлагали какую-то баснословную сумму. Но он отказался...

Ее папа умер... Нет дяди Коли. Интересно, давно ли, думаю я и сам удивляюсь. Какое это имеет значение? Хотя нет, имеет. Мне хочется знать, насколько дольше моей мамы он прожил.

— Почему отказался? — спрашиваю я. Кофе она

приготовила прекрасный, и поджаренный хлеб с сыром кажется мне очень вкусным. — Разве не приятно видеть в музее восхищенных людей у картины, которая когда-то принадлежала вам? А назойливые разгильдяи перестанут ломиться к вам в дом!

Она смеется и смотрит на меня ласково. У нее ласковые глаза. Это я заметил сразу. Ничего не заметил, только ласковые глаза. Впрочем, я знаю, что нравлюсь некоторым женщинам. Правда, недолго. Что-то отпугивает их.

— Он хотел ее подарить... При условии, если повесят табличку о том, кто подарил... Папа был чуточку тщеславным. Особенно в старости. — Она улыбается грустно и ласково.

Он хотел подарить картину музею... Подумайте только — он хотел! В один прекрасный день я мог увидеть свой парусник в Эрмитаже с табличкой: подарок дяди Коли. Проклятье! Я даже не знаю его фамилии. Ее фамилии. Хотя у нее уже давно другая.

— Папа всю жизнь собирал книги и гравюры. Коллекция гравюр у нас изумительная. Ее тоже хотели купить. Для Русского музея, для Музея-квартиры Пушкина. Я вам покажу. Вы оцените.

Я пью кофе, шучу, веду себя как заправский бонвиван. Софья Николаевна мило принимает мою дурацкую трепотню. Мне только этого и надо.

Я страшно не хочу уходить! Моментами, когда я, отрываясь от кофе и светского разговора, пристально гляжу на картину, у меня пропадает ощущение реальности, уши словно забиты ватой. Голос Софьи Николаевны едва доносится до меня.

Какой-то неизвестный голландский мастер написал это ночное море, скалы, парусник. И вот уже сотни лет светит единственное окошко на паруснике самым разным людям — хорошим, плохим, «таксебесым», как говорила моя мать.

Почему так несправедливо устроен мир — эта красивая женщина с добрыми глазами показывает мне нашу — мою! — картину, с моим парусником, и я жалкой болтовней пытаюсь продлить свое пребывание рядом со своей картиной.

А я не лукавлю? Тридцать лет я прожил без нее и, если бы не случай, никогда не увидел. Может быть, мне не хочется уходить из-за добрых темно-карих глаз

Софьи Николаевны, Сони. Нет, это было бы несправедливо перед памятью матери — остаться. Она умерла из-за этой картины, а я мило болтаю с хозяйкой.

В конце концов при чем здесь Софья Николаевна? Она ничего не знает. Ее отец, дядя Коля, был крупный коллекционер; всю жизнь испытывая тягу к прекрасному, он занимался собирательством, он создал уникальную коллекцию.

Он даже занимался благотворительностью.

Голодным людям он давал хлеб в обмен на никому не нужные в блокадном городе книги и гравюры. Он, может быть, помог мне выжить. Он не знал, что у мамы больное сердце, иначе не попросил бы ее везти эту дурацкую раму. Прекрасную раму. Без нее неизвестный голландец очень бы проиграл. Таких рам и в Эрмитаже немного.

Ну, конечно, картина в Эрмитаже. И с табличкой о том, что зимой сорок второго Леокадия Александровна Боброва продала эту картину за буханку хлеба и банку сгущенки известному коллекционеру и ценителю прекрасного дяде Коле?

— Ваш папа был искусствовед? — спрашиваю я Софью Николаевну.

— Нет. Он был инженер. — Она смеется. — Совсем как вы. Вы же тоже представились инженером. Папа был инженер-путеец. Строил железные дороги. Всю жизнь разъезды. Любил книги, живопись... Привозил со всех концов страны редкие книги, гравюры. Знаете, в захолустье иногда можно встретить удивительные вещи...

И не только в захолустье, думаю я. Главное — купить их за бесценок. А во время блокады забросить свои железные дороги и пристроиться на продовольственном складе. И скупать, скупать, скупать...

— Сначала это было увлечение. Потом он занялся искусством всерьез. Собрал почти все книги о Петре Первом. У него были редкие рукописи...

Интересно, с таким ли воодушевлением ты рассказывала бы мне обо всем этом, если бы знала, как добывал твой папа эти книги и картины? Как гладко она все это излагает! Словно заправский экскурсовод. Может быть, сюда, в квартиру дяди Коли, водят экскурсии?

...— О нем даже писали в книгах, — продолжает

Софья Николаевна. — Его имя вам наверняка знакомо. Черкезов Николай Борисович. На него есть ссылки в «Иконографии Петра Первого» и «Русской акварели».

Черкезов! Наконец-то я узнал его фамилию. Как же, как же, слышали! Кто бы мог подумать. Черкезов — дядя Коля!

— Знаю, знаю! — улыбаюсь я. — У меня есть «Русская акварель». Видите ли, уехав из Ленинграда, я восполняю потерю книгами о нем...

— Ах, вы тоже ленинградец! — радуется она.

Пора уходить. Какие-то волны временами сжимают мне голову. Я начинаю бояться — не было бы плохо.

Да и хозяйка мне нравится. Чем дольше я сижу здесь, тем меньше во мне ожесточения. При чем здесь она? Ведь дети за отцов не отвечают! Кто придумал эту мудрую фразу? И когда?

Но дети должны знать, что натворили их отцы. Их деяния... Чтобы не повторять... Не повторять — чего? Их ошибок? Я совсем запутался. Я не в силах сейчас решить — сказать или не сказать? Мне надо подумать.

Я прощаюсь. Смотрю внимательно ей в глаза, благодарю. Даже целую ручку. Мне надо подумать.

— Будете в Ленинграде, милости прошу. Пороетесь в книгах. Папа собрал очень много по искусству, — говорит мне Софья Николаевна. — Я в Москву выбираюсь редко. Только летом. А так — лекции, лекции...

Ах, она преподает. И хочет, чтобы я дал ей свой телефон?

...Я снова делаю круг по залу ожидания. Сдавать мне билет или не сдавать? Ведь надо же сказать ей правду! Тогда она пойдет в Эрмитаж, в Русский музей, отнесет мой парусник, гравюры, книги.

А может быть, она и не поверит? Кто посмеет вычеркнуть образ отца из ее сердца?

В конце концов надо решиться. Решиться и сказать обо всем Софье Николаевне.

И вдруг мне приходит в голову одна простая мысль: прошлого не вернуть. Нельзя изменить того, что уже произошло. Не вернется ко мне мое детство, большая уютная квартира на Третьей линии, картина работы неизвестного голландского мастера. И мама.

Надо садиться на поезд, пока он не ушел.

ПРОПАВШИЕ СРЕДИ ЖИВЫХ

Повесть

1

Корнилов подошел к открытому окну. Ветер трепал занавеску, доносил голоса мальчишек, игравших на набережной, и легкое постукивание маленького буксирчика, выгребавшего против течения.

Солнце садилось. Его лучи расплескались вместе с мелкой невской рябью, тронули розовыми отсветами гранит набережной. В окнах Зимнего полыхнуло багряное пламя и туг же погасло. На фоне золотисто-фиолетового неба четко прорисовывался силуэт города с портowymi кранами, Исаакием, стрельчатыми луковницами Спаса-на-крови. Над рябой бесконечностью остывающих крыш стояло марево. Протяжный, ясный и чистый звук трубы раздался с улицы. На «Авроре» труба играла вечернюю зорю. Ее песня продолжалась минуты две и растаяла в вечернем небе. И, словно повинуясь сигналу трубы, исчезла позолота с невской глади, и вода сразу стала серой и грязной.

Корнилов любил слушать, как поет труба на «Авроре». И хотя крейсер был совсем рядом, за углом дома, в котором жил он с детства, не так уж часто удавалось Игорю Васильевичу застать прекрасный, на грани дня и вечера, момент, обозначенный песней горниста. Обычно в это время Корнилов еще работал.

А сейчас он смотрел в окно: вот-вот должна была подойти машина — к девяти надо было успеть к началству. Генерал весь день был на бюро горкома партии, а теперь вот ночным поездом уезжал в Москву. Секре-

тарша предупредила Корнилова, что «сам» звонил с бюро, просил к девяти быть у него.

Из окна были видны Кировский и Литейный мосты. Корнилову иногда казалось, что, не будь этих мостов, — разойдутся, расплывутся в разные стороны гранитные невские берега. Особенно если весной посильней поднапрут звонкие ладожские льдины.

Сколько помнил себя Корнилов, он всегда жил в этом большом красивом доме номер восемь на Петровской набережной. Их и всего-то на набережной было три, но какие это были дома! Массивный, добротный, довоенной постройки, в котором жил Корнилов, называли морским. Отец Корнилова служил на флоте водолазом. Здесь, под шатром древних лип и дубов, на просторной набережной, прошли детство и юность Корнилова. Рядом с семиэтажной громадой морского дома, упрятанный в густой куще деревьев, стоял одноэтажный, старинный краснокирпичной кладки с большими светлыми окнами домик Петра Великого. А чуть поодаль, ближе к Кировскому мосту, торцом к Петровской набережной — несуразный и унылый дом политкаторжан, построенный для ветеранов революции в 30-е годы по проекту то ли Корбюзье, то ли кого-то из его учеников. Удобный и комфортабельный внутри, он выглядел здесь случайным и убогим.

Многое здесь связано с именем Петра. И этот легкий красный дом из далекого прошлого, и набережная, носящая его имя, и летний домик царя напротив, за рекой, в Летнем саду... И на фронтоне нахимовского училища его чугунный бюст с надписью «Отцу отечества». Взгляд у царя властен и мудр. И когда Корнилов проходит мимо, вглядываясь в чугунный лик, ему всегда кажется, что Петр смотрит на него требовательно и сурово.

А около «Авроры» зимой и летом автобусы с крылатой эмблемой «Интуриста» и толпы экскурсантов. Молодые морячки с карабином и повязкой дежурного у полосатой караульной будки всегда строги и чуточку франтоваты. Дотошные и шумные экскурсанты не мешают «Авроре» жить размеренной флотской жизнью. Легкие струйки пара клубятся у бортов, время от времени по судовому радио подаются команды. Утром и вечером — подъем и спуск флага. И зовущая, протяжная песня трубы...

Вишневая «Волга» со знакомым номером резко затормозила у скверика напротив дома. Корнилов закрыл

окно и быстро спустился вниз. До управления — десять минут езды — Игорь Васильевич обычно ходил пешком.

Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, он прикидывал, что могло случиться и зачем он потребовался начальству. Оперативная сводка за день была на удивление спокойной: две мелкие кражи, несколько транспортных происшествий... Да и в последние часы никаких тревожных сигналов не поступило. Была, правда, одна заноза, которая вот уже несколько месяцев не давала покоя работникам уголовного розыска, — участвовавшие кражи автомашин. Но вряд ли генерал вызывает по этому поводу — дней десять назад начальник управления уголовного розыска Селиванов докладывал ему о ходе поисков.

В кабинете у генерала сидели Селиванов и начальник горотдела ГАИ Седиков. «Кажется, я ошибся, — подумал Игорь Васильевич, увидев Седикова. — Как раз за машины нас и будут сечь».

Никогда еще он не видел генерала таким раздраженным, как сегодня. Даже в самых критических ситуациях Владимир Степанович не повышал голоса, не иронизировал зло по поводу чьей-то нерасторопности или неудачи, хоть и слыл он человеком острым на язык. В самых критических ситуациях генерал мрачнел и старался не смотреть на провинившегося, словно боялся, что тот прочтет в его глазах нечто обидное для себя.

Но сегодня Владимир Степанович даже не старался сдерживаться:

— Что ж получается, голубчики? За последний год четырнадцать случаев кражи автомашин остались нераскрытыми... Сегодня уже бюро горкома обратило на это внимание! Четырнадцать автомашин! Шутка ли! Да что они, иголки, что ли?

— Товарищ генерал, но количество автомобильных краж-то не возросло, — не поднимая головы от разложенных перед ним на столе бумажек, вставил Селиванов. — А даже уменьшилось.

— И вас это радует, Михаил Иванович? — спросил генерал.

Зажужжал зуммер. Владимир Степанович торопливо снял трубку, почти не глядя, нажал одну из кнопок аппарата. Но, видно, ошибся, потому что зуммер продолжал жужжать. Генерал нажал еще одну кнопку, снова ошибся и с досадой бросил трубку на рычажок.

— Только за последние два месяца не раскрыты четыре автомобильные кражи... — Владимир Степанович стукнул ладонью о подлокотник кресла. — В горькоме уже лежит несколько жалоб на нашу нерасторопность. От одного инженера и от администратора Дворца культуры...

— Этот администратор тоже хорош жук, — запальчиво сказал Селиванов. — «Волгу» купил по спекулятивной цене у торгаша, пользовался ею по доверенности. Еще неизвестно, откуда у него такие средства...

— Ну вот, договорились, — недобро усмехнулся генерал. — Вместо того чтобы преступников искать, будем проводить расследование, на какие средства куплены украденные машины?

В полуоткрытое окно доносился грохот трамваев, шум толпы. Веяло раскаленным за день асфальтом. А здесь, в кабинете начальника управления, было мрачновато из-за темной мебели и табачного дыма, растекавшегося слоистыми облаками.

— Вы, товарищ полковник, расскажите лучше, какие меры приняты к розыску в последние дни.

Селиванов поднялся, машинально одергивая светлый пиджак.

— Сидите, Михаил Иванович, — сказал генерал.

— Усилено наблюдение на контрольных пунктах ГАИ, — начал Селиванов. — Установили дополнительные посты ГАИ в точках пересечения выездных магистралей. Ночное патрулирование усилили, выделены дополнительные наряды. Комиссионный магазин под контролем... Проверяем идущие из города рефрижераторы. В Москве в прошлом году были случаи: вывозили краденые машины в запломбированных рефрижераторах... Взяли на учет все мастерские, где можно было бы перекрашивать машины. Создали оперативную группу...

— Кто возглавляет?

— Подполковник Корнилов, товарищ генерал, — ответил Селиванов.

Генерал посмотрел на Корнилова.

— Изучаете возможные маршруты перегона?

— Да, товарищ генерал, — ответил Игорь Васильевич.

— Ваши выводы?

Корнилов по привычке потер подбородок, чуть слышно откашлялся.

— Случай сложный, товарищ генерал. Можно предположить, что действует группа. Одному было бы не под силу: и красть и сбывать...

— А может быть, это разные, не связанные друг с другом люди? — перебил Корнилова генерал. — Откуда у вас такая уверенность, что группа?

— Мы провели анализ... Из четырнадцати похищенных и найденных машин двенадцать угнаны в одно и то же время — между двумя ночи и пятью утра. Лишь две украдены в другие часы. Я думаю, о них разговор отдельный. — Он помедлил секунду, собираясь с мыслями. — Значит, первое: время угона машин приблизительно одно и то же. И очень удачно выбранное — самое глухое. Посудите сами: транспорта почти нет. Такси редки, автобусы и трамваи еще не вышли на линию. Даже «подкидыши», те, что возят шоферов к паркам, и они только в пять начинают. Дворников тоже еще нет. Второе: почти на всех похищенных машинах были установлены сложные секретки... И ни у одной машины сигнал не сработал. Ни хозяева, ни соседи не слышали. Все украденные машины — «Волги». Только «Волги». И все в отличном состоянии...

Корнилов помолчал несколько секунд, глядя на генерала. Владимир Степанович что-то записывал на листке бумаги...

— И еще одно предположение: группа похитителей располагает государственными номерными знаками и техталонами... Мы просили бы вашего разрешения провести проверку подразделений Госавтоинспекции.

— Ну здесь ты перегибаешь, Игорь Васильевич, — сказал недовольно Селиванов, — так недолго и людей обидеть. Что ж мы, всем не доверяем?

Начальник горотдела ГАИ Седиков возмущенно крутил головой и с удивлением смотрел на Корнилова, словно ожидая, что он еще выкинет...

— Да что вы, товарищи, как красны девицы... — удивился Корнилов, обводя взглядом участников совещания. — Я никого из ГАИ не подозреваю. Но ведь факт — машины уплывают из города... Не на самолетах же их вывозят. Мы все каналы перекрыли. Каждая машина на выезде проверяется... Зачем же нам гадать, откуда техталоны?

— Подполковник прав, — сказал генерал, вздохнув. — Проверка нужна. Пусть Седиков сам и органи-

зует ее. И в подразделениях, и даже у себя в горотделе... — Он подумал и добавил: — И тщательно проверьте, не обращались ли в ГАИ с просьбой выдать дубликаты утерянных или украденных технических паспортов и техталонов.

Корнилов кивнул.

— Ну а какие еще меры вы разработали? — спросил Владимир Степанович. — Ведь этого мало. Результатов пока нет. Кстати, у вас есть график разведения мостов?

— Он, кажется, есть и у похитителей, — грустно ответил Корнилов. — Наши дежурства у мостов пока ничего не дали...

— Ну вот что, — сказал генерал, посмотрев на часы. — Мне времени осталось только-только домой захватить на пятнадцать минут. Даю вам два дня сроку. Вернусь из министерства, доложите о реализации этих мероприятий. Если они не сработают, надо продумать дополнительные меры. А пока — до свидания!

Все встали, пошли было к дверям, но Владимир Степанович вдруг спросил:

— Корнилов, вы вот докладывали, что машины крадут ночью. Улицы пустые, но такси-то гоняют? Есть ведь дежурные таксисты. А они народ наблюдательный, все примечают. Не пробовали опрашивать?

— Нет еще, товарищ генерал, — смущенно ответил Корнилов.

— Используйте их. Используйте.

Весь следующий день Игорь Васильевич сидел, уткнувшись в бумаги, читал дела об угоне, вместе с Седиковым внимательно изучал атлас автомобильных дорог. Все имело значение: и наиболее удобные дороги от Ленинграда в те города, где можно было продать машину и где на дорогах больше постов ГАИ. Преступники скорее всего старались держаться от них подальше...

Зайди кто-нибудь посторонний в это время в кабинет Корнилова, наверняка удивился бы занятиям его хозяина. Листочки с цифрами, схемы, справочники... Какое-то делопроизводство, а не уголовный розыск!

— И надоумили же тебя черти, Игорь Васильевич, предложить эту проверку с техталонами, — ворчал Седиков. — И мороки много, и ведь спугнуть можем преступников, если от нас все-таки утекали техталоны...

Корнилов только посмеивался. Им овладело так хорошо знакомое ему состояние возбуждения, нетерпеливости, стремления действовать как можно скорее. Это состояние он переживал всегда, когда после томительных, изнуряющих часов, а иногда и дней, проведенных в поисках правильного решения, у него в голове наконец зарождался четкий план действий...

— Вы, товарищ полковник, не бойтесь спугнуть преступников, — говорил он Седикову, — напуганный, он больше глупостей наделает. Скорее себя обнаружит... Я вот, например, глубоко убежден, что преступник всегда сам себя выдает.

— Тебя послушаешь, так вроде бы и милиция ни к чему. Значит, нам и делать уж нечего? Что-то я этого не замечал.

— Вы меня правильно поймите, — Корнилов отложил в сторону из стопки бумажек оперативное сообщение о работе комиссионного магазина. — Вы же не будете возражать, что в поведении преступника есть много такого, что отличает его от честного человека? Даже в обыденной жизни. Каждую минуту, каждый миг он насторожен, всегда подозрителен. Правда ведь? А если вдобавок его что-то напугало? Да он таких глупостей может наделать! Тут и смотри внимательно...

— Да-а-а, — усмехнулся Седиков, — весь вопрос только в том, куда смотреть.

— А вы, например, замечали, — продолжал Корнилов, — что частенько закоренелые преступники, напившись, выбалтывают все свои секреты? Почему? А попробуйте-ка месяцы, годы носить в себе свою тайну? Никакая психика не выдерживает. Вот и срыв.

А кстати, как ты думаешь, Виктор Иванович, если нам товарищей из Псковского и Новгородского ГАИ попросить в течение месяца повнимательнее смотреть все «Волги» с ленинградскими номерами? Беседовать с водителями, проверять права, техпаспорта. Записывать фамилии водителей. Пусть раз в три дня сообщают нам эти данные и номера всех ленинградских машин, проследовавших через их посты из Ленинграда. А мы здесь — проверочку. И представляешь себе такую картину: двести номеров проверили, все в порядке, а стали проверять двести первый — небольшая загвоздочка — машины под таким номером в Ленинграде не значится. В природе не существует. Номер липовый! Или месяца три назад похи-

щенный с другого автомобиля. И мы тогда можем отыскать машину с этим номером. Второй раз-то менять номер они не догадаются...

Седиков сидел несколько минут молча, нещадно дымя сигаретой. Потом сказал:

— Это ты неплохо придумал. Если в ближайшее время опять будет хищение, можем и засечь машину. Но где гарантия, что краденые машины уходят из города с ленинградскими номерами?

— Ну насчет гарантии — пустой разговор... — нахмурился Корнилов. — Но я думаю, номера у них ленинградские. Пока здесь они из города выбираются, ленинградские номера все-таки меньше внимания привлекают...

Зазвонил телефон. Игорь Васильевич снял трубку.

— Корнилов слушает. Что? Нашли?

Он сделал несколько пометок на листке бумаги и положил трубку.

— Нашли те две «Волги», которые в мою схему не укладывались... — Заметив недоуменный взгляд Седикова, он сказал: — Ну те, что угнали в неурочное время... Одну днем, другую в двенадцать ночи. На одной просто «покатались». В лесу за Гатчиной бросили. А другую размонтировали. Скаты сняли, приборную доску. Хулиганье поработало. Ну так как, будем просить соседей?

— Будем, — кивнул Седиков. — Впиши в оперативный план. Но по этому вопросу надо будет докладывать в министерство.

— Ну если генерал утвердит, он и будет докладывать, — сказал Корнилов, — где наша не пропадала! И вот еще что надо нам сделать, гражданин начальник, — проверить все частные гаражи, платные стоянки, мелкие автохозяйства... Понимаешь? Не стоят ли там до лучших времен некоторые краденые машинки.

Еще на прошлой неделе, получив задание, Корнилов решил начать с потерпевших. Следователь Красиков дал ему почитать заявления тех, у кого были украдены автомашины.

Потерпевший Медков В. П. писал:

«...У меня имеется автомашина «Волга» цвета «белая ночь» ЛЕО 21-76, выпуск — май 1968 года, № шасси 501918, № кузова 200633, № двигателя 917906, кото-

рую купил за 5600 рублей... Машину я оставлял обычно у своего дома, против парадной. 18 января я поехал на работу городским транспортом и в тот же день собирался поставить машину в гараж. Я вымыл ее, привел в порядок, снял аккумулятор. 19 января я вернулся домой в 3 часа ночи. Проходя по улице, я видел, что машина стояла на месте. Утром в 7 часов, идя на работу, я обнаружил, что машины моей нет...»

И другие заявления в таком же духе. Только номера отличались да машины были разного цвета. А время угона приблизительно одно и то же... И никто не видел, как это происходило.

Корнилов запросил райотделы*, не обращались ли в милицию с жалобами на попытки украсть «Волги». На неудачные попытки... На это почему-то не обратили внимания, а ведь чем черт не шутит... Может быть, кто-то из владельцев видел, как хотели украсть его машину.

Сведения, поступившие из районов, были малоутешительными. Да и откуда взять такую статистику? Ведь не каждый и заявляет. Машина-то на месте! «Непорядок, — подумал Корнилов. — Мы же теряем многих свидетелей...»

Но на второй день Игорю Васильевичу повезло. Из Московского райотдела прислали заявление гражданки Таминой:

«...Около 3 часов ночи 30 марта 1973 года я проснулась и посмотрела в окно, чтобы проверить, цела ли автомашина, и увидела, что у левой дверцы стоял мужчина в большой шапке и что-то ковырял металлическим предметом у ветрового стекла. Когда я выбежала во двор дома, возле машины уже никого не было. Я испугала вора тем, что когда увидела его еще из дому, то не вытерпела и закричала, что вызову милицию. Когда я выбежала за угол нашего дома, то увидела на подъездной дорожке, метрах в двадцати от магазина, легковую автомашину «Волга», у которой захлопнулась дверца, и она быстро уехала. Цвета автомашины и номера я не заметила, так как была сильно взволнована».

«Что ж, не густо, но кое-что, — подумал Корнилов. — Надо бы уточнить — может, она еще что интересное заметила — сколько в машине было народу, не помята

* Ныне райотделы преобразованы в районные управления внутренних дел.

ли?» Он позвонил в Московский райотдел и предложил еще раз опросить Тамирину. А сам начал с беседы с потерпевшими, которых пригласил на разное время в управление. Среди них были молчаливые и словоохотливые, унылые и сердитые... Но всех их объединял священный гнев на милицию, до сих пор не отыскавшую украденные автомобили. Все в один голос подтверждали, что на машинах были установлены секретки или хитроумные замки на рулевом управлении. На одной даже какое-то электронное реле. Впрочем, Корнилов так и не понял устройства этого реле, несмотря на подробные объяснения владельца машины инженера Гусарова с инструментального завода. Он только спросил у инженера, выслушав объяснения:

— Ну а как же с таким хитроумным предохранительным устройством воры все-таки завели машину?

Инженер пожал плечами:

— Вы милиция, вам лучше знать уровень технической подготовки современных жуликов.

Игорь Васильевич обратил внимание и на показания Медкова о том, что аккумулятор с машины был снят. Это могло означать только одно — преступники и сами были на машине. Не таскали же они аккумуляторы под мышкой. И второе — скорее всего это люди, хорошо знающие автомобили, профессионалы.

Вечером приехал сотрудник, беседовавший с Тамириной. «Волга», на которой уехали воры, была таксомотором. И сидели в ней трое...

К восьми часам, переговорив с десятком потерпевших, Игорь Васильевич почувствовал себя разбитым. Окончательно вывел его из равновесия молодой цепкий хлюст, работавший администратором во Дворце культуры. Звади его Валерий Фомич Морозов.

Пожаловавшись на нерасторопность милиции, Валерий Фомич вдруг вынул из кармана бумажку и протянул Корнилову. Это было заявление с просьбой взыскать с похитителей автомашины, когда они будут пойманы, деньги за амортизацию...

— Да ведь степень амортизации должны будут определять эксперты, когда машина отыщется, — сказал Корнилов. — И отдать ваш иск надо следователю, который ведет дело. Вы же были у следователя Красикова?

— Но ведь вы тоже из милиции, — сердито бросил Валерий Фомич. — Что вам, трудно взять мой иск?

И пусть он лежит пока у вас. Отыщется машина — уточнится цифра. Главное — не упустить момент.

— Не возьму я вашу бумагу. Нет у меня на то полномочий, — сказал Корнилов.

Глядя на очень крупную фигуру Морозова, на серый с отливом костюм, хорошо сидевший на администраторе, ему вдруг подумалось, сколько же метров материала пошло на него. Не меньше пяти, наверное.

— Вызывать меня в милицию, отрывать от дела у вас есть полномочия, — обиделся администратор.

«Ну и человек, — подумал Корнилов. — Своего не упустит». И спросил, сдерживая усмешку, не думает ли Валерий Фомич взыскать с похитителей средства, израсходованные на такси и метро, пока машина находится «в бегах».

— А вы считаете это реальным? — Глаза Валерия Фомича блеснули, лицо напряглось и приобрело выражение острой заинтересованности, он потянулся было к своему ящику, но Корнилов перехватил его и положил в папку.

— Нет, Валерий Фомич, — сказал он, — я не считаю это реальным. Я просто шучу. А ваш иск передам следователю.

— Но, по-моему, это неплохая мысль, ведь убытки я все-таки несу большие...

Он принялся было развивать эту теорию дальше, но Корнилов, подписав ему пропуск, уже совсем недипломатично сказал:

— У меня нет больше времени изыскивать для вас финансы, Валерий Фомич. Если суд удовлетворит ваш иск, это будет и так чересчур большим подарком.

Валерий Фомич обалдело посмотрел на Корнилова и, не попрощавшись, выскочил из кабинета.

«Черт возьми! Такой непростительный срыв... И чего я взбеленился? — с горечью подумал Корнилов. — Надо бы мне отвлечься, порыбачить. Съезжу-ка я в субботу к матери в деревню...»

От этой мысли ему стало веселее, и он снова взялся просматривать дела об угоне. И снова: номер шасси, номер кузова, номер двигателя... И хоть бы какие дополнительные сведения, хоть какие-нибудь свидетельства очевидца! Номера, номера... А эти заводские номера, конечно, давно перебиты, машины перекрашены. Попро-

буй доберись до них. Через комиссионные магазины машины проходят уже с новыми, перебитыми номерами. Не будешь же каждую посылать на экспертизу! А если... Игорь Васильевич откинулся на спинку стула. А если взять комиссионный магазин?.. Даже не один — несколько, и выписать заводские номера всех проданных автомашин?! Всех «Волг», проданных, допустим, за полгода? Номер кузова, номер шасси, номер мотора... А потом приехать с этим списком на завод и проверить, сходили или нет с таким именно сочетанием номеров автомобиля с конвейера. Номер кузова, номер шасси, номер мотора — новенькая, сверкающая лаком «Волга»!.. Проверили одну машину — сошлись все три номера, вторую — тоже сошлись. «Волги» с такими номерами выезжали из заводских ворот. Но вот дошли еще до одной... И что же! С таким сочетанием номеров завод машину не выпускал! Возможен такой вариант? Конечно!

Корнилов волновался все больше и больше. Неужели он нащупал закономерность, метод? «Спокойно, спокойно... — остановил он себя. — Пройдемся еще раз. Допустим, преступники люди умные. Перебивая заводской номер, к примеру — один только номер шасси, лишней цифры не поставят, сделают все аккуратненько. Внешне настоящий заводской номер — без квалифицированной экспертизы подделки не обнаружишь. Но цифру изменили — и уже твердо можно сказать, что машина с таким сочетанием номеров шасси, мотора и кузова из заводских ворот не выезжала!

В заводских документах, может быть, и останется память о «Волге», у которой номер шасси совпадает с фальшивым. Но ведь рядом с ним будут значиться совсем другие номера мотора и кузова... Совсем другие! Строго определенные. И соответствовать им должен только один, тоже строго определенный, номер шасси — вот в чем соль!»

Мотор, кузов и шасси однажды сошлись на сборочном конвейере, чтобы дать жизнь новому автомобилю, и стали неразлучны, а сочетание их номеров — случайное сочетание, неповторимое сочетание — стало формулой единства. Формулой автомобиля, его кодом. Изменится хоть одна цифра в любом из трех номеров — труби тревогу, с машиной что-то произошло...

«А что же могло произойти, если не совпали номера?»

Не присаживаясь, Корнилов написал на листке: «Первое: сменили кузов, шасси или мотор после аварии». Это легко установить.

«Второе: «Волга» сборная, из запчастей или размонтированных машин». Это уже криминал.

«Третье: номера перебиты». Вот тут-то мы и делаем себе ма-аленькую пометочку в блокноте. И смотрим, кто эту машину купил. И едем к нему. И делаем экспертизу. И выясняем, что эта «Волга» цвета «морской волны», полгода разыскиваемая уголовным розыском, принадлежала товарищу инженеру, поставившему на нее электронный сигнал. И новый ее собственник рассказывает нам, торопясь и нервничая (как же, денежки плакали!), у кого он этот автомобиль купил.

Корнилов еще и еще раз проверял себя — на первый взгляд все сходилось. Он сравнивал номера украденных машин — все они были разные — на моторе, кузове и шасси... «Они, может быть, и порядковые, для каждого из узлов, но при сборке-то не подгоняют мотор № 000071 к шасси и кузову с таким же номером?!»

Игорь Васильевич позвонил сотруднику своего отдела Белянчикову. Попросил его зайти. Юрий Евгеньевич был хмур и не улыбочив. «Переживает, — подумал Корнилов. — Радоваться-то нечему». Рассказал Белянчикову о своих предположениях. Тот долго молчал, хмурился. Потом сказал:

— А если краденые машины демонтируют и распродают по частям? Бывало ведь и так?

— Бывало. Чего вообще в жизни не бывало, — философски заметил Корнилов. Он уже успокоился. Схема казалась ему верной, и он чувствовал, всем своим существом чувствовал, что нашел правильный ход.

— Не бывало, чтобы столько машин свистнули, а мы найти не могли, — с горечью сказал Белянчиков.

Игорь Васильевич только вздохнул.

— Надо в Апраксином дворе, около автомагазина, контроль усилить. За теми, кто запчасти из-под полы продает...

— Все-то ты, Белянчиков, знаешь. Скажи мне вот, почему у машины все три заводских номера — на моторе, на шасси и на кузове — разные?

— Не знаю.

— Вот видишь — значит, не все ты знаешь. Значит, не зря тебе очередное звание до сих пор не присвоили...

— У меня еще срок не вышел, — вдруг улыбнувшись, сказал Белянчиков.

— А если бы знал — присвоили внеочередное.

— Игорь Васильевич, ну что ты ко мне привязался? При чем тут эти номера?!

— Ладно, Белянчиков, раз ты с начальством не умеешь себя прилично вести и на простые вопросы ответов не знаешь, иди. Занимайся личным сыском, ищи запчасти. А я, пожалуй, позвоню на завод, спрошу, почему на автомобиле все три номера разные. На моторе, на шасси и на кузове.

Удивленно пожав плечами, Белянчиков вышел.

Когда генерал, вернувшись из командировки, пригласил к себе начальника управления уголовного розыска Селиванова и Корнилова, Игорь Васильевич уже был уверен, что его схема может принести успех.

— Товарищ генерал, я думаю, нам надо использовать новую тактику поиска, — сказал он, положив перед собой листок бумаги со всеми своими выкладками.

— Ого! — генерал посмотрел на Игоря Васильевича с интересом. — Выкладывайте, если не шутите.

Корнилов взял свой листок и помахал им, будто хотел разогнать табачный дым.

— Крадут ведь машины не для коллекции. Для продажи. А продать машину можно только через комиссионные магазины. Давайте проверим некоторые из них. Например, в Сочи, в Сухуми, в Средней Азии.

— Так ведь продают эти машины по фальшивым документам, — недоверчиво сказал генерал. — Вы же сами предполагали, что где-то есть утечка техталонов и паспортов!

— Правильно, — чуть горячась, продолжал Корнилов, — у украденных машин, я уверен, и заводские номера перебиты. И соответствуют тем, которые в техталон вписаны... — Он обвел всех присутствующих взглядом, словно хотел убедиться: слушают ли? И, убедившись, что слушают, стал подробно излагать свою схему...

Когда он кончил, несколько секунд все сидели молча, словно прикидывали, все ли сходится в схеме. Не слишком ли все сложно?

Первым нарушил молчание генерал. Он как-то сразу повеселел и спросил Корнилова:

— А что же вы, Игорь Васильевич, раньше-то свою схему втайне от коллектива держали? Что-то на вас непохоже!

— Да раньше я и сам этой схемы не знал, Владимир Степанович, — чуть смущаясь, ответил Корнилов.

— Ну как, товарищи, — генерал посмотрел на собравшихся, — схема, по-моему, интересная. Если энергично взяться, должны напасть на какой-никакой следок... Ведь через комиссионный мы выйдем и на того, кто купил, и на того, кто продал... — Он помолчал, словно еще раз прикидывал — сойдется ли. — Это не означает, что надо ослабить всю остальную оперативную работу по розыску, но как дополнительный вариант... Как ваше мнение?

— Предложение интересное, — сказал Селиванов. — Такая проверка, конечно, может вывести нас на преступников, но только в том случае, если продажу машин оформляли через комиссионный. И если их вообще продавали... А если не продавали? — Он помолчал немного, покачал в сомнении головой, словно собирался с мыслями. — Но предложение интересное. Я уже говорил об этом Игорю Васильевичу. Им надо обязательно воспользоваться. Чего-нибудь да найдем. Не обязательно, правда, те машины, что украдены в Ленинграде, но найдем...

2

Мать жила под Ленинградом, в селе Батове, где младший брат Игоря Васильевича уже шесть лет работал главным механиком на птицефабрике.

Ехать к Кеше надо было с Варшавского вокзала электричкой до Сиверской, а оттуда минут двадцать автобусом. В электричке народу было мало, и Корнилов сначала удивился этому — обычно в субботу утром в электричке места не найдешь. Но сейчас время было позднее. Полдень.

Корнилов припозднился из-за того, что отстоял очередь за тортом в «Севере». Он всегда привозил матери торт из города.

В первые годы, когда Кеша перебрался работать на птицефабрику и построил себе дом на крутом красном берегу Оредежа, среди вечно шумящих сосен, Корнилов ездил к нему чуть ли не каждое воскресенье. Он лю-

бил посидеть на берегу с удочкой, побродить по лесу, взять Кешин мотоцикл и погонять по пыльным проселкам, а вечером, когда все соберутся дома, посидеть за самоваром на просторной терраске, застекленной разноцветными стеклышками.

Кешин переезд в Батово был для всех неожиданным. Работал он после института на «Красном выборжце». Сначала мастером, потом начальником цеха. Работой был доволен. Но однажды, вернувшись поздно вечером домой, сказал:

— Вызвали в райком. Предложили поехать главным механиком птицефабрики. Я согласился. — И добавил: — Правда, птицефабрику только начали строить, ну да это к лучшему. Сам буду оборудование монтировать...

Иннокентий помолчал немного, хитро поглядывая на Игоря, и предложил:

— Поедем вместе, Игорь? Отдохнешь там от своих уголовников. Будешь кадрами заведовать. Или, может, стариной тряхнешь — слесарным делом займешься?

Корнилов тогда только посмеялся. Ему не верилось, что и сам Кеша твердо решил поехать. Думал, разыгрывает. Но все именно так и оказалось, как сказал брат, — Кеша уехал с женой, да еще и мать забрал с собой...

В последние два-три года Корнилов ездил в Батово реже. Все как-то так складывалось, что выходные бывали заняты. Но главная-то причина, пожалуй, была в другом. И об этом Корнилов старался не думать. Какая-то перемена произошла в Кеше. Сначала Игорю Васильевичу было трудно уловить ее. Он просто удивлялся иногда, слушая, как увлеченно говорит Кеша о своих планах расширить огород, сад, приобрести корову. Игорь Васильевич спрашивал:

— Зачем?

А Кеша удивлялся:

— Как зачем? Жить в деревне, а картошку и овощи на рынке покупать? Да над нами все смеяться будут.

Но Игорь Васильевич знал, что в Батове есть немало людей, которые отказались от огородов и не жалели об этом. Картошка и овощи в колхозе осенью стоят копейки... А с огородом сколько возни. Да и не в этой возне дело. Другое беспокоило Игоря Васильевича — все чаще и чаще ездила Татьяна, Кешина жена, на рынок: продать пару мешков скороспелки или корзинку ранней клубники. А ведь Кеша получал большую зарплату...

Игоря Васильевича раздражало и то, что мать стала много работать на огороде: полоть, сажать и поливать рассаду... С ее-то большим сердцем!

А Кеша, сидя вечером на терраске перед весело поющим, до блеска начищенным самоваром, с увлечением рассказывал о своих планах:

— На будущий год засадим огород побольше. На мать ведь тоже положено... Картошка своя, огурчики, овощ всякий, травка-муравка. Обеспечим себя подножным кормом на год. А если осенью корову купим — и молоко и маслице свое. Никаких забот о провианте.

Игорь Васильевич неодобрительно поглядел на брата.

— Вот тогда-то заботы и появятся... Сено — достань. А доить, а пасти? Да вдруг заболит? Что вы с ней делать-то будете? Ты, Кеша, раньше коров боялся, бегал от них на даче. Кто хоть доить ее будет?

— Как кто? — удивлялся брат. — Татьяна научится. Да и мама... А? Как ты, мама?

Мать, смущенно улыбаясь, пожимала плечами, молчала.

— Ничего. Все научимся, — успокаивал Кеша. И, словно от избытка энергии, вскакивал и, энергично жестикулируя, начинал расхаживать вокруг стола. — Здесь жить можно. Все условия. И зарплата немаленькая. Яйца и куры на фабрике сотрудникам по себестоимости продают. А если еще корову, огород хороший... — Кеша выпячивал толстую нижнюю губу и, искренне удивляясь, крутил головой. — Ты, Игорь, не понимаешь. Нет у тебя вкуса к деревенской жизни. — Вся его крепкая, ладная фигура была полна энергии, глаза загорались. Не нравилась Игорю Васильевичу в брате эта его суетливость.

— Вкус к деревенской жизни у меня есть, — ответил тогда Игорь Васильевич Кеше. — А вот ко всему этому хозяйству личному — нет. Дело твое, но я бы возиться с таким огромным садом и огородом не стал... Белого света невзвидишь. Да и Татьяну с матерью загоняешь. А ради чего? Детей у вас нет. Всего в достатке.

Иннокентий только досадливо отмахивался.

А Татьяна, обиженно фыркнув, сказала:

— Ты, Игорь, о чужой жене не беспокойся. Мне, например, нравится на огороде работать. Да потом, и не вечно это. Деньги на машину соберем — и огород побоку. Оставим только клочок.

— Ах вот в чем дело! — воскликнул Игорь Васильевич. — Машину вам захотелось. Ну что ж, это яркий признак благосостояния. И очень наглядный... Что же вы, Иннокентий Васильевич, родного брата не посвятите в свои планы?

Иннокентий сердито посмотрел на жену. А может, Игорю Васильевичу это только показалось? Сказал с наигранным безразличием:

— Ну да какие там планы... Был такой разговор. Да ведь это дело длинное. Получится ли?

Но, как оказалось, в очередь на машину Кеша уже записался. И двух лет не прошло, как у него появился «Москвич», а огород Кеша продолжал вскапывать с прежним рвением.

Раздражали Игоря Васильевича и вечные подсчеты, которые брат, не стеснясь, вел и при нем... Сколько отложить, сколько доложить... Когда Игорь Васильевич приглашал его на охоту или на рыбалку, он отнекивался, ссылаясь на занятость, а Татьяна как-то откровенно заявила Игорю Васильевичу:

— Что ты все тянешь Кешу? Охота, рыбалка... Дома дел по горло. Ты приехал, поразвлекался — и был таков. Живешь один — горя не знаешь. А тут вовремя не прополол — все грядки сорняк забьет...

Брат вспыхнул от этих слов жены и сказал со злостью:

— Тебя, Татьяна, послушаешь, так, кроме огорода, и дел других нет.

Но ни на рыбалку, ни на охоту так и не ходил. Его «тулка» годами висела на стене, как простое украшение. Только в последнее время тесаную бревенчатую стену с янтарными каплями смолы прикрыла штукатурка, а потом и большой темно-вишневый ковер.

В Ленинград Кеша приезжал редко и, как правило, управлялся за один день. Но если оставался на ночь, то вечером они всегда шли вместе с Игорем прогуляться по набережной и обязательно заходили в «поплавок» напротив Адмиралтейства попить всласть пива с хорошей соленой рыбой. Иннокентий словно преображался. Рассказывал, как идут дела на фабрике, как он переоборудовал котельную, обеспечив горячей водой весь поселок.

— Ты понимаешь, Игорь, второй котел обещают только через два года. А у нас сто двадцать тысяч цыпят! Сто двадцать! Э-э! Тебе не понять, — горячился он

и, торопясь, отхлебывал пиво из высокой кружки. — И что же ты думаешь? Приехал я как-то в Ленинград, иду в райком. Посылали цыплят выращивать? Теперь помогайте! У вас Финляндский узел, там паровозы еще небось не все вывелись! Давайте паровоз...

Корнилов удивился:

— Паровоз-то тебе зачем? — И тут же догадался: — Котел!

— Котел! Собираешься, Игорь! — смеялся довольный Иннокентий. — Именно котел. Теперь не извольте беспокоиться. Не только цыплят обогрели, но и весь поселок.

Про свой огород Кеша не поминал. То ли стеснялся брата, то ли, вырвавшись в город, просто забывал.

Ночью они долго не ложились спать, все рассказывали друг другу про свои дела, спорили. И когда, казалось, переговорили обо всем, Кеша спрашивал:

— Ты, Игорь, когда все же женишься? Не надоело одному? — И, не услышав ответа, продолжал: — У нас на фабрике девчонка есть такая... Хоть с Танькой разведись. Приезжай, познакомлю.

Электричка шла неровно, то ползла еле-еле, лениво постукивая на стыках, то вдруг с воем набирала скорость. Корнилов прислонился к стене, закрыл глаза. Ему вспомнился вчерашний разговор с самодовольным администратором. «И чего это я завелся? — подумал Игорь Васильевич. — Мало ли прохиндеев на свете?» Потом он стал вспоминать всех потерпевших, перебирать в памяти их показания.

«...Что ж, дело с автомашинами непростое. Генерал рекомендовал таксистов поспросить... Таксистов, таксистов... Машина, которую видела Тамарина, тоже такси. Хм... А может быть... Может быть, таксисты? — Эта мысль показалась Корнилову интересной. — Ведь можно предположить, что кто-то из шоферов в угонах участвует? Не обязательно таксисты. Работают ночью и на очистке, и на поливке, продукты развозят. Хорошо, товарищ подполковник!.. Кому, как не им, лучше знать ночной город, самое удобное время, места, где машины ночуют без гаража. Выбрали заранее «жертву», не спеша объехали район, осмотрелись. Поставили машину за углом и взялись за дело. А все ваши секреты, товарищи

автовладельцы, опытному шоферу словно семечки... Они и аккумулятор в багажнике «на случай» могут возить. А электронная ловушка инженера Гусарова? Это такой орешек, на котором и опытные автомобилисты могут зубы ломать. Могли знать заранее об устройстве? Кто-то из знакомых Гусарова участвовал в похищении? Маловероятно, хотя нельзя и исключать. Это надо тщательно проверить. А может быть, среди похитителей — «крупные специалисты» в области электроники? Ну не такие крупные, конечно, но знакомые с подобными устройствами. Маловероятно. Специалисты делом заняты...

Поезд приближался к Суйде. В вагоне стало совсем пусто. Две пожилые женщины, разложив на скамейке газету, аппетитно ели батон с чайной колбасой. Под скамейкой стояли большие корзины. «Наверное, с рынка едут», — подумал Корнилов и вспомнил Кешу. Потом закрыл глаза и снова стал думать об исчезающих бесследно автомашинах...

От Рождествена он пошел пешком по крутому берегу Оредежа. Он любил ходить здесь по земле, засыпанной вековым слоем хвои, мягко пружинящей под ногами. На другом берегу слышались ребячьи крики, нестройно пел горн.

Кешин дом стоял среди сосен, такой же, как эти сосны, солнечный, ладный, с большими окнами, открытый всем ветрам и взорам, не упрятанный, как соседние, в густые кусты сирени. Игорь Васильевич толкнул калитку. Усмехнулся: «Как они здесь поживают без меня? Разберемся...» Но дома никого не оказалось. «Кеша, наверное, на работе. А Татьяна с матерью небось на огороде копаются, — решил он. — Поставлю торт — схожу посмотреть».

Ключ от дома был на месте — под крыльцом. Его всегда клали под крыльцо — и чтобы не таскать с собой, и на случай его, Игоря, приезда. Ключ был новый — длинный, с хитроумными бородками на две стороны. Как от сейфа. «Замочек небось у какого-нибудь заводского умельца делали. — Игорь Васильевич подкинул ключ на ладони. — Нет чтобы к родному брату обратиться». Ему не раз приходилось самому делать замки с секретами в то далекое время, когда он слесарил.

Что-то в доме изменилось. Корнилов не мог понять что, но сразу же уловил эту перемену, почувствовал ее. Он прошел на кухню, чтобы поставить торт в холодильник.

ник, и заметил, что переложена плита. Стала гораздо меньше и нарядней, с красивой облицовкой. И большой обеденный стол теперь на кухне. В гостиной, кажется, все по-прежнему — полированная, под орех, мебель: горка с посудой, шкаф, трельяж... «Вот как в деревне-то нынче живут, — усмехнулся Игорь Васильевич и подумал: — Но что-то все же изменилось тут... Как-то уж слишком просторно стало и холодно. И словно бы не хватает чего. Да, не хватает!!» Он еще раз прошелся по дому и наконец понял, чего не хватало. Не было в гостиной большого дивана со множеством вышитых подушечек, на котором всегда спала мать. Эти подушечки она берегла с довоенных времен и, как сыновья ни уговаривали, отказывалась выбросить. Они были для нее памятью о тех временах, что провела в ожидании мужа, приходившего со своей трудной и опасной службы очень поздно.

Корнилов подивился: «Где же мать спит? Не на чердаке ведь?» Кеша все собирался соорудить там маленькую комнатку для Игоря. Теперь Игорь Васильевич вспомнил, что в кухне плита завалена грязной посудой, чего раньше никогда не бывало, и нет большого пузатого самовара, из которого они всегда пили чай. И не пахнет в доме пирогами, которые мать пекла каждую субботу...

Смутное подозрение закралось в сердце Корнилова, но он тут же отогнал его. Если бы мать и была в больнице, то уж ему-то сообщили бы. Она последнее время болела часто, месяцами лежала на своем диване. Нет, нет... Прислали бы телеграмму, позвонили.

Корнилов вышел на крыльцо. Прямо к его лицу свешивались ветки рябины. Ее резные листочки сморщились, пожелтели от долгого зноя. Все словно застыло от жары: и поблекшие кусты, и хилые желтые георгины на клумбе. Между соснами, в стороне от реки, стояло ма-рево.

Тишину разорвал шум мотора. Свернув с шоссе, по проселку медленно ехал вишневый «Москвич», ловко объезжая колдобины и вздымая тучи пыли. «Иннокентий двигается. Сейчас все разъяснит, — подумал Корнилов и вдруг почувствовал, что волнуется. — Что же это я? Случилось что — позвонили бы», — пытался он вновь себя успокоить.

Брат заглушил мотор и вышел из машины. Помахал рукой. Наверное, он заметил Игоря Васильевича еще

с дороги. Потом Кеша открыл багажник, вынул большую, туго набитую черную сумку. Потом снова сунулся зачем-то в машину. Пошарил на заднем сиденье.

«Чего он там копается?!» — рассердился Игорь Васильевич. Он хотел было идти брату навстречу, но тот наконец закончил свои поиски и, улыбаясь, вошел в сад. И эта улыбка не понравилась Игорю Васильевичу и испугала его. Что-то в ней было неестественное, чужое.

— С приездом, Игорь! — крикнул брат. — Давненько ты нас не посещал!

— Где мать? — спросил Игорь Васильевич и сам не узнал своего голоса.

Иннокентий поставил черную сумку прямо на пыльную траву и протянул Игорю Васильевичу руку:

— Здравствуй!

Корнилов задержал руку брата в своей и снова спросил:

— Мать-то где?

— Понимаешь ли, Игорь... — начал Иннокентий, и Игорь Васильевич почувствовал, что Кеше очень трудно говорить. Он словно не знал, с чего начать. — Понимаешь ли...

— Да ты что?! Чего тянешь? Случилось что-нибудь?

— Да нет, — с облегчением вздохнул Иннокентий. — Ничего страшного не случилось. Пойдем в дом, там все расскажу.

— Да тебе ответить трудно, что ли? — вспыхнул Игорь Васильевич.

— Уехала мать. Решила пожить пока одна. В доме престарелых... — Иннокентий вдруг заторопился, будто боялся, что Игорь Васильевич не дослушает его до конца. — Она решила... Мы выбрали самый подходящий. Самый удобный... — Он даже сделал попытку улыбнуться. А сам смотрел вниз. На свою черную сумку.

— Как это в дом престарелых?

— Да пойми ты, это не обычный дом престарелых. Мне с трудом удалось устроить ее туда. Остров Валаам. Красивейшее место. Мы с Таней ездили туда, мать отвозили... Да что ты на меня так смотришь? Она же сама захотела. Постоянно болеет. Мы с Таней на работе. Некому даже пить ей подать. А случись что?..

Корнилов смотрел на брата и не понимал его. В голове у него не укладывалась мысль о том, что его родной брат, его Кешка отказался от матери, отвез ее в дом пре-

старелых. В приют. Мать — в приют! От этой мысли Корнилову стало невыносимо. Гнев начал душить его, а в глазах запрыгали противные белые мухи. Иннокентий еще что-то говорил, улыбаясь чуть заискивающе, жестикулировал, но до Корнилова не доходили его слова. Так молча он стоял несколько минут, а потом, словно очнувшись, спросил:

— А мне ты почему не сказал? Меня почему не спросил?

— Да я, — Кеша осекся на миг и ответил: — Мама просила тебе пока не говорить...

— Мама? Мама! — крикнул Корнилов. — Да какая она тебе мама? — и ударил брата наотмашь, вложив в удар всю свою боль и омерзение. Иннокентий даже не охнул, не защитился. Только посмотрел наконец Игорю Васильевичу в глаза. И была у него в глазах одна лишь тоска.

Игорь оттолкнул Иннокентия с тропинки и выскочил на дорогу.

— Игорь! — вдруг негромко сказал брат. — Она больна.

Игорь Васильевич не обернулся, а только втянул голову в плечи, съежился, словно ожидая удара.

— Игорь! — теперь уже закричал Иннокентий. — Игорь! Подожди! Она серьезно больна, но ей там лучше... Микроклимат... Дай мне объяснить...

Игорь Васильевич слышал, как брат побежал за ним, и прибавил шагу. Он шел, не глядя под ноги, и злость душила его. «Мать — в приюте... А я даже не знал!»

Мимо шли автобусы, останавливались на остановках, но Корнилов даже не сделал попытки сесть. Шел и шел, словно решил идти всю дорогу до Ленинграда пешком. И только зайдя уже за Выру, большое село на перекрестке двух дорог, остановился как вкопанный — что-то привлекло его внимание, что — он сразу даже и не сообразил. Остановился и провел рукой по глазам, словно этот жест мог помочь ему уйти от тяжелых мыслей. На обочине стояли две «Волги», обе такси. Шофер одной из машин цеплял тросом другую. Зацепив трос, он залез в кабину, посигналил и осторожно тронулся. Трос натянулся, и вот уже обе машины, вырвав на асфальт, поехали в сторону Гатчины.

Корнилов усмехнулся. «Как все просто. Подцепил и поехал. И никакие секретки трогать не надо. Отвез ку-

да-нибудь в глухое место — открывай, заводи. Пусть включается сигнал, пусть гудит, воеет... А что? Вариант!»

Его подвез в город на ЗИЛе угрюмый, молчаливый шофер. Он с таким остервенением гнал машину, что Корнилову даже подумалось: «Не миновать нам канавы». Наверное, был шофер чем-то очень огорчен и раздосадован. Так и мчались они сквозь начинающие вечереть поля, не донимая друг друга разговорами, изредка покуривая. «Ну ничего, — успокаивал себя Корнилов, — еще не все потеряно. Давно там мать? Не больше трех месяцев. Завтра же все разузнаю и поеду за ней. И почему она просила мне не говорить?» Быстрая езда немного успокоила его.

Домой он приехал поздно вечером. Прошелся по пустой квартире, неприбранной, неуютной. Пластинки в ярких обложках валялись вперемешку с книгами, где попало. Пыль лежала на тяжелой, массивной мебели. Когда Иннокентий еще жил здесь, они решили свезти всю эту мебель в комиссионный и купить новую. Но мать воспротивилась. Она не хотела расставаться с тем, что напоминало ей о муже.

Корнилов сел в кресло и невесело усмехнулся, подумав вдруг о том, что мебель эта, лет пятнадцать тому назад, казалось, навечно списанная в архив, снова вошла в моду, а всякие комбинированные гарнитуры на куриных ножках выглядят смешными пародиями на мебель.

«К приезду матери надо будет устроить большую приборку. — Корнилов даже не сомневался в том, что в ближайшие дни поедет за матерью. Чем бы она там ни болела, он привезет ее домой. Раз можно жить в приюте, значит, можно и дома. А уж уход за ней он обеспечит. — Если надо будет — положу на время в больницу. Но здесь, в Ленинграде, чтобы навещать почаще, — думал он. — Это ж надо — отправить мать в приют!»

Шли дни, а съездить за матерью все не удавалось. В городе была украдена еще одна «Волга»... Корнилов и сотрудники его группы целыми днями пропадали в райотделах милиции, дотошно выясняли участковых о том, не было ли заявлений о попытках угнать машины, о малейших инцидентах, зафиксированных работниками ГАИ. Белянчиков и капитан Бугаев начали знакомиться

с организацией ночных дежурств в таксомоторных парках и государственных гаражах. Было усилено ночное патрулирование. А по вечерам Игорь Васильевич вместе с Белянчиковым подводил итоги в продымленном кабинете, из которого никакими сквозняками уже нельзя было выветрить застоявшийся никотиновый дух. Утешительного было мало, но Корнилов твердо считал, что они на правильном пути.

— Только широкий поиск... — твердил он приунывшему Белянчикову. — Наскоком здесь не решишь.

— Топчемся как слепые, — ворчал Белянчиков. — Бухгалтерией занимаемся, а время идет! Проверка, которую провел Седиков в районных отделах ГАИ, ничего не дала. Обнаружить утечку документов не удалось...

— Видишь ли, Юрий Евгеньевич, займись мы каким-нибудь одним направлением — нам может и повезти. А может и не повезти. Начинать тогда все сначала? А мы сейчас такую сеточку раскинули... Если подтвердятся мои предположения о возможности сопоставления номеров машин, проданных через комиссионки, с заводскими номерами... Чуешь, чем пахнет? Распространи мы такую методику — найти украденную машину можно будет в один момент...

— Хорошее дело — эксперименты, — не сдавался Белянчиков, — когда сроки не поджимают. Нам надо у себя в городе искать, а не по командировкам шастать... Подключить дружинников к ночным дежурствам, выступить по телевидению. Ты же сам считаешь, что воры — таксисты. Вот и надо разрабатывать версию «такси»...

— Сейчас нам только терпением запастись надо, — сказал Игорь Васильевич. — И не упустить ни одной детали...

Корнилов знал Белянчикова уже много лет. Ему нравились дотошность и напористость Юрия Евгеньевича, его веселый характер и обостренное чувство товарищества. Но особенно он ценил в Белянчикове качество, которое многим не нравилось, — ничего не принимать на веру, ни с чем не соглашаться с лёта. В управлении считали Белянчикова жутким спорщиком.

Соглашателей Игорь Васильевич боялся.

— Ну что вы так быстро соглашаетесь со мной? — сердился он. — У вас только что была другая точка зрения. Вы спорьте, спорьте. Доказывайте!

Его всегда раздражало, если человек сразу принимал

его новую идею, быстро отказывался от своего мнения. Он был твердо убежден, что делается это большей частью неискренне. У одних — из боязни спорить с начальством, у других — из угодничества, у третьих — просто из равнодушия. Неискренности Корнилов боялся больше всего в жизни.

Несмотря на горячее время, Корнилову пришлось еще на день выехать в Москву в министерство. Там давно уже было запланировано совещание по обмену опытом работы, и Игорю Васильевичу поручили на нем выступить. Разговор шел об организации воспитательной работы с отбывшими наказание в местах лишения свободы. Игорь Васильевич хотел было отказаться от поездки, сославшись на занятость, но Селиванов сказал: и думать не могли!

3

Сосед по купе попался Власову хмурый и неразговорчивый. Власов уже привык к тому, что народ в «Стреле» не отличался особой общительностью. Он легко узнавал пассажира «Стрелы» в суетливой и шумной толпе на Ленинградском вокзале. На платформе перед ее вишневыми, хорошо отмытыми вагонами никогда не заметишь обычной вокзальной сутолоки. Лишь изредка наткнешься на подвыпивших, громкоголосых иностранцев с горами необъятных чемоданов и саквояжей или на компании актеров, едущих не то с гастролей, не то на гастроли.

Едут «Стрелой» обычно налегке, с маленьким франтоватым чемоданчиком, а чаще всего с портфелем. У тех, кто помоложе, черный плоский чемодан, с чьей-то легкой руки интригующе названный «дипломат». Даже в одежде этих пассажиров есть что-то общее. Преобладал темно-серый костюм. Некоторые здоровались с проводницами как со старыми знакомыми, но как-то уж слишком сдержанно. Да и вообще они были очень сосредоточенны и подтянуты и шли сквозь зал ожидания, поглядывая на суетливую толпу отрешенно и словно боясь затеряться в ней. Редко кто ходил в поездной буфет выпить вина на сон грядущий, иные дожидались буфетчицу, на подносе у которой почти всегда красовалась бутылка марочного коньяка и бутерброды с икрой или копченой колбасой.

Негромкие разговоры между знакомыми шли о ка-

ких-то грядущих или уже состоявшихся назначениях, процентах выполнения планов, неправильных действиях тренеров футбольной команды «Зенит».

Глядя на пассажиров «Стрелы», Власов иногда казалось, что все они только-только покинули свои кабинеты, где заседали весь день, решали неотложные дела, принимали посетителей, проводили совещания. А сейчас еще просто не успели стряхнуть с себя дневные заботы и держались так корректно и чуть-чуть холодно, словно эти комфортабельные, сверкающие белизной постелей, залитые светом купе были их кабинетами.

Даже те люди, которые в обыденной жизни были шумными весельчаками, здесь, в «Стреле», притихали и разговаривали вполголоса.

Власов был человеком общительным, веселым, любил шумные компании, дорожные разговоры, но не мог отказать себе в удовольствии ездить «Красной стрелой». Без пяти двенадцать сядешь в Москве, ночь проспишь, а в восемь двадцать пять уже в Ленинграде. Для командированного — а почти все пассажиры «Стрелы» командированные — очень удобно. С утра можешь заняться своими делами.

Уже давно расстояние от Москвы до Ленинграда поезда проходили меньше чем за шесть часов, а пробные даже за четыре. Но «Стрелы» эти новшества не коснулись. Она по-прежнему шла восемь с половиной часов. Так было удобно командированным...

Сосед Власова попросил у проводницы чаю.

— Только, если можно, покрепче, пожалуйста. И два стакана.

Власов достал из портфеля свежий номер еженедельника, печатающего обзоры прессы, статьи из зарубежных журналов...

Зима этого года принесла людям много сюрпризов. Выпал снег в Северной Африке, небывалая засуха стояла в Афганистане, и хозяева продавали баранов за бесценок: килограмм мяса стоил дешевле литра воды. В Средней Азии и в Закавказье погибли от морозов десятки тысяч прилетевших на зимовье уток. В промерзших украинских степях мели черные песчаные вьюги. В Москве и Ленинграде зимой вопреки прогнозам стояли по-весеннему солнечные, бесснежные дни, а весна выдалась сухой и жаркой.

Пресса была полна тревожных сообщений, серьезных

раздумий о будущем мире, досужих рассуждений и пустяковых сенсаций.

— Вы не будете возражать, если я лягу спать? — спросил сосед.

— Ну что вы! — Власов сложил еженедельник, бросил на столик. — Уже давно пора...

Он вышел в коридор, чтобы не мешать соседу, и, прижавшись лбом к прохладному стеклу, пытался разглядеть, что там, за окном. Но темень была непроглядная.

Когда он лег в постель и погасил свет, спутник неожиданно сказал:

— Вы вот, кажется, журналист?

Власов хотел было удивиться и спросить, почему он так думает, но попутчик продолжал:

— Вам, наверное, часто приходится писать о людях. И о хороших и о плохих. А бывают ли такие случаи, когда, написав о ком-то, вы снова возвращаетесь к этому человеку?

Он помолчал несколько секунд и спросил:

— Я вам спать мешаю?

— Подумаешь, велика беда... Я в отпуск еду, — ответил Власов. — Отосплюсь. Ну а про то, возвращаемся ли к своим героям... В газетах же часто пишут: после выступления приняты меры... Иванов наказан... Петрова восстановили на работе... Сидорову квартиру дали...

— Э... э... э нет... — досадливо протянул сосед. — Я не об этом. Вы вот, допустим, очерк написали о человеке. О хорошем, красивом человеке. А прошло два года, поинтересовались снова — как, мол, все в порядке? Ведь, может быть, у человека трагедия произошла, оступился он? Нужна помощь... Или фельетон написали про хама, про пьяницу... Ну, пришлют вам в газету ответ — хаму выговор дали, обещал исправиться... А дальше-то, дальше? Как у него жизнь дальше складывается? Вот что важно! Иначе, что ж, отписано — и с плеч долой?

Власов усмехнулся. Его поразила горячность соседа, на вид такого хмурого и усталого.

— Да человек-то не в безвоздушном пространстве живет! Среди людей, — сказал он. — Газета напишет о нем, внимание к нему привлечет. Хороший человек — пример берите, плохой — помогите ему хорошим стать. Да и у него самого ответственности прибавится. Хочешь не хочешь — тянись, держи марку.

Сосед промолчал.

Власов понял, что он не одобрил его объяснений. Ему вдруг стало обидно от такого непонимания.

— Вы, наверное, слышали о том, что некоторые журналисты долгие годы поддерживают добрые отношения со своими героями. Друзьями становятся...

— Это я слышал, — ответил сосед без энтузиазма. — Но таких случаев — единицы. А пишете-то вы о многих.

— Вот именно. О многих! Со многими не будешь всю жизнь поддерживать отношения, следить за их судьбой. Жизни не хватит!

— Да-а... — неопределенно протянул сосед. — Так получается... А жаль... Но хоть про некоторых-то надо все знать. Все. Иначе ведь тоска заест. Делаешь, делаешь, а все как в пустоту.

— Да вы сами-то кто? — весело спросил Власов. — Уж не журналист ли тоже?

— Сыщик я. Есть еще такая профессия. Вы, наверное, даже писали про них? Журналисты дюже любят про уголовный розыск писать. У нас вот тоже — ловишь, ловишь, выковыриваешь... А дальше — передал человека следователю, следствие закончилось — суд. А из суда кто куда: один в колонию, другой еще дальше. Разве проследишь судьбу каждого? А если снова и встретишь, то нередко опять по тому же случаю... По печальному. Рецидивистов у нас еще хватает. Правда, бывает, что и от вставших на ноги письмо получишь. Ну это уж как подарок судьбы. — Он усмехнулся. — Такие редко напишут. Кому хочется темное ворошить. Ну ладно. Заговорил я вас, наверное. Давайте спать.

— А как вы догадались, что журналист я? — спросил Власов.

Сосед хмыкнул. Потом сказал:

— Газеты вы профессионально просматриваете... И знаете, где что искать...

Власов долго не мог заснуть. Думал о беспокойном попутчике, о его вопросах.. «Нет, он, пожалуй, не прав. Точно: не прав. Каждый своим делом должен заниматься. И если как следует, то все будет в порядке. Остальное — любительство».

...В январе Власов приезжал в Ленинград в командировку на своей «Волге». Был гололед, на Средней Рогатке машину занесло и стукнуло о фонарный столб. Константин Николаевич отделался легкими ушибами, а машина пострадала сильно — левое заднее крыло, ба-

гажник — все было покорежено, выбиты стекла. Власов договорился о починке с директором авторемонтного завода. Заводская «техничка» отбуксировала его «Волгу» в тот же день — завод был совсем недалеко от места аварии, на Московском проспекте. Срок ремонта оказался довольно долгим, но Власов не спешил. Сделав свои дела в Ленинграде, он уехал и лишь изредка позванивал на завод — справлялся, не готова ли.

Все складывалось удачно — «Волгу» отремонтировали к его отпуску. Власов договорился с женой, что они встретятся в Таллине, куда он приедет из Ленинграда на машине. «Обкатаю старушку, — думал Власов, — поезжу по Питеру, сгоняю на Карельский перешеек...» Он любил Ленинград и при каждом удобном случае старался туда съездить, хоть редактор и ворчал: «Как в Вологду или Сыктывкар, так большого энтузиазма не выказывают, а в Ленинград каждый норовит по два раза в году съездить...»

Рядом на полке ворочался сосед. Изредка он даже постанывал, начинал что-то бормотать. Уже засыпая, Власов подумал: «Какой беспокойный мужик... Есть, конечно, в его словах сермяжная правда. Но по большому счету он не прав. Интересно, он ленинградец или из Москвы едет на задание?.. Надо будет утром спросить...»

Но утром Власов ни о чем не успел спросить своего попутчика. Проснулся, когда поезд медленно проезжал над Обводным каналом. Сосед был уже одет. Доставал с полки портфель.

— А-а... Проснулись? — улыбнулся он, глядя на Власова. — Вы так сладко спали, что я не решился будить. Думаю, пусть поспит человек. Не всегда ведь выспаться как следует удается.

Власов подумал: «Какая у него улыбка. Как у ребенка. И совсем он не такой хмурый, как мне показалось вчера».

Он вскочил и стал натягивать брюки. Поезд уже шел вдоль перрона с редкими встречающими.

— Ну что ж, я двинулся, — сказал попутчик. — Прощайте. Будьте здоровы.

С вокзала Власов пошел пешком. Погода была жаркая, безветренная. Константин Николаевич перешел через площадь, немного постоял, разглядывая по-утреннему неудобный Невский проспект. Вдали, словно размытое легкой дымкой, виднелось Адмиралтейство.

Это уже стало для Власова традицией — по приезде в Ленинград, прямо с поезда, пройти по Невскому. Было время служащих — стрелки часов на башне вокзала тянулись к девяти. Не слишком густая толпа торопливых, сосредоточенных людей, еще не совсем стряхнувших с себя сон, растекалась по своим учреждениям. Константину Николаевичу было приятно сознавать, что ему то спешить некуда, можно лениво двигаться навстречу толпе, присматриваясь к людям, можно сесть где-нибудь в садике на скамеечку и любоваться городом, можно, в конце концов, свернуть в сторону с проспекта и просто идти куда попало, куда глаза глядят.

В гостиницу «Ленинград», где был забронирован ему номер, Власов попал только к полудню. В вестибюле гостиницы было шумно. Толпились иностранцы, курили, смеялись. Большая группа финнов только что приехала. Их чемоданы горой возвышались у лифта. Остальные, по-видимому, дожидались автобусов ехать на экскурсии. Все были увешаны фотоаппаратами и кинокамерами.

Из номера Константин Николаевич позвонил на авторемонтный завод, спросил, когда можно подъехать за машиной.

— Да хоть сейчас, — сказал Власову главный инженер, с которым он созванивался еще из Москвы. — Залатали ваш лимузин — лучше не надо! Не узнаете, как новенький.

«Волга» и впрямь была отремонтирована на славу. Власов с удовольствием вел машину, испытывая волнение от того, что после долгого перерыва опять сидит за рулем. Машина бежала легко, ровно. «Вот и прекрасно, — подумал Константин Николаевич, — если бы и в путешествии она себя так хорошо вела!»

С Московского он свернул на Фонтанку, еще не решив, куда ехать, пересек Невский и как-то незаметно для себя, в потоке автомобилей, подъехал к Кировскому мосту. «А почему бы мне не съездить за город», — решил он. И, прибавив скорость, помчался через мост, по Кировскому туда, где дорога вырывалась из города и, описав дугу у Финского залива, устремлялась к Лисьему Носу. Было приятно чувствовать, что машина послушна каждому твоему желанию, ощущать скорость, неудержимое движение вперед, вперед, навстречу балтийскому ветру и солнечному лесу...

К гостинице Константин Николаевич вернулся поздно

вечером. На площадке перед входом выстроились финские экскурсионные автобусы, «фольксвагены», «мерседесы», «фиаты» с иностранными номерами — приткнуться было просто некуда. Власов развернулся и заехал в переулочек за гостиницей. Здесь было свободно, лишь перед входом на кухню ресторана стоял автофургон. «Переночует и здесь моя «Волга», — подумал Власов. — Ничего ей не сделается...»

...Когда утром, приняв душ и позавтракав, Константин Николаевич вышел из гостиницы, «Волги» на месте не оказалось. В первый момент Власов лишь слегка огорчился. «Опять, наверное, мальчишки угнали. Не разбили бы, черти».

В Москве уже был такой случай. Константин Николаевич оставил машину на Суворовском бульваре рядом с Домом журналиста и, выйдя оттуда часа через два, не нашел ее. Тогда, правда, на «Волге» не было секретки. «Может быть, вчера вечером я забыл ее включить», — подумал он. В прошлый раз машина отыскалась на следующий день.

В отделении милиции, куда Власов пришел, чтобы заявить о пропаже, его попросили написать подробное заявление. Дежурный, молодой улыбчивый татарин в капитанском звании, сочувственно кивая головой, прочитал заявление.

— Да, неприятная история... Мало им своих ленинградских машин, так еще у московского гостя угнали.

Власов засмеялся:

— Ну какая ж разница?! У москвича, у ленинградца...

— Так ведь нам же обидно, — сказал капитан, — человек такую даль ехал! Что вы теперь подумаете про ленинградцев?

— Да у меня и в Москве ее угоняли, — утешил Константин Николаевич капитана.

— Угоняли? — дежурный даже приободрился. В всяком случае, в его восклицании чувствовался неподдельный интерес.

Власов рассказал про то, как угоняли его «Волгу» в Москве.

— Мы тоже постараемся найти побыстрее, — сказал капитан. — Вы не огорчайтесь.

Когда Константин Николаевич, вернувшись в гостиницу, подошел к своему номеру, то услышал, что там

гулко и требовательно звонит телефон. «Наверное, жена», — подумал Власов, быстро открыл дверь, взял трубку:

— Я слушаю.

— Это Константин Николаевич Власов? — спросил приятный женский голос.

— Да, — сказал Власов и отметил: «Какой красивый тембр».

— Вас беспокоят из Управления внутренних дел. Из уголовного розыска. Вы не могли бы сейчас подъехать к нам? По поводу вашей автомашины.

«Неужели уже нашли? — обрадовался Власов. — Вот оперативность!» Сказал:

— Да, конечно, я сейчас приеду.

— Вас ждет подполковник Корнилов. Пропуск я сейчас закажу. Вы знаете, где мы помещаемся? — и, не дожидаясь, пока Власов ответит, продолжала: — Литейный, четыре, первый подъезд. Поднимитесь на четвертый этаж, в четыреста двенадцатую комнату...

Через полчаса Константин Николаевич уже стучал в дверь этой комнаты. Там никто не отзывался. Власов постучал еще раз.

— Смелее, смелее, товарищ журналист, — услышал он вдруг над самым ухом и вздрогнул от неожиданности. Рядом стоял вчерашний попутчик по «Стреле».

— Да что-то не отвечается хозяин, — Власов пожал протянутую руку и сказал: — Вот я вас и нашел... Хотел еще в поезде познакомиться...

— Это я вас нашел, — ответил попутчик и распахнул перед Константином Николаевичем дверь четыреста двенадцатой комнаты.

В комнате, несмотря на открытое окно, было душно.

— Ничего не понимаю, — сказал Власов, садясь в кресло. — Значит, вы и есть подполковник Корнилов? Но откуда вы знаете, что именно я Власов и у меня украли машину?

Корнилов сел за стол и, подперев подбородок ладонью, чуть улыбаясь, внимательно смотрел на Власова, смотрел так, будто бы хотел сказать: ну-ну, давай удивляйся дальше. Наконец он, словно уже вдоволь насладившись удивлением Константина Николаевича, сказал:

— Да ничего я не знаю. Иду, вижу — вы ко мне стучитесь, а я никого, кроме потерпевшего Власова Константина Николаевича, москвича, кстати, не жду. Вот и

решил... — Он перестал улыбаться, и лицо у него сразу преобразилось, стало хмурым.

— Не повезло вам, Константин Николаевич. Только приехали — и нате! Вы что, покупали машину здесь? Ехали ведь к нам поездом.

Власов рассказал историю с машиной.

— Вот оно что... — покачал головой Корнилов. И неожиданно спросил как-то совсем по-домашнему: — Очень обидно?

— А как вы думаете? — раздраженно ответил Власов. — Вы меня пригласили, чтобы только об этом узнать? А я-то уж подумал, машину нашли.

— Не нашли. Наши товарищи выехали на место. Поискать хоть какую-то зацепку, людей порасспросить. Вы-то сами ничего не видели? — Власов развел руками. — И, как я понял из вашего заявления, даже не знаете, в какое время это произошло?

— Нет, не знаю. Поставил я ее часов в одиннадцать, а хватился утром, — хмуро ответил Константин Николаевич.

— Есть у нас подозрения, что «Волгу» вашу угнали опытные похитители... Вы понимаете, товарищ Власов, у нас в городе за последнее время было несколько хищений автомобилей. Все «Волги». Сейчас группа работников управления ведет розыск преступников. Мне трудно назвать срок... Придется вам потерпеть немного, мы стараемся найти машину. Не можем не найти. Нам тут сейчас достается — и от начальства и от потерпевших. Вот и вы теперь небось костерить будете?

— А это вам поможет? — спросил Константин Николаевич.

Корнилов рассмеялся:

— Выдам вам одну служебную тайну. Как журналисту. Ни в коем случае не поможет.

— Ладно, такая уж, наверное, моя планида. Чтоб старушку мою в перерыве между ремонтами угоняли. Вы мне лучше скажите ваше имя-отчество.

— Игорь Васильевич.

— Так вот, Игорь Васильевич, уж коль попал я в такую историю, почему бы мне не написать для своего журнала очерк о том, как сотрудники Ленинградского угроловят похитителей автомобилей. А? Как лицо, кровно заинтересованное в этой операции, я ведь могу постараться и выдать нечто вполне приличное. — Он посмот-

рел на Корнилова и увидел на лице лишь кислую улыбку.

— Константин Николаевич, не советую. Скучное это дело. Бухгалтерия одна. Вы уж мне поверьте. Мне самому приходилось несколько раз в журналах выступать, но эта тема невыигрышная. Ей-богу. Сплошная бухгалтерия. Тут и зацепиться не за что. Если хотите, познакомлю я вас с одним сыщиком... Вот интересный человек. По недоигранной партии в шахматы убийцу нашел! С пятью подозреваемыми играл, да так, что ни один из них и не догадался, что с уголовным розыском дело имеет...

— Это интересно, — согласился Власов. — Но еще интереснее, когда твою кровную машину разыскивают... Корнилов вздохнул.

— Да и ждать вам придется долго... Пока разыщем. Голос его звучал уныло.

— Чего ждать-то? — удивился Константин Николаевич. — Сейчас, сейчас влезать мне надо! Пока вы по следу идете...

— Нет, — покачал головой Игорь Васильевич. — Это исключено. У нас же оперативная работа... Даже если вы пойдете к генералу за разрешением, он вам вряд ли его даст.

— Попробую, — сказал Власов. — Попытка не пытка. Мне же не обязательно про ваши секреты писать. Возьмите меня на задержание...

— Чудак человек... Я же объясняю вам — бухгалтерия все. Документы, подсчеты, просевы, опросы... Какие тут операции? Чисто бухгалтерские!

— Нет, я все-таки схожу к начальнику управления, — твердо сказал Власов.

Вопреки прогнозам Корнилова начальник дал разрешение Власову поближе познакомиться с работой оперативной группы.

— Подполковник Корнилов очень способный работник. И человек интересный, — сказал генерал. — Здесь вы в самую точку попали. Наслышаны были о нем?

— Да ведь я и сам потерпевший, — улыбнулся Константин Николаевич. — Давал Игорю Васильевичу показания... — И он подробно рассказал генералу о том, как состоялось знакомство с подполковником.

По тому, как поморщился начальник управления, Власов понял, что эта новость пришлась генералу не по

вкусу. Он как-то сразу посуровел и несколько минут сидел молча, будто бы в нерешительности. Константин Николаевич испугался: не отменил бы генерал своего разрешения. Кому приятно, когда в сложное дело встречается столичный журналист, который к тому же и сам пострадал...

— Я надеюсь, что вашу машину быстро разыщут, — заговорил он наконец. — А подполковнику Корнилову я дам указание держать вас в курсе дела. В пределах возможного. Сами понимаете...

Он встал из-за стола, проводил Власова до дверей. Пожимая руку, сказал:

— Если будете писать о Корнилове, не ошибетесь. Умный сыщик. В общем, ас. Пятнадцать лет в уголовном розыске. Когда работал инспектором в Сестрорецком районе, у него бандиты жену убили. В отместку. Он тогда большое гнездо разворошил...

Когда Власов снова заглянул в кабинет Корнилова, тот сидел совсем мрачный. «Наверное, уже получил втык от генерала, — с сожалением подумал Константин Николаевич. — Подвел я человека...»

— Ну что, получили разрешение? — сказал Корнилов. — Энергичный вы человек... Да иначе, наверное, и нельзя журналисту.

— Смотря по обстоятельствам, — ответил Власов, усаживаясь в кресло. Ему стало немножко обидно от этих слов подполковника. Лично для него самым сложным и неприятным была необходимость идти к кому-то за разрешением, добиваться свидания с какой-нибудь знаменитостью, требовать, пробивать. — Я вас подвел, Игорь Васильевич?

— Я сам себя подвел, — вздохнул Корнилов. — Столько времени уголовный розыск похитителей найти не может... Вот что, товарищ журналист, сегодня у меня со временем туговато. А завтра приходите. К двенадцати. Познакомлю с делом подробнее.

В гостиницу Власов пошел пешком — благо рядом, через Литейный мост перейти... «Приду — позвоню редактору. Пусть оформляет командировку — может получиться интересный материал. «Похитители автомобилей». Это, правда, не бог весть какие уголовники — ни погонь, ни выстрелов подполковник не обещает — одну бухгалтерию, но ведь моя «Волга» уже тринадцатая. Журналист, пишущий судебные очерки и статьи на мо-

ральные темы, в роли потерпевшего! Не такое уж частое совпадение. И Татьяне надо срочно позвонить, — решил он. — Пусть попросит, чтобы отпуск перенесли». И только сейчас, подумав про жену, Константин Николаевич вспомнил фразу, сказанную генералом: «Когда работал инспектором в Сестрорецком районе, у него бандиты жену убили...» У этого высокого подполковника с хмурым вытянутым лицом и добрыми глазами бандиты жену убили. «Жену убили. В отместку...» Власов прикинул: работал в то время инспектором в пригородном розыске, сейчас — подполковник, замначальника уголовного розыска. Давнее дело. Он, наверное, еще совсем молодым был. Может быть, даже молодожен?

Но на следующий день беседа не состоялась. Когда Власов пришел к двенадцати часам в управление, то встретил Игоря Васильевича, спускавшегося по лестнице.

— Срочный выезд, — развел руками подполковник. Но Власову показалось, что глаза у него довольно блеснули. — Вы зайдите в триста тридцать вторую комнату. К Юрию Евгеньевичу Белянчикову... Отличный офицер. Настоящий сыщик... Не пожалеете. — На Корнилове был светло-серый, чуть мешковатый костюм и белая рубашка нараспашку. «Ему бы еще теннисную ракетку в руки, — подумал Власов. — Как дачник».

— Василек, едем, — сказал Корнилов стоявшему чуть поодаль молодому парню. И протянул руку Власову: — Вы на меня не обижайтесь, ладно?

— Что-то интересное? — спросил Власов.

— У нас все интересное, — ответил Корнилов и, легко сбежав по ступенькам, исчез за тяжелой дверью.

Власов несколько секунд постоял в нерешительности, а потом, махнув рукой, пошел в триста тридцать вторую комнату.

Белянчиков оказался невысоким крепышом с приветливым лицом и черными не улыбочивыми глазами. Он встретил Власова радушно, видно, Корнилов его предупредил, спросил, чем может быть полезен.

— Что за срочный выезд у подполковника, если не секрет? — поинтересовался Власов.

— Не секрет, — улыбнулся Белянчиков, но взгляд черных, немигающих глаз его был напряженным и строгим. — Вчера вечером у кафе «Звездные ночи» на про-

спекте Майорова задержали одного хулигана. Когда в милиции он вынимал из кармана паспорт, выпал тексталон. Незаполненный. Чистенький, как первый снег. И пачка денег. Девятьсот рублей.

— И Корнилов решил сам поговорить с ним?

— Вы знаете, для нас сейчас каждая ниточка дорога.

Белянчиков вынул из стола и положил перед Власовым фотографию мужчины лет двадцати пяти — двадцати восьми. Глаза — узкие щелки, короткий ежик волос и длинные баки...

Заметив неодобрительный взгляд Власова, Белянчиков сказал:

— Да, не Аполлон... Сегодня утром портрет сделан. Еще опохмелиться не успел...

— По роже видать, что сазаном звать, — усмехнулся Константин Николаевич. — Кто он?

— Шофер такси. Со второго таксомоторного предприятия.

— И с такими деньгами?

— Я думаю, подполковник недаром в «Звездные ночи» торопился.

— А как задержали этого деятеля?

— Сержант один. Из внутренних войск. Шел вечером после кино. В штатском. Около кафе очередь стоит. Какой-то парень привязался к пожилому мужчине. И жаргон подходящий: «Я тебя за пишик возьму... Караулки напишу...» Ну и так далее. Сержанту эта «музыка» хорошо знакома. Он кинулся разнимать. От блатного ведь добра не жди. Разбил этот тип гражданину очки, лицо в кровь. И сержанту досталось. Кто-то крикнул: «Кошмарик, канай!» Как раз в это время подошла патрульная машина. У нас теперь это быстро. На место происшествия за считанные минуты успевают.

— Ну а дальше что?

— А что дальше? Утром пришла сводка. В ней по нашей просьбе сейчас подробно фиксируют все связанное с автотранспортом. А тут — чистый тексталон... — Юрий Евгеньевич нервно забарабанил пальцами по столу. И Власов понял: несмотря на то, что он так подробно и вежливо отвечает на все его вопросы, в мыслях Белянчиков где-то очень далеко. Может быть, вместе с Корниловым в кафе «Звездные ночи», а может, еще где-то. И что дел у него невпроворот и каждая минута на счету.

— Я, наверное, задерживаю вас? — сказал Власов.

— Ну что вы! — радушно улыбнулся Белянчиков, а смотрел на Власова с надеждой. — Вас еще что-то интересует? Подполковник просил рассказать...

— Да нет... Давайте в другой раз. Может, как-нибудь вечером? А?

Белянчиков крепко тряхнул Власову руку.

Власов вышел от Белянчикова недовольный. Этот Корнилов не очень спешит ввести его в курс дела. Уж, кажется, чего бы ему темнить? Генерал-то дал разрешение познакомиться с поиском! Да и Белянчикова особенно откровенным не назовешь... Власов вздохнул. Он понимал, что и у Корнилова и у Белянчикова головы забиты своими заботами, что каждая минута на счету и вести разговоры им совсем не с руки, но было все-таки обидно — события разворачивались, поступала новая информация, а он, журналист, решивший написать о том, как искали похитителей, оставался в неведении.

«Ничего, — подумал Константин Николаевич, — завтра я припру этого Корнилова к стенке. Он уже не отделается от меня своей любезной улыбкой!»

Власов решил вечером сходить в театр и позвонил из гостиницы своему старому приятелю — заведующему отделом литературы и искусства областной газеты.

— Старик, иди посмотреть «С любимыми не расставайтесь», — бодро сказал Власову заведующий. — Премьера в Петроградском Дворце культуры. Публика ломится... Я заказал билеты для себя, но пойти сегодня не смогу... Двигайся!

— А что в Горьковском идет? — спросил Власов.

— В Горьковском «Генрих IV», — поскучневшим голосом отозвался зав. — Но сегодня туда не попасть. Сказал бы заранее.

Власов засмеялся:

— Ладно. Пойду на «Любимых...».

У Дворца культуры и впрямь толпились жаждущие перекупить билетик. Правда, все больше молоденькие девчата.

Власов отыскал обитую черным дерматином дверь с табличкой «Администратор». Небольшая комнатка, от пола до потолка заклеенная афишами, показалась ему совсем крошечной из-за огромного письменного стола, идеально прибранного — на нем стоял только перекидной календарь, — и солидных габаритов мужчины, сидевшего за этим столом.

Мужчина говорил по телефону, сладенько улыбаясь. Власов хотел выйти из кабинета, подождать в коридоре. Но мужчина, даже не взглянув на него, энергично показал рукой на стул. Константин Николаевич сел.

Хозяин кабинета был розовощеким блондином с красиво подстриженной головой, похожим скорее на спортсмена, чем на администратора театра. «Тесно, наверное, ему в этом кабинетике, — усмехнулся Власов, — где-то я его, кажется, видел. И совсем недавно».

Администратор, почувствовав на себе взгляд, мельком оглянулся на Власова и снова заворковал в трубку. Но, похоже, что-то насторожило его, и он снова посмотрел на Власова, уже более внимательно. Власов кивнул ему головой, здороваясь, и вдруг заметил, что в голубых глазах администратора мелькнул испуг.

— Галочка, ко мне пришли, — сказал он в трубку, и голос его уже не был таким медовым, как секунду назад, — я тебе перезвоню. Ну ладно, ладно... — Он повесил трубку, и Власов удивился перемене, происшедшей с администратором.

— Вы ко мне, товарищ?

— Извините, я вас отвлек, Валерий Фомич, — сказал Константин Николаевич и опять подивился настороженным глазам хозяина кабинета. — Вы оставляли билет для Голубенцева из газеты...

— Вы Голубенцев? — спросил Валерий Фомич быстро.

— Да нет, я из Москвы, журналист. Голубенцев для меня заказывал.

— Ну и прекрасно, ну и прекрасно, — неизвестно чему обрадовался администратор. — Спектакль хорош, очень хорош, не пожалеете. Да и зачем билет, я вам дам места... Отличные места. — Валерий Фомич достал из стола изрядно замусоленную тетрадь, начал лихорадочно рыться в ней. — Вы ведь, наверное, и не один? Я сейчас подберу вам два хороших места.

— Да нет, спасибо. Я один, — сказал Власов.

Наконец-то Валерий Фомич вытащил нужную бумажку и сунул Власову.

— Пожалуйста, милости прошу приходить еще. Вам у нас понравится! — Он встал из-за стола, проводил Константина Николаевича до входа в зал.

«И чего он засуетился? — думал Власов, усевшись на свое место в шестом ряду. — Что он, столичных журна-

листов не видал? — Он вспомнил беспокойные глаза Валерия Фомича еще до того, как назвал ему себя, и удивился еще больше. — Вот ерунда-то какая! Может, он перепутал меня с кем?»

Спектакль не понравился Константину Николаевичу. Впечатление было такое, будто все мастерство режиссера ушло на световые эффекты, на громоздкую и вычурную бутафорию. Актеры играли неплохо, даже увлеченно, но моментами Власову казалось, что все они играют героев из разных пьес, живут на сцене в разных измерениях.

В антракте он стал в очередь в буфет выпить пива. Очередь была большая. Неожиданно к нему подошел Валерий Фомич.

— За пивом? — спросил он, обаятельно улыбаясь. — Не успеете. Пойдемте ко мне... — Администратор ласково взял Власова под руку и увлек за собой.

Константин Николаевич пытался протестовать, но потом подумал: «А почему, собственно, отказываться?»

Валерий Фомич распахнул дверь своего кабинета и, остановившись на пороге, громко, ненатурально ойкнул. За его большим столом сидела молодая девушка и уплетала бутерброды, запивая лимонадом. Рядом стояла початая бутылка коньяка и недопитая рюмка.

— Привет, Валерочка, — сказала девушка. — Заскочила на огонек — смотрю, намечается прием.

Валерий Фомич пробормотал себе под нос что-то малоразборчивое и засуетился, пододвигая к столу большое кожаное кресло, усаживая Власова.

— Прошу вас, прошу... Антракт большой. Успеем обменяться и по рюмочке, — говорил он, ловко разливая коньяк, пододвигая Власову бутерброды с сыром и колбасой. — Мила уже похозяйничала здесь... Да, я вас не представил друг другу. Это Мила, активистка нашего дворца, душа самодеятельности. — Валерий Фомич склонил свою красивую голову в сторону девушки, спокойно, с легкой усмешкой смотревшей на него. Власов только сейчас разглядел, что девушке лет восемнадцать, не больше. А глаза у нее темные, совсем пьяные и озорные. «Неужели она одна почти полбутылки коньяка выпила?»

Валерий Фомич склонил голову в его сторону:

— Московский журналист...

Власов улыбнулся девушке и представился:

— Константин Николаевич.

Они выпили по рюмке коньяка, и администратор, вытащив из кармана «Мальборо» и предложив закурить, спросил Власова о спектакле.

Власов начал было высказывать свою точку зрения на спектакль, но вдруг увидел, что это не интересует ни Валерия Фомича, задавшего вопрос, ни захмелевшую Милу. Валерий Фомич слушал, склонив голову набок, силясь изобразить на лице интерес, но в бегающих глазах у него пряталась тревога, какие-то одному ему известные сомнения грызли его.

— Наверное, пора в зал, — сказал Власов, вставая. — Спасибо за гостеприимство.

Валерий Фомич тоже вскочил, спросил вкрадчиво:

— Вы не будете возражать, если я посажу рядом Милу? Сегодня аншлаг, ни одного приличного места не осталось...

Власов пожал плечами. Сказал:

— Раз место свободное...

Он заметил, что Мила, прежде чем выйти из-за стола, налила себе коньяку и выпила залпом. Выйдя из кабинета администратора, она взяла Константина Николаевича под руку. Улыбнулась вызывающе:

— Не возражаете?

В зале, едва погас свет, Мила снова взяла Власова под руку и прислонилась к нему плечом. Власов осторожно снял руку девушки, положил на подлокотник, а сам отодвинулся. Шепнул:

— Давайте смотреть спектакль.

Мила удивленно покосилась на него и ничего не ответила. Пока шел спектакль, она сидела тихо, как мышь, и Власову временами казалось, что она спит. Но как только спектакль закончился, она снова зацепила Константина Николаевича за руку.

Власов с удовлетворением заметил, что администратора не видать. Он уже боялся, что Валерий Фомич опять возникнет на его пути и начнет завлекать в свой кабинет.

На улице Константин Николаевич спросил Милу:

— Вам в какую сторону?

— Что значит в какую? — капризно сказала девушка. — Еще спрашиваете... — и, прижавшись к нему, прошептала: — Нам куда бы ни идти, лишь бы с вами по пути... А можем пойти ко мне.

— Э-э нет, — покачал головой Власов. — Мы так не договаривались...

— Как это не договаривались! — Мила даже остановилась и с вызовом поглядела на Власова.

«Ох и опасная девка, — подумал он, усмехаясь. — До чего глаза шалые...»

— Как это не договаривались, Костенька, московский жур-на-лист?! — повторила она, произнося «журналист» вразяжку, с ударением. — Что, мне Валерка зря звонил, что ли? Приезжай срочно, лапушка. А ты — не договаривались!

Она распалилась и говорила так громко, что в толпе стали на них оглядываться. «Ну и ну, — удивился Константин Николаевич. — История!..» Но раздумывать было некогда, похоже, Мила была совсем пьяна. Он взял ее под руку и тихо сказал, как говорят заикающимся ребенку:

— Ну, Мила, Мила... Успокойся. Сейчас мы с тобой во всем разберемся. — И повел ее к станции метро.

Мила покорно шла и капризно бубнила:

— Этот Валерка всегда так... Милочка, Милочка, лапушка, родненькая, а потом позвонит — приезжай срочно, познакомлю с одним нужным человеком. Искусство требует жертв! Тьфу! Противно... — и всхлипнула.

— Да это недоразумение какое-то, — сказал Власов, не в силах уловить логики в действиях администратора. — Я и знать твоего Валерку не знаю. Зашел билет взять.

— Зашел, зашел... Морочишь мне голову! Валерка сказал: «Веди к себе. Я часикам к двум тоже подгребу». Она вдруг осеклась, поняв, видимо, что сболтнула лишнее, и с испугом посмотрела на Власова.

— Ну вот что, Милочка, иди в метро. Поезжай биньки, — сердито сказал Константин Николаевич. — Пятак-то на дорогу есть?

Мила вдруг неожиданно показала ему язык и плаксиво сказала:

— Чучело! Сразу видно, что милиционер. — Повернулась и пошла, слегка покачиваясь. Стройенькая, нарядная.

«Какая-то чертовщина, — подумал Константин Николаевич, провожая Милу взглядом до тех пор, пока она не скрылась за дверями метро. — Этот гнусный, испуганный администратор... Чего он лебезил передо мной? Ведь даже не придумаешь! Хотел, чтобы я написал про спектакль? Да ему-то это на что? На коньяк затащил! А эта

Мила... Но тут-то, наверное, недоразумение. Приглашал для кого-нибудь другого, да я подвернулся! Вот краснобай! Вот угодник! Бессмыслица какая-то».

Власов поймал такси и вернулся к себе в гостиницу. Никакого объяснения случившемуся во Дворце культуры он так и не нашел.

4

Моментами Корнилову казалось, что вся работа его группы идет на холостом ходу. Усилий много, а результата никакого. Никаких следов похищенных машин. Работа группы скорее напоминала проверку, которую ведут дотошные ревизоры, чем привыкших действовать быстро и энергично сотрудников уголовного розыска.

С помощью автоинспекторов фиксировались все дальние выезды автомашин «Волга» с ленинградскими государственными номерными знаками. Посты ГАИ были выставлены на границах с Новгородской и Псковской областями. С помощью сочинских и ставропольских коллег была организована проверка машин при подъезде к Сочи и Минеральным Водам. Сотрудники уголовного розыска проводили негласную проверку в таксомоторных парках города. Проверяли, кто из шоферов был на линии ночью в те дни, когда произошли угоны машин. Сотни фамилий столбцами выписывались на бумагу, а потом в управлении скрупулезно изучались — нет ли таких, которые работали ночью всегда, когда исчезали автомашины. Одновременно проверялся порядок хранения техталонов, выяснялись случаи их пропажи. Оперативные работники подробно опрашивали водителей, получивших дубликаты. Цифры, фамилии, даты...

Игоря Васильевича не покидала уверенность, что вся эта бухгалтерия вот-вот принесет результаты. Он сопоставлял все хищения «Волг» за последнее время, все показания потерпевших и полностью укрепился в мысли, что такие «удачные» угоны возможны только с помощью другой автомашины. Показания Тамариной окончательно убедили его в этом...

Вскоре на столе у Корнилова уже лежали два списка с фамилиями. В одном, большом, списке перечислялось семьдесят шоферов из разных парков, ночные дежурства которых по многу раз совпадали с датами краж. По многу, но не с каждой кражей. Полного совпадения не было

ни у кого. В коротком списке значилось тридцать девять человек. У них было по восемь совпадений...

Предстояло исподволь, деликатно выяснить, что они собой представляют...

И вот удача — арестован водитель второго таксомоторного парка Лыткин. И вдобавок у него находят чистый тексталон и девятьсот рублей денег!

Корнилов уже второй час беседовал с работниками кафе, а дело совсем не двигалось. Швейцар, которому Игорь Васильевич показал среди двух фотографию задержанного, не признал его. «Кто его знает, — сказал он с сомнением, — ходят тут каждый день много. И бузят часто. Может, и этот бывал. Не припомню».

Две официантки признали Лыткина. Да, кажется, бывал. Лицо вроде бы знакомое. И один ходил, и с девушками. Не было ли постоянной компании? Дружков? Поди разберись. Народу всегда много, крутишься как юла. Разве запомнишь, кто с кем... Не шиковал ли? Да нет, у нас особенно не расшикуешься. Ассортимент не тот. Расплачивался строго по счету... Мы чаевых не берем.

Корнилов чувствовал, что официантки чего-то не договаривают. Выходило так, что этот Лыткин — самый заурядный посетитель. Бывает в кафе, но от случая к случаю. И никаких друзей у него здесь нет. А кто же тогда крикнул: «Кошмарик, канай!»? И почему этот Кошмарик, проживающий на Гражданке, ездит через весь город в кафе «Звездные ночи»? Не затем ведь, чтобы угостить свою девушку мороженым? Да и драку он затеял после того, как один из стоявших в очереди попытался не пропустить Лыткина в кафе без очереди. «Меня там друзья ожидают», — сказал Кошмарик. И швейцар хотел его пустить... Значит, знал!

У директора, меланхоличной полной женщины с низким лбом и беспокойными, бегающими пальцами, Корнилов попросил список официанток, работавших накануне. И их адреса. Вася Алабин приготовился записывать.

— Венюкова Тамара, Софийская, двадцать один, квартира пять, — диктовала директриса, — Порошина Вера, улица Воскова, тридцать три, квартира шестнадцать, Гольцева Люба... Ну к этой вы можете и не ходить, она всего полтора месяца работает. Неумеха.

— Дайте на всякий случай и ее адрес, — попросил Корнилов.

— Я думаю, с этой Гольцевой Любы надо и начать, — сказал Игорь Васильевич, когда они с оперативником Василием Алабиным сели в машину. — Она новенькая — на свежий взгляд многое заметно. Видать, директриса ее не очень жалует. Неумеха! Много ли официантке умения надо? А раз отношения плохие, она ничего скрывать не будет.

Люба Гольцева оказалась девушкой лет восемнадцати, нескладной, словно подросток, и ершистой. Корнилов подумал: «Нелегко, наверное, ей в официантках и с посетителями и с товарками. Такая действительно чаевых брать не станет. А ей этого не простят».

— Вы о нашем кафе хотите знать? — спросила Люба. — Что-нибудь случилось? Я так и знала... Только у директорши мое заявление уже неделю лежит. Через неделю ноги моей в этом гадюшнике не будет.

— Что же так? — подивился Игорь Васильевич. — Такое популярное кафе, а вы его гадюшником называете.

— Да туда теперь одна шпана ходит, — запальчиво сказала Люба. — Или пажоны сопливые... На них смотреть-то противно, не то что обслуживать... — Она вдруг осеклась и встревоженно посмотрела на Алабина, сидевшего с блокнотом в руках.

— Нет, об этом я вам рассказывать не буду. Раз вы милиция, сами должны знать. А мне еще хорошую характеристику надо получить.

«Ну хорошую-то характеристику тебе и так не дадут», — подумал Игорь Васильевич с сожалением, вспомнив, как директриса сказала: «Неумеха».

— Люба, вы ведь вчера работали?

Гольцева кивнула.

— Этот парень вам знаком? — Корнилов показал ей фотографию Лыткина.

— Его Кошмариком зовут. Пьяница.

— А кто зовет?

— Да парни, с которыми он к нам ходит. И наши девчонки.

«Значит, официантки знают его хорошо. Только скрывали», — отметил Корнилов.

— А что за парни с ним ходят?

Люба пожала плечами:

— Такие же, как и сн...

— Вам приходилось их обслуживать?

— Да. Я и вчера им подавала. Они Кошмарика жда-

ли. Один клиент даже выходил встречать. Потом пришел, пошептались о чем-то. Позвали меня расплатиться. Даже коньяк не допили.

— А говорили о чем?

— Я не слышала. Только когда из-за стола поднялись, Хилый — это они одного так зовут, хотя он по виду и здоровяк, — сказал: «В эту тошниловку больше ни ногой...» — Она засмеялась: — Эго он здорово про наше кафе — тошниловка!

— Люба, а кроме этого Хилого, кто еще бывал?

— Часто бывал тоненький такой парень. С усиками... Наверное, кавказец. А то все разные.

— Пили здорово?

— Еще как. Хилый, как придет, спрашивает: «Что пьем, мальчики?» Бывало, что ящиками шампанское заказывал.

— Они что, каждый день в кафе сидели?

— Нет. Иногда неделю не появлялись. А то каждый день торчат.

— А как вы думаете, они работают или учатся?

— Так они же шофера, Хилый и Кошмарик. Таксисты.

— Откуда вы знаете?

Люба пожала плечами:

— Так это, по-моему, у нас в кафе все знают. Да и так ясно. Разговоры-то все про одно: ездку сделал в аэропорт, пассажир деловой попался. А машину почему-то «лайкой» называли.

— Может быть, лайтой? — спросил Корнилов.

— Может быть, и так...

Когда Корнилов с Алабиным, побывав еще у двух официанток, вернулись в управление, Юрий Евгеньевич доложил, что Лыткин признал себя виновным в избииении гражданина Сосновского, а на вопросы, откуда у него деньги и техталон, отвечать отказался. Экспертиза показала, что на техталоне вытравлены прежние записи. Эксперты постараются их восстановить. Бугаеву поручено заняться вторым таксомоторным парком. Надо выяснить все про Лыткина...

— Ты, Юрий Евгеньевич, вызови Бугаева ко мне. Мы с Василием кое-чем разжились... Выяснили дружков этого Лыткина. Похоже, что один — тоже шофер. Некто

Хилый. В «Звездных ночах» надо организовать дежурство. Марийкин улетел в Сочи?

— Да, Игорь Васильевич. Думаю, что денька за три он управится и начнет проверку в Сухуми. Установим заводские номера машин, которые продали эти два комиссионных магазина. И — на Горьковский автозавод.

— Позвони ему, — жестко сказал Корнилов, — и скажи, что на каждый магазин — сутки...

Белянчиков с сомнением покачал головой, но возражать на этот раз не стал.

Хотя многие доказывают, что доверяться интуиции нельзя, что надо опираться на факты, факты и только факты, что нельзя поддаваться под влияние какой-то одной версии, да еще к тому же продиктованной интуицией, Корнилов своей интуиции доверял. А эта вера основывалась на опыте — интуиция подводила его редко. Но ведь и точный расчет иногда подводит.

— Юрий Евгеньевич, сейчас все зависит от того, как быстро мы разработаем версию «Лыткин». Даже лучше назвать ее версия «Кошмарик». Это его кличка. Символично, да? — Он вздохнул и покачал головой. — Ну ладно. Это я к слову. Так вот, если версию «Кошмарик» взять за основу, если он причастен к хищениям автомашин, то все его дружки сейчас в панике. Во-первых, не сболтнет ли чего лишнего. Во-вторых, не нашли бы у него вещественные доказательства. А если найдут — не заинтересовались бы его друзьями... Логично?

Белянчиков кивнул:

— Судя по размаху, они ребята не дураки, должны учуять запах жареного.

— Вот, вот... Сейчас они насторожены, могут и наглупить, могут и в глухую уйти. По всему — надо бы обыск делать у Лыткина. Да ведь спугнем, а?

— Можем спугнуть, — согласился Юрий Евгеньевич.

— Ну что ж. Надо нам, как шеф говорит, свистать всех наверх. Тебе, Юрий Евгеньевич, взять второй парк на себя. И Бугаев с тобой, и все остальные. Здесь навалиться надо разом. Алабин пусть установит наблюдение за «Звездными ночами». Вместе с райотделом.

— А другие таксомоторные парки? — спросил Белянчиков.

— Другие отставить. Пока... А там посмотрим. Да, кстати, среди друзей, с котсырыми пил в кафе Кошма-

рик, один — здоровяк, по кличке Хилый, другой — похож на кавказца. Худой, с усами...

— Хилый... — в раздумье произнес Юрий Евгеньевич. — Хилый? У тебя списки шоферов под рукой? — спросил он Корнилова.

Игорь Васильевич молча выдвинул ящик стола, достал серенькую папку и, торопясь, начал листать. Юрий Евгеньевич вскочил со стула и, перевесившись через стол, следил за бумагами.

— Стой, вот он, список, — наконец сказал он.

Они быстро пробежали его глазами и посмотрели друг на друга.

— Ты в рубашке родился, — вздохнул Белянчиков. — Вот тебе и Хилый. Хилков Евгений Степанович, второе таксомоторное предприятие, первый класс, работает с 1968 года.

5

Прошла еще неделя, прежде чем Корнилов смог выбраться к матери на Валаам.

На пирсе у Озерного вокзала царило веселое оживление. Люди толпились у трапов, сновали в поисках «своего» теплохода. Слышались переборы гитары, приветственные возгласы. Большинство отъезжающих — молодежь.

Корнилов отправлялся на «Короленко».

— Товарищи, заполняйте, пожалуйста, путевки, у кого не заполнены, — с легким раздражением объяснял у трапа высокий моряк с синей повязкой вахтенного. Чувствовалось, что ему уже надоело объяснять одно и то же. Пожилой мужчина с красивым клетчатым баульчиком в руках растерянно обернулся к своей спутнице — молодой большеглазой женщине.

— Что, Мишаня? — спросила она насмешливо. — У тебя нет авторучки? Товарищи, кто одолжит авторучку? — обратилась она к стоявшим у трапа.

— Пожалуйста, — Корнилов достал свою авторучку и протянул женщине. Она посмотрела внимательно на него и почему-то улыбнулась. Сказала:

— Мишаня, вот авторучка. Заполняй поскорее...

Мужчина засуетился, не решаясь выпустить из рук баул, потом все-таки поставил его на гранитный парапет, взял авторучку и, прежде чем начать писать, нахло-

нился к женщине и что-то быстро зашептал ей. Она не дослушала, махнула рукой и сказала громко:

— Да пиши ты что хочешь...

«Ну вот, видать, с чужой женой путешествовать собрался, а путевку заполнять пришлось — перетрусил, — подумал Корнилов. — И соврать боится, и правду сказать не может... Эх ты, дядя!»

Мужчина наконец заполнил путевки и, вздохнув с облегчением, отдал Корнилову авторучку. Вахтенный, бросив взгляд на их путевки, ухмыльнулся и громко сказал:

— Ваша каюта, товарищи Огневы, на верхней палубе. Ключи в двери...

У Корнилова каюта была второго класса, на второй палубе. Она показалась ему совсем крошечной, похожей на пенал. Воздух был несвежий, застоявшийся. Корнилов открыл окно и опустил жалюзи. Положил на столик прихваченную в дорогу книгу — «Незабудки» Пришвина. Книжку эту, уже изрядно потрепанную, кто-то забыл у Корнилова в кабинете. На пристань Корнилов ехал прямо из управления, не заезжая домой, и сунул на всякий случай «Незабудки» в портфель. Раньше Корнилов почему-то считал, что Пришвин пишет только о природе, а тут, едва открыв книгу, наткнулся на такие строчки: «Как гибнет любовь, когда один человек обращается другим в собственность, так и в отношении времени... Люди спешат и суетятся, потому что находятся в плену у времени».

Каждодневная суета и спешка угнетали Корнилова. Сколько раз он говорил себе: «Хватит суетиться. Научись выбирать главное. Толку от суеты мало, а сколько приходится терять, сколько идет мимо тебя из-за вечной гонки. Скорее, скорее! Поджимают сроки, подгоняет начальство. И в этой спешке не имеешь возможности оглянуться. А время проходит, и начинаешь понимать, что ускользнуло что-то очень важное, существенное».

Корнилов понимал, что в этой спешке не всегда бывают виноваты обстоятельства и начальство. Просто с течением времени вырабатывалась уже такая привычка, такой ритм жизни — быстрее, быстрее... «Нет, надо когда-то ломать этот ритм, надо быть серьезнее и глубже, — размышлял он, — иначе сам превратишься в автомат, в пустышку».

Минут через десять теплоход отправился вверх по Неве. По обоим берегам теснились огромные темные корпуса заводов. Неяркие полосы света, падавшие кое-где из приоткрытых ворот, да всполохи электросварки говорили о том, что там идет работа.

Охрипший голос пригласил пассажиров по судовому радио на ужин. Пока ужинали, диктор рассказывал об острове Валаам.

...Гранитная скала в Ладожском озере... Дикая, романтическая природа... Спасо-Преображенский собор. Белый и Красный скиты. Упорные монахи насадили аллеи из лиственницы, пихты, дуба... Мощеные дороги. Каменные путепроводы. Сады на земле, привезенной человеком... Чайковский писал здесь свою симфонию... Остров Валаам — место настоящего паломничества художников. Каменные утесы, заросшие сосновыми борями, белая пена прибоя привлекали Шишкина, Рериха, Куинджи. Здесь у Лескова родился замысел написать своего знаменитого «Очарованного странника». Корнилов вспомнил мрачноватые, безлюдные места, изображенные Шишкиным, и снова подумал о матери. Хорошо, конечно, приехать на остров на большом ослепительном теплоходе, с музыкой, весельем... А каково там жить?

После ужина туристов пригласили на верхнюю палубу под большой тент «принять участие в танцах и играх». Корнилов подумал, что, пожалуй, никто не пойдет туда из-за начавшейся качки, но народу собралось много. Пожилые женщины плотно расселись на скамейках, а молодежь вовсю отплясывала.

Каюта Корнилова была совсем рядом с корабельной танцплощадкой, и громкая музыка мешала ему сосредоточиться, думать об этих проклятых «Волгах», которые следовало как можно скорее найти. Он отложил свою записную книжку и лежал, прислушиваясь к тому, что происходило на палубе. После танцев пели «Калину красную». Потом женский голос начал задушевно:

Мне говорила мать — не жди красивую,
Ищи себе, сынок, судьбу счастливую.
Красивым девушкам другие нравятся,
С женой красивою век будешь маяться...

Корнилов опять вспомнил большеглазую женщину, Мишанину спутницу, ее грудной, приятный голос, огромную белую косу, уложенную на затылке, и ему

стало неприятно от мысли, что она где-то в одной из кают с пижонистым и трусливым пожилым мужчиной... «Чего это я?» — тут же одернул он себя.

Ночью Ладожское озеро не на шутку расходилось, и теплоход грузно переваливался с борта на борт. Чуть-чуть позванивали стаканы, засунутые в стойку над умывальником, дребезжали дверцы шкафа. В каюте было жарко, но едва Корнилов попытался открыть окно, как ветер с силой рванул занавески, захлестал ими по мокрому от дождя стеклу.

Корнилов почувствовал, что не уснет, оделся и вышел на верхнюю палубу. Резкий ветер чуть не сбил его с ног. Придерживаясь рукой за поручень, он прошел по мокрой палубе на нос и стал в затишке. Шипя, расступались перед теплоходом волны. И тут же тяжело обрушивались на него, заставляя всякий раз вздрагивать. Белесый мрак стоял вокруг. Ни отблеска, ни огонька. Глазу не за что было зацепиться. Лишь метнется белым крылом стремительная пенистая волна и тут же исчезнет во тьме. «Белые ночи уже на убыль пошли», — подумал Корнилов.

Простояв около часа на палубе, Корнилов продрог и вернулся в каюту. После пронзительного ветра, гулявшего наверху, теплая каюта показалась ему уютной. Корнилов лег в постель и с удовольствием вытянулся, чувствуя, как согревается его тело, наполняясь приятной истомой. Ухала в борт волна, время от времени доносились резкие звуки, стук машины, когда кто-то открывал дверь машинного отделения, торопливый топот по гулким ступеням.

Приятно было сознавать, что не зазвонит телефон, не последует срочный вызов, никто не будет докладывать тебе о том, что час или полчаса назад в некоем районе неизвестные лица ограбили квартиру и ему, Корнилову, надо теперь собирать своих сотрудников, давать задание или даже ехать самому и стараться, чтобы эти неизвестные стали известными. Здесь ничто не напоминало о делах, кроме этого проклятого блокнота, который лежал на маленьком столике рядом с лампой-ночником.

Проснулся он от громкого топота на палубе, почувствовал легкий толчок и понял, что причалили. «Ну вот, а я-то хотел посмотреть, как будем подходить к острову... И надо же — проспал». Но подумал об этом без огорчения. Было восемь часов. Раздвинув занавески на окошке, он увидел совсем рядом крутой гранитный утес,

нависший над небольшим заливчиком, красные сосны на вершине утеса, потемневшую от дождя деревянную часовенку в сосняке... Дождь все еще сыпал, вскипая на темной воде залива, но то ли из-за красных сосновых стволов, то ли из-за того, что действительно начинало разяснивать, было такое ощущение, что солнце где-то совсем рядом, что оно вот-вот выглянет и высушит промокший бор, часовенку, рано начавший желтеть папоротник...

«Ну что за погода? — подумал Корнилов. — За все лето дождя не было, а только из города выехал, началось. И обулся я словно на танцы. Ну да ничего... Как вымокну, так и высохну».

Он побрился и пошел завтракать. После завтрака туристы высыпали на берег. Дождь никого не испугал. Экскурсовод, молодой рябоватый мужчина, объяснял что-то столпившимся вокруг него пассажирам. Его бесцветный голос, усиленный мегафоном, звучал совсем деревянно.

Затянув потуже пояс плаща, Корнилов сошел по трапу на берег и стал подниматься каменистой тропкой наверх, к часовенке. У закрытого на замок легкого здания кафе сидели островитяне: бородатый дед и несколько бабок. Выставив свежую и вяленую рыбу, они вели оживленную торговлю с туристами. На вопрос Корнилова, как пройти к дому престарелых, дед махнул рукой на каменистую дорогу, поднимающуюся вверх.

Сначала Корнилов шел аллеей, густо засаженной пихтами. Потом ему надоело перескакивать через лужи, и он свернул в лес. Подумал: «Все равно промокну». Тихий, глухой шум сосен сливался с шумом прибоя, мощным и гулким; невнятно шелестел дождь по листве редких берез и кленов. Несколько раз прямо из-под ног выпархивали тетерки. Корнилов не заметил даже, как перестал сыпать дождь. Лишь выйдя на большую поляну, он увидел, что тучи разошлись и выглянуло солнце. Прямо перед Корниловым среди темно-зеленых кленов и дубов, белый, словно снежная крепость, притаился монастырь. Это было так красиво и так неожиданно, что Корнилов долго не двигался с места, любясь открывшимся ему видом. Он поначалу даже не заметил мужчину, стоявшего почти рядом с ним на широкой, хорошо утопанной туристами тропинке. Мужчина стоял спиной, но Игорь Васильевич узнал его. Это был тот самый Ми-

шания, спутница которого просила у Корнилова авторучку при посадке в Ленинграде.

Мужчина обернулся на шаги. Вид у него был уже совсем не пижонский, а скорее нелепый — брюки закатапы чуть ли не до колен, на голове блином пластиковая шапочка. Он узнал Корнилова и даже будто обрадовался. Спросил приветливо:

— От группы отстали?

— Нет, и не приставал, — ответил Корнилов и подумал: «А где же твоя подружка?..» Он вспомнил: фамилия мужчины была Огнев.

— А мы вот тоже одни гуляли, да теперь Оля решила ягод поискать...

«Ее, значит, Олей зовут», — отметил Корнилов.

— Да какие тут ягоды, — продолжал мужчина, — в лесу сыро, а мы на дождь не рассчитывали. Но вот захотелось ей... Теперь стою поджидаю.

«Эх ты, ноги боишься промочить, — подумал Корнилов, — а она небось в туфельках пошлепала по мокрой траве».

— Вы знаете, что это за сооружение? — спросил мужчина у Корнилова. И, не дав ему ответить, продолжал: — Белый скит, здесь вызревала самая северная вишня в мире. Монахи выращивали. Мудрецы! Сад у них вдоль южной стены был, а стена-то белая, солнце отражала, давала саду тепло... За это монахи даже получили медаль на Всемирной выставке в Париже... — Он хотел что-то еще сказать, но в это время послышался треск веток, звонкий голос крикнул: «Миша-а-ня! Иду-у!» — и на поляну выскочила давешняя спутница Огнева, приглянувшаяся Корнилову.

Она шла к ним, улыбаясь. В руках был огромный белый гриб. Такие большие Корнилов вообще редко видел.

Сейчас, днем, девушка показалась ему еще красивее. Мокрые прядки волос прилипли ко лбу, большие голубые глаза смотрели внимательно.

— Оленька, какой чудо-гриб! — крикнул Огнев. — Колосовик, наверное. А мы тут встретились, разговорились, — мужчина показал на Корнилова. Игорь Васильевич усмехнулся. Он-то и слова не успел сказать. — Этот товарищ нас вчера выручил.

Оля усмехнулась:

— Это я и без тебя заметила. Ты хоть познакомил бы...

Огнев развел руками:

— Да мы и сами еще незнакомы, я как-то не сообразил. — Он протянул руку: — Огнев Михаил Петрович. А это Оля.

Корнилов назвал свою фамилию.

— Фамилия у вас известная, — сказал Огнев. — Генеральская!

Оля улыбнулась и внимательно посмотрела на Корнилова.

— Фамилия у меня самая простая, — почувствовав этот пристальный взгляд и потому раздражаясь, ответил Корнилов. — А уж если в историю заглядывать, то каждый берет из нее то, что его больше интересует. Один — белого генерала, другой — героя Севастопольской обороны.

Фраза прозвучала зло, но Огнев не обиделся, а добродушно улыбнулся:

— Ну конечно, конечно. Разве в фамилии дело... Был бы, как говорится, человек хороший, правда, дочка?

Корнилов почувствовал, что краснеет. «Так она с отцом... А собственно, чего я здесь баланду развожу с ними? — подумал он. — Надо идти».

— К поселку эта дорога? — спросил он у Огнева. — Вы, наверное, так же хорошо, как историю, географию острова знаете?

Огнев усмехнулся:

— Знаю. В поселок, к Спасо-Преображенскому собору, надо брать левее, вот по этой тропке, — он показал на еле приметную дорожку, уходящую в сосновый бор. — Но учтите, молодой человек, ничего достойного внимания там вы не найдете. Собор малоинтересный, в псевдогреческом стиле... — Огнев хотел что-то еще сказать, но Корнилов перебил его:

— Спасибо. Собор меня мало волнует. Мне в поселок надо по делу.

— А-а... — протянул Огнев огорченно, словно жалел, что не сможет поподробнее рассказать Корнилову об этом соборе в псевдогреческом стиле.

Чем дальше шел Корнилов по тропинке, тем больше одолевало его беспокойство. Он вспоминал слова Иннокентия о болезни матери и думал о том, в каком состоянии ее застанет. А вдруг у нее что-нибудь серьезное?

Неожиданно лес кончился, и Корнилов увидел невдалеке, километрах в двух, большой белый собор на взгор-

ке, несколько невысоких домиков среди зелени. Слева, в небольшом заливчике, покачивались у пирса потрепанные рыбацкие суденышки. На одном из маленькой трубы струился легкий дымок, да на баке было развешано белье.

Неожиданно на тропинке, сбегавшей от собора, появился безногий парень на тележке с колесиками. Отталкиваясь зажатými в руках деревяшками, парень ловко скатился с горы. Ему было лет двадцать пять, не больше. Парень посмотрел внимательно на Корнилова, почему-то улыбнулся и спросил:

— У вас что курить есть?

— «Ява», — отозвался Корнилов, — закуришь?

— От «Явы» не откажусь, — сказал парень, подъезжая к Корнилову. — А то у нас тут одни «Южные». Нас ведь Петрозаводск снабжает. Из Ленинграда не привозят.

Он взял у Корнилова сигарету. Игорь Васильевич отметил, какие сильные и темные от загара у парня руки.

— Турист? — спросил парень, закурив.

— Да не совсем, — ответил Корнилов, глядя на инвалида и думая о том, где же его, бедолагу, угораздило потерять ноги: под грамваем, под поездом? — Совсем я не турист. Хотел как раз у тебя спросить... Дом престарелых где здесь размещается?

Он специально сказал «дом престарелых», а не инвалидов, боясь произнести при парне это слово.

— Здесь! — махнул парень рукой на собор. — В монастырских постройках. Мы тут прямо как монахи живем. А вы что, проведать кого приехали?

— Да у меня мать здесь, — начал Корнилов и увидел, как посуровело вдруг у парня лицо, а глаза, смотревшие мгновение назад так приветливо и доверчиво, стали злыми.

«Откуда я знаю это лицо? — подумал Корнилов. — Такое недоброжелательное, недоверчивое? Не по делу ли об ограблении в Гавани он проходил?»

— Ма-а-ать у вас здесь, — сказал парень, растягивая слова. — Понятное дело. Сходите проведите... — Он отвернулся и собрался уезжать, а Корнилову стало так обидно от этого холодного тона, от этого несправедливого подозрения, что он неожиданно для самого себя сказал:

— Ничего тебе не понятно! Забрать я ее приехал. И знать не знал, что ее сюда отправили...

Слова прозвучали как оправдание, совсем по-детски, но Корнилов не мог не сказать их безногому парню.

Парень снова повернулся к Корнилову и присвистнул:

— Вон у вас какие дела... Чего же вы балакаете тут со мной? Мать-то знает?

— Нет, — сказал Корнилов. — Не знает... Сказали, что она тяжело больна... Может, ты знаешь ее? Корнилова Вера Николаевна... Такая худенькая, совсем седая.

— Чудак вы, — улыбнулся инвалид. — Да они здесь все седые и худенькие. А Веру Николаевну я знаю. Как же. Да она ведь и недавно на острове. Месяца три...

Корнилов склонился к парню:

— Вот-вот! Месяца три. Как она? Здорова?

— Да вроде здорова, — пожал плечами парень. — Полчаса назад на обеде ее видел.

Но Корнилову почудились какие-то нотки сомнения в голосе у парня.

— Да чего вы волнуетесь? — сказал инвалид, заметив состояние Корнилова. — Пойдемте разыщем Веру Николаевну. Вот радость-то будет ей. Вот радость... — Он резко оттолкнулся и покатил вверх по тропинке, к собору. Корнилов пошел рядом.

— Вас как звать? — спросил парень.

— Игорь Васильевич.

— А меня Лешей. Алексей Федосеич Рымарев. Два года как островник.

«Ну конечно, — вспомнил Корнилов. — Рымарев. Ограбление пьяных. Сколько ему тогда дали? Лет пять. А несчастье наверняка с ним в колонии приключилось. Ну и ну!» Корнилову вдруг стало не по себе, словно сам он был виноват в Алешином несчастье. — Как же он меня-то не признал? Забыл?»

Они прошли сквозь ворота в толстой монастырской стене. За воротами открылся заросший травой дворик. Дорожка, выложенная известняковыми плитами, привела Корнилова и его спутника к флигельку. Маленькие оконца, сплошь заставленные геранью в белых жестяных банках.

— Я сейчас, — бросил парень и с ходу перескочил невысокий порожек. Дверь сильно хлопнула. Корнилов постоял секунду и тоже решил зайти в дом. Он открыл

дверь. Навстречу Корнилову, глухо грохоча своими колесиками по дощатому полу, катился Леша.

— Нету ее в палате, — сказал он. — Соседки говорят, гуляет... Да мы сейчас разыщем.

Они выбрались из монастырского дворика уже через другие ворота и очутились на высоком берегу. На озере ветер гнал нескончаемые белые барашки, и казалось, что остров плывет навстречу этим барашкам, навстречу низким облакам. Пронзительно кричали сварливые стремительные чайки.

Недалеко от стены, среди кустов сирени, стояла скамеечка, и на ней сидела мать. Корнилов сразу узнал ее, хотя и сидела она спиной к нему. Маленькая, сутулая, с непокрытой белой головой, она сидела одна и смотрела вдаль, на озеро.

— Вот... — начал было обрадованно Леша, но замолчал, посмотрев на Корнилова, и только показал глазами на мать. Но она, услышав Лешин возглас, обернулась. Скользнула взглядом, не задержавшись на Корнилове, кивнула Леше и отвернулась.

— Не узнала, — прошептал Корнилов. И подумал: «Ну откуда же? Ведь она и думать не думает...»

Но мать обернулась снова. Она несколько секунд пристально вглядывалась в Корнилова и вдруг, тихо охнув, рывком поднялась. Игорь Васильевич быстро пошел ей навстречу.

— Игорек... Приехал... — только и сказала она и заплакала, уткнувшись ему в грудь.

Потом они сидели вдвоем на скамеечке, и Корнилов рассказывал матери про свои дела, беспокойно вглядываясь в ее лицо и отмечая, что она еще больше постарела за эти несколько месяцев. Морщин на лице было не так уж и много, но кожа стала совсем сухой и тонкой и вся была усеяна мелкими-мелкими веснушками. И глаза словно выгорели... «Я тоже хорош, — думал Корнилов, — последнее время выбирался в Батово раз в три месяца. Только денежки слал... Мало ли что мне у Иннокентия не нравилось. Мать-то чем виновата?»

Когда Корнилов сказал, что приехал забрать ее с собой, мать снова заплакала. Потом достала из рукава пальто платок, аккуратно утерла слезы и, подняв глаза на Игоря Васильевича, улыбнулась ему виновато.

— Ну вот видишь... Все плачу. Больше не буду. — И, вздохнув, сказала: — Ну зачем я поеду, Игорек?

Здесь ведь совсем неплохо. И кормят прилично. И живем мы в комнате втроем... Вот только скучно. — Она помолчала в раздумье, глядя отрешенно на озеро. — А тебе я только в тягость. Опять болеть буду. Здесь-то климат для сердечников хороший. И все время под присмотром. Врач Тая Федоровна у нас очень знающая. И обходительная. А дома... Ты все на работе. Да и свои у тебя заботы. Ну как, если надолго слягу?.. Как у Кеши в последний раз... — Она всхлипнула, но сдержалась, не заплакала. — Я ведь, сынок, Кешу не виню. Трудно им со мной было... С последним приступом я месяц пролежала... «Неотложку» сколько раз вызывали. И ночью и днем. Татьяна даже отпуск за свой счет брала... А у них хозяйство. — Она посмотрела на Корнилова, словно призывая его внять разумным доводам. Потом вздохнула тяжело. — В тягость я им была... Да и мне с ними тошно. Кеша ведь до чего дошел? На службе у себя яйца и кур получит — и в Гатчину на рынок. И на «Москвиче» своим подрабатывал. Как что, соседи стучат в окно: «Иннокентий Васильевич, выручите, подбросьте до города...» И все за рублики. Стыдно людям в глаза смотреть!

«Эх и шляпа же я, — с горечью думал Игорь Васильевич, слушая мать. — Своего родного брата упустил... Уголовный розыск! Как я перед матерью виноват!»

— Что ж, мама, поедem домой, — сказал он твердо. — Как-нибудь проживем вместе. А будешь много болеть — вместе сюда вернемся. Скит под квартиру приспособим, и точка. Буду работать участковым, — он засмеялся.

Мать тоже засмеялась и словно засветилась вся.

Она показала Корнилову свою комнату. Там и впрямь было чистенько и довольно просторно. Три кровати, аккуратно заправленные, тумбочки, и на каждой по большому букету цветов в жестяных банках, обернутых кусками обоев. Но только и здесь, как и в коридоре, воздух был какой-то затхлый, с примесью лекарств. Потом они прошлись вокруг собора. Корнилов бережно держал мать под руку, а она все рассказывала ему о своем житье-бытье, чопорно раскланивалась со встречаемыми старушками. Корнилов чувствовал, с каким любопытством и, может быть, завистью приглядываются к нему эти старушки, как хочется, наверное, узнать, кто

это приехал к Корниловой. Не сын ли? А мать шла гордая, голос у нее окреп, стал тверже. И все говорила, говорила.

Оказалось, что увезти мать сегодня нельзя. Надо было выполнить целый ряд формальностей, а заведующего не было. Он уехал в Сортавалу. Вернется только завтра, в воскресенье, а теплоход отправлялся сегодня вечером. «Ну ничего, — подумал Корнилов, — как-нибудь переночую, а завтра поедем». Мать сказала, что пароходик на Сортавалу ходит каждый день.

Корнилов отправился на теплоход за портфелем да еще предупредить, чтобы не искали.

У дебаркадеров было шумно и весело. Гремела музыка, отдаваясь эхом в скалах. На теплоходах уже загли свет.

Спускаясь по трапу с теплохода, Корнилов встретил Олю. Она была одета в темный спортивный костюм, а в руках несла букет брусничника с начинающими краснеть ягодами. Корнилов уступил ей дорогу. Она, в сумерках не признав его, прошла сначала мимо, но тут же обернулась:

— Ой, я вас и не узнала... Что это вы? Не поздно ли на прогулку?

— Да я остаюсь... — тихо ответил Корнилов. — Понимаете... В общем, надо задержаться на день...

— Задержаться на день? — удивилась девушка. — А как же... — она, видимо, хотела сказать: «А как же вы доберетесь обратно?» Но догадалась. — Ну конечно, здесь же поселок. Люди на чем-то ездят... И вы знали, что останетесь? — спросила она неожиданно.

— Да нет, думал, этим же теплоходом вернусь. Но так уж получилось...

— Возьмите меня с собой, — вдруг сказала Оля. — Так не хочется от этой красоты уезжать! Нет, правда... На работу мне не надо. Я отпуск догуливаю. Вот папуля удивится! Только его предупредить надо, а то ведь он начнет паниковать, теплоход задержит.

— Да я... — начал Корнилов и почувствовал, что безбожно краснеет. — Я был бы рад, но еще и сам не знаю, где мне придется заночевать... Я по делу.

— Вас зовут Игорь? Да? — сказала Оля. — Я правильно запомнила. И вы, наверное, сыщик. Папа мне сказал, когда вы ушли от нас в лесу: «У этого человека

очень пристальный взгляд». Ну признавайтесь, вы сыщик?

— Да что вы? Вот уж не угадали... — запротестовал Корнилов. — А вы, Оля, можете опоздать. Уже объявили посадку...

— Значит, не хотите брать с собой такую взбалмошную женщину? Все мне про вас ясно. Хотя и сыщик, а трусили. И вообще я вас знаю. Вы из уголовного розыска и большой зазнайка! А в поликлинику нашу ходите только зубы лечить. И не обращаете внимания на других врачей. Ваше счастье, что не болеете. Вот придете ко мне, я вам самой толстой иглой уколы буду делать... — Она выпалила все это остолбеневшему Корнилову и быстро пошла на теплоход.

«Вот чертовщина! — только и подумал Корнилов, глядя, как Оля легко взбежала по трапу, ни разу не обернувшись. — Так она из нашей поликлиники!»

Один из теплоходов протяжно загудел. Лес отозвался ему дробным эхом. «Словно леший захохотал», — подумал Корнилов. По радио раздалась команда отдать швартовы, и первый из теплоходов бесшумно стал отходить, словно его сносило течением. За ним второй, и через несколько минут третий. Разбуженные чайки с осатанелыми криками кружили над теплоходом.

Корнилов почувствовал, что ветер стал пронзительным и холодным, услышал, как недружелюбно-глухо шумит лес, как веет от него сыростью. «Не заблудиться бы», — мелькнула у него мысль. Но когда он вошел в лес, все опасения его исчезли. Несмотря на тучи, темно не было. Серая мгла. Светлая полоска неба между вершинами деревьев указывала ему путь.

Корнилов шел быстро, изредка спотыкаясь о корни или попадая в наезженную колею. Кругом было тихо, только лес шумел. Потом он услышал какое-то поскрипывание впереди, шелест. «Может, воз едет?» — мелькнула мысль. Он прибавил шаг и вскоре догнал своего нового знакомого. Леша ехал очень быстро, резко отталкиваясь своими колодками. Корнилов окликнул его.

— А, это вы... — узнал его Леша. — Сигареты еще не все выкурили?

— Ты что так далеко забрался? — спросил Корнилов. — Сигарет на теплоходе купить хотел?

— Нет. Просто так, — ответил парень. — Двинулись, что ли... Я к теплоходам каждое воскресенье хо-

жу, — сказал он через некоторое время, и Корнилов подумал, какую же дорогу приходится парню «ходить». Он так и сказал — «хожу», а не «еду».

— Только к дебаркадеру не спускаюсь. Стыдно. Один раз за нищего приняли. Мужик рублевку сунул. Я ему кричу: «Забирай!» — а он только рукой махнул... Так я теперь не спускаюсь, нет. На утесе пристроюсь в кустах и смотрю.

— Как у тебя случилось-то? — наконец решился спросить Корнилов.

— Несчастный случай, — как-то уж чересчур бодро ответил Алексей. — В армии чего не бывает. На ученьях под танк попал. Два года по госпиталям. Одну ногу хотели спасти. Да вот, видите, не спасли, однако.

Они миновали каменный мостик, свернули влево.

— Осторожней, сейчас мочажина будет, берите левее. Не споткнитесь, булыжники какой-то тетеря на тракторе разворотил...

Видно было, что дорогу он знает досконально, до каждой крохотной выбоинки.

— У меня ведь и пенсия есть, — все рассказывал Алексей о себе. — Вполне приличная. И родители. Мог бы жить с ними припеваючи. Да не захотел. Все жалеют, жалеют. — Он помолчал немного. — А я жалости не хочу. Узнал вот про остров. Попросился. Тут жить можно, это точно. И заработать можно. Меня вот сети научили вязать да чинить. Я теперь вроде бы при рыбаках. Два раза на озеро с собой брали...

Корнилов слушал его и думал о матери. «Хорошо, что не пришлось ей зимовать здесь. Коротать долгие зимние ночи и думать о сыновьях, которых вырастила, отказывая себе во всем, поставила на ноги, и теперь они где-то там, за льдами и вьюгами, бушующими над стылым озером, живут среди друзей своей жизнью...»

— Вы, Игорь Васильевич, можете мою просьбу выполнить? — спросил Алексей.

— Постараюсь. Все, что смогу...

— Да сможете, только не забудьте. А то тут в прошлом году один турист наобещал, а потом и забыл. Дело-то такое... Сигарет бы хороших, ленинградских, послали мне... Хоть пару раз. По блоку. Я вам и деньги дам.

— Да что ты, какие деньги. Адрес только дай, —

сказал Корнилов. — Сигареты считай что у тебя в кармане.

— Вы и письмишко черкните. Ладно? Как-то там в Питере... Чего новенького. Ну как там на улицах, машины какие новые. Я технику люблю.

— Напишу, Алексей. Обязательно.

В поселке они попрощались. И Алексей, отъехав немного, окликнул Корнилова:

— А мать-то завтра увозите?

— Завтра. Документы оформим и поедем.

— Счастливо. Про сигареты не забудьте!

Он переночевал в пустой маленькой комнате на скрипучей железной кровати. Утром его разбудила мать, они позавтракали вместе в уже опустевшей столовой.

С формальностями покончили быстро. Мать сложила в небольшой старомодный саквояж свои пожитки, раздала всякие мелочи вроде мыла и одеколona пришедшим к ней в комнату трем старушкам. Сердечно расцеловалась с ними. Старушки сидели молча, смотрели, как мать укладывает вещи, а напоследок расплакались. Всплакнула и магь. И только одна, сухая, строгая, с крашенными перекисью волосами, шикала на них.

Отправились с острова на небольшом закопченном буксирчике. Волны нещадно кидали его то вверх, то вниз, захлестывали палубу. Алексея Корнилов в этот день не встретил.

Дней через десять после того, как Корнилов отправил безногому Леше на Валаам сигареты, пришло письмо. В конверте лежали четыре рубля. Письмо удивило и расстроило Игоря Васильевича.

Алексей писал:

«Вот уж не ожидал получить от вас сигареты. За два года, кого ни просил, от всех получал дулю. Посылаю вам тугрики. Не хочу подачек. Я все наврал про учения. Ноги мне придавило на лесоповале в Кировской области. На втором году отсидки в колонии строгого режима. После больницы попросился на остров. Не хочу никого видеть. И жалость мне ваша противна. Раньше надо было жалеть. А теперь я Воруи-нога, как говорили у нас в колонии. Безногий. Я даже к матери не поехал. Ненавижу. Пьяница. А ноги у меня до сих пор знобят, как раньше от ревматизма. Иногда вечером спать лягу,

закрою глаза, а они знобят. Так знобят, что невтерпеж. Или рано утром приснится, что замерзли. Рукой потянусь прикрыть, и аж потом прошибет. Выть хочется. Кому я такой нужен?.. Ну да это я все так, от злости. На острове жить можно. Харч приличный. Да и прикупить всегда есть на что. Люди друг к другу привыкли. Вот только летом, как поедут туристы, противно. Не люблю их. Ходят везде, глазают, а когда уезжают, такая тоска берет. Им там весело, хорошо, все парочками. Ночь поспят — и в Ленинграде... Ненавижу их всех. Да еще тоску наводят похороны — старики же все во-круг. Умирают, умирают. А родиться никто у нас не родится. Редко, если только у местных. Эх, если бы жизнь начать сначала! Вы на меня не обижайтесь, если я что не так написал. Получил сигареты, вспомнил вас, поговорить захотелось. Да и виноват я, что наврал про маневры и два года в госпиталях...»

Игорь Васильевич повертел письмо в руках. Строчки неровные, буквы разбегались в разные стороны. Вот он какой, даже в своем несчастье недобрый. Как, должно быть, тоскливо стоять на пустынной мрачной скале, среди мокрых от дождя кустов и провожать взглядом уплывающие во тьму, залитые огнями теплоходы!

«Парню надо бы помочь, — думал Корнилов. — Неужели ему только и остается, что прожить всю жизнь среди ветхих старух и стариков, помогая рыбакам чинить сети? Есть же в городе артели инвалидов, где работают сверстники и где не будет так одиноко и тоскливо. И где, может быть, пройдет обида на весь свет и утишится злость на самого себя. Надо будет все разузнать. Вот только согласится ли он сам переехать?»

6

Хилков был вне себя. Очередное дело срывалось из-за проклятого Кошмарика. Деньги так и шли сами в руки, а этот болван попал в лапы милиции. Сколько раз ему говорили: надрался — не лезь на рожон. Сгореть — что плюнуть! Нет ведь, как выпьет, так чешутся у него кулаки.

Лихо пид Кошмарик. Он и прозвище-то получил из-за того, что, придя в парк заступать на смену, кричал обычно: «Ну и крепко я вчера взял, ребята. Кошма-а-рики!..»

Вот и докричался... Набил какому-то фрайеру рожу и завалился. Не раскололся бы. Да нет, пожалуй! Кошмарик на этот счет крепкий.

А в «Звездные ночи» больше ни ногой. Береженного бог бережет.

Хилков проклинал Кошмарика и лихорадочно соображал: кого из шоферов можно было бы взять с собой? На один раз. Потом-то образуется. Скоро и сам он опять на машину сядет...

Недавно Хилков разбил свой таксомотор и вот уже месяц кантовался на мойке... А в этом деле без машины не обойтись.

«Эх, кого же? Кого? Тычкова? Парень вроде свойский, похоже, даже срок имел. Но нынче в дружине ходит. А с этими дружинниками можно нарваться. Ечкин? Ечкин... Вот лихой мужик, да захочет ли на дело идти? И дурной. Как выпьет, все кому-то в рожу дать норovit, навроде Кошмарика. Влипнуть с ним можно... Да. Больше и глаз положить не на кого... Все чистюли, в ударники лезут. А вот Витька Винокуров! А? Если ему пару сотен в клюв кинуть? — Хилков воодушевился. — Да Витька за пару сотен отца родного продаст. Ох жаден до грошей. Куркуль. На раз его можно взять. Пока сообразит, что к чему, — дело сделано. На большее-то нельзя, трусить начнет, а так, пожалуйста, за две сотняги машину дернет».

Он вспомнил Фелю Николаева и в который уже раз пожалел, что его нет в Ленинграде. Вот был человек верный! А получилась какая-то глупость — совсем неожиданно исчез Феля. Никому ничего не сказал, не предупредил — взял расчет и уехал. Куда — никто не знает. Может, трусил? Отец Федор сказал: «Плюнь, Женья, и забудь. Считай, что не было такого. В кантюжники записался».

На то, чтобы добыть «Волгу», было всего два дня. Сегодня и завтра. Обычно Хилков, Кошмарик и Феликс Николаев, по прозвищу Феля, «работали» втроем, а потом кто-нибудь из них перегонял машину Курортнику — Борису Угоеву. Денежки на бочку — и прощайте пальмы и Черное море. А на этот раз все упрощалось. Жорка Угоев, брат Курортника, ехал в отпуск домой и попросил быстро достать авто. Сам брался и перегнать... Подвел Кошмарик.

«Эх, с каким подонком пришлось работать», — вздохнул Хилков.

Рабочий день подходил к концу. Хилков сходил в диспетчерскую, узнал, в какое время выезжает на трассу Винокуров. Оказалось, с восьми вечера. Выходило как нельзя лучше.

«Сегодня с Витей говорить не буду, — решил Хилков. — Так вернее. Слишком много времени ему на раздумье. Вдруг сдрейфит?.. А когда с пылу с жару... Пенензы получит — потом уж ни в жисть с ними не расстанется».

После смены Хилков долго и с удовольствием мылся в душе, пустив воду погорячее. Насвистывал весело. Решение пригласить Винокурова казалось ему удачным. Даже злость на Кошмарика прошла. «Попух, бедолага, — жалел его Хилков. — Да на ком — на каком-то фрайере! Интересно, а деньги он где хранил? На сберкнижке? Пожалуй, нет. Не в его привычке деньги копить. Все в картишки спускал. Ну и на вино расход немалый». Потом он вспомнил, что в багажнике в машине Кошмарика остался тросик и инструменты. Машина была на трассе, да и не пойдешь за тросиком к сменщику. Придется еще в автомагазин ехать, покупать. А потом звонить отцу Федору...

Федор Борисович выматерился, когда Хилков позвонил ему и рассказал про Кошмарика. Над предложением привлечь Витьку Винокурова долго думал, Хилков слышал, как он тяжело вздыхал, шептал что-то злое. Потом сказал:

— Черт с тобой, поговори со своим Винокуровым. Но обо мне ни слова. И про Жорку не трепись, возьми у него номера да иди с Винокуровым один. Позвонишь, скажешь, где карету оставили.

С Винокуровым Хилков сговорился очень быстро. Отозвал в сторонку, когда тот пришел на смену, спросил:

— Витек, тебе деньжата сейчас нужны?

Тот усмехнулся:

— Ты что, блажной? Когда они бывают не нужны-то? Перевозочку надо оформить? Ты ведь пока безлошадник...

— Ну да, — кивнул Хилков. — Перевозочка небольшая. На час, не больше. Время только позднее.

— Так у меня и выезд на линию не ранний, — сказал Винокуров. — Ты не крути. Чего надо-то?

— Да частнику одному хочу насолить... Он, сволочь, просил меня машину перебрать, я неделю калымил, а башли получить не могу. Хочу вот машинку-то угнать и бросить где-нибудь подальше. Пусть поищет.

Винокуров хмыкнул.

— Я, Витек, и хочу тебя попросить. В два часа подъедем с тобой... Я за руль сяду, на тросик подцепим, отбуксируем подальше, и дело с концом. Двести колов тебе хоть сейчас отвалю.

— Триста, — сказал Винокуров. — За твои красивые сказочки... Ну да мне-то наплевать. Я, Женя, дачу под Приозерском сейчас строю. Так денежки эти мне вот как нужны! — он провел рукой по горлу.

Хилков согласился и попросил к часу заехать за ним на Лиговку.

— А денежки когда? — поинтересовался Виктор. — Ты уж лучше гони вперед...

Хилков только головой pokrutil.

— Да ладно ты, Витек, не бойсь! Приедешь за мной — сразу отсчитаю.

Когда ночью, захватив сумку с тросиком и номерами, Хилков вышел на улицу, машина Винокурова уже стояла у ворот. Две девушки уговаривали подвезти их.

— Да я же говорю, по вызову, — отбrehивался Винокуров. — Вот и пассажир идет...

— Товарищ, вы в какую сторону едете? — бросились девушки к Хилкову. — Может быть, нам по пути?

Хилков на секунду растерялся. Потом спросил:

— А вам-то куда ехать?

— На Московский, в гостиницу «Россия», — сказала одна из девушек и с надеждой посмотрела на Хилкова.

— А мне в аэропорт, — усмехнулся он. — Значит, по пути. Возьмем, товарищ водитель?

Такси помчалось по пустынной Лиговке, нещадно трясаясь на диабазовой брусчатке, а девушки наперебой благодарили Хилкова. Оказались приезжими, из Краснодара. Хотели увидеть белые ночи.

Машина выехала на Московский проспект. Стал накрапывать мелкий дождик. Хилков вздохнул. Подумал: «Хорошо, что дождь... Меньше таких дур по улицам гулять будет. Да и не так светло — все небо заволкло.

Это, наверное, плохо — баб встретить, когда на дело идешь? Или только с пустыми ведрами плохо?» Сам не понимая почему, он сильно волновался. В машине было тепло, но противная дрожь время от времени пробегала по всему телу. «И чего это я? — удивлялся он. — Вроде ведь не первый раз». Он подсчитал, выходило — десятый. И все было нормально. Вот только Кошмарик сидит. Не наклепал бы чего лишнего. Надо бы ему весточку запустить. Держись, мол. За кормой все чисто. Долю получишь. Да как передать?

Хилков покосился на Винокурова. Тот сидел спокойно, смотрел вперед. «Этого ничем не пробьешь. Тупой как пробка, — неприязненно подумал Хилков. — Тоже мне дачник!»

У гостиницы девушки расплатились, горячо поблагодарили.

— Куда едем-то? — спросил Винокуров.

— В Дачное... Улица Третьего Интернационала. Я дом покажу.

— А деньги?

Хилков достал из бокового кармана три сотенные бумажки, протянул Винокурову.

— П-п-порядок, Женя! — обрадовался тот. — Газуем в Дачное. Пошутим шутки с твоим другом!.. — и захохотал.

Чем ближе они подъезжали к дому, во дворе которого стояла новенькая «Волга», облюбованная Хилковым, тем больше он волновался. И куда девалось спокойствие, с которым он ездил на дело еще полгода назад!

Один раз их обогнал милицейский «газик» с синей мигалкой, и Хилков подумал: «Все, пронюхали, гады...» Спина у него взмокла, почему-то заломило в висках. Но «газик» промчался, не притормаживая, и скрылся в пелене дождя.

На улице Третьего Интернационала Хилков попросил Винокурова ехать потише. Не доезжая пятиэтажного белокирпичного дома, они остановились.

— Жди тут, — сказал Хилков и вылез из машины, зябко поеживаясь. Осторожно, без стука, закрыл дверцу. Дождь продолжал сеять. Хилков постоял немного, осмотрел окна. Ни огонька. Только на третьем этаже за окошком словно бы кто-то стоял. Смотрел на подъехавшее такси. Хилков отошел в сторону к забору. Стал за кустом сирени. Пригляделся. Вроде бы человек — или

просто почудилось? Ветер качнул легкую занавеску. Хилков чуть не выругался вслух. Принял за человеческую голову горшок с цветами.

Во дворе, рядом с сараем, стояла «Волга». «Номер какой-то не наш, — отметил Хилков. — КРЯ. Крымский, что ли? Это даже лучше...»

Он еще раз прислушался. Было тихо. Только дождь шелестел по кустам, слегка барабанил по жестяной крыше сарая...

Когда дверца автомашины была уже открыта, раздался вдруг резкий звонок, потом второй, третий...

Прежде чем Хилков догадался, что это в доме звонит телефон, спина его снова покрылась испариной, как полчаса назад в машине. Он юркнул на сиденье «Волги» и, замерев, прислушался. Телефон наконец перестал звонить. Слышался только густой сонный голос, что-то односложно отвечавший в трубку. Потом снова стало тихо. Можно ехать. Прикрыв дверцу, он быстро добежал до Винокурова. Сел к нему.

— Витюша, полегоньку... В проулок... Подавай задом... Вот к той... серенькой...

Лихорадочно расстегнул сумку, достал тросик. Когда Винокуров подал машину к «Волге», Хилков выскочил, быстро прицепил трос. Сел за руль серого автомобиля. Махнул рукой, чтобы Винокуров трогал. И в это время с улицы сверкнул ослепительный свет фар. Хилков зажмурился, лихорадочно соображая, куда бежать, но свет погас так же внезапно, как и вспыхнул. Загородив выезд на улицу, в проулке остановилась «скорая помощь». Гулко хлопнула дверь. Мужчина в белом халате, с пузатым чемоданчиком в руке быстро прошел к первому парадному и скрылся там.

«Надо бросать машину, — решил Хилков. — Догадаются, в чем дело, заметят номер — пиши пропало...»

Он вылез из машины, быстро отцепил трос и сел к Винокурову

— Витюша, ждем отсюда... Объедем вокруг дома. Там, кажется, можно выехать.

— А машина? — удивился Витюша.

— Черт с ней... — махнул Хилков.

— Как черт с ней? — Винокуров решительно покачал головой. — Я что, с тобой в бирюльки играть приехал? Полночи потерял и уезжать ни с чем? А тебе де-

нежки вернуть? Нет, дудки. Пересидим немного, пока уедет «скорая».

«Ну и дубина, — подумал Хилков, неожиданно успокаиваясь, — за денежки испугался. Да я и не думал их назад забирать...»

Они сидели молча минут пятнадцать, все время поглядывая на два окна на четвертом этаже, где горел свет. Потом увидели, что в одном окошке свет погас, а в другом вместо верхнего зажегся ночничок. Врач вышел из дома, сел в «скорую». Вспыхнули фары, машина дала задний ход, развернулась и уехала. Хилков снова подцепил тросик, и они выехали со двора. На пустыре за Кировским заводом Хилков попрощался с Витюшей. Когда Винокуров уехал, он поменял на машине номера, открыл капот. Секретка на «Волге» была самая примитивная. Хилков прогрел мотор и не спеша поехал к гостинице «Советская». Они договорились там встретиться с Угоевым. Остановившись на Обводном канале около телефонной будки, Хилков позвонил Федору Борисовичу. Потом, взяв с сиденья старые номера, подошел к паркету набережной и, размахнувшись, бросил их в воду. «А может быть, эта «скорая» просто липа? Может, это милиция за мной следит? — мелькнула мысль. — Может, уже обложили?»

Все последние дни Хилков нервничал. Иногда совсем беспричинно его начинало колотить, словно в ознобе, и мелко-мелко дрожали руки. В тот день, когда в «Звездных ночах» арестовали Кошмарика, Хилков, стараясь быть равнодушным, бросил зло: «Допрыгался, алкаш...» — но рука, поднявшая рюмку коньяка, предательски дрожала, и коньяк расплескался на скатерть.

Все это заметили, и кто-то сказал:

— Да ничего с ним не случится. Отсидит суток пятнадцать и вернется.

А Хилков-то чувствовал, что пахнет тут не пятнадцатью сутками! Злостное хулиганство — это уже не сутки, а годы. Да черт с ним, с Кошмариком! Пусть сидит! Но ведь он шел в «Звездные ночи», чтобы отдать Хилкову бланк техталона, купленный за сотню у одного пропившегося ханурика! Кошмарик брал техталон домой, чтобы вывести кислотой записи... А теперь он в отделении. Вместе со всей этой липой! У кого не возникнет вопрос: «А откуда у вас, дружок, чистые бланки?» И что ответит на это Кошмарик?

Хилков давно ждал от судьбы какого-нибудь подвоха. Уж слишком везло ему в последнее время. С тех пор как «дернули» с отцом Федором первую машину, деньги так и повалили к нему.

Отец Федор был неумным стариканом. Он подгонял и подгонял, не давая передышки, словно торопился куда. Бывали случаи, когда Хилков с Кошмариком и Фелей Николаевым «брали» по машине в неделю! «Пока есть покупатели, трудись, Женя, трудись», — скалил свои редкие зубы в кривой усмешке Федор Борисович, когда Хилков жаловался ему, что с этими машинами и пить забросишь. Да и краткосрочные отпуска за свой счет, которые брал Хилков для перегона машин, в парке давали с неохотой. А отдавать перегон Феле и Кошмарику не очень-то хотелось. Как-никак лишние пятьсот рублей. А они на улице не валяются.

После первой машины Хилков устроил с друзьями хорошую гульбу в «Звездных ночах». Коньяк, шампанское заказывал ящиками. На все вопросы, откуда тугрики, шурился хитро и сваливал на карты. «Хороший банк сорвал, братцы». Да это и было правдой. В картишки он играл теперь частенько — с легкой руки отца Федора ему и здесь везло. Теперь Хилков всегда был при деньгах. И вот странное дело — раньше ему никогда не было жаль спустить с друзьями несколько сотен в ресторане, купить знакомой девчонке дорогой подарок, а сейчас, пересчитывая очередную выручку, он с неохотой откладывал в карман полсотню-сотню на расходы. И пересчитывал вынутые из тайничка деньги, прикидывал, сколько еще надо «дернуть» машин, чтобы образовалась ласкающая слух сумма. Сначала он думал о десяти, потом и о двадцати тысячах. «Если бы сразу не пускал на ветер, уже имел!» — корил он себя.

Отец Федор почуял перемену в Хилкове.

— Ты, Женя, не сберкнижку ли часом завел? — спросил однажды. И как он учуял? Уж с ним-то Хилков старался держать себя по-прежнему. Не скупился, не сквалыжничал. Помнил, кому обязан всем. И даже гроши, две тысячи с каждой машины, отдавал ему с легким сердцем. А ведь отец Федор сам не «дергал» машины — доставал техталоны, указывал адреса, сводил с покупателями... Рисковали-то Женя да Кошмарик с Фелей!

— Да какая там сберкнижка! — сказал тогда Хил-

ков Федору Борисовичу. — Еще засветишься с ней... Дома надежнее. Да и грошей-то — два раза выпить с друзьями.

— Что-то не очень ты, Женя, друзей теперь угощаешь, — усмехнулся отец Федор. — Может, сам решил лайтой обзавестись? Смотри, дернут ведь.

— Ну мою-то уж не дернут! — уверенно ответил Хилков и, словно спохватившись добавил: — Да и не собираюсь я ничего покупать. А тугрики пусть лежат. Запас карман не тянет. Вот передышку дадите, Федор Борисович, ужо гульнем!

Федор Борисович усмехнулся и сказал только:

— Смотри, Женя, жалеть алтына — отдать полтину.

7

Познакомился с отцом Федором Женя Хилков полтора года назад, в новогоднюю ночь. Феля Николаев, Женин сменщик, попросил заехать за ним домой в два часа ночи и отвезти к приятелю в гостиницу.

— Понимаешь, договорился с другом Новый год встретить, а жена на дыбы, — сказал Феля. — «Новый год, — говорит, — с семьей встречать полагается...» Такой мне выдала концерт. Вот я и хочу исхитриться — и дома побыть, и к другу успеть.

Женя Хилков заехал за Фелей на Обводный. Тот уже ждал около своего парадного. И не слишком пьяный. Хилков даже малость удивился — Фелю он знал давно.

В третьем часу ночи они были уже у гостиницы «Ленинград». Около подъезда толпился народ, слышалось нестройное пение, смех.

— Ну, дорогуша, выручил, — радостно сказал Феля, — за мной не пропадет. Еще раз тебя с наступившим... — Он вылез и пошел к гостинице, едва не столкнувшись со здоровенным бородатым стариком, подскочившим к машине. Старик был в красивой шубе нараспашку, с непокрытой головой. Хилков сначала подумал: иностранец. Но старик, распахнув дверцу, спросил его на чисто русском языке, совсем молодым, звонким голосом:

— Шеф, горькая нужна до зарезу! Много. И шампанское. Да ведь шампанское ты не возишь...

Хилков секунду помедлил, соображая: не промахнуться бы, потом сказал:

— Садись, папаша. Горькая тебе будет. Отъедем в переулок.

Старик уселся в машину, сиденье под ним охнуло. Хилков дал газ.

— Сколько тебе?

— Десяток наберешь?

Хилков присвистнул:

— Размах! Да осталось-то у меня четыре... Только предупреждаю — по шесть рублей. По случаю праздника. — Он свернул в переулок, остановил машину.

— Вот дьявол! — выругался бородач. — Что это — четыре. Слону дробина... Людям выпить надо! — Он махнул рукой. — Ладно, давай четыре. Вот тебе сотня, хоть из-под земли найди еще! Хорошо бы и шампанского... Ну да это не обязательно. А водка чтобы была... Привезешь, поднимешься на шестой этаж. Шестьсот тридцать шестой номер.

Хилков оторопело слушал бородатого, пряча в карман сторублевку и доставая из-под сиденья бутылки с водкой... «Ну и умелец, вот это напор», — думал он, даже и не пытаясь возразить, а только дивясь его властному тону.

— Все, что останется, — твое, — сказал бородач, когда они снова подъехали к гостинице. — Давай действуй...

Он легко выскочил из машины и на мгновение обернулся.

«На номер посмотрел», — отметил Хилков и, не выключая счетчика, дал газ... Водка была у него дома, а без шампанского обойдутся, решил он. Но когда ехал по Невскому, вспомнил, как однажды, тоже в праздник, завозил одного пассажира в темный двор у ресторана «Запад» и тот покупал шампанское у каких-то не то поваров, не то судомоек. Хилков заехал во двор и постучал в дверь черного хода. Долго не открывали, но потом вышел заросший щетиной мужчина в грязном халате и крикнул: «Чего надо?» Хилков испугался, что мужик набьет ему физиономию, но все оказалось просто — через десять минут у него было две бутылки шампанского.

Хилкову жалко было расставаться с деньгами — остаток от сотни шел ему в карман. А ведь на шам-

панское бородач и не надеялся. Но какое-то неясное предчувствие подсказывало Хилкову — не экономь, не жмись. Выиграешь больше. Этот дядя с бородой в долгу не останется. Вон как деньгами швыряет...

Было уже около четырех, когда Хилков снова подъехал к гостинице. Он поставил машину на набережной, подальше от подъезда, где прохаживался по свежему снежку милиционер. Бутылки были уложены в аэрофлотскую сумку. Повесив ее на плечо, Хилков подошел к дверям. Стеклопакетные двери были заперты, он осторожно позвонил, немного пугаясь — а не выгонят ли? Подошел сурового вида швейцар, долго возился с дверью. Открыв, спросил:

— Проживающий?

— Проживающий, — буркнул Хилков.

Дежурной на этаже не было видно, и он пошел сам искать номер. Бесшумно ступая по ковру, подумал: «До чего здорово гостиницу смастрячили. Богато». Ему и раньше приходилось здесь бывать, и он всегда поражался роскошной отделке, мраморным лестницам, мягким удобным креслам в холлах.

Он остановился перед дверью шестьсот тридцать шестого номера и, прежде чем постучать, прислушался. Никаких признаков новогоднего веселья не было слышно. Хилков постучал, сначала тихонько, потом громче. За дверью было тихо. Он снова застучал, уже совсем громко. Подергал ручку. Внутри на миг послышался неясный гул, потом шаги. Дверь приотворилась. Высунулся бородастый. Он был без пиджака, в белой рубашке, ароматно попыхивал большой прямой трубкой. Хилков заметил, что он не такой уж старый, пожалуй, лет шестидесяти, не больше.

Бородастый обрадовался:

— А, это ты, шеф! Как успехи?

Хилков протянул ему сумку:

— Пять водки, две шампанского...

— У-у... да ты маг и волшебник! Подожди секунду, я тебе сумку принесу. — Он скрылся, чуть притворив за собою дверь. Теперь Хилков слышал отдаленный гул голосов, смех.

Бородастый сразу же вернулся, сунул Хилкову сумку и сказал:

— Там еще денежка. Ты когда сменяешься?

— В восемь утра, — сказал Хилков.

— Вот и отлично. К семи подъезжай, до дому подкинешь... Если на часок в парк опоздаешь, не смертельно?

— Не смертельно... — усмехнулся Хилков.

— Ну и ладненько, — подмигнул ему бородач. — Ты, я вижу, свой человек. Так к семи? — И он захлопнул за собой дверь.

Хилков спустился вниз по лестнице. Лифта ждать не стал. Шел и думал, сколько же отвалил борода. «Наверное, не меньше четвертного. От той сотни-то у меня остались рожки да ножки... Водочку ведь я и так неплохо бы сбыл...» Только в машине он раскрыл сумку и вытащил... сторублевку. Радостно екнуло сердце. «Ш-ш-широкий мужчина, — с одобрением подумал Хилков. — Меньше сотенной монеты не знает». И дал газ, насвистывая веселый мотивчик.

До семи часов Хилков успел еще прилично подработать. Народ разъезжался из гостей по домам. Машины были нарасхват. На чаевые никто не скупился.

Без пяти семь Хилков снова подъехал к гостинице. Ждать пришлось довольно долго, и он задремал, положив руки на руль. Проснулся оттого, что по стеклу негромко, но нетерпеливо барабанили.

— Заждался, шеф? — сказал бородач, усаживаясь рядом. — Оно и верно, деткам бай-бай пора. Петушок пропел давно... С Новым годом, кстати! Подожди, подожди. А моих почтенных друзей ты не хочешь везти?..

Тут только Хилков увидел у машины еще двоих — крупного молодцеватого мужчину в шубе и совсем молодого, модно одетого юношу.

— Закурим, Федор Борисович? — сказал молодой, обращаясь к бородачу, когда они сели в машину.

— Можно, — ответил тот и небрежно бросил Хилкову: — К Варшавскому вокзалу, шеф!

«Ну и запах, — подумал Хилков, — наверное, какой-нибудь заграничный табак». Сказал:

— Табачок-то у вас — век бы нюхал.

Федор Борисович засмеялся. Смех у него был добродушный, довольный.

— Табачок что надо. Настоящий «кепстен». Не хочешь ли трубку завести, шеф? Тебе пошла бы.

— Ничего, и «Беломором» обойдусь, — смутился Хилков.

Когда ехали по Измайловскому проспекту, он спросил:

— К самому вокзалу?

Тот, который был одет в шубу, ответил ворчливо:

— К самому, к самому.

Вылезая из машины, он буркнул:

— До встречи!

— Звони, Василич! — как-то игриво крикнул ему Федор Борисович. Тот только рукой махнул.

— А теперь назад, на Пироговскую, — попросил пижонистый. И, засмеявшись, сказал: — Василич-то не в духе. Шибко не повезло ему сегодня...

Хилков заметил в зеркальце, что у сказавшего очень красивое лицо и крошечные усики. «Какого черта поехал? Сидел бы себе в гостинице и не вылезал. Вези теперь его обратно!» — выругал он мысленно пижона.

— Послушай, шеф, ты не знаешь, где машину достать? — обратился он к Хилкову. — «Волгу». Так, чтобы поновее? А?

— Да нет... — протянул Хилков. — У наших ребят если и есть у кого, то «Москвичишки» да «Запорожцы». Только у одного «Волга». Но он не продает...

— Старая нам не нужна, — сказал пижон. — Нам поновее. За ценой бы не постояли...

— Ну так где же я возьму «Волгу»-то? Разве что свою старушку вам предложить, — засмеялся Хилков. — Так ведь вам с шашечками не нужна...

— Эх, такой энергичный парень, а не знаешь, где машину достать, — с досадой сказал молодой. — Весь город у тебя как на ладони, везде ездешь. Всех знаешь! Смекай да на ус наматывай!

Хилков только покрутил головой.

У гостиницы пассажиры вышли из машины, и бородач попросил Хилкова подождать. Они прошлись несколько раз перед входом, о чем-то оживленно беседуя, потом Федор Борисович попрощался с молодым и снова сел в машину. Вдохнул с облегчением.

— Ну теперь давай на Ивановскую. Тебя как зовут-то, шеф?

— Женья, — ответил Хилков. — Евгений Степанович.

— Давай, Евгений Степанович, гони на Ивановскую. Надо и нам с тобой отдохнуть.

Некоторое время он молчал, а потом вдруг спросил:

— У тебя, Евгений Степанович, телефон дома есть?

— Есть. А что? — удивился Хилков.

— Да если когда понадобится. Ведь не откажешься?

— Нет, почему же... Я всегда готов с серьезными людьми работать, — сказал Хилков.

— А что насчет машины он трепался — ерунда все это, — сказал Федор Борисович. — Подпил немного, кровь горячая. Но денежный парень. Ему все равно, чья машина, откуда... Ни паспорт не нужен, ни техталон... Платит шесть тысяч — и концы. Шесть тысяч... — мечтательно протянул Федор Борисович. — Ну да ты о них не думай. Пустое это...

На Ивановской, у большого гастронома, бородач попросил остановиться, записал телефон Хилкова и, крепко тряхнув руку, распрощался. Разворачиваясь, Хилков увидел, как Федор Борисович свернул в проулок.

Позвонил он через неделю. Хилков собирался на работу. Его смена опять была с восьми вечера. Он сразу узнал жизнерадостный басок бородача:

— Ты мне, шеф, завтра на весь день нужен. Сможешь?

Хилков подумал: «Договорюсь со сменщиком», — и ответил утвердительно. Они условились, что Хилков приедет к десяти на Ивановскую.

— Постой у гастронома, — сказал Федор Борисович.

Полдня они колесили по городу. Начали с аэропорта. Встретили там одного из новогодних пассажиров, молодого с усиками, и отвезли в «Ленинград». Звали пассажира Георгием. На этот раз он не напоминал о машине. Был чем-то озабочен и все время вздыхал. Так вздыхал, что Федор Борисович наконец не выдержал и сказал с сердцем:

— Да брось ты вздыхать, парень, еще смерть не пришла! Все образуется.

Георгий прилетел с двумя огромными чемоданами, и Хилков помог ему их занести в вестибюль гостиницы.

Потом целый час Хилков ждал Федора Борисовича у валютного магазина в порту. Он знал, что в этом магазине продают на боны морфлота, и подумал: «Может, бородач торгаш? Из дальнего плавания вернулся, а теперь кутит? А что — похоже. Вон какой крепыш. И весельчак. Они, торгаши, все такие. Жизнь у них красивая. Только не староват ли для флота?»

Федор Борисович вернулся из магазина с большим пакетом.

— Живем, шеф. Отоварился. И для души, и для желудка. — Он уселся на заднее сиденье, бережно разложив свои покупки. И всю дорогу до Ивановской придерживал их рукой. Остановиться попросил опять у гастронома. Один пакет протянул Хилкову.

— Это тебе, шеф, для первого знакомства. Нравишься ты мне, парень... Платочек жене подаришь.

Хилков взял пакетик. Он был тяжелый. Сказал:

— Спасибо, Федор Борисович. Только я холостяк.

— Ну тем более, девке подаришь, — словно обрадовался бородач. — Это еще интереснее. Подожди меня, — бросил он, вылезая. — Отнесу — обедать поедем...

Когда бородач ушел, Хилков развернул пакет. Там была большая прямоугольная бутылка с красивой наклейкой — бородатые воины в красных одеждах с алебардами, и маленькая, с простенькой желтой наклейкой. Хилкову уже попадались бутылки с воинами. Это был джин. А вот маленькую он держал в руках впервые. Кроме бутылок, был яркий платок в красивой обертке. «А это я Галке отвалю», — радостно подумал он. С Галкой Лавровой он познакомился недавно, но похоже было, что эта пышная блондиночка привязала его всерьез.

Обедали с бородачом на Московском вокзале, в шумном, чуть дымном, но с белоснежными скатертями ресторане. Федора Борисовича здесь знали. Молодой официант поклонился ему как старому знакомому и отвел за пустой столик в углу.

— Пить я буду один, — предупредил бородач официанта, — у моего друга язва... Не смотрите, что молодой и краснощекий. Так ведь, шеф? — спросил он у Хилкова.

Хилкову не понравился чересчур развязный тон бородача, но он смолчал.

А бородач диктовал официанту:

— Водочки триста, две бутылки боржоми... — Здесь официант хотел что-то сказать, наверное, что боржоми нет, но Федор Борисович предупредил его, подняв руку: — Поищешь, поищешь... Икры черной... Севрюжку, огурчики-помидорчики. Миножек нет?

— Найдем, — коротко ответил официант,

Бородач продолжал диктовать. Хилков вставил робко:

— Да ведь мы вдвоем, Федор Борисович... Не съедем.

Тот только рукой махнул:

— Э-э! Стоит начать. Как в брюхе ни тесно, а все найдется свободное место. Так ведь, шеф?

Хилков пожал плечами. Ему все время хотелось узнать, кто же этот бородатый Федор Борисович — гуляющий моряк с торгового судна или так, пенсионер с достатком. Сменщик Хилкова, работавший раньше таксистом в Мурманске, рассказывал немало о чудачествах некоторых пришедших из плавания моряков.

За обедом Хилков поскуучнел. На столе закуска ласкает глаз, и какая! Сосед принимает одну рюмку за другой, а тебе нельзя. За рулем. Не привык он так сидеть в ресторане. Думал, по-быстрому перекусят и снова куда-нибудь ехать. А Федор Борисович и не собирался уходить из ресторана до вечера. Все шуточки, прибауточки. А сам нет-нет да и уставится на Хилкова, словно прицеливается. Потом расспрашивать стал. Давно ли на машине, какой класс, сколько зарабатывает, чаевых сколько.

— Уж не собираетесь ли к нам в парк устраиваться? — спросил Хилков. — Шоферня нам всегда нужна.

— Ну нет, — захохотал бородач. — Меня и не возьмут. Инвалид войны. Контуженый.

«На таких контуженых кирпичи только возить, — подумал со злостью Хилков. — Пьет и не пьянеет».

— Да и платят у вас — не разбежишься... На два раза поужинать. Вот Георгий тебе предлагает — найди машину, за час платит столько, сколько в вашем парке за три года не заработаешь. Шесть тысяч! Я уже и сам думал, не подработать ли? Да еще успею. Пока деньжата есть...

Хилков исподтишка, незаметно тоже присматривался к Федору Борисовичу... Борода у него лопатой, редкая, некрасивая. Рыже-седая. Да и в редковатой шевелюре на голове было много седых волос. А глаза молодые, пронзительные. И никак не мог Хилков понять, шутит он или нет, говоря о машине. Шесть тысяч. Шестьдесят по-старому! И никаких налогов... Чистенькие шесть тычонок. И на час работы. Да, наверное, вранье все. За час кто же такие деньги получает!

Весь обед Хилков хмурился, ел с неохотой. Будто каждый день у него на столе икра зернистая и севрюжка горячего копчения. Федор Борисович, казалось, не обращал на его хмурый вид никакого внимания. Ел и пил с удовольствием, рассказывал Хилкову про каких-то девчат. Хилков и слушал-то плохо. И на предложение бородача познакомить его с одной из них сказал только:

— И своих хватает.

Но когда после обеда они подъехали к Казанскому собору и в машину села высокая чернявая дивчина, знакомая бородача, Хилков только крикнул. Хороша была деваха. Федор Борисович пересел к ней на заднее сиденье и бросил коротко:

— К гостинице «Ленинград».

Будто и не знаком с Хилковым он, будто и не обедали они два часа вдвоем на Московском вокзале.

У гостиницы бородач помог девице выйти, протянул Хилкову полсотенную бумажку, сказал игриво:

— Чао!

Хилков сидел несколько минут в машине, огорошенный, сжимая в кулаке деньги. «Что же бородатый, так и ушел? И ничего не сказал, когда в следующий раз понадобится машина?» В первый момент у Хилкова было даже желание догнать его и спросить об этом. Так ведь все хорошо началось — и подарок сделал, и пообедали вместе. Даже с девчонками хотел познакомить! Значит, не думал сегодня точку ставить... И нате! Может, не понравилось что?

Вечером у себя дома Хилков долго не мог уснуть. И все думал с огорчением, что недолго пришлось ему поездить с бородатым.

И в последующие дни Хилков частенько вспоминал бородатого. Едет по городу, и вдруг мелькнет знакомое лицо. Притормозит. Нет, не он, хоть и бородатый. И шесть тысяч вспоминал. Особенно когда в утреннюю смену идти. На улице темно, холодно! Ни встать, ни вылезать из дому неохота. «Были бы деньги, — думал в такие минуты Хилков, — плюнул бы на все. И работу другую себе нашел бы. Шубу купил бы такую, как у бородатого. В ней в любой мороз на улицу выходить не страшно».

Но бородатый все-таки позвонил. Тогда, когда Хилков потерял уже всякую надежду. Ровно через месяц

Хилков не мог скрыть своей радости:

— Федор Борисович! Что-то давненько не звонили! Поработать? Всегда готов! Как пионер. Да я поменяюсь...

Хилков на следующий день поменялся со сменщиком и вышел с восьми вечера. Весь день с утра падал мелкий густой снег. В двенадцать подъехал к гостинице «Ленинград», поставил машину в переулочке и поднялся на шестой этаж. На этот раз бородатый пригласил его в номер. Номер был двухкомнатный. Во второй комнате за низеньким полированным столиком шла игра в карты. На узком пристенном комоде и даже на полу стояли бутылки с водкой, шампанское, тарелки с колбасой и сыром. Хотя окно было приоткрыто, в комнате чадно от дыма.

Играли четверо. Трое довольно пожилых и один молодой парень с красивыми пшеничными усами. Все были без пиджаков, в белых расстегнутых рубашках. На Хилкова никто не обратил внимания. Играли сосредоточенно, лишь изредка перекидываясь отрывистыми возгласами. Денег на банке было много. Хилков успел заметить, что бумажки все крупные. Десятки, четвертные.

Федор Борисович усадил Хилкова в мягкое крутящееся кресло с высокой спинкой, поставил на колени тарелку с бутербродами, открыл бутылку боржомом: «Заправляйся», — а себе налил фужер водки.

Выигрывал все время крупный, осанистый мужчина. Хилков заметил, что лицо у него покрылось мелкими бисеринками пота. Но мужчина не обращал на это внимания — сосредоточенно метал, так же сосредоточенно, с бесстрастным выражением лица подгребал толстой рукой к себе деньги. Присмотревшись, Хилков узнал в нем того мужчину, которого они завозили в новогоднее утро на Варшавский вокзал.

Вскоре молодой парень ушел, кисло кивнув на прощание. Сел играть Федор Борисович.

Хилков чувствовал себя неудобно. От табачного дыма резало глаза. Ему хотелось спать, а приходилось сидеть без дела. «Если надо будет ехать, то сказал бы, к какому часу, я бы подъехал, — думал он. — А то сижу здесь без дела. Мог бы и поработать пока...» Но спросить боялся — может быть, эти мужчины и не знают, что он шофер?

— Евгений Степанович, — вдруг сказал бородач. — Ты не хочешь метнуть? Новичкам-то обычно везет. Давай присаживайся! Мы по червонцу ставим.

«А, была не была», — решил Хилков. Деньги у него были. И такой вдруг азарт им овладел! Вот жаль, что выпить нельзя.

Ему и вправду повезло. За какие-то полчаса он выиграл четыреста рублей и готов был играть еще, но Федор Борисович встал и сказал:

— Нам пора, Евгений Степанович. Я думаю, партнеры отпустят нас с выигрышем...

— Ну с таким-то выигрышем отпустим... — засмеялся толстяк. И повторил: — С таким-то отпустим...

«Вот, черт, повезло, вот повезло! — думал Хилков, спускаясь по лестнице и лихорадочно прикидывая, сколько же у него теперь денег. — Это же надо, такие деньги за полчаса взять...» И в машине, за рулем, его не покидало радостное возбуждение. Всматриваясь в снежную заверть, рассекаемую фарами, он чувствовал такой прилив энергии, что хотелось запеть. И, не сидя рядом Федор Борисович, наверняка запел бы. Но постеснялся. Не хотелось казаться мальчишкой.

Они ехали на улицу Типанова.

— Надо кое-что Георгию передать, — сказал Федор Борисович. — Он завтра уезжать собирается рано.

«Почему на Типанова? — удивился Хилков. — Ведь Георгий всегда в гостинице останавливается? И разве мы не в его номере играли?» Но спрашивать не стал.

Город спал. В домах лишь кое-где светились, словно маяки, отдельные окна. На улице Типанова бородач показал, куда свернуть. Хилков проехал между домами, едва не задев мусорные бачки. Вдруг из-за угла дома выскочила полузаметенная снегом фигура. Человек махнул им рукой.

— Притормози, — попросил Федор Борисович. — Никак это Георгий?

Хилков остановил машину, выключил фары. Человек подошел к машине, открыл дверцу. Сказал:

— Отец Федор, я так и думал, что это вы! — Это был Георгий. — Позвонила, понимаешь, Лидка. В гости приглашает. Ну как откажешь такой девочке! Брата предупредил, чтоб вас ждал, а сам ехать решил на его моторе. Да что-то не заводится. Видать, мотор промерз. Может, дернете?

— Как, шеф? — спросил у Хилкова Федор Борисович. — Дернем?

— А чего же не дернуть, — весело сказал Хилков. — Только, может, я сам посмотрю? Заведу?

— Э-э! Пустое! — махнул рукой Георгий. — Я уж полчаса с ней вожусь. Давай разворачивайся и подавай задом. Трос у меня есть.

Хилков быстро развернулся, осторожно подал машину к занесенной снегом «Волге». Подумал: «Чудак, почему снег не сметет?»

Георгий быстро накинул трос, очистил шапкой ветровое стекло, сел в кабину и махнул рукой. Хилков включил первую скорость, легонько выжал сцепление. «Волга» подавалась туго. Они осторожно обогнули дом и выехали на проспект.

— Чего-то не заводится, — заволновался Хилков. — Надо узнать.

— Да чего узнавать? — отрывисто бросил бородач, взглядывая в снежную пелену. — Сейчас давай до разворота и к парку. По дороге и заведется.

Так они проехали минут десять, потом Федор Борисович скомандовал:

— Направо, опять направо.

Асфальт кончился. Они ехали по какому-то пустырю. «Это же зады парка, — сообразил Хилков. — Куда нас несет нелегкая?»

— Стой! — наконец сказал Федор Борисович. — Ну его к черту. Пусть сам заводит.

Он вылез из машины, отцепил трос и подошел к Георгию, тоже вышедшему из «Волги». Несколько минут они постояли рядом, потом распрощались, и Федор Борисович снова залез в машину Хилкова.

— Ну и погода, шеф, а?

— Что он, здесь куковать остался? — спросил Хилков весело. — Может, все же подсобить ему?

— Сам пусть теперь разбирается, — проворковал бородач. — Поехали-ка на Ивановскую.

А на Ивановской, когда Хилков, как всегда, оставил такси у гастронома, Федор Борисович вынул из кармана пачку денег и протянул ему.

— Держи, шеф. Ровно две тысячи. Можешь не считать. Твоя доля. Втроем работали, все поровну. А мог бы один шесть взять.

Хилкову стало вдруг жарко. Он почувствовал слабость и только тихо спросил:

— Это машина чужая была? Не Георгия?

— Теперь его, — засмеялся бородач. — Видишь, и делов-то. Ты даже испугаться не успел. Держи деньги.

Хилков взял пачку и, с трудом приходя в себя, засмеялся нервным смехом:

— Ну и ловко! Р-р-раз, и в дамки! Раз, и в дамки! Да ведь это же, ведь это же... — Он не нашелся что сказать, а Федор Борисович, положив ему тяжелую руку на плечо, зашептал, дыша водочным перегаром: — Я на тебя надеялся, Женя... Надеялся. Будешь со мной, не пропадешь. Ты меня понял? Понял, Женя? Только не дури с деньгами. Не пей с кем попало. Захочешь красиво время провести — мне позвони. Я тебе и телефончик свой скажу. Запомни. Шестьсот тридцать один двести, Женя. Запомни. Но боже тебя упаси этот номер записывать. Понял? И о том, что мы с тобой незнакомы, ты тоже догадываешься? Да, Женя? Ты парень смысленный. Недаром мне тебя Феля Николаев, твой сменщик, рекомендовал. Говорил — на Жеку Хилкова можете как на меня положиться...

— Феля Николаев? — удивленно переспросил Хилков. — Феля? Да как же это? Откуда он-то?

— Феля, Феля! Он тебя рекомендовал. Старый мой кирюха. А ты что думаешь, случайно я к тебе в новогоднюю ночь подсел? Когда Фелю ты в гостиницу привез?

Хилков вдруг вспомнил новогоднюю ночь, гостиницу, Фелю, столкнувшегося с бородачом в распахнутой шубе... Вспомнил он и то, как Феля последнее время был сговорчив. Когда бы Хилков ни попросил его поменяться, он тут же соглашался. А Хилков-то думал, что это в благодарность за новогоднюю услугу.

— Что, удивляешься, салага? Ничего, теперь нас с тобой, кирюха, водой не разольешь. Давай лапу, Женя. Звонка жди. А время провести захочешь — звони.

Он вылез из машины и пропал в снежной заверти.

Когда Хилков приехал в парк, диспетчер посмотрел на него подозрительно и спросил:

— Ты что, Женя, выпил?

— Да что вы, Александр Захарыч... — обиженно протянул Хилков. — И пробку не понюхал. Вы ж меня знаете...

Диспетчер покачал головой.

— Да и то верно, вроде никогда за тобой этого не замечалось. А сегодня уж больно глаза шалят. Я вот и решил.

И вот теперь эта история с Кошмариком. Как он ведет себя на следствии? Не продал ли? Может, и правда следят уже за ним, за Хилковым? И эта «скорая» неспроста приезжала в то место, где машину «брали». Да нет, Кошмарик хоть и алкаш, но парень крепкий, не выдаст. А с техталоном наплетет что-нибудь. Да, может, он, пока вели в отделение, по дороге выбросил его? Или в КПЗ на мелкие кусочки порвал да в сортир отправил. Не сразу же его обыскивать стали!

8

— Игорь Васильевич, а как вы в милицию попали? — спросил Власов в свой очередной визит на Литейный, четыре. Он ходил туда почти каждый день.

Корнилов неопределенно хмыкнул и пожал плечами.

— Да как-то так получилось...

— Как-то так получилось, — повторил Власов и улыбнулся. — Очень доходчиво...

И подумал: «Если бы я не знал, что Корнилов талантливый сыщик, ни за что бы не поверил! Уж больно он нервный... Незащищенный какой-то».

Власову казалось, что работник уголовного розыска должен быть вдумчивым, трезвым аналитиком, спокойным, сосредоточенным. А этот всегда насторожен, обидчив...

— Вы все подсмеиваетесь надо мной, — сказал Корнилов, — а зря. Ну что я вам скажу, ей-богу! Врать не хочется, а правды я и сам не знаю. Попал и попал. — Он нахмурился недовольно и сразу стал похож на большого, незаслуженно обиженного мальчишку.

— Да ведь вы мне обещали, — упрекнул Власов. — А теперь на попятный.

— Да ничего я не обещал, — проворчал Игорь Васильевич. — Не обещал я! Неужели я такой осел, что мог обещать невыполнимое?

Власов успокаивающе поднял руку:

— Замнем для ясности. Будем считать, что мне обещал об этом рассказать кто-то другой... Наверное, Белянчиков.

Корнилов посмотрел на Константина Николаевича с упреком и грустью, покачал головой, словно хотел сказать: ну зачем же так?

С минуту они молчали. Потом Корнилов вдруг улыбнулся и сказал:

— Я вообще-то сначала пошел на завод, Константин Николаевич. Так получилось. Поступал после седьмого класса в механический техникум. Поступил и даже год отучился. Потом производственная практика. На станкостроительном имени Свердлова... Надо было сдавать пробу на четвертый разряд. Плоскогубцы сделать. Чуть ли не неделю дали на них. И сказали — кто когда делает, тогда и в отпуск пойдет. Ну ребята-то все неумехи по этой части. Валандались с плоскогубцами страсть как долго. Кто заперет, кто себе пальчик ушибет. А я уже кое-что умел. Дома от отца небольшой верстачок остался. И первоклассный инструментарий. Отец у меня водолазом был. Эпроновец. Сейчас как-то про них и не слышно, а до войны про водолазов чуть ли не как про летчиков слава шла. Мне мать рассказывала. Ну а что такое водолаз? Такой же рабочий. Да отец и был рабочим. И любил с металлом баловаться. Вот я и пристрастился. Правда, начал с поджигалки... Хорошее начало? Каюсь. Но сделал ее здорово...

Ну и когда на заводе плоскогубцы надо было делать, то я за пару часов такое изобрел, что мастер их сразу в карман сунул и ушел. Я подумал — пошел оформлять мне бумагу на разряд. Чувствую, вещичку неплохую сварганил... Потом подошел ко мне один дед. В кепочке замасленной такой, шея тонкая, как у индюка, кадыкастая. Вынул мои плоскогубцы из кармана и буркнул:

— Ты сделал?

Я даже испугался. Неужто напортачил? Кивнул головой, словно язык проглотил. Дед меня своей тощей лапой за рукав зацепил, как клещами, и повел за собой. Приволок на слесарный участок. Подвел к верстаку. Показывает мне деталь. Я уж сейчас и не помню, что это такое было. Перепугался очень.

— Можешь сделать? — спрашивает. Я повертел в руках.

— Могу, — говорю.

Показал мне дед инструмент. Штангенциркуль дал, а чертежей никаких. А сам ушел.

Сколько я бился с этой штуковиной — не помню.

Только когда дед пришел, она уже готова была. Посмотрел он, прямо обнюхал всю, только что не лизнул. Сказал:

— На три с минусом.

Обиделся я — страсть. А дед мне и говорит:

— Есть у тебя, парень, к металлу чутье. Иди к нам на завод. Буду из тебя человека делать.

Я ему толкую — в техникуме учусь. На каникулы тороплюсь ехать, рыбу ловить, а дед только рукой махнул: «Знаем мы эти техникумы!»

Пригласил меня к себе начальник цеха. Объяснил, что дед этот вовсе и не дед, а лучший заводской слесарь Григорий Дормидонтович Сайкин. Король слесарей. «И уж раз решил тебя в ученики взять, — говорит, — значит, большие надежды возлагает...»

«Какие надежды, — говорю, — когда три с минусом поставил!» Мальчишка я еще совсем был... Начальник цеха посмеялся и уговорил-таки меня...

А все дело решила все-таки тройка с минусом. Обиделся я очень за нее. Подумал — я вам докажу! Честно говоря, на заводской практике мне очень интересно было, — продолжал Корнилов. — Смешно, а даже запах на слесарном участке нравился. Ну а потом, когда видишь, что у тебя что-то получается и товарищи, у которых на контрольной ты иногда примеры списывал, бегут к тебе по каждому пустяку и просят объяснить, как кронциркулем пользоваться, какое сверло ставить, а сверла у них одно за другим ломаются, это тоже что-нибудь да значит для парня, которому шестнадцать лет...

Проработал я на заводе три года. И все с Сайкиным. Ох старик и въедливый был! Но за эти три года сделал из меня человека. И слесаря шестого разряда. Это в девятнадцать-то лет! Вот так-то, Константин Николаевич! Если мы «Волгу» вашу отыщем и ремонт какой потребуется, вы ко мне обращайтесь. Я чинить-то их лучше, чем искать, могу. Правда! Не сомневайтесь.

— Обращусь, обращусь, — нетерпеливо сказал Власов. — Только вы на мой вопрос не ответили.

— Ну, Константин Николаевич, какой вы, право...

— Занудный! — усмехнулся Власов.

— Во-во! Неужели все журналисты такие дотошные? Я тут с три короба наговорил, а вам все мало. Вот вы мне дайте срок... Ну с недельку. Подумаю, поразмыс-

лю — зачем это мне понадобилось в уголовный розыск идти — и вам расскажу. — Он посмотрел на часы. — Ну что? Может, на сегодня хватит? Не пора ли по домам?

— Игорь Васильевич, а не поужинать ли нам вместе? — предложил Власов.

— А действительно, почему бы и не поужинать? — согласился Корнилов.

Они вышли на Литейный, остановились в раздумье: куда идти?

— Может быть, поедem ко мне домой? — спросил Игорь Васильевич. — Совсем недалеко, на Петровскую набережную. Только я сейчас на холостяцком режиме. Пока с уголовниками вожусь, дома почти не бываю, а мама у меня болеет.

— Давайте-ка поедem лучше в «Ленинград»! Зачем вашу маму беспокоить. Кормят там прилично. Вы же знаете, я живу в «Ленинграде», — предложил Власов.

— В «Ленинград»? — с сомнением покачал головой Корнилов. — Что-то мне не очень туда хочется. А вам?

— Пойдемте, пойдемте, я есть хочу.

В ресторане народу было немного. Лишь недалеко от столика, куда сели Власов и Корнилов, ужинала большая шумная компания. Видно, отмечалась какая-то торжественная дата. Скорее всего день рождения, потому что все встававшие с рюмками обращались к сидевшему во главе стола молодому, рано располневшему мужчине, а он церемонно раскланивался и улыбался еле заметной снисходительной улыбочкой, словно он знал что-то такое, о чем никто другой и не догадывался. Пока Власов изучал меню, Корнилов исподволь, незаметно разглядывал компанию, удивлялся, что все собравшиеся за столом, еще молодые люди, как-то слишком рано располнели, огузвели. У некоторых были глубокие залысины, седина. Два или три — с бородами. Красивая седина, но слишком ранняя...

— С чего бы это они такие лысые? — спросил Игорь Васильевич Власова с некоторым даже сочувствием и показал глазами на компанию.

Власов оглядел их рассеянно, махнул рукой:

— Время нынче не в пример прошлому, рано сесть заставляет... У каждого свои проблемы... — и снова уткнулся в меню.

Подошла наконец официантка. Спросила:

— А вы только вдвоем или кого-то еще ждете?

— Только вдвоем, — ответил Корнилов.

Она раскрыла засаленный блокнот. Приготовилась записывать.

Власов повернулся к Корнилову. Спросил:

— Ваши пожелания, маэстро.

— Давайте, давайте... Я не привередлив. Не заказывайте только осьминогов.

— А что, мне, например, нравятся, — ответил Власов.

— У нас осьминогов нет, — строго сказала официантка.

Она принесла закуски, коньяк. Власов разлил, подвинул Корнилову тарелку с бело-розовой семгой, а Игорь Васильевич все приглядывался и приглядывался к шумным соседям, стараясь понять, что это за люди собрались за праздничным столом. Все они, несомненно, были преуспевающими — об этом говорила и одежда, и богатые туалеты женщин, и дорогие украшения, и, конечно, больше всего манера держать себя — свободная, самоуверенная, но без тени бравады, и, пожалуй, несмотря на шумные выкрики и болтовню, какая-то печать пресыщенности на лицах, даже скуки... Все были приблизительно одного возраста — от тридцати пяти до сорока. И один мальчишка лет пятнадцати.

По мере того как молоденький официант уносил со стола пустые бутылки и приносил новые, шум за соседним столом становился все громче и громче. Теперь уже слышны были обрывки пьяных разговоров.

«Блестящая вещь... Старик на высоте... Эта история с китаянками...» Смех. Понимающий, снисходительный, чуть завистливый. «Бросьте вы классиков... Обернитесь на Андрюшу!» Снова смех. «За Андрея, за Андрея! Тост за Андрея!» Судя по тому, как самодовольно заулыбался сидящий за председательским местом, он и был Андреем.

— Что, понравились вам эти шумные молодые люди? — Власов легонько постучал ножом по фужеру.

— Да нет... просто уж больно они гладенькие, — сказал Игорь Васильевич. — Черт с ними! Не будем отвлекаться...

— Игорь Васильевич, — начал Власов чуть торжественно. — Судьба свела меня с вами... Счастливый случай — кража моей машины...

— Ну вот, опять... Издеваетесь вы надо мной, что ли? — недовольно произнес Корнилов. — «Счастливы случай!» Да мне из-за таких случаев впору в отставку подавать!

— И почему вы такой мнительный? — воскликнул Власов. — Вы обижаетесь без всякого повода... Ну да ладно, кончаю. Игорь Васильевич, я очень рад, очень рад, что с вами познакомился. И надеюсь, мы будем друзьями. За дружбу?

— За дружбу! — улыбнулся Корнилов.

Они сидели в ресторане довольно долго. Корнилов рассказал Константину Николаевичу о том, как ездил на Валаам за матерью. Рассказал про встречу с безногим Алексеем.

— Этому парню надо помочь... Обязательно. Я все время чувствую свою вину.

— Ну вы-то при чем?

— Да знаете... Сейчас думаю, может, надо было тогда все решать по-иному. Тогда помочь.

— Да решали-то не вы, а суд? — запротестовал Власов.

— Верно. А вы что думаете, уголовный розыск не помогает людям?

Но и за разговорами Корнилов нет-нет да и поглядывал на шумную компанию. Бесцеремонность этих людей раздражала его.

Один из бородатых вдруг вскочил с бокалом в руке. Начало фразы потонуло в гуле голосов: «...поэтому, дорогой наш Андрей Андреевич, мы и пьем за тебя, Андрюшка, сволочь...» Бородатый обнял одной рукой Андрея, стал целовать, расплескивая водку.

«На мосту стоял прохожий...» — запел бородатый. А дальше последовала такая похабщина, что Корнилов только ахнул: «Ну сейчас заработает он оплеуху. Женщины дадут ему звону...» Но ничего не случилось. Заключительные слова куплета потонули в веселом гоготе. Смеялись все — и мужчины и женщины...

— Черт знает что такое! — взорвался Игорь Васильевич и, прежде чем Власов успел что-либо сообразить, встал из-за стола и подошел к разгулявшимся.

— Товарищи! — голос его прозвучал резко, словно хлопнул выстрел. Власов заметил, как напряглись у Корнилова желваки на щеках. Сидевшие за столом приоткрыли, с интересом уставившись на Игоря Васильевича.

ча, а тот, которого все называли Андреем, негромко, но так, что все услышали, даже сидевшие за соседними столиками, сказал:

— Верочка, этот дылда пришел выпить с тобой на брудершафт...

— Как вам не стыдно так вести себя! — Корнилов посмотрел на Андрея и покачал головой. — Если вы не стесняетесь женщин, которые пришли с вами, то постесняйтесь соседей... Ведь с вами ребенок!

Его слова о ребенке вызвали взрыв хохота.

Миловидная девушка, сидевшая рядом с Андреем, потянулась к Корнилову с рюмкой, расплескивая водку и весело крича:

— Так их, нахалов. Выпьемте с нами, товарищ проповедник!

Все загалдели, кто предлагал Корнилову присоединиться, кто спеть вместе. Только Андрей смотрел на него молча, с презрительной ухмылкой.

Власов встал и подошел к Корнилову.

— Бросьте, Игорь Васильевич, этим... — он хотел сказать «свиньям», но сдержался, — этим пьяным хамам словами ничего не докажешь...

— Но, но! — рванулся со стула парень с бородкой. — Я тебе сейчас за хамов так врежу... — Его соседка, наверное жена, дико взвизгнув, повисла у него на шее.

Корнилов отстранил Константина Николаевича, пытавшегося взять его под руку, и, подойдя к столу вплотную, сказал негромко:

— Если вы еще раз запоете свои хамские песенки, вам придется покинуть ресторан...

— А если сами не уберетесь, мы вышвырнем вас! — крикнул кто-то из-за соседнего столика. Там сидела компания флотских офицеров.

Корнилов и Власов вернулись за свой столик.

— А вы заводитесь быстро, — усмехнулся Власов. — С пол-оборота...

— Да нет, — отмахнулся Корнилов. — Я человек спокойный, но ведь что ж это такое? Разве можно терпеть?

Они помолчали немного. За большим столом притихли. Не слышалось ни частушек, ни громких выкриков.

— Вам много приходилось стрелять? — спросил Константин Николаевич. — В людей... При поимке бандитов, например?

— Один раз... Было дело такое.

— Всего один? — удивился Власов. — Вы ведь уже пятнадцать лет в уголовном розыске...

— Шестнадцать, — поправил Игорь Васильевич. — Ну так что ж, обязательно стрелять? Ведь даже уголовник поймет, что ему деться некуда, да если еще рассказать ему об этом толково. Доходчиво. — Он засмеялся. — А стрелял я действительно только раз. Брали мы в пятьдесят седьмом году «малину» в Рыбацком. Вижу, один целится в милиционера, а я стоял далеко, не дотянуться. Выстрелил ему в руку... А вам, журналистам, погони давай, стрельбу, отпечатки пальцев. Сами убедились, что я больше за столом схемки рисую, пока автомобиль ваш ищут.

На набережной стояла тишина. Шурша, проносились редкие машины. Корнилов с удовольствием вдохнул свежего воздуха.

— Не люблю я ходить по ресторанам. Особенно вечером. Духота, галдеж. Сядет рядом такая вот шайка-лейка — на неделю тебе настроение испортит.

Они прошли по набережной до моста Строителей.

— Ну что ж, — сказал Корнилов, — пора спать. Завтра звоните. Может, что интересное будет.

Вернувшись в гостиницу, Власов не стал подниматься к себе в номер, а пошел позвонить жене. В левом крыле вестибюля имелись междугородные телефоны-автоматы. Один из автоматов не работал, по другому разговаривал какой-то мужчина. Власов сел в кресло, закурил. Здесь, в этой части гостиницы, было тихо и пустынно. Киоски, торгующие сувенирами и газетами, давно закрылись, не толпился народ у стойки бюро обслуживания. Лишь на низеньком диванчике сидели две молоденькие девушки в одинаковых клетчатых юбочках и белых блузках. «Наверное, из Штатов», — подумал Константин Николаевич, прислушиваясь к их разговору. Выговор у девушек был явно американский — более жесткий и отрывистый, чем у англичан, и Власов лишь разбирал отдельные фразы, хотя английский знал неплохо. Разговор у них шел о какой-то Катюше,

очень милой и обаятельной. Похоже, что Катюша была их гидом и девушки были у нее в гостях...

Мужчина все говорил и говорил по телефону, автомат тихо отшелкивал, проглатывая пятиалтынные. «Ничего себе, запасся товарищ монетами», — подивился Власов и вдруг поймал себя на том, что приглушенный голос говорившего ему знаком. Вкрадчивый, медовый. «Да ведь это Валерий Фомич — администратор из Дворца культуры...» — Константин Николаевич посмотрел на атлетическую спину мужчины. Ему было явно тесно под плексигласовым колпаком, накрывавшим автомат.

«Ну и скользкий тип... — подумал Власов, вспомнив Милочку и непонятный разговор с ней. — Чего этот дедина тогда меня испугался?..»

Валерий Фомич вдруг обернулся, словно почувствовав, что за ним наблюдают, и Власов увидел испуг на его лице. Константин Николаевич отвел глаза, ему совсем не хотелось ни здороваться, ни разговаривать с Валерием Фомичом. Администратор оборвал себя на полуслове и бросил трубку на рычажок.

«Только бы не подошел». Едва успел Константин Николаевич подумать это, как услышал шаги, и Валерий Фомич грузно опустился в кресло напротив Власова. Лицо у него было какое-то потерянное, жалкое, совсем не гармонирующее с его импозантной внешностью любимца судьбы. Он сидел молча, пристально и зверовато глядя на Власова, и Константину Николаевичу показалось, что администратор пьян. Молчание затягивалось. Власов сказал хмуро, раздражаясь оттого, что придется все-таки разговаривать с этим человеком:

— Здравствуйте, Валерий Фомич!

— Что вы все время ходите за мной? — не ответив на приветствие, хрипло спросил Валерий Фомич. — Решили сажать — сажайте! А то все следите и следите... Затравить хотите?! — Последние слова он выкрикнул так громко, что сам испугался. Молодые американки с любопытством посмотрели в их сторону.

«Ну и ну, — подивился Власов, настораживаясь, — тут непростой какой-то узелок... Что он, меня за оперативного работника принимает? И Мила ведь сказала: «Сразу видно, что милиционер». — Константин Николаевич растерялся и лихорадочно соображал, как же ему поступить. Сказать, что он не тот, за кого его при-

нимают? Но ведь этот жох недаром психует! Видно, прилично нашкодил».

— Даже не скрываете свою слезку, — уже потише, но таким же хриплым голосом продолжал Валерий Фомич. — В открытую за мной ходите. И эта ревизия во дворце — ваших рук дело... Что же вы меня травите, что же травите? — вдруг всхлипнул он. — Брали бы сразу.

Власов наконец вспомнил, где он увидел администратора впервые. Ну конечно же, при выходе из управления, от Корнилова. Когда Власов подошел к дверям, часовой проверял документы у большого красивого мужчины. Такая приметная фигура — и как он сразу не вспомнил! Так, значит, им уже занимается милиция... «Ну что ж, — внутренне усмехнулся Константин Николаевич. — Задал я вам, Валерий Фомич, задачку!»

— Что ж вы молчите? — почти шепотом спросил администратор. — Когда это все кончится? Я понял, что вы за меня взялись, еще у вашего Корнилова. И потом, когда вы шли за мной с Литейного...

— Валерий Фомич, «ходить бывает склизко по камешкам иным...». Вы, наверное, знаете, что чистосердечное признание суд может посчитать смягчающим вину обстоятельством? — спросил Власов.

Администратор как-то странно дернулся, словно его свело судорогой.

— Завтра утром приходите в управление, на Литейный, четыре. В четыреста двенадцатую комнату. Пропуск вам будет заказан...

Валерий Фомич обреченно вздохнул, вынул из кармана белоснежный платок и медленно вытер им лоб. Лицо у него перекосило от страха. Он только прошептал:

— Ну вот... — поднялся и пошел к выходу.

«Ну и дела! — усмехнулся Константин Николаевич. — Пуганая ворона и куста боится!» Он не стал звонить жене в Москву, а поднялся к себе в номер и позвонил Корнилову.

— Валерий Фомич Морозов? — переспросил тот, выслушав Власова. — По нему давно тюрьма плачет. Хоть и проходит он у нас пострадавшим...

— Пострадавшим? — удивился Константин Николаевич.

— Ну да! У него ведь тоже «Волгу» украли!

Власов засмеялся.

— Бывают же совпадения! Решил, что я за ним слежу... А оказывается, мы с ним «коллеги»!

— С вашим коллегой мы завтра разберемся, — мрачно сказал Корнилов. — Сам не придет — попросим. Я почему на него внимание обратил — живет шикарно! Явно не по средствам. Между прочим, просил я и ребят из ОБХСС приглядеться к этому хлыщу...

Когда утром на следующий день Власов пришел в управление, около кабинета Корнилова уже расхаживал Валерий Фомич. Он подобострастно поклонился Власову, еле слышно прошептал: «Здравствуйте».

— Ну так что, допекли бедного администратора? — сказал, улыбаясь, Корнилов, когда Константин Николаевич вошел к нему в кабинет. — Он к нам спозаранку прибежал... Правда, без чемоданчика.

— Сам он себя допек... — ответил Власов. — Ушлый дядечка. Умелец. Девуцу хотел мне подсунуть. Подловить. Не умер бы он с досады, когда узнает, что я не тот, за кого меня принял...

— Не умрет. Да мы ему пока и говорить не будем. Пусть себе думает что хочет. Ну что ж, побеседуем с Валерием Фомичом? — Корнилов вызвал секретаршу. — Пригласите гражданина Морозова.

Валерий Фомич вошел, шурясь от яркого солнечного света, и осторожно сел на предложенный Корниловым стул. С минуту все молчали, потом Валерий Фомич тихо спросил:

— Товарищ Корнилов, я ведь сам пришел... С повинной, — сказал и оглянулся на Власова.

— Ну что ж, гражданин Морозов, — ответил Игорь Васильевич и нажал клавиш магнитофона, — пришли, так рассказывайте. Лучше поздно, чем никогда...

— Но вы расцениваете мой приход как явку с повинной? — с надеждой спросил Морозов.

Власов понял: администратор очень боится, что ему скажут — какая же это явка с повинной, когда вас уже арестовать со дня на день собирались...

— Расцениваем, расцениваем, — сказал Корнилов. — Но учтите, многое зависит от того, насколько полно и чистосердечно вы расскажете о своем преступлении.

Валерий Фомич жалко улыбнулся:

— Повинную голову и меч не сечет...

— Вы что, торговаться к нам пришли? — рассердился Игорь Васильевич.

— Я, собственно, не знаю, с чего и начать... — тусклым голосом заговорил администратор. — В позапрошлом году на стадионе проводилось эстрадное представление «Живые шахматы», — решившись наконец, тихо начал он. — Меня попросили помочь... — Он поднял голову. Посмотрел на Корнилова.

— Рассказывайте, рассказывайте, — ободрил его Игорь Васильевич.

— Собственно, я взял очередной отпуск и оформился администратором на этом представлении. Его повторяли трижды. Времени на подготовку мало, театральные кассы отказались билеты распространять. Тогда я пригласил студентов. Из шахматной секции медицинского института. Сказал, что это дело важное. Пропаганда шахмат, и все пошло быстро...

— На общественных началах студенты билетики распространяли? — не то уточнил, не то спросил Корнилов. Валерий Фомич потупился:

— Да, на общественных началах. Я только в ресторан их сводил. Заплатил по счету двести тридцать рублей. Это можно проверить. Они подтвердят. — Он вздохнул глубоко, словно перед прыжком в холодную воду. — Им причиталась зарплата. Пять процентов от общей выручки... За три представления больше десяти тысяч. Десять тысяч девятьсот. Ведомости на каждого я не составлял. Отчитывался расписками. Будто бы от имени председателя шахматной секции...

— Кому вы сдавали эти расписки? — быстро спросил Корнилов.

— В бухгалтерию городского шахматного клуба...

— И в прошлом году вы проводили эти игры?

— Да. Но только одно представление. Билеты распространяли студенты пединститута. Я заработал четыре тысячи. И еще на разнице в стоимости билетов четыре...

Власов сидел угрюмый и злой, слушая, как распирается о своих темных делишках Валерий Фомич. И признается, и одновременно страшится этих признаний, стараясь свалить все на обстоятельства, на случай. Наконец Константин Николаевич не выдержал:

— Что же у вас получается? Не помню, как родился, не видел, как состарился, не знаю, когда умру!

Валерий Фомич весь сжался, словно его ударили, а Корнилов посмотрел на Власова с укоризной.

В двенадцать часов он сказал:

— На сегодня хватит, Валерий Фомич. Продолжите рассказ завтра следователю. А мне еще вашу «Волгу» искать надо. На студенческие денежки ее приобрели?

Морозов кивнул, словно собирался заплакать.

— Вы подождите в приемной. Надеюсь, понимаете, что мы должны задержать вас?

Морозов опять кивнул и вышел сгорбившись.

— Вот шкура! — в сердцах сказал Игорь Васильевич, когда за ним закрылась дверь. — А ведь приходил ко мне сквалыжничать из-за пропавшей машины! Сейчас передам его в ОБХСС, пусть занимаются. Ревизию во Дворце культуры ведь по их просьбе делали...

9

Прошло два дня после ареста шофера Лыткина по прозвищу Кошмарик. Дни эти не принесли особых новостей, и Корнилову временами казалось, что поиски не продвинулись ни на шаг. На допросах, которые вел следователь Красиков, Лыткин упорно отказывался говорить, откуда у него чистые бланки техпаспорта и техталона. А по поводу денег твердил одно — выиграл в карты у случайного знакомого. Оперативное наблюдение за «Звездными ночами» ничего не дало. Друзья Кошмарика туда больше не ходили. Белянчиков в управлении почти не появлялся. Он со своей группой пытался выяснить, кто эти друзья, все ли они, как Хилый, сослуживцы Лыткина.

Но на третий день события нахлынули, словно вода, прорвавшая в половодье плотину. Правда, до обеда тоже было спокойно. Корнилов успел даже выкроить время для разговора с Власовым, ходившим теперь в управление чуть ли не каждый день. Будто на службу.

В час, едва Игорь Васильевич собрался в буфет перекусить, позвонил Красиков. Перехватили записку, которую Кошмарик пытался передать на волю. Адресовалась записка жене, но была в ней такая фраза: «Скажи Хилому, что инфаркт мой в порядке. Долю пусть отдадут тебе». Допрошенная Клавдия Сергеевна Лыткина показала, что Хилый — приятель и сослуживец ее мужа, а что касается инфаркта, она ничего понять не

может. Кошмарик никогда на сердце не жаловался... Лыткин загадал загадку, которую следовало разгадать.

Не успел Корнилов повесить трубку, как в кабинет ворвался сияющий Белянчиков. Стремление поскорей выложить новости так и распирало его. В течение получаса он доложил Игорю Васильевичу, что группа выяснила небезынтересные обстоятельства, подтвержденные документально: за последний год шофер второго таксомоторного парка Хилков, приятель Кошмарика, которого официантка из «Звездных ночей» знала под именем Хилый, восемь раз брал краткосрочные отпуска за свой счет на срок от трех до десяти дней. И каждый раз накануне его отпусков в городе происходили кражи автомашин. Четыре раза брал отпуск сам Кошмарик и пять раз бывший шофер автопарка Феликс Николаев, приятель Хилкова и Кошмарика. Их отпуска тоже совпадали с кражами...

— Значит, эти «кошмарики», будь они похитителями, могли иметь время для перегона машин, — задумчиво сказал Корнилов.

— «Будь они похитителями...» — усмехнулся Белянчиков. — Они и есть похитители. В последние месяцы во втором парке четыре раза крали техталоны... Вполне возможно — один из источников обзаведения документами. Но это надо еще уточнять, — он махнул рукой.

Корнилов и Белянчиков разработали план дальнейших действий, когда позвонил командированный в Сочи, Сухуми и Горький лейтенант Марийкин. Схема «комиссионный магазин — завод» дала первые результаты. Обнаружены четыре автомашины с перебитыми заводскими номерами. Марийкин с помощью сочинских товарищей установил, что одну из машин сбыл Борис Угоев, продавец продуктовой палатки города Сочи...

Корнилов повесил трубку и, посмотрев на Белянчикова, рассмеялся:

— Судьба решила приготовить нам на сегодня все сюрпризы.

— На субботу, — уточнил Юрий Николаевич, — чтобы скрасить нам воскресный день. Пустячок, а приятно!

Уже совсем поздно вечером, когда Корнилов в деталях обсудил с Белянчиковым все действия их группы, снова позвонил Красилов. Кошмарик признался, что вместе с Хилковым, Николаевым и Угоевым участвовал в угоне и продаже автомашин. Сбывались автомашины

в Сочи, Сухуми и Одессе. В том числе и через Бориса Угоева. Кошмарик сказал, что Феликс Николаев несколько месяцев назад уволился из парка и куда-то исчез.

Круг замкнулся. Теперь нужно было помочь следствию собрать такие доказательства, которые не мог бы опровергнуть ни один из участников шайки.

Воскресенье прошло спокойно, а в понедельник утром Корнилову позвонил Белянчиков. Встревоженно доложил:

— Игорь Васильевич, Хилков сегодня не вышел на работу. Его смена с семи утра. Из парка звонили домой, телефон не отвечает... Что будем делать?

Корнилов помедлил с ответом. Ситуация складывалась непростая...

— Ты вот что сделай, Белянчиков, — наконец сказал он. — Пошли кого-нибудь к Хилкову. Пусть незаметно выяснят, не дома ли он. Может, просто трубку не снимает. Если нет, постарайся узнать, когда его видели последний раз. Сразу доложите. — И повесил трубку.

«Что же могло случиться? — думал Игорь Васильевич. — Ударился в бега? Маловероятно, но исключать нельзя. Только у него не должно было быть причин для беспокойства... Поехал перегонять еще одну машину? За последние два дня не было похищено ни одной «Волги». Да и не ездил он никогда, не получив предварительного отпуска. Запил? Загулял?» Вопросов было много, ответ должен был быть один. Но какой?

Корнилов позвонил Бугаеву и попросил проверить, нет ли Хилкова в гостинице «Ленинград» в 636-м номере, где живет Угоев. А также уточнить, где находится в настоящее время Лаврова, сожительница Хилкова, о которой рассказал Кошмарик.

Бугаев позвонил минут через пятнадцать и сообщил, что Лаврова с утра загорает на пляже у Петропавловской крепости, а в шестьсот тридцать шестом один Георгий Угоев. Заказал себевзавтрак прямо в номер. Не успел Игорь Васильевич повесить трубку, как снова зазвонил телефон, и Белянчиков доложил, что в квартире Хилкова на звонки и стук никто не отвечает.

— Организуйте наблюдение за квартирой, — сказал ему Корнилов. — Посмотрите, кто приходит будет. Может, кто из дружков.

«Что же это такое? Случайность или мы допустили ошибку? — думал он. — Если ошибку, то где? Какую? Кошмарик не мог ничего сообщить Хилкову. Он под строгим наблюдением. Занервничал Марийкин, насторожил Угоева-старшего? Нет, не мог. Что же тогда? — Он встал из-за стола, прошелся по кабинету. Постоял у окна. На улице было солнечно и шумно. — Главное сейчас — все обдумать, не испортить дела преждевременными действиями. Держать под контролем Угоева и Лаврову. Продолжать розыск Николаева. И ждать. Ждать хотя бы до вечера, — думал Игорь Васильевич. — Лаврова сейчас загорает на пляже. Значит, спокойна. Значит, Хилков не запаниковал, не в бегах...»

Но и к вечеру ситуация не изменилась. Лаврова по-прежнему вела себя спокойно. С пляжа пришла домой и лишь несколько раз выходила звонить по телефону, но, судя по всему, номер не отвечал. Наверное, звонила тоже Хилкову. Не дозвонившись, беспокойства не проявила. Георгий Угоев оставался все время в номере, в пять часов к нему пришли двое мужчин — судя по всему, опять будет игра. Этих двоих милиция уже знала — постоянные его партнеры.

В восемь часов Корнилов позвонил генералу и спросил разрешения зайти к нему для доклада. Выслушав Игоря Васильевича, генерал спросил, что он намерен делать.

— Считаю, что надо немедленно арестовать Угоевых. И старшего, и младшего, Лаврову, Хилкова. Объявить розыск Николаева...

— А как считает следователь? — спросил Владимир Степанович.

— Это наша общая точка зрения, — ответил Корнилов. Прежде чем идти к генералу, он все подробно обговорил с Красиковым.

— У вас достаточно материалов? — Владимир Степанович кивнул на папку, которую держал в руках Корнилов.

Игорь Васильевич раскрыл ее.

— У нас есть признание Лыткина, арестованного за злостное хулиганство, о краже совместно с Хилковым пяти автомашин «Волга». Четыре из них проданы Борису Угоеву, жителю Сочи, одна Георгию Угоеву. Две машины перегонял в Сочи Лыткин, три Хилков. Это по показаниям Лыткина. Но у нас есть подозрения, что

Хилков не меньше восьми раз перегонял автомашины для продажи. Это еще предстоит проверить. Но пока и трех с него достаточно. Наш сотрудник Марийкин изучил документы на «Волги», проданные за последние полгода через комиссионные магазины Сочи и Сухуми. А потом проверил, выпускались ли с заводов машины с таким сочетанием номеров мотора, кузова и шасси...

— Так, так, так... — заинтересованно пробормотал генерал. — И что же это дало?

— Обнаружили, что у четырех машин из тех, что проходили через комиссионный, заводские номера перебиты, — с ноткой торжества сказал Корнилов. — Лица. Две машины уже изъяты у новых владельцев. Экспертиза восстановила подлинные номера. Одна из машин принадлежит инженеру Гусарову, другая московскому журналисту Власову.

— Вот как? — удивился генерал. — Быстро нашли его машину.

— Да ее только что продали, Владимир Степанович. Через комиссионный в Сочи. Марийкин сразу и наткнулся на нее. Одну «Волгу» перепродал Борис Угоев, другую сам Хилков по документам жителя Сочи Романова. Этот Романов за сто рублей продал Хилкову паспорт и документы на свою давно разбитую машину... Хилков вписал в документы новые номера.

— Паспорт на машину? — переспросил генерал.

— И свой паспорт, и паспорт на машину. Показания Романова и данные экспертизы документов у Марийкина есть. Сейчас ведется проверка других машин. — Корнилов остановился и посмотрел на генерала.

— Продолжайте, продолжайте... Или у вас больше ничего нет? — спросил тот.

— Есть и еще кое-что, — сказал Корнилов. — Но далеко не столько, сколько мне хотелось бы. Установлено, что одну автомашину продал через комиссионный дед Угоевых, Тихон Павлович Угоев. Деду восемьдесят лет. Никогда на машине не ездил. Мы разыскали покупателя этой «Волги»... Он живет в городе Мары. Заводские номера тоже перебиты. Экспертизой восстановлены старые номера. Машина похищена семнадцатого мая у администратора Дворца культуры.

— У того самого «шахматиста»? — спросил генерал.

— У него... — усмехнулся Корнилов. — Вор у вора дубинку украл. — И продолжал деловито: — Есть по-

дробные показания покупателя из города Мары о том, что фактически вся сделка проводилась им с Борисом Угоевым. Дед — подставное лицо. Вот, пожалуй, и все... Думаю, что со дня на день будут найдены остальные автомашины. Наши сотрудники заканчивают оперативную работу во втором таксомоторном парке. Провели изучение графиков работы Хилкова, Лыткина и Николаева в автопарке — в десяти случаях из двенадцати, когда были похищены машины, один из этой троицы обязательно работал ночью. Восемь раз Хилков брал краткосрочные отпуска сразу после того, как были зарегистрированы хищения автомашин. Даты перегона Хилковым трех автомашин, указанные в показаниях Лыткина, совпадают с датами краткосрочных отпусков Хилкова...

— Значит, предлагаете сейчас арестовать всех известных нам участников? — спросил генерал, упирая на слово «известных».

— Да, другого выхода у нас нет, — решительно ответил Корнилов. — А если Хилков что-то почувствовал? Он может переполошить всех остальных. Причем арестовать надо сегодня же. Если даже он никого не предупредил, его исчезновение всех насторожит... Одновременно в Сочи будет арестован Угоев-старший.

— Ну что ж, действуйте! — сказал генерал. — Берите санкцию на арест.

Получив вместе со следователем у прокурора санкцию на арест подозреваемых и на обыск в квартире Хилкова, Корнилов и Красиков собрали у себя оперативную группу. Коротко поставили задачу.

— Я считаю, что никаких осложнений при задержании быть не должно, — сказал Корнилов. — Одно условие — пусть арестованные видят друг друга... Мельком. Издалека. А потом находятся в строгой изоляции. Угоева-старшего в Сочи, наверное, уже арестовали. Кстати, младшему можете сказать об этом.

— Товарищ подполковник, а как же быть с картежниками? — спросил Бугаев. — В шестьсот тридцать шестом сейчас опять игра в разгаре.

«Вот еще эти игроки... — подумал Корнилов. — Играют по-крупному. Из других городов приезжают. Надо бы новое дело заводить. Да когда ими заниматься...»

— Удостоверьте личности игроков. Составьте прото-

кол, укажите, сколько у кого было денег на момент задержания... И отпустите. И вот еще что — все сделать надо очень осторожно. Чтобы ни администратор, ни дежурная по этажу не знали. Только директор и его зам. Дежурную по этажу пусть они вызовут на некоторое время. В номере дежурить круглосуточно. Ключ у дежурной. Так, словно Угоев ушел в ее отсутствие. Пользуйтесь запасным. Организуйте дежурство у Лавровой. Хилков может прийти к ней... Докладывайте немедленно.

Все разошлись, и Корнилов снова остался один в своем прокуренном кабинете. Он достал из стенного шкафа электрический чайник, плеснул туда воды из графина. Вымыл маленький чайничек для заварки. Сахар, чай у него никогда не переводились... Игорь Васильевич ходил по кабинету, прислушиваясь к тоненькому посвистыванию чайника, и думал о том, что кое-где собираются небольшие компании и игра идет по-крупному — по очень крупному! Это бывало и раньше. Но что с картежниками делать? Попробуй докажи, что они играют на крупные суммы денег! Попробуй докажи, что проигрывают они не свою зарплату, а денежки, приобретенные весьма сомнительными способами. Впрочем, раскопать и доказать можно, но сколько времени на это уйдет. А начальство недовольно — занимаетесь картежниками, когда у вас из-под носа воруют автомобили. Нет, позиция эта не совсем правильная. И картежниками заниматься надо, и теми, кто живет на нетрудовые доходы. Тогда, может быть, и вообще меньше воровства будет. Не будет в обществе этой гнусной бациллы стяжательства. Проснувшегося вдруг в некоторых стремления к обогащению. Дачи, машины, мебель — обязательно модная, дубленки и золотые перстни... Все эти стяжатели вроде бы дышат, двигаются, живут среди нас... А разве назовешь их живыми? Пропавшие среди живых...

Игорь Васильевич подумал вдруг про Иннокентия, и на душе у него стало мутно. «И когда же потянуло Кешу в накопители? Рос в нормальных условиях, скромно. Может быть, в институте приобщился? Когда после второго курса сколотили группу и поехали в Сибирь кедровые орешки собирать, «деньгу защищать»... И ездили каждый год. Может быть, тогда? Шутка ли — у девятнадцатилетнего парня появились большие день-

ги! Несколько сот рублей! Купил себе одно, другое — захотелось и третье. Я ведь сказал тогда Кеше: «Что ж ты, деньги заработал большие, а матери даже подарка не сделал!»

Вода в чайнике закипела. Игорь Васильевич заварил чай покрепче, налил в большую цветастую чашку. Чай он любил пить вприкуску — блокадная привычка. Было без десяти десять. Полчаса прошло уже с того момента, как люди разъехались на задание. «Что-то не звонит никто, — посетовал Корнилов. И опять подумал о картежниках: — Вот заведется такая гнильца и смердит, заражает все вокруг. А из человека слабого, завистливого стяжателя недолго сделать».

Он позвонил домой, спросил:

— Мама, ну как ты там? Меня к ужину не жди.

— Опять без ужина? — спросила мать.

— Сижу чаи распиваю, — ответил Корнилов. — Жду звонков от хороших людей.

— Как же ты без ужина-то? Сходил бы поел. Хорошие люди подождут, — настаивала она.

— Ничего, мама. У меня тут и сухарики есть...

Первым позвонил старший лейтенант Никифоров. Его группа ездила за Лавровой. Все прошло без особых неожиданностей. При обыске у нее нашли черную аэрофлотовскую сумку, в которой были инструменты, трос и государственные номерные знаки ЛЕС 33—67. Лаврова сказала, что сумку нашла на улице вечером и собиралась сдать в бюро находок. В квартире у нее оставлены дежурить сотрудники.

— Минут через пятнадцать буду в управлении.

И тут же звонок Белянчикова. Корнилов сразу почувствовал: что-то стряслось. Голос у Белянчикова был взволнованный.

— Игорь Васильевич, звоню из квартиры Хилкова... Он найден мертвым. Огнестрельная рана. Судя по всему, прошло немало времени.

— Сейчас выедет машина со следователем и судмедэкспертом, — сказал Корнилов. И добавил: — Может быть, и проводника с собакой?

— Может быть... — ответил Белянчиков, но в голосе у него не было уверенности.

Корнилов повесил трубку и тут же позвонил дежурному по управлению:

— Направьте оперативную машину по адресу: Ли-

говка, восемьдесят три, квартира сто семнадцать. Обязательно с собакой... Убийство.

Совсем недавно они ввели у себя ночное патрулирование автомашин с оперативной группой, в которую входили и следователь, и работник уголовного розыска, и эксперт. Это намного ускоряло прибытие к месту происшествия...

«Вот так номер, — подумал Корнилов, положив трубку, — Хилков убит. Кто же его? Соучастники? Но ведь те, кого мы знаем, были под контролем. Значит, есть кто-то еще, о ком нам неизвестно?»

В это время позвонил Бугаев и доложил, что операция в гостинице закончена.

— Игорь Васильевич, общая сумма денег у игроков — двенадцать тысяч. Три у Георгия Угоева...

— Оружия у него не нашли? — поинтересовался Корнилов.

— Нет.

— Приезжайте срочно в управление.

Когда Корнилов рассказал о том, что случилось, вернувшимся с операции Бугаеву и Никифорову, они в один голос отвергли возможность участия в убийстве и Угоева и Лавровой. Каждый их шаг контролировался последние три дня. Каждый шаг. Что касается Николаева — его в городе нет. Но это еще ничего не значит...

— Может быть, какие-то старые счета? — предположил Бугаев. — Жизнь он вел веселую. Особенно последние полгода... Может, из-за женщины...

— Может быть, может быть, — сказал Корнилов, — все может быть. Тебе надо взяться за изучение всех его знакомств. Всех. Только не очень-то я верю в «старые счета». Здесь счета новые. Убийство произошло как раз в то время, когда мы вышли наконец на всю группу, накануне ареста... Впечатляет?

— Впечатляет, — кивнул Бугаев, — значит, кто-то нам неизвестный?

Корнилов вздохнул. Спросил:

— Чаю хотите? Подогрейте. Я крепкого заварил.

Никифоров заглянул в чайник. Покрутил головой:

— Да тут, товарищ подполковник, и на глоток не будет. Я нового вскипячу.

— Валяй, кипяти, — сказал Корнилов. — А по поводу неизвестного... Что ж, я вам еще раньше гово-

рил — слишком уж детально разработаны все эти кражи. Шутка ли, пять месяцев угрозыск на след напасть не мог... А кто воровал машины? Пьяница Кошмарик, тугодум и скопидом Николаев, Угоев... Вы же сами говорили, что Угоев серая личность. Картежник и гуляка. Хилков? По всем приметам парень неглупый, умеет себя держать, не болтлив. Дерзок. Но ведь тоже мыслителем не назовешь. И если собрать все, что нам стало о нем известно — из автопарка, из школы, с прежней работы, — годится только на вторые роли. Исполнитель. Только исполнитель. А кто же из них закоперщиком был, кто все это придумал? Продумал все детали, все тонкости? И потом, показания Кошмарика — он же написал, что из тех денег, которые они выручали за продажу машины, ему перепала только третья часть. Третью брал себе Хилков, а треть, как он объяснил Кошмарнику, отдавал еще кому-то. Как он говорил, «за комиссию». Почему мы вслед за Кошмариком решили, что Хилков врал про комиссию, а деньги брал себе? Есть кто-то еще. Есть. — Корнилов хлопнул ребром ладони по столу и спросил: — Никифоров, ты чай скоро вскипятишь?

— Раньше, чем мы операцию завершим, товарищ подполковник, — бодро ответил Никифоров.

Корнилов посмотрел на него долгим взглядом, покачал головой и, вздохнув, произнес:

— А я и не знал, что в нашем управлении такие острйки работают... Вам бы надо для эстрады смешные рассказы писать. А то у них с юмором плохо.

— С юмором, Игорь Васильевич, не только в эстраде плохо, — улыбнувшись, сказал Бугаев. — У нас в управлении тоже не все юмор понимают.

Корнилов нахмурился:

— Ладно... Где наша не пропадала. Вот разберемся с этими кошмариками, наладим с юмором. Пора бы, кстати, и Белянчикову здесь быть. Ты, Сеня, свяжись с его машиной из комнаты дежурного.

Бугаев вышел и тут же вернулся вместе с Белянчиковым и следователем Красиковым. Столкнулся с ними в коридоре. Белянчиков был явно растерян, что за ним вообще не замечалось.

Игорь Васильевич показал на большой стол. Все сотрудники расселись, стараясь меньше шуметь стульями.

— Ну что, какие пироги? — спросил Корнилов.

— Пирог неважные, товарищ подполковник, — грустно сказал Белянчиков. Он посмотрел на Красикова, но тот кивнул головой: рассказывай, дескать, сам. — Хилков убит выстрелом в затылок. Пулю мы нашли. От револьвера «наган». По предварительным данным, с момента смерти прошло больше двенадцати часов.

— Собаку не пускали?

— Потеряла след на лестнице — столько времени прошло. Обыск ничего не дал... Отпечатки пальцев только убитого. В передней следы ботинок Хилкова. И все перевернуто вверх дном. Из шкафа вытряхнуто белье, диван сдвинут. В кухне все перерыто. Из коробок высыпана крупа... Даже в уборной крышка от бачка снята. Похоже, что-то искали, но очень уж торопились.

— И никаких следов?

Белянчиков развел руками:

— В кухне в пепельнице одна сигарета. Выкурена и придавлена.

— Что Хилков курил?

— Только «Беломор».

— Ну неужели больше никаких следов?

— В комнате большой ковер. Чистота — ни пылинок, — словно только что пропылесосили...

— А пылесос в квартире есть?

— Товарищ подполковник, — обиженно сказал Белянчиков и развел руками. — Проверили. В пылесосе ничего. Теперь дальше. Никаких следов взлома дверей, никаких следов борьбы в комнате. В пиджаке убитого нашли только пять рублей.

— Пиджак был на нем?

— Нет. Висел на стуле. Хилков был в трусах и майке, в шлепанцах. В ванной горел свет. Все было приготовлено для бритья. Видать, Хилков только что встал.

— А записная книжка, письма?.. — спросил Корнилов.

— Писем, видимо, не получал, — ответил Белянчиков. — А записная книжка есть. Только ничего интересного в ней я не обнаружил. Кроме двух телефонов. Один — шестьсот тридцать шестого номера гостиницы «Ленинград», другой — восемнадцатого номера гостиницы «Советская». Я уже попросил выяснить, кто проживал в этом номере «Советской» за последний год.

— Что ж там, в этой книжке, больше ничего и нет? — с сомнением спросил Игорь Васильевич.

— Есть там еще и адреса и телефоны. Выясняют сотрудники.

— Ну-ну...

— Ключ от квартиры обнаружен только один, — добавил Белянчиков. — Что-то не верится... Всегда запасной бывает.

— Ну запасной-то, наверное, у Лавровой, — сказал Никифоров. — Мы при задержании обнаружили у нее здоровенный ключище. Как пила, весь в зубчиках.

— Он, — кивнул Белянчиков. — От квартиры Хилкова.

— Что еще? — хмуро спросил Корнилов.

Белянчиков развел руками.

— Будем ждать результатов экспертизы. Надо уточнить отпечатки пальцев. Отдали на экспертизу несколько волосков, найденных на ковре... И потом вскрытие трупа. Нам же надо знать точное время.

— Соседи что говорят?

— Ни в одной квартире выстрела не слышали. И никого постороннего на лестнице не видели.

— Всех опросили?

— Всех, — сказал Белянчиков. — Один инженер, из квартиры ниже этажом, уехал вчера рано утром в командировку... Но его провожала жена. Они вместе выходили из квартиры. Она говорит, что не видела ничего.

— Муж и жена по-разному смотреть могут, — Корнилов достал из стола пачку сигарет. Закурил. — Вы все-таки этого инженера не вычеркивайте из списка. Проверьте. Мало ли что... А теперь все по домам. Итого подводить сегодня не будем. Рано. Подождем, что скажет экспертиза...

— Игорь Васильевич, а вы не поедете посмотреть квартиру Хилкова? — спросил Белянчиков.

— Я, Юрий Евгеньевич, поеду домой. И вам всем рекомендую выспаться. Дежурный в случае чего и с постели поднимет. Когда обещали данные экспертизы?

— В девять утра, — сказал Красиков.

— В девять тридцать всем быть у меня. — Корнилов встал. — Приятных свиданий. — Он посмотрел на часы. Было без пятнадцати двенадцать.

Корнилов пришел домой, тихонько, чтобы не разбудить мать, прошел на кухню. На столе, аккуратно на-

крытый салфеткой, стоял ужин. Есть не хотелось. Он убрал приготовленную матерью еду в холодильник. Происшествие с Хилковым не давало ему покоя. Собственно, даже не столько убийство — Игорю Васильевичу было ясно, что открылась какая-то новая грань всей истории с угоном автомашин, такая, о которой уголовный розыск пока и не догадывался. Беспокоило отсутствие следов убийцы. Это было странно. В практике Корнилова бывали такие случаи, когда преступник не оставлял почти никаких следов. Но за этим маленьким словечком «почти» всегда крылись какие-то, заметные порой только очень опытному, талантливому наблюдателю и аналитику следы. Старший инспектор Белянчиков был таким опытным человеком. Корнилов работал с ним уже десять лет и не раз убеждался в том, что в этом весельчаке и заядлом спорщике умение рассчитывать и предвидеть, свойственное шахматистам, сочеталось с глубоким знанием психологии преступника. Уж если он ничего не обнаружил, значит, поработал очень опытный бандит. Но следы все равно должны быть...

Спать в эту ночь он не мог и маялся почти до утра.

А едва заснул, ему стали сниться кошмарные сны. Он то и дело просыпался, с трудом стряхивая с себя пережитое во сне и радуясь, что это всего-навсего сон.

Утром не помогли ни крепкий чай, ни пешая прогулка до управления на свежем невском ветерке. Он чувствовал себя совсем разбитым.

В кабинете Игорь Васильевич сидел минут десять без движения, без дум, стараясь сосредоточиться и утишить головную боль. Не помогло. Он тяжело вздохнул и снял телефонную трубку. Позвонил экспертам. Через несколько минут секретарша отдела принесла ему результаты экспертиз. Хилков был убит из револьвера типа «наган» выстрелом в затылок с расстояния около одного метра. Судмедэксперт установил, что смерть наступила четырнадцать — пятнадцать часов назад... Игорь Васильевич прикинул — выходило, между шестью и семью утра. Волосы, найденные на ковре, не принадлежали ни убитому, ни Лавровой. Сигарета, оставленная в пепельнице, выкурена не Хилковым и, самое главное, выкурена давно — на сутки раньше, чем убит Хилков. Скорее всего, писал эксперт, эту сигарету

подобрали на улице, а раздавили в пепельнице уже давно потухший окурок. «Вот это уже и след, — подумал Игорь Васильевич. — Сигарету принесли, чтобы ввести в заблуждение следователя. Не Хилков же нес. Да и уборка только что в квартире сделана... Кто-то хочет уверить нас, что курит сигареты... А это значит? Это пока еще ничего не значит», — Игорь Васильевич повеселел.

«Что там у нас еще?» — заглянул он в бумаги.

Оружие, из которого застрелен Хилков, в картотеке уголовного розыска не числилось...

В девять тридцать собралась вся группа.

— Задание старое, — сказал Корнилов. — Закончить проверку во втором таксомоторном парке. К вечеру чтобы были сведения обо всех друзьях Хилкова. И надо выяснить, кто обращался с просьбами о подмене в те дни, когда происходили хищения машин.

— Игорь Васильевич, надо проверить всех, кто был на линии в день убийства, — сказал Белянчиков.

Корнилов кивнул. Потом обратился к Бугаеву:

— Семен, надо еще раз уточнить, где в момент убийства были все задержанные. Угоев-старший в Сочи арестован. Сегодня на самолете будет доставлен к нам. Но его тоже надо проверить. При теперешних скоростях... И позвоните Марийкину. Пусть поскорее выясняет, кому принадлежали другие автомашины!

— Игорь Васильевич, — сказал Белянчиков, — в восемнадцатом номере гостиницы «Советская» за последний год трижды проживал Угоев-старший. Другие фамилии все незнакомые...

— Вам незнакомые, — сердито сказал Корнилов, — а Хилкову и компании они могли быть знакомыми... — Он помолчал немного, потом спросил: — Есть там еще такие, что повторяются по несколько раз?

Белянчиков виновато развел руками.

— Поручите проверить. И с разрешения следователя поручите кому-то поговорить с Кошмариком. Расскажите о смерти Хилкова. Он его, похоже, боялся, недоговаривал все. Может, теперь откровеннее заговорит? Пусть расскажет подробнее о друзьях Хилкова. Все. В семнадцать ноль-ноль снова сбор. Я сейчас поеду на квартиру Хилкова.

— Лиговка, семьдесят три... — начал Белянчиков, но Корнилов остановил его:

— Да помню я адрес, Юрий Евгеньевич... Дежурство там организовано?

— Из райотдела дежурят, — сказал Белянчиков.

...Игорь Васильевич остановил машину за несколько домов от восемьдесят третьего. Вышел, осмотрелся. На улице пусто. Лишь у дома восемьдесят три толпилось несколько человек — ждали открытия молочного буфета. Игорь Васильевич неторопливо прошелся по Лиговке. Солнце уже припекало вовсю. Улица выглядела пыльной и неприбранной. Грохочущие трамваи поднимали пыль, оседавшую на чахлах кустиках, растущих вдоль трамвайной линии, сплошным потоком шли грузовики.

Парадный выход в доме был закрыт и, похоже, не открывался с незапамятных времен. Корнилов свернул во двор. Здесь, несмотря на сухую, жаркую погоду, стоявшую уже несколько недель, было прохладно. На веревке проветривалось старенькое мужское пальто, ватные одеяла, шарфы. Корнилов остановился посреди двора, огляделся. Кроме ворот на Лиговку, здесь были еще две двери, ведущие в дом. И все. Никаких других выходов. Он поднял голову, прошелся взглядом по окнам. Многие были открыты. Из одного доносилась шальная, резкая музыка.

Корнилов вошел в подъезд. Квартира Хилкова была на третьем этаже, но Игорь Васильевич решил сначала заглянуть в квартиру напротив. Он позвонил и прислушался: за дверью было тихо. Потом слышались стариковские шаркающие шаги, щелкнул замок.

«Даже не спрашивают кто», — подумал Игорь Васильевич, стараясь разглядеть скрытого в темноте прихожей человека. Похоже, что это был древний старик.

— Здравствуйте, я из уголовного розыска. Хотел бы поговорить с жильцами...

— Проходите, — сказал старик. Голос у него был спокойный и не по возрасту звонкий. Он шагнул в сторону, пропуская Корнилова, и включил свет.

Прихожая была большая и неуютная, заставлена старыми шкафами и комодами, стульями, перевязанными белой бечевкой. Впечатление было такое, словно мебель приготовили к переезду. Или только что привезли.

— Собственно говоря, из жильцов в наличии один лишь я, — сказал старик, ведя Корнилова по такому же

захламленному, как и прихожая, коридору. — Остальные на даче. А со мной уже разговаривали. Вы ведь по поводу Жени?

Они наконец добрались до комнаты старика. Здесь все было залито солнцем. Огромный, как бильярд, и тоже обтянутый зеленым сукном письменный стол, заваленный книгами, и огромные красного дерева книжные шкафы. Корнилов с восхищением оглядел шкафы и почувствовал легкое огорчение от того, что, поговорив сейчас со стариком, уйдет из комнаты и никогда не сможет порыться в этих книгах.

Старик, перехватив его взгляд, сказал со вздохом:

— Сорок лет жизни... И даже в блокаду устояли. — Он сел на стул около круглого обеденного стола, над которым низко нависла старомодная причудливая люстра, и пригласил сесть Корнилова.

— Вас зовут...

— Петр Иванович Елистратов, — старик усмехнулся уголками губ и добавил: — Пенсионер. Бывший учитель истории.

— Петр Иванович, семнадцатого рано утром вы были дома?

— Да я уже... — начал Елистратов, но Корнилов мягко остановил старика: — Вы извините, если вам уже приходилось отвечать на этот вопрос.

Старик пожал плечами:

— Я был дома. И первый раз вышел из квартиры часа в два. В молочный буфет. Это в нашем доме.

— Утром ничего не слышали? Выстрел, крики?

— Нет. Я бы обратил внимание. У нас в доме по утрам такая тишина...

— Но в семь часов вы, наверное, еще спали?

Елистратов опять улыбнулся слегка, словно боясь обидеть Корнилова.

— Я давно уже просыпаюсь ровно в пять. Лет пятнадцать. И сразу встаю. Много работы. А времени осталось в обрез.

Корнилов невольно перевел взгляд на письменный стол, на множество старинных книг и растрепанных журналов с закладками.

— К вам никто не звонил в то утро?

— Почтальон. Принесла заказное письмо.

Корнилов сделал пометку в блокноте.

— С Хилковым вы были знакомы?

— Женя учился у меня в седьмом и восьмом классах. Но теперь это имеет чисто теоретический интерес, — вздохнул старик.

— Нет, почему же? И практический тоже... Для нас.

— Женя был неплохим мальчиком. Способным...

Слушая Елистратова, Корнилов прикинул, сколько же лет прошло с тех пор. Выходило — четырнадцать.

— Человек он был энергичный, изменчивый только очень. Быстро загорался и остывал быстро. И ни в чем не преуспел.

— Не хулиганистый?

— Нет. Он не был ни заводилой у ребят, ни озорником. Скорее слишком чувствительным... Мог от обиды заплакать. В девятом классе он круто изменился. Стал замкнутым, дерзким. Учителя ломали голову, но я-то знал, в чем дело, — отец ушел из дому. Избил жену и Женю.

— Он закончил десять классов?

Старик кивнул отрицательно.

— У него были друзья?

— Раньше я мало их видел. А года три назад от них спасу не стало. Чуть ли не каждый день пьянки. Девушки...

— Что девушки?

— Мне кажется, не очень скромные... Это все началось после смерти матери. — Старик задумался вдруг и поглядел отсутствующим взглядом в окно.

— Да, я забыл вам сказать, что на Женю очень плохо повлияло возвращение отца.

— Возвращение отца?

— Ну да! Отец всегда был несправедлив к нему. А потом это побоище... И уход из семьи. Лет семь о нем не было слышно. Он даже не помогал Анне Дмитриевне и Жене. И вдруг появился. Женя уже вернулся из армии, работал шофером на «Электросиле».

— Что же плохого в том, что вернулся отец? — удивился Корнилов.

— Ну как же вы не понимаете! — досадливо сказал старик. — Отец же бил его, унижал, потом семь лет где-то шлялся, ни разу не вспомнив... Женя стал уже мужчиной, молодым человеком. И вдруг приходит чужой человек. Даже не чужой... Хуже. А мать не сочла нужным посоветоваться с сыном. — Старик разволно-

вался и стал задыхаться. Немножко успокоившись, он сказал: — Женя стал жить на кухне. Спал на раскладушке.

— Петр Иванович, а какие отношения были у отца с матерью?

Старик помялся. Чувствовалось, что ему не хочется об этом говорить.

— Здесь я могу только перенестись на зыбкую почву догадок... Вам же нужна правда, а не правдоподобие.

— И с тех пор Хилков стал пить?

— Да. Я видел его несколько раз нетрезвым. Но главное — он очень редко появлялся в доме. Я перестал его встречать.

— Вы сказали, мать умерла. А отец?

— Через полгода...

— Последнее время Хилков тоже много пил?

— Нет. Кажется, поменьше. Я его несколько раз встречал с одной и той же девушкой. По-моему, он стал чуть серьезней. И даже не прятался от меня, когда шел с этой девушкой. Кажется, ее зовут Галей.

Корнилов показал Елистратову фотокарточку Лавровой.

— Она, — кивнул старик. — Красивая девчонка. — И, вздохнув, добавил: — Душевно жаль парня. А я так мало сделал, чтобы ему помочь...

— А приятели по-прежнему ходили?

— Реже.

Корнилов показал несколько фотографий. Старик признал одного Кошмарика.

— Все чаще на лестнице сталкиваешься, — оправдываясь, пробормотал он. — А у нас она темная. Вы и сами видели.

— Хилков был участником группы по угону автомобилей, — сказал Корнилов.

— Нажива, стяжательство... — глухо сказал старик.

— Вам, Петр Иванович, не бросилось в глаза что-то необычное в поведении Хилкова в последние дни?

Елистратов задумался. Потом пожал плечами.

— Нет. Как будто нет.

Корнилов встал.

— Извините за беспокойство, Петр Иванович. Я вас от дела отвлек...

— Рад служить, — ответил старик сухо. И спросил: — Скажите, если не секрет, вы вот про выстрелы расспрашивали. Значит, Женю из пистолета?..

Корнилов кивнул.

— Да-а... Попробуй найди теперь. Если уж ищейка не взяла...

— Ничего, попытаемся найти, — ответил Игорь Васильевич.

— Ну конечно, — согласился Елистратов. — Криминалисты есть очень опытные... Да и раньше были. Вот Цезарю убийцы нанесли двадцать три колотые раны. А древнеримский врач Антистий, обследовав труп, дал заключение, что лишь одна рана — на груди — была смертельной. Ну да вы и сами, наверное, это читали?

— Интересно, — сказал Корнилов. — Я не читал.

Выходя из комнаты, Корнилов бросил прощальный взгляд на книжные шкафы.

— А вы над чем работаете?

— Заканчиваю книгу «Причины падения Римской империи». — Он вздохнул: — Очень мало времени, а столько хочется сказать.

Уже в дверях старик вдруг спохватился:

— Вы спрашивали про необычное... Вот я сейчас вспомнил: месяца три назад я видел Женю в театре. В БДТ. Давали «Лису и виноград». Это было необычно для него.

— Он был со своей девушкой?

— Нет. Собственно, я не знаю, с кем он был. В фойе разговаривал с большим бородатым мужчиной.

— Мужчина был молодой?

— Очень пожилой. Почти старик.

— Вы бы смогли его узнать?

Елистратов подумал.

— Да, конечно. У него запоминающееся лицо.

Подождав, пока захлопнулась дверь и стихли шаги Елистратова, Корнилов позвонил в сто семнадцатую квартиру. Дверь внезапно и быстро растворилась. На пороге стоял мужчина. Лицо его было напряженным. Правую руку он держал в кармане. Игорь Васильевич хорошо знал этого инспектора. Даже помнил имя — Васечкин Николай Афанасьевич. Увидев Корнилова, мужчина виновато улыбнулся, выдернул руку из кармана.

— Извините, товарищ подполковник... Нам сказали, что если свои, то позвонят предварительно по телефону. А вы без звонка. Мы уж подумали, кто-нибудь из этой бражки.

Корнилов вошел в темную прихожую. Тут же стоял второй сотрудник. Его Игорь Васильевич не знал.

— Свет тут у вас зажигается? — спросил Корнилов. Васечкин щелкнул выключателем. — Никто не приходил, не звонил? — Корнилов прошел на кухню, заглянул в ванную.

— Нет. Мы здесь словно на необитаемом острове. Ни звонков, ни гостей...

На кухонном буфете валялись красные в белый горошек банки, рассыпанные макароны, перемешанные с крупой и сахаром...

— Ну ладно, вы пригласите понятых, а я в комнате посижу, подожду, — сказал Игорь Васильевич.

Корнилов вошел в комнату. Первое, что бросилось в глаза, — очерченный мелом силуэт человека на полу. Видно, лежал он, чуть согнувшись, вытянув вперед правую руку.

Корнилов пододвинул к себе неуклюжее, старое кресло с прямой спинкой. Сел в него.

Комната была большой, с высоким лепным потолком. Давно не мытое венецианское окно наполовину задернуто шторой, и от этого в комнате стоял полумрак.

«Кто же из дружков пустил тебе пулю в затылок?» — подумал Корнилов и посмотрел на зловещий меловой силуэт.

Несмотря на неуютность, бросившуюся Игорю Васильевичу в глаза, комната Хилкова была хорошо обставлена. В углу, слева от кресла, на котором сидел Корнилов, стоял широкий, трехстворчатый шкаф для одежды, темный обеденный стол и несколько стульев, обитых синей материей. Дверцы шкафа были открыты, и с полок свисали скомканные рубашки, какие-то тряпки. Ярко алел широкий полосатый галстук. У окна старинный журнальный столик на высокой ножке. Рядом с ним неуклюжее кресло, близнец того, на котором сидел Корнилов. На нем тоже валялась одежда. Справа от окна — сервант с посудой. Большой синий диван. И около него — мохнатый ковер. Корнилов еще раз внимательно оглядел комнату — нигде ни одной

книжки. Только на журнальном столике несколько газет. Ни телевизора, ни приемника...

Чувство неуютности не покидало Корнилова. Может быть, оттого, что новая мебель в этой комнате с высоким потолком выглядела уж слишком приземистой, совсем карликовой. И еще необжитость. Мебель была вся новая, кроме журнального столика с расколотой мраморной доской и двух кресел. «Не все денежки пускал Хилков на ветер, — подумал Корнилов. — Мебелишка недавно из магазина... Кошмарик-то все пропивал. А этот и приобретал кое-что. Может, жениться хотел?»

Игорь Васильевич сидел долго, пожалуй, около часа, стараясь примечать все, что могло бы ему понять личность этого Хилкова, так неожиданно и трагично ушедшего от следствия, найти какую-то хоть крохотную, но убедительную детальку, которая раскрыла бы вдруг состояние хозяина перед смертью — его тревогу, страх, желание скрыться. Корнилов всегда пытался представить себе привычки, характер, наклонности человека, а потом найти в поведении, в обстановке, его окружающей, какое-либо несоответствие, что-то идущее вразрез с его характером и привычками. И тогда задать себе вопрос: а почему же он поступил вопреки привычному?

И этот неизвестный убийца... Не оставил ли он в комнате какого-нибудь, пусть маленького, свидетельства своего пребывания? Кроме пули от нагана. И сигареты.

Странно, но здесь, в жилище Хилкова, Игорь Васильевич никак не мог обнаружить присутствия индивидуальности хозяина. Чего-нибудь такого, что выдало бы его привязанности и интересы.

Одно только бросалось в глаза — аккуратность. И еще — не звонил телефон, молчал звонок от входной двери. Третьи сутки нет человека в живых — и никому до него нет дела, словно и не было его никогда на белом свете. Только работники уголовного розыска толкуют у него в квартире да, наверное, вспоминают арестованные по делу. Что, эта нелюдимость — давнее свойство характера или появилась после того, как занялся угоном машин?

Корнилов вздохнул, достал сигарету. Щелкнул зажигалкой, прикурил. «А что мы знаем об убийце? Он —

хороший знакомый Хилкова. Это аксиома. Иначе Хилков не впустил бы его в квартиру, не повернулся к нему спокойно спиной. Имеет наган. Искал что-то очень нужное. Значит, знал точно о том, что оно, это нужное, у Хилкова есть».

Вошли понятия — Елистратов и пожилая женщина. Наверное, дворник. «Никак старику не даем спокойно работать», — подумал Корнилов.

В течение двух часов он шаг за шагом осматривал комнату, и только одна маленькая деталь привлекла его внимание — отворачивая ковер, он нашел завалившуюся между ковром и диваном спичку. Спичку, обгоревшую до конца. Державший ее, наверное, бросил тогда, когда огонь подобрался к пальцам. Такие обгоревшие спички остаются, когда вдруг погаснет электричество и надо что-то найти — свечку, лампу. Или исправить пробки... Или человек раскуривает трубку... Это ведь дело непростое, не то что зажечь сигарету.

Васечкин, внимательно следивший за всеми действиями Корнилова, спросил:

— Товарищ подполковник, может, проверить, не перегорел ли свет?

— Зачем? — пожал плечами Корнилов. — Ты думаешь, если свет перегорит, можно обойтись одной спичкой? Да и белые ночи еще не кончились.

Он позвонил в управление, попросил секретаршу срочно разыскать Белянчикова.

«Кто курил трубку? Хилков, судя по окуркам и показаниям соучастников, курил только «Беломор». Может, когда баловался и трубкой? Никаких следов трубки в комнате нет. В кухне — окурки сигареты. Ладно, подождем Белянчикова...» — Корнилов опустился на колени и стал внимательно исследовать ковер. Сантиметр за сантиметром. И вдруг обнаружил несколько табачных крошек. Не мелких сигаретных, а крупных продолговатых. Таких, которые бывают у трубочного табака. «Ну ладно, ладно, — шептал Игорь Васильевич. — Это уже больше, чем кое-что... Это уже улика». Он завернул табачинки в бумажку. Зазвонил телефон.

— Только что закончил разговор с Кошмариком, — доложил Белянчиков. — Есть кое-что интересное...

— Об интересном потом, — перебил его Игорь Васильевич. — Сейчас идите к нему и выясните, кто из

знакомых Хилкова курил трубку. Об этом же переговорите с Лавровой, не делала ли она иногда приборки в квартире своего друга. Если да, то когда это было в последний раз. И не курила ли сигарет. И быстро, быстро. — Он хотел уже положить трубку, как опять обратил внимание на меловой силуэт на полу. — Послушай, Юрий Евгеньевич, когда вы со следователем делали обыск, труп не двигали?

— Ну как же не двигали?.. — недоуменно отозвался Белянчиков. — Судмедэксперт переворачивал...

— Да я не о том... Вы половицы под трупом не осматривали?

— Нет, — быстро сказал Белянчиков, словно о чем-то догадавшись.

— Ладно. Жду звонка. Выполняй поручение.

Он бросил трубку и озабоченно посмотрел на часы. Было полтретьего. «Ну ничего, не зря время потеряно. Потянем за эту ниточку!»

— Может, что узнать надо, товарищ подполковник? — спросил Васечкин.

— Спасибо, — улыбнулся Корнилов. — Пока ничего. — А сам смотрел как завороченный на меловой силуэт, оставшийся от Хилкова. Потом он опустился на колени и внимательно исследовал большие, потемневшие от времени плашки паркета. Все они были плотно пригнаны друг к другу, а в тонких зазорах скопилась спрессованная пыль. И только вокруг одной плашки зазоры были заметнее.

— Николай Афанасьевич, принесите ножик или вилку, — попросил Корнилов Васечкина.

И когда тот принес с кухни потемневшую, давно нечищенную вилку, подковырнул ею паркетину. Паркетина легко подалась. Под нею лежал сверток.

Елистратов с изумлением смотрел, как Игорь Васильевич, осторожно развернув пакет, вытащил большую пачку советских денег и пачку потоньше — зелененьких замусоленных долларов. Всего оказалось одиннадцать тысяч рублей и триста тридцать долларов. Все потрепанными однодолларовыми бумажками.

Через полчаса снова позвонил Белянчиков.

Кошмарик заявил, что Хилков трубку никогда не курил. Только «Беломор». Знакомых Хилкова, что курили бы трубку, он никогда не видел.

Вернувшись в управление, Корнилов почувствовал себя совсем плохо. Голова уже не болела, а стала будто чугунной, непомерно тяжелой, и каждое слово, каждое движение отдавались тупым гулом. Пот катился градом, и Игорь Васильевич не мог понять отчего — то ли от жары, то ли поднялась температура. Но простудиться в такую теплынь? Когда нет ни ветерка, а воздух раскален, как в литейном цехе. Это как-то не укладывалось в сознании. Он положил руку на пульс и, глядя на секундную стрелку, отсчитал удары. Стрелка расплывалась перед глазами, но он, напрягая зрение, все-таки досчитал до конца. Сто двадцать ударов...

События, две недели развивавшиеся еле-еле, то и дело ускользавшие из поля зрения, вдруг стали разворачиваться в бешеном темпе. словно сеть, раскинутая на глубине и скрытая до поры от глаз спокойной поверхностью озера, вытянута наконец на мелководье, и уже видно, как ходят, баламутя воду, стремительные щуки, и только самого кошелька не видать, но сердце уже нетерпеливо екает в ожидании богатой добычи. Заболеть в такое время!

«Нет, нет, — твердил Корнилов. — Не болеть! Еще немного, и мы выйдем на эту темную лошадку, на этого неизвестного». В том, что убийца Хилкова был причастен и к угону машин, Корнилов не сомневался.

В кабинет заглянул Бугаев и начал было рассказывать о том, что Угоев-старший дал подробные показания на восемь машин. Корнилов остановил его:

— Сенечка, все это очень интересно, но не мне, а Белянчикову. Все ему, все! Я, кажется, отключаюсь от дела...

Бугаев удивленно посмотрел на Корнилова, и Игорь Васильевич понял, что вид у него, наверное, совсем больной. Удивление в глазах Бугаева моментально сменилось сочувствием, а уж сочувствия Корнилов не терпел.

— Семен, ты меня понял? Подробности письмом. Уматывай к Юрию Евгеньевичу.

Но Бугаев не уходил.

— Сеня... — начал было Корнилов, но осекся, увидев в глазах Бугаева тревогу.

— Что еще стряслось, Семен?

— Мы проверяли картежников... Тех, которые в гостинице играют.

— Ну проверяли. И что? Доложи Белянчикову.

— Игорь Васильевич, один из них ваш брат. Иннокентий Васильевич, — выдохнул Бугаев.

— Кеша? — Корнилов откинулся на спинку кресла и машинально повторил: — Кеша..

Потом тихо сказал:

— Ты, Сеня, присядь..

Минуты две они сидели молча. Корнилов барабанил пальцами по креслу.

— Вот что, Семен, — наконец сказал он. — Все доложи Белянчикову. Все. Я же сказал — отключаюсь от дела. Отключаюсь.

Бугаев ушел. А Корнилов вдруг отрешенно подумал: «Может, это ошибка? Кеша-то скопидом, жадоба. И вдруг карты! Как же он, рублишко к рублишку, а потом сотню на кон? Ну что ж, доигрался, Иннокентий Васильевич. Допрыгался...»

Игорь Васильевич взял лист бумаги и написал рапорт начальнику управления.

«В связи с тем, что мой брат, Корнилов Иннокентий Васильевич, встречался с некоторыми участниками преступной группы Хилкова — Лыткина и играл с ними в карты, прошу отстранить меня от дальнейшего участия в расследовании по этому делу».

«Но с Лавровой-то я обязан поговорить, — решил Корнилов, засовывая заявление в большой конверт. — Обязан».

Он позвонил в тюрьму, чтобы привезли Лаврову, и хотел было вскипятить чай, но не было сил. Поудобнее вытянувшись в кресле, он закрыл глаза. Звонил телефон, но Игорь Васильевич не снимал трубку, и ему показалось, что звонок становился все тише и тише... Надо не забыть сказать ребятам, чтобы опросили почтальона и поскорее разыскали уехавшего в командировку мужа той женщины... Потом он подумал о матери. «Опять придется ей трудно. Только привез домой — и сам заболел. Может, лучше в госпиталь лечь? А теперь история с Кешей!»

Корнилов вдруг поймал себя на том, что думает о Кеше слишком спокойно. «Что же это я? Зачерствел на своей работе?» — подумал Игорь Васильевич, и ему стало горько именно от этой мысли. Брат связался с подонками и сам может сесть на скамью подсудимых,

а он почти спокоен. «Да ведь худшее я уже пережил. Худшее случилось месяц назад, в деревне. Когда я узнал, что Иннокентий отправил мать на остров... — Корнилов вздохнул, провел ладонью по лицу, чувствуя, что ему уже совсем немогут сидеть в душном кабинете. — И мое будущее под большим вопросом. Полное служебное несоответствие — родного брата прозевал».

В это время привели Лаврову. Корнилов слышал, что девчонка она красивая, но чтобы настолько... Белые прямые волосы до плеч, большие заплаканные глаза, узкое с матовой кожей лицо, чуть раздвоенный кончик носа.

— Вы готовы говорить правду? — в упор, без всяких предисловий, спросил Корнилов.

Лаврова поспешно кивнула и тихо, чуть не шепотом, сказала:

— Да. — Лицо ее сморщилось, она достала платочек, но сдержалась...

— У Евгения были знакомые — курильщики трубок?

Она не поняла и недоуменно пожала плечами.

— Трубки, трубки курили его друзья, знакомые?

— Нет. — Она подумала немного и отрицательно покачала головой.

— С кем дружил Хилков?

— С Кошмариком, — сказала она. — С Лыткиным. Они работали вместе. С Феликсом Николаевым. С Георгием Уговым...

— А может, это просто сослуживцы? — спросил Корнилов.

Она ничего не ответила.

— Вам известно, где сейчас Феликс Николаев?

— Уехал.

— Почему вы думаете, что уехал?

Лаврова вдруг стала говорить шепотом:

— Мне его жена сказала. Она Феликса уговорила.

Боялась, что посадят.

— И вы говорили Хилкову об этом разговоре?

— Нет! — испугалась Лаврова.

— Бывали дома у Хилкова друзья?

— Много раз.

— Никто из них за вами не ухаживал?

— Нет, что вы, у всех были свои девчонки. И Женя

меня так любил... — Она вдруг ойкнула и испуганно посмотрела на Корнилова. — Вы знаете, одного с трубкой я видела...

— Ну?

— Женя иногда уходил и не говорил мне куда. Понимаете... Я думала, у него кто-то еще есть. Вот и решила выследить его... — Внимание и настороженность Корнилова, по-видимому, передались ей, она заволновалась и стала частить: — Поехала за ним следом. В Невский район. На Ивановской он вышел, пошел в переулок... Дом не помню... Нет, не помню номера. На четвертом этаже он позвонил. Я голоса не слышала. Ниже этажом стояла. А потом поднялась на пятый. Думаю, дождусь — будет он выходить, я и зайду в квартиру. А он вышел почти сразу. С дедом бородатым. А дед с трубкой. Это вам интересно? — спросила она просто-душно.

«Еще как!» — подумал Игорь Васильевич.

— Дальше что?

— Я вечером с радости об этом Жене сказала, а он меня избил. Говорит: «Забудь и думать о том, что видела».

— Ты, голубушка, показать нам эту квартиру сможешь? — почти ласково спросил Корнилов.

— Смогу.

Корнилов вызвал секретаршу.

— Белянчикова, Бугаева! Срочно!

— А про машины вы не будете меня спрашивать? — почему-то с тревогой осведомилась Лаврова.

— Позже, позже... — Корнилов нервно барабанил пальцами по столу, поджидая сотрудников.

Пришли Белянчиков и Бугаев, Лаврову увел конвоир.

...Дома он смерил температуру — тридцать девять. Мать заохала, засуетилась.

— Ничего, где наша не пропадала, — тихо пробормотал Игорь Васильевич и добавил, уже обращаясь к матери: — Перебьемся! Главное, мама, — сон. Сон все болезни лечит. Это доказано.

Он проглотил сразу две таблетки аспирина и, выпив бутылку боржоми, лег в постель. Телефон поставил на тумбочку в изголовье. Сладкое, полудремотное состояние охватило его, и, если бы не чугунная голова, в которой гулко пульсировала кровь, он посчитал бы себя

самым счастливым человеком на свете... Так он пролежал недолго. Может быть, около часа. Сон не приходил, начался озноб. Корнилов слышал, как осторожно, боясь потревожить его, ходила по квартире мать, прикладывая холодную руку ко лбу, шептала что-то.

И в это время зазвонил телефон. Далекий и тихий голос Белянчикова был спокоен, даже чересчур спокоен. Игорь Васильевич уловил в нем нотки хорошо спрятанной радости, даже торжества.

— Квартира на Ивановской оказалась пустой. Похоже, что хозяин оставил ее за несколько часов до нашего прихода, — докладывал Юрий Евгеньевич, и Корнилов удивился: чему ж тут радоваться? — Мы нашли отпечатки пальцев. Подняли на ноги работников дактилоскопии. И не зря. Это Нырок, товарищ подполковник!

«Нырок, Нырок. Сколько лет искали этого матерого убийцу! Думали, что и в живых нету, а вот вынырнул Федяша Кашлев, ходивший грабить еще нэпмачей! Арест — побег, арест — побег, сколько у него было этого, в уголовном розыске уже и со счету сбились. А десять последних лет — молчание, словно никогда и не было знаменитого Федяши Нырка».

— Какие меры к розыску? — спросил Корнилов.

— Всех подняли на ноги, Игорь Васильевич. Не уйдет от нас Федяша... Трубочный табак у него, между прочим, нашли... Бельгийский табачок, душистый. И пару трубок.

— Фото его в архиве есть... Срочно размножить! Да, пусть проверят ребята, не живут ли в городе те, кто проходил с Нырком по старым делам. Все.

Белянчиков повесил трубку и тут же позвонил снова.

— Игорь Васильевич, как твое самочувствие-то?

— Скверное, — проворчал Корнилов. — Температура вот подскочила. — Посмотрел на часы — было уже около трех.

Он снова лежал в тишине и старался думать о Кашлеве. Белянчиков не зря радуется — на такого зверя вышли. Ничего, что сразу не взяли, — это теперь дело техники, далеко уйти не мог. Но Федяша отходил на второй план, и опять мерещилась узкая тропинка и распростертое поперек тело жены.

Он очнулся от прикосновения. Кто-то положил ему руку на лоб. Не мать. Рука была маленькая, прохлад-

ная и чуть-чуть пахла духами. Потом эта же рука хозяйски легла на его руку.

«Врач, — догадался Корнилов. — Какая у нее ласковая рука».

— Вера Николаевна, — тихо, совсем тихо сказала врач. — Беспокоиться не надо. Теперь дело пойдет на поправку...

Игорь Васильевич открыл глаза. В комнате был полумрак, только несколько солнечных лучиков пробилось сквозь шторы, и один из них упал прямо на лицо доктора. Это была Оля. Такой он увидел ее вышедшую из леса на Валааме — большеглазую и удивительно нежную. Только сейчас лицо у нее было еще и озабоченным. Он хотел сказать ей: «Вы, как фея, появляетесь внезапно», — но испугался, что слова прозвучат банально, и только улыбнулся. И увидел, как преобразилось Олино лицо.

— Проснулись? — спросила она и села перед ним на стул. — Какие же вы, сыщики, слабенкие. Сквозняков боитесь.

— Боимся, — тихо сказал Корнилов. — Уколы делать будете? — спросил он, вспоминая разговор на острове. — И недели не прошло, как вы до меня добрались.

— Вот и ошиблись, Игорь Васильевич. Уже девятый день. — И покраснела, оглянувшись на мать.

10

Федор Кашлев долго стоял у двери. Прислушивался, не идет ли кто по лестнице. Но там было совсем тихо — ни шагов, ни хлопанья дверей. Проходили минуты, а он все не решался открыть дверь. Резко зазвонил телефон. Кашлев вздрогнул. Телефон звонил долго и надрывно, и, когда наконец замолк, Федор отворил дверь и выскользнул на лестницу. Дверь закрылась с легким щелчком, и он вздохнул с облегчением. Мертвый Хилков, краденые машины, слюнтяи-картежники — все это осталось там, за дверью, такое же мертвое и теперь уже никакого значения не имеющее для него, Федора Кашлева. Он стал медленно спускаться по лестнице, и на втором этаже его ждала первая неприятность. Из квартиры, расположенной под квартирой Хилкова, вышел мужчина с маленьким чемоданчиком. Он остано-

вился около дверей и мельком взглянул на Кашлева. Видно, кого-то поджидал. А на первом этаже Кашлеву попалась молоденькая почтальонша. Поставив огромную сумку у стены, она рассовывала газеты по ящикам.

«Вот принесла нелегкая!» — выругался Кашлев. Он вдруг почувствовал, что сердце вот-вот выскочит из груди. Он стал задыхаться, кружилась голова. Казалось, что уже не сделать больше ни одного шага. Ноги, его ноги, столько раз уносившие хозяина от беды, отказывались повиноваться ему. Скрипнув зубами, Кашлев все-таки сделал один шаг, другой. Десяток. Дальше, дальше от этого дома, он уже и так попался на глаза двоим!

Он не помнил, сколько прошел по Лиговке, когда все-таки остановился и прислонился к стене. Никогда еще ему не было так плохо. И от чего? Один выстрел и страх наследить. Выстрел, каких столько было в его жизни!

Какая-то девушка остановилась перед ним и о чем-то спросила. Кашлев слышал слова, но не мог понять их смысла. Девушка переспросила:

— Вам плохо? Может быть, вызвать «скорую»?

Теперь он наконец понял вопрос и, с ненавистью посмотрев на девчонку, грязно выругался. Девушка отпрянула, будто от удара, и пошла прочь, несколько раз оглянувшись.

Сердце наконец отпустило, и Кашлев побрел к Московскому вокзалу. Очередь на такси была небольшая. Приехав на Ивановскую, он по обыкновению попросил остановиться у гастронома. Расплатился, не торопясь зашел в магазин. Постоял в очереди за сосисками, купил яиц.

Придя домой, он понадежнее запер дверь. Зажарил яичницу, мелко накрошив туда сосисок и зеленого лука. Вынул из холодильника водку. «Если бы не этот дурак с чемоданом да не почтальонша, — подумал он с сожалением, — никаких бы следов! — Он еще раз дотошно вспомнил все, что делал в квартире Хилкова. — Нет. Не наследил. Ну и удивился же этот шоферюга, когда я позвонил к нему. Царствие ему небесное. И что было делать? После того как завалился дурак Кошмарик, в любую минуту могли выйти на Хилкова. А от Хилкова ко мне...»

Он подумал о том, что правильно поступил, имея дело только с Хилковым. Этот теперь не разговорится. Да и денег подкопил он много. Хвастался. «Ох, сволочь, — стукнул кулаком по столу Кашлев. Звякнула бутылка. — И куда он эти деньги спрятал? Говорил же, что дома держит, не на книжке! Так бы они мне сейчас кстати...»

Кашлев и самому себе не хотел признаться, что деньги, именно эти деньги привели его рано утром к Хилкову. Деньги. Ну могли арестовать Хилкова, могло всплыть автомобильное дело. Могло! Но ведь и без мокрого можно было слинять из города, уехать доживать свой век в теплые края, как и хотел он. И документы давно себе новые выправил. Но денег, денег маловато было пока. Хилковские десять — пятнадцать тысяч так бы к месту пришлись...

Он пил и чувствовал, как пьянеет, и все большая злость разбирала его на этого жмота Хилкова. Вот упрятал тугрики так упрятал.

Потом он, совсем захмелев, улегся в одежде на постель и проспал до позднего вечера. Проснулся с головной болью. И сердце стучало в груди гулко и надсадно. И непонятно, откуда подкралось чувство страха. Такое чувство, будто он совершил большую оплошность, но еще не знает какую.

«Завтра сматываюсь, — твердо решил Кашлев, с тревогой глядя в раскрытое окно, приглядываясь к редким прохожим. — Завтра, и не позднее. Хилкова хватятся не раньше завтрашнего вечера. На работе решат, что загулял. Да и девчонка его приучена к незапным отлучкам. Позвонит, позвонит и отстанет. А если у нее ключ от квартиры?»

Он вытащил из тайничка под плинтусом небольшой пакет в целлофане. Достал оттуда деньги, паспорт. Чуть потрепанный, но вполне приличный паспорт был выписан на имя Федора Федоровича Зайченко.

На фотографии он был безбородым и выглядел фертом. Вздернутый нос, нахальная усмешечка! Снимок был десятилетней давности. Кашлев вздохнул и спрятал паспорт в карман. Пересчитал деньги. Что ж, лет на пять хватит. А потом... Потом ему, наверное, уже ничего не будет нужно.

Деньги он засунул в бумажник и бросил его в че-

модан. Собрал и аккуратно уложил два костюма, купленные в валютном магазине, с удовольствием отметил: «Почти новые, еще носить и носить». Положил туда же несколько рубашек. Чемодан был небольшой, и Кашлев пожалел, что придется бросить столько добра.

Сложив чемодан, он пошел в ванную, снял рубашку и, подправив на ремне бритву, стал осторожно брить бороду, аккуратно смывая с тонкого лезвия волосы в раковину и снова и снова намыливая лицо пенным ароматным кремом. Сбрав бороду, он долго и пристально разглядывал себя в зеркало, неприятно пораженный тем, что совсем не похож на Федяшу Кашлева с маленькой фотографии в паспорте. Землистый цвет лица и особенно старческий морщинистый рот, вислые щеки... Совсем дряхлый старик. Его вдруг обожгла мысль о том, что еще несколько дней назад он чувствовал себя уверенно и хорошо. Что же произошло? Что изменилось в его судьбе? Застрелен Хилков. Надо опять скрываться. Но не так ли прошла вся его жизнь, и никогда он не боялся идти навстречу будущему... Будущему. Да, раньше было будущее, а теперь его нет. Он уже не сумеет подняться, не сумеет найти Хилковых и Кошмариков, туповатых, послушных шестерок, с которыми до поры до времени можно иметь дело. Ему просто не хватит времени.

Кашлев осторожно смыл волосы с раковины, тщательно протер пол в ванной, а тряпку выбросил в мусоропровод. Тому, кто придет в эту квартиру после него, совсем не обязательно знать, что у хозяина была бороды... Перед выходом из квартиры проверил наган. В нем еще осталось четыре патрона.

Ночь он провел в Рыбацком у старой дряхлой бабки, вдовы одного своего дружка, расстрелянного пятнадцать лет назад. Время от времени Кашлев привозил ей деньги. Не часто, от случая к случаю, но бабка помнила его и была благодарна.

Утром бабка съездила на вокзал и, отстояв несколько часов в очереди, взяла ему плацкартный билет до Симферополя. Она, наверно, надеялась, что Федяша и на этот раз подкинет ей четвертной, и смотрела на Кашлева преданно и заискивающе. Но он не дал ей ничего, кроме той мелочи, что осталась от покупки билета. Подумал: «Ничего, старая карга, обойдешься. Мне теперь и самому экономить надо».

Он приехал на вокзал за пять минут до отправления — только-только добраться до тринадцатого вагона. И сразу же почувствовал опасность. Было больше, чем обычно, милиции. Он прибавил шагу, стараясь скорее добраться до спасительного вагона. Торопясь, сунул проводнице билет. Оставалась одна минута до отхода поезда. Проходя из тамбура в вагон, он заметил боковым зрением, что какой-то мужчина взялся за поручни. Кашлев подошел к своему месту и остановился, пережидая, когда тучная пожилая женщина засунет свои вещи под лавку. Поезд тронулся. И в это время с обоих концов вагона двинулись к нему мужчины. Один был совсем молоденький, светловолосый, в голубой тенниске. Лицо у него было сосредоточенным. Второй был постарше, в светлом костюме. Он шел беззаботно, спокойно, словно возвращался в свое купе, но Кашлев чувствовал, знал, что он идет к нему. И, поставив на пол чемодан, он сунул руку в карман, быстро выхватив наган, приставил его к виску. Дико взвизгнула женщина. В последние секунды подумав, что избавится сейчас от долгих, нудных допросов, очных ставок, от своего прошлого, старик Кашлев прошептал злобно: «Ну что, взяли?»

Накануне своего отъезда из Ленинграда Власов зашел к Белянчикову и просидел у него полдня, выспрашивая подробности поисков угнанных машин.

— Знаете, как они называли кражи автомашин? — спросил Юрий Евгеньевич. — «Операция «Инфаркт». — Он протянул Власову листок бумаги. Это были показания подследственного Лыткина: «...В разговоре, смеясь, Хилков и Николаев спросили меня: «Ты знаешь, как эта операция называется?» Я ответил отрицательно. Тогда они мне сказали: «Инфаркт». Я спросил почему, а они объясняли мне, что, когда хозяин узнает о краже своей автомашины, его инфаркт хватает...»

— И между прочим, у двоих был инфаркт, — грустно сказал Белянчиков. — Сейчас следствием окончательно установлено: они семнадцать машин украли. Двенадцать продали, а пять бросили. Из-за трусости. Вы, может, думаете про них — волевые люди, рыцари плаща и кинжала? Нет. Обыкновенные трусливые стяжатели...

Власову уже рассказали о том, что Федяша Нырок застрелился в вагоне поезда из того же нагана, из которого убил Хилкова. В кармане у Нырка нашли билет до Симферополя, а в чемодане сорок тысяч рублей.

— Константин Николаевич, звонил подполковник, просил передать, если будет желание встретиться — он дома. Завтра в отпуск уезжает.

Корнилов встретил Константина Николаевича радужно. Извинился за пижаму.

— Вы знаете, решил перед отъездом приборочку сделать. Хожу уже как курортник...

Они сели в большие потертые кожаные кресла у окна. Корнилов выглядел чуть похудевшим, но отдохнувшим. Не было мешков под глазами.

— Ну, что, Константин Николаевич, вы теперь лучше меня последнее дело знаете? И угораздило же меня в самое горячее время гриппом заболеть! Это ж надо! Какая дикость — живем, можно сказать, в конце двадцатого века, а какой-то грипп одолеть не можем.

— Игорь Васильевич, мне Белянчиков действительно все в подробностях рассказал. Скажите только, как вы определили, что убийца курил трубку?

— Спички... Обгорелые спички... — Корнилов вытащил из кармана пижамы коробок, зажег спичку. — Вы трубку курили?

— Было дело, баловался.

— И я баловался. Так ведь пока ее, проклятую, раскуришь, спичка тебе пальцы обожжет. Да и не всегда с одной спички раскочегаришь. У меня, например, не получалось... — Он дунул на спичку и показал Власову: — Видите? Почти вся сгорела.

Потом он открыл дверцу старинного книжного шкафа, достал толстую папку. Полистал, протянул Власову.

— О Кашлеве еще в двадцать третьем году первое упоминание появляется. Почитайте.

Власов взял папку и прочитал пожелтевший листок:

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Ликвидировав в основном уголовный и политический бандитизм на Украине, Особая ударная группа по б/б имеет целый ряд сведений, что в г. Киеве имеется очень опасная организованная банда, которая причиняет боль-

шой вред нашей стране. Более ста человек этой банды наводнили Советскую республику фальшивыми деньгами разных достоинств и инвалютой. Деньги фабрикуются даже за границей и привозятся в СССР. Во главе этой банды аферистов-налетчиков находятся братья Паршины и бывший сотрудник киевской милиции Панаретов.

Я считаю необходимым специально выделить группу для ликвидации этой крупной шайки. Надо действовать очень осторожно и конспиративно...

Нач. Особой ударной группы В. Мартынов
15/VII-23.

— Этот Панаретов и есть Нырок?

— Ну что вы, — усмехнулся Корнилов. — Нет, конечно. Но к делу-то в этой банде приобщался. У него тоже учителя опытные были. Вы дальше полистайте. Там исповедь Панаретова. Любопытная, скажу вам, штука... Ну да это другой разговор. Важно, что в этом признании упоминается Федяша...

Власов перевернул страницу. Расплывающимися, выцветшими чернилами было написано: «Исповедь бандита».

— Вы раскройте там, где заложено, — сказал Корнилов.

Власов раскрыл на закладке и стал читать.

«Весной 1923 года я переехал из Киева в г. Москву. В Москве, по Мыльникову переулку мной, Виктором Филиным, Бенчиком Киевским и Петецким Михаилом был совершен налет на квартиру гражданина Кашлева. Подвод на это дело давал младший брат Кашлева, Федяша. Последний дал точные сведения, где находятся ценности и деньги. В квартире спрятанными в различных тайниках, как-то: на буфете, в электрических лампочках, в картинах, в диване и проч. местах, находилась сумма до 300 тысяч рублей золотом. Был дан точный план квартиры и сведения, что в квартиру впускают с трудом. Ехали на извозчиках. Были вооружены. По плану я и Бенчик Киевский должны были занять квартиру живущего там же генерала Куколь-Краевского. Мы купили корзину цветов, переодели подходящим образом Петецкого Михаила и пустили его первым с тем, чтобы остальным зайти в тот момент, когда откроют дверь. Прислуга открыла на цепочку, увидела цветы и открыла дверь совершенно. Вошел Петецкий, а за ним стали входить и мы. Всех присутствующих и приходящих со-

брали в одной комнате, и при них находился я. Обращение было корректное, и мы старались, чтобы потерпевшие не волновались. Так, я читал с генералом французскую книгу и рассказал ему, что я тоже офицер, а он все спрашивал мою фамилию, на что я отвечал, что при подобных обстоятельствах официально не знакомятся. Петецкий находился у парадных дверей, а остальные искали ценности. В квартире были недолго. Я был в гриме, остальные в платочках. По окончании налета отправили Филина и Бенчика с ценностями в гостиницу, где сняли для дележа особый номер. В общем, на долю каждого вышло приблизительно по 1600 червонцев. Доли получили я, Виктор Филин, Бенчик Киевский, Петецкий Михаил и полдоли Федяша Кашлев. Федяша предлагал также пойти с налетом на Маросейку, где лежали деньги отца... Но мы отказались. Это могло вызвать подозрение».

Власов оторвался от бумаг и вопросительно посмотрел на Корнилова.

— Неужели это тот самый Федяша?

— Ну конечно, — кивнул Игорь Васильевич. — Фамилии менял много раз, а имя оставлял. Было ему в ту пору шестнадцать...

— Значит, сейчас почти семьдесят? — удивленно pokrutil головой Власов. — Ну и ну...

— Честно говоря, я думал, люди к старости мудреют... А тут — до таких лет дожил бандитом. Значит, ничего в жизни не понял.

Корнилов рассмеялся:

— Ну, знаете, это как сказать... Не понял! А может быть, понял, да не то, что надо?

Власов опять уткнулся в бумаги.

«...В деле Швейсиндиката также участвовал, печатая документы, и должен был получить определенное количество процента, указывать подробности этого дела считаю излишним, т. к. полное показание уже дали непосредственные участники: Виктор Филин, Петецкий и другие. Знаю, что товар на сумму до 7000 черв. был уже запакован, и провал произошел в то время, когда были поданы подводы для вывоза этого товара со склада. Слышал, что наводчиком по этому делу был Каменко.

7 мая мы должны были получить товар из Швейсиндиката, формальности все соблюдены, и никто не мог думать о провале. Утром я приехал в город, приблизи-

тельно в середине дня подошел к рундуку Неходова с тем, чтобы узнать, как обстоит дело с получением товара. Неходов был чрезвычайно расстроен и сказал мне, что в Швейсиндикате только что арестовали Филина, Петецкого и Кашлева-старшего. Что он сам видел, как их посадили в автомобиль. Я и Киевский Бенчик поехали в гостиницу «Балчуг», чтобы предупредить остальных, и встретили их выходящими с вещами. С ними был Федяша Кашлев. Отсюда поехали к Триумфальным воротам, я и Федяша зашли на квартиру Кашлевых, чтобы забрать вещи и уехать с этой квартиры. На столе нашли записку Кашлева-старшего, что он только что был. Никак не могли понять, каким образом он мог бежать, и боялись провокации. С Федяшей отправился на квартиру в Останкино. Федяша Кашлев остался на улице, я пошел в квартиру. Мне открыли дверь, и я увидел, что сзади прислуги стоит милиционер. Сколько было человек в коридоре, я в первый момент не разобрал. Кинулся на улицу, но увидел, что Федяша уже убежал, я остался один и за мной выскочили из квартиры. Рассчитал, что убежать днем под выстрелами в нескольких шагах бесполезно, отстреливаться из имеющегося у меня маленького револьвера, который я ни разу не пробовал, глупо, и решил искать какой-нибудь другой путь. Выбросил из кармана в сторону револьвер и принял вид невинного человека, случайно попавшего в эту квартиру. Постепенно расположил к себе агентов, уверив их, что я совершенно невинное лицо, а сам захватил из буфета соли, а из печки золы, перетер это все в порошок. Случилось так, как я и рассчитал: меня держали до вечера в засаде, и один из агентов повез на извозчике в Центрозыск. Перед выходом он зарядил маленький маузер и все время держал его наготове в руке. Я рассчитал, что если я прямо спрыгну с извозчика, хотя бы и успев засыпать ему глаза, то все равно он раньше успеет выстрелить и в лучшем случае в упор ранит меня, и я не смогу бежать, а потому, выбрав темный переулок, левой рукой бросил ему в глаза золу с солью, а правой схватил за руку. В этот момент раздался выстрел, и пуля обожгла мне только щеку. Агент успел вырвать руку и выстрелил вторично, но я опять-таки оттолкнул его руку и сбросил с извозчика, но вместе с ним упал и сам, т. к. он все-таки успел схватить меня другой рукой. На земле он еще успел выстрелить в меня,

после чего я уже захватил в руки дуло и собачку и не дал возможности стрелять. Борясь со мной, агент стал кричать о помощи, сбежалась толпа, и меня препроводили в Центрозыск. Федяшу я больше не видел и о его местонахождении ничего не знаю.

Вдумайтесь в мою жизнь и психику и поймете, что если я выбираю дорогу, то твердо иду по ней и ничто меня не сдвинет, пока я не передумаю, не перерожусь. Сейчас крайне трудно писать о внутреннем переживании: мысль нельзя просмотреть в микроскоп, и Вы вполне правы, если не будете верить».

Константин Николаевич захлопнул папку.

Корнилов спросил:

— Ну что, есть над чем подумать?

Власов кивнул:

— Занимательная штука...

Корнилов вздохнул, сказал с сомнением:

— Занимательная-то она занимательная... Да вот на горькие мысли наводит. Вон откуда ниточка-то тянется! С каких пор! Федяшу Кашлева Панаретов с Бенчиком Киевским приобщили к грабегам с молодых ногтей, как говорится. Ну да что теперь сожалеть... — вздохнул он. — Главное, что Федяша Кашлев обезврежен. Ему ведь все равно деться было некуда — под расстрел пошел бы. Но, знаете, Константин Николаевич, сделано только полдела... — И, заметив, что Власов собирается возразить, повторил: — Полдела. Уж вы мне поверьте. Картежники эти чертовы остались. — Корнилов быстро вскочил с кресла и заходил по комнате. Высокий, чуть сутулый, он смешно выглядел в своей полосатой пижаме.

— На какие деньги они играют? — он вдруг осекся, словно споткнулся, и снова сел, отчужденно взглянув на Власова. — Да, да. На какие деньги? — повторил он уже медленно. — У них ведь не по копеечке ставка! Тысячи проигрывают за пару часов... А все эти люди, что машины ворованные покупали? Вы скажете — не все знали, что автомобили ворованные. Согласен. Но большинство-то догадывались, что дело нечистое.

А вы знаете, сколько они Угоеву-старшему за «Волгу» платили? Десять — двенадцать тысяч! А поинтересуйтесь, какая у них у всех зарплата?

— У меня вопрос, собственно, только один: ну а уголовный розыск-то что? — сказал Власов. Он уже знал,

что ответит ему сейчас Корнилов. И заранее был согласен с этим ответом, но все-таки задал вопрос.

— Я бы засучив рукава взялся за барыг и приобретателей, — зло сказал Корнилов. — Мое глубокое убеждение — не будь растлевающего влияния этих рептилий стяжательства, меньше бы работы у нас было, у розыска уголовного. Но не хватает нас на все... И на Федяшу Кашлева, и на Кошмарика, и на картежников... Возьмите любое уголовное дело и повнимательнее присмотритесь к тем, кто попадет в поле вашего зрения: вы всегда сможете провести черту, которая отделит преступников — тех, кого по нашим законам надо сажать в тюрьму, содержать в колонии и даже расстреливать, — от остальной шатии-братии, от тех, кто не подпадает под статью уголовного кодекса. И вы думаете, они менее опасны? Нет, нет и нет! Они — это та среда, в которой выросли преступники. Они — это пьянь, хапуги, картежники, скрытые тунеядцы, не преступившие роковой черты. Пока не преступившие! За каждым уголовным делом всегда тянется шлейф. И этот шлейф — боль и забота каждого. И журналистов в первую очередь. Константин Николаевич, ну возьмитесь вы за них! Не о том, как убийцу искали, напишите, об этом писать легко — про тех напишите, до кого мы еще не добрались, про тех, кто за чертой остался. Напишите! Вот проблема! Я вам все материалы дам. — Корнилов смотрел чуть ли не умоляюще.

— Напишу, — серьезно сказал Власов и поднялся. — Обязательно напишу. А сейчас мне пора. Завтра чуть свет покачу на своей старушке в Таллин. У меня еще две недели отпуска...

— И я завтра в отпуск, — мечтательно произнес Корнилов, крепко пожимая ему руку. — Погрею свои старые кости, покупаюсь.

— Я в командировку еще к вам приеду, — сказал Власов. — Но только, чур, не морочьте мне голову про скучные дела и бухгалтерию. Вон на кого ваша бухгалтерия навела!

Корнилов засмеялся. Подумал грустно: «Еще неизвестно, на каком посту ты меня застанешь, товарищ Власов».

— Вы теперь у нас человек свой. Валерия Фомича так запугали, что бедняга сам прибежал садиться.

Он закрыл за Власовым дверь, прошелся по комнатам.

«Ну что ж, надо собирать чемодан, — подумал Корнилов. — Утром возиться некогда».

Несколько раз звонил телефон.

Селиванов, спросив про здоровье, сказал:

— Генерал вызывал. Просил передать, чтобы ты отдыхал спокойно. Не терзал себя из-за этой истории. — Он кашлянул и, словно нехотя, выговорил: — Ну из-за брата. Приедешь, зайдем вместе к шефу, спокойненько все обсудим...

«Спокойненько! Что-то голос у тебя, дружище, невеселый», — подумал с горечью Корнилов.

Белянчиков, вернувшись из Сочи, куда ездил со следователем Красиковым допрашивать свидетелей по делу, доложил, что все в порядке.

— Ты мне голову не морочь своими уголовниками, — сказал Игорь Васильевич. — Я отпускник. По мне курорт скучает. А про уголовников ты шефу докладывай. Ты мне доложи, как погода.

Белянчиков засмеялся:

— Погода такая, что в море легко свариться. Ты, Игорь Васильевич, не забудь вернуться из отпуска. А то мало ли... Какая-нибудь закадрит. Правда, Минводы не Сочи, там все больше бабушки...

— Вас забудешь, — усмехнулся Корнилов. — Все мечтаю подальше забраться, где телеграфа нет... Да, кстати, Белянчиков. У меня к тебе просьба. Я тут одного парня на ГОМЗ договорился устроить. В колонии ноги потерял. Рымарев Алексей Федосеевич. Шестьдесят шестой цех. Ты запиши его адрес и организуй переезд. Чего ему ждать, пока я вернусь. И чтоб с общежитием все в порядке было и с прочими благостями.

— Есть, товарищ подполковник. Все будет сделано. Отдыхайте спокойно.

Корнилов положил в чемодан две толстые тетрадки в черных коленкоровых переплетах. Одна наполовину исписанная, с беглыми, на скорую руку заметками, другая чистая. Первую Корнилов уже брал с собой в отпуск. Все хотелось свести в небольшую книжечку наблюдений за несовершеннолетними преступниками. Но работа продвигалась медленно. «Может, на этот раз ослота», — подумал Игорь Васильевич.

Корнилов уже хотел закрыть чемодан, как раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Иннокентий.

— Не ожидал?

Игорь Васильевич молча посторонился, пропустил его в квартиру.

— Ну, здравствуй, — сказал Иннокентий, но руки не подал.

— Здравствуй, — Игорь Васильевич с недоумением смотрел на брата.

Они прошли в гостиную. Иннокентий сел в кресло и огляделся. Корнилов обратил внимание, что брат располнел. Лицо у него было загорелое. Коричневым, въедливым загаром, как могут загореть только селяне, никогда не загорающие специально, но много бывающие на воздухе.

Заметив раскрытый чемодан, Иннокентий сказал:

— В отпуск едешь? Слышал, слышал. Земля слухом полнится. А где мать?

Игорь Васильевич, стараясь быть спокойным, ответил:

— Мать в другом месте.

— Другое место — больница? — жестко бросил Иннокентий. — Этого ты добивался, забирая мать к себе. Хотел показать себя чистеньким, любящим сыночком? — Он распалялся, и голос его из чуть хриповатого превратился в резкий, крикливый. — Думаешь, я матери добра не желаю? Думаешь, отправили на остров, чтобы от старухи избавиться? Ради нее все и сделали, по ее доброй воле. Она там ни разу не болела. Я справлялся. А к тебе приехала — сразу слегла. Я и про это знаю. А теперь в больницу. Снова все по-старому.

Игорь Васильевич сцепил руки на груди и только твердил себе: «Держись, держись».

— Я знаю, — продолжал Иннокентий, — ты ее и взял-то только потому, что боялся людских пересудов. Да, может, еще для того, чтобы она тебе здесь готовила да рубахи стирала, пока ты своих уголовников ловишь...

Он все кричал и кричал, а Игорь Васильевич подумал: «Это он все потому говорит, что ему стыдно. Просто стыдно. И какой он ни заскорузлый душой, а почувствовал, что совершил подлость, и теперь кричит. И узнавал, наверно, у соседей, как здесь мы живем, Тайком приезжал и узнавал...»

— Что молчишь? — крикнул Иннокентий.

— Тебя слушаю, — ответил тихо Игорь Васильевич. — Ты тут столько наговорил мне... — Он помедлил немного и добавил: — Ты не ради матери приехал. Ради себя. Тебе хочется узнать, что матери плохо здесь...

— Ты, ты... — начал Иннокентий, но Игорь Васильевич не дал ему договорить.

— Эх, неужели ты сам не понимаешь? — сказал Корнилов с горечью. — Неужели ты только за тем и приехал, чтобы все это высказать?

— А ты думаешь, чтобы пожать твою мужественную руку? Как же, товарищ подполковник едет в отпуск. Почет и уважение! Он честно выполняет свой долг перед Родиной. А его младший брат раскаялся во всех грехах и приехал просить прощения за то, что получил от него пощечину... Ты только говоришь всегда так красиво — «мы воспитываем нового человека». А делаешь все для показухи. И мать для показухи с Валаама привез!

— Эх ты, младший брат, что с тобой стало? Глаза б мои на тебя не смотрели. Тоже мне игрок! — Игорь Васильевич сжал кулаки и шагнул к Иннокентию. Тот дернулся и в испуге вытянул руку, словно хотел прикрыться от удара.

— Вот что я тебе скажу напоследок. Мать не больна. И не в больнице, а в семье моих друзей. Пока я в отпуске... И болела она по приезду только гриппом. Да и то три дня. Не могу я утешить тебя, не могу твою совесть успокоить. А теперь можешь двигать к своей Татьяне... И торговать в свободное время свежими овощами. Чтобы потом в картишки с подонками сразиться или «Москвич» на «Волгу» поменять. Мне же сказать больше нечего. — Игорь Васильевич отвернулся от Иннокентия, подошел к окну.

За темной Невой, подсвеченная желтыми прожекторами, четко рисовалась решетка Летнего сада. По набережной бежали редкие автомашины. Город отходил ко сну.

Игорь Васильевич слышал, как поднялся с кресла брат, постоял, потом, тяжело шагая, прошел в переднюю одеваться. Открыл дверь на лестницу, вернулся, остановился в дверях, словно хотел что-то сказать, но не сказал. Хлопнула входная дверь. Корнилов все стоял и стоял у окна.

Игорь Васильевич посмотрел на часы. Одиннадцать. Самолет на Минеральные Воды улетал в два, но добраться до аэродрома было довольно долго. Да и вообще в те редкие моменты, когда никуда не надо было торопиться, никого не гребовалось опережать, Корнилов любил расслабиться, делать все не торопясь, с удовольствием ощущая отрешенность от служебной суеты.

«Ну что ж, пора, — решил Игорь Васильевич, — пора ехать». Он по старой привычке присел на диван, подумал в который раз, все ли взял с собой. «Кажется, все, что может потребоваться человеку в отпуске».

Уже закрыв дверь в квартиру, он заметил, что в почтовом ящике есть письмо. «Дороги не будет», — подумал Корнилов, но все-таки вернулся за ключом и вытащил письмо. Конверт был самодельный, помятый. Игорь Васильевич взглянул на обратный адрес. Там стояло: «Карельская АССР, остров Валаам...»

«Опять Лешка пишет... Наверное, с острова это письмо уже последнее. — Корнилов спрятал его в карман, не распечатывая. — В дороге почитаю».

На улице стоял яркий солнечный день. Все утро шел дождь, и воздух был чистым и свежим. Еле заметная дымка стояла над разогретым асфальтом. «От какой погоды уезжаю, — с сожалением подумал Корнилов. — Ребята в воскресенье наверняка на рыбалку подадутся. На Карельский... А я пить «эссендуки» семнадцатый номер... Эх!»

Подъехало такси. Новая «Волга» блекло-зеленого цвета. Корнилов посмотрел на номер и усмехнулся. 96-50 ЛЕГ. Из того парка, в котором работал Хилков со своей бандой.

— Приезжий? — спросил шофер, немолодой дядя в кожаной курточке. Видать, обратил внимание на то, что Корнилов все время смотрит по сторонам, словно видит город впервые.

— Отъезжий, — усмехнулся Игорь Васильевич. — В отпуск решил вот съездить. Минеральной водички попить, «эссендуков».

— Тьфу, гадость, — сморщился шофер. — Ну, раз врачи приговорили...

Машина описала дугу, огибая Исаакий. У «Астории», поблескивая на солнце, выстроилась шеренга красивых финских автобусов. Около них толпились туристы.

У аэровокзала Корнилов расплатился с таксистом.

— До аэродрома автобусом? — спросил тот, отсчитывая сдачу.

— Угу, — отозвался Игорь Васильевич.

— Да, конечно, — согласился шофер, — если нет дурных денег, чего на такси гонять. Экспрессом почти то же время... Счастливого полечиться.

И, уже отъезжая, шофер высунулся из машины и крикнул:

— Вы пить «эссенуки»-то будете, закусывать не забывайте, — и весело рассмеялся своей шутке.

1974 г.

ВЫСТРЕЛ В ОРЕЛЬНОЙ ГРИВЕ

Повесть

Утром к подполковнику Корнилову зашел старший инспектор уголовного розыска капитан Белянчиков. Сел молча и пробарабанил пальцами по облезлой коже кресла какую-то затейливую, ему одному известную мелодию. Корнилов мельком взглянул на капитана и понял, что у него есть новости. Игорь Васильевич уже давно научился безошибочно определять состояние своего ближайшего помощника: Белянчикова всегда глаза выдавали. Пристальный, иногда до неприятности пристальный его взгляд становился в таких случаях чуточку рассеянным.

— Сиди, сиди, — пробормотал Игорь Васильевич, — может быть, что и высидишь. Только не повышение по службе... — и уткнулся в свои бумаги.

— Вы, товарищ подполковник, всё доклады пишете? — не выдержал наконец Белянчиков. — И опять о профилактической работе среди подрастающего поколения? А настоящих преступников за вас будут ловить учителя географии? — Он сделал паузу. — Таких, например, как Санпан...

Корнилов резко вскинул голову.

— Что Санпан? Задержан?

— Задержан? — пожал плечами Белянчиков. — Да разве это возможно, когда уголовный розыск профилактикой занимается?

— Да что ты заладил: профилактика, профилакти-

ка! — вспыхнул Корнилов. — Всю душу вымотал. Что про Санпана известно?

Санпан — Александр Панкратьевич Полевой, опасный вор — два года тому назад при попытке ограбить квартиру убил старика. В квартире нашли отпечатки его пальцев да финку с наборной ручкой. Ее потом опознали два Санпановых «приятеля» по прежним делам. Но самого Полевого задержать не удалось. Всесоюзный розыск объявили, а не нашли.

Белянчиков привстал с кресла и, облокотившись на стол, быстро сказал:

— Только что звонил Белозеров из Луги. Санпан живет на Мшинской.

— Взяли?

— Нет. Его опознал по расклеенной на вокзалах фотографии рабочий лесхоза. Сегодня рано утром этот рабочий приезжал в Лугу, приходил в отдел...

Корнилов встал из-за стола, сгреб все бумаги и, открыв сейф, небрежно свалил их в кучу. Достал пистолет.

— Сам поедешь? — спросил Белянчиков, хотя ему и так все было ясно.

— Ты готов? — Игорь Васильевич подошел к столу и стал набирать номер телефона.

Белянчиков кивнул:

— Углев за баранкой...

Углев был лучшим водителем управления.

— Михаил Иванович, Корнилов докладывает, — сказал Игорь Васильевич в трубку. — Александр Полевой под Лугой объявился... Нет, нет, никаких чепе. Его рабочий лесхоза опознал. Разрешите мне выехать. Я его проворонил, мне его и задерживать... Что?... К черту!

Корнилов нажал на рычаг и снова набрал номер.

— Мама, к ужину не жди. Буду, наверное, поздно.

Он надел пальто, сунул в карманы пачку сигарет.

— Ты, Юра, за недооценку профилактической работы с подростками, наверное, еще один выговор получишь, — пообещал Игорь Васильевич Белянчикову. — Но то, что Углев с нами поедет, — это хорошо. Душевный ты человек!..

Когда машина отъехала от управления и Углев, молодой широкоплечий парень с флегматичным лицом, перестал ворчать на то, что опять как на пожар, а дорога скользкая и шипованной резины не допросишься, Корнилов сказал:

— Юрий Евгеньевич, давай подробности!

— Да какие подробности, Игорь Васильевич? — удивился Белянчиков. — Я тебе почти все уже доложил.

Корнилов нетерпеливо дернул головой.

— Живет Санпан в пятнадцати километрах от станции. Деревня домов пять. Владычкино, что ли...

— Память сдавать стала?

— Владычкино. Живет у какой-то женщины. Я не стал Белозерова подробно расспрашивать, — сказал Белянчиков. — Тут время дорого.

— Да, конечно, — согласился Корнилов. — А морочить мне голову у тебя время нашлось. Не вспугнут они там Полевого?

— Нет, это исключено. Белозеров будет ждать нас на Мшинской с тремя сотрудниками...

Заметив недоуменный взгляд подполковника, Белянчиков пояснил:

— На станции-то надо будет своих оставить? На всякий случай.

— Эх, не ушел бы! — вздохнул Игорь Васильевич, посмотрев в окно. На улице мела метель.

— В Луге тоже снег, — сказал Белянчиков. — А из Владычкина уйти только к станции можно. К Мшинской. Там, Белозеров говорит, леса, как тайга.

Они помолчали. Потом Белянчиков спросил:

— Ты не замерзнешь в своем драпе? Ехать-то часа три, не меньше.

Сам он щеголял в новенькой дубленке.

...До Мшинской они доехали за два часа. Свернули с шоссе. Машина шла, натужно гудя, по заснеженной пустынной Вокзальной улице, и Белянчиков вглядывался в номера домов, разыскивал тридцать седьмой — в этом доме жил участковый. Там и должен был ожидать их Белозеров. Дома в поселке были большие, многие свежерубленые, еще не отделанные вагонкой. Корнилов подивился маленьким, подслеповатым окошам. «В таких домиках да окна бы большие, чтоб свет да простор», — подумал он.

Дом участкового инспектора был старый, потемневший, какой-то уж совсем неприютный. Перед ним ни деревьев, ни кустов, ни даже палисадника. «Временный жилец товарищ участковый, — решил Корнилов, вылезая из машины. — Небось в сторону города смотрит». Ноги у него одеревенели от холода и неподвижности и

плохо слушались, все время съезжали с узкой тропинки в сугроб.

— Где же они машину поставили? — Удивился Белянчиков, оглядываясь вокруг.

— Да, может, он и не приехал еще, твой Белозеров, — сказал Корнилов. В управлении всем было известно, что Белянчиков с Белозеровым вместе учились в университете и были большими друзьями.

— Наш Белозеров, — нажимая на «наш», ответил Белянчиков, — не мог не приехать, товарищ подполковник. А машину, наверное, где-нибудь в гараже поставили. Чтoб не маячила тут...

В доме их заметили. Со скрипом открылась дверь, и на покосившемся крыльце появился в клубах морозного пара Белозеров — широкоплечий, краснолицый, с озабоченным лицом. Корнилов знал его несколько лет и привык всегда видеть с доброй улыбкой. «Уж не сбежали Санпан?» — подумал он.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — Белозеров молодцевато подтянул начинающий уже расти живот.

— Здравствуйте, Белозеров! Что тут у вас случилось? — спросил Игорь Васильевич, пожимая ему руку.

— Чепе, товарищ подполковник. — Он раскрыл двери в дом, пропустил Корнилова и Белянчикова в сени. В сенях пахло кислой капустой, хлебом. У дверей в комнату стоял молодой парень в лейтенантской форме.

— Участковый Рыскалов! — громко, волнуясь, отрапортовал он, приложив руку к козырьку.

Корнилов кивнул ему и прошел в комнату к большому дощатому, чисто выскобленному столу. Отодвинул стул, сел на него и, сняв шапку, поискал глазами, куда бы ее положить. Комната была просторная, оклеенная простенькими, в голубой цветочек, обоями. Кроме стола, в углу стоял большой комод, божница над ним, старая ножная зингеровская машина под кружевной накидкой. На нее Игорь Васильевич и положил свою шапку. Белянчиков сел рядом, распахнув дубленку. Белозеров остановился перед Корниловым, а участковый так и остался в дверях.

— Ну что, капитан, — сказал Корнилов скучным голосом, — докладывай, какое у тебя чепе.

— Такая история, товарищ подполковник: в полуго-

ра километрах от Владычкина, — он на секунду замялся. — Это где Санпан живет...

— Ну, ну... — заторопил его Корнилов.

— ...На тропке, что со станции ведет, сегодня утром владычкинские бабы убитого нашли, — продолжал Белозеров. — Утром, еще в темках, к поезду шли и наткнулись. Лыжник. Уже и снегом подзамело.

За спиной у Корнилова кто-то кашлянул. «Кого это я тут не приметил еще?» — подумал он, оборачиваясь.

Рядом с окном, утонув в глубоком кресле, сидела старуха в черном платке и вязала, не обращая на них никакого внимания. «Что это я старуху не заметил? — подсадовал Корнилов. — Сыщиком называюсь!»

Перехватив взгляд подполковника, Белозеров сказал:

— Это хозяйка, товарищ подполковник. У нее участковый комнату снимает. Он ведь у нас совсем новый. Третий месяц, как застунил... А старуха глухая, вы на нее внимания не обращайтесь.

— Порядочки! — проворчал Корнилов и посмотрел на участкового. Тот густо покраснел и даже голову наклонил, как провинившийся школьник.

«Ни на какой город он, оказывается, не смотрит, — решил Корнилов. — Новичок. Еще успеет обзавестись собственным домом».

— Садитесь, лейтенант. И вы, Александр Григорьевич, чего стоите!

— Лейтенант там побывал. На месте происшествия, — доложил Белозеров, усаживаясь на стул. Стул закрипел под его грузным телом.

— Пусть он и рассказывает.

— Давай, Рыскалов, — кивнул Белозеров участковому, — доложи все, что видел!

— Следователя из прокуратуры вызвали? — перебил Корнилов.

— Он уже там. С двумя нашими сотрудниками, — ответил Белозеров. И добавил озабоченно: — Да и нам бы надо ехать. До Пехенца на «газике», а там пешком доберемся... «Газик» сейчас вернуться должен.

Сбиваясь и все время краснея, начал рассказывать лейтенант. Корнилов сразу уловил, что участковый не такой уж беспомощный, каким показался с первого взгляда. У него был, судя по рассказу, внимательный взгляд и цепкая память.

...Сегодня утром две женщины шли из Владычкина к

поезду и наткнулись на занесенного снегом мужчину. Подумали сначала, что замерз какой-то пьянчуга. Растегнули на груди куртку и увидели пропитанный кровью свитер. Во Владычкино возвращаться женщины не стали, пошли в Пехенец. А там уже с почты разыскали по телефону участкового. Лейтенант позвонил в райотдел, а сам успел съездить к убитому, оставил дежурить около трупа дружинников.

Корнилов слушал внимательно, не перебивая, только один раз нетерпеливо спросил:

— Ну, а Санпан-то, Санпан?

— Товарищ Корнилов, Санпан сейчас во Владычкине. Пьет. Мы установили наблюдение.

— Наблюдение — дело хорошее, — с сомнением сказал Корнилов. — Да только два года назад мы даже дом окружили — мыши не проскочить, а Санпан ушел.

— Он пьет, товарищ подполковник, — вставил Белозеров, с каким-то особым значением нажимая на слово «пьет».

— С кем пьет-то?

— Один.

— Ну ладно, — махнул рукой Корнилов. — Рассказывайте дальше... Что удалось установить? Чем убит?

— Рана огнестрельная.

«Ну вот, одно к одному! — забеспокоился Корнилов. — У Санпана должен быть пистолет».

— Никаких документов у убитого не нашли, — продолжал участковый. — В нейлоновой куртке железнодорожный билет Ленинград — Мшинская, несколько автобусных и трамвайных билетов, сто тридцать рублей денег. А в небольшом вещмешке бутылка армянского коньяка, две банки шпрот, коробка конфет.

— Странная поклажа, — сказал Корнилов. — В глухую деревню с бутылкой коньяка не всякий гость поедет...

— Да, он не местный, товарищ подполковник. Интеллигентный человек...

— Это вы по коньяку определили? — с ехидцей поинтересовался все время молчавший Белянчиков.

Лейтенант стучевался:

— Нет, не только в коньяке дело... Лицо у него... Ну да не берусь объяснить. Может быть, мне так показалось.

В это время на улице просигналила машина. Белозеров встрепенулся:

— Наш «газик». Может, поедем, товарищ подполковник?

— Поедем. — Корнилов встал. Взял со швейной машины шапку. — Только поедем во Владычкино. Санпана братъ. Подробности обсудим в машине. А потом на место происшествия...

— В лесу ждут, — нерешительно сказал капитан.

— И Санпан ждет? — раздражаясь, спросил Корнилов. — Вы что, думаете, нас по головке погладят, если он опять уйдет? Да еще что-нибудь натворит?

Белянчиков нахлобучил Белозерову шапку и подтолкнул к дверям. Они молча вышли, провожаемые любопытным взглядом поднявшей голову от своего вязанья старухи. Молча сели в «газик». И только после того как Белозеров коротко бросил шоферу: «Во Владычкино», Корнилов спросил:

— А чего это убитый по лесу шел? Дорога-то на Владычкино есть?

— Есть, товарищ подполковник, — ответил участковый. — Но она кругаля дает, а по тропке ближе, прямее.

— Значит, лыжник места знал?

— Наверное, знал, — согласился участковый, — или спросил у кого на станции. Тропинка глухая. По ней из чужих редко кто ходит. Зимой снегом сильно заносит. Летом топко. Да и побаиваются...

— Забоишься тут у вас... Следы какие-нибудь обнаружили у трупа?

— За ночь снега намело — следов не разобрать, но показалось мне, что потоптались около трупа. Потоптались. Это точно.

— Ты, Юрий Евгеньевич, вместе с лейтенантом возьми потом на себя станцию, — повернулся Корнилов к Белянчикову. — Вас как величать-то, лейтенант?

— Василь Василич.

— Вы, Василий Васильевич, с капитаном Белянчиковым поедете на станцию. Выясните, с какого поезда сошел этот лыжник. Установите людей, приехавших тем же поездом... Народу ведь в будни, наверное, немного из Ленинграда приезжает... Впрочем, капитан у нас пока по этой части. С ним не пропадете... — Корнилов подмигнул Белянчикову.

Лейтенант слушал внимательно, все время кивал.

— Ты, Юрий Евгеньевич, позвони в Ленинград. Может, есть там что новое. Пусть обратят внимание на случаи с применением огнестрельного оружия. Передай все данные об автобусных билетах. Бугаеву передай. Пусть выяснит, что за маршруты, примерное время... — Он помолчал, рассеянно глядя в примороженное оконце.

Мелькали занесенные снегом, будто увязшие в сугробах елочки — дорога то ныряла в лес, то выскакивала на поле. Низкие хмурые облака висели неподвижно, словно примерзли к вершинам елей. «Сейчас бы остановить «газик», — вздохнул Корнилов, — стать на лыжи да махнуть по этим полям и перелескам...»

— Василий Васильевич, лыжник, значит, во Владычкино шел? Или там еще деревни есть? — спросил он, не отрываясь от окна.

— Там, товарищ подполковник, деревень больше нет. Болота на много километров тянутся. Среди болот Вялье озеро. Местные иногда рыбалят, да редко. Так что эта тропка только во Владычкино. Ну еще к леснику Зотову, — сказал он с некоторым сомнением. — Да, пожалуй, к егерю. Я еще с ним не познакомился. И фамилию не запомню никак.

— Значит, или во Владычкино, или к леснику, или к егерю? И точка?

Участковый кивнул.

— В деревне сколько дворов?

— Шесть всего.

— В какой же из шести шел лыжник? Придется взяться и за эти дома. После того как Санпана в Лугу отправим, — сказал Корнилов и подумал: «На место происшествия мне самому непременно надо съездить. Посмотреть, не упустили ли чего...»

Минут десять они ехали молча.

Наконец участковый сказал тихо:

— До деревни километр остался... Не боле.

— Притормозите, водитель, — попросил Корнилов, дотронувшись до плеча шофера.

«Газик» остановился. Рядом с дорогой шумел темный, припорошенный снегом еловый лес. Слышался залистый собачий лай и далекое тарахтенье трактора.

— Лес трелюют, — прошептал участковый.

— Проверьте оружие. — Корнилов внимательно посмотрел, как его спутники вынимали пистолеты. — Вы,

Василий Васильевич, расскажите, в каком доме Полевой живет.

— Первая изба, как в деревню въедем. С правой стороны... Да там всего-то три избы по праву руку. В избе напротив наш сотрудник дежурит.

— Кто с Полевым в доме живет? — спросил Белянчиков.

— Женка его, Главдя Сестеркина, и сынишка годовалый...

— Вы сами-то из местных, лейтенант? — спросил Корнилов. Он уже несколько раз слышал, как лужане вместо Клавдии произносили Главдя.

— Так точно, товарищ подполковник. Из Стругов Красных. В армии служил, а потом школа милиции.

— Санпан, значит, зазнобу себе здесь нашел. А сын его?

— Его, товарищ подполковник. Только они ведь незарегистрированными живут.

Корнилов усмехнулся.

— Ну еще бы! У Санпана небось и паспорта нет. «Королева» его дома сейчас?

Участковый кивнул.

— Сколько там выходов?

— Два. Один через терраску, другой во двор. Там ворота открыты можно. Да ведь нынче в снегу утопнешь...

— Белянчиков, ты берешь на себя ворота. Вы, Александр Григорьевич, под окнами встанете. И оперативник с вами, когда подойдет. А мы с Василь Василичем в дом нагрянем. Правда, лейтенант? — Корнилов обернулся к участковому, положил ему руку на плечо. — Он ведь здешних мест хозяин. Ему положено.

Участковый расплылся в улыбке. Чувствовалось, что ему лестно идти с подполковником.

— Не вспугнем мы Санпана? — засомневался Белозеров. — Подъедем прямо к дому, переполоху наделаем.

— А мы без переполоху, — отрубил Корнилов. — Подъезжаем на скорости. Мы с участковым садимся ближе к дверцам — и быстро в дом... Если верить местной милиции, Полевой в загуле, гостей не ожидает. Но учтите, этот волк и во хмелю стреляет без промаха. — И, взглянув на участкового, на его сосредоточен-

ное, отрешенное лицо, добавил: — Пальбы не открывать. В доме ребенок.

Крыльцо избы покосилось, доски подгнили. Казалось, топни покрепче — и развалится. «Как в доме участкового», — почему-то пришла Корнилову мысль, но он тут же забыл об этом и, нажимая на ручку, успев шепнуть участковому, чтобы тот оставался в дверях, подумал: «Ну вот, гражданин Полевой, и пришло время нам свидеться».

В комнате за столом сидела женщина. Каштановые густые волосы ее были распущены по плечам. Женщина повернула голову на легкий скрип двери, и Корнилов увидел, что лицо у нее горестное, заплаканное. Ни удивления, ни испуга при виде постороннего. Игорь Васильевич окинул быстрым взглядом большую неопрятную комнату, и сердце у него екнуло. Комната была пустой.

— Гражданин Полевой здесь проживает? — спросил он, не спуская взгляда с грязноватой пестренькой занавески на дверном проеме. По рассказу лейтенанта, там была кухня.

Женщина непонимающе посмотрела на него, пожала плечами.

— Где хозяин? — переспросил Корнилов. — Муж ваш где?

— Муж-то? Вона разлегся, — зло сказала женщина, кивнув куда-то за стол. Лицо ее стало замкнутым, отчужденным.

Корнилов сделал шаг и тут только заметил, что за столом, у стенки, прямо на полу постелен матрас. На грязном одеяле в одежде, в сапогах лежал человек. По черным как смоль волосам догадался, что это Санпан.

Не вынимая руки из кармана, Корнилов подошел к нему и тихо сказал:

— Гражданин Полевой, здравствуй!

Спящий не отзывался. Тогда он нагнулся и быстро сунул руку под подушку. Там было пусто.

— Полевой! — взял Корнилов его за плечо. — Полевой! Проснись! Гости пришли.

Мужчина с трудом повернулся на спину и открыл глаза.

Если бы пятнадцать минут назад Корнилову сказали, что он увидит Санпана беспомощным, с дрожащими руками и бессмысленным выражением глаз, он бы ни

за что этому не поверил. Жестокий, смелый до отчаянности ворюга, сколько доставил он неприятных минут уголовному розыску! И в довершение всего убийство старика и побег с «малины», когда, казалось, ловушка уже захлопнулась.

— Полевой, узнаешь меня? — спросил подполковник, брезгливо рассматривая небритое, опухшее лицо Санпана.

В ответ раздалось какое-то нечленораздельное бормотанье. Корнилов подозвал участкового, все еще стоявшего в дверях в напряженной позе:

— Обыщи, будь другом!

В это время за занавеской заплакал ребенок. Жалобно, с надрывом. Женщина медленно, нехотя встала и пошла к занавеске, но Корнилов осторожно придержал ее за руку. Зашел первым. Здесь и впрямь была маленькая кухня. Такая же неопрятная и грязная, как и вся изба. Только было теплей...

Корнилов вышел на улицу, вдохнул полной грудью свежего морозного воздуха.

— Игорь Васильевич, ну что? Нету? — тревожно крикнул из огорода Белянчиков. Он стоял там у поленницы дров, чуть не по пояс утонув в снегу.

— Ты что там, Юрий Евгеньевич, делаешь? — приторно удивился подполковник. — Или потерял чего? — И засмеялся. — Поди в дом, полюбуйся на Санпана. За ним из вытрезвителя надо было присылать, а не уголовный розыск... Есть, оказывается, средство посильнее нас с тобой!

Но когда участковый и Белозеров с трудом вывели из дома мычащего бессвязно Санпана, Корнилов, словно вспомнив что-то, крикнул:

— Белозеров, ты на всякий случай наручники-то ему надень!

Санпана усадили на заднее сиденье между Белозеровым и подошедшим из соседнего дома оперативником.

— Участковый пусть останется со мной, — сказал Корнилов. — А ты, Юра, — обратился он к Белянчикову, — поезжай в Лугу, свяжись с управлением. Действуй, как договорились.

Машина отъехала, поднимая легкую снежную пыль. Ее тут же подхватил ветер, понес вдоль стоящих у дороги сиротливых, промерзших тополей. Начиналась вечерняя поземка.

— Ну что смотришь, лейтенант, — улыбнулся Корнилов, в упор разглядывая притихшего участкового. — Водка и не таких губила! Эх, да если бы только таких... — Он поднял воротник пальто — мороз начинал таки пробираться. — Только вот что — давай на пять минут зайдем к вашей Главде.

Сестеркина сидела все так же у стола, кормила ребенка грудью. На их приход она не обратила никакого внимания. Не спросила ничего, не предложила сесть.

Корнилов сел напротив, спросил тихо:

— Клава, как отчество ваше?

Она посмотрела на него равнодушно. Сказала:

— Тихоновна.

— Клавдия Тихоновна, вы нас извините за это вторжение, но квартирант ваш... — Он хотел сказать «сожитель», но просто не смог выговорить это слово. — Квартирант ваш — опасный преступник.

— Надо было вам пораньше за ним приехать, — со злостью сказала Сестеркина. — Мои вещи хоть остались бы целы. Все распродал, алкаш...

— Клавдия Тихоновна, вам придется еще поговорить со следователем. Может быть, сегодня, может быть, завтра. Так вы никуда из деревни не отлучайтесь. Кроме работы, конечно... Никуда за пределы не выезжайте.

— Пускай другие за пределы выезжают, — равнодушно сказала женщина.

— А у меня только два вопроса к вам. Оружие у Полевого вы видели? Где оно?

— Это Сашка-то — Полевой? — На лице Сестеркиной впервые мелькнуло удивление. — А мне он Ивановым сказался... — Она помолчала немного, словно осознавая услышанное, потом сказала: — Финка вон на кухне лежит. На столе.

Корнилов кивнул участковому. Тот встал, прошел за занавеску и тут же вернулся с большим, изящно сделанным ножом с наборной ручкой. На тонком потемневшем лезвии был слой хлебной мякоти — так бывает, когда хлеб плохо испечен.

— Ну а пистолета у него вы не видели? — с мягкой настойчивостью продолжал выпрашивать Корнилов.

— И пистолет был, да сплыл. Кузнецу из Пехенна за бутылку самогона отдал. Левашов, что ли, его фамилия, — со злорадным смешком ответила Клавдия.

— Оформите протокол на изъятие оружия, лейтенант, — тихо сказал Корнилов.

Участковый поспешно полез в карман за авторучкой.

— И еще один вопрос, Клавдия Тихоновна: в последние дни он никого в гости не ждал?

— Ждал. Все уши прожужжал: «Вот кореш приедет, тугрики привезет Одену тебя, Клавдия!» Как же, одел!.. — сорвалась было она на крик, но тут же взяла себя в руки и только всхлипнула несколько раз.

Корнилов молчал, смотрел на нее выжидающе.

Сестеркина поняла, что от нее еще чего-то хотят, пожала плечами.

— Как зовут, не сказывал. Говорил только — из Питера. Вчера встречать ходил. До трех и не пил ничего...

Корнилов встал. Надо было засветло побывать на месте происшествия.

— Далеко? — спросил он, когда они вышли из дому.

— Около двух километров, товарищ подполковник. — Участковый с сомнением посмотрел на ботинки Корнилова. — Да ведь снег, застынете.

— Вы на мои ботинки не смотрите, лейтенант, они теплые, финские. По большому благу доставал.

Пройдя метров триста по дороге, они свернули в поле, на еле заметную стежку тропинки, которая вела к темной кромке леса.

2

Лишь поздно вечером попал Корнилов в маленький уютный номер лужской гостиницы. Белянчиков пошел ночевать к своему старому приятелю Белозерову. Подполковника они не звали — знали, что шеф строго придерживается правила: у подчиненных никогда не ночевать и не столоваться.

Корнилов расстелил постель, но не лег. Сидел у стола, курил. Рассеянно глядел в окно, где в красновато-желтом свете уличных фонарей крутилась шальная снежная заверть. Дело, ради которого они примчались сюда из Ленинграда, закончено. Но этот убитый на лесной тропинке... Нет, Корнилов не мог себе позволить уехать, не организовав розыск убийцы.

На вопрос Белянчикова, не думает ли он, что убийство — работа Полевого, Корнилов только руками раз-

вел. С одной стороны, Санпан вчера приблизительно в то же время, когда был убит лыжник, ходил встречать какого-то кореша. Но якобы не встретил. А может быть, встретил? И всадил этому корешу пулю? Ради чего? Ведь даже деньги не взял. Старые счета? Поехал бы этот кореш в такую глушь на свидание с Санпаном, если бы между ними черная кошка пробежала?

Белянчиков, настаивая на версии «Санпан», говорит, что, застрелив человека, Полевой не ограбил его только потому, что испугался. За лыжником кто-то шел: Санпан мог услышать и убежать. Логично? Логично-то логично. Но мог ли Полевой предполагать, что в кармане у лыжника лежат сто тридцать рублей?

Белянчиков твердил:

— Санпан спился. Стопроцентный алкаш. Такой может и за рубль человека прикончить. Лишь бы на бутылку собрать. А может, все-таки ухлопал знакомого? Счета свел?

— Над этой версией надо работать, — соглашался Корнилов. — Но только как над одной из многих. Не очень-то верится мне, что Полевой убил. И второй человек... Куда он делся?

Проверка на станции показала, что с поезда, который прибыл на Мшинскую в пятнадцать часов, сошло человек двенадцать. Но только двое двинулись по тропе к лесу. Один на лыжах, другой пешком. Кто был этот второй? Местный? Приезжий?

Кузнец Левашов из деревни Пехенец, у которого вечером провели обыск, заявил, что никакого пистолета у Иванова не покупал. И слыхом не слыхал о том, что у него есть оружие. Значит, пистолет у Полевого? Значит, он был вооружен, а только обманывал Сестеркину?

«Дело довести до конца должен я, — решил наконец Корнилов. — Утром позвоню начальству, доложу обстановку. Попрошу разрешения остаться еще на день. Вместе со следователем организую розыск». Он встал, закурил. Ему вдруг отчетливо представилось тупое, бессмысленное лицо Полевого. «Водка, она и из бандитов веревочки вьет». И тут же он подумал об убитом. Вот еще одна трагедия!.. Нет человека. Кто он? Какие земные дела его остались невыполненными? За долгие годы работы в уголовном розыске Корнилов так и не привык воспринимать чужую смерть спокойно. Он научился

лишь сдерживаться, не показывать окружающим, что каждый раз переживает ее как личную трагедию. И он никогда не позволял себе даже думать о погибшем как о неудачнике. От сочувственно произнесенного слова «бедолага» Корнилова коробило.

...Днем, когда они с участковым пришли из Владыкина к лесу, туда, где был убит лыжник, следователь прокуратуры уже закончил осмотр места происшествия, тело было отправлено в районную больницу. Лишь на опушке у большого костра сидели на поваленной ели двое мужчин, что-то жевали. Увидев Корнилова с участковым, они поднялись, подошли.

— Товарищ подполковник? — спросил хриловатым голосом один из них, крепыш в овчинном полушубке.

— Он самый!

— Старший инспектор уголовного розыска Ключев, — отрапортовал крепыш. И кивнул на второго: — Инспектор Чернышов.

Корнилов пожал им руки.

— А следователь с экспертом уехали, — сказал, словно бы извиняясь, Ключев. — Просили передать, что стреляли из винтовки или карабина. Пулю извлекли. Сняли слепки следов. Каликов говорит: женские. — Он запнулся. — Каликов — это следователь, товарищ подполковник.

— Понял, — мрачно сказал Корнилов. — Не густо.

Участковый показал место, где лежал убитый. Вокруг было очень натоптано.

— Что они тут, хороводы водили, что ли? — рассердился Корнилов. — Большие ученые они у вас.

Он пошел по тропе. Поискать, нет ли окурка, не зацепилась ли где за кусты нитка от одежды... В лесу было мрачно — уже начинало темнеть. Корнилов прошел с полкилометра, ничего не заметил и повернул назад, и, по мере того как приближался к опушке, им овладело неприятное состояние: казалось, вот сейчас он шагнет из-под темных крон на свет — и раздастся выстрел.

«Почему убийца не стрелял из лесу? — мелькнула у него мысль. — Ведь что, кажется, проще и удобней — стрелять в лесу?»

— Василь Васильевич, — окликнул он участкового, шептавшегося с Ключевым. — Ты окрестности-то осматривал?

— Осматривал, товарищ подполковник. — Вид у участкового был понурый, и Корнилов подумал о том, что лейтенант, наверное, переживает и за то, что убийство произошло на его участке, и за то, что раньше не знал ничего о Санпане, проживавшем у него под носом. «Похоже, что он и за следователя переживает».

— Пойдем пройдемся еще разок там, где ты ходил, лейтенант. — Игорь Васильевич обнял его дружески за плечи. — Посмотрим, пока совсем не стемнело, что тут и как.

Они двинулись по старому следу, глубоко проваливаясь, цепляясь за маленькие елочки. Круг получился довольно большой, но, как ни всматривался Корнилов, снег лежал девственный, нетронутый. Только в одном месте напетлял заяц.

— Да, не видать тут никаких следов, — сказал он, когда они снова вышли на тропу и отряхивались.

Участковый приободрился:

— Товарищ подполковник, я вам точно говорю: в лесу и в поле следов нет, а у тропы, когда я утром пришел, были. Не только женские. Мужские следы. Словно кто-то обошел вокруг убитого пару раз. Их метелью заporошило, но я разглядел.

— Хорошо, лейтенант. Это мы берем на заметку. А теперь води нас к машине...

Сейчас, припоминая все свои действия при осмотре места преступления, Корнилов никак не мог отделаться от такого чувства, будто упустил там, в лесу, что-то очень важное. В городе было проще: комната, квартира, улица — замкнутое пространство, которое надо было исследовать, изучить. А здесь лес, поле, открытое всем ветрам... «Специалист-то я, выходит, односторонний, — усмехнулся он. — Яркого выраженного городского типа... Как же эта болезнь называется — боязнь открытого пространства?..»

Он сел за маленький столик, записал в блокноте: «1. Убитый??? 2. Попутчик. Опросить всех жителей Владычкина, лесника, егеря. 3. Полевой. Оружие?»

Что еще? Он вспомнил начинающий голубеть вечерний снег, маленькие густые елочки, утонувшие в нем, следы зайца и дописал: «4. Охотники».

А ночью ему снились горы. Он стоял на кромке ледника, вглядываясь в голубеющие вершины, и пел.

На следующий день Корнилов проснулся рано. Еще не было и семи. Он чувствовал себя хорошо отдохнувшим, бодрым. «Вот что значит лес», — подумал он. Позвонил в горотдел, попросил дежурного вызвать к восьми Белозерова.

В маленьком гостиничном буфете съел стакан сметаны, выпил бледного, чуть теплого чая с кусочком засохшего сыра — больше разжиться было нечем. Пошел в горотдел пешком. На улице еще не начало светать. На автобусных остановках стояли длинные очереди. Во многих домах топили печи, ветер прибывал дым к земле. Мороз жалил зло и колюче.

Белозеров с Белянчиковым были уже на месте. Сидели нахохлившись, видно, еще не совсем проснулись. Начальник лужского угро крутил ручку старенького радиоприемника.

— Капитан, а вы по утрам не бегаєте трусцой? — спросил Корнилов, поздоровавшись.

Белозеров отрицательно покачал головой.

— А зря. Поэтому вы такой вялый. Рекомендую. Очень способствует.

— Чему способствует? — не понял Белянчиков.

— Жизнерадостности.

— Да мы долго за шахматами сидели, — стал объяснять Белозеров, но Корнилов перебил его, спросив будничным, деловым тоном:

— Где Полевой?

— Здесь, в КПЗ.

— Скажите, пусть приведут.

...Привели Санпана. Щетина на щеках, всклокоченные волосы на голове, запекшиеся губы делали его похожим на тяжелобольного. Корнилову показалось даже, что глаза у него еще больше налились кровью. Однако сегодня в них можно было уловить искорку мысли.

— Садись, Полевой, — сказал он Санпану. Всегда и во всем скрупулезно соблюдавший порядок, Игорь Васильевич не смог пересилить себя и обратиться к Санпану на «вы». — Узнаешь?

Санпан сел и, повернув лицо к Корнилову, чуть-чуть осканился. Словно хотел сказать: «Чего уж тут не узнать...»

— Капитан, ведите протокол, — попросил Корнилов Белозерова.

— Кого в последние дни в гости ждал?

Санпан минуты три молчал, сжав руки коленками и медленно потирая ладонь о ладонь. На его лице с низеньким, похожим на гармошку лбом заходили все мышицы, словно он что-то с трудом пытался разжевать. Наконец Санпан выдавил:

— Витьку Косого ждал. Срок у него закончился. Должен был привезти.

Корнилов аж присвистнул:

— Витьку Косого! Виктора Безбабичева, значит. Подвел тебя Косой, подвел! Как только в Ленинграде появился — за старое взялся. У нас он. Уже у нас. — А про себя подумал: «Косого-то спрашивал я про Санпана. Сказал — весточек не имею. Крепкий орешек. Придется и с ним повозиться. И доля еще какая-то». — Ладно, о Косом потом. Где твой пистолет?

Санпан снова долго молчал, набычившись, шевеля губами.

— Кузнецу из Пехенца отдал. За самогона. Левашову. — И, словно бы оправдываясь, добавил с тоской: — В затуле был, гражданин Корнилов. А хрустов нема. За литр отдал, сямка!

— Когда это было?

— Не помню уж. Месяца два назад.

— Безбабичева ходил встречать?

— Еще чего, — проворчал Полевой. — Я ж не знал, в какой день он явится.

— А твоя жена утверждает, что вчера в три часа ты ушел встречать дружка...

Полевой осклабился:

— Да я так... Чтоб крик не подымала. В Пехенец ходил. Выпить с мужиками.

— С кем?

— С кем пил-то? — Санпан нахмурился. Лицо у него опять напруглось. — Да я... Зашел к Левашову, а его не было. Жена у него дурная. Орать стала. В магазине взяла бутылку «Солнцедара». А потом не помню.

— Кто отпускал тебе вино?

— Тоська рыжая. Да она там одна и торгует, гражданин начальник.

— Дружки навещали?

— Нет. Боялся, вас наведут...

Корнилов усмехнулся:

— Не договариваешь ты, Полевой!

Санпан пожал плечами.

— Про Безбабичева как узнал? Что у него срок закончился и деньги привезет? Святой дух подсказал?

Санпан вдруг поднял голову и пристально, не мигая, посмотрел на Корнилова. Куда только девалось его тупое безразличие и подавленность! Взгляд стал осмысленным, дикая злоба сверкнула в глазах.

— Не шути, начальник, — сказал он с вызовом.

— Ладно, Полевой, на сегодня достаточно. Мы еще наговоримся.

Санпана увели.

— Капитан, — попросил Корнилов Белозерова, — пишите мотивированное постановление на обыск у Левашова и у Сестеркиной. Потом у прокурора утвердим. — Он посмотрел на часы. Было девять. — Сейчас позвоню Михаилу Ивановичу. Попрошу разрешения на день задержаться.

Белозеров повеселел. На помощь подполковника он очень рассчитывал.

«Что же мы имеем на сегодняшний день? — думал Корнилов, прохаживаясь по кабинету Белозерова в ожидании, пока тот принесет заключение судебно-медицинской экспертизы. — Санпан за решеткой.. Может, он и совсем спился, да и такой не менее опасен. И вот за несколько часов до его ареста на опушке леса находят убитого человека. Ни имени, ни фамилии. Просто «убитый». Говорят, не местный. Но кто же это отправляется в дорогу, не взяв с собой хотя бы удостоверения или пропуска? Без документов идет в соседнюю деревню местный житель. Зачем они ему? А убитый не местный.

...Коньяк... Может быть, в магазине еще не продавали водку, и пришлось его купить. Коньяк-то продают чуть ли не круглосуточно. План делают! — Игорю Васильевичу надоело ходить, все время задевая за мебель — кабинетик у начальника угро города Луги был совсем крошечный, — и он сел на стул у окна. — Нет, лыжник специально покупал коньяк, поезд-то у него вышел из Ленинграда после одиннадцати! Если бы захотел, мог уже и водку купить. А местные вряд ли коньяк пьют. А может быть, случай особо торжественный? Когда водку и приносить неприлично?» Эта мысль по-

направилась Корнилову, и он сказал про себя: «Неплохо, товарищ подполковник, неплохо!»

«...Деньги. Многовато при нем денег, многовато! В гости с такими деньгами не ездят. Может, долг отдавать шел? Или, как Витька Косой, долю кому-то нес?..

Предположим, охотники. Ну, конечно, проще всего представить случайный выстрел. Загон на лося. У кого-то есть карабин или винтовка. Может быть, даже с войны припрятана. Что ж, тоже версия.

А что касается Санпана, то следовательно все досконально уточнит, это нелишне, но тут, сдается мне, не Санпановых рук дело».

Пришел Белозеров с заключением экспертизы. «Пулевая рана. Оружие нарезное, калибр 7,62. Прострелено легкое. Смерть наступила от большой потери крови приблизительно в 20—22 часа».

«А стреляли в него не позже шестнадцати часов, — подумал Корнилов. — Поезд приходит на станцию в пятнадцать... Если на лыжах идти, до владычкинского поля не больше сорока — пятидесяти минут. Значит, несколько часов лыжник был еще жив. И приди кто-нибудь на помощь — могли спасти. Если стреляли охотники да издалека, раненого могли и не заметить. Прошли где-то стороной. А вот попутчик? Тот, что шел вслед за лыжником по тропе от станции? Он-то должен был на него наткнуться? — Корнилов вздохнул. — Вопросы, вопросы!.. Надо поручить Белозерову провести следственный эксперимент: установить направление выстрелов. И выяснить, в порядке ли были лыжи. Ведь если шел на исправных, то никакой пешеход его не догнал бы!»

— Вот, может, поинтересуетесь! — Белозеров положил на стул перед ним несколько фотографий.

Корнилова поразило выражение глаз на простоватом, тронутом тенью щетины лице убитого. Казалось, они продолжали жить и ждали ответа: кому это понадобилось стрелять в него, кому он помешал?

Вздыхнув, Корнилов сложил фотографии и передал капитану.

— Вот что, Александр Григорьевич, — сказал он, немного помолчав, — вы сами-то что думаете по поводу убийства? Может быть, охотники?

— Мы с Юрием Евгеньевичем прикидывали эту версию. Случайный выстрел? Возможно! На лося, правда,

охота уже закрыта, но браконьеры пошаливают. Может, и ходил кто-то с винтовкой, баловался.

— Ну вот и проверьте всех охотников, с общественными инспекторами потолкуйте. — Игорь Васильевич говорил все это не слишком уверенно, потому что его смущала одна деталь, никак не укладывавшаяся в вариант «охота»: попутчик. Не мог он пройти мимо убитого и не заметить его! Значит, заметил и скрылся. Ну, может быть, и не скрылся, да молчит. Почему? Чего испугался? А может быть, он не только попутчик?..

— Александр Григорьевич, лыжи какой марки? — неожиданно спросил он капитана.

— У убитого, что ли?

— Ну да. У кого же еще?..

— У него лыжи очень хорошие, товарищ подполковник, гоночные. Финские. Марка «Карху». «Медведь», значит.

— Хорошо смазаны?

Белозеров только руками развел:

— Не поинтересовался, даже не подумал, что понадобится.

— У вас есть опись вещей убитого?

Белозеров протянул листок.

Опись была составлена толково — точно и очень подробно.

Корнилов обратил внимание, что среди денег была сторублевая бумажка. Такими деньгами только долг отдавать! Ведь в деревенском магазине могут и не разменять, если за покупками пойдешь. В карманах убитого не обнаружили ни спичек, ни сигарет. Вообще, кроме носового платка и ключей, не было самых обыденных мелочей, которые, как правило, можно обнаружить в карманах у каждого. Так случается, если человек собрался в дорогу неожиданно. Схватил, что было под рукой, переоделся — и в путь.

— Вот еще что надо проверить, Александр Григорьевич, — не было ли вчера или позавчера во Владычкине выдающихся событий: свадеб, крестин, похорон. Похоже, что лыжник внезапно получил какое-то известие, собрался за пятнадцать минут, сунул в карман деньги, бутылку коньяка — и в путь...

— Умереть, так никто не умер, — наморщив лоб, ответил Белозеров. — А насчет рождений и свадеб — это

я проверю... — Он усмехнулся: — Да жениться там некому. Одни старухи.

«Чего он все время лоб морщит? — подумал Корнилов. — И так старше своих лет выглядит. Надо будет ему как-нибудь сказать об этом. В шутку. Чтоб не обиделся».

Белозеров позвонил на Мшинскую участковому Рыскалову.

Оказалось, что никаких примечательных событий во Владычкине не произошло. Участковый по своей инициативе побеседовал со многими мшинскими охотниками и с председателем охотничьего общества: было похоже, что охотников в эти дни в лесу не видели.

— Ладно, хватит штаны просиживать, — поднялся Корнилов. — Еду во Владычкино. Сколько там до егеря и лесника?

— Километра три. Лыжи мы вам приготовили. Рыскалов ждет на Мшинской.

4

— Здесь Надежда Григорьевна Кашина живет, — сказал участковый Корнилову, когда, приехав во Владычкино, они остановились у первого дома. — Древняя старуха. Может быть, с кого другого начнем?

— Вот с древней и начнем. Кстати, почему все говорят: «у нас во Мхах», «к нам во Мхи»? Эта деревня ведь Владычкино называется?

— Да как вам сказать, места такие — болота, мхи. И станция Мшинская. Мхи да мхи.

Деревня выглядела пустынно. Лишь кое-где из труб вился еле заметный дымок. В морозном воздухе плавали едва уловимые запахи только что выпеченного хлеба. Откуда-то издалека, наверное со станции, ветер донес гудок паровоза. «Какая тишина тут», — подумал Корнилов.

Они поднялись на крылечко. Возле дверей стоял веник, и Корнилов обмел снег с ботинок. Передал веник лейтенанту. Тот обметал валенки долго, старательно.

Участковый постучал.

— Заперто! — крикнули в глубине дома. Голос был звонкий, и Корнилов решил, что кричит ребенок.

Натыкаясь друг на друга, они прошли через темные сени. В избе было тепло, кислотовато пахло квашней. Кор-

нилов еще с порога заметил слабенький огонек в розовой лампадке перед иконой.

— Будьте добреньки, заходите!

Навстречу им шла чистенькая старушка в темном платье и белом, синими горошинами платочке.

— Какие мужички-то в гости ко мне пожаловали, — ласково сказала она. — Да никак один-то городской. Ай, да никак второй с погонами, военный!

— Здравствуйте, Надежда Григорьевна, — поздоровался Корнилов и подумал: «А старушка-то общительная. Наверное, мно-о-о-го знает. Если не ханжа». Ему иногда встречались старушки, которые ни о чем другом, кроме своих старых обид, говорить не могли.

— Вон вы какие проворные, — удивилась старушка. — И как величать меня, знаете!

Глаза у Надежды Григорьевны были добрые и как-то, как показалось Корнилову, снисходительные. Словно бы она знала о твоих грехах и слабостях и заранее прощала тебя.

Старуха показала им, где раздеться, и усадила на большую лавку около русской печки, а сама осталась стоять. Маленькая, сухонькая, она смотрела на гостей внимательно и заинтересованно. Оттого что она стояла, а они сидели перед ней, словно школьники перед учительницей, Корнилов почувствовал неловкость.

— У нас разговор к вам, Надежда Григорьевна, — сказал он. — Посидим, говорим...

— Ты говори, милый, говори, — замахала рукой старушка. — Я стоя-от лучше разумею. Да и насиделась я в жизни, насиделась...

— Да садитесь вы, садитесь, — с легким раздражением сказал участковый, но Игорь Васильевич неодобрительно посмотрел на него, и лейтенант замолчал.

— Мы с Василием Васильевичем из милиции. Хотим кое о чем порасспросить вас.

Надежда Григорьевна кивнула:

— Василя-от я знаю. Со Струг он. Полины Рыскаловой сынок. Моёй свояченицы.

Лейтенант заерзал на скамейке, хотел что-то сказать, но не сказал.

— Самог-от я впервой вижу, но слыхала, слыхала, что он нонесь у нас в чинах. А ты, милой, отчего в пиджачке? Без погон-то? Агент?

Она сказала с ударением на «а». Корнилов засмеялся и кивнул головой:

— Агент, агент. Из розыска я, уголовников ищу.

Надежда Григорьевна понимающе улыбнулась.

— Насчет Сашки Иванова небось? Ох и питух, не приведи господи. Всех у нас во Мхах перезюзил. И Главдю испортил. Она хоть и сиделица, а девка была хорошая. Передовка в лесхозе. От тюрьмы да от сумы грех зарекаться... А этот зюсюкало и ее к вину приохотил.

Говорила Надежда Григорьевна забавно — будто ручей журчал. Все время на одной ноте, без остановки. Приходилось постоянно вслушиваться, чтобы разобрать каждое ее слово.

— Возле Орельей Гривы парня-от он порешил? — вдруг спросила она.

— Где, где?

Надежда Григорьевна широко улыбнулась и, словно боясь обидеть гостей, прикрыла рот коричневой сухой ладонью.

— Да у леса, милой, у леса. Мы так горку называем — Орелья Грива. — Она наконец села на табуретку и повторила: — Сашка убил-от?

— Кто — мы не знаем. Не знаем даже, к кому шел убитый, — ответил Корнилов. — Вы что же, Надежда Григорьевна, одна живете?

— Одна, товарищ хороший, не знаю, как зовут тебя. Одна.

— Игорь Васильевич меня зовут.

— Я уж десять лет как одна, — стала рассказывать старуха. — Сын-то с дочкой в городе. Хорошо устроились. В прошлом годе Верка, дочь-то наша, приезжала. Нарядная. Гостинцев мне навезла... — Надежда Григорьевна вздохнула, словно вспомнились ей дочкины гостинцы. — Да я и сама-то хорошо живу. Хо-ро-шо. Пенсию каждый месяц двадцать один рубль получаю. Да сын присылает. Когда пять рублей, когда боле. К Новому году десятку прислал...

— А сын не приезжает?

— Не. Скучно ему тут. Приятелей нет. И девок не осталось. Все меня зовет. В город-от.

— Да, народу у вас во Владычкине совсем мало, — согласился Корнилов. — Заскучаешь.

— Из молодых-от кто? — стала прикидывать стару-

ха. — Главдя-сиделица? С зюзюкалой связалась. Имени-то его и слышать не хочу! Федотовы. Сестрицы. Да Вовка, Верки Федотовой сын. Так ему еще и шашнадцати нет. За прогоном бабка Калерия. Она с печки не встает. Я ей поесть когда сготовлю, она и сыта неделю. А остальные навроде старой Кавалерии, — она хихикнула. — Это я так старуху зову. Шучу над старухой.

Игорь Васильевич улыбнулся, подумал: «Какая же старая должна быть эта бабка Калерия, если Надежда Григорьевна по сравнению с ней себя молодой считает!»

— Но родные-то, наверное, есть у каждого? Ездит кто из города? — спросил он. — Да ведь и Луга под боком?

— В Луге-от есть наши. Пустили там корешки. Так они сюда носа не кажут. Городскими себя считают. И в Питере наши живут. Как же, там родня есть! Да ведь редко ездют. Уж рази что летом. Зимой-то не ездют. У бабки Калерин сынок инженер. И сам уж лет пять не является, да хоть бы к празднику пятерку прислал магере. Тю-тю! Не то что мой.

— А ведь у вас такие леса вокруг! — сказал Корнилов. — Грибов, ягод, наверное, тьма. И дичь! Охотники-то приезжают?

— Не приезжают, милой. Разве что к егерю. А у нас во Владычкине Вовка Федотов один палит по воронам. Отцова берданка ему досталась, вот и палит.

— Выходит, что не густо у вас с населением, — улыбнулся Корнилов. — И родственники про Владычкино позабыли. От станции далековато.

Старуха помолчала.

— Ну а егерь с лесником, наверное, бирюками живут? Попробуй-ка до них добраться?

— А чего до них добираться? — удивилась старуха. — Не велик и крюк. Версты на две подале нас. Егерь-то с семейством живет. С женкой. Трое у них — мал мала меньше. Большенький, правда, в школу бегают. — Она засмеялась, опять, как в начале разговора, прикрыв рукой рот. — Волков не пугается... Ильич, лесник-от, один проживает. Одинокый. Ни детей, ни женки. Хотя кто его знает... Не мшинский он, не нашенский, но мужчина добрый, обходительный.

— Да ведь он здесь с незапамятных времен живет, — вставил молчавший все время участковый.

— С запаятных, с запаятных. Давно живет, да не

наш. Не из Мхов, — строго сказала Надежда Григорьевна и, оборотясь снова к Корнилову, продолжала: — Он, Ильич-от, с пятьдесят шестого здесь. Аль на годок ране. Степан Трофимыч, старый лесник, умер. — Надежда Григорьевна перекрестилась. — Наш был братец двоюродный, Ильич-то и приехал на его место.

Надежда Григорьевна задумалась, рассеянно глядя в замерзшее оконце. Корнилов не торопил ее, ждал, когда сама заговорит.

— Степан-от тоже одинокий был, — наконец заговорила старуха. — Уж такой одинокий! Никого ему, окромя леса, не надо. Вот охотник-то был. У меня подушки пером набиты — все он, брат. Дичи настреливал! Ружье у него большое, да-а-алеко стреляет. С подозрительной трубой...

Игорь Васильевич внимательно слушал Надежду Григорьевну, стараясь представить себе по ее рассказу всех обитателей деревни, их возраст, интересы. Ведь к кому-то из них направлялся этот человек... И Санпан прожил здесь, во Владычкине, долгое время. Ходил, наверное, к кому-то в гости, говорил о жизни. Был на виду. В такой деревушке от людских глаз не скроешься...

Участковый все время ерзал на лавке, поглядывал на часы. Корнилов чувствовал, что ему не терпится идти дальше, говорить с другими людьми, что-то предпринимать. Неторопливая беседа со старухой, похоже, раздражала лейтенанта. Ему хотелось действовать.

И только когда старуха упомянула про ружье, он замер вдруг, словно пойнтер, почувствовавший дичь. Перестал ерзать и сидел совсем тихо, стараясь не упустить ни одного слова из разговора. Игорь Васильевич внутренне усмехнулся, искоса взглянув на лейтенанта.

— А Ильич-то после него, после Степки, основался, — продолжала старуха. — Говорят все — одинокий, а мне одна баба сказывала: сын у него был. Только сызмальства поссорился с отцом. С войны.

— И что ж, сын к леснику не ездит? — поинтересовался Корнилов.

— Не ездит, батюшка. Да ведь и он про сына молчит. Одинокий, говорит, я. А баба-от, ну та, что про сына мне рассказывала, сама зайцовская. С-под Сиверской. Знает его. Чегой-то там у них вышло, а чего — не помню.

— А где живет эта женщина?

— Зайцовская, говорю, она. Полиной зовут, а фамилии я не помню.

— Тетя Надя, а к егерю да к леснику гости-то ездят? — хмуро спросил участковый.

— Ходят люди, — сказала Надежда Григорьевна. — А гости или по делу — не скажу, откуда мне, старухе, знать. Вот что родственников у них нет, об этом я сказывала. У лесника-от гатчинский один часто бывает. Лесхозовское начальство. Тот ездит. Дружки, что ли. Форсистый такой.

— Молодой или старый? — спросил Корнилов.

— Помоложе, чем сам Ильич.

Корнилов посмотрел вопросительно на участкового.

— Леснику за шестьдесят, товарищ подполковник, — ответил тот.

— А вы, Надежда Григорьевна, видели этого дружка? Как он одевается?

— Что-то я и не скажу. Помню, плотный, форсистый, а как одет... Нет, не припомню. На голове вот малахай рыжий...

— Чего?

— Шапка, говорю, большая, мохнатая, рыжая-рыжая... Да что мы все гутарим да гутарим, — спохватилась она. — Давайте почаевничаем. Я счас, быстро. — Старуха встала, пошла к печке.

Корнилов тоже поднялся.

— Нет, спасибо, хозяйюшка. В другой раз чайку попьем. Вы нас не ругайте, что от дела оторвали.

— Да какие у меня дела? — искренне изумилась старуха. — Поболтать — вот самое первое у меня дело.

— Надежда Григорьевна, — спросил Игорь Васильевич, надевая пальто. — А ружье-то вашего брата, с подозрной трубой, оно кому досталось?

— Ружье-то? — задумалась старуха. — Да никому не досталось. Никому. Степка-то, видать, или потерял его перед смертью, или продал. После смерти не нашли ружья. Сын-то мой, Славик, переискался. Думал, от дядьки в наследство останется.

— А не могло это ружье к зюзюкале попасть, к Клавдиному дружку?

— Ах, к этому-то! — закивала Надежда Григорьевна. — Да ведь он у нас пришлый. А братец мой давно уж помер. — Она задумалась. — Рази что через

Главдю... Неужели Степка ее отцу ружьишко-то подарил? Они ведь тоже братья, только двоюродные.

— А что, отец Клавы жив? — спросил Корнилов.

— Помер. Года три, как помер, — старуха перекрестилась. — Был бы жив, рази допустил к себе в дом эту чучелу?

Уже в дверях он спросил старуху:

— Надежда Григорьевна, вы не вспомнили, как лесникова дружка-то звать? Того, что из Гатчины ездит.

— Так ты, миленький, и не спрашивал меня, как зовут-от. Все про одежду говорил. Мокригиным его зовут. В лесхозе он какая-то шишка.

Корнилов вышел вслед за участковым на улицу и зажмурился от яркого света.

— Закурим, что ли? — сказал он лейтенанту. — Так курить захотелось — спасу нет. — Он достал сигареты, протянул участковому. Тот начал было нерешительно.

— Да я, товарищ подполковник... — но тут же потянулся к пачке.

— Что? Еще не научился? — усмехнулся Корнилов и отдернул пачку. — И не тянись. Не поддавайся, не давай слабину. А то мало ли еще какой начальник приедет — пить научит...

Участковый смутился и стоял, не зная, что сказать.

— Счастливый ты человек, Василий, — сказал Корнилов, глубоко затягиваясь. — Если можешь, держись. Ну что, к кому теперь в гости? — И, улыбнувшись, подмигнул. Участковый тоже улыбнулся. Улыбка у него была добрая, чуть застенчивая.

— Так пойдем к старику Байбикову, товарищ подполковник. Он не мене, чем старуха, знает...

Корнилов засмеялся:

— Ну что, Василий Васильевич, считаешь, что и древних старух бывает полезно послушать? А?

Участковый смущенно развел руками.

Они тихонько пошли по дороге, махнув шоферу, начавшему заводить мотор, чтобы ждал. Накатанная санными дорогами дорога слегка поскрипывала под ногами. Воробьи трепали клочки сена — видно, недавно перевозили с поля стога. Корнилов шел и думал про винтовку, о которой рассказала Надежда Григорьевна, и о лесниковом друге, франтоватом, в мохнатой рыжей шапке. Убитый лыжник был тоже в рыжей шапке...

— Товарищ подполковник, сюда, — дотронулся участковый до руки Корнилова. — Пришли.

Они остановились у небольшого красивого дома, окрашенного яркой красно-коричневой краской, с белыми вычурными наличниками. К дому вела узенькая — двоим не разойтись — тропка. «И здесь не густо с населением», — подумал Корнилов и остановился, разглядывая старую лыжню, перечеркнутую крест-накрест садик перед домом. В ярких лучах солнца лыжня проступала отчетливо и зримо, словно на фотобумаге, опущенной в проявитель. А ведь густой пушистый снег, валивший всю прошлую ночь, толстым слоем запорошил ее. «Солнце низкое, тень дает на малейшей неровности, — подумал Корнилов. — Старые следы всегда проступают в яркую солнечную погоду. А что, если на то место, где лыжника убили, посмотреть сверху? С вертолета? Охватить взглядом всю поляну?..»

— Товарищ подполковник...

— Сейчас, лейтенант, сейчас! — Корнилов обернулся, взглянул из-под руки на солнце. Оно было предательски низко. Но стрелки часов еще только приближались к двенадцати.

— Василек, когда нынче солнце заходит?

Участковый растерянно пожал плечами.

— Эх ты, голова садовая! — усмехнулся Корнилов.

— В пять уже темки, товарищ подполковник, — сказал лейтенант.

«А если с высоты не просто взглянуть, а провести аэрофотосъемку? — думал Корнилов. — Все следы проступят. Ведь там, где след, снег уплотненный. Надо с экспертом посоветоваться. Должны же быть следы, черт возьми!»

— Знаешь что, Василий, — сказал он. — Ты иди один, а я поеду в Лугу... Надо мне туда срочно.

— А как же розыск? — недоуменно посмотрел на Корнилова участковый. На лице его отразилось разочарование, словно у мальчишки, которого в самую решительную минуту покинул товарищ.

— Ты и сам все сделаешь в лучшем виде. Помни только о главном: у кого есть друзья, родные в Ленинграде? К кому могли бы приехать или приезжали в эти дни? И осторожно расспроси о том, кто бывает у егеря, у лесника. Но осторожно! Понял? — Корнилов на секунду задумался. — Поговори с ними о том, о сем.

Не ждали ли кого. Ружьишко увидишь на стене — спроси, зарегистрировано ли. Нет ли еще оружия. Будь с людьми попроще, не выспрашивай, а разговоры говори... И не торопись, а то потом больше времени потеряешь. Вон одна только Надежда Григорьевна сколько полезных вещей нам с тобой наговорила!

Участковый согласно кивал головой. Этот немолодой, хмуроватый подполковник все больше и больше нравился ему, и лейтенанту было жалко, что Корнилов уезжает в Лугу, а не пойдет вместе с ним по другим деревенским избам.

— Машина, Василий Васильевич, за тобой часика через три вернется.

5

Всю дорогу от Владычкина до Луги Корнилову казалось, что машина еле движется, и он уговаривал Углева поднажать.

— Да вы что, Игорь Васильевич, не чувствуете, что юзом то и дело прем? Хотите быстро ездить — хлопайте у Набережных шипованную резину. (Майор Набережных был начальником хозяйственного управления.) Нормально никто ездить не хочет, — ворчал Углев. — Всегда горит, всегда пожар. А ты хоть пропади! — Углев вдруг обернулся к Корнилову и сказал: — А я, товарищ начальник, должен теперь себя беречь. Женюсь первого марта.

— Поздравляю, — улыбнулся Корнилов. — Женисься, придется тебя на продуктовую машину переводить.

— Ну уж, — обиженно протянул шофер. — Рано еще Сашу Углева в обоз списывать! — и дал такого газу, что Корнилов вцепился в поручень и сказал:

— Хороший ты водитель, Саша, да с норовом. И поворачать любишь...

Белозеров, увидев подполковника входящим в кабинет, вскочил, глядя на него во все глаза, и изумленно сдвинул брови.

— Вопросы потом, — подняв ладонь, сказал Корнилов, на ходу сбрасывая пальто и шапку. — Пошли машину во Владычкино за участковым. И срочно поручи кому-нибудь выяснить, есть ли у вас в Луге вертолеты или «кукурузники» приспособленные к аэрофотосъемке.

— К аэрофотосъемке? — еще больше удивляясь, переспросил Белозеров.

— Давай, давай! И если есть, пусть попросят разрешения подняться и сфотографировать район Владычкина. А меня срочно соедините с Гатчиной, Финогеновым. А потом с Ленинградом. С нашим управлением.

Сначала дали Гатчину. Когда Корнилов, переговорив с начальником уголовного розыска гатчинского райотдела Финогеновым, положил телефонную трубку и с наслаждением закурил, вернулся капитан, выходивший распорядиться насчет машины для участкового и вертолета.

— Товарищ подполковник, машину за участковым послал, про авиацию сейчас доложат. Заму поручил связаться... — Потом он сел напротив Корнилова и молча уставился на него, всем своим видом он давал понять, что ему не терпится узнать, почему Корнилов так скоро вернулся из Владычкина и зачем ему понадобилась вдруг авиация. Но подполковник не торопился с новостями и только спросил его:

— Из управления не звонили?

— Бугаев звонил. Просил сказать, что один автобусный билет — свежий, за тринадцатое января. С десятого маршрута. Они пытаются установить, не пропал ли где-нибудь в районе следования «десятки» человек... — Белозеров неодобрительно хмыкнул. — Ищут иголку в стог сена!..

— Что ж, по-твоему, сложа руки сидеть? — недовольно произнес Корнилов. — Может, ты новостями порадуешь?

Белозеров поскуцнел:

— Ничего нового, товарищ подполковник. Санпан твердит одно и то же. Пистолет, говорит, продал кузнецу из Пехенца.

— Не густо, — вздохнул Корнилов. — А про винтовку он ничего не говорил?

Белозеров встрепенулся:

— Про винтовку? Нет, ничего. А что, нашли?

— Ничего не нашли, — махнул рукой Корнилов. — Просто одна старуха рассказывала, что много лет назад у старого лесника винтовку с оптическим прицелом видела.

— Участковый там про эти винтовки все вызнает, — успокаиваясь, сказал начальник уголовного розыска. —

А вы чего же так рано вернулись, Игорь Васильевич? Случилось чего?

Корнилов хотел ответить, но в это время как сумасшедший зазвонил телефон — дали управление.

— Соедините меня с Васильчиковым из НТО, — попросил Корнилов у телефонистки.

Васильчиков отозвался сразу же. Телефон почему-то всегда искажал до неузнаваемости голос эксперта, и трудно было отделаться от чувства, что с тобой разговаривает женщина с грудным контральто. В управлении смеялись над Васильчиковым: «Телефон обнажает твою истинную суть». А на самом деле голос у Васильчикова был низкий, с басовыми нотками, и в самом эксперте, крупном, чуточку неуклюжем, не было ничего женственного.

— Марлен Александрович, срочно нуждаюсь в твоей консультации.

— Это ты, сыщик? — спросил Васильчиков. Он всегда так звал Корнилова. — Мог бы и зайти.

— Я из Луги, — сказал Корнилов. — Дело срочное, слушай внимательно. Можно ли с помощью фотоаппаратуры снять на снегу старые следы?

— Что значит старые? — удивился Васильчиков.

— Ну не очень старые... Вчерашняя лыжня. Потом был снег, и ее замело, но ведь снег под лыжами уплотнился, понимаешь? Плотности-то разные!

— Так-так-так, — неожиданно быстро пропел Васильчиков.

Корнилов искоса взглянул на Белозерова. Тот, наверное, все понял и, весь подавшись к телефону, с напряжением ждал окончания разговора.

— Вы же восстанавливаете выбитые на машине, а потом спиленные номера по принципу изменения структуры металла, разной его плотности. И здесь так же, — сказал Корнилов. — Разная структура снега.

— Так же, так же! — недовольно проворчал Васильчиков. — Ты же не повезешь ко мне в лабораторию свой прошлогодний снег со следами. А я, естественно, не повезу к тебе свою стационарную аппаратуру.

— А что, нет какого-нибудь простого способа? — с надеждой спросил Корнилов и заговорил настойчиво и увлеченно: — Ты понимаешь, Марлен, этот старый след я и так увижу. Если смотреть против низкого солн-

ца, он всегда проступает слабой тенью, но мне его сфотографировать надо. Понимаешь? Сфотографировать!

— Чего-то интересное говоришь, — отозвался Васильчиков. — Но пока не соображу... Таких экспериментов мы еще не проводили. В космическом масштабе.

— Эх ты! — подсадовал Корнилов. — Тугодум. Попробую без тебя обойтись.

— Попробуй обойтись без меня, но с поляризационным фильтром, — сказал Васильчиков.

Корнилов положил трубку, но телефон тут же зазвонил снова. Уже докладывал Финогенов из Гатчины: Григорий Иванович Мокригин, главный бухгалтер лесхоза, жив-здоров. В данный момент у себя на работе. Одинок. Живет на Пролетарской улицы.

— А что еще интересует? — спросил Финогенов.

— Жив-здоров, значит? — переспросил Корнилов. — Это, собственно, и хотел узнать... — Он помедлил немного в раздумье и увидел, как дверь кабинета растворилась, и вошел Селуянов, заместитель Белозерова. Заметив, что подполковник разговаривает по телефону, Селуянов на цыпочках прошел через кабинет, сел рядом с Белозеровым и что-то зашептал ему на ухо.

«Договорился он с авиацией или нет?» — с тревогой подумал Корнилов и сказал Финогенову:

— Ну все. Спасибо. — Положив трубку, Корнилов обернулся к Селуянову: — Как авиация?

— Все в порядке, товарищ подполковник, прогревают моторы, — сказал тот, широко улыбаясь. — Насилу отыскали с аппаратурой. У землеустроителей. «Кукурузник». А вертолетов нет.

— Летим, летим, — весело пробормотал Игорь Васильевич и схватился за пальто.

Белозеров тоже вскочил со стула, с удовлетворением потирая руки. Глаза его блестели.

— Это вы здорово про самолет! — гудел он. — Я опытный лыжник! Не раз замечал, что старая лыжня сквозь порошу темнеет. Если против солнышка глядеть. А ближе к весне, чуть солнышко пригреет, все старые лыжни проступят, словно паутиной снег затянули.

— Давай, «опытный лыжник», поворачивайся! — поторопил его Корнилов. — Не то солнышко тютю. И лыжня тютю!

Они радовались, как дети, перебрасывались шуточками, пока одевались. Селуянов смотрел на них с недо-

умением. Он не слышал разговора Корнилова с экспертом и никак не мог понять, зачем подполковнику понадобился вдруг самолет.

— Витя, оставайся в отделе за старшего, — сказал Белозеров Селуянову, который так ничего и не понял. — Распоряжайся тут. Мы скоро.

На заснеженном поле стояли в ряд зеленые Ан-2 с большими баками по бортам. Один, без баков, какой-то франтоватый, может, из-за того, что окраска у него была не густо-зеленая, а блекло-голубая, расположился поодаль. Пропеллер у него бешено крутился, вздымая облако искрящихся на солнце снежинок. Корнилов вылез из машины. За ним, побряхтывая, выбрался Белозеров. Из небольшого вагончика, в каких обычно живут строители, только полосатого, спустился по лесенке мужчина и неспешно пошел им навстречу. Видно, заметил машину из окошка. Подойдя, спросил:

— Вы из милиции?

— Из милиции, из милиции, — нетерпеливо проговорил Белозеров, постукивая ботинком о ботинок. — Скоро полетим?

Мужчина улыбнулся:

— Сейчас и полетим. Мотор, как видите, уже запущен. — Он протянул руку: — Разрешите представиться. Главный инженер землеустроительной экспедиции Спиридонов Иван Степанович.

Лицо у Спиридонова, широкоскулое, с резкими волосинками на подбородке, было покрыто красноватым деревенским загаром. А его глаза-щелочки из-под сильно прищуренных век смотрели с такой веселой хитрецей, что Корнилову вдруг захотелось подмигнуть инженеру.

— Погоня? — спросил Спиридонов, когда они пошли к самолету. И, не дождавшись ответа, спросил снова: — А зачем съемочная аппаратура?

— Нам следы сфотографировать нужно, — ответил Корнилов. — Следы на снегу.

— Где снег, там и след, — многозначительно усмехнулся Спиридонов. — Аппаратура у нас, правда, для других целей... Но попробуем.

— Товарищ Спиридонов, а поляризационный фильтр у вас есть?

— А как же, найдется.

— А снимать вы будете? — с сомнением спросил Белозеров,

— Мы будем снимать, — спокойно ответил Спиридонов. — Какие еще вопросы? — И опять так хитро сощурился, что Корнилов чуть не рассмеялся.

— Далеко лететь-то? — поинтересовался главный инженер. Он шел не торопясь, то и дело оглядываясь то на Корнилова, то на Белозерова, будто хотел их получше рассмотреть и запомнить.

— Да недалеко. На Мшинскую. Только поскорей, поскорей. Какие, к лешему, в потемках следы, если промешкаем?

— И-и, на Мшинскую! — разочарованно протянул Спиридонов. — Я думал, куда подальше.

В салоне самолета молоденький механик что-то оживленно обсуждал с пилотом, тоже молодым, с небольшой черной бородкой и усами.

— Ераксин, все готово? — крикнул Спиридонов.

— Все в ажуре, — механик поднял ладонь. — Ладно, Игорь, вернешься, обсудим, — сказал он пилоту и, с интересом оглядев пассажиров, важно прошествовал к дверям.

— На Мшинскую, борода! — крикнул Спиридонов пилоту. — Там съемку делать будем.

Белозеров достал из кармана помятую карту и стал было раскладывать, но пилот вытащил из планшета свою, большую. Сунул ему карандаш, спросил:

— Найдете?

— Найду! — буркнул тот и, отыскав Владычкино, обвел на карте небольшой кружок.

Через несколько минут самолет резко дернулся, помчался по полю, жестко подскочив на ухабах, оторвался от земли и, слегка покачиваясь, пошел над домами. Корнилов с интересом смотрел в иллюминатор. Тень от самолета все время бежала впереди, словно лоцман, указывающий путь.

— Нам лету минут десять, — сказал Спиридонов, чего-то подкручивая в своей аппаратуре. — Вы места-то хорошо знаете?

— Знаем места, — весело ответил Белозеров, тоже прилипший к иллюминатору. И вдруг пропел красивым, сочным баритоном:

Не белы снега во поле
Забелилися...

— Вы, капитан, на гитаре, часом, не играете? — спросил Корнилов.

— Играю, — добродушно ответил Белозеров. — Я, товарищ подполковник, играю и пою. В День милиции в концертах выступаю.

Спиридонов кончил копаться в приборах и пересел поближе к Корнилову. Разговор на отвлеченную тему, похоже, не устраивал главного инженера, и он, поблескивая своими хитрющими глазами и сощурившись, спросил:

— Чьи следы снимать-то будем? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Это я к тому, что аппаратуру приготовить надо. Сейчас ведь прилетим.

Корнилов объяснил ему и снова уткнулся в иллюминатор.

Они летели совсем низко. Слева черной линией прорезала лес железная дорога. Было видно, как притормаживала у желтого станционного домика электричка. Чуть поодаль от станции стояла небольшая деревенька. Из труб подымался дым, отбрасывая длинные тени. Деревня исчезла позади, и вдруг из зарослей выскочили три лося. Самолет промчался над ними, лоси сразу остановились. Один из них лег.

— Вон озеро Вьяле! — крикнул Спиридонов и показал рукой направо.

Огромное, вытянутое на много километров заснеженное поле, отороченное сосновым мелколесьем, растилалось внизу. В одном месте, самом узком, на льду темнело несколько черных точек. Корнилов не сразу сообразил, что это рыбаки.

— Велика Федора, да дура, — проворчал Спиридонов. — Вот только там, где рыбаки, и глыбко. А болота вокруг... — Он хотел сказать еще что-то нелестное об озере, но в это время Белозеров, оторвавшись от иллюминатора, крикнул:

— Владычкино! Давайте снижаться.

Самолет низко-низко пронесся над деревней. Корнилов разглядел дом, в котором брали Санпана. Он стоял чуть на отлете. Описывая большой полукруг от деревни, шла по полю дорога и скрывалась в густом еловом лесу. И тропинка, ведущая на станцию, была видна. Теперь сразу стало понятно, почему деревенские упрямо торили в снегу эту тропинку, а не ходили по дороге, — тропинка была намного короче. Корнилов вдруг подумал о том, что хорошо бы найти такую точку, такую гору, с

которой тебе было бы видно, как идти в жизни самым коротким, самым правильным путем...

Вот здесь, где тропинка ныряла в лес, и был убит позавчера лыжник. Какая-то женщина, закутанная в черный платок, шла по тропинке в сторону деревни.

— Ну, что снимать-то? — нетерпеливо спросил Спиридонов.

— Сделаем еще круг, зайдем против солнца, — попросил Корнилов. Он вошел в кабину пилота и, стоя за его спиной, внимательно вглядывался в заснеженные поля. — Пройдем правее этой тропинки. Видите? Вот идет от деревни.

Пилот кивнул головой.

Самолет сделал крутой вираж и полетел, чуть не задевая за маковки елок, снова к тому месту, где тропинка выныривала из лесу.

— Начинайте съемку! — крикнул Игорь Васильевич, обернувшись к Спиридонову. Инженер кивнул.

В том месте, где нашли убитого лыжника, весь снег был истоптан, словно там танцы устраивали. Были заметны и стежки следов на расстоянии метров двухсот — двухсот пятидесяти от тропы. Следы эти описывали огромную дугу и возвращались к месту происшествия. Корнилов догадался, что это прошли они с участковым. Ничего они тогда не заметили, только свежий пушистый снег... И вдруг рядом с этой стежкой Корнилов увидел лыжню. Нет, он не увидел ее, а скорее угадал, что эта легкая голубоватая полоска, похожая скорее на тень от проводов, и есть припорошенная свежим снегом лыжня.

— Капитан! — крикнул Игорь Васильевич, призывно махнув рукой. Белозеров стал рядом с ним. Впился глазами в снежное поле.

— Видите?

— Вижу. А вот на горке натоптано. И след обрывается. Удобное место!

Корнилов проследил за ниткой лыжни. Она и впрямь обрывалась на горке, среди кустов. Здесь лыжник, наверное, стоял долго, а может быть, и лежал...

Но все это они видели лишь считанные секунды, самолет пронесся над горкой, и вот уже мелькнула внизу деревня.

— Еще кружок! — попросил Корнилов. «Вот оно, — заволновался он, — человек пришел на горку и там

остановился. Там, может быть, лежал, ожидая, когда из леса выйдет по тропинке лыжник. Из винтовки достать — плевое дело...»

Теперь уже пилот вывел машину прямо на Орелью Гриву. Лыжня уходила с горки в кусты, потерялась там, но потом появилась вновь, пересекая большую поляну. И снова пропала в густом лесу. Игорь Васильевич огорченно чертыхнулся, но снова увидел лыжню в редколесье. Белозеров вдруг подтолкнул его легонько в бок и сказал пилоту:

— К домику!

Впереди, на большой поляне, стоял бревенчатый дом. Вид у него был нежилой. Может быть, из-за того, что не вился дым из трубы? Но от дома вела тропинка, убежала сквозь лес в сторону деревни.

— Кордон Замостье, — крикнул пилот.

Это был дом лесника Зотова. Лес стал пореже, и Корнилов увидел припорошенную лыжню, а рядом с нею еще одну, совсем свежую. Поляну перед домом пересек еще один, новый след.

— Н-да, — разочарованно проворчал Белозеров. — Следов-то здесь хватает.

— А ты что ж, думал, лесник в лес не ходит? — спросил Корнилов. — Но главное-то мы узнали — след с Орельей Гривы идет по направлению к дому лесника. Заметил? А остальные следы свежие. Сегодняшние. Неужели не отличишь?

Капитан с сомнением хмыкнул.

— Не хмыкай, завтра с утра поедешь с группой в этот район. Пошлешь кого-нибудь по следу. Разберемся досконально. Где наша не пропадала! — И сказал пилоту: — Летим в Лугу!

Усевшись на скамейку, он спросил Спиридонова:

— Как вы думаете, будет замечен этот старый след на снимке?

Спиридонов расплылся весь в хитроющей улыбке.

— С поляризационным фильтром, может, и получится. Да ведь постараямся. Наверное, дело серьезное?

Ему все-таки очень хотелось узнать подробности.

— Человека здесь убили, — сказал Игорь Васильевич. — Ночью был снег, следы замело. Вот решили попробовать с самолета снять...

— А если бы самолета не оказалось? — поинтересовался Спиридонов.

— Пешочком пришлось бы каждый сугроб ощупывать, — ответил Корнилов. — Времени бы убили много...

И подумал: «Надо там поискать гильзы. Хотя, наверное, и нету их. Не оставил стрелок гильзы. Не забыл прихватить с собой. Но проверить нужно...» Он сказал об этом Белозерову. Тот кивнул:

— Любопытный след, товарищ подполковник. Ох любопытный! Изучим его вдоль и поперек, обнюхаем...

— Шутки шутками, — сказал Корнилов, — а вы постарайтесь найти такой участок, где след свежим снегом не запылило. Где-нибудь под елками... И знаешь еще что, Александр Григорьевич, завтра с утра проведите там на месте эксперимент. Определите, можно ли увидеть с этой горушки стоящего на тропинке человека? Ну и главное — положение трупа ведь зафиксировано?

— Да. Я же показывал вам фотографии, — насторожившись, сказал Белозеров.

— Восстановите позу убитого, определите направление выстрела. Удивляюсь, почему только сразу это не сделали?

Капитан виновато вздохнул и с опаской оглянулся на Спиридонова, который сидел, наострив уши, словно лис у мышиной норы.

— Если сойдется все на Орельей Гриве, — задумчиво сказал Корнилов, — имеем шанс.

Он замолчал и стал смотреть в иллюминатор. Уже совсем стемнело. Кое-где мерцали голубоватые холодные огоньки, в одном месте горел большой костер. Наверное, жгли на лесной делянке сучья — языки пламени взвивались высоко вверх.

«Вот ведь как случается, — думал он. — Обычно чем быстрее поспел на место, тем больше шансов обнаружить следы. Свеженькие, первозданные. Тут же в первый день из-за пасмурной погоды намек на следы от лыж не было видно. А прошло время — солнышко эту лыжню и высветило».

6

Около семи вечера вся группа собралась в кабинете начальника угро. Корнилов разложил на столе еще точку сыроватые фотографии. Спиридонов, наверное,

специально передержал их в проявителе, и снимки получились очень контрастные.

Следователь прокуратуры, ведущий дело, сидел напротив Корнилова, пытаясь придать лицу безучастное выражение. Но это у него плохо получалось. Подполковник краешком глаза видел, как время от времени Каликов исподтишка разглядывал его и бросал любопытные взгляды на фотографии, пока непонятные ему. «Неопытный еще парень, — подумал Корнилов, — со своими, лужскими, знает, как себя держать, а тут ленинградское начальство пожаловало. Хоть и чужое, а начальство».

Участковый примостился на стуле у батареи, все время грел руки, наверное, промерз, пока ходил к егерю и к леснику.

— Давайте начнем, — сказал Корнилов. — Обменяемся новой информацией. Только коротко. У вас нет возражений, товарищ Каликов? — обернулся он к следователю. Тот кивнул головой. — Юрий Евгеньевич, начни ты!

Белянчиков вытащил из нагрудного кармана крошечный кусочек бумаги и положил перед собой.

— Я еще раз осмотрел убитого, его одежду. Убитый, по-видимому, художник. Мне показались странными его ногти — как будто цветная грязь под ними... В лаборатории исследовали, говорят: краска. Гуашь. А в кармане я нашел вот это... — Белянчиков вытянул из кармана целлофановый пакетик, в котором лежал маленький красный осколок, похожий на осколок школьного мелка, только потоньше. Участковый поднялся со своего стула, пытаясь через голову Юрия Евгеньевича разглядеть, что там он выложил на стол.

— Василь Василич, — сказал Корнилов, — подгребай к столу, а то шею свернешь.

Рыскалов покраснел и, неловко громыхнув стулом, пересел к столу. Следователь тоже смотрел на пакет, уже не скрывая любопытства.

— Это сангина, — невозмутимо продолжал Белянчиков. — Кроме как у художников, ее вряд ли у кого найдешь. Я тут проконсультировался с одним здешним живописцем... Это сангина французская. Очень хорошего качества... У нас только через Худфонд ее распределяют. — Он сделал паузу и сказал сердито: — Если бы

огрызок сангины нашли вчера утром, мы сегодня уже знали бы имя убитого.

Корнилов посмотрел на Белозерова. У того уши сделались пунцовыми, а следователь заерзал на стуле.

— Я передал в управление, чтобы выяснили в Союзе художников, у кого могла быть французская сангина... Звонил еще раз Бугаев. Сообщил, что по номеру билета определили не только маршрут, но и приблизительное место, где художник садился в автобус. Это на Петроградской. Между улицей Попова и Введенской. Да, и вот еще что: крепление на одной из лыж сломано. Скорее всего, что часть дороги лыжи на этом художнике ехали, а не он на них... У меня все, — закончил Белянчиков и, насупившись, уставился на следователя своими немигающими глазами.

— Есть вопросы к капитану? — спросил Корнилов. Все молчали, и только участковый поднял было, как школьник, руку и тут же отдернул. Видно, хотел что-то спросить, да застеснялся.

— Что дал дополнительный опрос на станции? — нарушил тишину Белозеров.

— Ничего нового. С пятнадцатичасового поезда в сторону Владычкина пошли двое. Один с лыжами, другой без. Дежурный по станции говорит, что мог бы опознать человека, шедшего без лыж. Установить людей, которые приехали этой же электричкой, пока не удалось.

— Очень важно, что дежурный сможет опознать пассажира, — сказал Корнилов.

— Некого только предъявить ему на опознание... — невесело ответил Белянчиков.

— Скажите, а вы оформили процессуально найденные вещественные доказательства? — поинтересовался следователь.

Корнилов видел, как заиграли на скулах у Белянчикова желваки, и почувствовал, что запахло порохом.

— Ну а как же, товарищ Каликов, — сказал он примирительно. — Об этом даже и говорить не стоит...

Белянчиков, усмехнувшись, глянул на Корнилова и покачал головой.

— Василий Васильевич, а что дал ваш поход?

Участковый хотел встать, но Корнилов остановил его:

— Сидите, сидите.

— Товарищ подполковник, егерь Вадим Аркадьич утверждает, что у лесника наверняка винтовка есть, — торопясь, начал участковый. — На Николу он лося свалил...

— Ты давай поточней, — сердито сказал Белозеров, — числа называй. А то «на Николу»!

— Девятнадцатого декабря, — поправился участковый. — Только егерь сам винтовку не видел, а нашел лося. Уже освежеванного. По ране определил — из винтовки стреляли. И женка егерева подтверждает — она рану видела.

Все засмеялись.

— Ну раз женка видела, тогда дело в шляпе, — сказал Белянчиков. — А почему он думает, что это лесникова работа?

— Следы, товарищ капитан. К самому кордону. Лесниковы, говорит, широкие лыжи.

— Протокол составил? — строго спросил следователь.

— Не составил, — тихо сказал участковый, будто сам и был виноват в том, что протокол не составлен. — Пожалел он его. По-соседски.

Следователь, недовольно покрутив головой, легонько стукнул ладонью по столу. Получилось это у него немного картинно, наигранно. Он и сам, видать, почувствовал это, смутился.

— Ты у лесника был? — тревожась, спросил Корнилов.

— Был, товарищ подполковник. Только он, наверное, выехатчи. Запертый дом. Одна собака в сенях вуёт.

— Интересно, интересно, — глубокомысленно произнес Белозеров и посмотрел на подполковника.

— Молодец, участковый, — похвалил Корнилов и спросил у Белозерова: — У вас, Александр Григорьевич, по версии «Санпан» есть что-нибудь новенькое?

— Есть, Игорь Васильевич, — ответил начальник уголовного розыска. — Наши только что произвели еще один обыск у кузнеца Левашова. Жена показала, где у него спрятан пистолет. В бочке с капустой держал, товарищ подполковник. Закатал в полиэтилен. Придется дело заводить!

— Экспертизу уже провели, — сказал следователь. — Из пистолета очень давно не стреляли. Мое мнение: версия «Санпан» отпадает. Многие люди под-

твердили, что в день убийства Полевой был в Пехенце, напился до бесчувствия и на попутке отвезен домой...

— Что касается охотников, — продолжал Белозеров, — то и эта версия отпадает. По оперативным данным, за последнюю неделю не было в том районе охотников. И местные мужички на охоту не выходили...

Корнилов слушал Белозерова и невольно сравнивал его с Белянчиковым. Вместе учились, наверное, одногодки, а как небо и земля. Юрий Евгеньевич подтянутый, сосредоточенный, в черных волосах ни одного седого волоска. Вот только угрюмоват. А Белозеров располнел, чуточку обрюзг, голова совсем седая... Говорит — руками машет, словно мельница. Да и следы неряшливости заметны. Нет, что ни говори, работа в большем, слаженном аппарате заставляет человека следить за собой, подтягивает. Хотя работник Александр Григорьевич и хороший, но уж какой-то очень домашний. А может быть, это и неплохо, что не сухарь?

Когда Корнилов, раздав каждому из присутствующих по фотографии, сделанной Спиридоновым, рассказал о своих предположениях, в кабинете стало совсем тихо.

— Неужели заметенная снегом лыжня так хорошо видна? — удивился следователь Каликов, первым нарушив молчание.

— Не так уж и хорошо, — сказал Корнилов. — Но разглядеть можно.

— Да, похоже, что к леснику один след ведет, — со вздохом произнес участковый. — Значит, он. А ведь все говорят, хороший мужик. Я вот беседовал...

— Да, это уже кое-что значит! — прервал его Корнилов. — Версия, пожалуй, самая перспективная. Завтра утром надо пойти по следу и провести следственный эксперимент на месте убийства. И взять разрешение на обыск и задержание лесника. Если он появится. Ну, это уже ваше дело. Справитесь теперь без нас. А мы с Юрием Евгеньевичем поедem в Ленинград. — Он посмотрел на Белянчикова.

Тот оживился:

— Конечно, поедem. Ехали-то на день, а сидим вторые сутки!

Несмотря на настойчивые уговоры Белозерова, Корнилов отказался даже поужинать.

— Нет, нет, не уговаривай, — сказал он начальни-

ку розыска, когда они спускались по лестнице, к выходу, — я устал, спать хочу. А ужинать и вам, капитан, не советую. Будете стройным, как кедр ливанский...

— А я думал, вы дождетесь результатов, — уныло пробормотал Белозеров.

— Сами не маленькие, — усмехнулся Корнилов. — Дело-то сделано! Чего же нам тут торчать? Мне шеф до утра срок дал. — И вдруг неожиданно вспылil: — Хватит! Ты что же, считаешь, что мы двужильные? — Он перевел дыхание и сказал уже тихо, с укором: — Ты меня спроси, сколько вечеров за последние два месяца я дома провел? Да не больше десяти... — Корнилов хотел еще сказать, что книги ему приходится читать по ночам, но сдержался. «Белозеров-то тут при чем? — подумал он. — Сам небось минуты свободной не имеет».

Белозеров шел за Корниловым понурый, лицо у него было расстроенное.

«Чего это разошелся шеф, — думал Белянчиков, — нервы сдавать стали, что ли?» Таким раздраженным он видел Корнилова редко.

Они уже вышли на улицу, к машине, когда Белозеров робко спросил:

— Вы, может быть, участкового подбросите до Мшинской? Электричка не скоро...

— Пусть едет! — махнул рукой Корнилов.

Он с Белянчиковым сел на заднее сиденье, посадив участкового рядом с Углевым. Белянчиков сразу как-то съежился в своем углу, поднял воротник дубленки и через несколько минут стал похрапывать. А Корнилов и хотел заснуть, да никак не мог. Его всегда одолевало такое чувство, что стоит ему закрыть в машине глаза, задремать, как сразу что-нибудь случится, произойдет авария, катастрофа. И как бы он ни хотел спать, пере-силить себя и заснуть никак не мог.

«Зря я распалился, — пожалел он. — Обидится Белозеров теперь!»

Им овладела вдруг апатия, безразличие ко всему на свете — и к тому, чем он занимался здесь, в Луге, двое суток, и к лыжне, которую он отыскал. «Ну и что? Очередное дело, — думал он. — Сколько их было! И сколько будет. А все одно и то же, одно и то же. Мельтешишься, суетишься, а годы идут, и на свете столько всего интересного, но не для тебя. Все мимо, мимо. Гру-

беть я стал, явно грубеть. Вбили себе в голову, что стараемся дни и ночи для людей, а ведь и сами мы люди. Себя забываем, для себя не стараемся. А для кого мы старались эти двое суток? Для кого? Для убитого художника, которого даже, как звать, не знаем? Ему ведь уже все равно».

Потом Корнилов вспомнил о том, что ему предстоит еще неприятное дело — писать отзыв на одну диссертацию. Диссертация слабая. Повторение старых прописных истин. Чего стоит хотя бы эта врезавшаяся в память фраза: «Совершая преступление, преступник во многих случаях старается согласовать свои действия с конкретной обстановкой». Да ведь это каждому известно еще со студенческой скамьи! Зачем же толочь воду в ступе, ради чего выдавать банальность за открытие? Ради прибавки в жалованье? За такие диссертации надо бы лишать права заниматься научной работой! Но шеф просил поддержать. Он официальный оппонент, неудобно устраивать погром. Придется писать уклончиво, хитрить.

— Товарищ подполковник, — вдруг тихо сказал участковый, нарушив его невеселые думы. — А почему вы так поспешили уехать из Владычкина? После разговора со старухой Кашиной?

Корнилов вздохнул, ему не хотелось ничего вспоминать, вообще не хотелось говорить, но в голосе участкового была такая искренняя заинтересованность, что он не смог промолчать.

— Она, лейтенант, про лесникова дружка говорила, помнишь? Видный, говорит, мужчина, в большой рыжей шапке. Я и вспомнил — убитый тоже был в большой шапке. Фигуристый... Решил позвонить, проверить...

— Понятно, — сказал участковый. — А нас в школе учили, что надо все последовательно делать. Проверять все версии.

— Правильно вас учили. Только надо еще вовремя за самую перспективную ухватиться. А то увязнешь в этих версиях, как в сугробе... А тебя одного я решил оставить, когда заметил на снегу против солнца старую лыжню. Попытаю, подумал, счастья. И видишь — повезло. Про карабин — бесценные сведения. Тебе в уголовный розыск надо переходить.

— Ну уж! — смущенно пробормотал участковый и

спохватился: — Надо бы остановиться. Мне выходить.

Тут только Корнилов заметил, что они, проскочив центр Мшинской, едут уже по окраине.

— Ты чего же не сказал, что приехали? — удивился он. — Саша, давай развернемся, подбросим лейтенанта до центра.

— Да что вы, что вы! — запротестовал участковый. — Мне тут десять минут. До свидания, товарищи!

Корнилов протянул ему руку.

— Будь здоров, Василий! Научись еще со старухами говорить, буду в угрозыск рекомендовать.

— Чего таким сосункам в розыске делать? — проворчал Углев, когда они тронулись дальше. — Пускай тут самогонщиц гоняет.

Корнилов усмехнулся, но промолчал. Ему лень было разговаривать, объяснять. Хотелось ехать, ехать бесконечно, смотреть по сторонам на заснеженный лес, на редкие, плохо освещенные деревеньки и не думать ни о чем.

7

На следующий день утром, просматривая у себя в кабинете оперативную сводку происшествий за день, Корнилов подумал о том, что же скажет лесник, когда к нему нагрянут Каликов с Белозеровым. Сам ли он стрелял или кто-то пришлый, какой-нибудь гость или охотник, вышел с кордона, чтобы всадить пулю в лыжника? Значит, ждали того человека. С трехчасового поезда ждали.

Все время звонил телефон. «Два дня не посидел в управлении — сразу всем понадобился!» Из горнонапоминали, что через пять дней его доклад перед директорами школ о профилактике преступности. Девушка из общества «Знание» просила выступить с лекцией на заводе имени Ломоносова. Позвонил Белянчиков. Доложил, что находится в Худфонде, пытается узнать, кто мог купить через магазин Худфонда французскую сангину.

— Ты очень-то не надейся, — сказал ему Корнилов. — Если у них такое же снабжение, как и везде, то дефицитные краски и сангину скорее всего у спекулянтов достают,

Потом позвонил Грановский, главный режиссер театра «Балтика». Просил завтра прийти на репетицию. Он ставил пьесу «Полночный вызов» по роману Сорокина «Бармен из «Астории». Пьеса об уголовном розыске, и Корнилова пригласили консультантом. Да какое там пригласили! Грановский просил начальника управления порекомендовать опытного сотрудника, и Владимир Степанович назвал Корнилова.

— Дружочек, — позвонил Игорю Васильевичу месяца полтора тому назад режиссер, — вы назначены ко мне консультантом. Репетиции начнутся через неделю. Будьте добреньки полистать пьесу...

Игорь Васильевич слегка опешил от такого напора и от «дружочка», но сказал твердо:

— Увы, Александр Кириллович, пьесу полистать не смогу, уголовные дела листаю. Кого-нибудь другого поищите. И рад бы в рай...

— Ну-ну, — только и произнес Грановский и повесил трубку.

«А в общем-то было бы интересно побывать на репетициях, познакомиться с театральной кухней, — с некоторым даже сожалением подумал Корнилов. — Но время, время...»

Однако прошло не больше пяти минут, и загудел прямой телефон начальника управления.

— Товарищ подполковник, — сказал Владимир Степанович, — вы что же меня подводите? Я вас любителем Мельпомены представил, а вы известному режиссеру от ворот поворот?

— Товарищ генерал, со временем туго... — начал было Корнилов, но Владимир Степанович перебил его:

— У нас в управлении бездельников нет, со временем у всех туго. Беритесь за дело. Я давно хочу с театрами дружбу завести. Пусть побольше спектаклей про милицию ставят.

Корнилов еще не успел положить телефонную трубку, как зазвонил городской телефон. Снова Грановский.

— Так я напоминаю, Игорь Васильевич, первая репетиция через неделю. В двенадцать. Куда адресовать вам пьесу?

— Пришлите в управление.

Грановский оказался на редкость приятным человеком: молодым — ему было не больше сорока, — краси-

вым, чуть располневшим блондином. Корнилов обратил внимание на очень мягкие, немного женственные черты лица режиссера. Могло даже показаться, что Грановский слишком мягок, безволен. Но его глаза время от времени поблескивали из-под больших очков холодными голубыми льдинками так пронзительно, что наблюдательный человек сразу отбрасывал всякие мысли о безвольности режиссера. И в то же время он был мягким, обходительным...

...Переговорив с режиссером и пообещав обязательно побывать на репетиции, Корнилов пригласил Бугаева.

— Как с поисками, Семён? — спросил он старшего инспектора. — Ты райотдельцев привлёк?

— Конечно. Они и сегодня ищут. Я, как узнал, что убитый скорее всего художник, позвонил им. Сказал, чтобы в первую очередь за художников взялись. Вчера то я не знал этого! — сказал он недовольно. — В два счета бы нашли. Теперь взяли в Союзе художников адреса проживающих в районе. Да ведь, может, он не член союза!

— Хвастун, — усмехнулся Корнилов. — Давай держи связь с райотделом.

Варя, техсекретарь Корнилова, приоткрыла дверь, сказала чуть раздраженно:

— Опять этот Гусельников звонит. По местному. Требуется приема.

Корнилов вздохнул. Гусельников осаждал его уже месяц. Сначала прислал длинное и вежливое письмо. Чувствовалось, что у автора дрожат руки — буквы были большие и волнистые. Гусельников жаловался на то, что уже два года, как уголовный розыск установил у него в квартире, в настольной лампе, подслушивающее устройство и следит за каждым его словом.

«Нельзя преследовать человека всю жизнь, — писал Гусельников. — Я уже давно стал честным человеком. Три года назад сотрудники стадиона имени Сергея Мироновича Кирова с почётом проводили меня на пенсию. Подарили телевизор и оставили постоянный пропуск на стадион. И вот теперь я снова на подозрении. Почему? Стыдно травить старого, больного и ныне беспрельдно честного человека». Заканчивалось письмо просьбой убрать магнитофон из квартиры.

«Что за бред? — подумал Корнилов. — Какой маг-

нитофон, какая слежка? Этот Гусельников явный псих!» Он повертел письмо в руках, не зная, что с ним делать, а потом написал на нем: «В архив».

Но Гусельников продолжал писать. Начальнику управления, в горьком партии, в Министерство внутренних дел. И все письма стекались к Корнилову. Он попросил сотрудников райотдела навести справки о Гусельникове. Оказалось, что он действительно болен. Несколько лет страдает психическим расстройством. Мания преследования. А двадцать лет тому назад был приговорен к десяти годам заключения за крупные взятки — он работал в отделе учета и распределения жилплощади. Отсидел он семь лет и все последние годы проработал сторожем на стадионе...

И вот теперь просится на прием... Что ему сказать? Как объяснить ему, что никакие магнитофоны уголовный розыск никому не подключает? Как разговаривать с больным? Не принимать? Но он опять будет писать во все концы.

— Ну так что ему сказать? — спросила Варя.

— Пусть приходит! — решил Корнилов. — Позволи, чтобы пропустили ко мне.

Варя удивленно посмотрела на своего начальника и хотела уже закрыть дверь, но Корнилов остановил ее.

— Нет, Варя, он больной человек, еще заблудится в наших коридорах. Сходи-ка за ним сама...

— И-и-и-горь Васильевич, — недоуменно протянула Варя.

— Иди, иди!

Через десять минут Гусельников сидел в кресле перед Корниловым и быстро-быстро моргал длинными белесыми ресницами. Он был высок, тощ, как дистрофик, и вся кожа у него — и на лице и на руках — пестрела от крупных рыжих веснушек. Корнилов ожидал увидеть дергающегося психа с шалыми глазами, готового забиться в падучей, но Гусельников смотрел на него осмысленно и спокойно, и походил он скорее на старого доктора, чем на больного.

— Я вас слушаю, — сказал Корнилов.

Гусельников поерзал в кресле, наморщив и без того морщинистый лоб, и, весь подавшись к Корнилову, сказал тихо, просительно:

— Уберите магнитофон, товарищ начальник, перед вами как на духу — расквитался я сполна за грехи. Че-

стно живу на свою кровную пенсию... — Он хотел что-то еще сказать, но в это время дверь отворилась и снова вошел Семен Бугаев.

— Разрешите, Игорь Васильевич? — он подошел к столу.

— Что-нибудь срочное у тебя? — спросил Корнилов, Бугаев пожал плечами:

— Мне Варя сказала зайти к вам.

Корнилов усмехнулся. «Варюха, видать, решила, что с сумасшедшими надо разговаривать вдвоем». Сказал Бугаеву:

— Садись, поговорим вместе. — И, обернувшись к Гусельникову, отрекомендовал: — Это наш работник — Бугаев. Я думаю, он нам поможет...

Бугаев удивленно поднял брови.

— Товарищ Гусельников пришел к нам с жалобой на действия уголовного розыска. Обижается, что мы до сих пор следим за ним... Вмонтировали в настольную лампу магнитофон. — Подполковник в упор смотрел на Бугаева. Лицо у Корнилова было серьезное, и только глаза смеялись. — Товарищ Гусельников много лет назад совершил преступление, но стал честным человеком, сейчас на пенсии...

— Истинно так, — кивнул головой Гусельников, — доживаю свой век честно и праведно. Любим сослуживцами. Бывшими сослуживцами.

— Н-н-да, — произнес нерешительно Бугаев и стал медленно потирать подбородок. — Н-н-да, — повторил он, глядя то на Корнилова, то на Гусельникова.

— Поймите, — Гусельников придвинулся вместе с креслом к сидящему напротив Бугаеву. — Поймите, молодой человек. — Он положил свои длинные веснушчатые ладони на колени капитану. — Расходовать магнитофонную ленту на мои старческие разговоры с такими же никчемными стариками, как я, — непозволительная роскошь для уголовки...

Игорь Васильевич улыбнулся, видя растерянность Бугаева. А про Гусельникова подумал: «Интеллигент, интеллигент, а прошлое еще напоминает о себе — вот как он про нас: «уголовка».

— Я пришел к выводу, товарищ Бугаев, — сказал Корнилов, — что наблюдение за Корнеем Корнеевичем Гусельниковым надо полностью прекратить. Полностью и навсегда, — повторил он с нажимом.

Бугаев сидел с каменным лицом.

— Семен, ты поедешь сейчас с товарищем Гусельниковым и заберешь передающее устройство. У тебя есть ко мне вопросы?

Бугаев вдруг усмехнулся и отрицательно покачал головой. По тому, как блеснули его глаза, Корнилов догадался, что Бугаев наконец все понял...

— Товарищ начальник, — сказал Гусельников радостно. — Товарищ начальник... Я так благодарен, что вы мне поверили. Я старый, по гроб жизни честный человек...

— Корней Корнеич, — Корнилов встал. — Не будем терять время. Садитесь в машину вместе с сотрудником и поезжайте. — И, обернувшись к Бугаеву, сказал: — Семен, одна нога там, другая здесь. Ты мне будешь нужен.

— Товарищ Корнилов! — двигаясь к дверям, причитал Гусельников с умилением. — Какой человек, какой человек!

Как только они ушли, Корнилов вызвал секретаршу.

— Варвара Григорьевна, — начал он строго. — Это вы прислали ко мне Бугаева?

Варвара покраснела:

— Игорь Васильевич, сумасшедший же... Мало ли что!

— Старик ведь, — уже мягче сказал Корнилов.

— Все равно, — упрямо сказала Варвара. — Вон в Москве сумасшедший с ножичком ходит...

— Эх ты, Варвара, в уголовном розыске работаешь, а слухами пользуешься!

Варвара вдруг засмеялась:

— Приходится, товарищ начальник. Вы ведь все секреты секретничаете.

Корнилов махнул рукой:

— Тебя переубеждать — себе дороже. А Семена ты, Варя, подвела. Дал я ему ответственное задание — шизофреника Гусельникова излечить.

Варвара недоуменно уставилась на Корнилова.

— Редкий случай — человек свихнулся на почве своих старых преступлений. Мания преследования.

«А что? — подумал Корнилов, когда Варя ушла. — Вдруг этот псих поверит нам и вылечится? И перестанет писать свои дурацкие письма!»

И в машине Гусельников продолжал бубнить себе под нос, какой чуткий человек товарищ Корнилов. Жил он на Петроградской, и, когда ехали по Кировскому, Бугаев вспомнил, что как раз вчера исходил в этом районе все улицы, расспрашивал в ЖЭКах, не пропал ли за последние дни кто-нибудь из жильцов.

— Корней Корнеич, так вы в каком доме живете? — спросил он заинтересованно, обернувшись к Гусельникову.

— Профессора Попова, дом тридцать восемь. Я уже докладывал вам, — ответил старик и, неожиданно хихикнув, погрозил Бугаеву пальцем. — А вы все хитрые ребята в угро! Шустрики.

— Да, да, говорили, — пробормотал Бугаев, — это я так, засмотрелся по сторонам, забыл.

Бугаев вспомнил: он был в этом доме. Разговаривал в ЖЭКе с паспортисткой. С дворником. Колоритный такой дворник — огромного роста, с большой бородой. Бугаев еще подумал: «Наверное, до революции были такие дворники. Сидели у ворот со свистками и помогали жандармам выслеживать революционеров...»

Машина остановилась у большого грязно-серого дома.

«Да был же я здесь, точно», — подумал Бугаев, вылезая из «Волги».

— Товарищ Бугаев, нам во вторую парадную, — тронул его за руку старик. Они пошли через маленький садик. Дорожка была хорошо расчищена, посыпана песком, и Бугаев снова вспомнил про дворника.

— Наш дворник ужасный человек, — сказал неожиданно Гусельников, будто подслушал мысли Бугаева. — Всегда за всеми наблюдает. Вон и сейчас борода в окошке торчит! — Бугаев и правда увидел в окне первого этажа наблюдавшего за ними дворника. — Он ведь, наверное, у вас служит? — спросил Гусельников.

«Этому маньяку уже ничто не поможет», — подумал Бугаев, начиная злиться, и спросил:

— Народ тут у вас хороший живет?

— Народ разный, — хитро сощурился Гусельников, открывая перед Семеном двери парадной. — Все больше хитрецы да согладатаи. Но есть и душевные люди.

На втором этаже Гусельников показал на дверь, обитую черной клеенкой:

— Вот здесь живет, например, хороший человек. Мой сосед. — Он достал из кармана связку ключей и с тревогой посмотрел на Бугаева. Лицо у него напряглось, он нерешительно оглянулся, словно потерял что...

— Что, пришли? — спросил Бугаев.

— Да, но, видите ли...

— Да открывайте вы свою квартиру, я отвернусь! — Бугаев понял, что старик не хочет показать ему свои секреты.

Гусельников долго возился с дверью, гремя ключами и рассказывая:

— Сосед мой — хороший человек, только совсем неопытный. Простуха. Я ему рассказываю, что меня подслушивают, а он смеется: «Не те сейчас времена, Корней Корнеич!» А при чем тут времена? Это всегда было и будет... — Он наконец открыл дверь и первый вошел в квартиру. Зажег свет. На Бугаева пахнуло затхлостью.

— Разоблачайтесь, товариш! Шапочку вот сюда, пальто на вешалочку. Не очень-то тепло вас в угро одевают. Не балуют. А если под окном где-нибудь простоять ночь придется? Замерзнете ведь. — Он так и сыпал, так и сыпал словами. Так медленно и значительно говорил в кабинете у Корнилова, а гут словно прорвало.

Они прошли в большую комнату, обставленную очень скромно, и Бугаев сразу же увидел эту злополучную настольную лампу с большим зеленым абажуром, какие нет-нет да еще встречаются в некоторых богом забытых учреждениях. Сдерживаясь, чтобы не улыбнуться, Бугаев подошел к ней. Гусельников перестал болтать и молча следил за Семеном.

— У вас есть запасная лампочка и патрон?

Старик кивнул.

— Принесите. И какую-нибудь коробочку. Я их увезу...

Гусельников принес лампочку и маленькую картонную коробку из-под шалфея.

— Только давайте договоримся твердо, — сказал Бугаев. — Никому ни слова! Секрет! — А сам подумал: «Все равно болтать будет. Понесет уголовный розыск моральные издержки. Лучше взял бы да выбросил эту лампу, чем жалобы писать!»

→ Мой сосед приходил, крутил лампу. «Ничего нет», — говорит. Да что он понимает, неопытный в этих делах. А художник хороший, — болтал Гусельников.

— Художник? — задумчиво спросил Бугаев. — Он сейчас дома?

— Уехал. Наверное, на этюды за город.

— Когда уехал? — перебил старика Бугаев.

— Да недавно...

— Ну вот что, — Бугаев быстро вывинтил лампочку с патроном, положил в коробку, коробку сунул в карман. — Ну вот что, товарищ Гусельников, аппаратуру я снял, заберу с собой. Живите спокойно. А сейчас поговорим... — Он сел на стул, напряженно глядя на старика.

— Художнику сколько лет?

Гусельников испуганно тарашил глаза.

— Да садитесь вы, Корней Корнеич. Это очень важно.

Гусельников сел. Лицо его напряглось. А губы расплылись в какой-то совершенно неестественной улыбке. «Да он ведь действительно псих, — испугался Бугаев. — Как бы не было приступа!»

— Художник молодой, — выдавил наконец Гусельников. — Тельманом зовут.

— Молодой? — переспросил Бугаев.

— Да не то чтоб уж очень, — замялся старик. — Года сорок два, сорок три...

— Когда вы его в последний раз видели?

Гусельников пошептал немного, загнул три пальца и улыбнулся:

— Дня три назад.

«Совпадает, — подумал Бугаев. — Уж не тот ли самый?» — и сказал:

— А время, время! В какое время он уехал?

— Да как вам сказать, — задумался старик. — Я еще не пообедал. Я в столовке обедаю. Тут рядом, через три дома. Погано кормят, но дешево. — Он снова задумался. — Ну вот, туда я и собирался. Вышел из дому. А впереди Тельман с лыжами. В спортивной куртке.

«Ну и ну, — волнуясь, слушал Бугаев. — Не было бы счастья...» — и тут же остановил себя.

— Ну и что?

— Что значит «ну и что»? — рассердился старик. —

Это ведь вы меня расспрашиваете. Значит, вам интересно. Все еще психом меня считаете?

Бугаев вздрогнул. Его охватило неприятное чувство оттого, что Гусельников опять будто читал его мысли.

— Ради бога, простите. Но то, что вы рассказали, так меня ошеломило... Этот ваш художник очень похож на одного человека... Он заблудился в лесу и замерз.

То, что старик разозлился на его дурацкое «ну и что», навело Бугаева на мысль, что Гусельников не такой уж сумасшедший. «Ну бывает же у человека бзик!»

— Неужели вы думаете?.. — испуганно спросил Гусельников. — А тут его кто-то искал целый день. Какой-то дикий дед.

— Да нет, все еще неясно. Это какое-то совпадение, — сказал Бугаев. — Мы проверим. Да, может быть, он уже дома, ваш Тельман. Вы сегодня к нему не заходили?

— И правда! — оживился старик. — Не заходил. Надо заглянуть. — Он вскочил со стула, но тут же в нерешительности остановился и с сомнением поглядел на Бугаева.

«Бойтся меня одного оставить», — подумал Бугаев и тоже встал.

— Как фамилия вашего знакомого?

— Тельмана? Алексеев Тельман Николаевич, — сказал Гусельников и вдруг громко рассмеялся: — Как хорошо! Впервые я могу у себя дома говорить свободно. Эх вы! Столько лет следили за стариком. Все думали, что я про денежки проговорюсь? Как бы не так! Нету денежек. Тю-тю! — И он снова рассмеялся. Ехидным, дребезжащим смехом.

«Ох и жук же ты, Корней!» — мелькнула у Бугаева мысль.

— Зайдемте к художнику!

— А чай? — круто переходя от ехидства к умильности, сказал старик. — Я хотел напоить вас чайком с малиновым вареньцем. Я хоть и бедный пенсионер, но варенье всегда имею...

— В следующий раз, Корней Корнеич, — остановил его Бугаев. — Пошли к художнику.

Они долго звонили у дверей — никто не отзывался.

— Наверное, загостился, — сказал Бугаев и распрощался с Гусельниковым. Внизу он заглянул в почтовый

ящик четырнадцатой квартиры. Было видно, что уже несколько дней оттуда не вынимали газеты.

Выйдя из дома, Бугаев помчался в домоуправление.

Управдом, худенький старичок в морской шинели и фуражке, наверное, из отставников, запирает дверь своего кабинета. Вид у него был встревоженный.

— Вы ко мне? — спросил он Бугаева и, не дожидаясь ответа, сказал: — Позже, позже. Я очень занят.

— Мне на два слова, — попросил Бугаев и вытащил из кармана служебное удостоверение. — Я из уголовного розыска.

— Что? — искренне удивился старичок. — Вы уже здесь? Я ведь только что трубку повесил... Это вы товарищ Сазонкин?

Сазонкин был старшим инспектором уголовного розыска районного управления.

— Я капитан Бугаев. Так получилось, что мы не сговорились...

Старик посмотрел на него подозрительно и теперь уже сам протянул руку за удостоверением. Прочитал его внимательно, сверил фотокарточку с оригиналом и только тогда вернул.

— Товарищ Сазонкин просил взять понятых и ждать его у четырнадцатой квартиры. Вы тоже по поводу Тельмана Николаевича Алексева?

Бугаев кивнул:

— Да, я хотел кое-что уточнить. Он ведь художник?

По дороге управдом позвал за собой молоденькую паспортистку. Они поднялись на второй этаж, туда, где Бугаев только что расстался с Гусельниковым. Управдом с сомнением посмотрел на дверь его квартиры и тихо сказал:

— Этого в понятые брать нельзя. Убогий, — он pokrutil пальцами у виска и вздохнул. — Подождем. Сейчас должен товарищ Сазонкин прибыть.

Бугаев хотел было порасспросить управдома, но в это время хлопнула дверь парадной, послышались энергичные шаги, и на лестнице появился Сазонкин. Он совсем не удивился, увидев Бугаева, деловито поздоровался со всеми за руку и спросил управдома:

— Алексей Алексеевич, а слесарь?

— Должен в тринадцать ноль-ноль прибыть, — сказал управдом и посмотрел на часы. — Еще две минуты...

«Морская косточка, — подумал Бугаев, — Симпатыга дед».

И действительно, внизу снова хлопнула дверь. Пришел молоденький паренек с чемоданчиком. Удивленно посмотрел на целую толпу собравшихся перед дверью квартиры. Спросил:

— Чего делать-то, Алексей Алексеевич?

— Что товарищ скажет, — кивнул управдом на Сазонкина.

9

Когда Корнилов, вызванный звонком Бугаева, приехал на Петроградскую, дверь в квартиру художника была уже открыта. Подполковника встретил сотрудник районного управления внутренних дел Сазонкин, провел в комнату. На огромной тахте степенно восседал старик и молодая женщина, а Бугаев стоял у маленького письменного стола и листал какой-то толстый альбом. Первое, что бросилось в глаза Корнилову в этой огромной светлой комнате, большое неоконченное полотно на мольберте. Как раз напротив дверей. Безбрежная белая равнина, сливающаяся на горизонте с белесым холодным небом. Слева два утонувших в сугробах домика, кусты сирени с прихваченными морозом зелеными листочками и небольшой дубок поодаль, ярко-желтый, словно вызов холодам и метели. А среди снегов — крошечная фигурка человека, уходящего вдаль, к горизонту, по еще не обозначенной художником дороге. От картины веяло холодом.

— Товарищ подполковник, смотрите. — Бугаев протянул Корнилову две фотографии — ту, что была сделана с мертвого лыжника, и другую, видимо найденную в альбоме. Но подполковник и так все понял: на стене среди других картин висел, наверно, автопортрет художника. Корнилов сразу узнал в изображенном на нем человеке убитого лыжника. Узнал по чуть утолщенному переносью и косой морщинке, перечеркнувшей лоб, будто глубокий шрам. Художник смотрел пристально, с вызовом. На втором плане, за его спиной, в хрустальной вазе стояло несколько веток спелой рябины. Картина была яркая, какая-то торжественная, насыщенных тонов. Широкие, рельефные мазки.

— Значит, правильно предположил Юрий Евгеньевич. Убитый — художник?

Бугаев кивнул:

— Тельман Алексеев! Странное имя, да?

— Странное. А как нашли адрес?

— Да вот так совпало, товарищ подполковник, — развел руками Бугаев. — Я ведь сюда, в квартиру напротив, привез вашего психа. — Корнилов посмотрел на Бугаева сердито, тот осекся и оглянулся на прислушивающихся к разговору понятых. — Гусельников стал рассказывать про соседа-художника. А я же вчера весь этот район перепахал. Автобусный билетик-то! Ну вот и поинтересовался. Пошел искать управдома, а он уже из районного управления гостей ждет. Встретились с товарищем Сазонкиным у дверей.

Сазонкин кивнул:

— Мы, товарищ подполковник, получив задание, выяснили в союзе адреса всех художников, проживающих в нашем районе. Стали обзванивать. К тем, у кого телефона нет, просили домоуправов заглянуть. А я с Алексеем Алексеевичем Талызиным разговаривал, просил справиться, дома ли художник Алексеев.

Подтянутый старик, сидевший на диване, слушал внимательно, кивал головой.

— Он позвонил в квартиру, в почтовый ящик заглянул — почту несколько дней не вынимали... Я и решил проверить.

— Молодчина, майор, — сказал Игорь Васильевич. — Позвоню Рудакову, попрошу, чтоб отметил вас. — Рудаков был начальником Ждановского райуправления.

Корнилов снова подошел к неоконченному зимнему пейзажу, молча остановился перед ним, и ему невольно вспомнились заснеженные поля и темный, холодный лес вокруг одинокой деревеньки Владычино. И представилось, что маленькая фигурка, затерявшаяся в белой замети, это и есть сам художник, идущий навстречу выстрелу. «Куда же шел этот Тельман? К кому? Нет, не случайно оказался он около Орельей Гривы... Кстати, какое красивое название: Орелья Грива! Орлы, кони. Почему эта маленькая горка так называется? Эх, не в этом дело!» Корнилов вздохнул и полез в карман за сигаретами. Но их там не оказалось. Наверное, второпях забыл в кабинете.

— Зачем понадобилось леснику стрелять в художника? — сказал он тихо.

— Вы уверены, что убийца — лесник Зотов? — спро-

сил Бугаев, продолжая внимательно рассматривать бумаги, вынутые из письменного стола.

— Я не исключаю, что убийца — лесник. — Корнилов посмотрел на часы. Было без пятнадцати четыре. — Думаю, что скоро мы будем все знать точно. Лесник ли стрелял или кто-то посторонний. Посторонний, но скорее всего известный Зотову. Ведь, судя по лыжне, не мог убийца миновать кордон лесника. Ладно, подождем! Белозеров, наверное, уже закончил свои поиски...

Он отошел от мольберта и стал внимательно рассматривать картины, развешенные на стене. В основном это были деревенские пейзажи, несколько женских портретов. Портреты не понравились Корнилову — они оставляли впечатление какой-то застылости, статичности. У всех людей были неживые, белесые глаза. А пейзажи радовали. Светлые, лиричные. «У них и краски будто бы горячие». Ему показалось: приложи ладонь — ощутишь тепло нагретых солнцем бревенчатых домиков.

Одна из стен этой большой комнаты, служившей, очевидно, и мастерской и жилищем художника, была увешана иконами, старинными прялками, потрескавшимися изразцами с причудливыми рисунками.

Бугаев закончил разбирать бумаги в столе.

— Не густо, товарищ подполковник. — Он протянул Корнилову диплом об окончании института имени Репина, маленькую книжечку Союза художников. На фотографии Алексеев был совсем молодым, с длинной челкой — совсем непохож на того, что глядел с портрета.

— А документы, письма?

Бугаев покачал головой:

— Сейчас возьмусь за шкаф.

Небольшой, красного дерева, старинный книжный шкаф с бронзовыми завитушками стоял в углу рядом с диваном.

— Он что же, один жил? — спросил Корнилов у Сазонкина.

Тот посмотрел на управдома и сказал:

— Алексей Алексеевич, вы-то уж, наверное, знаете...

— Что, что? — растерянно переспросил старик, поднимаясь с дивана. Он, видать, задумался и не расслышал вопроса.

— У Алексеева есть семья? Жена, дети?

— Да, есть. Жена, — управдом посмотрел на Корнилова виновато. — Я не помню ее имени. Она у него пере-

водчица, сейчас за границей. Мне Тельман Николаевич рассказывал. В Финляндию уехала. А детей у них нет. Живут вдвоем.

— Надо ведь сообщить жене? — нерешительно произнес Сазонкин.

— Надо, — вздохнув, ответил Корнилов. — Возьмите это на себя. Узнайте, где она работает, переговорите с руководством. Вы с товарищем Сазонкиным продолжайте осмотр, — обратился он к Бугаеву. — Оформите протокол, а я поехал. Узнаю, как дела у Белозерова. — Он попрощался с понятыми, тихо сидевшими на диване, и пошел уже к дверям, но вернулся: — Семен, если найдешь письма или документы какие, сразу звони.

10

Когда Корнилов вернулся в управление, секретарша, перечислив всех, кто звонил или заходил во время его отсутствия, добавила:

— Лужский начальник розыска раза четыре уже трезвонил. Просил, как вы вернетесь, чтоб я сразу его вызвала.

— Белозеров?

Варвара кивнула.

— Так вызвать? Или обойдетесь на сегодня?

— Срочно, Варя!

Корнилов едва успел снять пальто, как секретарша, приоткрыв дверь, доложила:

— Белозеров!

— Товарищ подполковник, капитан Белозеров докладывает. — Слышно было прекрасно, будто звонили с соседней улицы. — Операция, можно сказать, закончена!

— Так закончилась все-таки или нет?

— Полная ясность, товарищ подполковник.

— Подождите, — перебил его Игорь Васильевич, — я включу магнитофон. Докладывайте все по порядку.

Белозеров недовольно крикнул. Не так давно в управлении завели порядок: наиболее важные телефонные разговоры записывать на магнитофонную ленту, чтобы потом можно было проанализировать, детально обсудить сообщение.

— Давай, капитан, рассказывай, — сказал Корнилов

и с интересом подумал: «Подтвердилась моя догадка или нет?»

— Ваше предположение по поводу лесника Зотова оказалось верным. Сейчас у следствия есть все доказательства. — Он чуть-чуть помедлил. — Начну по порядку. Мы со следователем Каликовым восстановили позу убитого на тропинке...

— Я тебя перебую, Александр Григорьевич, лесник признался?

— Это как посмотреть, — сказал Белозеров. — По-решил он себя, Игорь Васильевич. Мы его из петли холодного вынули.

— Еще того не легче, — пробормотал Корнилов, а сам подумал: «Зачем же ему художника убивать-то понадобилось, если сам в петлю полез? А может быть, его как свидетеля устранили?»

— Чудно получается... Нелогично. Оружие у него нашли?

— Нашли, товарищ подполковник. Миноискатель помог. В бревне прятал. Трофейный карабин. Экспертиза подтверждает — из него лыжника убили.

— Но откуда такая уверенность, что именно лесник стрелял? Может быть, карабин подбросили? А с ними с обоими расправились?

— Товарищ подполковник, — с обидой сказал Белозеров. — Да ведь все сходится. По следу мы прошли, как вы и советовали. След хоть и петляет по лесу, но ведет на кордон. А в лесу участки незаметные есть. Следок как новый. От лесниковых лыж. Егерь еще раз подтвердил, что у старика была винтовка. Да и самоубийство само за себя говорит — никаких признаков борьбы. И на карабине отпечатки только лесниковых пальцев. Вы меня слышите, товарищ подполковник? — спросил Белозеров, видимо обеспокоенный долгим молчанием Корнилова.

— Слышу! Но с выводами я бы не торопился. Докладывайте теперь по порядку.

— По ране эксперт определил направление полета пули. Даже угол наклона определил. Рана у него справа, как раз с той стороны, где мы с вами с самолета лыжню видели. Мы знаете что использовали? Теодолит! Точность исключительная! Метеорологи подтвердили: в тот день в шестнадцать часов видимость позволяла разглядеть человека на расстоянии и более четырехсот

метров. Ну уж тогда мы весь снег вокруг горстями перелопатили. Разыскали гильзу! — с подъемом произнес Белозеров. — Потом я с группой сотрудников отправился к леснику. Да поздно...

— Записки никакой не нашли? — спросил Корнилов.

— Нет, ничего не оставил. Действительно, непонятная история. И чего он этого парня застрелил? Не узнали, кто он?

— Художник Тельман Алексеев, — сказал Корнилов.

— Художник все-таки, — огорчился капитан. — Вот те на!

— Судмедэксперт исследовал труп Зотова? Нет подозрения на убийство? На отравление, например?

— Это исключено, Игорь Васильевич. Все досконально исследовали.

Переговорив с Белозеровым, Корнилов долго сидел в раздумье. Он прослушал еще раз запись разговора, стараясь оценить сообщенные капитаном факты, прикидывая, не упустили ли чего там, на месте. Нет, пожалуй, и он действовал бы так.

«Ну что ж, можно считать дело законченным!.. Но достаточно ли улики против мертвого лесника?.. В конце концов, пусть прокуратура решает: закрывать дело или нет, — думал он. — Да закроют. Что им остается? Попробуй теперь узнать, что и почему. Мертвые молчат!» Но дело все же очень тревожило его.

«Ладно, — наконец решил он, — утро вечера мудренее. Надо будет на свежую голову пройтись по всему делу. От начала до конца. А конец-то! Ну и конец!»

Но и дома мысли о драме в Орельей Гриве не выходили из головы, беспокоили, словно легкая, только-только проклевывающаяся зубная боль. Поздно вечером, уже собираясь ложиться спать, Корнилов взял из шкафа словарь. Поискать, что же такое Орелья Грива. «Орелка, рель, гривка — сухая полоса холмов или гребней среди болот» — было написано там. «И всего-то? — подумал Корнилов. — А я-то думал: что-нибудь красивое, возвышенное». Но тем не менее он стал думать об этой Гриве, о вековых елях и снежных полянах вокруг. Ему вдруг очень захотелось туда, в лес. В трудные минуты жизни, в пору душевного смятения, острой неудовлетворенности собой, своими поступками Корнилову всегда хотелось быть в лесу. Идти легко, без усталости, глупыми, позабытыми тропинками, смотреть с крутого

берега, как темный поток лесной реки несет и крутит первые тронутые багрецом листья; слушать далекую перекличку тянувшихся к югу ястребов; вдыхать терпкий аромат заросшей вереском и клюквой мшары.

Тогда уходят, отодвигаются куда-то на второй план мелкие житейские невзгоды и заботы. Ясность и стройность приобретают мысли. То, что еще недавно видел словно в тумане, становится четким, выпуклым...

Телефонный звонок вывел Корнилова из задумчивости. Он вздохнул и с неохотой взялся за трубку. Звонил Бугаев. Голос у него был взволнованный:

— Товарищ подполковник, разыскал я документы Алексеева. Ну, знаете, всего ожидал...

Волнение Бугаева передалось Корнилову.

— Да говори, что стряслось? — нетерпеливо сказал он.

— Документик один зачитаю. Слушайте: «Дубликат свидетельства о рождении. Выдан Орлинским сельским Советом. Зотов Тельман Николаевич. Родился шестого мая 1926 года в деревне Зайцово». — Бугаев передохнул: — Ну это мы еще в домоуправлении выяснили. А вот главное: — «Родители: Зотов Николай Ильич и Алексеева Василиса Леонтьевна».

Корнилов молчал, потрясенный.

— Судя по вашему молчанию, товарищ подполковник, вам все понятно, — сказал Бугаев. — Мы тут с Сазонкиным обалдели. Вот какие делишки. — Он вздохнул и добавил: — Ну и еще тут разные бумаги. Ничего особо интересного. Он их в кухонном буфете держал. Мы потому и провозились долго. На кухню пришли в последнюю очередь.

— А в письмах не нашли приглашения от отца приехать? Или телеграммы? — приходя в себя, спросил Корнилов.

— Нет, Игорь Васильевич... Все письма старые. От женщины. От жены, видно. От отца нету.

«Многовато событий для одного дня, — подумал Корнилов. — Отец — сына?»

Он повесил трубку и в замешательстве прошелся по комнате. Корнилов все ожидал. Но чтобы связь этих людей оказалась такой близкой, такой трагической... Отец — сына? В это не хотелось верить.

«Чтобы на убийство решиться, ох какое зло на сердце надо держать! — думал он. — Да и человечье об-

лицье потерять... Ну, предположим, дикая ссора между ними вспыхнула. По причине, нам неизвестной. Но для этого им надо было встретиться!»

А все известное Игорю Васильевичу о преступлении в Орельей Гриве свидетельствовало: лесник и художник в тот день не могли, не имели возможности сказать друг другу даже двух слов. А уж какая-то ссора между ними, вспышка в часы, предшествовавшие убийству, напроочь исключалась.

А раз не было ссоры в тот день, значит, отец заранее готовил убийство? Нет, тут что-то не так... Сто раз бы одумался! Остыл! Слишком жестоко это преступление, чтобы поверить в него. Даже если выводы экспертов и все известные факты свидетельствуют об этом.

Все известные факты... Все известные... А все ли факты известны? Конечно, не все! Нет, не все!

Корнилов ходил по комнате, стоял у окна, глядя на белую Неву, слегка освещенную приглашенными фонарями, прислушивался к шуму редких машин. Он пришел к твердому убеждению — преступлением в Орельей Гриве следует заняться снова. Не мог он поверить в это убийство.

11

Николай Ильич проснулся от того, что рядом с домом призывно пропел пионерский горн. Зотов открыл глаза и лежал, прислушиваясь: не протрубит ли снова? Но за окнами стояла глухая тишина. «Приснилось, что ли?» — подумал он и нащупал на полу коробок спичек. Чиркнул. Поднес спичку к часам. Было уже шесть. Зимой Николай Ильич вставал в семь. Спичка погасла, догорев почти до конца. Зотов даже не почувствовал огня — кожа на пальцах так загорбела, что он, когда надо было, спокойно брал раскаленный уголек и прикуривал от него.

Тикали часы, да позванивало где-то стекло от ветра. «На чердаке, — прислушавшись, определил Зотов. — Надо бы залезть да пару гвоздиков всадить». Тут он вспомнил, что и крышу давно пора латать: весна придет — опять потечет. И кусок рубероида его дружок Гриша Мокригин еще с осени из Гатчины приволок. Но не лежала нынче душа у Николая Ильича к хозяй-

ству, руки не поднимались сделать что-то по дому. И прибавлять он стал чаще, да и просто обрыдло ему все здесь, в лесу.

И эта труба пионерская... Вдруг прогремит среди ночи, разбудит, и уже не заснуть никакими силами. И лезут в голову невеселые мысли.

«Сдурел я, что ли, в этой глухомани? — подумал Николай Ильич. — Или со слухом у меня болезнь приключилась? Дудит вдруг в ушах ни с того ни с сего».

Началось это прошлым летом. В тот день Николай Ильич возвращался на кордон по крутому берегу Ящеры. Стояла середина июня. Лето пришло раннее, жаркое. В густой траве кровенели капли созревающей земляники. И подберезовики уже попадались в сыром глубоком мху на границе болота и леса.

Все было знакомо в этом лесу: глухой шум сосен, гомон почувствовавших вечернюю прохладу птиц, крепкий, настоящий смолой воздух. Внезапно Зотов услышал резкий, непривычный для уха звук. Ему сначала показалось, что хрипло протрубил лось. Но звук повторился, и Николай Ильич понял, что это не лось. Да и какой лось трубит в середине июня? Звук затих, и несколько секунд ничего не было слышно. И тут же лес отозвался эхом, нанесенным порывом ветра. Теперь Зотов понял, что пела труба. Но кому здесь, в глухомани, понадобилось трубить?

Он прибавил шаг. Трубили в стороне кордона, и Николай Ильич подумал: «А может быть, кто-то из мшинских или владыччинских мужиков приехал и, не застав меня, решил протрубить: авось услышу?» Потом Зотов вспомнил еще и о том, что не раз встречал развозчика керосина, который, проезжая по деревням, давал знать о себе хозяйкам, извлекая хриплые, отрывистые звуки из старенькой трубы.

Зотов шел торопливо, спотыкаясь об узловатые сосновые корни, и скоро запыхался. Да и нога короткая давала о себе знать. Когда-то, в молодости, он и не вспоминал о ней, ходок был хоть куда, а нынче, приустав, начинал спотыкаться. Наконец, перейдя по старенькому, полуразрушенному мостку через Ящеру, Николай Ильич взобрался на пригорок и увидел оттуда сквозь поредевший лес свой кордон, а чуть поодаль, на лугу, десятка два ребятешек с красными галстуками.

«Так вот кто трубил! — прошептал Николай Ильич. — Пионеры пожаловали... И Дружок не лает», — удивился он. Обычно собака облаивала каждого, кто проходил поблизости от дома.

Несколько мальчишек устанавливали палатки. Рядом уже вился дымок от костра, и девочки гремели посудой. Когда Зотов подошел к дому, его заметили. «Вера Васильевна! Вера Васильевна! — закричал один из мальчиков. — Лесник пришел!» С травы поднялась невысокая полная женщина, одетая в такую же зеленую, как и у ребят, форму, и тоже с пионерским галстуком. Увидев Зотова, она приветственно помахала ему рукой. Подошла. Ребята, побросав все свои дела, тут же обступили Николая Ильича. Поздоровавшись, почтительно трогали его двустовку. Были все они загорелые, с облупившимися от солнца носами.

— Вы товарищ Зотов? — спросила Вера Васильевна.

— Он самый. Зотов Николай Ильич. Здешних лесов хозяин.

— А мы к вам на практику. Лес расчищать, шишки собирать. У нашей школы договоренность с лесхозом. — Вера Васильевна вдруг спохватилась и протянула Зотову руку. Представилась: — Пахомова. Учитель шестой гатчинской школы.

Она достала из кармана куртки листок бумаги и, развернув, подала Николаю Ильичу. Это было письмо директора лесхоза с просьбой оказать школьникам помощь, отвести участки леса для расчистки.

— Ну вот и хорошо. Вот и прекрасно. Мне, старику, веселее будет. Вон сколько помощников! — обрадовался Зотов и обнял двух мальчишек, стоявших рядом. Те доверчиво приникли к нему, а один спросил:

— А вы нас на Вялье озеро сводите? На рыбалку?

— И на озеро свожу, и лес покажу. Все вам будет. А сейчас айда ко мне, харчишко вам выдам. Он у меня небогатый, но кое-что есть. Картошка, лук, брусника моченая.

— Брусника? Вот здорово! — закричал белобрысый мальчишка. Но учительница одернула его строго:

— Без эмоций, Козлов. — И, обернувшись к Зотову, сказала: — Ну что вы, Николай Ильич, у нас с собой все есть. Крупа, консервы, хлеб...

— Да на каше соскучишься скоро. Разве это еда? У нас тут воздух такой — как ни корми, все есть хочет.

ся. А у меня картошка не с магазина. Своя. Рассыпчатая. — И он подтолкнул мальчишек к дому.

Вечером Зотов сидел в избе, прикидывал, куда бы отвести назавтра ребятишек, когда на улице заиграла труба. Нехитрая пионерская мелодия. Николай Ильич вышел на крыльцо. Около палаток стоял белобрысый мальчишка, что давеча обрадовался, услышав про бруснику, и, запрокинув к небу голову, трубил в горн. Трубил он неумело, звуки неслись хрипловатые, нестройные, но Зотов смотрел на мальчишку, затаив дыхание, и чувствовал, как легонько защемило у него сердце. Из лесу, с реки сходились к горнисту пионеры. Оживленно переговаривались, смеялись. А Николай Ильич слушал звуки горна и видел, отчетливо видел других пионеров...

Это было перед войной. Он отправлял в первый колхозный пионерский лагерь на Черемнецкое озеро своего сына Тельмана. Неясные, отрывочные, почти заглушенные временем образы прошлого вдруг сложились в яркую картину: на деревенском прогоне стоит колхозная полуторка, а в кузове сидят праздничные, все в белых рубашках, с красными галстуками зайцовские ребятишки. И его Тельман машет рукой, а сам с трудом сдерживает радостную улыбку, весь в предчувствии дороги, новых впечатлений. Рядом с Зотовым в толпе односельчан жена, утирающая глаза платочком, расстроенная первой долгой разлукой с сыном. Тельман и сейчас стоит перед глазами как живой, а вот лицо жены, словно в тумане, расплывается, прикрытое платочком...

Пионеры уже давно улеглись спать, выпросив у Зотова разрешение забрать с собой Дружка, а растревоживший себя воспоминаниями Николай Ильич то бесцельно слонялся вокруг дома, то принимался за чем-то перебирать приготовленные для постройки плоскодонки доски. Светлая, без тени облачка, белая ночь царила над утихим лесом. Только где-то очень далеко, в стороне Вьяля озера, тревожно кричал козодой. И беспокойно было на душе у Николая Ильича.

В ту ночь Зотов впервые так остро почувствовал свое одиночество.

Наутро он повел ребятишек на озеро. По тропинке, выходящей вдоль крутого красного берега Ящеры, заросшей ельником, прошли они до мызы Каменка. Здесь, на зеленом взгорке, усеянном цветами купальницы и звербоя, в обрамлении вековых лип когда-то высился боль-

шой барский охотничий дом. Сейчас остался только один фундамент. Николай Ильич показал ребятам остатки деревянного водопровода, а на роднике они набрали в свои фляжки ледяной, отливающей серебром, вкусной воды. И пошли с песнями дальше. Через большую поляну с липовыми аллеями, через еловый лес с черничником, а потом по зыбкой тропинке сквозь болото. И Зотов все рассказывал им про окрестные леса, про зверей, которые здесь обитают, про больших вялых окуней, которых можно выловить на озере. Он воодушевлялся, забывал об усталости, о своей больной ноге, видя, с каким вниманием его слушают.

Накануне того дня, когда пионеры должны были, закончив работу в лесу, уехать в Гатчину, учительница спросила Зотова:

— А почему к вам, Николай Ильич, никто на воскресенье не приехал? Ни жена, ни дети.

— Одинок я, Вера Васильевна, — с виноватой улыбкой ответил Зотов. — Некому ко мне наезжать... Да и воскресений я тут не замечаю. Какие в лесу воскресенья, особенно если выбраться некуда?

— Да ведь есть же, наверное, родственники? — сочувственно удивилась учительница. — Не может же человек один...

Но Зотов посмотрел на нее с такой грустью, что она осеклась и, растерянно улыбнувшись, замолчала, слегка порозовев. Наверное, поняла, что попала в самое больное место.

...Нынешняя зима выдалась для Зотова особенно тяжелой. По утрам нелегко было встать с постели, растопить печь. Он уже с трудом мог нагнуться и накидать в топку дров. Иногда ему казалось, что он уже не сможет разогнуться, заостенел навечно. Николай Ильич вспомнил школьного завхоза из далекого детства — тот ходил согнутый пополам каким-то недугом. Как его звали, Николай Ильич не помнил, — горбач и горбач. «Вот и мне пришло время в горбачи записаться, — горестно подумал он. — Шестьдесят пять — они о себе знать дадут».

А начальство, как назло, выделило в эту зиму на его участке несколько делянок мшинским мужикам. Надо было таскаться с ними, клеить лес, следить, чтобы не прирубили лишку. Народ на Мшинской лихой — сто первый километр!

Хорошо еще Гриша Мокригин не забывает — заглядывает. То поможет по хозяйству, то продуктов привезет — на картошке да на грибах особо не разбегаешься в лесу. А уж если баню поможет истопить — считай, что праздник. После жаркой бани, после веничка дубового и спине легче, на неделю-полторы боль отпускает.

С полчасика он еще лежал в постели, курил, думал о всякой всячине. Потом, тяжело покряхтывая, сел, натянул штаны. Пол был стылый, влажный. Николай Ильич принес дров из сени, затопил печь. Гриша помог летом наготовить да распилил. Для этого дома дров не напасешься, кидаешь, кидаешь, как в прорву.

С Гришей Николай Ильич познакомился в колонии, когда в сорок седьмом получил восемь лет за растрату в колхозной кассе. Гриша вышел на год раньше Николая Ильича, устроился на работу в Гатчине, в лесхозе. Он потом и Николая Ильича в лесники пристроил:

— Зачем тебе, Колюн, в свою деревню вертаться? Ни кола ни двора. Да и мужики народ злопамятный.

Николаю Ильичу и впрямь не хотелось возвращаться — неудобно было перед земляками. Чувствовал он до сих пор вину перед ними: пустил кассу по ветру, а год-то был нелегкий. Хоть и денег-то в кассе пустяк был — ну какие в те годы у колхоза деньги, — а лежали они на душе черным камнем. Собрали колхозники по тридцатке — хотели тянуть в Зайцово электричество.

Жена у Зотова умерла перед самой войной, а сын, Тельман, затерялся в годы оккупации. Поссорились они с сыном, с мальчишкой. Так поссорились, что вышло — на всю жизнь. Временами казнил себя Николай Ильич лютой казнью, что не смог удержать своего Теля, не нашел таких слов, чтобы понял сын — не мог он иначе поступить в то жуткое время. Но и простить сына долгое время не хотел. И потому горевать горевал, а не рыскал. Обида мешала. Да и жизнь мешала. Из тюрьмы несподручно этим заниматься.

И месяца не проработал в лесниках Николай Ильич, как Гриша привел к нему покупателя, разбитного экспедитора из буканского колхоза. У него и документы были в порядке, и разрешение лесничего имелось. Только на ольховые дрова. А экспедитору нужен был строевой лес...

Поздно вечером, после ужина, когда экспедитор уже

основательно захмелел, Николай Ильич вышел с Мокригиным в сени. Сказал твердо:

— Гришка, ты меня в это дело не впутывай. Хватит, насиделся.

— Да ты что, Колюн? — заюлил дружок. — Дело-то пустяшное — двадцать кубиков. И верняк ведь, комар носа не подточит.

— Нет, Гриша, — стоял на своем Зотов. — Не уговаривай. Чую я, чем пахнут эти кубики.

— А я-то, тюха, думал, дружка имею. На место пристроил, — с презрением, растягивая слова, проговорил Мокригин. — Вот она, благодарность... — И зашептал вдруг горячо: — Колюн, Христом-богом прошу, обещал я этому фрайеру. И задаток уж взял, да загулял вчерась. Мне же ему отдать нечем. Ну как пойдет он, настучит? Что же мне, Колюн, кончать его здесь, в лесу? А? Может, и вправду кончать?

Николай Ильич похолодел, почувствовал противную, тошнотворную слабость. Он хорошо знал, на что способен Гриша.

— Да ты сдурел? — выдохнул Зотов, вцепившись ослабшими от страха руками в пиджак приятеля. — Сдурел, да? Ведь знают, что он с тобой приехал.

Гриша зловеще молчал, будто собирался с духом, чтобы принять окончательное решение.

— Сколько денег-то? — пугаясь еще сильнее, спросил Зотов. — У меня рублей пятьсот найдется.

Мокригин стряхнул с себя руки Николая Ильича.

— Да черт с тобой, Гришка! Пускай забирает он свои кубики. Черт с тобой! Завтра отведу его на делянку, — чуть не плача, запричитал Зотов.

— Я знал, старик, что ты не подведешь, — только и сказал Мокригин.

Но вскоре Григорий опять явился с покупателем. И когда Николай Ильич стал отказываться продать лес и, не вникая угрозам, прямо твердил: «Нет, Гриша, не быть тому! Не возьму грех!» — Мокригин неожиданно размахнулся и, злобно выругавшись, ударил Зотова в подбородок. Николай Ильич охнул и осел на стоявшую сзади лавку. Он избил бы Зотова до полусмерти — Николай Ильич хорошо знал Гришины повадки, да тут в дом вошел покупатель...

Несколько месяцев после этого они не видались. Николай Ильич посчитал, что расстались они навсегда.

И хотя тосковал, оттого что порушилась у них с Григорием давняя дружба, временами чувствовал такое облегчение, будто хомут у него с шеи сняли.

Но Гриша всегда умел быть нужным... Он появился на кордоне, когда Зотов тяжело простудился и лежал один-одинешенек в холодной, нетопленной избе, не в силах встать с постели и напиться воды.

Мокригин оставался на кордоне три дня. До тех пор, пока Зотов не оклемался. Кормил его с ложки, поил брусничным соком. Сходил в Пехенец в аптеку, принес горчичники. Николай Ильич лежал в постели слабый, но умиротворенный. Чувствовал, что дело идет на поправку, и с одобрением следил, как хозяйничает Мокригин. Думал уже без злости: «Ну что ж, Гриша всегда был на руку скор. Вспылчив. Да ведь никому, кроме его, я не нужен. Никто даже не спроведал. А Гриша пришел. Сердцем, видать, почувствовал...»

И снова все завертелось по-прежнему, покатилося своим чередом. Выздоровев, Николай Ильич махнул на все рукой. Решил с горечью: «Не сложилась жизнь...»

К старым деревенским друзьям пойти не мог. Стыдился. Думал, что не простят ему подлости, совершенной в трудное время. По себе знал — не простят.

А новых друзей Зотов заводить боялся. Мокригин не советовал: «С новым другом выпьешь, отмякнет душа — проболтаешься. Тут же донесет».

Так и жил Николай Ильич, стараясь не думать о будущем. Пока был здоров — пил.

Но в последний год Зотов все чаще и чаще вспоминал с тоской свое родное Зайцево. Несколько раз он встречал в поезде зайцевских баб. Однажды даже заговорил с Полиной Аверьяновой, что жила в Зайцево через дом от него. Аверьянова с трудом признала Николая Ильича и все охала, жалостливо вглядываясь в его лицо: «Эко жизнь поломала человека! Ведь и не узнать тебя, Коля, не узнать». Николая Ильича раздосадовали ее причитания. «На себя бы посмотрела, кочерыжка», — подумал он. На расспросы Аверьяновой, где он нынче осел, Николай Ильич ответил туманно: «Да есть тут одно местечко...» Желание выспрашивать односельчанку у него пропало. «Почему бы и не съездить туда самому? — думал он иногда. — Что было, то быльем поросло. Может, и забыли мои грехи. Не век же в клейменных ходить. Да и не один я из деревенских забран-то

был!» Он начинал вспоминать, кто еще из зайцовских мужиков сидел в ту пору и за что, но утешения от этого было мало. Двоих взяли за злую драку, конюх Антоша сел за то, что пьяный опалил конюшню. Все были виноваты перед законом, но никто так не провинился перед односельчанами, как Зотов.

Позавтракав, Николай Ильич разогрел вчерашний суп собаке, старой лайке Дружку. Потом вынул из шкафа свой парадный костюм — купил его лет пять назад в Ленинграде, да почти совсем не надевал. Куда в лесу костюм? А в Лугу и в Ленинград Николай Ильич навещался редко. К Грише в Гатчину он ездил в робе. Сегодня повод надеть костюм был. Гриша пригласил отпраздновать день рождения. «В ресторан пойдем, Коля, — сказал. — Что мы, не заслужили или в карманах у нас совсем уж пусто?»

Съездить в Гатчину надо было и по другой причине. Вызывал директор лесхоза. Чего уж там стряслось, Зотов не знал, но под ложечкой тревожно сосало.

Костюм был как новенький. Коричневый, с красной искоркой. Из ткани с громким названием «Ударник». Николай Ильич хорошо помнил, что отдал тогда за костюм сто тридцать рублей, а пятьсот, оставшиеся от очередной продажи леса, они пропили с Гришей. «Не стали узок? — с тревогой подумал он, надевая брюки. Костюм и впрямь был чуток узковат. — Огруз я, огруз». Николай Ильич надел пиджак и подошел к зеркалу. На него смотрел лохматый седой старик с широким морщинистым лицом, заросший седой щетиной, с впалыми тревожными глазами, под которыми залегла нездоровая желтизна. «Надо в Гатчине в парикмахерскую забежать, — решил он. — Чегой-то вид у меня смурной, глаза вон как у дохлой рыбы». Он снял костюм и сложил аккуратно в вещевой мешок. На себя натянул старый. Вышел в сарай, погладил жалобно заскулившего Дружка, взял широкие самодельные лыжи. На дворе уже светало. Николай Ильич запер дом, закинул на плечи мешок. Надев лыжи, глубоко проседая в снежной целине, скатился с пригорка вниз, оглянулся на утонувший в снегу дом с примороженными окнами и покатил дальше по еле заметной лыжне. Два километра он шел лесом, кое-где сбиваясь со старой лыжни и утопая в снегу, потом пересек большую поляну, оставив справа деревню Владычино, и вышел наконец на тропинку, ведущую

к станции. В лесу Николай Ильич снял лыжи, оглянулся и, шагнув с тропинки в сторону, сунул их в снег, обломив у большой елки лапу — для памяти. Где-то наверху стрекотала сорока. Николай Ильич проворчал: «Стреко-туха чертова, только и знает, что подглядывать!»

В Гатчине Зотов был в десять. Гриша уже ждал его — на столе весело посвистывал чайник, лежала всякая снедь: колбаса, сыр, большой кусок студня.

— Здорово, старче, — обрадовался Гриша. — Выбрался из своих лесов, прикатил колеса. Давай раздевайся, чайку попьем, погутарим. Я и с начальством договорился прийти попозже.

При упоминании о начальстве у Николая Ильича на лице появилась кислая гримаса. Он скинул ватник, разул ноги, кивнул на рюкзак.

— Там в мешке грибы... Беленьких тебе приберег.

— Ай да Коля, золото ты у меня, а не кореш, — радовался Гриша, доставая большую банку с грибами. — И костюмчик новенький прихватил! И корочки. Да мы тебя женим, Колюня, женим. Заживешь ты у себя в лесу припеваючи. Таковую маруху найдем!

Николай Ильич, улыбаясь, слушал болтовню друга.

— Ну что у тебя, Григорий, за бардак на столе, — сказал он, усаживаясь и оглядывая приготовленную Мокригиным закуску. — Что у тебя, тарелок нет? Все на газете, на клеенке! Словно междусобойчик в зоне.

— Приехал чистюля из мшинских лесов, — усмехнулся Мокригин. — Подавай ему серебряную посуду. — Смеясь и балагурия, он достал из серванта красивые тарелки, вынул из холодильника бутылку водки. — По рюмашечке хватим, Коля, для затравки. Артподготовочка перед генеральным наступлением.

— Мне ведь к директору идти, — сказал со вздохом Николай Ильич. — Чего ему, черту, от меня надо? Для доброго дела ведь не вызвал бы.

— Забежишь к нему, забежишь. По магазинчикам потом пройдемся. Всюду поспеем, — ответил Гриша. — Ты у меня заночуешь. Заночуешь ведь, Коля? Никто там без тебя лес не покрадет? — И громко засмеялся.

Николай Ильич поднял стакан:

— Ну, Гриша, с днем рождения тебя. Дай бог тебе здоровья! Живи и здравствуй!

Гриша встал, подошел к Зотову, чмокнул молча в лоб.

...Потом они пошли по городу. Николай Ильич чувствовал себя не очень уютно. Вид у него был нелепый — на костюм пришлось надеть ватник, пиджак торчал из-под него, и рукава все время вылезали.

— Ты уж, Григорий, пройди по магазинам один. Купи мне, как всегда, отдельной колбасы батона три, селедки. Чаю поищи индийского. Ну и сам знаешь, — сказал Зотов Грише. — А я заверну в парикмахерскую и в контору. Там встретимся.

В парикмахерской работал всего один мастер, надо было ждать. Николай Ильич сел в кресло у маленького столика с газетами и журналами. Один из журналов был раскрыт на цветных вкладках. Что-то показалось Николаю Ильичу знакомым в деревенском пейзаже с маленькой белой электростанцией. Он притянул к себе журнал и долго-долго рассматривал картинку. Крутой песчаный берег с нависшими над обрывами соснами, заросшая кувшинками гладь реки и серые, крытые дранкой домики среди цветущей сирени...

— Клиент, вы стричься или читать пришли? — прозвучал у него над головой капризный голосок.

Зотов вздрогнул от неожиданности и быстро вскочил. Перед ним стояла молоденькая парикмахерша и смотрела на него с пренебрежительной усмешечкой.

— И стричься, и бриться, милая, — сказал он торопливо. — Да вот засмотрелся...

— Садитесь уж, — милостиво разрешила парикмахерша. — Как стричь? — Она ходила раздражающе медленно то за машинкой, то за простыней, то еще за чем-то. Николай Ильич смирился. Сидел, размякнув, всматриваясь в свое отражение в зеркале, и теплая волна жалости к самому себе постепенно накатывала на него. «И впрямь глаза как у дохлой рыбы, — думал он. — Старый, больной старик. Никому не нужный. Так и сдохну у себя в лесу, а сын никогда и не узнает, где моя могила. Гришка вон закопает...»

Парикмахерша постригла его, небрежно стряхнула на пол копну седых волос. Потом долго мылила ему лицо пенистым горячим кремом. Николай Ильич зажмурил глаза. Ему вдруг нестерпимо захотелось спать. Сидеть бы здесь и сидеть, ощущая, как ловко колдуют над твоим лицом женские пальцы. Он вспомнил вдруг картинку из журнала, которую только что видел. Она стояла у

него перед глазами словно наяву. «Так это ж наше Зайцово! — подумал он. — Ну до чего же похоже!»

— Клиент, вы что дергаетесь? — привел Николая Ильича в чувство голос мастерицы. — Заснули? Я ведь так и порезать могу!

«Эх, надо бы журналчик этот попросить у них, — подумал он. — Надо бы попросить. Рассмотрю на досуге. Нарисовал же кто-то!» На душе у него сделалось радостно. И когда парикмахерша спросила, делать ли компресс, он сказал весело:

— Давай, милая, делай. И компресс, и одеколоном побрызгай.

После бритья и стрижки Николай Ильич почувствовал необычное облегчение, какую-то приподнятость. В зеркало на него смотрел уже будто другой человек, помоложе годков на десять и чуток благообразней. И глаза не такие скучные. «Эх, живем еще, живем! — подумал Николай Ильич. — Гульнем сегодня с Гришей. Такому-то, как я, не грех и бабу приглядеть. Почаще надо из лесу-то выбираться». Даже мастерица, видать, подивилась, как преобразился под ее руками клиент. Она уже не смотрела так откровенно пренебрежительно, а спросила с заискивающей ноткой, всем ли доволен гражданин. А может, просто чаевые получить хотела...

Николай Ильич расплатился, дал ей двадцать копеек на чай и пошел одеваться. Принимая из рук гардеробщика свой ватник, он спросил его шепотом:

— Ты не уважишь меня, дядя, не разрешишь журналчик забрать, а? Позарез нужен.

— Вы что, гражданин, — бесцветным голосом сказал гардеробщик, пожилой инвалид. — Если каждый клиент будет по журналчику уносить.... И так все порасташили.

— Да я не бесплатно, я заплачу, — заторопился Николай Ильич. Полез в карман и, вынув рубль, сунул инвалиду. Тот проворно спрятал рубль в карман и молча кивнул на столик с журналами.

В контору Зотов пришел в хорошем настроении. И даже долгое ожидание в приемной не испортило его.

Директор лесхоза, молодой еще мужчина, кряжистый, хмуроватый, долго смотрел на Николая Ильича. Наверное, тоже почувствовал в старике перемену. Потом сказал, посуровев:

— Жалуются, Зотов, на тебя. По два, по три раза ходят на кордон люди, чтоб ты им делянку отвел. То на

месте тебя нет, то занемог. Со Мшинской ведь дорога не ближняя...

Николай Ильич сделал смиренное лицо, но от сердца отлегло — боялся он, не прознал ли директор про лося. Стукнул он лосиху перед Николаем зимним.

— Ну что ж молчишь, Зотов? — недовольно спросил директор.

— Да ведь что сказать-то, Анатолий Тарасыч, что сказать? Ясно дело, жалуются. На каждого не угодишь, — развел руками Николай Ильич. — Я ведь на кордоне не сижу. Все по лесу шастаю. У нас ведь глаз нужен — недоглядишь, живо машину с лесом налево вывезут. А мшинские-то все строятся. Где лесина плохо лежит, все норовят к делу приладить...

— Ну ты не загибай, Зотов, — перебил его Анатолий Тарасович. — По-твоему выходит, все там жулики да воры. Уж я-то знаю, сколько мшинские у нас леса покупают. И ты знаешь. Все чин по чину,

— Так опять же елки к Новому году рубали, — вставил Николай Ильич.

Но директор махнул на его замечание рукой:

— Станут в такую глушь за елками ездить! Я вот о другом думаю: не надоело ли тебе, Зотов, в лесу одному бирючить? Работаешь спустя рукава. — Он немного помолчал, глядя на лесника, и спросил уже более мягко: — Сколько уже стукнуло-то?

— Шестьдесят пять, Анатолий Тарасыч. Годы мои и правда немалые. Только все это напраслину на меня возводят, Анатолий Тарасыч, я, конечно, не тот, что прежде. Да ведь старый конь борозды не портит, — Николай Ильич сказал это чуть обиженно, с просительной ноткой. А сам подумал: «Вот идол, в сыновья мне годишься, а тыкаешь! Что мы с тобой, водку вместе пили?»

— Ну ладно, ладно. Закончим на этом. Но ты себе сделай заметку. Будут опять жаловаться — по-другому разговор пойдет.

Он расспросил Николая Ильича о том, как приживаются посадки, на какой площади сделана санитарная рубка. Не сохнет ли лес от подсочки, там, где берут живицу.

В конце разговора Николай Ильич, хитро улыбнувшись, сказал:

— У меня, товарищ директор, с осени берлога при-

мечена. Лежит мишка — проверяю все время. Не выбе- ретесь?

Анатолий Тарасович оживился:

— Берлога, говоришь? Это дело. Ох, хорошее дело! А не вспугнут? — с неожиданной тревогой спросил он.

— Не, не вспугнут. Я только один и знаю, даже с егерем не поделился. Приезжайте, дело верное, место глухое. По следу приметил я — большой мишка! Мо- жет, и с медвежонком. Только вы поспешите.

— Поспешу, поспешу, — директору явно пришлось по душе приглашение Зотова. — До берлоги-то далеко топтать?

— Да не так чтоб уж и далече, Анатолий Тарасыч. У меня и лыжи широкие есть. Для вас. Такую шкуру дома повесите!

Директор полистал календарь. Вздохнул.

— Все дела, дела... За приглашение спасибо. Как-ни- будь выберусь. Лады, Зотов! — Анатолий Тарасович поднялся из-за стола. Крепко пожал леснику руку.

— Вы весточку только дайте, — прощаясь, сказал Николай Ильич. — Али я сам позвоню вам через пяток дней?

— Позвони. Выберусь обязательно.

...К Грише Зотов пришел улыбающийся, довольный.

— Ну и дела! — покачал головой Григорий. — Ты и впрямь никак жениться решил, жеребец? Тебя ведь такого стриженного и Дружок не узнает.

— Смотри! — развернул Николай Ильич журнал. — На мое Зайцово похоже. Как две капли!

Гришка взглянул на картинку. Сказал со вздохом:

— Было Зайцово твоим когда-то... Чего о нем вспо- минать. Я уж думал, ты давно его из головы выбро- сил.

— Да ведь как выбросишь, — разочарованный реак- цией друга, вяло протянул Николай Ильич. — Родные края.

— В краях этих родных мужички да бабы подумали о тебе, когда решили под суд отдать? Простить отказа- лись! Вспомнил о тебе кто-нибудь, когда ты на Севере зону топтал? Родные края... Эх ты! Нету у нас с тобой родных краев. И родни нету, — в сердцах бросил Гриша.

— Да уж что верно, то верно, — прошептал лес- ник, — прости они мне тогда, вся жизнь у меня бы по-

другому повернулась. — Он сложил журнал вчетверо и закинул в мешок.

Весь вечер они провели в ресторане. Здесь было шумно, дымно от куража, пахло пережаренным мясом. У Николая Ильича с непривычки разболелась голова. А Гриша чувствовал себя здесь как дома. К их столику несколько раз подходили какие-то незнакомые Зотову люди, здоровались дружески с Гришей. Иных он усаживал рядом, приглашал выпить.

— Пятьдесят пять лет не каждый год человек справляет, — кричал он громко.

Николай Ильич с удивлением отметил, что Гришу здесь многие знают. И официант, молодой прилизанный парнишка с тонкими усиками, называл его почтительно по имени-отчеству: Григорий Иванович. А говорит: «Как и ты, бирюком живу: ни друзей, ни знакомых». Николаю Ильичу было неприятно и немного грустно оттого, что у его старого друга Гриши есть какие-то иные, свои интересы, что он здесь бывает в ресторане, да и еще, наверное, в разных местах. «Может, даже веселится в компаниях, — подумал Николай Ильич, но тут же отогнал эту завистливую мысль. — Так ведь ему без этого не обойтись. Клиентов на лес искать надо, застройщиков всяких. А такие дела где закрепляются? В ресторане».

— Коля, кореш ты мой. — Гриша уже изрядно захмелел, глаза у него сделались маленькими, блестящими. — Коля, старые мы с тобой хрычи. Окурки. Никому-то мы не нужны. Ну, ничего, сами за себя постоим... Годика через три займем домик на теплом море, участок свой. Заживем другим на зависть... Отогреем старые кости.

— Да уж ты-то чего в старики записываешься, — не соглашался Николай Ильич. — Пятьдесят пять лет для мужика — самый цвет! Вот только облысел ты изрядно. А помню, в колонии я тебя приметил... Молодой ты еще был. И злой. Ровно зверь. А вот приглянулся мне чем-то! И сам не знаю чем.

— Эх, Колюн! Не вспоминай, старик, не трави душу, друг ты мой меченый. Выпьем давай за дружбу... Тут опять станичник приезжал, — перешел он на шепот. — Нужно еще сто кубов. Документы в полном ажуре. Если эти кубики мы сварганим, считай, что полдома у нас в кармане. Отвесят они нам косуху.

— Много сто кубиков-то, — встревожился Николай

Ильич. — Ведь это ж не воз ольхи, сколько я тебе твержу. Тарификация будет — и дурак заметит. Кончать надо с этим. Нету моей мочи.

— Документики, документики у станичника в ажуре, дурья голова, — буркнул Гриша. — Я все это проведу через лесхоз. Ну как ты понять не можешь: ведь законно все, законно.

— Чего же они тогда косуху отвалить обещают, — устало сказал Николай Ильич, — ежели законно? Ты мне-то не крути. Я и сам бухгалтерией занимался. А куда попал?

— Да ведь просто фондов у них нет, у этих станичников. Не отпущены фонды на этот год. Да и лес строевой не положено им продать. А мы оформим. Чудило! Это не то что в прошлые разы. Чистое дело. Я тебе, Коля, не зря толкую, будет у нас домик на теплом море. И на книжке деньжата будут...

Иметь домик на теплом море — это была давнишняя их мечта. В колонии, на лесоповале в Архангельской области, укрывшись износившимся, совсем негреющим одеялом, прижавшись друг к другу, мечтали они морозными ночами о том, как, закончив срок, уедут в теплые края, на Черное или Азовское море, купят маленький домик, разведут огород и заживут теплой и сытой жизнью.

Когда Гриша из колонии выходил, сговорились они, что поедет он на Кубань, будет присматривать недорогой домик. Но вскоре Николай Ильич получил от него весточку из Гатчины. Друг звал туда. «Домики, Коля, нынче в цене, — писал он. — Да и поиздержался я в дороге. Надо подкопить деньжат, а там уж и двинем».

На Кубани обзавелся Гриша нужными знакомствами, обещал кое-кому помогать по части леса. Нужда в лесе всегда большая.

...Они пили много. Гриша заказал еще и шампанского, и Николай Ильич, прислушиваясь к звукам музыки, любуясь на танцующих, вспоминал о своем лесе как о чем-то совсем-совсем далеком и почти нереальном. Он чувствовал себя молодым, сильным, уверенным в себе. «Пригласить потанцевать, что ли, кого?» — подумал он, приглядываясь к женщинам, сидящим за соседним столиком. Но не решился. Шутка ли — не танцевал лет двадцать пять.

— Что, старик? Мы еще гулять можем? — подливая

себе в шампанское водки, бормотал Григорий. — Нас, Колюн, еще рано в расход пускать!

Он выпил залпом и вдруг, глянув в глаза Зотову тревожным взглядом, сказал:

— Эх, Колюн, пристань ты моя зимняя! И что я буду делать, когда ты загнешься? Ведь стар, скотина! — Лицо его сморщилось. Он весь напрягся, сжал кулаки и неожиданно завыл, закусив нижнюю губу: — У-у-у, гады...

Николай Ильич перепугался и судорожно вцепился Григорию в руку. Он еще по колонии знал, что в такие минуты от Мокригина добра не жди — того и гляди начнет драться и крушить все подряд.

— Гришуха, Гришуха, остынь! Замри! — увещевал Николай Ильич, ощущая, как набухла мускулами Гришина рука.

Люди за соседними столиками начали оглядываться.

Мокригин обмяк и навалился грудью на стол, сцепив руки на затылке.

— Эх, Колюн, гады кругом, гады, — зашептал он громко. — Так и рыщут, так и рыщут. Только ты, старик, и остался у меня. — Он поднял голову, налил водки и выпил залпом. — А ведь и мы, Колюн, в людях ходили! И у нас от кирюх отбою не было!

— Ладно, Гриша, ладно, — ласково уговаривал Мокригина Николай Ильич. — Чего ерепениться! Наше дело такое — возок-то с ярмарки. Откукарекали свое.

— Ты, может, и откукарекал, петух, а я еще своего не взял, понял?

Мокригин выпил еще рюмку и совсем запьянел. Глаза у него сделались бессмысленные, он начал приставать к соседям, и Николай Ильич с трудом увел его из ресторана.

12

Утром Николай Ильич едва встал. Во рту было горько, словно эскадрон казаков ночевал. Голова кружилась. Гриша уже ушел на работу. Оставил на столе записку: «Коля, шамовка в холодильнике. Забирай подчистую». Николай Ильич собрал свой вещмешок, вытащил из холодильника закупленные Гришей продукты. Есть ему не хотелось. Налил только водки из початой бутылки и, крикнув, выпил. Но легче не стало. Уже одевшись, он

прошелся по комнате. Постоял у серванта, разглядывая фужеры, рюмки. «Эко накупил Гришка Собачник! Кто бы подумал». В колонии Мокригина звали Собачником за то, что однажды на лесосеке он подманил коркой хлеба собаку, наверное, отставшую от охотников, и, убив ударом топора, варил в своем котелке целую неделю.

В вагоне Зотов вспомнил про журнал и с трудом разыскал его среди пакетов с продуктами. Теперь уж он повнимательнее рассмотрел все картинки. Их было четыре. И на одной была деревня, очень похожая на его Зайцово. Только подпись какая-то чудная: «Т. Алексеев. Воспоминание о прошлом». На других картинах были изображены незнакомые места — живописные домишки на песчаном берегу моря. А подпись под всеми одна — Т. Алексеев. Николай Ильич стал листать журнал и вдруг остолбенел: с маленькой фотографии на него смотрел сын, Тельман!

— Да как же это? — прошептал старик. — Тельман, сынок. Откуда?

Он хотел прочитать, что там было написано, но глаза застилала пелена, и он ничего не мог разобрать. Буквы рассыпались, расплывались, и, как ни тер Николай Ильич глаза, ничего не мог разобрать. Наконец он немного успокоился, пришел в себя. Повернув журнал ближе к свету, начал медленно читать. Небольшая заметка называлась «Дороги художника Алексеева», а речь шла о его Тельмане, о Тельмане Зотове! «Ну почему же здесь написано «Алексеев»? — недоумевал Николай Ильич. — Вот ведь даже и отчество — Николаевич. Да и под картинками тоже стоит: «Т. Алексеев». И вдруг понял: фамилию-то материну взял. Не захотел отцову носить. Не простил!...

Жгучая обида душила его. Не хотелось ни думать, ни двигаться — вот так бы все ехать и ехать, ни с кем не разговаривая. На Мшинской он вышел как в полусне. На платформе с ним кто-то поздоровался, Николай Ильич кивнул машинально, даже не посмотрел, кто это был.

Он шел по знакомой, тысячи раз исхоженной тропинке, не глядя под ноги, и то и дело оступался в глубокий снег. Ветер глухо гудел в вершинах елей. Постепенно привычный шум, и мерцающие снега вокруг, и поскрипывающая под ногами тропинка успокоила его. Обида его поутихла. А на место ее пришла горькая мысль: а не сам

ли он виноват в том, что разошлись они, разлетелись они с сыном по разным дорогам? Ну поссорились, крепко поссорились они в августе сорок первого. Да что из того? Разве это на всю жизнь — ссора отца с подростком-сыном? Ведь добра же, добра хотел он Тельману. От смерти уберечь хотел!

Что было, то прошло. Так почему же потом, после войны, не разыскал он сына, единственного во всем белом свете родного ему человека? Не разыскал, не посмотрел ему в глаза, не попросил у него прощения. Ведь сын простил бы. Простил бы, это Николай Ильич твердо знал. Родная кровь!

Как много могло измениться тогда! И жизнь могла пойти совсем не так, как пошла. Да разве попал бы он в тюрьму, если сын стоял бы рядом? Сын — опора, надежда. Смысл жизни. Николай Ильич вдруг опять вспомнил, как провожал Тельмана в пионерлагерь. Он уж тогда был ему помощником! Нет, не зря они с матерью называли его в честь Эрнста Тельмана!

«А может быть, и не со зла поменял Тельман фамилию, может, жизнь заставила? В жизни каких только передраг не случается — можно и имя свое забыть, не только фамилию. Отчество ведь сын не сменил? Николаич ведь, Николаич!»

Эта мысль успокоила его и утвердила в решении узнать в справочном бюро адрес и послать сыну письмо.

Ответ из адресного бюро пришел быстро: «Алексеев Тельман Николаевич проживает постоянно в городе Ленинграде, улица Профессора Попова, дом тридцать восемь, квартира четырнадцать».

13

Через несколько дней неожиданно приехал Гриша Мокригин.

«Что-то случилось, — испугался Николай Ильич, вглядываясь в хмурое лицо друга. — Ох, не ровен час, о продаже леса дознались?! Не собирался ведь он так скоро».

А Гриша болтал о разных лесхозовских мелочах и сплетнях как ни в чем не бывало, будто только ради этого и приехал. Но глаза смотрели тревожно. Так тревожно смотрели глаза, что Николай Ильич не выдержал и, сам заражаясь тревогой, спросил:

— Да не тяни ты, черт! Чего стряслось-то?

— Чего у нас может страстись? Соскучился — вот и прикатил. Невмоготу мне. С утра до вечера только и слышишь: рубли, проценты, выполним — перевыполним. Тошно. К тебе в лес приеду — душу отвожу. Будто снова народился. — Он подмигнул Зотову, вытащил из мешка бутылку водки. Но Николай Ильич чувствовал: беспокойно у друга на душе. Хорохорится для вида. Уж он-то Гришу знает — не первый год знакомы. «Ну да ладно, поиграйся, надоест — сам расскажешь», — подумал он. Достал из подпола грибков, поставил картошку варить.

Они сидели допоздна, балагурили о том, о сем. Вспомнили свою жизнь в колонии. Колония была строгого режима, магазин — один раз в месяц. Посылок ни Зотову, ни Мокригину никто не присылал. Бывало, раскурят одну на двоих самокрутку, сядут на поваленную сосну да размечтаются: «Эх, сюда бы картошечки горячей, рассыпушечки, да кусок хлеба...» — «Да шмат сала», — подкажет кто-нибудь. А уж если совсем разойдутся, то и соленые грибы помянут. Это уж высший смак. Предел мечтаний. Домечтаются до спазм в желудке, пока не крикнет бригадир: «Кончай ночевать. Нава-а-лись!»

Николай Ильич постепенно успокоился, а может, водка подействовала. Только решил: знать, и вправду ничего не приключилось. Мало ли чем Григорий был расстроен поначалу.

Когда они легли спать и Зотов задул лампу, Мокригин сказал мечтательно:

— Хорошо тут у тебя, Коля, ей-богу, хорошо. Так сердце успокаивается. А ты Зайцово вспомнил! Картинки увидел! Да разве ты жил в Зайцове в таком спокойе?

Николай Ильич вдруг спохватился: «Что же это я про Тельмана Грише ничего не сказал? Вот ведь гусь! Все думаю, дай скажу, дай скажу, а не сказал».

Сказать-то хотел, сразу хотел сказать, едва Григорий порог переступил, да медлил. Словно кто останавливал его.

Николай Ильич поворочался на кровати и, наконец решившись, сказал:

— Гриша, а ведь те картинки, ну что в журнале я тебе показывал, — их Тельман рисовал. Сын.

Мокригин молчал.

— Ты слышь, Григорий? — позвал Николай Ильич.

— Слышу, — как-то отрешенно ответил Мокригин. — Сыскался, значит.

— Вот ведь как жизнь-то распорядилась, — сказал задумчиво Николай Ильич. — Я думал, загинул он. С войны ведь, с сорок первого, ни одной весточки не было, а он в художники вышел. Недаром мальчонкой рисовать любил. Только фамилия у него другая, Гриша. Не Зотов он.

Гриша вдруг расхохотался.

— Да с чего ты, старик, взял, что это твой сын? Мало ли Тельманов на свете. И почудней имена есть! А ты заладил: сын, сын! Рассусоливаешь мне про него...

Николаю Ильичу было обидно слушать Гришин смех. Он сказал:

— Мой это Тельман, Гриша. Портретик там есть. Точно мой. Да и написано: Тельман Николаевич. Только Алексеев. Материну фамилию взял. Может, чего случилось? Пятнадцать ему было, когда с пленными солдатами от немцев бежал. — Зотов тяжело вздохнул. Воспоминания его одолевали. Горькие старческие воспоминания. Он долго ворочался, потом снова заговорил:

— Вот что мне интересно — женат он или нет? Да уж конечно! — сам же себе ответил Зотов. — Сорок пять в нонешнем мае будет. Дак ведь я, Григорий, наверняка дед! — оживился он. — Дед я, Григорий. А может быть, и прадед даже. А что? Ежели он, как и я, в девятнадцать поженился. Тельман-то у нас с Василисой рано появился, ой как рано. Ой, гуси-лебеди, прадед! Слышь, Гриша? Прадед.

Мокригин молчал.

— Я, Гриша, решил написать ему и адрес уже разузнал. Что старое вспоминать? Жить-то всего ничего осталось. Заснешь когда-нито и не проснешься.

— Забыл, значит, ты все обиды, забыл, как тебя из-за сына твоего, щенка, фрицы чуть в расход не пустили? — неожиданно зло рявкнул Мокригин. — Он от тебя убежал, на смерть оставил, а ты... Он столько лет о себе знать не давал! Сам ведь мне столько раз плакался. Ты что думаешь, не знал он, что папаша у него по тюрьмам да колониям восемь лет от звонка до звонка отышачил? Держи карман шире! Как миленький знал. Уж он-то в Зайцово твое распроклятое не раз, видать, съездил. И не хотел бы, дак землячки твои все ему рассказали. В лучшем виде.

«Чего он так злится? — удивился Николай Ильич. — Чудак человек!»

Словно спохватившись, Мокригин смолк. Потом сказал уже спокойно:

— Я, Коля, тебе и вчера говорил: выбрось из головы эти фокусы-мокусы. Деревенька моя — ах, ах!.. Сынок теперь сыскался... Прожил полжизни без земляков и без сына — и еще проживешь. Без друга — никогда. Нет жизни без верного кореша. Нет опоры. А землячки, детки — фить, разлетелись в разные стороны, кричи — охрипнешь! — Он заворочался в кровати так, что пружины застонали. Достал со стула папиросы. Закурил.

— Я вот, Коля, в детдоме вырос. А где родился — не знаю. И не интересуюсь. Без роду, Коля, я и без племени. Сколько себя помню — все с места на место кочевал. Из детдома в детдом. И никуда меня не тянет. Знаешь, как говорится, рос мал, вырос пьян, ничего не знал. — Григорий громко, натужно захохотал. — А спросят меня, откуда я. — «Отовсюду», — отвечу.

Потом они долго лежали молча. Николай Ильич курил, думал. И, уже совсем засыпая, сказал мечтательно:

— Нет, Гриша, что ты ни говори, а напишу я сыну письмо.

Мокригин не ответил. «Наверное, уже спит, — подумал Николай Ильич. — Ну да бог с ним. Проспится — отойдет. И чего он разошелся?»

Но утром Григорий встал хмурый. Молча поел картошки, поджаренной с лосятиной, выпил полстакана водки. А когда оделся и собрался уходить, сказал:

— Ты вот что, Коля, поступай как знаешь. Только я тебя родным считал. Надеялся, что друг за друга держаться будем. А ты... — Он посмотрел на Зотова долгим тяжелым взглядом. — Смотри, Колюн, не прогадай. Ты меня знаешь... Пошлю письмо прокурору, а сам слиняю. Я-то крышу везде найду. А вот как ты с сынком встретишься? Сдохнешь в тюрьге. Тебе и трех лет хватит.

Повернулся и ушел, хлопнув дверью и пнув в сених подбежавшего приласкаться пса.

«У-у, разбойная рожа, — зло подумал Николай Ильич, глядя из оконца на удаляющуюся фигуру Мокригина. — Сдурел мужик. Будто белены объелся. «Я тебе друг, я тебе друг!» А как поперек что скажешь, того и гляди в рожу заедет. И откуда он свалился на мою голову? И чего ярится?»

Зотов долго сидел не двигаясь, тяжело навалиясь на стол. Глядел пустыми глазами сквозь замерзающее оконце на темный ельник, где только что скрылся Григорий. Ледяные мохнатые веточки незаметно, будто сами собой, рисовались на стекле, сплетались в причудливые узоры, постепенно закрывая от Николая Ильича белую поляну с небольшим стожком и синеющий в рассветной мгле лес.

«Не доведут меня до добра мои думы, — вздохнул Зотов, оторвав наконец взгляд от заледеневшего окна. — Делом надо заняться». Он убрал со стола и сел подшивать валенки: давно собирался, да все было недосуг. Николай Ильич принес из кладовки кусок войлока, вар, дратву. Сапожный нож оказался туповат, и старик долго точил его на бруске. Ему вспомнилось, как он познакомился в колонии под Архангельском с Гришей. Гриша только что прибыл из пересыльной тюрьмы и сразу же проигрался в карты. Наутро он отправился на работу в лес, напялив на себя несусветное тряпье. На ногах у него болтались голенища от валенок, а на ступни были намотаны прикрученные веревкой тряпки. Вечером Николай Ильич стал свидетелем того, как, прижав в углу барака совсем молоденького плачущего паренька, Мокригин сдрючивал с него старенькие валенки. Зотову стало жаль мальчишку, и он сказал Грише:

— На что позарился? Через два дня будешь голыми пятками сверкать... А из твоих голенищ я фартовые валеночки слеплю. Сноса не будет.

Мокригин глянул на него зверем. Спросил:

— Сколько паэк?

— За так сделаю, — махнул рукою Зотов и за вечер смастерил Грише из голенищ приличную обувку. Батина школа пригодилась — Илья Куприянович Зотов был лучшим сапожником на всю волость.

Николай Ильич подшивал валенки и вспоминал про колонию, про то, как сошлись они с Гришей. Тогда разница в годах была особенно заметна. Это сейчас она почти стерлась, не чувствуется. А в то время Мокригин против Николая Ильича совсем мальчишкой выглядел. Зотов подумал о том, что в первое время их знакомства, глядя на Гришу, все сына вспоминал. И нет-нет да рождалась тревожная мысль: «Ну, как и сын по кривой дорожке пошел? Так же, как этот Гриша Собачник, сидевший за грабеж». Только раньше злость на Тельмана все

другие мысли пересиливала. Вспомнит, погорюет, да и снова забудет надолго.

Чего уж стал покровительствовать ему Гриша, Николай Ильич в толк взять не мог. Да и задумываться не хотелось. Сдружились — и ладно. Может, оттого, что родителей Мокригин не знал? А может, из-за того, что Николай Ильич всегда был ровным, спокойным, не обижался на злые Гришины выходки.

Он подумал об этом, и сейчас жалость к Мокригину шевельнулась в нем, но тут же погасла. «Женился бы и жил спокойно», — подумал Николай Ильич, хотя раньше любая мысль об этом вызывала в нем легкое чувство ревности.

14

Николай Ильич всю ночь не находил себе места. Вставал, закуривал и, накинув на плечи телогрейку, ходил бесконечно по комнате, вздрагивая от скрипа половиц. Дружок, чувствуя, что хозяин не спит, жалобно повизгивал в сенах.

Под утро Зотов затопил печь, чтобы хоть как-то занять время, отвлечься. И долго сидел у огня, глядя, как пожирает пламя сухие березовые поленья, машинально подбирая отскочившие угольки и бросая их снова в топку.

«Ну что же делать? Что делать? — никак не мог решить он. — Писать Тельману или нет? Ведь Гриша такой — на все способен!»

Чуть занялся рассвет, Николай Ильич надел лыжи и отправился в Пехенец, на почту. Купив конверт с маркой, он уселся за маленький столик, забрызганный чернилами и замазанный клеем, и долго сидел над чистым листом бумаги, пока наконец не вывел: «Здравствуйте, Тельман Николаевич...» Он написал письмо, заклеил конверт и поинтересовался у почтальонши, когда отправка. Оказалось, что через полчаса машина увезет почту на Мшинскую. «Что ж, завтра-послезавтра, должно быть, получит Тельман», — прикинул Зотов и подумал: а не позвонить ли Грише? Может, отмяк его друг-приятель?

Николай Ильич заказал разговор с Гатчиной и долго ждал, пока соединят. Кроме него, на почте не было ни одного посетителя. Сонная тишина стояла в комнате. Время от времени начинал стрекотать телеграф, да впол-

голоса обсуждали какую-то Люську телефонистка и еще одна востроносая очкастая девица, наверное, завпочтой. Резкий звонок заставил Николая Ильича вздрогнуть. Телефонистка молча протянула ему из-за барьера трубку.

— Кто? — отрывисто прозвучало в трубке. Это был голос Мокригина. Он всегда говорил по телефону деловито и важно. Николай Ильич никак не мог привыкнуть к этому и молчал, растерянно соображая, чего бы ему ответить. Вот и сейчас он помолчал чуток, потом спросил, сдержанно кашлянув:

— Григорий?

— Говорите, — буркнул Мокригин. Видать, не признал Зотова.

— Григорий, это я, Николай.

— А-а, Колюн! — наконец узнал Мокригин. — Здравствуй!

Он сказал это с растяжкой, и Николай Ильич уловил недобрые нотки в голосе друга. «Сердится», — подумал Зотов и вздохнул.

— Ты чего молчишь, Колюн? — спросил Мокригин. — Как дела?

— Да все нормально, — скучным голосом ответил Николай Ильич. Он уже жалел, что позвонил. — Сыну вот письмо отправил...

Мокригин несколько секунд молчал, будто собирался с духом, наконец выдал сиплым голосом:

— Не послушал, значит, друга. Я тебя предупреждал, Колюн. Спокойной жизни не жди! Сыночку расскажу про твоё жите-бытие: откуда денежки у бати завелись под старость. И ещё кой-куда стукнуть могу. За мной не задолжится... — Он вдруг осекся. Похоже, кто-то вошел в комнату. И продолжал уже спокойным, даже веселым голосом. — Так нам, дружище, есть о чем поговорить. Ты меня послезавтра жди с трехчасового. Жди! Погугарим.

И повесил трубку.

Николай Ильич грустный поплелся к себе на кордон.

Эти дни он делал все машинально, словно в полусне. Отвел двух лужских мужиков на делянку, пометил, что рубить. У мужиков был выписан наряд на строевой лес. Потом спохватился: а вдруг приедет Тельман, а на кордоне запустение, разор. И так в холостяцком доме никог-

да порядку не было, а последнее время он и вовсе не занимался своим хозяйством: на кухне грязь, гора неделями не мытой посуды. В комнате все валяется как попало, пол грязный, заплеванный. Николай Ильич согрел ведро воды, вымыл, выскреб ножом полы, убрал всю лишнюю, накопившуюся годами рухлядь в кладовку. В доме стало сразу уютнее, и у Николая Ильича посветлело на душе.

Он снова и снова думал о сыне. Представил, как сядут они с Тельманом за стол и будут говорить о врозь прожитых годах. Сколько же им надо вспомнить! А потом он поведет сына в лес, покажет самые заповедные, самые красивые уголки. И на медведя они сходят вместе. Подумаешь, директору пообещал! Обойдется. Поводит его по лесу, поводит — нету, ушел мишка. Мало ли кто вспугнул?! А уж с сыном-то они достанут косолапого. Весной отвезет он Тельмана на Вялье озеро, где на маленьком островке токуют тяжелые сторожкие глухари, покажет Орелью Гриву и тетеревиные тока за Владычкином. Как они бурлят ранним весенним утром, когда лес и поляны еще скрыты густым туманом! Полюбится здесь сыну, ей-богу, полюбится! Эх, только бы он ответил на письмо. Только бы не держал на сердце зло. Отец же он ему, родная кровь! Получил ли сын письмо? И о чем подумал?..

А может быть, Тельман женат и у него дети, семья? Ну и что же, что семья? И внукам нужен дед. Он был бы добрым, заботливым дедом. Как весело стало бы летом у него на кордоне, поселись здесь Тельман с детьми! Он, Николай Ильич, водил бы ребят в лес, а Тельман сидел где-нибудь в самом заветном местечке, рисовал. Вон какие красивые его картины напечатали в журнале! Заглядишься. Да и не всякого небось печатают в журнале. Наверняка не всякого.

Ну и зачем им старое вспоминать? Зачем? Кто старое вспомнёт... Да и жизнь прошла, и Тельман не мальчик, время ли в прошлом копать?

Думал так Николай Ильич, и на душе у него теплело. Но потом вдруг вставало перед ним злое лицо Мокригина, и все светлые мечты расплывались, и оставалась одна горечь и тревога. И тревога эта с каждым часом усиливалась и усиливалась.

В тот день, когда обещал приехать Мокригин, Николай Ильич совсем упал духом. Временами он чувствовал

такую слабость, что мутилось в голове. Хотелось лечь, закрыть голову подушкой и не шевелиться, не вставать, не думать ни о чем.

Ну что ему, Гришке, Тельман? В дом, что ли, просится? Что плохого, если у твоего друга нашелся вдруг сын? Почему не радоваться вместе? Ведь у них-то ничего не изменится. Почему, спрашивается, Гришка так разозлился, когда узнал, что Николай Ильич хочет разыскать сына и помириться с ним? Может, думает, что не смогут они теперь лес на сторону продавать? Так ведь давно уже сказал Николай Ильич: последний раз уступил ему — и амба. Не тот возраст, чтобы снова в тюрьму.

«Ах, Гришка, Гришка! — вздыхал Николай Ильич. — Неужели решил ты, что наши общие денежки делить я с тобой буду? Тьфу, денежки. Если бы Тельман весточку прислал, если бы выпало такое счастье — зачем мне эти денежки? Прожил бы я вместе с сыном и без них. Да и о чем разговор — вилами еще все на воде писано, не откликнулся сын и, может так стать, не откликнется. — Но тут же одергивал себя: — Нет, нет, такого быть не может! Разве оттолкнет он старого, больного отца?»

А Гришка-то хорош: «Все твоему сыну выложу, все. И про то, что сидел, и про то, как сидел! И о том, что лес воруеть долгие годы». Ну, положим, что сидел — зачем скрывать? От тюрьмы да от сумы грех зарекаться. А коли и вправду он про лес скажет? Нужен Тельману такой отец? Сын человек известный, уважаемый, ему грехи отцовы не медаль на грудь. Да ведь Гришка-то окаянный, лихой человек, он и прокурору заявит. Подкинет письмишко, а самого ищи-свищи. Денежки наши общие в карман, а сам в края далекие.

И откуда этот цепной пес на мою голову свалился? Бухгалтер чертов! У него небось и четырех классов не кончено. А сумел пристроиться. Меня так ближе сто первого к Питеру не подпустили, а Гришка в Гатчине осел, — со злостью думал Николай Ильич. — Чего он всех ненавидит? Чего таким злым уродился? Жизнь с ним зло поступила? Несправедливо? Ну, рос без отца, без матки... Да ведь мало ли сиротства на белом свете?! Вон после войны сколько сирот осталось! А ведь людьми выросли.... Нет, тут что-то другое у Гришки. Может, оттого, что слабый в детстве был и каждый им помыкал? А потом нож в руки взял и увидел, что боятся? Силу по-

чуял. Эх-ха-ха! Вот она, жизнь, что с человеком делает. И ведь отмяк он нынче, отмяк. Поглаже стал. А тут снова! Ну что ему Тельман? Ровно как кость в горле».

Голова раскалывалась от этих дум. Временами ему казалось, что он напрасно послал письмо сыну. Может быть, и впрямь не стоило писать? Прожил же он столько лет без Тельмана. Скоротал бы с Гришей Мокригиным и те немногие годы, что остались. Вон сам Гриша — один как перст. А не горюет. И не зря говорит ему, Николаю Ильичу, что ни друзей, ни близких, кроме него, нет. Но такие мысли приходили и уходили, а осталась одна жгучая боль под сердцем. Да зрела злость на того, кто встал на пути к сыну.

В полдень, когда до приезда Мокригина оставались считанные часы, Николай Ильич вдруг понял, что Гришка не отступит от задуманного. Он вспоминал долгие годы своего знакомства с ним, мелкие, на первый взгляд ничего не значащие случаи из их житухи в колонии, всю их последующую вольную жизнь, и чувство незащищенности перед Мокригиным охватило все его существо. Нет, Гришка никогда не отступался от задуманного. Что-то в нем было такое, что заставляло людей подчиняться ему. Николай Ильич считал, что только ему повезло на дружбу с этим суровым, может быть, даже жестоким человеком, но сейчас ему показалось, что и его дружба с Мокригиным была лишь цепочкой уступок, уступок его воле, его желаниям. Он опять вспомнил историю с собакой, и ему стало страшно, оттого что не послушался, поступил, может быть, в первый раз по-своему. Да ведь как иначе-то поступить? Сын же, сын родной отыскался!

...Николай Ильич посмотрел на часы. Половина второго. Мокригин приедет трехчасовым поездом. Он всегда был верен своему слову.

Николай Ильич надел телогрейку, вышел в сарай. Там, в ловко выдолбленном трухлявом бревне, он прятал старенький трофейный карабин. Он даже и не купил его, а поменял на десяток добрых бревен. Изредка, лишь в самых крайних случаях, он доставал карабин, чтобы завалить лося. Да и то когда был уверен, что егерь в отъезде. Вот только с патронами последнее время было плохо. Негде достать. Николай Ильич проверил обойму — оставалась последняя.

Начиналась метель. Низкие белесые тучи медленно разворачивались над лесом, а за ними темнели другие.

На небе не было видно ни одного просвета. Холодный ветер пронизывал насквозь, и Николай Ильич почувствовал, что его начинает бить мелкая дрожь. Он прибавил шагу, но лыжи утопали глубоко, и идти было трудно. Зато он скоро согрелся. Николай Ильич не беспокоился сейчас о том, что будет. Ему казалось, что теперь все образуется. И Мокригина ему было не жаль, совсем не жаль. И хорошо, что метель. Небось к ночи такая разыграется, что никаких следов не останется. Но он не пошел напрямик к той тропе, что вела со станции к Владычкину и по которой всегда ходил Мокригин. Время еще имелось в запасе, и от кордона он уклонился в сторону, старался идти по открытым местам: быстрее занесет следы. Делал он это не задумываясь, как будто даже ненамеренно. Шел и шел, останавливаясь передохнуть, и минута от минуты росла в нем злость на Мокригина, из-за которого приходится вот тащиться по глубокому снегу, вместо того чтобы ждать письма от сына, сидя в тепло натопленном доме...

Впереди, метрах в пятистах, чуть заметной серой полоской выбегала из лесу тропинка, ведущая со станции во Владычкино. Ходили по ней редко. Да и кому ходить-то? В деревне осталось всего несколько домов, и только две-три владычкинские бабы торили тропинку к станции. Да и то не всегда. Когда повезет, предпочитали добираться с попутной машиной, что приезжала то за сеном, то еще по каким делам.

Времени было без пятнадцати четыре. Мокригин ходил быстро, Николай Ильич со своей короткой ногой с трудом поспевал за ним, когда они ходили вместе.

Он стал за маленькой елкой, осторожно отвел затвор, загнал патрон в патронник. Он был уверен в себе—стрелял всегда без промаха. А там пусть думают-гадают. Мало ли по лесу охотников шастает. Пуля — дура.

Николай Ильич почувствовал, сердцем почувствовал, что Мокригин вот-вот появится из бора. Перехватило дыхание и чуть дрогнула рука, когда он поднял карабин примериться. Но справился с охватившим его ознобом, глубоко вздохнул и тут же увидел идущего, Гришину мохнатую рыжую шапку. Еловый подрост почти скрыл фигуру Мокригина. Николай Ильич видел только голову да успел разглядеть вещевой мешок за спиной. «Небось продуктов несет своему дружку Коле», — мелькнула злорадная мысль, и он нажал на курок.

...Он пришел из лесу в потемках, совсем обессиленный. Спрятал карабин. Но на душе у него было спокойно. Словно стрелял не сам он, а кто-то другой: понял его страдания и горе и сжалился над стариком, открыл ему дорогу к сыну. И он, спаситель, и грех на душу взял.

Николай Ильич не сомневался в том, что Гриша Мокригин мертв. Ну и что ж, что он не видел его мертвым. Случись это, ему, может быть, и тошно стало, и совесть его начала бы мучить. А так — был Гриша, и нету. Только выстрел отдался эхом по перелескам. А что Тельман еще не написал, так это не страшно. Еще напишет. Да и сам он, Николай Ильич, съездит к сыну. Непременно съездит. Завтра же. У него теперь время есть. Уж они-то вдвоем разберутся во всем, уж они-то найдут дорожку друг к другу. А Гриша теперь не помешает.

Впервые за несколько дней Николай Ильич хорошо спал.

На следующее утро он зашел в Пехенец на почту. Письма опять не было, и Николай Ильич отправился на Мшинскую, на электричку. О Грише он и не вспоминал, только, когда проезжал Гатчину, кольнуло сердце тревогой. Но он успокоил себя. Вот и в Пехенце никто ничего пока не знает: где-где, а на почте-то уж наверняка знали бы.

Он ехал к сыну с твердой уверенностью, что все у него устроится. Нет, хватит терзаться в одиночестве. Что он за размазня такая? Надо же решиться! Не может такого произойти, чтобы не признал его сын. Не может.

15

...Тельмана дома не оказалось. Сколько ни звонил Николай Ильич, за дверью было тихо. Он решил где-нибудь перекусить и зайти позже. «В крайнем случае с последней электричкой уеду. К ночи-то небось вернется, — успокаивал он себя. — Мало ли какие дела! На службе задержался».

Он долго ходил по городу, останавливаясь у красивых витрин магазинов. Нарочно оттягивал время, чтобы прийти уж наверняка, обязательно застать сына. На Неве, у Петропавловской крепости, Николай Ильич примечал художника с мольбертом и долго стоял поодаль, разглядывая, чего он там рисует. Город был затянут сырým, противным туманом, и на холсте у художника сло-

ился туман, а в просветах намечались зыбкие контуры Зимнего дворца. Николай Ильич стоял молча, затаив дыхание, боясь привлечь внимание художника и рассердить его. Он с какой-то затаенной гордостью думал: «Вот и мой Тельман художник и так же, наверное, стоит где-нибудь, рисует, а люди почтительно рассматривают его картины. И наверное, Тельман хороший художник, коль пропечатали его картины в журнале да еще написали такие теплые слова».

Николай Ильич вздрогнул, когда у него за спиной, где-то за Кировским мостом, запела звонко труба. «Опять дудит! Ну что за наваждение?» Но здесь песня трубы была иной, не такой отрывистой и хриплой, как у пионерского горниста в лесу. Она лилась над Невой красиво и раздольно. И оборвалась так же неожиданно, как и началась.

На крейсере «Аврора» играли вечернюю зорю. Но Николай Ильич этого не знал.

Уже совсем стемнело, когда художник сложил мольберт и краски и, искоса взглянув на Николая Ильича, пошел прочь. Николай Ильич тоже пошагал по Кировскому проспекту. Он продрог и, найдя маленькое кафе, где не надо было раздеваться, взял чай с пирожками и сидел там до самого закрытия.

К дому он подошел около десяти часов. И опять много раз звонил, но опять никто не отзывался. Из квартиры напротив высунулся какой-то всклокоченный старик и подозрительно поглядел на Николая Ильича. Николай Ильич хотел спросить старика, не знает ли тот, где его сын, но не успел — старик быстро захлопнул дверь и долго гремел запорами. Николай Ильич сел на ступеньки. Ему стало до слез жаль себя, так обидно было, что не сбылась надежда сегодня же увидеть сына. Надо было возвращаться к себе на кордон, ждать следующего дня и опять волноваться. Николай Ильич устал, ему даже двигаться не хотелось. «Вот если бы в Гатчине остановиться!» — подумал он по привычке и вдруг вздрогнул от внезапной мысли, что Гришу Мокригина он больше уже не увидит.

Электричка была почти пустая. Николай Ильич, усталый, намерзшийся, всю дорогу продремал. Когда, сойдя с перрона на Мшинской и поеживаясь от ночного мороза, он свернул на лесную тропу, его окликнули.

— Ильич, нешто ты? Погодь, догоню.

Он оглянулся и разглядел, несмотря на темноту, что его догоняет женщина.

Это была молодая баба из Владычкина, Верка Усольцева.

— Вот подвезло-то мне, вот подвезло, — весело затараторила она. — А я смотрю, наших-то никогошеньки. Одной боязно. Дай, думаю, ленинградскую электричку подожду. Может, кто приедет.

— Дождалась, значит. Тебе бы кого помоложе, — с усмешкой сказал Николай Ильич.

— Скажешь тоже, старый черт! — хохотнула Усольцева. — Не до жиру... Тут у нас такие страсти! Хоть на Мшинской ночуй. Мужика-то вчера убили. Прямо перед деревней.

Николай Ильич насторожился. Сказал, стараясь быть равнодушным:

— Небось опять сбrehнул кто!

— Слово тебе даю! — горячась, ответила Верка. — Убили, убили. Настя Акимова и еще ктой-то из наших баб утром наткнулись. Да и снегом уже замело. Милиции, понаехало! Сашку Иванова забрали. Клавкиного ха-халя. Да он вовсе и не Ивановым оказался, а еще какой-то. Не запомнила фамилию. Только Клавка говорит: Сашка-то ни при чем. Ей так и в милиции сказали. Его по другому какому-то делу. — Усольцева передохнула и, все время оборачиваясь к Николаю Ильичу, шедшему следом, сказала: — Милиция всех спрашивает, интересуется. Я вот у егеря была, долг отдавала, так сама слышала, милиционер обо всем расспрашивал. И про тебя, дядя Коля, интересовался. Ружье у тебя какое-то там навроде есть.

Николай Ильич похолодел.

— Да не путайся ты под ногами, Верка! — прикрикнул он на Усольцеву. — И так все слышно.

Некоторое время они шли молча. «Как же так, как же так, — лихорадочно думал Зотов. — Почему они про меня расспрашивали? Оно конечно, знают в деревне, что Гриша ко мне заезживал. Да ведь он и в Пехенце бывал по делам. Мало ли? Но при чем тут ружье? Неужели егерь знал, что у меня винтовка?»

Верка не выдержала и снова стала рассказывать:

— А убитый-то не наш, чужой. Его никто и не признал. Настюха говорит — симпатичный, светленький. Молодой мужик...

— Симпатичный? Светленький? — тревожно переспросил Николай Ильич.

И вдруг понял, что вовсе и не Гришу Мокригина застрелил он вчера, а какого-то случайного прохожего. Не Гришу, не Гришу! Он шел будто во сне, не понимая, о чем еще толкует ему Верка Усольцева, и только повторял про себя: «Не Гришу, не Гришу!..»

В конце леса, уже на подходе к владыччинскому полю, он нашел свои лыжи, спрятанные в елках, и, буркнув Усольцевой «до свидания», медленно пошел через перелески в сторону кордона. Выглянула неяркая луна с бледным, чуть заметным венцом. Тени от елей легли на белые снежные поля.

«Вот так, значит, все обернулось, — шептал Николай Ильич, — жив мой дружок, живехонек, а человека я зазря положил, убивец».

Странно, но его совсем не мучила совесть, пока он считал, что убил Григория, своего давнего друга. И только узнав, что застрелил чужого человека, почувствовал себя убийцей.

К прошлому, к сыну, пути теперь не было. Занесло, занесло этот путь метелями и невзгодами, ни пройти, ни проехать.

Залаял пес, услышав хозяина, и вдруг издалека, от Вяля озера, послышался протяжный волчий вой. Но Николай Ильич не обратил на вой внимания. Не услышал.

16

Корнилов шел на работу, отчетливо сознавая, что в деле об убийстве художника Тельмана Алексеева есть обстоятельства, которые во что бы то ни стало следует выяснить. Прежде всего мотивы, извечный вопрос: зачем? Старуха Кашина говорила, со слов некой тети Поли, что у отца с сыном была давным-давно ссора. Отношений друг с другом, судя по всему, не поддерживают. Местные жители никогда не слышали от Зотова, что у него есть сын.

А самоубийство лесника? Разве нет в нем ничего странного? Почему, например, повесился он лишь на третий день после убийства?

А сами обстоятельства убийства? Кто-то ведь шел по тропинке от станции следом за Алексеевым, кто-то по-

топтался вокруг него. В то время, когда Алексеев, может быть, был еще жив... Кто?

«Нет, нет, не так все просто. В архив дело еще рано отправлять!»

Все утро Корнилову хотелось хоть на час остаться одному и еще раз обдумать события вчерашнего дня, но, как назло, надо было проводить совещание, выслушивать сотрудников, принимать решения. А без пятнадцати одиннадцать словно что-то кольнуло его — он вспомнил про обещание быть на репетиции. Подосадовав, что опрометчиво пообещал Грановскому обязательно приехать, он вызвал машину.

...Впервые в жизни он шел по пустому театру, по сумрачному холодному фойе. Два-три бра отбрасывали тусклые блики на портреты актеров, развешанные по стенам. Было совсем тихо, только откуда-то издалека несло приглушенное гудение пылесоса. Корнилов в нерешительности остановился, не зная, куда идти, потом решил заглянуть в зрительный зал. В зале тоже стоял полумрак, лишь сцена была ярко освещена. В первых рядах сидело несколько человек. Среди них — Грановский. Он оглянулся на скрип двери, узнал Корнилова.

— А вот и товарищ Пинкертон! — радостно закричал он. — Давайте сюда, дорогой!

Сидевшие рядом с режиссером люди тоже обернулись и бесцеремонно рассматривали приближавшегося Корнилова. Ему было неловко от этого.

Грановский познакомил его со всеми, но Корнилов даже не запомнил фамилий. Кроме одной. Фамилию актрисы Разумовой он знал еще раньше: недавно у нее была украдена «Волга», и работники уголовного розыска довольно быстро отыскали ее в Прибалтике.

— Продолжим, мальчики, — сказал Грановский. — Танцуйки в квартире Аллочки... Все занятые — на сцену!

Корнилов следил за всем, что происходило и на сцене и в зале. Ему было интересно не то, как разворачивались действия по ходу пьесы, а поведение режиссера, его реплики актерам, бурная реакция по какому-то незначительному поводу. Некоторые сцены Грановский заставлял повторять по два, по три раза.

Внимательно приглядываясь ко всему, что происхо-

дило вокруг него, Корнилов подсознательно, помимо своего желания, все время возвращался и возвращался ко вчерашнему дню. Каких только преступлений не приходилось ему раскрывать за время работы в угрозыске! Но убийство художника Тельмана задело его очень сильно. Прежде всего потому, что он не мог его объяснить. Он не верил — сердцем не мог принять! — что убийцей был отец. А ведь всего несколько дней назад он, именно он, Корнилов, вывел работников лужского уголовного розыска на лесника Зотова!

Еще в мастерской Алексеева, когда подполковник рассматривал картины художника, у него появилось смутное ощущение того, что между старым отшельником, коротавшим свои дни в глухих мшинских лесах, и ленинградским художником существует какая-то связь. Почему возникло это ощущение, Корнилов не смог бы объяснить. Может быть, потому, что пейзажи, развешанные на стенах мастерской, чем-то напомнили ему окрестности Владычкина? Но они, эти пейзажи, были так типичны для юга Ленинградской области!

...На сцене произошла заминка. Актер Борис Стрельников, игравший молодого парня со смешной кличкой Варежка, слишком взволнованно, с некоторым надрывом объяснялся со своей подружкой Леной, которую играла Разумова. А всего час или два назад этот же Варежка всадил нож в живот другой своей приятельнице. Таясь и замечая следы, Варежка прибежал в квартиру Лены, надеясь отсидеться у нее, а заодно и «закрутить любовь».

Метания Стрельникова прервал Грановский, громко захлопав в ладоши.

— Нет, нет! Что вы делаете, Боря? — Грановский сорвался с места, легко взбежал на сцену. — Ну что вы делаете, миленький? — плачущим голосом сказал он. — Вы же не рефлектирующий Раскольников, а тупой убийца... Откуда такой разумный взгляд? Ваша совесть глуха, никаких сожалений, никаких раскаяний. Ткнуть человека ножичком для вас — раз плюнуть!

Грановский сморщился, словно вспомнил что-то очень неприятное.

— Сначала, повторим эту сцену сначала.

Актеры медленно, словно нехотя, занимали свои места.

Борис Стрельников взял со столика рюмку и подо-

шел к дивану, на котором полулежала Леночка. Лицо у него было сумрачным, растерянным.

— Начали! — сказал Грановский.

Стало тихо. Только из фойе доносилось приглушенное бархатными шторами гудение пылесоса. Уборщицы готовили театр к вечернему спектаклю.

— Нет, не могу, — сказал Стрельников и поставил рюмку на столик. — Андрей Илларионович, мне нужен еще день... Я не готов играть равнодушного убийцу.

Грановский смешно надул губы, совсем как обиженный мальчик, и минуту стоял в нерешительности.

— Андрей Илларионович, — тихо сказала Разумова. — Ну дайте ему денек, он с ножичком порепетирует.

Все засмеялись, а Стрельников зло посмотрел на актрису.

— Ладно, ладно, — Грановский поднял успокаивающим жестом руки к груди. — Я тебя понимаю, Боря. Отложим эту сцену. Нечего смеяться, Разумова! Я буду рад, если ты станешь так же серьезно думать о своих ролях. На сегодня все кончено.

Он сделал несколько шагов, но внезапно круто развернулся и быстро подошел к Стрельникову.

— Ты, Боря, в суд ходил бы, что ли. На убийцу поглядеть... — начал он энергично, но вдруг замолчал, словно какая-то новая мысль, несогласная с высказанной, пришла ему в голову. Досадливо сморщившись, Грановский махнул рукой и оглянулся по сторонам. Увидев Корнилова, он спустился со сцены, подхватил его под руку и провел к себе.

В кабинете главного режиссера было тепло и уютно. Большая бронзовая нимфа грациозно держала над головой светильник. На стенах висели потускневшие от времени афиши.

— По рюмке коньячку? — спросил Грановский, открывая старинный, красного дерева бар.

— Спасибо. Я должен в управление ехать, — отказался Корнилов.

— А я выпью с вашего разрешения. Что-то разволновался сегодня. — Он налил себе в маленькую хрустальную рюмочку, сел напротив подполковника. — Ну что вы скажете, дружок? Недовольны? У вас такой хмурый вид...

Корнилов улыбнулся:

— Не обращайтесь внимания. Дела заели. Да и человек я скучный. Улыбаюсь редко.

— А ваше мнение о пьесе, об актерах, товарищ скучный человек?

— О пьесе мы с вами уже говорили, Андрей Илларионович, — ответил Корнилов. — С точки зрения уголовного розыска — все в ажуре.

— Ох и хитрец же вы, товарищ подполковник! — Грановский выпил коньяк и поставил рюмку на стол. — А если серьезно?

— Если серьезно, то пока говорить еще рано. — Корнилов виновато улыбнулся. — Мне время на раздумья требуется. Театрал-то я аховский.

— Ну а все же? — настаивал Грановский.

Корнилов молчал, внимательно разглядывая афиши.

Андрей Илларионович ждал, нервно сцепляя и расплетая ладони.

— Пьеса неплохая, — неторопливо начал подполковник. — Сюжет лихо закручен. Публика у нас такое любит. Аншлаг на год обеспечен...

Грановский хотел что-то возразить, но Корнилов предостерегающе поднял руку. Режиссер улыбнулся и промолчал.

— Неплохая пьеса, Андрей Илларионович, — продолжал Корнилов. — Идея нужная: сколь веревочка ни вьется... Но таких пьес можно сотни состряпать. Сотни! И сюжеты еще закрученнее придумать. Да вы к нам в уголовный розыск приходите — мы вам такого порасскажем.

— Так за чем дело стало? — весело сказал Грановский.

— Ну а дальше-то что? — как-то вяло отозвался Корнилов.

— То есть как это: дальше что? — удивился режиссер.

— А так... Посмотрел я эту пьесу — ничего нового. С чем пришел, с тем и ушел.

— Да чего вы хотите от театра, от пьесы? Какого нового? — В голосе Грановского чувствовалось легкое раздражение. Корнилов уловил это и засмеялся.

— Вы, Андрей Илларионович, не обращайтесь внимания на мои умствования. Я предупреждал о своей некомпетентности. Но знаете, когда идешь в театр или книжку раскрываешь, всегда хочется что-то новенькое о себе

узнать... А в общем-то пьеса нормальная. Мне показалось только, что герои в ней слишком одноцветные...

— Ну давайте, давайте! Топчите, — уже незлобиво проворчал Грановский. — Сам напросился.

— Правда, одноцветные. А ведь в каждом человеке и доброе и злое уживается.

— Это уж достоевщина пошла.

— А достоевщина — это плохо или хорошо? Молчите? Я вам, Андрей Илларионович, хочу засвидетельствовать: мой опыт общения с людьми подтверждает, что в одном человеке могут соседствовать и доброе и недоброе...

— Перед вашим опытом я снимаю шляпу, — сказал Грановский. — Вы бы рассказали про свои дела.

— Наши дела как сажа бела.

— Да уж это-то воистину так! С такими подонками небось приходится дело иметь! Я одного не понимаю, — горячо заговорил Грановский. — Ну что мы нянчимся с ними? Читаешь в газете: человек убийство совершил, а ему восемь лет. Что же это такое, дружок? Где же карающая рука закона?

Корнилов молчал.

— Ну что вы молчите? Сказать нечего? Вот то-то же! — словно бы обрадовался режиссер. — По глазам вижу: согласны со мной.

— Согласен, согласен, — поднял руки Игорь Васильевич. — Законы наши нуждаются в совершенствовании. Не всегда, правда, в сторону ужесточения наказаний...

— Вы мне скажите, Игорь Васильевич, как на духу скажите, — спросил вдруг режиссер, внимательно заглядывая в глаза Корнилову, — какое преступление вам лично, вам как человеку, наиболее омерзительно?

— Взятничество, — твердо сказал Корнилов. — Лихоимство всех мастей...

— Взятничество? — разочарованно переспросил Грановский. — Но есть же более мерзкие вещи.

— Самое мерзкое — лихоимство, — горячо запротестовал Игорь Васильевич. — Вот — чудище обло, огромно... Это чудище может прикинуться самой невинностью, а заражает все вокруг. Ученые провели недавно такое исследование: предложили большой группе людей оценить по степени тяжести десять преступлений. И знаете, какой результат? У всех опрошенных групп дача взятки

оказалась на последнем месте... А ведь это порождает двойную мораль...

— Так! — Грановский сделал энергичный жест рукой, нацелив длинный палец на Корнилова.

— Но если говорить вообще, то меня больше пугает не само преступление, — сказал Игорь Васильевич, — а готовность некоторых людей совершить его... — Заметив недоуменный взгляд Грановского, Корнилов добавил извиняющимся тоном: — Может быть, это я слишком упрощенно? — Он прищурился, будто пытался разглядеть что-то далекое. — Да нет, пожалуй, именно это я и хотел сказать. Меня пугает, что некоторые люди больше боятся карающего меча закона, чем голоса собственной совести, собственного разума. — Он заговорил с необыкновенной горячностью: — Вот представляете себе — иное существо может прожить долгую жизнь, не совершив ни разу не то что преступления — проступка не совершив. Всю свою долгую жизнь такое существо аккуратно покупало в трамвае билет, не брало чужого. А почему? Только из-за страха быть пойманным! Человечишка этот не украл ни разу только потому, что боялся — посадят! И не убил поэтому! Понимаете?

Грановский протестующе поднял руку, но Корнилов опять остановил его:

— Понимаете, понимаете! Только согласиться не можете, потому что привыкли думать по-другому. Привычка вам мешает. И вот живет такой человечишка, вечно готовый к подлости, к преступлению. Ждет своего часа. И час этот может прийти. Такой час, когда наконец он увидит, почувствует: бери, никто никогда не увидит, убей — не дознаются! И украдет, и убьет, и предаст! Вот кого я боюсь больше всего. С таким человечишкой я, может быть, годы бок о бок живу, и он меня в любое время предаст, совершит какую-нибудь пакость. Когда почувствует, что останется безнаказанным.

— Вы это все всерьез? — удивленно спросил Грановский. — Или на вас полемический стих нашел?

— Всерьез, — Корнилов сел в кресло, устало откинулся на спинку. — А вы, конечно, со мной не согласны?

— Нет, я не могу утверждать, что не согласен, — растерялся режиссер и развел руками. — Все, что вы говорите, очень занятно.

— Занятно?

— Простите, ради бога. Слово не к случаю, — Гра-

новский улыбнулся смущенно. — А как же «души прекрасные порывы»? Ум, сердце, чувство долга, наконец! Уже не считаете ли вы, что чувство долга — подневольное чувство? Продиктовано страхом перед ответственностью.

— Что за привычка укоренилась в нашей жизни! — раздражаясь, сказал Корнилов. — Все толкуется, как говорит наш брат юрист, расширительно! Андрей Илларионович, я лишь одно хочу сказать... Нет, нет, я просто утверждаю: существуют в нашей жизни люди, не совершившие преступления только из страха расплаты. Даже нет! Они не столько боятся расплаты, сколько быть узванными. С преступниками мы справимся. Рано или поздно мы их вылавливаем всех. Но как распознать человечешку с ограниченной совестью? Молчите? А я так думаю, что в некоторых случаях не распознать! — Он замолчал и несколько секунд сидел задумавшись. Грановский тоже молчал. Неторопливо набивал трубку, уминая табак большим пальцем.

— Расскажу вам один страшный случай, — снова заговорил Корнилов. — Страшный не самим преступлением, а тем, какой человек это преступление совершил. Представьте себе: март сорок второго года. Ленинград только-только начал оправляться от страшной зимы. Очищают улицы. Добровольцы-сандружинницы ходят по квартирам — помогают больным, увозят мертвых. И одна из этих немолодых женщин, пока подруги уносят мертвую старушку, раскрывает стоявшую на столике металлическую коробку из-под чая и находит в ней драгоценности. И кладет их в карман. Кладет, потому что никто не видит, кладет, потому что знает: из всех обитателей квартиры в живых никого не осталось — старушка была последней...

А эта женщина слыла добропорядочной, ее уважали друзья и сослуживцы, почитали ученики... У нее были ученики! И она их, наверное, добрым делам учила.

— Вот что делает с людьми жадность, — подал голос Грановский.

— Жадность-то жадность.. Но не все жадные — воры. И не все злые — хулиганы. И не все лгуны — лже-свидетели. Правда?

Режиссер промолчал.

— Если человека с раннего детства воспитали так, что честность и неприятие всякого зла стали главными

чертами его натуры, никакие соблазны ему не страшны, — продолжал Корнилов. — Поступки этого человека продиктованы его пониманием добра и зла, а не боязнью наказания. Такие люди умирают, ни разу в жизни не взяв в руки Уголовный кодекс. А эта женщина... Ну что ж, вот вам пример человека с двойной моралью. Не подвернись ей тогда случай, жила бы честно. До следующего. Но искушений-то в жизни много!

— А как же ее поймали? — удивился Грановский.

— Это уже дело десятое... Через пятнадцать лет пришла продавать золотой браслет. А браслет уникальный, еще до войны был взят на учет государством. Его старушка завещала музею.

— Судили?

— Нет. Срок давности истек. Да разве только в этом дело? Кем она к старости пришла? Воровкой... Я на каждом углу кричу: профилактика, профилактика! Но не такая, как ее понимают некоторые: имеет подросток пять приводов в милицию — закрепляют за ним шефа с завода, и на этом все кончается. Нет, братцы! Профилактика начинается с родителей. У них еще и ребенок не родился, а мы должны знать: смогут ли они правильно свое дитя воспитать? И научить их этому искусству. И вмешаться, когда увидим, что не смогут родители настоящего гражданина вырастить. И вмешаться не тогда, когда парень попробует чужие велосипеды угонять, а раньше, когда он в ползунковом возрасте каждый день пьяного отца или мать будет видеть.

— А у вас дети есть? — улыбаясь, поинтересовался Грановский.

— Нету, — помрачнев, ответил Корнилов. — Я вдовец. Вот женюсь снова — обязательно заведу. Вы не смотрите, что я старый. Еще и пятидесяти нет. — Он помолчал немного. — Ну что вы на меня так смотрите? Я кажусь вам скептиком? Наверное, даже мизантропом? Нет, «дружочек», — Корнилов досадливо махнул рукой. — Ваш лексикон!

Он закурил сигарету. Грановский, зажав в зубах свою потухшую трубку, задумался.

— Это страшно. То, о чем вы сейчас говорили, — сказал он после некоторого молчания. — Но я чувствую, что вы правы. Среди честных, великодушных, чистых душой живут и подлецы...

— Нет, не о подлецах я, — перебил Корнилов.

— Да, да. Я понимаю. Вы говорите о людях, которые способны совершать подлость. Это не одно и то же. Да. Но оттого, что именно они рядом, особенно страшно.

Они помолчали.

— Андрей Илларионович, — лениво-ласково сказал Корнилов. — А ведь ваш Боря Стрельников никогда не сыграет бандита Варешку.

— Что? Не сыграет? — удивился Грановский. — Почему это не сыграет? — повторил он недовольно.

— Он человек, видно, очень чистый. Наивный чуть-чуть. Ему просто характер этого персонажа, с позволения сказать, будет не понять.

— Но ведь он актер! Вы упрощенно мыслите, дружок! Для того чтобы сыграть леди Макбет, совсем не надо быть чудовищем.

— Но Стрельников все-таки не сыграет. Хорошо не сыграет. Он еще слишком молод и неопытен, чтобы понять характер Варешки, а чтобы интуитивно почувствовать, у него консистенция другая. А про леди Макбет — это вы зря...

Грановский стал сердито раскуривать трубку. Спички у него ломались, и он ожесточенно бросал их на пушистый ковер. Раскурив наконец, режиссер ворчливо сказал:

— Ну и подсунули мне консультанта. Не приведи господи. Спектакль сорвет. — Он налил в свою рюмку коньяка, о котором за разговором совсем забыл, и подмигнул Корнилову: — Ну уж дудки. Я из Бори Стрельникова сделаю этого бандюгу. — Грановский выпил и тихо добавил: — А потом посмотрим...

Когда Корнилов уходил, Грановский задержал его руку в своей и спросил строго:

— Значит, заветный ключик — дети?

— Да, дети, — сказал Корнилов. — Надо с раннего детства воспитывать в человеке отвращение к разной мерзости. А вы разве с этим не согласны?

Корнилов ушел, а Грановский долго ходил по кабинету, попыхивая трубкой. «Хм, как это я так легко согласился с этим ершистым подполковником, — думал он. — Станный человек, немолодой, угрюмоват, и вдруг такой задор! Мыслит он интересно, но спорно, спорно... Целая философская система. Нет, нет! Уж, во всяком случае, спорно его утверждение, что не совершивший преступления, но способный его совершить опаснее, чем настоящий

преступник... Нет, дружочек!» И вдруг почему-то подумал об одном своем бывшем приятеле... «Тьфу, черт! — выругался Андрей Илларионович. — Так можно далеко зайти!»

17

— Послушай, Игорь Васильевич, ну что ты маешься? — спросил Белянчиков, глядя в упор на Корнилова своими черными немигающими глазами. Разговаривали они в кабинете Корнилова после того, как из Луги позвонил Белозеров и сообщил, что следовательно дело об убийстве Алексева и самоубийстве лесника Зотова собирается закрывать.

— А мне непонятно, Юра, почему ты не маешься, — ответил тот. Он встал, прошелся по кабинету, глядя себе под ноги, хмурый, сутулый больше, чем всегда, словно его придавила эта история на станции Мшинская.

Белянчиков молчал, сосредоточенно барабанил пальцами по столу. Он в общем-то чувствовал, почему мается шеф. Слава богу, за четырнадцать лет он изучил его характер! Но ему было досадно, что Игорь Васильевич не может успокоиться из-за этого дела. Уж здесь-то все точки расставлены... Художника Тельмана Алексева убил его родной отец, старик Зотов. Зачем? Кто теперь сможет ответить на этот праздный вопрос? Нет, не праздный, конечно... Но ответить-то на него некому! Отец убил сына и повесился сам. Страшно. Господи, каких только не бывает на свете трагедий! Но они-то, они, работники розыска, что еще могут сделать? Заняться поисками мотивов? Ах-ах, мы не простые сыщики, мы глубокие психологи! Смотрите, мы не только нашли преступника, но докопались еще, почему он стал убийцей да еще и сам повесился! Мы и до этого докопались. Месяц потратили, но докопались. А кто будет в это время Витю Паршина, по кличке Кочан, искать? Взломщика и бандита. А участников ограбления в Приморском парке?

— Ты, Игорь Васильевич, лучше меня знаешь, что мы сделали все, что положено по закону нам сделать, — твердо сказал Белянчиков. — Был бы Зотов жив, суд выяснил бы мотивы убийства. А так... Следовательно дело собирается прекратить. Прокурор, думаю, утвердит его решение.

— Утвердит, утвердит, — говорил недовольно Кор-

нилов. Он подошел к Белянчикову и спросил: — А ты можешь мне ответить, кто шел вместе с художником со станции? Кто топтался возле его тела? Участковый-то видел следы?! И почему этот кто-то не попытался оказать ему помощь? Ведь Алексеев не сразу умер? И тебя не грызли сомнения, когда ты узнал, что отец убил сына, которого не видел почти тридцать лет?

— Откуда нам знать, виделись они или нет? Может, и встречались?

— Ну, во-первых, мы кое-что все-таки знаем, — начиная раздражаться, сказал Корнилов. — Участковый инспектор не зря пороги обивал по всем окрестным деревням. А обыск у отца и сына тебя ни в чем не убедил? Ни одного письма, ни одной строки переписки... — Он вдруг заметил, как Белянчиков подтянул брюки на коленях и осторожно расправил складку. Белянчиков всегда так делал. Но сейчас этот машинальный жест капитана вывел Корнилова из равновесия. С трудом сдерживаясь, чтобы не вспылить, он сказал: — Да и вообще, Юра, голова и сердце на то и даны человеку, чтобы сомневаться. Хотя бы время от времени. Хотя бы в таких трагических случаях.

— У тебя есть сомнения в том, что Алексеева убил отец? — с вызовом спросил Белянчиков, уловив раздражение и укор в словах Корнилова.

— Известные нам факты говорят, что лесник Зотов убил Алексеева, — сказал Корнилов, упирая на слово «известные». — Но прежде чем подвести черту под этим делом, я должен найти ответы на некоторые известные и тебе вопросы. Ты не допускаешь, что произошла какая-то трагическая случайность?

— Даже если ты ответишь на все свои вопросы, ничего не изменится! Убийцей как был лесник, так он и останется, сообщников ты не выразишь — их нет. Во имя чего же затевать новые поиски? Виновный на свободе не гуляет.

— Истина гуляет где-то, — почти крикнул Игорь Васильевич. «Ну чего я горячусь? Белянчикова все равно не переубедишь. Сомнения не в его характере», — подумал он и добавил устало: — Сухой ты человек, Юра!

— Ну-ну, — обиженно протянул Белянчиков и встал. — Я, пожалуй, пойду. Нам с Семеном Бугаевым

надо на Острова ехать. Там третье ограбление подряд. Что-то райуправление медленно раскачивается.

Он подошел к двери, но не открыл ее, а обернулся к Корнилову:

— Знаешь, Игорь, даже если ты узнаешь что-то новое, какую-то новую истину установишь, она бесплодной будет. Ты ее практически никак не сможешь использовать. Не в каждом колодце воду найдешь, как глубоко ни копай. Это, между прочим, народная мудрость. — И вышел, осторожно прикрыв дверь.

«А не напрасно я маюсь? — оставшись один, с горечью подумал Корнилов. — Вечно пытаюсь все точки расставить. «Не в каждом колодце воду найдешь...» Эх, Белянчиков, и поговорки по своему размеру подбираешь! Теоретик. «Бесплодная истина». Что за чушь! Не может быть истина бесплодной».

Корнилов закурил. Неприятный осадок от разговора с Юрием Евгеньевичем мешал сосредоточиться. «Ладно, потом обдумаю слова Белянчикова. Сейчас не время собственными комплексами заниматься. Даже если не выясню ничего нового, найду подтверждение тому, что известно. А этого разве мало? Ошибка следствия очевидна — они отнеслись к этому делу как к рядовому убийству. А произошла трагедия, из ряда вон выходящая!»

Он подошел к столу, снял телефонную трубку: хотел позвонить матери, сказать, что едет. Но передумал. Машинально крутанул ручку сейфа: закрыт ли. Оделся. Погода выдалась промозглая. Прошлой ночью подул южный ветер, распустил снег, и люди шагали по жидкой снежной каше, шарахаясь от автомашин, из-под которых веером разлетался снег с водой. Над городом висел туман, и свет от фонарей был тусклым и безжизненным. Корнилов вышел на Кутузовскую набережную и зашагал к Кировскому мосту. Этот путь был чуть длиннее, но он специально выбрал его: хотел до прихода домой успокоиться, привести в порядок мысли. У него сразу же промокли хваленые финские ботинки, и он пошел не разбирая дороги.

Стоял конец января, а Корнилову вдруг почудился в воздухе легкий запах корюшки, маленькой невской рыбешки, которую так любят ленинградцы и которой в конце апреля пахнет на улицах, когда ее продают на каждом углу. Ее запах нельзя спутать с запахом дру-

гой рыбы. Ленинградская весна всегда пахнет корюшкой.

«Ну откуда корюшка, просто от воды пахнуло свежестью, — подумал Корнилов. — Но все равно весной пахнет. Весной». Он стал думать о весне, о том, как поедет отдыхать в Крым. Он решил ехать в отпуск в апреле. И обязательно в Крым, когда все там цветет. Думать об этом было приятно, и Корнилов пришел домой повеселевший.

Но утром он проснулся очень рано — еще шести не было. И проснулся с мыслью об этой проклятой бесплодной истине. Он долго лежал и думал о Белянчикове. Сначала думал о нем с некоторой даже завистью. Позавидовал его умению быстро переключаться на новые дела, не выматывать себе душу сожалениями о чем-то ускользнувшем, не выясненном до конца. Потом вдруг вспомнил, что Белянчиков никогда не брался за дела о самоубийствах. Говорил неприязненно: пустая трата времени. Живыми надо заниматься. Корнилов вспомнил об этом и осудил Белянчикова. Выяснить, что привело человека к трагедии, — ведь это так важно! Для будущего важно. А значит, и для живых. И не всегда предсмертная записка, даже если она и была, правильно объясняла мотивы. Ну разве мог человек, находясь в таком состоянии, логично оценить поступок, который готовился совершить? А сколько раз бывало, что причина самоубийства — живые, здравствующие люди, заниматься которыми и призывал Белянчиков. Нет, не все так просто!

Корнилов знал, что Белянчиков, его старый сослуживец и друг, — честный и умный человек. И добросовестный. Он никогда не позволял себе верхоглядства. И умел быстро отключаться от прошедших дел и отдавать все свои силы новым. А Корнилов не умел. Прошное всегда цепко сидело в нем.

...Придя на работу, он провел ежедневную оперативку — начальник управления уголовного розыска был в командировке, а в его отсутствие оперативки всегда вел Корнилов. Сводка была беспокойной: несколько краж в новостройках, изнасилование в Парголове.

— Семен, через полчаса зайди ко мне. Расскажешь, что вы там собираетесь делать в Невском районе, — сказал Корнилов Бугаеву, заканчивая оперативку.

— Я бы хотел доложить тебе по вчерашнему ограблению, — попросил Белянчиков. — Есть кое-что новое... Преступников взяли.

— Я к тебе загляну сам... Попозже, — Корнилов нетерпеливо постучал по столу пальцами.

Когда все разошлись, он снял трубку прямого телефона к начальнику Главного управления. Тот не отвечал. «Вроде бы с утра был на месте», — подумал Корнилов. Положил трубку, поднялся и нервно заходил по кабинету. В это время загудел зуммер телефона.

— Вы звонили, товарищ Корнилов? — спросил Владимир Степанович. — Я по смольнинскому телефону разговаривал.

— Да, товарищ генерал. Разрешите зайти? По одному делу...

— Заходите.

Когда Корнилов открыл дверь в кабинет, генерал опять разговаривал по телефону. Игорь Васильевич хотел было подождать, но генерал увидел его, махнул рукой, показав на кресло.

— Ну что, товарищ Корнилов? — спросил Владимир Степанович, закончив разговор и положив трубку. — Как поживают сыщики? Уж не хотите ли вы сказать о том, что задержаны вчерашние грабители?

— Задержаны. Мне только что доложил капитан Белянчиков, сегодня их взяли.

— Этот ваш Белянчиков опытный работник. Быстро умеет закрутить розыск, — уважительно сказал генерал.

— Да, способный сыщик. Очень организованный человек.

Генерал согласно покивал головой, сказал уже буднично:

— Так что ж, какие дела?

— Товарищ генерал, — Корнилов на мгновение замялся, подумав: «А не зря ли все-таки я затеваю?» — Владимир Степанович, дело об убийстве на станции Мшинской прокуратура собирается прекратить из-за смерти убийцы... Я вам докладывал, помните, отец и сын?

Генерал кивнул. Он слушал внимательно, давно уже привыкнув к тому, что подполковник, один из лучших специалистов уголовного розыска, по пустякам не тревожит.

— Но есть в этом деле несколько белых пятен, — продолжал Корнилов. — Ну, как бы сказать поточнее? — Он помедлил секунду. — Дополнительный розыск может и не оказать никакого влияния на конечный результат уже проведенного расследования. Все останется по-прежнему... Я очень путано говорю? — Корнилов виновато улыбнулся.

Генерал улыбнулся тоже:

— Не путано, Игорь Васильевич. Мне только непонятно пока, к чему вы клоните.

— Владимир Степанович, из-за того, что лесник Зотов покончил с собой, сложилась необычная ситуация. — Корнилов вдруг нашел нужные слова. — Знаете, как у экспериментаторов иногда бывает: открытие сделали, конечный результат есть. Но ведь надо еще обосновать это открытие, исследовательскую работу провести, которая дала бы ключ к пониманию первопричин открытия...

— Причинно-следственные связи не выявлены?

Корнилов кивнул:

— Вот именно. Причинно-следственные связи! Они ведь в первую очередь для нас важны. И я только тогда окончательно поверю в то, что Зотов сына убил, когда эти самые причинно-следственные связи выясню...

— Вы что же, не уверены в том, что Алексеева убил отец? — спросил Владимир Степанович. В его словах чувствовались нотки недоумения.

Корнилов произвольно поморщился. Словно услышал, как по стеклу ножом поскребли.

— Я знаю, что лесник Зотов застрелил художника Алексеева, — ответил он. — И следствие располагает серьезными доказательствами. Они так и посчитали: главное, дескать, сделано, убийца найден, он на свободе не гуляет. Но ведь мы ничего не знаем о причинах...

— Эх, кабы нам всегда причины знать! — задумчиво проговорил генерал.

— Случай, Владимир Степанович, уж больно серьезный. Надо попытаться ясность внести. Правда, один мой товарищ сказал: даже если до истины ты докопаешься, она будет бесплодной, твоя истина. Ты ее никуда не приложишь. Только собственное любопытство удовлетворишь. Но я с этим не согласен.

— Ну и что же, хотите собственное любопытство удовлетворить? — спросил генерал, и Корнилов не понял, то ли он пошутил, то ли осудил его.

— Нет, я хочу только, чтобы в каждом деле была полная ясность, — твердо сказал Корнилов. — Нельзя считать дело расследованным, если есть вопросы без ответов...

— Я тоже за полную ясность. — Владимир Степанович задумался, глядя куда-то мимо Корнилова. Лицо его стало пасмурным, озабоченным, словно он вспомнил что-то тревожное и досадное. — Я тоже за полную ясность.. — Он хотел еще что-то добавить, но не добавил, а откинулся на спинку кресла и неожиданно улыбнулся доброй, какой-то простодушной улыбкой. — Вот еще с флота помню штурманскую мудрость: всякий случай должен быть изложен в сжатой, но ясной форме, не допускающей каких-либо сомнений или неправильного толкования! — отчеканивая каждое слово, продекламировал он. — Так в капитанском справочнике записано.

Все в управлении знали, что генерал в молодые годы был штурманом, ходил в загранку. Видно, с той поры осталось в нем пристрастие к четкости и порядку, удивительный лаконизм, так полюбившийся всем сотрудникам. И легкий налет франтоватости, какого-то едва уловимого морского шика, которому многие стремились подражать.

— Так зачем же вы ко мне пришли? Обсудить теоретические вопросы? Судя по всему, вы для себя их давно решили. Значит, хотите получить от меня разрешение самому заняться этим делом?

Корнилов кивнул.

— А вы, подполковник, сегодняшнюю сводку видели?

— Я уже проводил в своем управлении оперативку.

— Ленинградцев хвалят и хвалят на всех совещаниях... И за то, что преступность среди подростков снижается, и за связь со школой, и за опорные пункты. А в те минуты, когда вы сводку читаете, у вас не создается впечатление, что нас перехваливают?

— Нет, Владимир Степанович.

Генерал покачал головой:

— Однако с самокритикой в уголовном розыске явно не все в порядке. — Потом подумал и сказал: — Игорь Васильевич, я разрешаю лично вам заняться мшинским

делом. Три дня. Но не скрою, у меня уже не первый раз появляются сомнения: а не слишком ли часто вы берете на себя конкретные операции, вместо того чтобы решать вопросы общего руководства? Вы ведь заместитель начальника управления розыска. Ваш опыт и знания надо более рационально использовать...

Корнилов вспыхнул. Сказал тихо:

— Я обдумую ваше замечание, товарищ генерал. Разрешите идти?

Владимир Степанович добродушно рассмеялся:

— До чего у вас в уголовном розыске народ обидчивый! Это что, Игорь Васильевич, профессиональная болезнь? Идите, идите! И можете ничего не обдумывать — я ведь знаю, что вы потом без ложной скромности скажете мне: я сыщик, у меня это получается лучше, чем общее руководство, прошу вас... и так далее.

Генерал говорил это так весело и добродушно, что и Корнилов не выдержал, улыбнулся.

Придя к себе в кабинет, он позвонил в Лугу, попросил начальника уголовного розыска Белозерова срочно прислать в управление подробную справку по делу об убийстве Тельмана Алексеева. Потом зашел к Белянчикову.

Тот сидел и читал какие-то бумаги. На столе у него лежал новенький стартовый пистолет и небольшой изящный наган с ручкой, отделанной перламутром.

— Ого! — удивился Корнилов. — Целый арсенал. Откуда?

— Вчерашние грабители. Я тебе и хотел рассказать после оперативки...

— Я ходил по начальству.

— У Владимира Степановича был? Ну что? Разрешил заняться мшинским делом?

— Разрешил. Дал три дня. — Корнилов вздохнул. Лицо его сделалось замкнутым. — Короче говоря, э́тò дело я доведу до конца, — сказал он. — Или, как ты считаешь, до середины.

— Белозерову звонить? — спросил Белянчиков.

— Нет, не надо. Я уже позвонил. — Корнилов взял со стола наган. — Что-то я такой модели не припомню.

— Вот-вот! Даже ты не припомнишь, а тут и припоминать нечего, ведь это пугач. Но сделан-то как! И представь себе старушку, когда из кустов на нее с та-

ким шутильником парни выходят! Везут папеньки своим деткам из заграничных вояжей!

— Быстро ты вышел на грабителей.

— Да разве это грабители? Сопляки! — сказал Белянчиков с ненавистью. — Оба потерпевшие рассказали, что у парней пистолеты... А мальчишки молодые — откуда у них настоящее оружие? Вот мы и опросили во всем районе ребят, дворников, не видели ли у кого пугачи, стартовые пистолеты... — И добавил без перехода: — Упорный ты, Игорь Васильевич! Всегда на своем поставишь.

— Осуждаешь? — поинтересовался Корнилов.

Белянчиков пожал плечами. Несколько мгновений сидел молча, сосредоточенно разглядывая бумаги, разложенные на столе. Потом сказал:

— Я к обеду закончу оформление. Могу подключиться.

— Не-е-ет! — покачал головой Корнилов. — Когда берешься за дело, надо иметь представление, ради чего. А для тебя уже все ясно. Ты считаешь, что дело пора в архив. — И добавил: — Бесплодными-то, Юра, истины от людского равнодушия становятся.

Корнилов произнес это зло и тут же пожалел о резкости. Белянчиков вскочил со стула, глаза его недобро сузились. Стало заметно, как краска проступила на его смуглом лице.

— Ты сиди, сиди, Юрий Евгеньевич! Не скачи. Закончишь свои дела, займись наконец подготовкой совещания по профилактике. Тебе поручили готовить, а ты пока палец о палец не ударил... А Бугаев! Дал мне свою справку для доклада — стыдно читать. Ни анализа, ни одной свежей мысли. Окрошка из газетных статей. А язык!.. Я сейчас уезжаю, — добавил он уже спокойнее. — Буду через два-три дня. Чтобы к этому времени с совещанием была полная ясность. Понял?

— Слушаюсь, — тихо ответил Белянчиков, глядя в сторону.

Первое, с чего начал Игорь Васильевич, — съездил на улицу Герцена, в Союз художников, расспросил об Алексееве. Здесь, однако, о личной жизни Тельмана Николаевича не знали почти ничего.

— Кажется, женат, — сказал секретарь правления. — Да ведь к нам уже приезжали от вас. — И, пожав плечами, словно извиняясь за свою неосведомленность, грустно добавил: — А про отца ничего не знаю. Алексеев работягой был — в союзе редко появлялся. Не то что некоторые, — он неопределенно кивнул на дверь и пренебрежительно усмехнулся. — Пробивальщики. — Он замолчал и некоторое время сидел задумавшись, хмурясь. Будто вспомнил о чем-то неприятном и неизбежном. Потом сказал строго: — Тельман вкалывал... Несколько лет на Севере пропадал. С весны до поздней осени. Да вы, наверное, знаете — мы в прошлом году его персональную выставку устраивали. В газетах о ней много писали.

Потом Корнилов зашел в отдел кадров, полистал личное дело Алексеева. Кроме пожелтевшего листка по учету кадров да старой характеристики, выданной для поездки в Италию, там ничего не было. И в анкете, и в характеристике значилось, что отец Тельмана Николаевича Алексева — Николай Ильич Зотов — пропал без вести в годы оккупации...

«Неужели Алексеев только сейчас узнал о том, что отец жив?» — подумал Игорь Васильевич. Это было похоже на правду. Судя по свидетельству жителей Владычкина, сын никогда к леснику не приезжал. Никто даже не знал о его существовании! Никто, кроме Надежды Григорьевны. Да и она слышала лишь о том, что когда-то у Зотова был сын... Был!

А тринадцатого января 1971 года Тельман Алексеев, писавший в листке по учету кадров, что его отец пропал без вести, поспешно собрался, схватил лыжи и сел в поезд, отправившись на свидание к отцу! «И был убит!» — сверлила навязчивая мысль, но Корнилов сказал себе: «Не торопись! Разберись по порядку... Кто кого разыскал? Сын отца или отец сына? Это важно? Наверное, важно».

Прямо из отдела кадров союза он позвонил в городское справочное бюро. Попросил выяснить, не разыскивал ли кто-нибудь за последний месяц Алексева Тельмана Николаевича.

Ему ответили через пятнадцать минут. Да, адрес Алексева запрашивали в начале января.

Корнилов попросил у прокурора разрешение еще раз осмотреть квартиру Алексеева. Он уже уверился в том,

что найдет там письмо или телеграмму от отца. Ведь в карманах убитого ничего подобного не обнаружили.

В квартире Алексеева царило запустение. Вид после обыска был такой, словно хозяин второпях собирался куда-то уезжать и никак не мог найти что-то очень нужное ему в дорогу: вещи лежали в беспорядке, ящики у письменного стола выдвинуты. Повсюду валялись книги, какие-то папки.

Игорь Васильевич вдруг представил, как возвращается из командировки жена Алексеева, и сокрушенно покачал головой. Понятые, снова приглашенные им, сидели, тихо переговариваясь о каких-то своих делах.

Прежде всего Корнилов не торопясь, дотошно осмотрел костюмы и пальто. Ничего интересного он там не нашел, кроме небольшого блокнота с беглыми зарисовками. Игорь Васильевич перелистал его страница за страницей — никаких записей: головы девушек, ребят, контуры каких-то причудливых пейзажей...

Книги. Теперь следовало внимательно перелистать книги. Художник мог сунуть письмо в книгу. Книг было много, и Игорь Васильевич начал с тех, что лежали на письменном столе. Его поразило обилие богато иллюстрированных книг по истории средневековья. Все они были часто переложены закладками, но писем среди этих закладок не было. Но зато уже в первой из книг, взятых с дивана, Корнилов нашел свернутый вдвое тетрадный листок в косую линейку. Это было письмо.

«Здравствуйте, Тельман Николаевич. Пишет Вам отец Николай Ильич Зотов. Сколькие годы прошли, а мы не свиделись, не судьба. Я уже старик, скоро время мое придет. Хотел бы повидать Вас, просить прощения, коли виновен в чем. Живу я на кордоне Замостье за деревней Владычкино, от Мшинской двенадцать верст. Лесникую. Хоть и возраст мой вышел, а пенсии нет, не заработал. Но живу исправно. Грибы, ягоды. И места у нас, красивше не найти. Хотел бы только повидать тебя, сынок, слов нет, как хотел. Может, напишите старику?

Ваш отец Николай Зотов».

Игорь Васильевич спрятал письмо в карман и рассеянно посмотрел на книгу, в которой оно лежало. Это были письма Ван-Гога. Корнилов прочитал на раскрытой странице подчеркнутые строки: «Движение вперед напоминает работу шахтера: она не идет так быстро, как ему хотелось бы и как того ожидают другие, но, когда при-

нимаешься за подобную работу, нужно запастись терпением и добросовестностью».

Когда он приехал в Лужскую прокуратуру, чтобы рассказать о своих сомнениях следователю, то застал Каликова в растерянности: прокурор возвратил дело на исследование. Не заезжая в райотдел, Корнилов отправился в Зайцово, к «зайцовой Поле», которая, по рассказам Надежды Григорьевны Кашиной, знала про какую-то давнюю ссору лесника Зотова с сыном. Отыскать эту женщину было делом совсем нетрудным. В Зайцове жила всего одна Поля — Полина Степановна Аверьянова, и в правлении колхоза Игоря Васильевича отправили в школу: Аверьянова работала там нянечкой. Она оказалась высокой костистой женщиной с крупными чертами лица, с большими руками. В школе была перемена, и Аверьянова расхаживала по коридору, наполненному бегающими, кричащими, дерущимися ребятами, то и дело кого-то останавливала, заправляла мальчишкам рубахи, выехавшие из штанов. Вот она заметила, как один из мальчишек хочет кинуть в урну бутерброд. Схватила за руку, приперла в уголке и, поставив рядом с собой, заставила немедленно съесть бутерброд. Толстый паренек с трудом жевал, набив рот, и умоляюще смотрел на нянечку.

Корнилов стал в сторонке, облокотившись о подоконник большого окна, ждал, когда закончится перемена. «А у этой Поли добрый характер. Ребятишки ее любят», — подумал он, наблюдая за Аверьяновой.

Нянечка посмотрела на часы и пошла по коридору, названивая в колокольчик, больше похожий, правда, на коровье ботало. И звук у него был глухой. Ребята нехотя разошлись по классам. Полина Степановна, ворча что-то под нос, с трудом наклоняясь, начала собирать оставшиеся в коридоре после ребятни бумажки, огрызки яблок.

Корнилов подошел к ней:

— Полина Степановна, мне бы надо поговорить с вами...

Женщина медленно распрямилась, посмотрела на него внимательно.

— Я из милиции...

В ее глазах мелькнул испуг:

— Ай набедокурил кто?

Он поспешил успокоить женщину:

— Нет, нет, ваши питомцы в порядке. Я по другому делу. Где бы нам присесть?

— Идемте в учительскую. Там сейчас никого.

Они уселись за маленький письменный стол, на котором лежали груды тетрадок, и Корнилов спросил без всяких предисловий:

— Полина Степановна, что вы мне можете рассказать о Зотове?

— О Николке Зотове? — В голосе Аверьяновой он уловил заинтересованность.

— О нем, Полина Степановна.

— Ай, бедолага! Опять небось что-то приключилось. Вот уж невезучая судьба у мужика.

— Невезучая?

Нянечка скорбно поджала губы:

— А как еще назвать-то? Женка рано умерла. Чахоточная, упокой господи рабу божью. — Она перекрестилась. — Приятели подвернулись пропивущие. А он и так от рождения малахольный какой-то. Убитый горем... Кто громче позовет, к тому и побежит. Покойница-то держала его в порядке, а тут — покатылся. — Аверьянова тяжело вздохнула. — Признали и у него чахотку. А может, доктор только припугивал. Только перестал пить Николка. Перестал.

— Кем он работал? — спросил Корнилов.

— В молодости на стекольном заводе. На ванной белого стекла. Стеклодув. У них легкие-то у всех больные. А перед войной бухгалтером работал у нас в колхозе.

— А с сыном что у них приключилось? Почему рассорились?

Полина Степановна задумалась. Большая костистая рука ее машинально перебирала кисточки черной косынки, завязанной на груди узлом.

— С сыном-то? — повторила она, собираясь с мыслями. — Что-то такое случилось. Имя у него немцам не понравилось. А уж почему — и не помню. Хотели они мальчонку перекрестить. А ведь он упрямый рос — не приведи господи. Уперся — и ни тпру ни ну. Отец его и порол, сказывали... А сын стрекача дал — уж как Николку фрицы мордовали, как мордовали! Да вы к Тельманову дружку, к Алехе Маричеву, зайдите. На чугушке путевым обходчиком работает. Там и живет. Тоже бузила был, не приведи господи. Его и нынче Алеха Буй-

ная Головушка кличут. Они были дружки с Тельманом. А я не помню, как тогда все повернулось.

— Николай Ильич почему из деревни уехал?

— Нужда заставила. Не по своей воле. Связался с какой-то бабой. С города на сенокос ее прислали. Молодая. Пустил Коля денежки колхозные на гулянку. Мало ему своих зайцовских баб? Ведь какие бабы вдовыми остались! Ну а как отсидел — носа не кажет. Видать, совесть осталась. Нонесь я в поезде с ним встрети- нулась. Поколотила его жисть, поколотила, — с со- чувствием сказала нянечка. — Еле признала я Колю Зотова.

«Уж не имела ли ты сама, Полина Степановна, виды на Николая Ильича? — мелькнула мысль у Корнило- ва. — Больно жалеешь его. — Но тут же отогнал ее, взглянув на доброе лицо женщины. — Такая для любого хорошие слова найдет, любого пожалеет».

— Полина Степановна, а как вы думаете, если бы Зотов с сыном сейчас встретился да поссорились они снова, мог бы Николай Ильич, ну, к примеру, выстрелить в Тельмана?

— Ну что ты, хороший человек! Зотов, он на такое зло неспособный, — она покачала головой. — Нет, не- способный он на это...

Он попросил Аверьянову рассказать, как найти Алек- сея Маричева. Полина Степановна вызвалась показать ему дорогу.

— До переменки еще успею, — сказала, взглянув на часы.

Корнилов чувствовал, что ей очень хочется узнать, отчего это он все выпрашивал про Зотова, но спросить, видать, стеснялась. «Судя по всему, в деревне еще не знают о смерти Зотова», — подумал он.

19

Машину пришлось оставить в деревне: к домику пу- тевого обходчика вела лишь узенькая тропинка — двоим не разминуться. Полина Степановна вывела Корнилова на деревенские задворки, к длинному, под черепичной крышей зданию скотного двора.

— По этой вот тропке пойдете, не заблудитесь. Как раз к чугушке приведет, к Лехиному домику. Это он и протоптал. В лавку часто бегают.

Поблагодарив Полину Степановну, Корнилов пошел по тропе, петлявшей среди стылых кустов по краю глубокого оврага. Потом кончились и кусты и овраг, и тропинка пошла по полю. Корнилов увидел маленький, желтого цвета домик путевого обходчика. Слева от тропы у большого стога стояла лошадь, запряженная в сани. Две женщины укладывали на воз сено.

Спокойный, тихий день, безмолвные поля, какая-то умиротворенность, словно пропитавшая морозный воздух, вдруг напомнили ему детство. Светлые и наивные мечты о будущем. Неужели эти мечты ни у кого так и не сбываются? На всю жизнь остаются лишь несбывшимися мечтами, придающими минутам воспоминаний легкий привкус горечи? Неужели никогда уже не ощутить вновь того, что было? Того, что когда-то уже пережил в детстве?

Вот этот снег... Корнилов смотрел на белые поля, на одиноко торчавшие среди снегов стожары и чувствовал, как холодок начинает проникать под одежду. Всюду холодный колющий снег. И только. А Корнилова временами беспокоило непонятное, тревожное чувство — нестерпимо хотелось вновь пережить одно, пожалуй, самое яркое, детское ощущение: только что выпал на теплую еще землю парной снег. Мать везет его на санках, и он, лежа на животе, смотрит на этот снег, такой свежий, такой белый, и земля, проступающая кое-где, кажется теплой и чистой. И пахнет чем-то свежий снег, и земля пахнет. А чем пахнет, Корнилову сейчас не вспомнить. И это самое мучительное. Кажется, что все такое же, как и в детстве: и земля, и снег, и погода. А сладостное чувство, тогда испытанное, вновь не приходит. Оно неуловимо. Корнилову часто снится этот сон из детства. Он просыпается с радостным ощущением — ну вот теперь-то, вот сейчас он поймет, почувствует и запах снега, и запах земли. Но это не возвращается.

«С годами мы не только приобретаем, — думал Корнилов, — но и утрачиваем многое. Приобретаем опыт, знания, характер. Утрачиваем что-то тоже очень важное, утрачиваем особое, не детское, нет, свежее восприятие мира. Между «было» и «есть» такая лежит граница, такая преграда, которую перейти невозможно. А наши воспоминания лишены плоти. В них солнце светит, но ты не можешь ощутить его тепла. Видишь заросшее кувшинками озеро, но не слышишь, как всплеснула

рыба. Ветер воспоминаний не принесет с полей запахов свежескошенной травы...

Это прошлое. А будущее?

Ну что же мы можем сказать о своем будущем? Оно тоже без звуков, без запахов, всего лишь плоская умозрительная схема, словно макет нового города, запечатленный на черно-белой фотографии».

...Яростный лай собаки вывел Корнилова из задумчивости. Большой черный пес метался на снегу около дома. «Ну и псина, — подумал он. — Хорошо еще, что на цепи». Из комнаты сквозь подмороженное окошко глянул мужчина. Через минуту он уже стоял на крыльце и, прикрикнув на собаку, с интересом поглядывал на приближавшегося Корнилова. Был он крепкого сложения, круглолиц. На голове непокорный вихор рыжеватых волос.

«Вот он какой, Алеха Буйная Головушка», — вспомнив, как назвала Алексея Маричева Полина Степановна, усмехнулся Корнилов. Алеха был в одной тельняшке.

— Здравствуйте, хозяин, — поприветствовал его Игорь Васильевич, остановившись у крыльца.

— И вам здравствуйте, — весело отозвался Маричев. — Вы ко мне? Заходите, гостем будете.

Он провел его через крошечные сени в комнату, предложил раздеться.

Корнилов сел на большую лавку около печки, огляделся. Комната была просторной, светлой, но совсем неубранной, неухоженной. На столе ералаш из грязной посуды, закопченная кастрюля.

Перехватив взгляд Корнилова, Маричев засмеялся:

— Ох, извиняйте! Приборочку не успел сделать. Не догадался, что гость из города пожалует. Своих-то зайцовских не робею...

Продолжая похохатывать, Леха достал из шкафа новенький пиджак, надел его прямо на тельняшку. Посмотрев на себя в зеркало, поплевал на ладонь и дурашливо пригладил вихры. Потом сел на стул напротив Корнилова и, нагнав на лицо сосредоточенность и строгость, сказал:

— Ну что, товарищ хороший, дело есть?

— Если нет возражений — поговорим?

Ему этот Леха понравился с первого взгляда. Такие у него были чистые, ничем не замутненные голубые гла-

за с какой-то дьявольской смешинкой, что Корнилов сразу подумал: «Недаром зовут его Леха Буйная Головушка. Вот уж, наверное, доставил он забот своим родителям. Да и деревенским девчонкам!»

— Я из Ленинграда к вам, из уголовного розыска, — начал Игорь Васильевич.

— Во! Была охота ездить! — неожиданно завопил Маричев и, вскочив со стула, забежал по комнате. — Ну дура баба! Совсем спятила, старая карга! Такую дорогу человека заставила проехать!

— Алексей Павлович! — сказал Корнилов, удивленно глядя на всполошившегося хозяина. — Чего вы разбегались! Никто меня не заставлял к вам ехать, никто не жаловался на вас.

Леха моментально смолк и остановился около Корнилова.

— Не жаловались? А Лампадка Маричева, тетка моя, не жаловалась?

— Да не знаю я никакой Лампадки! — пожал плечами Корнилов. — Успокойтесь вы, ради бога. Чем вы ей досадили?

— Ха! Чем? — вздохнул Маричев и снова сел. — Эта Олимпиада — трехнутая совсем. Вам в деревне каждый скажет. Вбила себе в голову, что я у ней осенью все яблоки в саду слямзил. На машине ночью приехал и снял. «Чужой бы кто крал, — говорит, — так Полкан бы залаял. А раз не лаял, значит, Леха. Боле некому!» А мне эти яблоки — тьфу! Оскомина от них, — он улыбнулся. — Я их в детстве переел. Сейчас больше огурчики соленые уважаю. А что собака не лаяла — так откуда мне знать? Такая же старая, как тетка. — Он совсем успокоился, махнул рукой, будто отогнал все эти неприятные воспоминания. — Собаки-то меня и правда никогда не трогают. Даже незнакомые. Аж смешно... Вот выдумала Лампадка! Скоро новые яблоки вырастут, а она все грозится. — И без перехода спросил: — Так вы-то по каковскому делу ко мне?

— Алексей Павлович, вы Тельмана Зотова знали?

— Ну а как же! Знал. Кореслили с ним в детстве. Не разлей вода были.

— А когда вы его видели в последний раз?

— И-и! В последний-то раз? — Алексей задумался. — Да, пожалуй, сразу после войны. В конце сорок пятого.

— Говорили с ним?

— Да так... «Жив, здоров Иван Петров!» Все на ходу. Встретиться сговорились. Ну и концы в воду... Ведь он теперь художник известный. Знаменит! В деревню нашу не заглядывает. Чего ж я набиваться буду? Приедет — приму как родного.

«Значит, и он не знает, что произошло, — подумал Корнилов. — Может быть, это и хорошо, расскажет все беспристрастно».

— Алексей Павлович, я вас очень прошу подробно рассказать мне все, что вы знаете о Тельмане и о его отце. О том, что произошло между ними в первые месяцы войны. Это очень важно...

Маричев пожал плечами:

— Столько времени прошло... — Потом вдруг забеспокоился: — А что случилось? Не секрет? Мужик-то он добрый. Мухи не обидит, не то что я...

Игорь Васильевич положил ему руку на колено и тихо, но настойчиво попросил:

— Расскажите, Алексей Павлович. По порядку... Я вам все объясню.

— Какой уж там порядок, — Леха как-то странно улыбнулся. — Прямо не знаю, с чего и начать. — Он встал со стула и заходил по комнате.

Корнилов не торопил. Сидел, приглядывался к Маричеву. Ему, наверное, уже немало лет — много за сорок, а он подвижный, словно ртуть, энергичный. Удаля чувствуется во всех его движениях, в беспокойных глазах.

Леха вытащил из шкафа чекушку водки, два стакана. Поставил на стол. Виновато посмотрел на Корнилова:

— Эх, товарищ начальник, как вспомню то время, аж вот тут жжет. — Он стукнул себя кулаком в грудь. — Не откажитесь! У меня такие огурчики...

Корнилов нерешительно пожал плечами.

Леха вихрем метнулся в кухню. Там загремели кастрюли, что-то упало, а через минуту он уже ставил на стол тарелку с огурцами, хлебом, толсто нарезанным салом.

— Вы мне только самую малость, — попросил Корнилов, увидев, как решительно взялся за чекушку Маричев.

— Понятно! — весело сказал Алексей. — Это мы понимаем. И что ломаться не стали, за то уважаем. Все в общем-то из-за его имени тогда началось, — сказал Маричев после того, как они выпили. — Назвали Тельманом. Отец и назвал-то. В честь Эрнста Тельмана. Ну, мы, мальчишки, его все Телем звали. Тель да Тель. Я ведь с Телем в одном классе учился. Корешки. Тель без матери рос. Умерла его matka еще до войны от какой-то болезни. Вот такие дела... А фрицы пришли, едри их в корень, тут и началось. — Леха сморщился, будто от зубной боли, и начал со злостью тереть себе затылок. — Да ведь мы и не ждали их так рано! Все думали — пока сквозь наши леса продерутся! А они туточки. Да еще не с той стороны, откуда должны были, — от Сиверской приплыли. Я с Телем как раз на прогоне, на бревнах сидел: все советовались, куда податься. Мой батя служил, а Николка Зотов, Тельмана отец, — хромоножка, его в армию не взяли. Так он никуда уходить из деревни не хотел. Все баял: не задержатся фрицы до зимы. Ну а мы с Телем хотели в Питер рвануть. Одни...

Сидим. Вдруг на прогон мотоцикл с коляской вылетает. Как дал на тормоза, аж занесло, только пыль столбом. Я гляжу: какие-то странные солдаты, головы будто приклепнутые, ну прямо вровень с плечами. Ничего понять не могу, а Тель мне как саданет в бок. «Немцы, — говорит, — тикаем». Брык с бревен. Я за ним, да в бузину и напролом. А фрицы чегой-то заорали и с пулемета садить!

Какой кросс мы выдали! Куда там Валерию Борзову!

Отсиделись в гумне за деревней. Все боялись домой возвращаться, думали: а вдруг заметили нас фрицы. А ведь дома и корзинки со жратвой были собраны в дорогу.

К вечеру, потихоньку огородами пришли в дом к Телю, а там немцы. Ну, угодили! Дядя Коля в кухне стоял, а рядом офицер. Как сейчас помню, держал он в одной руке бутылку. С вином, наверное, а в другой — тарелку с горячей картошкой. Пар от нее шел. Мы, как немца увидели, с порога назад. А отец возьми и крикни: «Тельман, сынок!» — Маричев закурил папиросу, глубоко затянулся. — Мы бы удрали, да наткнулись в сених на солдата.

Привел он нас в горницу, поставил посередке. А офицер расхаживает по горенке. За половики чепляет. Лицом-то добрый, улыбается. И шпарит по-русски: «Вы, — говорит, — мальчики или зайчики?» Шкура! «Зачем, — говорит, — так быстро бегаєте, боитесь немецкого офицера?»

Мы стоим сопим. Ну прямо как во сне! Свалился этот шпендрик на нашу голову! Хоть и ждали, а все же поверить было трудно.

Дядя Коля тут же стоит. Бледнющий — лица на нем нет. А немец говорит: «Кого это из вас Тельманом зовут? Или мне слышалось?» Дядя Коля тихо отвечает: «Слышалось, господин офицер. Сынка моего Тишей звать». Быстро он, однако, его в господу произвел.

Офицер как захохочет! Чего уж ему смешно стало? Пальцем показал на Теля: «Этот? — И спрашивает: — Как зовут тебя, мальчик? Тишей?» А Тель как зыркнул на отца, ровно волчонок, и отрезал: «Тельман!» — Маричев вздохнул тяжело и задумчиво сказал: — Нас ведь, товарищ начальник, весной в комсомол приняли!

Ну и понесло офицера. Чего он только не говорил! И о том, что Тельман — имя плохое, не русское и не немецкое. Что это и не имя совсем. Да все с улыбочкой. Я стою, смотрю на стол, где картошка дымится, — жрать охота! Думаю, черт лысый, картошка остынет, отпустил бы поскорей. Шиша с два! Спрашивает он дядю Колю: «Поп у вас в деревне есть?» Тот кивает, есть, мол. Отец Никифор. «Вот, — говорит, — по русскому обычаю мы и перекрестим вашего сынка в Тишу. Нельзя, чтобы с таким именем мальчишка жил». Так, дескать, зовут врага всех немцев и русских.

А Тель возьми да брякни: «Я в церкви не крестился».

А я-то знаю, что в церкви крестили его родители. Нас, деревенских, почти всех в те годы крестили. Мне мать рассказывала. Офицер смеется пуще прежнего: «Ну вот и хорошо. Будешь крещеным». А Тель знай твердит: не буду да не буду, Тельман я.

Офицер посмотрел на свою остывшую картошку и уже зло говорит дяде Коле: «Не должно быть мальчишка с таким именем. Это непорядок. Вас я накажу особо за то, что его так называли, но вдвойне накажу, если вы сынка не перекрестите в Тишу, — и повторил, скосорилившись: — Мальчишка с таким именем быть не долж-

но! — Отчеканил и посмотрел на дядю Колю так, что у того руки затряслись. — Забирайте его и порите, пока не скажет: «Я — Тиша».

Ох, что было потом! Вспоминать неохота, — виновато улыбнувшись, сказал Маричев.

— Завел дядя Коля в кладовку Теля. Сначала уговаривал: «Застрелит ведь немец тебя и меня. Хорошо, — говорит, — этот еще добрый попался. Другой бы и чикаться не стал». Но Тель уперся. Ревет. Тогда дядя Коля сказал ему: «Сейчас пороть буду. Ты, сынок, кричи погромче». А меня вытурил. Ну да я все равно никуда не ушел. Во дворе на сеновал залез. Слышал возню в кладовке. Отец ему, видать, крепко поддал, а Тельман не пикнул.

— Ну а потом-то что? — спросил Игорь Васильевич. — Чем все кончилось? — Рассказ Маричева потряс его.

— Потом мы все-таки драпанули, — с удовлетворением ответил Маричев. — Тель ночью, а я утром. Немцы вечером деревню прочесали, всех мужиков и мальчишек в церковь согнали и заперли на ночь. Видать, дюже боялись. А дядю Колю оставили. Понадобился он им за чем-то.

Посадили для начала всех нас на каменный пол, велели снять кепки, у кого были. Трех стриженных сразу забрали. Два красноармейца были. Попали в окружение. Бабы их переодели. А третий — Витя-китаец. Наш, зайцовский. С лужской тюрьмы пришел. Так и пропал с тех пор. Может, расстреляли...

Потом закрыли немцы двери. Часового поставили. Тот всю ночь постреливал с автомата да пел гнусавым голосом. Чтоб не заснуть, наверное. Вот и куковали мы в этой церквухе. Я так и остался без жратвы. Злой был — страсть! Ну, думаю, выйти бы только — я им такую козу устрою!

Корнилов засмеялся. Столько злости и удалства было в словах Лехи Маричева, что он не удержался, спросил:

— Ну и устроили?

— Э-э! — весело отозвался Маричев. — Отлились волку овечьи слезы! Я ведь потом к партизанам попал. Ну да это все другой сказ. А уж раз вы про Тельмана интересуетесь, так я доскажу. Сидим мы в церкви, кукуем. Мне даже страшно стало. А тут еще поп с нами.

Немцы и его заперли. Отца Никифора. Зажег он лампаду перед иконами, стал на колени, молится. На иконах святые будто живые. Глядят со всех сторон. Огонек у лампадки мечется. Да еще ветер на улице поднялся. И слышно, как на колокольне колокола позванивают. А отец Никифор антихриста на все корки разносит. Жуть. Тут один из мужиков ему говорит: «Ты бы, батя, не рвал душу, кончил бы причитать».

Поп и вправду молиться перестал, подошел к Телю, голову ему потрогал: «Крепись, — говорит, — стистулька». Принес откуда-то мокрую тряпку, положил ему на фингал, сел рядом. «Каяться, — спрашивает, — будешь?» Тель брыкается. А отец Никифор все пристаёт с покаянием. «Яблочки с церковного сада таскал? Покаялся бы. — И смеется. — Хороши яблочки? Ничего, сви-стулька. Не переживай. Сказано в Священном писании: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы».

Вот ведь как наш поп сказанул тогда. Я до сих пор помню! Наверное, придумал. По ходу дела, — усмехнулся Маричев. — Не может быть, чтобы в Священном писании так сказано было. Правда ведь?

— Не знаю, — ответил Игорь Васильевич, — Мне такого не попадалось.

Они закурили, посидели, помолчали. Потом Маричев продолжил:

— Отец Никифор Телю сказал: «Как, — говорит, — я твоего отца отговаривал, чтоб не называл тебя Тельманом. Нету такого имени в святцах! Настоял, упрямый козел. И согрешил я — записал тебя Тельманом. Мне потом отец благочинный выволочку делал. Да я и сам хотел уйти из этого прихода. «Пишша плохая, лапти сносились — давай рашшот!» — пропел он дурашливо. Все рассмеялись, и Тель улыбнулся. Понял, что шутит поп.

А отец Никифор говорит: «Тут среди нас, заметил я, чужих двое. Думаю, что переодетые. Завтра фрицы уже не по волосам проверять будут. Дознаются, кто вы такие. Не зря же вы переодевались. Надо бы вам тикать отсюда. Да и мальчика с собой прихватить. Не ровен час...»

Все молчат. Потом тот мужик, что молиться попу не дал, говорит зло: «Ты что же, смеешься, что ли? Как из

твоей церквухи выберешься? Ровно тюрьма. Сам-то небось тоже сидишь!»

«Раз господу угодно, чтобы вас от пули спасти, найдет он путь праведный, — проворчал отец Никифор. — Церковь эта со словцом поставлена».

Подошел он к мужику, пошептались они о чём-то. Потом еще с одним мужичком пошептались. Прихватили Теля и ушли куда-то за иконостас. Через маленькую дверцу. А поп вернулся. Хотел и я с ними рвануть, да не взяли. «Сиди, — говорят, — тебе бояться нечего».

Ну вот и вся история. А Теля я потом только после войны встретил.

— А священник? — спросил Корнилов.

Маричев нахмурился:

— Попа немцы повесили. На колокольне. Неделью висел рядом с колоколами.

С нами пастух колхозный сидел. Дурачок. Он и проболтался... Да и его потом немцы застрелили. Они всех юродивых стреляли, как собак. Неполноценные, мол.

— А чего ж он с теми не пошел? — Корнилов никак не мог понять, почему поп остался.

— Я его тоже спросил об этом, — как-то нехотя ответил Маричев. Сказал он мне: «Сердце мудрых в доме плача», сын мой. Не очень-то я это понял. А жалко мужика.

— Алексей Павлович, не угостите ли чайком? — попросил Корнилов. — Вы никуда не торопитесь?

— Не, у меня «отгулы за прогулы». Выходной я. Сей момент чайку сварганим.

Он ушел на кухню и опять загремел там кастрюлями. Корнилов сидел и думал о том, что услышал от Маричева.

Леха принес две чашки с блюдцами и варенье в маленькой эмалированной мисочке. Сказал гордо:

— Черноплодка с яблоками. Хозяйкина гордость.

Корнилов посмотрел на часы и спохватился: он сидел у Маричева уже около трех часов и даже не заметил, как потемнело на улице.

— Алексей Павлович, — сказал он. — Еще несколько вопросов, да бежать надо. Время подгоняет. А что ж Зотов-то? Отец? Ему немцы ничего не сделали?

— Сделали, — ворчливо ответил Алексей. — Двое суток мутузили. И мне малехонький отлуп по утрянке дали. За дружбу, наверное. Еле выкарабкался.

— А потом?

— Потом? — рассеянно отозвался Маричев. — Потом, когда фрицев туранули, они полдеревни за собой угнали. И дядю Колю. Он, пожалуй, самый последний и вернулся в конце сорок шестого. Думали, уж совсем сгинул. Кто-то из зайцовских его в Германии чуть не при смерти видал.

— Алексей Павлович, а с сыном Зотов не встречался?

— Не знаю. Когда Тель в Зайцово после войны приезжал, ничего не известно было об отце. Все считали, что погиб в Германии дядя Коля. Тельман и уехал. Да и жить было негде. Дом-то сгорел...

— А если бы Тельман с ним встретился?

— Ну и что? — удивился Алексей.

— Не мог он ему грозить? Ударить, например?

— Кто? Тельман? Ну что вы! — отмахнулся Маричев. — Простить, может, и не простил бы, но чтоб руку поднять?! Нет! — И, чуть подумав, добавил: — Да, наверное, и простил бы... Я бы простил. Отец все-таки.

— А почему Тельман потом отца не разыскал?

— Откуда я знаю? Наверное, думал, что погиб. А может, уже и разыскал.

— Ну а Зотов?

— А он-то что? Не-ет. Когда со мной говорил, плакал. «Нет, — говорит, — мне прощения». Еще бы. А почему вы все про это спрашиваете?

— Да потому, что Тельмана нашли убитым недалеко от того места, где жил старик.

Маричев вскочил, бледнея:

— Тельмана убили? Какая же падла?

«Нет, не буду говорить, что отец. Всей правды ведь не объяснишь», — подумал Корнилов.

— Вот хочу докопаться, как это все произошло.

— Такое выдюжил парень, а тут... — Маричев замолк, растерянно глядя на Корнилова.

С тревожным чувством отправился на следующий день Корнилов в дирекцию лесхоза, чтобы повидать бухгалтера Мокригина. Он уже не сомневался в том, что именно Мокригин шел вслед за художником в день убий-

ства. Дежурный на станции Мшинская опознал на одной из предъявленных ему Белозеровым фотографий человека, приехавшего пятнадцатичасовой электричкой. Этим человеком был Григорий Мокригин. Но нет, не признается бухгалтер, что ездил на Мшинскую, не захочет отвечать на опасный вопрос, почему убежал из леса, оставив на произвол судьбы истекающего кровью Алексева. Ведь не обмолвился он ни словом об этой поездке, когда беседовал с работниками уголовного розыска, узнавшими о его дружбе с лесником.

Но, несмотря на свои сомнения, Корнилов шел в лесхоз и надеялся на успех. Он специально не стал приглашать Мокригина в райотдел — ему хотелось застать бухгалтера врасплох, неподготовленным. Поставленный перед необходимостью отвечать сразу же, немедленно, он может допустить промах, неточность, может растеряться.

«Почему этот Мокригин не пошел за помощью в деревню? — думал Корнилов. — Испугался, что могут и его убить? Вздор! Тогда бы он прибежал хоть в милицию. Побоялся, что могут заподозрить в убийстве его самого? Нет, честный человек сначала окажет помощь раненому, а уж потом подумает о себе. Честный человек... Но ведь бухгалтер в прошлом уголовник. Мог подумать: «Первое подозрение — на меня. Попробуй потом отмойся». И повернул домой, даже к дружку своему не пошел в тот день. А почему же не был потом? Почему не пришел на похороны лесника? Они же были друзьями. Об этом и в лесхозе знают, и во Владычкине. Что-то за всем этим кроется более серьезное... Знал ли Мокригин, кто идет вместе с ним по лесной тропе? Нет, скорее всего не знал. Ведь и лесник не встречался с сыном тридцать лет...»

Дирекция размещалась недалеко от вокзала в старом, когда-то купеческом доме. Первый этаж у него был каменный, обшарпанный, с обвалившейся кое-где штукатуркой, второй — деревянный, из темных, тронутых трухлявинкой мощных бревен. Около дома стояло несколько «газиков» и «Победа». В ней было битком набито людей, из-за приспущенного стекла валил дым, слышался смех — похоже, шоферы обсуждали какую-то веселую историю.

Корнилов вошел в дом. В коридоре, стены которого были густо заклеены объявлениями, приказами, сводка-

ми, курили двое мужчин. У обоих поверх пиджаков были надеты меховые безрукавки.

— Где мне найти бухгалтера? — спросил Корнилов. — Григория Ивановича Мокригина.

Один из мужчин молча показал на лестницу в конце коридора. Корнилов поднялся на второй этаж и отыскал дверь с надписью «Бухгалтерия». «Если там будут посетители, я подожду», — решил он. Вообще-то в бухгалтерии работали двое: старший бухгалтер Мокригин и еще одна женщина. Еще накануне Корнилов уговорился с работниками ОБХСС, и они вызвали ее в это время на беседу.

Корнилов приоткрыл дверь и сразу увидел Мокригина. Бухгалтер сидел за большим столом и сосредоточенно считал на арифмометре. На вошедшего не обратил никакого внимания, даже лысой головы не поднял. Корнилов подошел к его столу и сел, положив на колени шапку. Мокригин продолжал крутить ручку, беззвучно шевеля губами. Верхняя губа у него была тонкая, злая, а нижняя — пухлая и отвислая. Закончив считать, он записал на бумажке какие-то цифры и только тогда поднял голову.

— Вы ко мне?

Бровей у него почти совсем не было, и оттого лицо казалось каким-то бесцветным, блеклым.

— Да, я к вам, Григорий Иванович. — Корнилов достал удостоверение, представился.

Мокригин хотел что-то сказать, но только облизнул вдруг свою толстую нижнюю губу. В лице у него ничего не изменилось, не дрогнуло. Он замер.

— Григорий Иванович, я пришел к вам поговорить о леснике Зотове. Мне сказали, что вы были с ним друзьями.

Бухгалтер по-прежнему был спокоен. Никаких признаков паники. Только сузились глаза, стали маленькими точками зрачки. «Он давно ждал, что к нему придут, — подумал Корнилов. — Успел приготовить себя».

— А что бы вы хотели узнать о Зотове? — Мокригин явно не собирался распространяться о своей дружбе с лесником.

— Вы, наверное, знаете, Григорий Иванович, что Зотов убил сына и сам повесился, — Корнилов сказал это нарочито спокойно, буднично. — Мне хотелось бы знать об их отношениях.

Мокригин неопределенно пожал плечами:

— Что ж рассказывать? Я не знаю. — Он посмотрел на Корнилова, чуть-чуть прищурившись. — Вы лучше задавайте вопросы. Я отвечу.

«Ого, да он тертый калач, — подумал Корнилов. — Школа видна. Такого голыми руками не возьмешь», — и спросил: — С Зотовым вы давно знакомы?

— Давно.

— А вы неразговорчивы, Григорий Иванович. С вами трудно, — улыбнулся Корнилов. Бухгалтер пожал плечами, машинально крутанул ручку арифмометра.

«Так мы будем разговаривать неделю, — подумал Корнилов. — Интересно, надолго ли ему хватит выдержки?»

— Вы были знакомы с Тельманом Алексеевым, сыном Зотова?

— Нет.

«Отвечает не задумываясь. На лице ни один мускул не дрогнет».

— А знали о его существовании?

— Знал.

— Они были в ссоре?

Мокригин усмехнулся:

— Так... расплевались однажды. Сын-то тогда от горшка два вершка был! Они же с войны не виделись. О покойниках плохо не говорят, но сынок его свинья свиньей оказался. Даже не подумал разыскать старика, помочь ему... — Лицо бухгалтера стало злым.

— А Зотов просил его о помощи?

— С какой стати? Он и не искал сына. Случайно узнал о нем, — неожиданно выкрикнул Мокригин. — Чего ему унижаться перед «чистеньким» сыном! Я, я только и помогал старику, — сказал он с необычной горячностью. — И деньгами, и по хозяйству. Да мало ли! — Он с какой-то безнадежностью махнул рукой и замолк, словно испугался своего порыва.

— А как узнал старик о сыне?

— В журнале портрет увидел. В «Огоньке».

— И решил его разыскать?

— Откуда я знаю? — проворчал бухгалтер. — Он мне не докладывал.

«Наверняка знает, что старик разыскивал сына, — решил Корнилов. — Только зачем скрывает?»

— А где вы познакомились с Зотовым, Григорий Иванович?

Бухгалтер вдруг посмотрел на Корнилова с откровенной ненавистью.

— Там и познакомился. Будто не справились... — И сказал с вызовом: — Кто еще у бывшего зека другом может быть? Такой же зек, как и он. Вот мы со стариком и держались друг друга.

— Вы правы. Я наводил справки: в одной колонии отбывали наказание.

«Старый друг лучше новых двух, — вдруг вспомнилась Корнилову поговорка. — Старый друг лучше новых двух...» — И какая-то совсем смутная догадка мелькнула у него, скорее не догадка, а предчувствие того, что за этой неожиданной горячностью бухгалтера, за его словами о старой дружбе отверженных обществом людей и кроется разгадка трагедии.

— Вы, Григорий Иванович, не женаты? — спросил Корнилов. Он всегда так вел беседы, перескакивал с одного вопроса на другой, лишая своего собеседника возможности понять, что же интересует подполковника больше всего.

— Нет, — отчужденно ответил Мокригин.

— А у вас есть родные?

— Какое это имеет значение? Вы ведь хотели узнать о Зотове, а не обо мне?

— Простите, если задал неприятный вопрос, — дружелюбно сказал Игорь Васильевич. — Я не хотел вас обидеть.

Бухгалтер смотрел на Корнилова с ненавистью.

— Да, да! Нет у меня родных! Не знал никогда о них и знать не хочу!

— А друзья?

— Что вы ко мне в душу лезете?

«Одиночество, одиночество его мучает!» — подумал Корнилов.

— А зачем Зотов убил сына?

— Откуда я знаю? — закричал бухгалтер. Веко на правом глазу у него задергалось. От его несокрушимого спокойствия не осталось и следа. — Что вы не даете покоя старику? Он умер! Умер! И никто не узнает, зачем он убил сына.

Корнилов подождал, пока бухгалтер успокоится, и примирительно сказал:

— Ладно, оставим в покое Зотова, начнем с другой стороны...

Он достал из папки стопку бумаги, авторучку. И вдруг почувствовал, как напрягся Мокригин. Лицо у него стало каменным, только зрачки еще больше сузились.

— Григорий Иванович, — сказал Корнилов. — У меня есть поручение следователя допросить вас по делу об убийстве Тельмана Алексева. По вновь открывшимся обстоятельствам...

Мокригин молчал.

— Когда вы виделись с Зотовым в последний раз?

— Пятого января... На день рождения он ко мне приезжал?

— А вы?

— Что я? — не понял бухгалтер.

— Вы когда у него были? У Зотова.

— Сразу после Нового года. Съездил, по хозяйству помог.

— Как вы праздновали день рождения? Много было гостей?

— Нет, никого не было, кроме Коли. Посидели в ресторане — и домой.

— В каком ресторане?

Мокригин осклабился:

— И этим интересуетесь? В «Радуге».

— Где вы были тридцатого января с часу дня и до двенадцати?

— Ездил в Ленинград, — нехотя процедил Мокригин. — На электричке в тринадцать тридцать.

— Расскажите мне последовательно, где вы были в Ленинграде?

Бухгалтер недобро усмехнулся:

— Если это так необходимо... Попробую вспомнить. — И начал перечислять магазины. Он врал умно, с оглядкой. Корнилов мысленно проследил его путь по городу — все магазины выстраивались по маршруту третьего трамвая.

— Ни один из этих магазинов не был закрыт на переучет? — Корнилов заметил, как на скулах Мокригина вздулись желваки.

— Нет, на переучет закрыты не были, — медленно ответил он. — Правда, в каком-то из них отдел не работал... Только не помню в каком.

«Интересно, почему Мокригин не спрашивает меня, для чего этот допрос и в чем он провинился? — подумал Корнилов. — Хочет показать свое безразличие».

— Вы что-нибудь купили себе?

— Нет. Искал пальто на меховой подкладке, да не повезло...

«Еще бы! Такое пальто и летом по большому благу не достанешь. А уж то, что его зимой в магазинах не бывает, в этом-то, голубчик, ты уверен. Беспронимчиво играешь».

— Значит, ничего не купили?

— Ничего.

— Когда вы приехали в Ленинград, какая там была погода?

— Пасмурно. Снежок шел, — сказал Мокригин, и Корнилов вдруг увидел, как его лоб внезапно покрылся мелкими капельками пота. Бухгалтер заерзал, стал вдруг переключать с места на место бумаги, лежащие перед ним на столе.

Корнилов помнил, что по сводке метеобюро пасмурная погода со снегом была на Мшинской, а в Ленинграде днем было ясно. Светило солнце. Он почувствовал резкий запах мужского пота и поморщился.

— Григорий Иванович, а когда вы уезжали из Ленинграда? Время? Погода?

— Не помню, — отрывисто бросил Мокригин. Похоже, что нервы у него совсем сдали.

— Когда пришли домой?

— В двенадцать.

— Это вы на фото? — Корнилов вынул из кармана фотографию Мокригина, которую по его просьбе сделали гатчинские оперативники.

— А вы что, не видите? — огрызнулся бухгалтер. — И что это за допрос?! Я в чем-то виноват? Вы даже не потрудились мне объяснить!

— Служащие станции Мшинская, Григорий Иванович, опознали в этом мужчине пассажира, который сошел с трехчасового поезда и направился по лесной тропе в сторону деревни Владычкино...

— Я был в Ленинграде, — упрямо сказал бухгалтер.

— С этого же поезда сошел и Алексеев, — продолжал Корнилов. — У него были лыжи. Он ушел вперед,

но на одной сломалось крепление. — Мокригин уже не мог справиться с собой, лицо его перекосила какая-то странная гримаса. Он весь подался к Корнилову, впился в него взглядом. — Да, забыл одну деталь — у Тельмана Алексеева была такая же шапка, как у вас. — Он повернулся к вешалке, на которой висели пальто и рыжая мохнатая шапка бухгалтера. И тут его обожгла шальная мысль: «А не бухгалтеру ли предназначалась пуля? Ведь у него и у художника не только шапки похожие. И фигуры тоже одинаковые. Оба широкоплечие, высокие...»

Мокригин молчал.

Тогда Корнилов наклонился к нему и сказал, положив свою руку на руку бухгалтера:

— А ведь это вам приготовил старик пулю, Григорий Иванович. За что?

Мокригин резко вскочил, уронил стул. Несколько секунд он молча смотрел на Корнилова, словно не зная, что предпринять, а потом вдруг громко, горячно зашептал:

— Не докажете, не докажете! Не мог он в меня. У него и был-то один друг на свете — Гриша Мокригин! Один! Все от него отвернулись, все! И Тельман этот тридцать лет не знался, а тут нате, поперся к папочке. Кому он нужен, Павлик Морозов! Говорил я деду: доживай свой век без чистеньких. Не послушал — умереть ему прощеным захотелось! Тьфу! — Мокригин плюнул и, будто опомнившись, спросил, пристально глядя в глаза Корнилову: — А я-то, я в чем виноват, товарищ хороший? Мне-то вы зачем о прошлом напоминаете? Мало ли в кого стрелял старик. Он и расчелся. Не я ведь стрелял! — И снова закричал: — Что вы мне душу терзаете, все старых грехов забыть не можете? Вам дай волю — клеймо бы на лбу выжгли!

Дверь в комнату приоткрылась, и заглянула испуганная женщина. Мокригин посмотрел на нее со злостью, и женщина моментально исчезла.

— Вы садитесь, — спокойно, но настойчиво попросил Корнилов. Так мучивший его все последние дни вопрос, зачем убил старый лесник своего сына, перестал быть вопросом. — Я не о старом пришел напоминать. — Мокригин сел. Веко у него все дергалось, а руки не находили покоя. Он хватался то за лицо, то за шею. — Дело ведь вот в чем, Григорий Иванович: бросили вы

Тельмана Алексеева в беспомощном состоянии. Умирать в лесу. А его спасти можно было, если бы вы сходили за помощью.

— Мертвый он был, мертвый, — упавшим голосом пробормотал бухгалтер. — Старик без промаха бил. — Мокригина передернуло, словно от холода.

— Экспертиза свидетельствует — несколько часов жил. Вот за это преступление вам отвечать придется. Оно доказуемо...

— Мертвый он был, — опять сказал Мокригин. Вид у него был затравленный.

«Опытный дядя, — думал Корнилов, разглядывая бухгалтера, — а нервишки подводят. Эх он распахивался, когда я сказал, что пуля ему предназначалась!» И быстро спросил еще раз:

— Григорий Иванович, а за что все-таки хотел убить вас лесник? Неужели не догадываетесь?

Мокригин шумно набрал в легкие воздуха, лицо его сделалось таким багровым, что Корнилов испугался, не хватит ли бухгалтера удар.

— А если и догадываюсь, — наконец выдохнул он, — вам-то какая с этого корысть? К делу не пришьете! — Мокригин неожиданно улыбнулся, улыбнулся дико и зловеще. Глаза у него блеснули. Корнилову даже показалось, что как-то гордо блеснули.

— Боялся меня Николка, — сказал бухгалтер. — Своего прошлого боялся. Сыну хотел чистеньким представиться. А меня, значит, побоку?! Рылом в чистенькие не вышел? Курва! — Он так же внезапно погасил свою жуткую улыбку и замолк.

Остальная часть допроса пошла спокойно. На все вопросы Мокригин отвечал безучастно и односложно: «да», «нет». Он подтвердил, что услышал выстрел перед тем, как выйти из леса на поляну, и через несколько минут наткнулся на тело лыжника. Думал якобы сначала, что выстрел случайный, что поблизости охотники. Боясь, что могут выстрелить еще, он спрятался за ель и только тогда увидел справа на горке спину удалявшегося человека. Это был Зотов.

О лыжнике Мокригин все время твердил: «Он был мертвый, лыжник-то. Мертвый. Я ничем не мог помочь». О том, что это был Тельман Алексеев, сын лесника, Мокригин узнал только вчера от директора лесхоза.

Но когда Корнилов снова спросил бухгалтера, за что

все-таки хотел его убить лесник, он заложил руки за спину и молчал, стиснув зубы. Корнилов понял: на этот вопрос ответа не получить.

Он сел за соседний столик, где стояла большая пишущая машинка, и начал печатать протокол допроса. Бухгалтер сидел понурый, время от времени исподлобья поглядывая на него. Когда протокол был готов, Корнилов мельком перечитал его и дал Мокригину. Ознакомиться и подписать. Бухгалтер спокойно взял листки и, глядя прямо в глаза Корнилову, разорвал протокол на мелкие кусочки. В лице у него ничего не дрогнуло, ни один мускул.

— Ничего не докажете. Можете хоть сто опознаний делать. — И бросил бумажки на пол.

Корнилову стоило большого труда, чтобы не показать бешенства, которое им овладело. «Ох какой подонок, какой зрелый подонок», — подумал он, ощущая нестерпимое желание ударить.

— Вы можете сколько угодно рвать бумажки, но от ответа вам не уйти, Мокригин!

Возвращаясь в райотдел, Корнилов думал о том, что же могло связывать этого злобного бухгалтера и лесника Зотова? Бухгалтера и лесника. Сидели вместе. Верно, сидели. Но раскаявшиеся-то преступники на свободе избегают друг друга. А уж если объединяются, то закоренелые. На дурное. Наперекор пословице «В счастье — вместе, в горе — врозь».

Бухгалтер и лесник. Правил без исключений нет, но необязательно ведь эта пара — исключение. Нет, недаром держались они вместе столько лет. Лесник и бухгалтер лесхоза. Что же их связывало? Лес? Воровали лес? Слишком на поверхности...

В райотделе Игорь Васильевич рассказал обо всем начальнику уголовного розыска Финогенову.

— Берите дело в свои руки. Свяжитесь с Лужской прокуратурой. У них делом об убийстве следователь Каликов занимается. Но стерегите бухгалтера. Сбежать может. Сердцем чую. Попросите обэхээсэсовцев — пусть займутся лесхозом. Что-то тут нечисто. Бухгалтер и лесник — улавливаете? Сидели вместе. Я вам свою точку зрения не навязываю, но посмотрите, разберитесь. Я так думаю, что если человек мог одну подлость совершить, он и на другую способен. У подленького за душой не один грешок найдется.

...Дня через два после всех этих событий Корнилова остановил в коридоре управления Белянчиков:

— Все забываю тебя спросить, Игорь. Когда ты понял, что лесник не в сына стрелял? — Белянчиков немножко слукавил — они с Корниловым встречались постоянно, на дню по нескольку раз. И давно бы он мог спросить, да просто дулся за тот разговор. Белянчиков обиды долго помнил.

— На репетиции в театре.

— При чем здесь театр? — удивился Белянчиков.

— Да как тебе сказать, — задумчиво начал Корнилов. — В двух словах не расскажешь.

Они подошли к окну, Корнилов закурил.

— Пригласили меня проконсультировать одну пьесу. На нашу тему. Там в третьем действии молодой парень убивает свою знакомую. Бежит к другой подружке и в любви ей объясняется, пьют вместе вино как ни в чем не бывало. А на репетиции заминка произошла: не получается эта сцена у молодого актера, и все тут. «Дайте, — говорит, — мне еще время в образ вжиться»,

Я сначала решил — не под силу актеру роль. А потом, когда подумал всерьез да всю пьесу вспомнил, другое понял. Это не актера вина. Он-то молодчина. Фальшь уловил. Интуитивно почувствовал, что его герой не мог совершить это преднамеренное убийство, да еще тут же с новой милашкой объясняться!

— Что значит «не мог»? — спросил Белянчиков.

— Ну, конечно, в жизни все бывает: случай, пьянка, вспышка гнева. А чтобы преднамеренно — нет! Этот герой не мог, понимаешь? Логика характера не позволяет. Уж таким сотворил его автор. А потом ссамовольничал.

Белянчиков засмеялся:

— Ну ты чудишь, Игорь! Это уж дело автора, как повернуть...

— Ничего смешного не вижу. Я с тобой как с другом... — Корнилов сердито поглядел на Белянчикова. — Не могу я тебе объяснить, что уж там автор думал...

— Ну а к чему ты мне всю эту историю рассказал? Я ж тебя о другом спросил.

— С логикой у тебя слабовато, Юра. Логикой тебе подзаниваться не мешало бы. Да, наверное, поздно. Чему Ваня не выучился, тому Ивана не обучишь... И если говорить серьезно, то слишком уж страшное это преступле-

ние — сыноубийство. Да особенно если совершено оно так расчетливо, обдуманно. Для этого ох какие основания иметь надо! А Зотов полжизни врозь с сыном прожил, даже не встречался.

— Ну и довод у тебя, — тихо сказал Белянчиков. — Не слишком профессиональный.

— Логичный довод, — сказал Корнилов. — Простой, человеческий. Да ведь еще и шапки у Мокригина и у Тельмана Алексеева одинаковые были. Мне это сразу в глаза бросилось. Вот так-то, товарищ капитан. А все-таки признайся, Юра, бесплодных истин не бывает!

1975 г.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Повесть

1

Вечером небо затянулось тучами. В стороне залива долго гроыхало, и наконец на город обрушился ливень. Горин испугался — в десять он должен был захватить за Верочкой. Они сговорились встретиться у Таврического сада. Юрий Максимович нервничал, то и дело смотрел на часы и, подходя к окну, с тоской разглядывал опустевшую улицу, по которой хлестали струи дождя. Над асфальтом, за день раскаленным июльским солнцем, призрачной полосой висел туман.

Ливень продолжался минут сорок и внезапно закончился. Юрий Максимович распахнул окно и, вдохнув свежего воздуха, с облегчением улыбнулся. Подумал: «Дождь как по заказу. Смыл всю пыль и вовремя перестал. А на даче хорошо будет!»

Он снял с антресолей черную сумку с надписью «Аэрофлот» и стал собираться. Вынул из бара бутылку джина, бутылку коньяка. Из холодильника достал две банки апельсинового сока, белый бидончик, в котором мариновалось мясо для шашлыка, завернутую в целлофан зелень. Постоял несколько минут, не закрывая дверцу холодильника, прикидывая, что бы еще взять с собой. С продуктами на этот раз у него не густо: жена уже вторую неделю как уехала к тяжело заболевшей матери в Нальчик, и оставленные ею припасы побавились.

Потом Горин открыл книжный шкаф и, вытащив с

одной из полок несколько книг, достал спрятанный в глубине небольшой пакетик. Он развернул яркую фирменную бумагу и открыл красивую, черную с золотым вензелем коробочку. Чуть утопленное в голубую шелковую подкладку, как в волны беспокойного моря, в коробке лежало золотое кольцо с бриллиантом, сияющим среди лепестков золотой розы. Несколько секунд Юрий Максимович задумчиво смотрел на кольцо, наконец губы его дрогнули и расплылись в удовлетворенной улыбке. Он отстранил от себя коробку с кольцом и чуть склонил голову, любясь живым блеском камня. Горин смотрел на кольцо минуту, а может быть, даже две, потом плавно надавил пальцем на крышку, и коробочка захлопнулась с легким щелчком. Горин положил ее во внутренний карман куртки, разорвал обертку на мелкие кусочки и выбросил в мусоропровод.

Поставив книги на место, Юрий Максимович прошелся по комнатам, вспоминая, не забыл ли что. Взял с письменного стола недочитанный номер «Иностранной литературы», подержал в руке и положил обратно. «С Верочкой не считаешь... А вот про плавки и забыл! — подумал он. — Погода-то прекрасная, завтра на залив съездим».

Гараж был рядом, в соседнем дворе. Горин осторожно, чтобы не запачкать замшевую куртку, открыл его, вывел «Волгу».

Несмотря на поздний час, на улицах было полно народа. Белые ночи хоть и шли на убыль, но не потеряли еще своей чарующей силы. Горин вел машину не спеша, осторожно переезжая оставшиеся после ливня лужи, стараясь не забрызгать прохожих. Опустив боковое стекло, он чуть склонил голову влево, подставляя лицо свежему ветру, радуясь, что сейчас увидит Веру, что они вместе поедут на дачу и будут там вдвоем не час, не два, а целых три дня! И никуда не надо будет торопиться, и никто не сможет им помешать. И за эти три дня они наконец обо всем договорятся, все решат...

У Таврического сада он притормозил и тут увидел Верочку. Долговязый блондин неопределенного возраста стоял рядом с ней и что-то говорил улыбаясь. Наверняка набивался в знакомые. Черт знает что! Стоит

ей где-то появиться одной, как тут же кто-нибудь привязывается. У Горина от одной мысли о том, что какой-нибудь пижон пристаёт к Вере, становилось темно в глазах. А вот к ее мужу он относился спокойно. Даже позволял себе иногда, в те редкие часы, когда им удавалось быть вместе, задавать такие вопросы, от которых Верочка краснела. Может быть, это происходило из-за того, что Вериного мужа, Евгения Николаевича Шарымова, он знал уже много лет. Даже учился вместе с ним в мореходке.

Юрий Максимович остановил машину, открыл дверцу. Верочка заметила его и помахала рукой. Долговязый тоже обернулся. Он глядел, как Верочка садилась в машину, с явным сожалением.

— Что еще за тип? — спросил Горин.

Вера засмеялась и, положив голову ему на плечо, ласково потерлась.

— Знакомый?

— Знакомый. Две минуты назад познакомились. — Она вынула из сумочки зеркальце, посмотрелась. — Ты, Юрка, страшно ревнивый. Не знаю я эту версту коломенскую и знать не хочу. Примитив: «Как вас зовут, кого вы ждете?»

— Ну а ты? — Юрий Максимович понимал, что ведет пустой разговор, но остановиться не мог.

— Юра, оставь. — Она снова положила ему голову на плечо. — Мы сможем побыть на даче только день. Я боюсь, что Женя раньше времени приедет. Он все время нервничает.

— Ну вот, начинается, — недовольно проворчал Горин. Настроение у него испортилось.

— Ничего. Зато целый день наш, — ласково сказала Вера. — На-аш!

Они пересекли улицу Воинова, проехали по набережной, заполненной гуляющими, свернули на Литейный мост. Горин удивился, что в такое позднее время здесь много машин. Двигались они еле-еле, а на середине и совсем остановились. Прошло пять минут, десять. Машины запрудили весь мост.

— Что за пробка?! — в сердцах сказал Юрий Максимович. — Добро бы в час «пик». А тут... Посмотреть, что ли?

— Сиди. — Верочка была спокойна. Прижавшись к

нему, она задумчиво смотрела на Неву, на старинные здания на набережной Выборгской стороны.

— Нет, я все-таки пойду взгляну, — сказал Горин. Но дверцу открыть не смог — слева вплотную к «Волге» стояла белая машина «Скорой помощи». Чтобы выпустить Горина, пришлось вылезать и Вере. Они поднялись на тротуар, стараясь разглядеть, что произошло впереди.

Какой-то парень, проходя мимо, остановился и сказал:

— Надолго застряли! Асфальт после дождя скользкий. Троллейбус занесло.

— Что же его не уберут? — недовольно спросил Горин. Ему показалось, что парень чересчур бесцеремонно разглядывает Верочку.

— А-а... — прохожий махнул рукой. — Там такое нагромождено! Несколько машин ударились.

— И пострадавшие есть?

— Не знаю. «Скорая» стояла. — Парень пошел дальше.

— Психуй не психуй, — сказал Горин, — а только загорать нам здесь придется долго. Назад уже не вывернешь. Хоть бы гайшники вмешались. Неужели они не видят, что здесь затор?

Они забрались в машину, и Верочка, устроившись поуютнее, снова прижалась к нему, расстегнула пуговицу на рубашке и положила руку на грудь. Юрий Максимович вдруг почувствовал легкое раздражение. Ему стало неприятно, что Верочка так спокойно отнеслась к тому, что раньше времени может приехать ее муж, к этой дурацкой непредвиденной остановке на мосту. Он так стремился в лес, на свою дачу — уютную, красивую! Так стремился отгородиться от всего света, побыть вдвоем, и вот — нате! Глупое неожиданное препятствие. Выехали бы на пятнадцать-двадцать минут раньше — уже приближались бы к Новой деревне! «А если бы на пять минут раньше? — подумал он вдруг. — Рядом с тем троллейбусом!» Горин закрыл глаза и ясно услышал скрип тормозов, скрежет металла, сирену «скорой»... И почувствовал, как холодок пробежал по спине. «Вот еще! Чего это я завожусь?» — подсадовал Юрий Максимович, но тревога не проходила. Мысли, одна несуразней другой, лезли в голову, и он никак не мог совладать с собой.

Верочка почувствовала его состояние и, чуть отодвинувшись, спросила:

— Что с тобой, Юра?

— Я в порядке. — Горин попытался улыбнуться.

Ему было невыносимо торчать здесь, на мосту, когда следовало спешить, спешить. Футляр с кольцом жег ему грудь. Казалось, что он слишком долго лежал в неизвестности в шкафу, за пыльными забытыми книгами. Юрию Максимовичу хотелось поскорее раскрыть футляр перед Верой, увидеть, как яркий свет бриллианта отразится в ее больших карих глазах. Увидеть в этих глазах радость, любовь, благодарность...

Неожиданно Вера спросила:

— Чего ради ты затеял эту историю с письмами?

Горин напрягся, лицо его сделалось замкнутым и отрешенным.

— Ты уже знаешь?

Конечно, надо было сказать ей о письмах заранее. Но Юрий Максимович боялся показаться смешным. Ведь тогда пришлось бы рассказать и о том унижении, которое испытал он в разговоре с капитаном Бильбасовым.

— Еще бы не знать! Евгений прожужжал мне все уши об этих письмах. Ты не поторопился?

— Нет! — твердо сказал Горин. — Мне уже давно надоели безобразия, которые творятся на судне. Ты знаешь, что за отношения были у меня с кепом. Жили душа в душу... Но есть предел. Мастер зарылся. Мало того, что он распустил лодырей и пьяниц, он подставляет ножку порядочным людям!

Верочка вздохнула.

— Ты что, не одобряешь? — с беспокойством спросил он.

— Я просто боюсь. Ты можешь повредить себе. Тебя же обещали назначить капитаном? А Бильбасов авторитет. Мой Евгений день и ночь кипит: «Владимиру Петровичу не страшны комариные укусы!»

— Посмотрим, — сердито сказал Горин. — Только капитанские прихвостни уже прячутся в кусты. Стармех первым залег в больницу. Не забывай, что я великий реалист...

Юрия Максимовича задели слова Веры. Он смутно почувствовал в них недоверие, неуверенность в его силах. Такого он от Верочки не ожидал. Тем более что

уже давно между ними существовал уговор — как только Юрий Максимович становится капитаном, они решают все свои семейные проблемы.

Он взглянул на часы. Без пятнадцати одиннадцать. Толпы гуляющих двигались мимо застывших автомобилей. Шли старшекласники с песнями, шли иностранцы. Шум, крики — веселый аккомпанемент белых ночей, все это сейчас не трогало Горина, казалось ему нелепым и чуждым. Слово из какого-то другого мира.

«Не хватало еще обрушиться в Неву, — зло думал он, озираясь по сторонам. — Прочность моста ведь тоже имеет свои пределы. Неужели милиция не может растащить эту пробку?»

Он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. В «скорой помощи», стоявшей рядом, было опущено белое стекло, и оттуда пристально смотрел на Горина какой-то мужчина. Юрий Максимович успел только заметить, что лицо у него очень худое и небритое. «Больной, что ли? — подумал Горин. — В этой пробке человек и умереть может. Даже «скорой» не пробиться».

— Какие красивые русалки. Посмотри, Юра, — Верочка показала на решетки моста.

Юрий Максимович повернул голову и вздохнул:

— Эти перила здесь со времен царя Гороха.

— А я их не видела, — Верочкин голос зазвенел от обиды.

— Ну ладно, ладно, пусть будет так, — он притянул Верочку к себе и обнял. — Не будем ссориться. — Он гладил ее волосы, мягкие, шелковистые, чуть-чуть пахнувшие какими-то хорошими духами, а сам никак не мог отрешиться от непонятного чувства страха.

Неожиданно кто-то сказал рядом, чуть ли не над ухом у Горина.

— Вот они, психи-то! В машинах, все в машинах. Их бы и вязали.

Юрий Максимович обернулся и встретился глазами с небритым мужчиной, сидевшим в «скорой помощи».

— Да-да! Не смотри на меня так удивленно, — продолжал небритый. У него был неприятный, хрипловатый голос. — Это я про вас, автомобилистов! Куда гоните? Куда? У вас же пассажиров тьма! — Человек взглянул куда-то сквозь Горина, да так жутко, что

Юрию Максимовичу сделалось не по себе, и он оглянулся. Словно хотел удостовериться, что, кроме Веры, в машине никого нет.

«Сумасшедший, что ли?..» — подумал он.

А небритый вдруг сказал спокойно и осмысленно:

— А жена-то с ним чужая.

Из кабины «скорой помощи» выеунул мордастый флегматичный санитар и с интересом посмотрел на Верочку.

— Да как вы смее! — крикнул Горин и стал лихорадочно поднимать стекло. И тут же подумал, что не следовало вообще отвечать.

Вера испуганно покосилась на небритого человека и еще теснее прижалась к Юрию Максимовичу.

— Как я смею? Как я смею! — завопил мужчина. — Да ведь она потаскушка! Чужая жена! Это ж сразу видно.

— Да скажи ты ему, чтоб заткнулся! — Верочка чуть не плакала. — Ну что же ты?

Мужчина продолжал орать. Около «скорой» собиралась толпа. Какие-то молодые парни, смеясь, заглянули в машину и отошли с шуточками. Юрий Максимович их не слышал. Он не мог прийти в себя от бешенства и несколько минут сидел в каком-то оцепенении, несмотря на то, что Верочка дергала его за руку и, всхлипывая, повторяла:

— Скажи ему, Юра, скажи...

Наконец он стал открывать дверцу, забыв, что «скорая» совсем рядом, и стукнул по ней. Надо было опять вылезать в ту сторону, где сидела Вера.

— Ой, господи! — почти простонала она. — Как я сейчас выйду? Здесь же толпа людей... — Но все-таки, открыв дверцу и втянув голову в плечи, выбралась из машины.

Горин выскочил вслед за ней и кинулся к орущему.

— Как вы смее... — он сорвался на визг и тут увидел, что этот небритый человек одет в какую-то странную серую одежду, а длинные рукава завязаны у него за спиной. Горин растерянно оглянулся, начиная понимать, что его гнев и любые слова здесь бессмысленны, и в это время услышал, как в «скорой» хлопнула дверца.

— Не обращайтесь внимания, — подходя к Горину, сказал рослый детина в белом халате, наверное сани-

тар. Это был тот человек, который выглядывал из кабины. Он продолжал флегматично жевать, отламывая от зажатого в руке батона. — Не обращайтесь внимания, — повторил он. — Это сумасшедший, — и погрозил орущему огромным волосатым кулаком.

Тот сразу смолк.

— Алексей Петрович, — обратился санитар к кому-то сидящему в «скорой». — Подними стекло. А то он тут всех перепугает. Устроил цирк!

Он осмотрел место, куда ударил дверцей Юрий Максимович, и, густо нахмутив брови, с неудовольствием потрогал металл рукой.

— Да я маленько стукнул! — сказал Горин извиняющимся тоном и обернулся к своей машине. Веры там не было...

Он выскочил на тротуар и стал озираться по сторонам, пытаясь разглядеть ее в толпе. В это время поток машин медленно, словно нехотя, сдвинулся. Сзади засигналили.

— Идиот! — крикнул Юрий Максимович сигналившему.

Но загудели и другие автомобили.

Горин вне себя закричал:

— Вера!

Из толпы кто-то отозвался дурашливым голосом. Юрий Максимович быстро сел в машину, с силой хлопнул дверцей и резко дал газ...

2

— Неприятное это дело, — поморщившись, сказал Кондрашов и смешно, по-детски почмокал оттопыренными губами. — Ты можешь считать, что я чересчур субъективен... Не знаю, не знаю.

Корнилов был знаком с Василием Сергеевичем уже лет двадцать — учились в одной группе на юрфаке. Они не были близкими, закадычными друзьями, но всегда относились один к другому с симпатией, хоть и пикировались часто. Судьба устроила так, что после окончания университета они шли параллельным курсом, словно корабли в открытом море. Начинали в одном районе: Корнилов участковым инспектором, Кондрашов — помощником прокурора, потом один стал начальником уголовного розыска, другой — районным

прокурором. Корнилова перевели в областное Управление внутренних дел, Кондрашова в городскую прокуратуру следователем. Был, правда, один период, когда Василий Сергеевич круто отклонился в сторону — ушел в аспирантуру, защитился и стал преподавать административное право в одном ленинградском институте. Но никто из бывших сокурсников этому не удивился. Все были уверены, что рано или поздно Кондрашов уйдет в науку — в нем всегда жилирко выраженный интерес к теории. Удивило другое — через два года он снова попросился на практическую работу.

— Неприятное это дело, — повторил Василий Сергеевич и похлопал своей мягкой, похожей на женскую рукой по серой папке.

— Ты, Вася, меня не агитируй, — Корнилов усмехнулся. Потянулся за папкой. — Приятное, неприятное — что за определения? Вот почитаю, скажу, какое оно, твое дело. Только ты, Василий Сергеевич, должен бы знать — для уголовного розыска те дела неприятные, которые раскрыть не удалось.

Кондрашов поморщился:

— Брось, брось... Читай лучше.

Игорь Васильевич раскрыл папку. В ней было всего несколько страничек. Корнилов начал читать справку ГАИ:

«Третьего июля 1976 года около двенадцати часов ночи на сорок девятом километре Приморского шоссе автомобиль «Волга» номерной знак ЛЕК 36-99, по неустановленной причине съехал на повороте с дорожного полотна и ударился в стоящее на полосе отвода дерево».

«По-видимому, скорость была большая, — подумал Корнилов. — После удара машину развернуло еще раз и боком стукнуло в другое дерево».

«От удара автомобиль загорелся, взорвался бензобак. Владелец автомашины Горин Юрий Максимович...»

Игорь Васильевич недоуменно посмотрел на следователя.

— Читай, читай, Игорь.

«...Владелец автомашины Горин Юрий Максимович, старший помощник капитана теплохода «Иван Сусанин», погиб...»

Дальше следовал акт судебно-медицинской экспертизы,

Повреждений, полученных старпомом, хватило бы на троих. Лицо сильно обгорело, но близкие опознали Горина. Признаков алкогольного опьянения не обнаружено. За час-полтора до происшествия прошел очень сильный дождь, шоссе было мокрое, водитель вел машину на большой скорости и на повороте не справился с рулевым управлением...

Игорь Васильевич дочитал, посмотрел фотографии смятого, обгорелого автомобиля, положил папку на стол.

— Ну, а теперь выкладывай, почему эта папка оказалась на столе у следователя прокуратуры, а не у нас в ГУВД?

— Да потому, что неделю тому назад прокуратура получила от старшего помощника капитана Горина большое письмо о преступных действиях капитана теплохода Бильбасова и некоторых других членов экипажа. Такое же письмо старпом послал в пароходство. И вдруг — наехал на дерево и сгорел! Не правда ли, подозрительное совпадение?

— Но ведь ты не считаешь, что заявитель застрахован от случайностей?

— Нет, не считаю...

— Тогда выкладывай остальное. Аргументы! Аргументы!

Кондрашов медлил, смотрел загадочно, словно хотел, чтобы Корнилов сам высказал предположение.

Игорь Васильевич принял вызов. Они любили иногда задавать друг другу задачки на сообразительность, подвергая одновременно проверке на прочность собственные гипотезы.

— Куда ехал старпом в столь поздний час? — спросил Корнилов.

— Мог ехать на свою дачу в Рощино. Но никто не знает точно. В день катастрофы его жена была в Нальчике, у больной матери.

— Я думаю, магнитные мины и прочие эффектные средства из кинодетективов можно оставить в стороне?

— Можно! — кивнул Кондрашов. — Хотя для верности мы исследовали эту сторону дела.

— Если бы по автомобилю стреляли, незачем было бы загадывать загадки. Ведь на нем не обнаружены пулевые пробоины? И огнестрельных ранений на трупе нет...

Василий Сергеевич улыбнулся, пожал плечами, словно говоря: «А как же? Мы тоже не лыком шиты!»

— Старпом мог «прижать» какой-нибудь грузовик. Или даже другая легковушка... На кузове царапин нет? Других царапин? — Корнилов нажал на слове «других», заметив, как улыбнулся следователь.

— Нет.

— Опрашивали инспекторов ГАИ, дежуривших на трассе? Время ведь позднее, машин мало.

— Опрашивали. Машин действительно было мало, и на посту ГАИ в Солнечном обратили внимание на «Волгу» 36-99. Водитель гнал как сумасшедший. Инспектор даже позвонил в Зеленогорск, чтобы его там задержали и сделали предупреждение. Машина Горина шла одна. От Солнечного до места происшествия девять километров. На большой скорости — четыре-пять минут...

— Но какой-нибудь автомобиль мог выехать на Приморское шоссе и после Солнечного... В центре поселка Репино, например?

— Здесь нам повезло. Мы почти уверены в том, что в момент катастрофы на отрезке Солнечное — граница Зеленогорска других автомашин не было. Инспектор ГАИ в Зеленогорске, получив предупреждение из Солнечного, ждал нарушителя и внимательно следил за дорогой. Машин не было. Минут десять. И водитель первой появившейся после этого перерыва машины — зеленогорской продуктовой — сказал инспектору, что на сорок девятом авария. Разбилась и горит «Волга». Он также сказал, что несколько шоферов с подъехавших автомашин пытаются погасить огонь и уже вызвали «скорую помощь». Представляешь теперь поле битвы?

— Представляю, — вяло сказал Игорь Васильевич. — Только уж больно не нравится мне одно ваше словечко, товарищ следователь.

— Что за словечко? — насторожился Кондрашов.

— «Почти». Маленькое словечко «почти» приводит иногда к большим казусам.

— Ну, извини! — усмехнулся Василий Сергеевич. — Мы в прокуратуре не боги. Нам до угрозыска далеко.

Корнилов не обратил внимания на язвительный тон Кондрашова и сказал задумчиво:

— Значит, если предполагать умысел... — Он вдруг замолчал, словно потерял нить рассуждения, и нахмурился. — А не могли ему перед выездом из города дать сильную дозу снотворного?

— Могли, — сказал прокурор. — Но не дали. Экспертиза установила бы.

— Может, залепили ему кирпичом в ветровое стекло?

— Горячо, Игорь! Именно — залепили. Только не кирпичом, а булыжником, — сказал Василий Сергеевич. — Когда проводили повторный осмотр автомобиля, обратили внимание на камень в салоне. Он тоже закоптился при пожаре. В первый раз этому не придали значения. Камень и камень! Может быть, подумали, что Горин возил его с собой, — он засмеялся.

— Зря иронизируешь! — рассердился Корнилов. — Водитель действительно мог везти его с собой.

— На всякий случай?

— Да, на всякий случай. Может быть, и для обороны — ехал-то почти ночью. Может, чтобы подложить под колесо, если что-то с машиной случится.

— Молодец, молодец... — Кондрашов поднял ладони над столом. — Я потому и пришел, чтобы все твои «может быть» выслушать. Прокурор города специально просил твоего шефа подключить подполковника Корнилова к этому делу. — Увидев, что Игорь Васильевич хочет что-то возразить, Кондрашов сказал мягко, почти ласково: — Игорек, не ерепенься. Шутки шутками — дело по твоей части. Я, когда о тебе думаю...

— Думаешь все-таки?

— Думаю, подполковник, думаю. И не так уж редко. И всегда представляю, как тебе трудно служить в уголовном розыске. По каждому делу ты ставишь перед собой столько вопросов, стараешься залезть так глубоко, что я просто диву даюсь: почему вдобавок к этому ты еще и быстро справляешься? Как правило...

— А ты что ж, считаешь, надо работать по-другому? — заинтересованно спросил Корнилов. — Ну-ка, ну-ка, разоблачайтесь, товарищ следователь!

— Я считаю, что может быть разный стиль работы. Люди-то ведь разные. Один может глубоко пахать, другой не может, зато быстро бегают.

— Пусть учится. Все должны и пахать глубоко, и бегать быстро.

— Вот именно! Поэтому я и думаю, что тем, кто с тобой работает, еще труднее, чем тебе самому...

— Ну, ты философ! — покачал головой Корнилов. — Чувствуется научная подготовка... А что, мои сотрудники жалуются? Или ты дедуктивно определил?

— Дедуктивно, — сказал Кондрашов. — Займешься делом? Ох, как не нравится мне оно! Вот считаешь заявление Горина — призадумайся! Знаешь, мне чисто по-человечески неприятно было с ним знакомиться. Такой у них на теплоходе бедлам. Серьезные обвинения покойный старпом выдвинул. И главное — убедительные. Особенно в отношении капитана. Их, конечно, проверять надо — искать подтверждения. Но мы найдем. Не сомневаюсь! — Он вздохнул и украдкой посмотрел на часы. Чуть оттопырил нижнюю губу. — Вообще-то, если быть до конца принципиальным, такие обвинения надо публично предъявлять. На общем собрании. Люди бы поддержали. И все сразу стало бы ясно.

— Ну, знаешь, не в каждом коллективе вылезешь на собрании правду-матку резать. Кое-где и заклевать могут.

— Верно, верно, — согласился Кондрашов и снова покосился на часы.

— Ты что ерзаешь? — усмехнулся Корнилов. — Адмиральский час подходит?

Кондрашов виновато pokrutil головой.

— Да знаешь... Старая язва. Мне врачи предписали строго по часам есть... — Он поднялся. — Меня эта история за живое задела, Игорь. Понимаешь, приходит письмо с такими обвинениями... — Василий Сергеевич замялся, не находя нужного определения. — Ну как тебе объяснить... Грубо говоря, тюрьма капитану и его компании не грозит, хотя чем черт не шутит! Может, потом и выявится что-то еще более серьезное... А старпома убивают. Что ж это за люди, а? Ну, ну, не спорь, — сказал он, почувствовав, что Корнилов не согласен с ним. — Я специально беру самую крайнюю версию. Ведь именно ее тебе предстоит проверить.

— Я, Вася, всегда все версии проверяю, — сказал подполковник хмуро. — Пора бы тебе привыкнуть!

— Ну и ершисты вы, товарищ подполковник! Стареет, что ли? Все ворчишь, ворчишь! — Кондрашов поднял со стола папку с делом: — Ты, Игорь, попроси

копию с заявления Горина снять — оригинал я себе оставляю. Нам он для проверки необходим.

Корнилов вызвал секретаря.

— Варя, срочно отпечатай.

— И еще нельзя забывать про хулиганов, — сказал Кондрашов, прощаясь. — Напился какой-нибудь хам и швырнул камнем. Круши частных владельцев, — он протянул руку. — Привет! Будем держать друг друга в курсе...

Корнилов кивнул.

«Да, похоже, дело непростое. Если только это не случайная авария, — подумал он, когда следователь ушел. — Но ведь и ее, случайность, надо доказать. Чтоб не висела тень над людьми...»

3

Днем Игорь Васильевич заехал на полчаса домой. Пообедать. Это случалось редко, и мать была рада. Она села напротив него и, глядя, как он с аппетитом ест борщ, рассказывала, что с утра ходила на Сытный рынок. Уже продают скороспелку. Но дерут, не приведи господь. По рублю. И пучок зелени — рубль. Дешевле рубля ничего не купишь, сокрушалась мать. Эдак никакой зарплаты не хватит.

— А ты, мама, в магазинчик, в магазинчик, — улыбался Корнилов. — Или Оле позвони в поликлинику. Она пойдет с работы и принесет что нужно.

— В магазинчик! — проговорила мать. — А ты сам хоть раз за последний год заходил в магазинчик? Небось спрошу, сколько килограмм хлеба стоит, так не ответишь?

«А ведь и правда не отвечу, — подумал Игорь Васильевич. — В магазин-то ведь если и зайду — так коньяку к празднику взять».

— От твоей магазинной картошечки больше половины в помой идет. Ее не натаскаешься. Ты у меня большой придумщик, — продолжала мать. — Это ж надо — позвони Оле! Да если после службы по магазинам ходить — вечера не хватит.

Игорь Васильевич лениво отбивался от нападков, а сам нет-нет да и вспоминал про разговор с Кондрашовым. Неужели этого старпома убили из-за его жалобы

в прокуратуру? А может быть, несчастный случай? Ведь не бандиты же члены экипажа «Ивана Сусанина»?! Наверное, люди проверенные. В загранку ходят.

«В загранку ходят... В за-гран-ку, — Корнилов словно споткнулся об это слово. — Здесь есть что-то такое, в этой самой *загранке*, — подумал он. — Что-то есть. Или мы просто привыкли: если загранка — то уж и подозрительные связи, контрабанда, валюта... Нет, нет, сначала дело — домыслы потом».

Но уж слишком несоизмеримыми казались ему причина и следствие. Человек написал жалобу на капитана и его помощников, а его, этого человека, убивают.

Но письмо-то уже написано! От него не отмахнешься, не спишешь в архив после смерти заявителя. Наоборот! Те, кто это письмо получил, будут внимательнее и строже во сто крат! Живого можно уговорить, убедить взять письмо назад, если он ошибается. В конце концов он и сам может одуматься. А бумага? Она подшита, имеет номер. Она хоть и все стерпит, но на нее надо ответить, даже если заявитель мертв.

Корнилов встал из-за стола и подошел к телефону.

— Ты что, уже? — изумилась мать. — А я-то радовалась, думала, аппетит хороший.

— Хороший, мама. Хороший. Сейчас все уплету и добавки попрошу. Только хорошему человеку позвоню.

Он набрал номер Кондрашова.

— Вася, один вопрос. Члены экипажа знали о том, что старпом обратился с заявлением в прокуратуру и пароходство?

— А-а!! — весело пропел следователь. — Чую, что ты уже вживаешься в образ! Так, кажется, говорят киношники и работники угрозыска?

— Не морочь мне голову. У меня обед стынет, — буркнул Корнилов.

— Знали, товарищ подполковник. Все знали. Еще за несколько дней до катастрофы.

...Приехав после обеда в управление, Корнилов прежде всего взялся изучать заявление Горина в прокуратуру.

Старпом с «Ивана Сусанина» писал о том, что плавает на судне уже двенадцать лет. Начиная четвертым

штурманом, старшим помощником ходит последние пять лет.

«Интересно, — подумал Игорь Васильевич, — от четвертого штурмана до старпома за семь лет — нормальный рост или нет? А пять лет старпомом? Если сравнивать с нашими продвижениями по службе, то даже слишком стремительно. А как там у них, в пароходстве, надо узнать». — Он сделал пометку на листке бумаги.

Злоупотребления, в которых Горин обвинял капитана Бильбасова, старшего механика Глуховского, пассажирского помощника Коншина, штурмана Трусова и директора ресторана Зуева, были серьезными, и Корнилов подивился той легкости, с которой Вася Кондрашов заявил, что тюрьма им не грозит.

Прежде всего, конечно, Бильбасов...

За последние годы, писал старпом, капитан перестал считаться с экипажем, окружает себя подхалимами. От людей принципиальных, хороших штурманов избавляется, боясь конкуренции. Не раз допускал грубые нарушения судового устава, этики и даже законности. В 1975 году во время перехода из Пирея в Никозию, будучи в нетрезвом состоянии, избил иностранного пассажира, американца Арчибальда Бримана. Дело удалось замять только после того, как этому пассажиру преподнесли дорогой подарок. В том же году в Неаполе капитан на целый час задержал теплоход, выручая из полиции старшего механика Леонида Глуховского, попавшего туда за пьяный дебош. В 1973 году во время круизного рейса вокруг Европы Бильбасов устроил большую попойку, справляя день рождения. Подарками, сделанными экипажу различными туристскими фирмами и советскими предприятиями, капитан распоряжается по своему усмотрению... Взял лично себе очень дорогой сервиз и телевизор... Одной пассажирке подарил из судового музея большого плюшевого медведя... — дальше шло перечисление капитанских бесчинств такого же рода.

«Из заграничных поездок капитан возит вещи для перепродажи. Это же делают Трусов, Глуховский и Зуев. О моральном облике Бильбасова говорит хотя бы один такой факт — он дважды был женат. Привлекался к уголовной ответственности, но скрыл это от руководителей пароходства. Пассажирский помощник, близ-

кий друг капитана, вместе с ним пьет, имеет обыкновение во время рейсов заводить знакомства с женщинами. Груб со стюардессами и другим обслуживающим персоналом...»

— О, господи, помилуй! — вздохнул Корнилов. — Чего только не бывает на белом свете. Со стороны кажется: капитан дальнего плавания обязательно красивый и подтянутый — воплощение корректности, высоких понятий о чести, а тут...

«Ну да ладно, мы свое дело сделаем, а разбираться со всей этой бытовщиной придется прокуратуре, — подумал он с некоторым даже облегчением. — И разбираться не один месяц. А как же очередные рейсы? С такими обвинениями в дальнейшее плавание не пошлют!» И снова сделал пометку на листе бумаги.

Игорь Васильевич никогда не писал в блокнотах. Брал лист хорошей белой бумаги, складывал его пополам и записывал все необходимое своим не слишком крупным и не слишком разборчивым почерком. На листке бумаги получалось нагляднее, можно было все вопросы охватить разом, единым взглядом. Сопоставить их, сравнить. А в записной книжке, казалось ему, все дробилось, расплывалось по страницам. К тому же на каждое дело не будешь заводить записную книжку, а путать одно с другим Корнилов не любил. Так и хранились у него в сейфе пачки сложенных пополам листов бумаги. Каждый листок — дело. «Доживу до пенсии, — шутил подполковник, — начну по этим листкам писать мемуары».

Он опять подумал о заявлении покойного старпома и поморщился: «Хорошо все-таки, что я работаю в уголовном розыске, а не занимаюсь разбором жалоб и служебных проступков!»

Корнилов всегда считал, что копать в мелких и гнусных делишках людей сложнее, чем работать с откровенными преступниками.

«Никогда не знаешь до конца, с кем имеешь дело, — думал Корнилов. — Но «клиентов»-то поставляют нам они. Колеблющиеся».

Он вызвал Варвару, секретаря отдела. Спросил:

— У тебя, Варюха, как с гражданским правом?

Варвара училась на юрфаке. На вечернем отделении.

— Зачетку показать? — улыбнулась она,

— Мы, Варюха, строим свои отношения с сотрудниками на доверии. Следовало бы давно усвоить.

— По гражданскому праву у меня трешник. На последней сессии схватила, — вздохнула Варя.

— Н-да-а, — огорчился Корнилов. — А я-то хотел с тобой проконсультироваться. Ну да ладно, обойдусь.

Варвара, иронически поджав губы, смотрела на подполковника. Но глаза у нее улыбались.

— Да, а морское право изучают нынче в университете? — поинтересовался он.

— Изучают. Факультатив. У меня пятерка!

— Ух ты! Поздравляю. А кто у вас главный специалист?

— Профессор Малинин.

— Ну ладно, Варя. Ты меня еще проконсультируешь по гражданскому праву. Когда пятерку будешь иметь. А сейчас предупреди Бугаева и Лебедева, чтобы зашли ко мне через полчаса. В шестнадцать ноль-ноль.

Варвара была уже в дверях, когда он спросил ее:

— А с криминалистикой как у тебя?

— Пятерка!

— Смотри! Чтобы здесь было все в порядке. Закончишь университет, зачислим в отдел. Не морским же правом тебе заниматься.

— А почему бы и нет? — спросила Варвара с вызовом. — Вы меня здесь опять чай заставите на совещаниях готовить.

Корнилов погрозил ей пальцем.

«Жаль, что Белянчикова нет, — подумал он, когда за Варварой закрылась дверь. — Его бы к этому делу подключить!»

Юрий Евгеньевич уже неделю как загорал и купался в Прибалтике. Только что получил наконец майора. Успели перед отпуском отметить.

Белянчиков был колючим и трудным человеком, иногда чересчур упрямым, но споры с ним, как ни странно, помогали подполковнику или укрепляться в собственном мнении, или быстро находить свою ошибку. К тому же Юрий Евгеньевич был до предела собран. Они с Корниловым были совершенно разные. Некоторые черты характера Юрия Евгеньевича даже раздражали полковника, но с годами он научился не обращать на них внимания. Относился как к неизбежному злу. Главное,

что человеком Белянчиков был надежным. Надежным во всех отношениях...

В оставшееся до совещания время Игорь Васильевич наметил первоочередные дела. На листке появились новые записи:

«Куда ехал Горин? Узнать дома, у соседей».

«Съездить на место катастрофы».

«Это я, пожалуй, сделаю сам, — решил Корнилов. У него было твердое правило — место происшествия он должен был знать досконально. — Может быть, там поблизости есть дома? Похожу, людей порасспрошу. И на Карельском перешейке я давно не был. Там сейчас красота! А не лукавите ли вы, товарищ подполковник? Может, потому и решили сами съездить, что озона глотнуть захотелось? — Но тут же он успокоил себя: — Нет, не лукавлю. Дело есть, дело».

«Познакомиться с характеристиками всех, кого обвинил старпом в своем письме. Выяснить все, что знают о них в пароходстве».

Выяснить, где был в тот вечер каждый, о ком говорится в письме».

Игорь Васильевич задумался. Ну что ж, ничего не поделаешь. Хочешь не хочешь, а надо определить круг причастных к этому делу лиц. И те, кого обвинил Горин, — первые в этом круге.

Ровно в шестнадцать часов пришли Бугаев и Лебедев. Уселись поудобнее. Бугаев, как всегда, придвинул к себе стопку чистой бумаги, начал рисовать смешные угловатые рожи. Лебедев сидел настороженно, словно ожидал, что его будут за что-нибудь ругать.

— Семен, как продвинулось дело с квартирными кражами? — спросил подполковник.

— Продвинулось очень далеко, Игорь Васильевич, — с наигранной бодростью ответил капитан.

— Вот как? Чего же мне не докладываете? Вместе бы порадовались. Насколько я помню, в конце прошлой недели на Заневском проспекте обворовали две квартиры.

— Сегодня утром еще две кражи. Но уже в Гатчине. Почерк тот же. — Бугаев с ожесточением принялся зачеркивать только что нарисованную рожицу.

Корнилов вздохнул.

— У соседей запрашивали? Нет у них похожих краж? — Квартирные кражи уже неделю не давали подполковнику покоя.

Бугаев кивнул.

— Запрашивал. Там тихо.

— А нам тут еще одно дело подбросили. Прокуратура ведет. Подозрение на убийство...

Игорь Васильевич подробно пересказал сотрудникам все, что узнал у Кондрашова о гибели старпома. Дал почитать дело и заявление Горина.

— Ну и шуточки! Лихим надо быть человеком, чтобы на такое решиться! — покачал головой Бугаев. — Это знаете ли... Я бы сказал, некоторое безрассудство.

— А ты, Саша, почему молчишь? — обратился Корнилов к Лебедеву. Он всегда очень внимательно следил за первой реакцией своих помощников на события.

Лебедев пожал плечами. Он был неразговорчив. Производил даже впечатление тугодума и увальня, но в деле был скор и очень приметлив. Мельком увидев фотографию человека, он узнавал его даже через несколько лет, в толпе.

— Ну, роди чего-нибудь.

— Родить-то нечего. Какое-то несуразное дело, — выдавил наконец Лебедев, и Корнилов обрадовался тому, какое точное слово нашел инспектор. Он был не согласен со следователем, который назвал дело неприятным. Приятных дел ни в прокуратуре, ни в угрозыске не бывает.

— Несуразное, несуразное! — повторил он. — Ты в самую точку попал. И тем не менее нам им придется заняться.

— Если люди не причастны к катастрофе — это легко проверяется, — сказал Лебедев. Ободренный похвалой Корнилова, он вдруг разговорился: — Проверим, кто где находился в это время, выясняем алиби каждого...

— И делаем вывод, что никакого убийства не было. Несчастный случай? — ехидно спросил Бугаев.

— Ну знаешь, не проверять же алиби их родственников и друзей!

— Но можно сделать и другое предположение, — задумчиво сказал Корнилов. — Кто-то из экипажа испугался, что начнется большая проверка и вскроются его неблагоприятные дела, о которых Горин знал; но почему-то не написал...

— В этом что-то есть! — пробормотал Бугаев, и Лебедев кивнул головой, соглашаясь.

— Идти будем с разных концов, — Корнилов подвинул к себе листок с записями. — Лебедев поедет в пароходство. Ты, Семен, выяснишь все о капитане...

Отпустив сотрудников, Корнилов пригласил секретаря, поручил запросить сводку погоды за третье июля в районе Репина и Зеленогорска.

«Одно дело разговоры про дождь, другое — точная справка, — решил он. — Если сегодня будет похожая погода, сгоняю на сорок девятый километр. Посмотрю, как там все выглядит в сумерках».

Корнилов взглянул на календарь. Белые ночи-то идут на убыль! Сегодня пятое... Старпом разбился третьего. На сколько же день убавился? По календарю выходило, что на восемь минут. «Поеду пораньше, — подумал подполковник. — А может быть, взять с собой Олю? Совместить приятное с полезным. Она ведь тоже на Карельском давно не была».

Корнилов обрадовался возможности съездить с женой, но тут же и отверг идею. Ему нужно быть внимательным, собранным. Люди в таких случаях мешали ему, отвлекали. Не только разговорами, репликами. Даже просто своим присутствием.

Однако без помощи одного человека Корнилов обойтись не мог. Он позвонил начальнику ГАИ полковнику Седикову и попросил разыскать автоинспектора, который первым прибыл на место катастрофы. Седиков уже знал, что аварией на Приморском шоссе занялся угрозыск.

— Пусть инспектор подъедет на сорок девятый, — сказал Игорь Васильевич Седикову. — Но не сейчас, а к двадцати трем.

— Чего-то ты на ночь глядя собрался? — удивился полковник.

— На белую ночь глядя! — засмеялся Корнилов. — Хочу побывать на месте. Понюхать, чем морской воздух пахнет.

— Мазутом нынче пахнет, Игорь Васильевич, — ответил Седиков. — А вообще-то вы, сыщики, неглупый народ, — сказал он с уважением. — Зря ничего не делаете. Может, и мне подъехать?

— Отдыхай, товарищ начальник. Набирайся сил для борьбы за звание города самых дисциплинированных водителей!

— Чтоб тебе!.. — Седиков беззлобно выругался и повесил трубку.

Варвара принесла метеосводку. Третьего июля в Зеленогорске от двадцати одного тридцати до двадцати двух пятидесяти — проливной дождь, гроза. Температура воздуха двадцать один, температура воды девятнадцать, влажность девяносто один процент...

— Ну а после дождя-то что? — прочитав сводку, спросил Корнилов. — Облачно? Ясно?

Варя пожала плечами.

— Больше у них ничего нет.

— Ну ладно! — он махнул рукой. — Я вот к Васе Алабину хочу заехать. У нас в буфете апельсинчиков или яблок нет?

— Какие сейчас апельсины? — засмеялась Варя. — А в яблоках давно никаких витаминов нет. Да и не любит их Алабин. Уж если что покупать — надо на рынок за черешней ехать.

Корнилову сразу вспомнился разговор с матерью за обедом.

— А ты откуда знаешь, что Алабин любит? — спросил подполковник и внимательно посмотрел на Варю.

— Знаю. Зато вы, Игорь Васильевич, хоть и заместитель начальника угрозыска, а многого не знаете.

— Ну-ну-ну! — искренне удивился Корнилов. — Я, кажется, опять узнаю новости последним!

Он и правда обо всех управленческих обыденных новостях узнавал в последнюю очередь. Так уж получалось, что сотрудники, даже те, с которыми он проработал долгие годы, стеснялись рассказывать ему о том, у кого и что происходило дома. О предстоящей свадьбе или о рождении ребенка он узнавал только тогда, когда Варвара, заходя с деловым видом к нему в кабинет, сообщала: «Игорь Васильевич, у капитана Бугаева сын родился. Мы тут собираем по трешке...»

— Значит, ты на Василии остановилась?

Варвара покраснела:

— Игорь Васильевич!

— Ну это, знаешь, еще как начальство посмотрит! — продолжал Корнилов, не обращая внимания на ее смущение. — Алабин парень хоть куда, жених завидный, а тебе еще надо над собой работать. У тебя характерец... Даже мне грубишь,

— Игорь Васильевич! — снова с укором сказала Варвара.

— Рынок Некрасовский открыт? — спросил он.

— Да.

— Ну, слава богу. Он тут недалеко. А то небось служебную машину попросила бы, а я не дам. — Он достал десятку. — Купи ему черешни. Побольше.

— Обойдется двумя килограммами, — сказала Варя. — Завтра я еще принесу. Значит, машину не дадите?

Корнилов развел руками.

4

Василий Алабин, бывший сотрудник Управления уголовного розыска, проработал вместе с Корниловым недолго. Молодой, способный, он был назначен заместителем начальника угрозыска Василеостровского района и, участвуя в прошлом году вместе с подполковником в задержании опасного преступника, был тяжело ранен. Больше месяца он лежал в реанимации, трижды его оперировали, и выжил он чудом. Поправлялся Василий медленно, и все уже считали, что вернуться на работу он не сможет, так и останется пенсионером. Но после двух месяцев, проведенных в Кисловодске, Алабин ожил.

Вечером, уезжая из управления к старшему лейтенанту, Корнилов поинтересовался, не возвратились ли Бугаев и Лебедев. Обоих еще не было.

Алабин сидел дома, разыгрывал партию Карпов — Портиш. Он выглядел уже не таким дистрофиком, как в первые дни после выхода из больницы, но цвет лица у него был землистый. Приходу подполковника Василий обрадовался, засуетился, порываясь приготовить ужин, но Корнилов его остановил:

— Вася, ты же знаешь, что меня жена все равно заставит дома ужин есть, голоден я или сыт. Так что давай по кофейку... — Он пошел следом за Алабиным на кухню, положил пакет с черешней на стол.

— Это тебе секретариат прислал.

— Чегой-то она? — удивился Василий. — Я еще вчерашнюю не съел.

— Ты, Вася, поднажми. Завтра она новую принесет. — Корнилов еще раз посетовал на свою невнима-

тельность. Алабин даже не удивился, когда он передал ему черешню от имени Вари. Небось все в управлении знают, что скоро свадьба, и Алабин считает, что начальство тоже в курсе.

— У твоей Варвары, — пустил подполковник еще один пробный шар, — видать, своя теория, что лечить надр с помощью черешни.

— А чего меня лечить? — улыбнулся Алабин, выключая кофеварку. — Мне врачи уже сказали: через месяц комиссия — и шагай на службу.

— Поздравляю. Пора уже. А то ты чего-то толстеть начал.

Они сели пить кофе. Алабин вынул из холодильника половину торта.

«Небось тоже Варвара принесла, — подумал Корнилов, — или, наоборот, он ее тортами кормит».

Вася опять за чем-то полез в холодильник, пошарил там и, ничего не достав, захлопнул. Вид у него был немножко смущенный.

— Не переживай, Василий, — усмехнулся Игорь Васильевич. — Тебе, наверное, врачи еще не разрешили, а с кофе я только коньяк пью.

— Да у меня коньяка-то как раз и нет, — слегка порозовев, сказал тот. — А водку... К кофе-то... — И чтобы замять этот неловкий разговор, стал рассказывать, как приходили к нему два старичка из совета ветеранов.

— Что они, чокнутые, что ли? Даже если б меня вчистую списали, какой я им ветеран? Заседать с ними в стариковской команде? Дудки!

— Ну это ты, Василий, зря, — Корнилову стало чутьточку обидно за стариков, и он подсадовал на старшего лейтенанта. — Ветераны нам очень много помогают. Не знаешь, не берись судить!

— Лекции читают школьникам и домохозяйкам? — не сдавался Алабин.

— Да ты что ж, не знаешь, что они по оперативной части много делают? Среди них знатные специалисты своего дела есть!

— Может быть, и помогают, — нехотя согласился Алабин, — Только я-то тут при чем?

— Ты у нас уже ветеран! — сказал Игорь Васильевич. — Не у каждого же нашего работника медаль «За отвагу» есть.

— Ну а как там наши? — засмущавшись, спросил Василий.

Живут наши. Да чего тебе рассказывать. У тебя ведь, наверное, побольше моего информации. Только вот о последнем деле, наверное, не знаешь... — Игорь Васильевич рассказал старшему лейтенанту про аварию на сорок девятом километре.

Он пробыл у Алабина час, заехал домой, поужинал и в десять часов выехал по направлению к Зеленогорску...

Подполковник сразу увидел место катастрофы. Метрах в десяти за указателем «сорок девятый километр» был расщеплен и основательно закопчен ствол огромной сосны. На земле чернело огромное пятно, словно кто-то разлил бочку с мазутом.

Корнилов вылез из машины, посмотрел на часы. Без десяти одиннадцать. Они ехали всего пятьдесят минут.

Стояла тишина. Рассеянный, чуть розоватый свет, казалось, исходил от золотистых сосновых стволов, подчеркивая голубоватые тени, залегающие в глубине леса.

Пройдя шагов триста по обочине шоссе, Игорь Васильевич вернулся к месту происшествия, внимательно осмотрел каждый метр.

Еще на одной сосне зияла свежая рана, лохмотьями висела кора и веером торчали щепки. Обильно сочилась, заживляя больное место, смола. «Сюда он ударился вначале, — подумал подполковник. — Его развернуло и припечатало к той сосне. Около нее он и горел. Наверное, ехал с сигаретой? Но ехал он... — Корнилов покачал головой. — Скорость, наверное, была весьма приличная!»

Неподалеку, на маленьком сухом взгорке, поросшем жиденькой травой, лежало толстое короткое бревно. Игорь Васильевич присел на него и вынул сигарету, но закуривать не стал. Пожалел дымить на таком благодатном, морском, настоящем на хвое воздухе. Шофер включил в машине радиоприемник. Тихая, неназойливая музыка неслась среди сосен. И только редкие машины, вздымая упругие волны нагретого за день воздуха, словно стремительные жуки, проносились мимо. Корнилов встречал и провожал взглядом каждую.

...Ослепить фарами старпома не могли. Совсем светло. И через полчаса еще не стемнеет. Поворот здесь хоть и крутой, но вот что странно, подумал подполковник: если кто-то поджидал старпома с булыжником в руке, то Горин должен был бы его видеть. Этот человек скорее всего стоял в центре излучины, отсюда кинул камень, шофер инстинктивно зажмурился, не вывернул руль и... Машину еще пронесло метров тридцать.

Да, каждому водителю, едущему из Ленинграда, хорошо был бы виден человек, кидавший камень. С другой стороны шоссе он стоять не мог — не видел бы сам, в кого бросать. И этот человек знал, что Горин поедет здесь поздним вечером...

На ярком милицейском мотоцикле с коляской подъехал инспектор. Свернул с шоссе, поставил мотоцикл рядом с «Волгой». Спросил что-то у шофера. Тот кивнул на Корнилова. Подполковник взглянул на часы. Было ровно одиннадцать. Прошло всего десять минут, как он здесь, а казалось — часы.

Старший лейтенант Коноплев пересказал Игорю Васильевичу все, что увидел, прибыв на место аварии. Подполковник, вспомнив его справку, прочитанную в деле, мысленно похвалил Коноплева за то, как точно и четко она была составлена.

— Вы помните, Коноплев, кто был здесь, когда вы приехали?

— А как же, товарищ подполковник! В протоколе указаны четыре водителя...

— Это я читал. Но, может быть, кто-то торопился уехать. Да всех и невозможно в протокол внести.

— Нет. К моему появлению только четыре машины стояли...

— Каких-нибудь пьяных пешеходов не видали поблизости?

— Людей в это время немало гуляет. Особенно молодежи. Но пьяных... Ну, таких, чтобы в глаза бросались, — не видел. — Старший лейтенант задумался, словно пытался еще что-то припомнить. Лицо у него было круглое, чуть-чуть опухшее, обожженное морозами и солнцем, загорелое. Только у самых волос на лбу светлела полоса. От шлема.

— А что вдруг такой интерес к аварии? — спросил он. — Прокуратура тут была, вы теперь. Если не секрет?

— Врагов погибший себе много нажил. Вот и проверяем. А вы-то сами что думаете?

Старший лейтенант пожал плечами.

— Несчастный случай — ясное дело. Ведь у него скорость-то какая была?! Да что! Гнал как леший. Да я ж его сразу на заметку взял. В Солнечном дежурил — смотрю, идет с превышением. Я в Зеленогорск позвонил. А то, что он загорелся... — Инспектор на секунду задумался. — Редко, но бывает. — Он вздохнул. — Я тут на трассе всякого насмотрелся.

— Давно в ГАИ?

— В январе второй червонец разменял. Как с армии демобилизовался, так в органы... А этот случай простой. Может, кто впереди выскочил... Вы вот на пьяного пешехода намекали. Вынырнет внезапно из кустов на проезжую часть... Это дело обычное, но в таком разе тормозил бы погибший. А тормозного следа-то нету? Нету, товарищ подполковник. — Он смешно развел своими крупными ладонями.

— Вам видней. Теперь уже время прошло...

— Не было его. После того, как пожар потушили и «скорая» пришла, я перво-наперво посмотрел. Не было. Покойник так с налету и вбухался. Может, с рулем что...

— С рулем полный порядок. Экспертиза проверила.

— Ну, зазевался, асфальт мокрый. И понесло.

— Все правильно говорите, старший лейтенант. Только откуда камень в салоне?

Коноплев огорченно потер щеку.

— Да, про булыжник мне говорили. Я-то ведь не заметил. Его после отыскиали, когда весь автомобиль распатронили. Булыжник непонятный, товарищ подполковник. С собой-то кто ж в машине его повезет? Одна грязь от него.

— Ну ладно, — сказал Корнилов. — Можете ехать. Я тут еще посижу немного. Если что в голову интересное придет — позвоните.

Старший лейтенант уехал.

Какой-то пожилой мужчина, оглянувшись по сторонам, перешел дорогу. Мужчина внимательно посмотрел на Корнилова, на машину, стоящую поодаль, и пошел по дороге в глубь леса, туда, где среди деревьев виднелось несколько дач.

— Товарищ, — негромко позвал подполковник. — Вы не смогли бы уделить мне несколько минут?

— Я? — удивился мужчина. — Пожалуйста. — Он подошел к Корнилову. Посмотрел на него вопросительно.

— Подполковник Корнилов из уголовного розыска, — представился Игорь Васильевич. — Присаживайтесь, не стесняйтесь.

— Очень приятно, — машинально отозвался мужчина. — Иван Александрович Панов. Преподаватель экономики. Кого-нибудь ищете? У нас тут дача, от дачного треста. Мы уже несколько лет снимаем. Ничего, спокойно.

— Не курите? — предложил ему сигареты Игорь Васильевич.

Панов закурил.

— У вас тут авария произошла...

— Да, неприятная история, — отозвался Иван Александрович, — водитель погиб. Вечером сильный ливень прошел, дорога мокрая, а они ведь гоняют как шальные.

— Ливень-то за полтора часа до аварии пролился, — сказал Корнилов. — А здесь залив рядом. Ветерком все-таки обдувает асфальт. Сохнет быстрее.

Панов неопределенно пожал плечами.

— Вы сами, Иван Александрович, не видели, как это произошло?

— Нет. Я уже с прогулки домой пришел. — Он смущенно улыбнулся. — Я, знаете ли, закоренелый пешеход. Каждый день прохожу не меньше пятнадцати километров. Иван Петрович Павлов ходил, знаете ли... — Он махнул рукой. — Ой, да вы, конечно, все это знаете. Ну вот...

— А вы в тот вечер куда ходили?

— У меня маршрут один: сорок девятый километр — Зеленогорск и обратно.

— Машин много было?

— Нет. Как раз обратил внимание, что шоссе почти пустое. Как сейчас. Ну вот, когда я услышал удар, а затем взрыв, — продолжил наконец свою мысль Иван Александрович, — то оделся и выбежал... И сын выбежал со мной. Студент. Машина горела. Там были уже люди. Стояло несколько автомобилей. Люди тушили огонь. Из огнетушителей. Мы с сыном сбегали за

лопатами, пытались гасить землей. Очень быстро приехала милиция. Стали доставать водителя... Я ушел.

— Иван Александрович, а номера автомобилей, которые стояли рядом с местом аварии, вы не запомнили?

Корнилов хотел уточнить, всех ли водителей, приехавших первыми, запомнил автоинспектор.

— Нет, не помню, — сказал Попов. — В таких случаях главное внимание пострадавшим.

— Да, да, — согласился подполковник и задумался на секунду. — Вы, значит, слышали сначала удар и сразу взрыв.

— Не сразу. Взрыв чуть позже. Ну через минуту... Но удар был очень сильный. Гулкий. Я сказал: что-то случилось. Мы стали одеваться, и тут взрыв.

— А тормоза?

— Что тормоза? — не понял Панов.

— Скрипа тормозов не слышали? Они же так резко скрипят.

— Тормозов я не слышал, — покачал головой Иван Александрович.

— А когда вы бежали из дому к месту катастрофы, никто не шел вам навстречу. Никого не видели?

— Никого. Дорога была пустая. — Панов посмотрел на заросший травой проселок, словно вспоминал, и повторил: — Нет, никого не встретили. А вы думаете, кто-то неожиданно перебежал шоссе?

«Вот эту же мысль и инспектор мне подсказывал, а самому она мне почему-то не пришла в голову! — досадуя на себя, подумал Игорь Васильевич. — Камень меня все время отвлекает».

— Может быть, — сказал он, — или какой-нибудь хулиган камень бросил.

— Вы думаете, и такое возможно? — В голосе Панова чувствовались скептические нотки.

— Иван Александрович, а соседи ваши, из других дач, не приходили? — Корнилов кивнул на почерневшую сосну.

— Нет, они спать рано ложатся.

Подполковник поблагодарил Панова, и тот ушел. Вид у него был несколько озадаченный. Неожиданно он вернулся с подороги и сказал:

— Вы на меня только, пожалуйста, не обижайтесь, но хочу дать один совет. У вас лицо немножко отечное

и бледное. Ходите побольше пешком. Станете настоящим пешеходом — восемьдесят лет гарантирую.

— Спасибо. Попробую, — усмехнулся Корнилов и долго смотрел вслед удалявшемуся прыгающей походкой Панову.

Небо чуть поблекло, исчез розоватый отсвет, все вокруг словно поглубело. Но было еще вполне светло. Игорь Васильевич нашел сухую длинную палку и очень внимательно, дотошно ворошил этой палкой всякий хлам на том месте, где горела «Волга» старпома: мелкую гальку, шишки, черные маслянистые тряпки, обрывки каких-то бумаг, крупу автомобильного стекла. Почва была здесь песчаная, сухая, с редкими травинками. Подцепив одну из тряпок, Корнилов почувствовал, что она тугая и тяжелая. Он попробовал растрепать ее и вдруг увидел что-то яркое. Нагнувшись, он осторожно двумя пальцами взял ее и развернул. Это был обгоревший японский зонтик. Женский складной зонтик с крупными красными цветами на розовом поле. Игорь Васильевич принес его к машине, завернул в газету.

— Есть поживка, товарищ подполковник? — пожилой шофер смотрел на зонтик с любопытством.

— Есть, — удовлетворенно ответил Корнилов. — Теперь надо только узнать, имеет ли он какое-нибудь отношение к машине. И к делу.

Когда возвращались в Ленинград, Корнилов спросил шофера:

— Дмитрий Терентьич, ты сколько лет машину водишь?

— Да уж скоро двадцать пять, — ответил тот с гордостью.

— Ты мне вот что скажи: если тебе какой-то обалдуй камнем в стекло запустит? Запустит так, что ты невольно глаза зажмуришь, — твоя первая реакция?

— На тормоз, товарищ подполковник. Тут уж нога сама сработает. Иначе крышка.

— Вот-вот! — согласно кивнул Игорь Васильевич. — А в протоколе осмотра указывалось на отсутствие тормозного следа...

Проехали Лисий нос, Лахту. Вдали в белых сумерках светились огни города.

Утром Корнилову докладывали Бугаев и Лебедев.

— Был я в отделе кадров пароходства, — сказал Лебедев. — Посмотрел характеристики. С такими характеристиками можно каждого хоть в министры морского флота. А ими угрозыск и прокуратура занимаются...

— Без лирики, — строго сказал подполковник.

— Заслуживают внимания такие факты, — будничным тоном произнес Лебедев. — Погибший старпом Горин плавал с капитаном Бильбасовым двенадцать лет. Бильбасов все время капитаном, а Горин начинал при нем четвертым помощником.

— Вырос товарищ, — неопределенно сказал Бугаев.

— Остальные тоже подолгу с Бильбасовым плавают. Один только директор ресторана новый Зуев. Но и он третий год ходит.

— А почему теплоход не в рейсе? Выяснил? Сейчас же самое горячее время?

— Месяц назад в Бискайском заливе они попали в сильный шторм. Обнаружились какие-то неполадки в машине. Работы на несколько месяцев.

— Ну что ж, нам времени хватит, чтобы разобраться, — проворчал Игорь Васильевич. — Поручают тоже дельце...

Бугаев засмеялся.

— Чего смешного, Семен?

— Да как же не смеяться? После того, о чем старпом написал, вряд ли кто из этих мореплавателей еще раз в заграничку выйдет.

— Ты лучше доложи, что выяснил.

— Начну с капитана. Так вот: его третьего июля в городе не было. Ни днем, ни вечером, ни ночью. Ни в пароходстве, ни дома. И до сих пор нет! Собственно, в лароходстве я на всякий случай узнавал — он сейчас на бюллетене.

— Куда же он пропал? — насторожился подполковник.

— Никто не знает.

— А жена?

— Жены тоже нет. Она на курорте отдыхает.

— Может быть, он к ней и отправился?

— Нет, не отправился. Я с ней разговаривал по телефону, с Аллой Николаевной. Говорит, найдется муж.

— Еще какие у тебя чудеса?

— Старший механик Глуховский лежит с приступом стенокардии в больнице.

— Давно лежит?

— Лег за несколько дней до гибели старпома. После того, как узнал о письме в прокуратуру. Пассажирский помощник Коншин и штурман Труссов вместе с женами провели весь вечер в ресторане «Метрополь». Отмечали какую-то дату.

— Надолго куда не отлучались?

— Нет. Только каждые полчаса ходили звонить какому-то своему приятелю. Он тоже должен был быть с ними, но почему-то не пришел.

— Так и не разыскали они его?

— Не разыскали.

— Ну, кто там у нас еще? — спросил подполковник, раздражаясь от того, что никакого просвета в этом «несуразном» деле не намечалось.

— У нас еще директор ресторана. Зуев Петр Петрович. Человек пожилой, тихий и во всех отношениях положительный. Сидел, как и положено честному труженику, весь вечер дома, смотрел телевизор. В кругу семьи.

— Ладно, не будем время терять, — сказал Игорь Васильевич. — Ясности пока никакой. Надо хотя бы такую малость разыскать, как Бильбасов. Соседей не спрашивали?

— Спрашивали, — отозвался Бугаев. — Никто не знает, где он.

— Выясните у сослуживцев! Осторожно, тактично, но очень быстро. Ты займешься, Семен.

Бугаев кивнул.

— И сразу звони. Понял? А то вчера вечером от вас ни слуху ни духу.

— Нечем было порадовать, — сказал капитан. — А попусту не хотелось дома беспокоить.

— Что-то я раньше за тобой такой деликатности не замечал, — усмехнулся Корнилов и обратился к лейтенанту.

— А ты, Лебедев, вызови в управление на завтра четверых водителей, которые первыми подъехали к месту катастрофы.

Бугаев и Лебедев ушли.

Игорь Васильевич чувствовал себя скверно. Вся эта история с катастрофой никак не стягивалась в единый узел. Временами Корнилов склонялся к тому, что причина ее — несчастный случай. Но существовало письмо Горина в прокуратуру и полученные позже две анонимки о том, что со старпомом хотят разделиться.

Как ненавидел подполковник анонимки! Не раз схватывался с начальством на совещаниях и на партийных собраниях, доказывая, что анонимщик — уже преступник. Послав анонимное письмо, он совершает преступление против нашей морали и нравственности. Прямота и честность в отношениях между людьми подобны свежему воздуху. Анонимщик отравляет этот воздух подозрительностью и недоверием. А кто на таком балу правит?

Вот старпом Горин! Не побоялся поставить свою фамилию под заявлением. Бросил тяжелые обвинения зарвавшимся коллегам и собирался доказать свою правоту. Можно было, как говорит Кондрашов, и на открытом собрании, в коллективе стукнуть кулаком по столу. Но мы не знаем, может, уже стучал, доказывал, а капитана и его дружков прошибить не смог!

А тут анонимка! «Хотят разделиться!» — пишет безымянный трус. Бросить бы такое письмо в корзину, но начальство считает, что за каждой анонимкой — живой человек. Он, может быть, честен, да трусоват, и тут что подделаешь! Не каждый — Дон-Кихот! И потому — извольте проверять анонимные сигналы.

Как было бы приятно услышать от своих помощников о том, что все люди, названные в жалобе старпома, сидели в тот поздний час дома или хотя бы в ресторане, думал Корнилов. Считай, полдела сделано! В конце концов доискались бы, откуда в машине оказался камень. А с зонтиком проще. Он, конечно, из машины выпал, когда пожар тушили. Горин мог взять с собой зонт жены. Дождь же лил! Предъявим для опознания зонтик вдове, и все с ним будет ясно...

Но в том-то и заковыка, что не все сидели дома! Капитан Бильбасов ведь куда-то подевался! И придется проверять, где он пропадал, этот капитан, который, судя по письму Горина, главный виновник всех безобразий на судне. Придется проверять. Может быть, только для того проверять, чтобы доказать его полную непричаст-

ность к смерти старпома. И, как ни жаль было Корнилову тратить время, не проверять он не мог.

Корнилов позвонил Кондрашову.

— Василий Сергеевич, придется беседовать с Бильбасовым.

— Что, нашелся капитан?

— Нет, не нашелся.

— Побеседуй, у меня нет возражений, Если отыщешь...

— Спасибо, Вася, век не забуду, — иронически поблагодарил Корнилов. — А вы уже закончили проверку по заявлению?

— Ну... ты понимаешь, у нас тоже дел хватает, — стал мямлить Кондрашов. — Только развернулись всерьез.

— А результаты?

— Да какие ж тебе результаты? — обиделся следователь. — Это тебе не взломщика искать. Здесь доскональная проверка идет. Мы специалистов привлекли...

— Еще раз спасибо, Вася. Все ты мне разъяснил. Буду ждать, что скажут твои специалисты.

— Тебе-то зачем? — настороженно спросил Кондрашов. — Проверка может долго продлиться. А нам поскорее надо знать, не помог ли кто старпому на тот свет отправиться.

Корнилов повесил трубку.

Бугаев приехал в управление часа через два, хмурый и недовольный. Не балагурил, как обычно, сел молча в кресло и закурил.

— Ничего? — спросил Корнилов, хотя и так все было ясно. Спросил, чтобы нарушить тягостное молчание. Бугаев мотнул головой.

«Неужели среди знакомых капитана нет ни одного человека, который бы знал, где он находится? — подумал Игорь Васильевич. — Смешно. Просто мы не можем этих людей отыскать...» Ему и в голову не могла прийти мысль, что Семен упустил хоть малейшую возможность найти капитана. В управлении работало несколько человек, на которых он полагался во всем. Бугаев был в их числе.

Это далось не сразу и нелегко. И дело было вовсе не в Бугаеве, или Белянчикове, или еще в ком-то из сотрудников. С ними Корнилов проработал не один год и прекрасно знал их способности, а главное — их на-

дежность. Как ни странно, загвоздка была в нем самом, в подполковнике Корнилове. Ему с трудом удалось приучить себя к мысли, что Бугаев и Белянчиков, например, могут провести розыск не хуже, чем он сам, что они, его ученики, хотя и такие различные и по характеру, и по взглядам, и по методам, смогут добиться результата, которого добился бы и он. Ему казалось — особенно если розыск складывался неудачно, — что будь на месте преступления он, уж какую-то зацепку удалось бы найти, на чем-то глаз обязательно бы задержался. Его глаз. Но ведь нельзя было заставить людей смотреть на мир его глазами...

— Ни сослуживцы, ни соседи ничего не знают, — сказал Бугаев. — Утром в день катастрофы капитан был дома. Ему звонили из пароходства. Из отдела кадров. Он сам звонил жене в Сочи. А вечером телефон молчал.

— Кто ему звонил?

Бугаев вытащил из кармана блокнот и раскрыл его.

— В шесть часов звонил Коншин. Около восьми же на стармеха. Она пришла из больницы от мужа и сразу же позвонила. Как всегда. «Старик» просил поблагодарить капитана за письмо и фрукты, которые тот посылал ему...

— «Дед» просил...

— Что? — не понял Бугаев.

— «Дед» просил поблагодарить, — усмехнулся Корнилов. — На флоте стармеха называют «дедом», а не «стариком».

— Какая разница?! — сердито сказал Семен.

— Если скажешь так при генерале, он тебя уволит из органов. Он так же, как и я, любит точность и вдобавок сам бывший моряк.

— Он меня и так уволит. — Бугаев наконец-то улыбнулся. — Но кое-что я все же узнал! Этот Бильбасов, наверное, ловит рыбку. Или делает вид, что ловит.

— Выкладывай, — заинтересовался Корнилов.

— Ну... во-первых, он заядлый рыбак. Это все говорят. А во-вторых, одна соседка видела, как он уходил из квартиры с удочками.

— Время?

— В этом-то и загвоздка! — в сердцах стукнул себя кулаком по колену капитан. — Время она помнит,

а день — нет! Без двадцати семь, говорит, выскочила на улицу, мужу «маленькую» купить, а капитан удочки в машину укладывает...

— Какая машина?

— «Жигули». Тетка время запомнила — торопилась в магазин, боялась — «маленькую» до семи не успеет купить, а день не помнит.

— А муж? Может, он помнит, в какой день его жена угощала?

Бугаев безнадежно махнул рукой.

— Они каждый день пьют, склеротики!

— Да... «Жигули», семь часов, рыбалка, — пробормотал озабоченно Игорь Васильевич. — Рыбалка, рыбалка. Он где живет, капитан?

— На бульваре Профсоюзов. Дом пятнадцать...

Корнилов мысленно прикинул расстояние ближайшего к бульвару Профсоюзов магазина, где продавали бы любимую всеми рыбаками наживку — мотыля... Уж если он действительно заядлый рыболов, то за мотылем-то заехал!

— Фотография Бильбасова есть?

Бугаев вытащил из кармана и протянул Корнилову фото.

— Имеем шанс, — хитро улыбнулся подполковник.

— Да ведь я с ребятами в его доме все квартиры обошел, в ЖЭКе был... — обиделся Бугаев.

— Ну и самомнение у вас, капитан! Как будто не числится за вами грешков.

— А за кем их нет, товарищ подполковник? Но сегодня...

— Некогда мне по квартирам ходить, вашу работу проверять, — сказал Игорь Васильевич. — У меня другая идея появилась. Только тебе не понять, ты рыболов липовый. В тебе заядлости нет...

6

Но осуществить свою идею подполковнику удалось лишь на следующий день.

Как только Бугаев вышел, Корнилову позвонили из приемной, сказали, что с ним хотела бы встретиться вдова Горина, Наталья Николаевна.

Игорь Васильевич чуть было не сказал, чтобы ее направили к следователю, но передумал: «В конце кон-

цов она кстати... Не придется посылать к ней Бугаева, выясню про зонтик сейчас. Только что ей-то нужно от уголовного розыска? Или она тоже подозревает, что с аварией дело нечистое?»

Через несколько минут вошла невысокая миловидная женщина, одетая в серый легкий костюм, хорошо сшитый, но не броский. И сама она выглядела очень скромно. Ничего яркого — ни зеленых или синих теней на веках и под глазами, ни яркой помады. Однако во всем ее облике, в кажущейся простоте одежды чувствовались большой вкус и достоинство. Ничто не выдавало постигшего Горину несчастья. Только глаза, погасшие, казалось, потерявшие всякий интерес к жизни.

— Я завтра возвращаюсь в Нальчик — мама тяжело больна... — тихо сказала Наталья Николаевна.

Корнилов кивнул.

— Перед отъездом решила поговорить с кем-нибудь из милиции... Мне сказали, что занимаетесь этим делом вы... Какое-то странное совпадение, — она помедлила, будто подбирая слова. — Я вчера съездила к нам на дачу. В Рощино. Вы знаете, там замок сломан. Кто-то был. И, наверное, не воры — ничего не украдено. А Юрин стол письменный взломан. И все бумаги разрыты.

— Что ж вы сразу не сказали нам? — с мягким укором сказал Корнилов. — Может быть, в Рошине милицию предупредили?

— Нет. Понимаете... — она опять помолчала. И Корнилов почувствовал, что не слова она подбирает, а ей просто тяжело говорить. — Как-то не об этом все думалось. И вот еще, — она достала маленькую черную коробочку, очень красивую, но помятую. — Я нашла в Юриной замшевой куртке. Подкладка разорвалась... — Наталья Николаевна открыла коробочку. Там на голубом шелке сверкало кольцо с золотой розочкой, в центре которой был вделан крупный бриллиант. — У нас таких вещей никогда не было. Я подумала, что Юра привез мне из последнего рейса красивую подделку. Попросила подругу показать в комиссионном. Кольцо оценили в шесть тысяч рублей. Значит, оно чужое. Наверное, Юра должен был его передать кому-то, рано или поздно этот человек найдется и предъявит на кольцо свои права...

— Вы уверены, что это чужое кольцо? — спросил

Корнилов. — Может быть, муж хотел сделать вам сюрприз?

— Я же сказала: это кольцо не наше. Такое кольцо не могло быть нашим...

— Да, да. Раз вы настаиваете... Мы сейчас составим акт.

На лице Натальи Николаевны промелькнула гримаса недовольства. Разговор ее утомил, а предстояли еще формальности.

Корнилов попросил секретаря вызвать Бугаева, а сам лихорадочно соображал, что же делать с зонтиком. Предъявить для опознания обгоревший зонтик показалось теперь ему безжалостным. Это значит снова вызвать в душе женщины смутение и ужас, только что пережитые. «Что же делать, что же делать?» — думал он и неожиданно для себя спросил:

— Наталья Николаевна, у вас есть японский зонтик? Складной, с красными цветами на розовом поле?

Она посмотрела на подполковника как на сумасшедшего, но выдержка и здесь ей не изменила.

— Есть, но не такого цвета. Я не переношу слишком яркие вещи.

— Простите за назойливость, муж никогда не привозил вам зонтик именно такого цвета?

— Нет, нет. Он хорошо знал мой вкус.

Корнилову показалось, что она вот-вот расплчется от его вопросов, но в это время вошел Бугаев.

Они составили протокол о передаче кольца с бриллиантом, подписали.

Игорь Васильевич спросил у Гориной:

— У вашего мужа было много друзей?

Она неопределенно повела плечами. Посмотрела на Корнилова с укором. Подполковник видел, что ей больно говорить сейчас о муже...

— Я понимаю, что это не праздное любопытство. Только зачем все это? Человека нет...

— Вы знали, Наталья Николаевна, что он написал жалобы на капитана и некоторых других сослуживцев?

— Ах, это?! Ну да, я со своими бедами совсем забыла о чужих. Извините. — Корнилов чувствовал, что Горина говорит очень искренне, без тени сарказма. — Мне муж говорил. Он даже... — Она хотела добавить что-то, но передумала. Махнула рукой. — У него было мало хороших друзей. Не могу объяснить точно поче-

му. Юрий Максимович человек непростой. Безусловно, честный... Ему трудно все доставалось. Учеба, продвижение по службе, какие-то житейские мелочи, которые другим достаются походя, становились для него неразрешимой проблемой. Если бы не Владимир Петрович Бильбасов, он до сих пор плавал бы каким-нибудь последним помощником. Юре даже жена досталась трудно. — Горина чуть виновато улыбнулась. — Моя мама говорила, что Юра меня «выходил». А брак наш, как видите, не удался.

«Что она имеет в виду? — подумал Игорь Васильевич. — Жили они плохо, что ли? Или смерть мужа?»

Бугаев сидел молча, украдкой внимательно разглядывал Горину.

— Да, с друзьями у него как-то не получалось... — продолжала Горина задумчиво. — Ни с кем долго не дружил. А старался. Он был очень самолюбив, хоть и прятал самолюбие глубоко в себе. Старался казаться рубахой-парнем, вечно организовывал самодеятельность, сам пел, придумывал какие-то аттракционы... Но его уязвляли легкие успехи других, он тяжело переживал это, прятал от всех свои переживания. Только ведь люди чувствуют это. Но и врагов у него не было. Так, разойдутся незаметно, без злости... — Она неожиданно поднесла руку к глазам и всхлипнула. — Простите. Не могу об этом.

— Вы меня, Наталья Николаевна, извините. Не вовремя я со своими расспросами, — сказал Корнилов смущенно. — Мы теперь должны поехать к вам на дачу.

— Да, конечно, — кивнула она, вытирая глаза платочком. — Я ведь из-за нее и пришла. Может быть, у Юры хранились там в столе важные бумаги и кто-то решил воспользоваться? — Она порылась в сумочке и, достав связку ключей, положила на стол.

— Адрес я сейчас напишу...

— Наталья Николаевна, — мягко сказал Корнилов. — Нам нужно ехать вместе.

— Что вы, это невозможно. У меня билет на самолет. Вылет рано утром. Надо собраться. Нет, нет, я не смогу поехать.

— Вы не беспокойтесь. На машине мы обернемся очень быстро. Потом доставим вас домой...

— На машине? — в ее голосе явственно сквозил страх.

«Сколько ей лет? — подумал подполковник. — Двадцать пять? Тридцать? Выглядит совсем молодо. Такие женщины, наверное, до старости выглядят молодо».

— Я вас очень прошу.

— Ну что ж, раз это обязательно... — обреченно вздохнула Горина.

— Вы посидите пять минут в приемной. Мы с капитаном вызовем нужных людей, машину...

Когда Горина ушла, подполковник в двух словах объяснил Бугаеву ситуацию.

— А теперь вызывай машину. И эксперта-криминалиста захвати. Предупреди шофера, чтобы ехал по верхнему шоссе, вдоль железной дороги. Незачем ей по Приморскому ехать. И быстро, быстро!

Бугаев ушел. Игорь Васильевич внимательно осмотрел коробочку с кольцом. Шесть тысяч — дорогая штука. Кольцо, женский зонтик в машине...

Он спрятал кольцо в сейф, посмотрел на часы. Было без двадцати четыре. «Часам к восьми вернемся», — подумал он.

Позвонил Бугаев:

— Машина у подъезда, товарищ подполковник.

Они спустились вниз, и Корнилов молча распахнул перед Гориной обе дверцы вишневой «Волги» — впереди и сзади. Она села впереди. Подполковник с Бугаевым и экспертом Коршуновым сели на заднее сиденье.

...Дача стояла на окраине поселка среди сосен. Небольшой финский домик, недавно покрашенный в густой зеленый цвет.

— Калитка на замок не закрывается? — спросил Игорь Васильевич, когда они вышли из машины.

— Закрывается. И вчера была закрыта, — Наталья Николаевна просунула руку с ключом между реек калитки и открыла маленький замочек, висевший на щеколде. По красивой, засаженной штамбовыми розами тропинке они подошли к дому.

— Осторожно, — попросил Корнилов хозяйку. — Мы сначала с экспертом осмотрим. — Он с досадой подумал о том, что с ними нет служебной собаки. Проводник-кинолог райотдела уехал в питомник за новой овчаркой.

— Эта дверь в порядке. Сломали другую, на веранде. — Наталья Николаевна повела их вокруг дома.

Дверь на веранде была взломана самым примитивным способом — отжата лопатой. Старая лопата валялась тут же.

— Лопата ваша? — спросил Игорь Васильевич, Наталья Николаевна кивнула.

— Ищи, не ищи, на этой лопате никаких отпечатков не найдешь, — сказал эксперт. Потом он обработал ручку, дверь с веранды в комнату.

Корнилов прошел в дом. Комнаты выглядели уютно и красиво. Совсем не ощущалось налета сезонности, так характерной для дачи. Хозяева сделали все, чтобы чувствовать себя как в городской квартире. Сразу угадывалось присутствие моряка. Окно в одной из комнат, сооруженное из старинного штурвального колеса, морской хронометр на стене, модели парусников на шкафу. И большая цветная фотография красавца теплохода на фоне какого-то экзотического города с пальмами. Игорь Васильевич подошел поближе и прочитал название лайнера: «Иван Сусанин».

Подробный осмотр дома дал кое-что интересное. Два ящика письменного стола были взломаны, бумаги, хранившиеся там, ворохом валялись на столе и на полу. Остальные ящики, по словам Натальи Николаевны, муж никогда не запирает. Но и там все было перерыто. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы увидеть беспорядок и в небольшом книжном шкафу. Некоторые книги, снятые с полок, лежали на шкафу, другие были перевернуты. Но самой интересной находкой оказались окурки сигарет в большой раковине, служившей пепельницей. Раковина эта стояла на маленьком столике рядом с креслом. Окурков было много, и все от сигарет «Филипп Моррис». А по утверждению Гориной, ее супруг курил только «Новость».

— Мы жили очень экономно, — сказала Наталья Николаевна. — Долго откладывали деньги на «Волгу», потом Юра решил как следует обставить квартиру и дачу.

Корнилов промолчал. Горина, наверное, истолковала его молчание как недоверие к ее словам и добавила:

— Вы не подумайте, что я ввожу вас в заблуждение. Дача досталась мне от папы. Юра хоть и зарабатывал немало, но ему очень хотелось создать комфорт. Даже вещи, которые он привозил из плавания, мы сдавали в комиссионный...

«То-то она от кольца отказалась. Даже представить не может, что такая дорогая вещь принадлежит ее мужу. Но кому же?»

— Да, «Филипп Моррис» — хороший подарочек, — радовался Бугаев. — Это вам не «Беломорканал»! Но столько накурить! Хорошему курильщику — и то не меньше двух-трех часов понадобилось бы!

— Из друзей и знакомых Юрия Максимовича никто не курил такие сигареты? — спросил Игорь Васильевич Горину.

— Не знаю. Я не обратила внимания.

— А капитан курит?

— Курит.

— А Юрий Максимович много курил?

— Да, больше пачки в день.

«Значит, курильщик «Филиппа Морриса» дымил здесь один, — решил Корнилов. — Может, и не один, но без хозяина».

Они вышли из дому.

— Ну вот, сейчас отправим вас, Наталья Николаевна, в Ленинград. Вместе с Дмитрием Терентьевичем. А мы с товарищами побродим по окрестностям, подышим воздухом.

— А как же вы доберетесь? — спросила Горина.

— У местного начальства машину позаимствуем! — сказал Корнилов. — А вам большое спасибо.

На этот раз Наталья Николаевна села на заднее сиденье. Машина тронулась, и Игорь Васильевич вдруг увидел, как она закрыла лицо руками и, по-видимому, заплакала. Но взревел мотор, и ее рыданий не было слышно.

— У вас нет, товарищ подполковник, такого предчувствия, что окурочки эти приведут нас к интересному человеку? И что вообще кое-какая логика начинает проявляться... — удовлетворенно сказал Бугаев. — Все эти штучки, — он кивнул на дачу, — сплошное любительство. А сигаретки...

— Сигаретки всякие могут быть, — возразил Корнилов, — помнишь «автомобильное» дело? Федяша Кашлев специально чинариков чужих принес.

— Ну-ну! — насмешливо откликнулся Бугаев. — Целую пепельницу чинариков «Филиппа Морриса» не каждый додумается припереть! Где их собираешь?

— Да я разве возражаю? — проворчал Игорь Ва-

Сильевич. — Серьезные улики. Серьезные. Но нельзя же так сразу и согласиться! Может быть, кто-то некурящий принес с собой пачку, чтоб следствие по ложному пути направить.

— Два часа дымил?

— Отстань. Давай делом займемся.

Корнилов огляделся. Неподалеку стояла еще одна дача, большая, двухэтажная, крашенная коричневой краской. А за соснами, метрах в пятистах, виднелся голубенький домик.

— Давай, Семен, пойдем спросим соседей. Может, видели кого-нибудь возле дачи Гориных, узнаем, давно ли он сам приезжал. А про сигаретки нам Иван Иванович завтра все разобъяснит. — Корнилов подмигнул эксперту, сидевшему на лавочке у забора.

— Разобъясню, — лениво отозвался Иван Иванович. — И не только про сигаретки, но и про «пальчики», которые на письменном столе нашел. Вот только когда сегодня мы домой попадем? Я даже жену не предупредил.

— А если не попадешь — не беда, — засмеялся Бугаев. — У меня тут, в Рощине, такие девчонки есть знакомые...

— Эх, Семен! — осуждающе сказал Корнилов. — Если бы ты работал так же, как болтал. Давай двигайся. Я пойду в этот дом, — он кивнул на двухэтажный, коричневый. — А ты подальше. Все-таки молодой, тебе пройтись полезно.

В саду большого дома играли в бадминтон два мальчика. Один лет десяти, а другому, наверное, было не больше шести. Оба белесые — таких в деревне называют сивыми, оба усыпанные веснушками. Увидев Корнилова, старший спросил:

— Вы, дяденька, к папе?

— Угу, — ответил Игорь Васильевич. — Он дома?

— Дома! — ответили ребята хором.

— Проводите к нему?

Маленький взял Корнилова за руку, а старший шел впереди, открывая двери.

Дом был просторный и добротный. Внутри не штукатуренный, не крашенный. Так хороши были чуть потемневшие струганые бревна стен, дощатый, покрытый лаком потолок, что подполковнику пришла неожиданная мысль: «Имел бы я дачу, сделал бы так же».

— Папа, к тебе дяденька пришел! — сказал старший сын, отворяя двери в одну из комнат.

— Это ты, Петро? — спросил мужчина, сидевший за большущим столом, и обернулся.

Корнилов сразу понял, что мужчина слепой. Его широкое скуластое лицо было все изборозжено шрамами и синими рябинками. «От него, конечно, многого не узнаешь, но, может быть, жена дома...»

— Нет, я из милиции, — сказал подполковник. — Хотел просто кое о чем вас спросить. Меня зовут Игорь Васильевич.

— Из милиции? — слепой сказал это так удивленно, как будто к нему пришли из миланской оперы. — Да садитесь, садитесь, — он развернулся на своем крутящемся кресле. — А вы, други, давайте гулять. Потребуется помощь — призовем.

Старший спросил:

— Пап, морсу можно?

— Конечно.

Мальчик ушел, а младший смиренненько уселся на широкой тахте и, казалось, старался даже не дышать.

— Алеха, а ты чего затаился? — спросил отец. — Давай, мил друг, смывайся. Потом все обсудим.

Алеха вздохнул и покорно пошел к двери. В дверях он обернулся и, с интересом посмотрев на Корнилова, два раза обоими глазами моргнул ему.

— Их у меня пятеро, — сказал слепой. — Один уже работает. Другой университет кончает. Третий, Филипп, сейчас с матерью в Ленинграде. Вы извините, не представился. Кононов Егор Алексеевич, профессор математики. Да вы, наверное, знаете, коль из милиции ко мне пожаловали. Ваше дело — все знать, — он улыбнулся доброй, располагающей улыбкой. И его лицо, изуродованное синими шрамами, преобразилось.

— Так чем обязан?

Корнилов сказал о гибели Горина.

Егор Алексеевич кивал головой, иногда что-то переспрашивал, но подполковнику показалось, что на лице профессора нет ни тени сочувствия.

— Вы не были знакомы с Юрием Максимовичем? — поинтересовался Корнилов.

— Соседи всегда хоть чуть-чуть да знают друг друга. А с Гориными мы живем бок о бок уже много лет. Правда, Юрий Максимович постоянно плавал, но, когда

бывал на даче, заезжал. А Наталью Николаевну я знаю хорошо. Она достойная женщина. Жаль, как говорится, что бог детей не дал.

— В ту ночь, когда произошло несчастье, кто-то взломал дверь на даче Гориных. Украсть ничего не украли, а рылись в письменном столе, в бумагах. Вы ничего не слышали? — Подполковник чуть было не сказал «видели».

— Слышал.

Корнилов замер и чуть подался к профессору.

— Часа в два... — Кононов ухватился ладонью за крутой подбородок. Подумал немного. — Да, часа в два ночи мимо нас проехала машина «Жигули». Я даже подумал, что это другой наш сосед, Петр Александрович Жариков. У него тоже «Жигули». Но эта прошла мимо его дома, мимо дома Гориных и остановилась... — Лицо у Коконова вдруг стало хитрющим, он покачал головой и спросил: — Не верите? Тут ошибки быть не может — у меня слух с детства прекрасный. Природа знала, что делала.

— Это у вас с войны?

— С войны. Мальчишками собирали по лесам всякие боеприпасы. Интересовались, что там, внутри... Так вот, остановились «Жигули» в сосняке, — продолжал профессор. — К нам вы по проселку ехали? От шоссе?

— Да.

— Дом Гориных на проселке последний, дальше начинается сосняк. Мы с ребятами туда гулять ходим. Машина остановилась там. А когда уехала — не знаю. Заснул.

— Спасибо вам большое, Егор Алексеевич, — поблагодарил Корнилов. Подумал: «Сейчас обшарим весь сосняк. Вдруг да повезет!»

Но уходить ему почему-то не хотелось. Хозяин — слепой профессор математики, просторная, с высокими потолками комната, вся обитая тесом, заставленная стеллажами с книгами, пишущая машинка на маленьком столике — все это было так необычно, требовало разъяснения.

— Жаль Наталью Николаевну, — сказал Кононов, — Правда, и с мужем ей несладко приходилось.

— Они ссорились?

— Да нет, наверное... — в голосе Егора Алексеевича сквозило сомнение. — Может быть, я излишне субъек-

тивен. То есть несомненно субъективен. Но Юрий Максимович меня постоянно раздражал. В те редкие минуты, когда нам приходилось общаться.

— Чем же?

— Трудно даже определить чем. Скорее всего приблизительно своими суждениями. Непонятно?

Корнилов обратил внимание на то, как говорит Кононов, — голос у него был удивительно красивый, бархатный. Таким голосом он, наверное, хорошо умел убеждать студентов. И никакой жестикуляции. Руки спокойно лежали на столе.

— Он жил понаслышке, — продолжал Кононов. — Там услышит, тут услышит. Поэтому все, о чем он говорил, страдало приблизительно. Даже то, что он видел сам, в его пересказе почему-то искажалось. Он всегда чуть подыгрывал собеседнику, а это неприятно. Не правда ли?

— Да, да, — согласился Корнилов.

— Никогда не знаешь, что же думает человек на самом деле. — Кононов помолчал, обратив свое широкое лицо с большим лбом к подполковнику, словно хотел разгадать, действительно ли разделяет собеседник его суждения. Наконец заговорил снова: — Но самая большая его беда — Юрий Максимович жил в постоянной суете, насколько я могу судить... Он постоянно чего-то добивался, чего-то хотел. Перейти на другое судно, стать капитаном, купить новую машину, достать старинный камин для дачи. Так же нельзя жить! Это самоубийство. Смешно думать, что все желания исполнятся, — такого времени никогда не наступит. Я как-то процитировал Юре Эпикура: «Если ты хочешь сделать Пифокла богатым, нужно не прибавлять ему денег, а убавлять его желания». Посмеялся... Но ведь мы примеряем мудрые мысли древних не к себе, а к нашим знакомым... Вы, наверное, удивлены, что я про покойника так говорю! Я ж математик. Я люблю точность.

— Егор Алексеевич, один вопрос, не относящийся к делу, — сказал Корнилов. — Вы математикой с детства увлекаетесь?

— Нет, товарищ. Я к ней, родимой, не сразу пришел. Мечтал, между прочим, сыщиком стать. Ходить вот как ты, в сложности жизни разбираться. И еще была у меня задумка... — Он улыбнулся чуть-чуть сму-

щенно. — Да, собственно, не только была. Вы о письмах Наталии Пушкиной слышали?

— Слышал, — ответил Корнилов. — Они во время революции пропали и до сих пор не найдены.

— Они пропали значительно позже. В двадцать втором году. Из Румянцевского музея в Москве. Очень загадочная история! Их готовили к печати, и вдруг... И еще кое-что интересное пропало. Был случай, когда там сторожа закололи кинжалом... Вот бы вы взялись расследовать, а? — горячо проговорил Кононов. — Вам поколения людей спасибо сказали бы. Я бы с вашим начальством поговорил, чтобы все официально... Меня послушают! Я почетный член пяти академий. — Он добродушно засмеялся.

— Это интересно, — загораясь, отозвался Игорь Васильевич. — Очень заманчиво. Но ведь то Москва. Не будут же они ленинградцев приглашать...

— А вы им подскажите. Пусть они займутся. Дело то святое — неважно, кто распутает. Эх, был бы я сыщик, — вздохнул профессор. — Или вот убийство Пушкина! Не верю всем версиям, вместе взятым. Там посерьезнее дела. Он ведь историей Пугачева в последнее время занимался. Только ему одному разрешили в архивах копаться. Нашел, наверное, Александр Сергеевич в этих архивах чего-то взрывоопасное. Ох, нашел! Ну да ладно, заговорил я вас. Чувствую, что по возрасту мы близки. Сколько вам?

— Сорок девять.

— А мне сорок восемь... Я когда зрение потерял, мир мой сузился. Много стало недоступным, и вот повезло, проявилась склонность к математике. Как говорят нынче, доминанта прорезалась.

Игорь Васильевич поднялся, стал прощаться.

— Найдете выход? А то я сыновей позову.

— Найду, найду, — отозвался Корнилов. — Спасибо вам. Извините за беспокойство.

— Наталье Николаевне пенсию назначат? — спросил Кононов. И сам себе ответил: — Нет, наверное. Она же служит. А вы, Игорь Васильевич, если в этих краях будете — милости прошу. Поговорим о том о сем. Ко мне интересные люди захаживают. В шахматы вы играете?

— Играю, — подполковник улыбнулся — люблю эту работу.

— Ну вот и посидим, — обрадовался Кононов. — За-

ходите. А зимой я в городе. В академическом доме имею честь жить, на Набережной лейтенанта Шмидта. Там вам каждый скажет. — Он протянул Корнилову огромную ручищу и осторожно пожал протянутую подполковником.

— Да, — вдруг словно что-то вспомнив, сказал профессор и нахмурился. — А все-таки жаль Юрия Максимовича. Кажется, только что сидел здесь человек, печатал на машинке... — Он сделал слабый взмах в сторону маленького столика, на котором стояла пишущая машинка.

— Он печатал на вашей машинке? — насторожился Корнилов.

— Да. Заходил, наверное, неделю тому назад. Что-то ему срочно нужно было напечатать.

— А кто обычно печатает у вас? — спросил подполковник.

— Жена.

— Когда она печатала в последний раз?

Кононов улыбнулся. Пробормотал:

— Понимаю, понимаю... После Юрия Максимовича она не печатала ни разу. Вы это хотели узнать?

— Да, Егор Алексеевич. Если вы позволите...

— Конечно. Может быть, что-то интересное для вас...

Корнилов осторожно отстучал на листке бумаги несколько фраз, положил его в карман вместе с листом копирки и, еще раз пожав руку хозяину, вышел.

«Сколько интересных людей встречается нам в жизни, — думал он, идя через просторные сени. — Зря все-таки пишут, что мы с одним лишь сбродом возимся. Нет, братцы! Какая в этом Кононове внутренняя сила чувствуется. Человечище! И сколько таких хороших, честных людей повстречаешь за свой век! И у каждого чему-нибудь научишься. И будешь их помнить всю жизнь».

Бугаев и эксперт уже поджидали его, медленно прохаживаясь по дороге вдоль палисадника.

— Ничего интересного, Игорь Васильевич. — Семен был явно удручен. — Мы все окрестные дачи обошли. Никто ничего не знает, посторонних людей тут тшляется — дай боже! А у вас? — спросил он уныло. — Засиделись вы там. Чай небось распивали?

— Морс из шиповника пил, — ответил подполковник. — И общался с приличными людьми. Что-то подо-

зрительно мне, Семен, твое настроение. Давайте-ка быстро к тому лесочку. Ходите тут как неприкаянные, а по этой дороге, может быть, преступник прогуливался.

— Конечно, прогуливался. Не на вертолете же он прилетел, — отозвался Бугаев.

Они двинулись к сосняку, раскинувшемуся за дачей Гориных.

Чуть приметная колея — с десятков машин прошло, не больше — вилась по чахлой, засоренной обрывками бумаги и консервными банками траве среди молодых сосенок. Кое-где дерн был разбит, и колея проходила по песку. Но какие на сухом песке следы?! Бугаев чуть ли не ощупал каждый метр колеи, но нигде не было хоть мало-мальски сносного отпечатка протектора.

— Ничего, товарищи, ничего, — шептал он, опустившись на корточки. — Ладони мои чувствуют тепло, оставленное шинами. Немного терпения — и мы у цели.

Игорю Васильевичу всегда нравилась азартность Семена. Не мимолетные вспышки в настроении игрока, а напряженный азарт исследователя, который ни перед чем не остановится, пока не добьется успеха.

Колея вела их дальше, туда, где уже начинался густой лес и сосны стояли попеременно с березами. Земля здесь была сырая, и Бугаев сразу же наткнулся на четкий вдавленный след протектора. Машина стояла долго — следы обозначились хорошо.

— Иван Иванович, задача для студента. — Бугаев засмеялся, обрадованно потирая руки. — Раствор-то сумеешь приготовить или помочь?

Иван Иванович спокойно, не обращая внимания на шутки Бугаева, занялся делом: нашел несколько прутьев — арматуру для гипсового слепка, приготовил раствор... Корнилов отослал Бугаева за понятиями, внимательно, шаг за шагом осматривал поляну и недалеко от места, где стояла машина, обнаружил два окурка от сигарет. Это был опять «Филипп Моррис»!

7

...Около зоомагазина толпилось несколько барыг. Один предложил Корнилову японскую леску, другой — какие-то особые поплавки. Протискиваясь между ними к дверям, подполковник подумал о том, что давно пора

бы прикрыть эту частную лавочку. Он всегда так думал, когда заходил сюда, но потом за другими, более серьезными делами забывал об этом. А если вспоминал, то раздражался, ругал себя последними словами за забывчивость, звонил в районное управление, но дела до конца не доводил. Времени не хватало. А ведь понимал, что эти «мелочи» — питательный раствор для преступности. Нутром чувствовал, что среди барыг, спекулирующих привозной леской и торгующих краденным на заводах инвентарем, созревают его будущие «клиенты». Да еще «пасут» молодняк.

В магазине торговали три продавца: две совсем молодые девчонки и пожилой, лет пятидесяти пяти, мужчина. Сколько знал Корнилов этот магазин, мужчина все время работал в нем. Звали его Тарас Петрович. Подождав, пока продавец освободится, Корнилов остановился напротив него и, перегнувшись через прилавок, тихо сказал:

— Тарас Петрович, мне бы с вами словечком пере-
молвиться. С глазу на глаз...

Тот нерешительно пожал плечами:

— А что, собственно, вы хотели?

— Совет ваш нужен.

Тарас Петрович провел Корнилова в крошечную комнату, где стояли маленький письменный столик и три стула. Игорь Васильевич сразу заметил в углу рядом с сейфом свою голубую мечту — несколько складных удилещ, которых днем с огнем не найдешь.

Продавец не растерялся, не оробел, услышав, что Корнилов из уголовного розыска, хотя подполковник по опыту знал, как теряются иногда люди в таких случаях.

— Думаю, что постоянных своих клиентов вы, Тарас Петрович, хорошо знаете...

— Если народ серьезный, то хорошо.

Игорь Васильевич достал фотографию капитана Бильбасова.

— А-а! — улыбнулся продавец. — Капитан! Владимир Петрович. Знаю, знаю, рыбак отменный. Только редко меня навещает, все по морям, по волнам. Зато уж всегда чего-нибудь привезет из заморских стран. То леску тончайшую, то чудную катушку, — он сказал и неожиданно насупился, видать, только сейчас понял, что

уголовный розыск попусту человеком не заинтересуется. Но спросить постеснялся.

— Когда он был у вас в последний раз?

Продавец нахмурил лоб, вспоминая. Лицо у него было широкоскулое, загорелое до черноты.

«Небось тоже рыбак, — подумал Корнилов. — Еще в марте на зимней рыбалке загорел».

— Знаете, — нерешительно произнес Тарас Петрович. — В этом году он еще не был. Наверное, в плавании...

— А в прошлый четверг вы тоже были в магазине?

— Ту неделю я работал всю.

— Может быть, капитан приходил, но покупал у девушек? — с надеждой спросил Игорь Васильевич.

— Нет, так не бывает, — улыбнулся продавец. — Он обязательно подошел бы ко мне. У нас всегда есть о чем поговорить. Случилось что-то плохое? — Он наконец поборол свою стеснительность. В голосе его не чувствовалось любопытства, только тревога. Корнилову это понравилось. Он решил не разочаровывать продавца.

— Нет, с капитаном все в порядке. Мне нужно было навести у него кое-какие справки... Срочно. А он уехал на рыбалку. Придется подождать.

— Если срочно, так его можно найти...

— На рыбалке?! Вы знаете, Тарас Петрович? — почти ласково спросил Корнилов. Этот загорелый крепыш нравился ему все больше и больше.

— Ну да. Он же всегда в одно место ездит, — уверенно сказал продавец. — На Орлинское озеро. Это за Гатчиной. У капитана там какой-то дед. Не то родственник, не то знакомый.

— Значит, на Орлинское озеро?! — радуясь удаче, повторил Корнилов. — Вот спасибо, Тарас Петрович. Помогли вы мне. Разделаюсь с делами, приеду к вам за мотылем. Я ведь тоже рыбак.

— Я вас помню, — сказал продавец. — Только вы очень редко бываете. Заходите, милости прошу. — Он вдруг оглянулся на складные удильща, стоявшие в углу комнаты. — Завезли вот. Прекрасная вещь. Не желаете?

— Спасибо. Сейчас некогда, но как-нибудь загляну. — Корнилов крепко пожал руку продавцу и вышел из магазина.

Девушки-продавщицы проводили его любопытными взглядами.

Вернувшись в управление, подполковник позвонил в Гатчину, начальнику уголовного розыска Федору Сергеевичу Финогенову, попросил завтра утром отрядить кого-то из сотрудников в село Орлино.

— Пускай выяснит, у кого остановился Владимир Петрович Бильбасов. Приехал на «Жигулях», номерной знак ЛЕА, четыре пятерки. — Назвав Финогенову номер бильбасовской машины, Корнилов подумал о том, что настоящий преступник никогда не возьмет своему автомобилю такой приметный номер. Только тщеславные частники почему-то правдой и неправдой стараются выцарапать себе такие. Думают, что ГАИ реже останавливать будет, что ли? — Только все очень осторожно. Предупреди об этом строго! Я приеду утром, пусть ждет меня у сельсовета.

— Наблюдение установить? — спросил Финогенов.

Корнилов задумался, потом сказал:

— Установить. Но этого Бильбасова может там и не оказаться. Если так — пусть сотрудник срочно звонит в управление. Даже ночью.

— Будет сделано.

— Ты кого пошлешь, Федор?

— Макеева.

— Это рыженький, что ли? — Корнилову уже приходилось несколько раз встречаться с молоденьким и стеснительным младшим лейтенантом Макеевым. Похожий на девушку, тонкий и стройный, он тем не менее очень хорошо проявил себя на службе.

— Он самый, — сказал Финогенов. — А если этот Бильбасов будет уезжать? Задерживать?

— Ни в коем случае. Пускай Макеев проследит, куда он поедет.

— Значит, Макееву машину придется давать, — вздохнул Финогенов и тут же добавил: — Игорь Васильевич, с транспортом ой как плохо! Ты же знаешь. Мы три рапорта написали — ни ответа, ни привета. Ты бы хоть поддержал, похлопотал у генерала. — Корнилов молчал. — Ну уж если дополнительно нельзя выделить, так пусть хоть старые сменяют. Ведь это ж курам на смех — позавчера на операцию выехали, а «газик» посреди улицы встал и ни с места. Одна мигалка работает. Поддержишь, а?

— Поддержу, поддержу, — пообещал Корнилов. — Только ты сегодня Макееву приличную машину дай.

...Корнилов выехал из дому в пять утра. За рулем сидел Саша Углев. Игорь Васильевич немало поколесил с ним по Ленинградской области. Углев был хмуроват, неразговорчив, и Корнилов любил с ним ездить — можно, не боясь, что тебя неожиданно отвлекут праздным вопросом, спокойно поразмышлять, удобно устроившись на заднем сиденье, рассеянно оглядывать проносящиеся мимо леса и деревни.

По Киевскому шоссе он давно не ездил. Около года, а то и больше. А когда-то Киевское шоссе было его любимой дорогой. Автобусом с Сенной площади он ехал через Рождествено в Батово, к брату Кеше.

Кеша, Кеша... Незатиhaющая сердечная боль. Разве ж это по-человечески, когда родные братья год не виделись, а если так и дальше пойдет, вразнотык, не увидятся никогда? Ссора не ссора, а не углядел Игорь Васильевич за младшим, не заметил, как затянули его легкие денежки. Легкие ли? Нет, конечно, не легкие. Кто ж назовет легкими деньги, полученные от овощей да ягод со своего огорода и сада, от своей коровушки? Большие — да. Но не легкие. А итог-то один — заслонили они от Иннокентия белый свет. Все больше, больше хотелось. На трудные — легкие решил нажать, все норовил побольше облигаций трехпроцентного займа скупить, с картежниками спутался. Мать обузой стала — потихоньку от старшего брата в дом для престарелых отправил. Ну а когда человек во что бы то ни стало разбогатеть хочет, обязательно выпачкается. Не рукавом, так спиной. И сам не заметит как... Вот и Кеша выпачкался. С шулерами связался.

День обещал быть жарким. Несмотря на раннее время, солнце уже стояло высоко, на блекло-голубом небе не виднелось ни одного облачка, а над асфальтом дрожало легкое прозрачное марево. За Никольским они обогнали несколько мальчишек с большими корзинами.

— Неужто за земляникой с такими корзинами? — удивился Корнилов. — Грибам, пожалуй, еще рано.

— Почему же рано? — отозвался Углев. — Сейчас колосовики пошли. В «Вечерке» снимок пропечатали — один умелец нашел килограммовый боровик. И при нем два поменьше. Целое семейство при одном корне.

«А все же за Кешу надо было бороться. Так проще

всего — дал пощечину и отрезал раз и навсегда. Брат же, родная кровь. Кеша с женой уж как мать обидели — в богадельню отправили, а мать? Через три месяца все забыла — тайком ездит к Иннокентию. Говорит, к подруге. Как же, как же... От меня скрывает, а с Олей делится. Да, характеру у вас, товарищ подполковник, — врагу не пожелаешь! Вобьете себе что-нибудь в голову, так уж навсегда! И кажется, что только вместе с головой избавитесь от своей идеи. Правда, последнее время поотмякли, сентиментальнее стали. Откуда это? Годы берут свое или присутствие любимой женщины? Три года назад, наверное, и не вспомнили бы о Кеше, напроць выбросили из сердца, а сейчас вот едете по знакомой дороге и отмякли, самоанализом занялись.

Нет, хватит! Не до Кеши сейчас. Третий день смертью старпома Горина занимаемся, а сдвигов никаких. И этот кеп с «Ивана Сусанина» какой-то шальной. Сидит на больничном, прокуратура его разыскивает, а он на рыбалку уехал. На рыбалку ли? Уж больно много совпадений — он один из тех, кто может быть заинтересован в смерти старпома, — раз! Исчез накануне катастрофы, не был дома — два. Взломщик приехал на дачу Горина на «Жигулях»! У Бильбасова «Жигули» — три. Взломщик курил «Филипп Моррис», и у капитана такая же привычка — четыре! Ну-ну! — остановил себя подполковник. — Тут я зарываюсь. Сигареты и машина еще ни о чем не говорят. Мало ли мореходов иномарки курят.

Правда, перед рыбалкой Бильбасов всегда к Тарасу Петровичу за мотылем заезжал, а нынче нет... Терпение, терпение! Через полчаса буду в Орлине, все выисню...

Ловко я про магазин вспомнил! Серьезные рыболовы такие магазины стороной не обходят! А лицо у него на фото приятное. Располагает. Был, наверное, красавцем мужчиной и сердцеедом...»

— Вон его лодка! — сказал старик, у которого остановился на ночлег Бильбасов, показывая на другую сторону озера.

Корнилов прикрыл ладонью от яркого солнца глаза и увидел около камышей небольшую голубую лодку и человека в ней.

— Это капитан удит. Его любимое место. Он рыбак сурьезный, — в голосе старика сквозило уважение.

Пока Игорь Васильевич усаживался в плоскодонку и вставлял весла в уключины, дед все рассказывал ему о капитане:

— Летом редко наезжает. Все по океанам шастает. А вот поздней осенью заглядывает. И зимой бывал, после Николы. Я только одного не пойму — всю жисть на воде проводит, а на рыбалку сюда приматывает? Ведь в морях какая рыба-то! Не чета нашей. Ведь чтоб судака или леща взять — это ого-го!

Корнилов оттолкнулся веслом от мостика. Сделал первый гребок.

— Ты поосторожней, — напутствовал дед. — Он не любит, когда ему мешают.

— Ладно, дедушка, — пообещал подполковник.

Он сделал несколько сильных, резких гребков и, держа весла над водой, с удовольствием следил, как легко и послушно разрезает водную гладь плоскодонка. Слабый ветер приносил с полей запах подсыхающего свежего сена. Чуть-чуть пахло водорослями. Стрекоза на секунду села на весло и тут же полетела дальше.

«Хорошо-то как», — подумал Корнилов и начал грести, время от времени оборачиваясь на рыбака, чтобы не уклониться в сторону. Минут через пятнадцать он уже был совсем рядом и, помня наказ деда, сбавил ход, греб, едва касаясь веслами воды, без единого всплеска. Только слабо поскрипывали уключины.

Бильбасов был одет в красиво простроченную брезентовую курточку и такую же кепочку. С его лодки свешивалось несколько длинных удилищ.

Время от времени он поглядывал на приближавшегося Корнилова и, когда увидел, что тот гребет прямо к нему, крикнул, приглушая голос:

— Куда тебя несет, дядя! Рули в сторону!

Убедившись, что гребец не думает сворачивать, Владимир Петрович привстал со скамейки, держась одной рукой за борт, и сказал возмущенно:

— Да ты что... — Но в это время на одной из удочек здорово клюнуло, и он, не закончив фразу, быстро нагнулся, сильно качнув лодку, ловко подсек, а через минуту вытащил прекрасного судака.

«Какой красавец, килограмм потянет», — с завистью подумал Корнилов.

Пока Бильбасов снимал судака с крючка и препровождал его в садок, Игорь Васильевич успел опустить якорь — какое-то железное, неимоверно тяжелое колесо на веревке. Течение слегка развернуло лодку, и она стала метрах в трех от бильбасовской.

Увидев, что Корнилов расположился рядом, Бильбасов на несколько секунд потерял дар речи. Он глядел на Игоря Васильевича, и на лице его настолько ярко, по-детски сменялись выражения обиды, гнева и, наконец, крайнего недоумения, что подполковник расхохотался.

— Или я ничего не понимаю, — сказал Бильбасов, — или вам от меня что-то нужно. Вы из рыбоохраны? Так я...

— Я из уголовного розыска, — перебил его Корнилов. — Приехал побеседовать с вами, Владимир Петрович. Из Ленинграда приехал. Зовут меня Игорь Васильевич.

Бильбасов нахально, как показалось Корнилову, присвистнул. Игорь Васильевич краем глаза заметил, что один из поплавков, дернувшись несколько раз, ушел под воду. «Ну и везет же ему! — ревниво подумал он. — А я вот возьму и не скажу...»

Однако Владимир Петрович и сам не зевал. Он опять ловко подсек и спокойно, казалось бы, даже равнодушно вытащил еще одного судачка. Такого же, как первый. Но Корнилов заметил, как удовлетворенно дрогнула у капитана пухлая нижняя губа.

— Значит, кроме прокуратуры, мною еще и уголовный розыск занимается?

— И уголовный розыск тоже, — весело подтвердил Корнилов, ловя себя на мысли, что испытывает некоторое удовольствие от того, что подпортил Бильбасову прекрасную рыбалку. «А я, оказывается, еще и мелкий завистник!» — подумал он.

Бильбасов ему понравился. Открытый взгляд когда-то, наверное, ярко-голубых, теперь чуть повыцветших глаз, в которых не чувствовалось ничего затаенного, и лицо живое и очень выразительное. И еще понравилось Корнилову, что и здесь, на рыбалке, капитан хорошо выбит и подтянут. Прямо хоть на капитанский мостик.

— Вот что способен один подлец наделать! — раздраженно посетовал Бильбасов. — Человек на законном бюллетене не может спокойно половить рыбу!

— Вы кого имеете в виду? — поинтересовался подполковник.

Один из поплавок снова ушел в воду.

— Кого же я еще могу иметь в виду? У вас, кажется, таких людей называют заявителями. Вот о нем и речь.

— У вас давно клюет, капитан, — не выдержал Игорь Васильевич и кивнул на удочки. — Сейчас в камыши уведет.

— Какая уж теперь рыбалка! — проворчал Бильбасов. Но судака снова вытащил профессионально. Правда, судачок теперь был помельче. — А, собственно, моя-то персона зачем вам потребовалась? Или вскрылись мои новые злодеяния?

— Так... Побеседовать, — неопределенно хмыкнул Корнилов.

Узнав от оперуполномоченного Макеева и от старика, что Бильбасов уже три дня ловит здесь рыбу и никуда не отлучался, он хотел сразу рассказать ему о смерти старпома, но сейчас передумал.

— А все же? Меня любопытство заело! — насторожился капитан. — Не рыбачить со мной за компанию вы ведь приехали?

— В прокуратуру пришло несколько писем о том, что с Гориным хотят разделаться...

— Письма, конечно, анонимные?

— Анонимные.

— И пишут о том, что готовит расправу с Гориным капитан Бильбасов?

— В письмах ваша фамилия не называется.

— Ну, естественно! Понятно и так — не кок же будет списывать с судна старпома. — Он небрежно махнул рукой. — Пусть делают со мной что хотят, но плавать я с ним не буду. Это уж точно.

«Что верно, то верно, — подумал Игорь Васильевич. — Это, пожалуй, единственное, что и я знаю точно».

— Вы, Владимир Петрович, не так меня поняли. В письмах говорится, что Горина хотят убить.

— Убить? — капитан рассмеялся. — Это что-то новое. Да вы поймите, товарищ...

— Корнилов, — подсказал подполковник.

— Вы поймите, товарищ Корнилов, эти письма наверняка сам Горин и писал. Чтобы набить себе цену.

Уж если вы всерьез хотите разобраться во всей галиматье, которую понаписал старпом...

— Да нет, Владимир Петрович. Я ведь не занимаюсь разбирательством заявления вашего старпома. Это дело прокуратуры. Я к вам приехал, чтобы задать один-единственный вопрос: где вы были вечером третьего июля? Правда, на этот вопрос мне местные жители уже ответили. Теперь вроде и спрашивать не о чем...

Бильбасов смотрел на подполковника очень пристально и сосредоточенно. Наконец спросил с сомнением:

— Неужели только за этим и приехали?

— Мы проверяли, где находились третьего июля вечером вы и другие люди, о которых написал в своей жалобе старпом.

— И только обо мне ничего не знали?

Корнилов не ответил.

— Крепко заштормило, — покачал головой капитан. — Прямо аварийная ситуация.

— А вы что же, в город возвращаться не собираетесь? — поинтересовался Игорь Васильевич. — С бюллетенем-то надо дома сидеть. Вам, вместо того чтобы судаков таскать, следовало бы давать объяснения в прокуратуре по поводу обвинений, выдвинутых вашим бывшим старпомом...

— Я здесь обдумываю, как мне его писать, это объяснение, — засмеялся вдруг Бильбасов. — А что, завидуете? Хороши судачки?

— Завидую, — признался Корнилов, и оба рассмеялись.

— Я сразу почувствовал в вас рыбака. Со мной разговариваете, а сами все на поплавки коситесь и встали правильно.

Он смотал удочки, положил в лодку садок с рыбой. Корнилов заметил, что, кроме судаков, там есть несколько крупных окуней. Бильбасов достал банку с червями и, чуть помедлив, словно раздумывая о том, пригодятся они еще или нет, выбросил их в воду. Потом высыпал прикормку.

Подняв якоря, они погребли к берегу. Всю дорогу гребли молча, только раз Бильбасов не выдержал. Крикнул:

— Неужели из-за одного вопроса приехали? Или еще что есть?

— Этот вопрос был главным, — отозвался Корнилов и больше ничего не стал говорить.

Потом Бильбасов почистил рыбу, они соорудили на берегу небольшой костер, сварили уху. Когда уха была готова, капитан принес хлеб, бутылку водки. Постучал по ней ногтем.

— Как, допускается?

— Нет, — отказался Игорь Васильевич. — Почки.

В начале года его разок потрянула почечная колика. Врач сказал — камни. Прописал диету. А по поводу водки выразился неопределенно, дескать, немного можете. Болезнь больше никак не проявляла себя, Корнилов забыл и думать о диете, но, когда не хотел пить, всегда ссыался на камни.

Бильбасов в некотором раздумье подержал бутылку в руке и, тихо пробормотав:

— Какая ж уха без водки? — откупорил бутылку и налил полстакана.

Они ели уху, беседуя о рыбалке, красоте здешних мест, жаркой погоде. Капитан время от времени поглядывал на Игоря Васильевича долгим, изучающим взглядом, словно подтолкнуть хотел: чего тянешь, спрашивай, задавай свои «второстепенные» вопросы!

— Владимир Петрович, как вы считаете, среди экипажа «Ивана Сусанина» есть такие люди, которые из ненависти к старпому могли бы решиться на крайний шаг?

— Чего ради? — пожал плечами капитан. — Кто захотел бы пачкать руки об эту дрянь! Простите, о заявителях не положено говорить плохо?

— Говорите, что думаете, — махнул рукой Корнилов. — Нам истину выяснить надо.

— Нет, нет. Самое большее — публичная пощечина, — убежденно сказал Бильбасов. — Ему и мне... Я в этой истории главный виновник. Стыдно признаваться на старости лет...

— Ну а если по-другому поставить вопрос. Написал Горин заявление, я читал — не скрою, много серьезных обвинений. Но вот начинается доскональная проверка, и при этом всплывает кое-что посерьезнее. Тяжелое преступление. Старпом о нем не написал по каким-то соображениям, но знал, что в ходе проверки это обнаружилось бы обязательно. И кто-то, не известный ни Горину, ни вам, почувствовал, что пахнет жареным. Очень жареным. И задумал от вашего старпома изба-

виться. Можно сделать такое предположение, как вы считаете?

— Ах, товарищ Корнилов, я устал доказывать — все в его заявлениях блеф, все натяжки...

— Не надо, не надо! — запротестовал Игорь Васильевич. — Не будем об этом. Хотя я думаю, что натяжек не может быть на пустом месте. Они всегда бывают к чему-то, эти натяжки. Но тут уж не моя компетенция... Меня другое интересует. А вы...

— Это другое нельзя понять, не зная главного. Только вы не подумайте, что я собираюсь оправдываться, — говорил Бильбасов спокойно, уверенно. — Я виноват в большем, — продолжал он. — Горин об этом не написал и не напишет никогда. Ведь это я создал старпома Горина! Я, собственными руками! Добро бы — только сам и пострадал. Но вместе со мной страдают другие люди. Честные, заслуженные. Юрий Максимович — типичный представитель нашего отечественного конформизма. Вы знаете, что такое конформизм?

— Капитан, не слишком ли много вопросов? — внезапно раздражаясь, сказал Корнилов. — Мы же тоже живем не в безвоздушном пространстве. Всякого повидали. Вам и не снилось такое.

— Простите. Не учел. Судя по годам, вы не рядовой сотрудник.

— Не рядовой. Замначальника угрозыска.

— И приехали ко мне? Спрашиваете меня, главного обвиняемого?

— Я спрашиваю, а вы мне не отвечаете.

Бильбасов вздохнул. Сказал жестко, раздельно:

— У нас на «Сусанине» никаких серьезных и несерьезных преступлений не совершалось. И даже пять проверок ничего не смогут установить. — И добавил уже обычным тоном: — На теплоходе служат хорошие, честные ребята. Если и случались неприятности, мелкие неприятности, так где их не бывает! Обычное разгильдяйство. Но утверждать, что ни у кого из экипажа не было причин для ссоры со старпомом, я не могу...

— А какие причины могли возникнуть?

— Ух! — зло бросил Владимир Петрович и стал остервенело сгребать деревянной кочережкой полуобгорелые поленья в середину костра. Чуть-чуть успокоившись, сказал: — Я вам все-таки должен набросать портрет своего старпома. Несколько штрихов...

— Валяйте. — Корнилов посмотрел на часы. — Может, сигаретку выкурите? — Он протянул пачку Владимиру Петровичу. Тот отмахнулся.

— Спасибо, у меня свои. Привык уже. — Он вытащил из нагрудного кармана пачку «Филиппа Морриса» и, вздохнув, закурил. — Не знаю, что буду делать, когда плавать перестану. Пенсионерам-то валюту на курево не выдают. Придется бросать совсем.

Он налил из котелка в стакан еще не остывшей ухи, добавил туда водки и выпил. Посмотрел на Корнилова и, заметив на его лице брезгливую гримасу, сказал:

— Не морщитесь. Прекрасный напиток. Так вот, с Юрой Гориным я познакомился... — Бильбасов на секунду задумался, затянулся глубоко. — Пятнадцать лет назад. Да, именно пятнадцать. Был в моей жизни такой период, когда я несколько лет преподавал кораблевождение в мореходке. Жена заела: или я, или море. Вот такие пироги. Мы тогда еще молодые были... И учился у меня курсант Юра Горин, худенький, шустрый блондинчик... Учился уже теперь и не помню как, но парень был ласковый и предупредительный. Всегда о чем-то расспрашивал меня после лекций, стал бывать дома. Жене он почему-то не понравился. Бабы, они такие — за версту чувят, чего от человека ожидать можно. А я относился к нему хорошо. Его услужливость за преданность принимал. Теперь-то я понимаю — ему ледокол был нужен.

— Чего, чего? — удивился Корнилов.

— Ледокол. Знаете, чтобы вперед сквозь льды двигаться, надо вес большой иметь. А у Юры тоннаж в то время маловат был, даже тонкий лед не одолеть. Ну и шел он за мной в кильватере по чистой воде.

Бильбасов посмотрел на подполковника и улыбнулся.

— В преподавателях я долго не высидел — комфорт не тот. Привыкаешь на море к размеренной жизни — обед в кают-компании на белоснежных скатертях, тропические двести граммов вина, предупредительная буфетчица и всякая прочая мишура. От этого, знаете, нелегко отказаться. А на берегу на работу добираться в переполненном трамвайчике, в магазины жена заставляет ходить, а там очереди. Ну и прочие мелочи быта, о которых на судне ни сном, ни духом не ведаешь. Попросился снова в море. Горин к этому времени мореходку закончил. Проплавал он у меня год стажером, потом чет-

вертым штурманом и так далее. Парень он в то время был покладистый, в рот смотрел. Я с ним горя не знал.

— Удобный помощник!

Капитан как-то совсем по-детски, виновато улыбнулся, и Корнилов почувствовал неловкость за свою фразу. Ему стало неприятно оттого, что этот сильный красивый человек, уже совсем пожилой, вынужден вот так жалко улыбаться.

— Удобный. Он тогда... как бы это сказать помягче, очень стремился по службе двигаться. Выступал на собраниях, предлагал всякие новшества, за любую общественную работу брался — смотрите, дескать, вот он я! Ему всегда можно было поручить то, за что другие бы не взялись. А на какие-то штришки в его поведении я старался не обращать внимания. Считал, что незачем вмешиваться в личные дела. Скандалов ведь не было...

— Что же это за «штришки»? — спросил Корнилов.

— Штришки неприятные, — поморщился Бильбасов. — С товарищами он плохо ладит. И по женской части... Приходили ко мне официантки, жаловались. Но это уж в последнее время. Вот так он и рос на «Сусанине». Первым серьезным уроком для меня стал такой случай: Юрий Максимович пришел ко мне и потребовал место старпома. Нашего старого назначили капитаном на большой сухогруз. Состоялось крупное объяснение. Я Горину отказал, а на следующий день меня пригласил начальник управления кадров пароходства. Попросил за Юру. Способный-де человек, в пароходстве его хорошо знают. «Ты ж, — говорит, — сам два года назад представлял его к ордену! Раньше Горин был хороший, неужели так быстро испортился?» Я сдался. — Бильбасов закурил. Он теперь не вынимал сигареты изо рта, прикуривая одну от другой.

— Да как же вы могли! — в сердцах бросил Игорь Васильевич. — Вместо того чтобы разоблачить карьериста, вы писали на него хорошие характеристики! Я сам читал. А теперь к ответственности могут привлечь вас! Ведь если вы рассказали мне правду... — Он покачал головой.

— Правду, товарищ следователь, — спокойно сказал Бильбасов.

— Я не следователь. С ним вы еще наговоритесь. И не думаю, что эти беседы будут вам приятны. Сами виноваты,

Владимир Петрович, казалось, не обратил на слова Корнилова никакого внимания.

— Не так давно в пароходстве надумали выдвинуть Горина капитаном на другое судно. Но я сказал: баста! Станет капитаном — таких дров наломает, не приведет господа. Мелкий человек. А потом какой-нибудь дурак вроде меня начнет его двигать дальше...

— Представляю себе гнев карьериста, у которого срывается очередное назначение, — сказал Корнилов и подозрительно спросил: — А может быть, вы просто не хотели лишиться его поддержки и его услуг?

— Нет, не то, — отмахнулся Бильбасов. — Знаете, с вами хочется быть откровенным. Наверное, в уголовный розыск специально таких людей подбирают? Так вот... Не могу сказать, что я хороший психолог. Но я догадывался, что старпом карьерист, нечистоплотный человек и начал бы пакостить еще давно, если бы не рассчитывал двигаться при моей поддержке... И я его двигал, стараясь не вникать в мелочи. Я был слишком занят работой, вещами более серьезными, чем личность старпома. Да и что я в конце концов сыщик, что ли? Он старался делать свое дело, ну и... Не хотел я влезать! — сказал капитан раздраженно.

— Инстинкт самосохранения?

— Может быть, может быть... Но, когда я увидел, что его честолюбие приняло угрожающие размеры, у меня хватило твердости остановить его. Я написал объективную характеристику...

— Но было поздно? Его уже другие двигали?

— Да, вы схватили самую суть! Мне даже сказали, что я написал плохую характеристику, испугавшись за свое место. Решил, дескать, что Горина сделают капитаном «Сусанина». Теперь в пароходстве не верят ни одному моему слову об этом человеке!

Корнилов слушал внимательно. Злость на Бильбасова прямо клокотала в нем. Вот из-за таких добреньких и вылезают из щелей всякие проходимцы, карьеристы. Проглатывают своих «благодетелей» — да если бы только их! Сколько людей потом страдает от их возвышения!

Бильбасов виновато развел руками:

— Ну что же поделаешь? Горин уже приглянулся кое-кому в пароходстве. Они-то, я уверен, тоже ему цену знают. Это секрет на весь свет... А рассуждают

так же, как я когда-то: пусть послужит, человек верный. Мы, дескать, знаем его возможности, его «потолок». Но «потолок» у них уже другой... Вот и получается: ты выдвинул дурака или проходимца — в тот момент под рукой хорошего человека не оказалось, а он и пошагал.

— Вы целую систему философскую придумали. Теорию первого толчка...

— А вы, Игорь Васильевич, разве ни разу не погрешили? Ни разу проходимцу ходу не дали?

— Нет, не дал, — покачал головой подполковник.

— Ну? Преклоняюсь, — в голосе Бильбасова чувствовалась ирония. — Но верю вам с трудом. Извините.

Внимательно приглядываясь к Бильбасову, к его манере разговаривать, ко всему его облику, полному достоинства, притягивающей внутренней обаятельности, Игорь Васильевич вдруг вспомнил один из пунктов обвинения, брошенного Горинным капитану, — драку с каким-то американцем по имени Арчибальд Бриман.

— Вы зачем дрались-то на судне? — спросил он. — Да еще с американцем. Разрядку срываете.

Бильбасов ухмыльнулся, глаза его озорно блеснули.

— Удивились, да? Старый человек, да еще капитан — и дерется. — Он согнул руку в локте и гордо пощупал бицепс. — А что, есть еще порох в пороховницах! Этот Бриман, я вам скажу, свинья и алкоголик. Впервые встретил такого дурошлепа. Мы шли из Пирея в Латакию. Пассажиры разношерстные, несколько американцев. Юристы. Чего-то изучали в Греции. Бриман — шериф из Северной Каролины. Напился до положения риз, по-моему, со страху — в тот вечер штормило прилично. Стал ко всем приставать. Щипнул молодую гречанку. Муж заступился — он его по шеям. Сами же американцы вахтенного позвали. Он и вахтенному врезал. Оказалось, что и русский язык знает. Кричит: «Русские ублюдки!» Вот сволочь! — Капитан с остервенением плюнул. — А наши ведь знаете как с иностранцами — пылинки сдувают, все международного скандала боятся. Да мы сами так и воспитываем... В общем, бушует Арчибальд Бриман — спасу нет. Услышал я шум, спускаюсь на палубу. Руку к козырьку. Говорю по-английски: «Господин хороший, вы на советском судне, извольте успокоиться». Он вылутился на меня, глаза красные, бессмысленные. «Я американ-

ский шериф, а ты свинья». И размахивается. Ну, думаю, товарищ Бильбасов, на тебя вся Европа смотрит и половина Америки. Увернулся я от удара и врезал ему от души в скулу. Свалился Бриман, вахтенный с боцманом его скрутили, а он плюется, орет, из носа почему-то кровища хлещет. Ужас! Подошли американцы. Говорят: «Господин капитан, ему только холодный душ может помочь. Не жалейте воды». Отвели мы его в укромное место и окатили как следует. Так на следующее утро он все ходил извинялся, кричал, что русские — самые лучшие парни в мире. И хотел мне свою шерифскую бляху подарить. Да я его выгнал. А когда в Латакии на берег сходил, сунул вахтенному матросу бутылку виски. Тот у него на глазах ее в море бросил. А Бриману хоть бы что — смеется, прощальные поцелуи шлет.

Корнилов покачал головой.

— Что головой качаете? Думаете, наш международный авторитет от этого пострадал?

— Я поступил бы так же.

— Правда? — обрадовался Бильбасов. — Вот видите! А на вас бы жалобу! — Он помолчал немного и махнул рукой. — Да ну их!.. Надоели. Мне три года до пенсии осталось. Буду здесь ловить рыбу — проживу хоть лет на пять дольше!

— Все это интересно, — задумчиво сказал Корнилов и закурил. — Но меня сейчас факты интересуют. В экипаже теплохода есть такие люди, которые крупно ссорились со старпомом, ненавидят его?

— Его все ненавидят! — буркнул капитан. — Кроме двух-трех лодырей, которых пора списывать за непригодность.

— Я человек терпеливый, — сказал Корнилов. — Один и тот же вопрос могу по пять раз задавать.

— Простите. Злобы на них не хватает. — Он задумался, хмурясь, лицо стало пасмурным, будто тучка среди солнечного дня набежала. — С ним были в ссоре штурманы Трусов и Данилкин. Из-за его ехидства, стремления подставить под удар. Наш дед Глуховской, стармех, его просто ненавидел. У того были свои причины! — Бильбасов вздохнул. — Там из-за женщины. Горин однажды сделал гнусное предложение его жене и схлопотал по физиономии. А жена вдобавок рассказала Глуховскому...

— У Глуховского было объяснение со старпомом? — перебил Корнилов капитана.

— Было, конечно. Но это длинная история. Горин ходил еще вторым помощником. А нынешний второй штурман тоже ненавидит старпома.

— Трусов?

— Шарымов. Трусов — третий. Я о нем уже говорил.

«Шарымов, Шарымов, — вспоминал подполковник. Его Горин в письме не называл. — А мы не проверяли...»

— Все это не пустячки, я понимаю, но никто из названных людей не стал бы угрожать старпому. Тем более анонимно! Не та закваска.

— А из-за чего ненавидит Юрия Максимовича Шарымов?

— Вы у него и спрашивайте, — неожиданно помрачнев, отрезал Бильбасов и поиграл желваками. — Штурман Шарымов — прекрасный парень. Честный, искренний...

— Вам придется ответить, капитан, — серьезно сказал Корнилов. — Третьего июля Юрий Максимович Горин погиб.

— Погиб? — Игорь Васильевич почувствовал, что Бильбасов ошеломлен. — Что значит погиб? Застрелился?

— Попал в автомобильную катастрофу.

— Какой ужас! На своей машине?

Корнилов кивнул.

— Один?

— Один. Жена уезжала к больной матери.

— Столкнулся с кем-то? Кто виноват?

— Кто виноват... Если б знать, я не докучал бы сейчас вам своими вопросами. — Подполковник требовательно смотрел на Бильбасова.

— Он ездил всегда очень осторожно. Быстро, но осторожно. Не лихачил — уж я-то знаю! Немало поездил с ним! В лучшие времена. — Заметив взгляд Корнилова, Владимир Петрович вздохнул. — Ну да... Вы ждете ответа. Женя Шарымов... — Он снова вздохнул.

Корнилов видел, что у Бильбасова язык не поворачивается отвечать. Что-то сковывало капитана, мешало ему. Он морщился, словно раскусил клюкву,

— Личные дела. Говорить о них так неприятно. Несколькими днями назад Евгений узнал, что старпом ухаживает за его женой. Что они встречаются, черт возьми!

На капитана было жалко смотреть. Он совсем расстроился.

— Когда об этом узнал Шарымов? Вы не помните поточнее?

— Да только что! — упавшим голосом отозвался Бильбасов. — Вот ведь скотина старпом, прости, господи, мне эти слова! Такому парню жизнь испортил!

— А поточнее, поточнее!

Капитан задумался. Наконец сказал встревоженно:

— Я уехал из Ленинграда третьего. Женя мне рассказал об этом первого... Вздор! Он тут ни при чем. И анонимные письма не стал бы писать...

— Письма пришли раньше.

— Вот видите? — оживился Владимир Петрович.

— Шарымов был расстроен?

— Еще бы! Потрясен! Евгений так любит эту дуру.

— Он не собирался мстить?

— Мстить? Слово-то какое! Думаю, что набил бы морду.

— Думаете так или Шарымов сказал вам об этом?

— Сказал, сказал! А вы бы на его месте что сделали?

Корнилов поднялся:

— Я должен срочно позвонить... И ехать в Ленинград. Вы поедете со мной?

— Если это необходимо... — неуверенно сказал Бильбасов.

— Конечно! Вам необходимо быть в Ленинграде, а не рыбачить здесь в тихой заводи... Вас могут в любую минуту пригласить в прокуратуру.

Они шли по тропинке среди густых кустов тальника. Пахло водорослями, рыбой. Откуда-то тянуло дымком. Время от времени тропинка выскакивала из кустов на крутой берег, и Корнилов с сожалением смотрел на сверкающую гладь озера.

— Мне что ж, с вами ехать? — поинтересовался Владимир Петрович. — Я ведь на «Жигулях».

— На своих «Жигулях» и возвращайтесь. Вы мне сейчас не нужны. Только звонок в управление сделаем.

— Это вы зря, сразу звонить, — буркнул Бильбасов. — Выбросьте из головы. Евгений дал бы старпому

по физиономии — и все. Ну не все, конечно... Горин бы затащил его по судам... — Он закурил.

— Владимир Петрович, — спросил Корнилов, — а штурман Шарымов курящий?

Бильбасов пожал плечами:

— Да у нас все курящие, кроме Глуховского...

— И все на курево валюту расходуют?

Бильбасов хмыкнул:

— Да нет, находят ей более полезное применение...

— Шарымов какие сигареты курит?

Капитан показал коробку «Филиппа Морриса».

Макеев и Углев лежали на траве около машины, о чем-то тихо разговаривали. Дверцы машины были открыты. Несколько мальчишек сидели поодаль в тени большого тополя, внимательно следя за происходящим.

Увидев Корнилова, Макеев вскочил, а Углев, окинув любопытным взглядом Бильбасова, лениво спросил:

— Едем, товарищ подполковник?

— Летим, а не едем! — сказал Корнилов, усаживаясь в машину.

Через минуту Углев уже сидел за баранкой.

— Владимир Петрович, товарищ Макеев, — пригласил Корнилов. — Присядем на несколько минут...

Бильбасов и инспектор уселись на заднем сиденье. Корнилов взялся за трубку телефона. Мальчишки заметили это и тихонько придвинулись поближе к машине. Усмехнувшись, Игорь Васильевич поднял боковое стекло, а Углев погрозил им пальцем. Подполковник секунду помедлил, решая, кому звонить: дежурному по управлению или Бугаеву? Семена могло не оказаться на месте — дел у него было невпроворот. Позвонил все-таки ему, и Бугаев отозвался.

— Семен, записывай адрес... — Корнилов начал диктовать. — Кировский проспект, дом двадцать шесть — двадцать восемь, квартира шестьдесят три. Шарымов Евгений Николаевич. Живет в коммунальной квартире. Жена...

— Вера Сергеевна. — Бильбасов настороженно следил за Игорем Васильевичем.

— Где у него гараж?

— Женя счастливчик — во дворе и теплый!

«Счастливчик, счастливчик! — подумал Корнилов, передавая Семену данные о Шарымове. — Что этот счастливчик делал всю ночь на даче у Горина?»

— Вы что же, всерьез Женю подозреваете? — спросил капитан. Голос у него был испуганный.

Корнилов не ответил. Сказал в трубку Бугаеву:

— Я через час буду... А ты вместе с группой отправляйся к Шарымову. Пускай объяснит, где был вечером и ночью третьего. «Разуйте» его «Жигули», колеса нам, думаю, потребуются. Могут быть сюрпризы. Понял? Сюрпризы.

Бильбасов тяжело вздохнул. Вид у него был потерянный.

— Все понял? — спросил подполковник Бугаева.

— Понял.

— Сразу же поставь в известность дежурного по городу. Еще позвоню с дороги. Шоферов всех ко мне Лебедев пригласил?

— Всех, Игорь Васильевич.

— Пускай сидят ждут, если я чуть-чуть опоздаю. Варваре скажи, чтоб чаем их напоила. На них я больше всего надеюсь.

— Отработанный пар, — бросил Бугаев. — Чую, что к Шарымову не зря меня посылаете.

— Ладно, меньше слов... — отрезал Корнилов и положил трубку. Сказал ворчливо: — Тоже мне, доберман-пинчер. Чует, видите ли! А вам, Владимир Петрович, собраться, наверное, надо? — спросил он Бильбасова.

— Да, надо... — неуверенно отозвался тот.

— Ну вот и хорошо. Через часик, наверное, выедете? Наш сотрудник вас подбросит на вашей же машине... А то вы ведь выпили? Правда?

— Пускай подбросит! — хмуро согласился Бильбасов. Он в некотором раздумье посмотрел на Корнилова, на Сашу Углева, смешно пожевал губами и наконец сказал: — Ну я пойду, пожалуй, соберусь. Вы дом-то знаете? — обернулся он к Макееву.

— Знает, знает! — покивал головой Корнилов.

Когда Бильбасов вылез из машины и грузной походкой пошел к деревне, подполковник сказал Макееву:

— Для пользы дела, думаю, вам полезно с капитаном проехаться. Привезете его прямо на Литейный. Не то он еще какую-нибудь рыбалку себе найдет. А свою машину отпустите потихоньку — у вас в Гатчине, говорят, напряженно со спецтранспортом.

Услышав от подполковника фамилию Шарымов, Семен Бугаев мысленно обругал себя идиотом: ну, почему он решил проверить только тех, кого обвинял в своем письме погибший старпом «Сусанина»! Разве не мог швырнуть ему булыжник в ветровое стекло один из дружков капитана? Если верить письму Горина, на теплоходе удалая шайка-лейка подобралась! А писал он только о главном, о тех, кто задавал тон. Вот и выходит: логика логикой, а нужно быть готовым ко всему.

«Могут быть сюрпризы... — думал капитан, набирая номер дежурного по управлению. — Шеф что-то серьезное разнюхал. Вот так всегда — если вцепится, так только мертвой хваткой».

Уже спускаясь по лестнице вниз, к машине, Бугаев вспомнил: подполковник просил предупредить секретаря отдела Варвару, чтобы не отпускала приглашенных на три часа шоферов.

«На кой ляд только он снова шоферов собирает? — недовольно подумал Семен. — Уж сколько раз с ними беседы беседовали. И ГАИ, и прокуратура, и наши ребята!» Не дожидаясь лифта, он взбежал на четвертый этаж и, почувствовав, что запыхался, с сожалением вспомнил, что уже третий месяц не ходит в бассейн.

Увидев Бугаева, Варвара разочарованно ойкнула:

— Сенечка, вы чего? Пути не будет!

Как-то так уж повелось с давних пор, что в уголовном розыске не то чтобы верили приметам, но любили при случае сослаться на некие особые обстоятельства. На одном из совещаний начальник Главного управления назвал это явление особым видом пижонства.

— Типун тебе на язык, Варвара! — пробурчал Бугаев. — В три шеф собирает шоферов. Ты их тут позанимай чем-нибудь, если подполковник опоздает. Он уже выехал из Орлина...

— Чем же я их занимать буду? — недовольно сказала Варвара, но капитан уже захлопнул дверь приемной.

В машине сидели эксперт Коршунов и Саша Лебедев.

— Далеко ли, милый Сеня? — спросил Коршунов, устроившийся со своим чемоданчиком на заднем сиденье. Бугаев вспомнил, что Коршунову, спокойному, чуть даже флегматичному крепышу, всегда выпадало

ездить с ним куда-нибудь в область. Последний раз аж в Лодейное Поле гоняли, на ограбление магазина.

Усмежнувшись, Бугаев сказал:

— На этот раз в Выборг, Иван Иванович. Такая уж у нас планида — я тут ни при чем...

— Понятно, — ответил эксперт. — В Выборге хоть прилично кормят на вокзале, а то я опять без бутербродов. — Он поерзал на сиденье, устроился поудобнее и закрыл глаза, собираясь вздремнуть. Но при выезде с улицы Воинова на Кутузовскую набережную шофер так круто и на такой большой скорости сделал поворот, что всех прижало сначала к левой, а потом к правой стороне.

— Коля, мы так никуда не попадем! — сказал Бугаев.

— Попадем, попадем! — сердито огрызнулся шофер. — Диспетчер белены, что ли, объелся? Сказал ведь на Кировский, а тут в Выборг пили!

Бугаев засмеялся:

— Шуток не понимаешь. Это Иван Иванович в Выборг, а мы на Кировский. Дом двадцать шесть — двадцать восемь.

— Все шутишь, Сенечка! — беззлобно проворчал эксперт. — Пора бы и остепениться...

Бугаев неожиданно сник, словно у него завод кончился, и, обернувшись к Коршунову, сказал погрузневшим голосом:

— А-а... Иван Иванович, жисть такая... — И всю дорогу, пока ехали до места, молчал, отрешенно поглядывая на толпящихся на набережных и на Кировском мосту людей, на белесое дымное небо, прорезанное у горизонта кранами торгового порта. Кировский проспект был перекрыт — устанавливали новые канализационные трубы, пришлось объезжать по Пушкинской.

Машина, проехав несколько мрачных дворов-колодцев, остановилась около подъезда, на котором висела табличка «Жилищно-эксплуатационная контора Петроградского района».

— Саша, жми к начальству, узнай, где гараж Шарымова, — приказал Бугаев Лебедеву. — И понятых возьми. А я за хозяином.

Поймав вопросительный взгляд эксперта, он сказал, снова улыбнувшись:

— А вы, Иван Иванович, посидите пока. Расскажите Коле пару историй — он страсть как их любит.

Шестьдесят третья квартира, в которой жил Шарымов, была на четвертом этаже. Бугаев поднялся на стареньком лифте. Лифт шел медленно, подергиваясь и скрипя, и Семен невольно подумал о том, что в нем немудрено и застрять.

На двери рядом со звонком была прибита табличка с длинным списком фамилий жильцов. Против фамилии Шарымова стояла цифра 4. Надо было звонить четыре раза. Бугаев позвонил и долго прислушивался, когда в коридоре за дверью раздадутся шаги. Он знал: квартиры в этом доме огромные, на десять-двенадцать просторных комнат, с двумя кухнями и коридором, по которому было можно ездить на велосипеде. Дверь не открывали, и Бугаев позвонил еще четыре раза. «Дома нету, что ли?» — подумал он и позвонил один раз. Цифра «1» стояла против фамилии «Горюнова Н. В.». И сразу же за дверью послышалось движение, скрипнула дверь, и испуганный женский голос спросил: «Кто здесь?»

— Откройте, пожалуйста! — попросил Бугаев. — Мне нужно видеть Шарымова.

Дверь отворилась, и Семен увидел старую женщину, совсем седую, в накинутой на яркий халат большой белой шали. Женщина напряженно вглядывалась в Семена, и Бугаев понял, что она чем-то очень расстроена.

— Простите, а Шарымова нету дома? — мягко спросил Семен. — Я звонил несколько раз...

На лице женщины отразилась мучительная нерешительность.

— Я не знаю, что вам и сказать... Вы его товарищ?

— Он мне нужен по срочному делу.

— Очень не вовремя, — расстроено прошептала женщина. — Он дома, но...

И тут Бугаев услышал несущиеся откуда-то из глубины квартиры раздраженные, злые голоса. Мужской и женский.

Поняв, что пришелец услышал эти голоса, женщина беспомощно развела руками, словно хотела сказать: «Вот видите, Шарымову сейчас не до вас!»

— Я должен его увидеть, — твердо сказал Бугаев. — Покажите мне его комнату.

Женщина покорно впустила его в квартиру, пробормотав:

— А может, это и к лучшему. Ведь который час уже ссорятся.

Она зажгла свет в коридоре и подвела Семена к обитой красивой красной кожей двери, вздохнув, сказала:

— Эта. У них две комнаты. — И пошла в глубь коридора, время от времени оглядываясь.

Бугаев постучал. Сейчас из-за дверей был слышен только женский плач... Прошло несколько секунд, прежде чем из глубины комнаты раздраженно крикнули:

— Нина Васильевна! Я просил оставить меня в покое!

Видать, соседка пыталась вмешаться в семейные дела Шарымовых.

— Откройте! — требовательно сказал Семен.

— Что вам надо? — спросил мужчина, и в его голосе Бугаев уловил истерические нотки.

— Капитан Бугаев из уголовного розыска. Мне нужен Евгений Николаевич Шарымов...

На некоторое время за дверью наступила тишина, прекратился даже женский плач, и вдруг дикий, душевраздирающий визг оборвал тишину. Бугаев на миг отпрянул от двери и, спружинившись, вышиб ее плечом. Грохот распахивающейся двери не заглушил выстрела. Думая, что стреляют в него, капитан резко склонился влево, выхватив пистолет. И увидел оседающего на большой вишневый диван мужчину в белой, распахнутой на груди рубашке. Небольшой, незнакомой Бугаеву системы пистолет с перламутровой рукояткой валялся на желтом ворсистом ковре.

«Могут быть сюрпризы», — мелькнула в голове у Семена фраза, сказанная подполковником.

...Маленькая ранка на виске почти не кровоточила, только потемнели вокруг нее красивые светлые волосы. «Это от пороховых газов». — машинально отметил Бугаев и подумал, что медицинская помощь этому красивому блондину уже не понадобится. Он оглянулся, ища телефон, и тут только заметил в кресле молодую женщину с опухшим, заплаканным лицом и остановившимися глазами. Закусив кулак, она уже не плакала, а только дрожала мелкой дрожью, и время от времени из ее груди вырывался протяжный стон.

— Где у вас телефон? — спросил ее Бугаев, но женщина не слышала его.

— Телефон только у соседей. В квартире напротив, — раздался голос у Семена за спиной.

Обернувшись, он увидел соседку, которая открывала ему дверь. Лицо у нее было белое и словно сведенное судорогой.

— Дайте воды, успокойте как-нибудь, — попросил ее Бугаев, кивнув на жену Шарымова, а сам вышел на лестницу и позвонил в соседнюю квартиру. Вызвал «скорую», следователя и судмедэксперта из управления.

Вернувшись в комнату и переборов чувство брезгливости, от которого он так и не избавился за все годы работы в угрозыске, Семен взял повисшую плетью руку Шарымова. Пульс не прощупывался.

Соседка стояла рядом с Шарымовой, гладила ее по плечу, что-то шептала. Пахло валерьянкой. Шарымова, сжавшись в комок и раскачиваясь, тихо, как-то по-детски пристанывала. Темно-каштановые волосы закрывали почти все ее лицо, но Бугаев разглядел все же, что Шарымова красива, что у нее очень правильные черты бледного матового лица и даже потеки от туши не портят его. И еще капитан заметил легкую припухлость и красноту на скуле, что-то похожее на кровоподтек от удара, но длинные волосы мешали разглядеть точнее.

«О, господи, — подумал растерянно Бугаев, глядя на Шарымову. — Ее не скоро в сознание приведешь. Такое пережить...» И вдруг, совсем неожиданно для себя, ощутил какое-то чувство раздражения, даже недоверия к этой убитой горем женщине. «Если муж у тебя на глазах пускает себе пулю в лоб... Нет у меня к таким женщинам жалости. Нет!» Эта мысль, как ни странно, помогла Семену преодолеть минутное замешательство, он вдруг вспомнил, что совершил ошибку: не зайдя во вторую комнату, сразу кинулся звонить в «скорую».

Осторожно отворив дверь, он осмотрелся. Вторая комната была спальней, очень красиво, с большой изобретательностью обставлена. Семен невольно вспомнил дачу Горина. И здесь и там было много таких вещей, которые свидетельствовали, что хозяева долгие годы ездят за границу, — красивые фарфоровые настольные лампы на резных, черного дерева подставках, причудливые деревянные маски на стенах, цветной хрусталь и великое множество безделушек.

В спальне царил беспорядок: смятая широченная постель и раскрытый чемодан на ней, клетчатый плед на полу, разбросанное женское белье.

Почти одновременно приехали «скорая» и следователь с судмедэкспертом. Заключение врачей было единодушным — смерть Шарымова наступила мгновенно.

Пришел Саша Лебедев.

— Мы ждем, ждем внизу. Я и понятых привел, и гараж Шарымова нашел, а тебя все нет, — говорил он вполголоса, искоса поглядывая, как врачи возятся с трупом. — Ну, думаю, что-то случилось, надо подняться, а тут «скорая» и наша машина. Спросил — куда, говорят — в шестьдесят третью. И давно? — он кивнул на Шарымова.

— Считаю, что у меня на глазах, — хмуро ответил Бугаев. — Только постучал...

— Машину-то будем смотреть?

— Для этого и приехали, — вздохнул Семен и отошел в коридор соседку. Спросил: — Нина Васильевна, где Шарымовы хранят ключ от гаража?

— Ой, да разве ж я знаю? У Верочки бы спросить, так она не в себе. Меня не узнает...

Семен прошел в спальню, огляделся. Пиджак Шарымова валялся рядом с чемоданом на кровати. Капитан осмотрел карманы. Вытащил ключи от машины на красивом брелке из слоновой кости — маленький плоский будда тарасил красные пронзительные глазки. Большой хитроумный ключ от гаража он нашел на гвозде у дверей в первую комнату.

У лифта они столкнулись со следователем прокуратуры.

— Наши уже там! — кивнул Бугаев на дверь. — Самоубийство. Я сейчас займусь автомобилем Шарымова. Корнилов подозревает, что именно он взломал дачу Горина.

На улице Бугаев вздохнул полной грудью. Даже здесь, в этом мрачном дворе-колодце, дышалось легче, чем в квартире.

Иван Иванович и шофер Коля вылезли из машины, смотрели на капитана вопрошающе.

Семен устало махнул рукой.

— Что, несчастье? — спросил эксперт. — Опоздали? Бугаев только пожал плечами. Подумал: «Опозда-

ли? А если бы приехали на час, на два раньше, что бы изменилось?» Сказал:

— Тут надолго опоздали. И не мы с вами. Этот Шарымов застрелился...

— Понятно, — пробормотал Коршунов.

— Где твои понятия? — спросил Бугаев, обернувшись к Лебедеву.

— Во втором дворе. На лавочке сидят.

Около железного, изрядно помятого гаража уже толпились люди, тихо переговаривались, что-то выспрашивали у понятых — пожилого, при полном параде — в темном пиджаке и галстуке — мужчины, чем-то напоминавшего Бывалова из «Волги-Волги», и крашеной, тусклой блондинки неопределенных лет.

«И как это люди чужую беду чувят? — невесело подумал Бугаев. — Ведь никому ничего не сказали — попросили только понятых подойти к гаражу, а вот уж и толпа собралась».

В гараже стояли болотного цвета «Жигули». Бугаев осмотрел ветровое стекло. Оно рябило от больших и маленьких пятнышек — так обычно бывает после загородных поездок, особенно на приличной скорости. Сотни жуков и мошек находят себе смерть, разбившись о стекло. Да и вся машина была пыльной, колпаки на колесах запачканы засохшей глиной.

— Иван Иванович! — попросил Бугаев эксперта, снимавшего колеса с «Жигулей». — Вы возьмите на пробу грязь с подкрылков.

— Сам знаю, — огрызнулся Коршунов. — Если ты, Сеня, такой умный, зачем меня с собой берешь?

Бугаев открыл дверцу, сел на место водителя. Несколько минут сидел молча. Осматривался. Выстрел, прогремевший в квартире Шарымовых, все еще отдавался у него в ушах. Семен недовольно поднес руку к уху, словно хотел избавиться от этого звона. «Могут быть сюрпризы», — снова вспомнил он слова Корнилова. «Вот так сюрпризы, — подумал он. — Сейчас Иван Иванович снимет с «Жигулей» колеса, поедет в управление, сделает прокатку протекторов, сравнит с теми следами, что взяли около дачи Горина, и все сразу станет на свои места...» Бугаев не сомневался, что именно Шарымов побывал у Гориных. А значит... Он вдруг так явственно услышал любимую фразу своего шефа: «А это

пока еще ничего не значит, это еще доказать надобно!» — что невольно улыбнулся.

Он открыл крышку ящичка, именуемого всеми автомобилистами почему-то «бардачком», и первое, что увидел, — надорванный блок сигарет «Филипп Моррис». Бугаев открыл пепельницу — в ней тоже были окурки. Он осторожно вынул несколько штук, завернул в бумагу и положил в карман. Даже если ничего будет нельзя определить по протекторам шин, этих окурков вполне хватит.

Но что же произошло между мужем и женой Шарымовыми? Обычная семейная ссора — и только? А застрелился он после того, как услышал, что пришла милиция?.. Скорее всего так. Если бы все семейные ссоры заканчивались самоубийством, народонаселение сильно поубавилось бы.

Семен невольно подумал о Шарымове с уважением. Наделал дел — так хоть хватило решимости самому их закончить. Но при чем здесь жена? Чем оправдать такую жестокость — застрелиться у нее на глазах?

Отправив Коршунова в управление исследовать окурки и сравнивать протекторы шин, Бугаев снова поднялся в шестьдесят третью квартиру. Труп Шарымова уже увезла «скорая». Следователь прокуратуры Кондрашов о чем-то тихо беседовал с Ниной Васильевной в первой комнате. Дверь в спальню была закрыта. Увидев Бугаева, он поднялся ему навстречу и, легонько обняв за плечи, увлек за собой в коридор. Вид у него был озабоченный.

— Шарымову допрашивать сейчас бесполезно, — вполголоса сказал он Семену. — Да и нельзя. Врач с ней занимается. Соседка позвонила ее матери. Вот-вот должна приехать. Отложим беседы на вечер. Вы оставайтесь, скоро придут с работы другие соседи, а я поеду.

Бугаев промолчал. Он и сам знал, что дел у него здесь хватит.

— Да-а, коллега, — нахмурившись и многозначительно покачав головой, сказал Кондрашов. — Какая-то фатальная история!

— Кошмар! — поддакнул ему Семен, но Кондрашов почему-то посмотрел на капитана подозрительно, замолк и, вяло пожав ему руку, ушел.

Бугаев посмотрел на часы. Без пятнадцати три.

Подполковник, наверное, уже приехал. Он набрал номер. Трубку сняла Варвара.

— Шеф у себя?

— У себя, Сенечка. С шоферами беседует. А я твое указание выполнила, чаем их всех напоила...

— Умница, — сказал Бугаев, — ты выполнила указание шефа. Соедини-ка меня с ним.

Корнилов взял трубку сразу же.

— Семен, как дела?

— С сюрпризами, — Бугаев коротко доложил о самоубийстве штурмана.

Несколько секунд Корнилов молчал. Потом спросил:

— Что еще?

— Протекторы, похоже, его «Жигулей». Коршунов уже поехал в управление. Минут через сорок доложит вам. И сигареты «Филипп Моррис». В бардачке целый блок. Я по прикусу вижу — это он в Рошине курил.

— Так. С женой говорил? С Верой Сергеевной?

— У нее истерика.

— Что же, истерика у нее целый день, что ли? — сердито спросил подполковник.

— Врач у нее, не могут в себя никак привести. Даже Кондрашов потолкался тут и уехал.

— Потолкался! Он что тебе... — Корнилов, видать, хотел что-то добавить хлесткое, но сдержался.

— Вы не приедете? — спросил Семен.

— Нет. Мы с товарищами водителями толкуем. Ты уж сам доводи дело до конца. — Голос у подполковника помягчал. — Только выясни еще такие детали: где была Шарымова в день аварии и какой у нее зонтик? Да, и поищи в квартире письма...

— Какие письма?

— Любовные письма, Сеня. Ее письма к мужчине, письма ей от мужчины. Понял? Я сейчас попрошу в прокуратуре санкцию на арест корреспонденции.

Бугаева немного обескуражил разговор с шефом. Капитану казалось, что они наконец вышли на виновника гибели Горина. Он не верил, что действовали разные люди: один бросил камень в машину старпома, а другой после этого взломал его дачу и перевернул все вверх дном. И когда к нему на квартиру пожаловал уголовный розыск — пустил себе пулю в лоб.

«Конечно, имей мы дело с обычными уголовниками, всего можно было бы ждать, — думал он. — Но тут-то

совсем другое дело... Нет, нет, версия с Шарымовым похожа на правду! А подполковник опять с шоферами толкует».

Бугаев в раздумье прошелся по широкому, захлап-ленному старой мебелью коридору, заглянул в неуют-ную грязноватую кухню. Там было пусто.

«Ну что же, поговорим о зонтиках», — решил он и постучал в комнату Горюновой.

Нина Васильевна сидела за круглым столом, накры-тым пестрой клеенкой, и ела с большой сковородки жаре-ную картошку с луком. Рядом на тарелочке лежало не-сколько соленых огурцов и стояла начатая чекушка водки. Женщина не ожидала увидеть постороннего и смутилась. Краска залила ее лицо, она растерянно под-нялась, бормоча извинения, подставила еще один стул.

— Вы меня извините, Нина Васильевна. — Бугаев и сам почувствовал себя неловко. — Я чуть попозже загляну.

— Что вы, что вы. У вас дела, я понимаю. Вы не обращайтесь внимания... — сказала Горюнова. — Такое несчастье.

Перехватив взгляд Бугаева, Нина Васильевна опять покраснела и, потупившись, разглядывая свои красные, с чуть припухшими суставами руки, прошептала тихо:

— Такое несчастье. Пригубила вот за помин души.

Она сморщилась, слезы потекли по щекам. Нина Васильевна отвернулась, вытерла глаза кончиком белой шали. Потом убрала со стола в буфет огурцы и шка-лик, унесла на кухню сковородку.

Бугаев оглядел комнату. Жила Горюнова небогато. Старинные буфет и шкаф, когда-то, наверное, соседство-вали в одном гарнитуре. Красного дерева, с красивыми бронзовыми накладками, на которых были изображены орнаменты из полевых цветов, они выглядели чуть-чуть чопорно. Старым был и круглый стол. Только зеленая кушетка, дитя массового производства, казалась в этой комнате вещью случайной и недолговечной. Обои на сте-нах были самые простенькие и давно выцветшие. Над кушеткой висел портрет морского офицера и под ним потускневший от времени кортик. Моряк был молодым и улыбчивым.

«Сын или муж? — подумал Бугаев. — Судя по ста-рому кортику — муж...» Он так и не решил для себя этот вопрос — с кухни пришла хозяйка и, молча сев за

стол, внимательно посмотрела на Семена. Она успела чуть-чуть подкрасить губы и припудриться, и только красные пятна, проступавшие на щеках сквозь пудру, выдавали ее состояние.

— Нина Васильевна, я хотел бы задать вам несколько вопросов... — сказал Бугаев.

Она согласно кивнула головой.

— У Шарымовой есть складной японский зонтик?

— Зонтик? — Нина Васильевна, наверное, никак не ожидала услышать такой вопрос. На лице у нее отразилось удивление. — Японский зонтик? — повторила она. — А как же. Есть. Женя ей привозил. Да вот в прошлом году осенью он привез два одинаковых. Вера Сергеевна один продала мне. — Горюнова встала, открыла шкаф и достала оттуда яркий — розовый, в красный цветочек — зонтик.

— Вы не могли бы его раскрыть? — попросил Семен.

Нина Васильевна послушно раскрыла зонт. Это был точно такой же зонт, какой нашли на месте катастрофы.

«Интересно, — подумал Бугаев. — Значит, шеф об этом догадывался. Зря он ни о чем говорить не будет...» И сказал:

— Спасибо, спасибо.

— Женя много красивых вещей привозил, — рассказывала Горюнова, убирая зонт в шкаф. — Вера Сергеевна иногда предлагала мне купить, да только не для моего достатка эти вещи. А за зонтик она с меня только пятнадцать рублей взяла. Так я думаю, это Женя велел. Они же, зонтики, дорогие. По тридцать рублей стоят. А Женя иногда и дарил мне что-нибудь. Банку кофе, платочек...

— Вы на лето никуда не выезжаете?

— Нет, все время в городе. Я хоть и на пенсии, а каждое лето подрабатываю. Кассиром в гастрономе.

— Вечером третьего июля вы дома были?

— Нет, до десяти работала.

— А когда пришли?

— Около одиннадцати. Выручку сдала и пришла. Гастроном же рядом.

— Вера Сергеевна была дома?

— Нет. Женя ко мне заглядывал, тоже про нее

спрашивал. Он к своим родственникам в Новгород ездил. Примчался, а жены нету.

— Когда Шарымов к вам заглядывал?

— Я только вошла в комнату — и он стучит.

— А поточнее вы не могли бы вспомнить время?

Нина Васильевна задумалась, на лбу у нее легли резкие складки.

— Нет, точнее не могу... Около одиннадцати.

— Но не после одиннадцати?

— Нет, нет.

— Что же делал Шарымов потом?

— Ушел. Он уже тогда не в себе был. Весь какой-то нервный, вздрюченный. Входной дверью так хлопнул...

— И когда вернулся?

— Сегодня утром.

— Сегодня?

Горюнова кивнула:

— Два дня пропадал, а как вернулся, так и началось у них...

— А когда вернулась Вера Сергеевна?

Нина Васильевна пожала плечами.

— В тот вечер я чаю попила и сразу спать легла. За день так устаешь — только бы до постели добраться.

— И ничего не слышали?

Хозяйка мотнула головой.

— Из-за чего же они поссорились? — задумчиво сказал Бугаев, решившись наконец задать этот вопрос напрямую.

— Кто знает?! Чужая душа — потемки. Недружно они жили. Недружно. Особенно последний год. А ведь Женя такой мягкий, такой ласковый мужик-то был. — Горюнова тяжело вздохнула.

9

Проходя через приемную в свой кабинет, здороваясь с ожидавшими его шоферами и автоинспектором Коноплевым, Корнилов сразу почувствовал, что они недовольны очередным вызовом в управление. Только автоинспектор, наверное, спокойно дремал в ожидании начальства — вид у него был заспанный.

— Что, ворчат мужичины? — спросил Игорь Васильевич у Вари, устремившейся вслед за ним в кабинет.

— Ворчат. Я уж и чаем их поила, и разговорами занимала.

— Зови, зови их, Варвара. Буду извиняться. — Он прочитал на листке, положенном на стол секретарем, фамилии звонивших в его отсутствие людей. Похоже, что ничего срочного.

Приглашенные вошли, неторопливо расселись, с любопытством оглядывая кабинет.

— Ну что, товарищи, затягали мы вас? — улыбувшись, спросил Корнилов. — Никак в покое не оставим?

— Вот-вот, товарищ начальник! — ворчливым басом отозвался загорелый здоровяк с огромными волосатыми ручищами, видневшимися из закатанных по локоть рукавов шерстяной рубашки. — Сколько раз давал себе зарок — подальше от происшествий, так нет...

Это был зеленогорский шофер с хлебного фургона Владимир Орлюков.

— Нам ведь эти вызовы — один убыток, — вставил пожилой чернявый шофер с самосвала Павлицин.

— По среднему-то не заплатят. А мы уж четвертый заход делаем. То в ГАИ, то в прокуратуру.

«Ну, ты-то своего не упустишь», — подумал подполковник: в тот поздний вечер Павлицин на своем самосвале халтурил — возил дрова какому-то дачнику в Репино.

— И правда, товарищ Корнилов! — подал голос седой пижонистый мужчина, владелец «Жигулей» композитор Макаров. — Который раз мы пересказываем одно и то же. Человек погиб, ему теперь не поможешь... — Макаров пожал плечами, достал из коричневой кожанки пачку сигарет «Филипп Моррис», но не закурил, видно, постеснялся.

«Ну вот, и этот «Филипп Моррис» курит, — про себя усмехнулся Игорь Васильевич. — Нельзя думать, что у дачи Горина обязательно кто-то из команды курил. Интересно, откуда композитор их достает? Спросить неудобно, еще подумает черт-те что!»

— Вы курите, товарищ Макаров, — сказал он и сам достал пачку «Столичных».

Композитор закурил. Достал беломорину и Павлицин.

— Вы бы нам объяснили, чего от нас ждете, — пукая колечко дыма, сказал Макаров. — Может быть,

вас интересуют какие-то определенные детали? Проще было бы вспомнить.

Все водители внимательно прислушивались к тому, что говорил композитор. Орлюков после каждого его слова согласно кивал головой.

Корнилов улыбнулся.

— Мы хотим от вас только одного: чтобы вы подробнее вспомнили все, что произошло в тот вечер на сорок девятом километре. Постарайтесь вспомнить последовательно, не забывая ни одного своего действия, ни одной мелочи. Кто где стоял, как пытались достать водителя, как гасили пламя... Для нас все важно. И прошу вас: не думайте, что мы сомневаемся в том, что говорилось раньше. Нам хочется знать побольше деталей...

«А скажи вам о том, чего мы хотим узнать, — вы живо нафантазируете». — Он раздал всем бумагу, усадил за большой стол.

— Эх-э-хе! — проворчал Павлищин. — Плакали наши денежки.

— Наверное, вы преувеличиваете убытки! — усмехнулся Макаров, сидевший рядом.

— Вам бы по тарифу платили, вы бы не улыбались. Небось зарплата регулярно идет!

Макаров насутился и ничего не ответил.

— Потерпите, товарищи, — примирительно сказал Корнилов. — Дело серьезное. От того, насколько точно вы все вспомните, возможно, зависит судьба человека...

— Что ж эта «Волга», из ремонта только вышла? — тихо спросил до сих пор молчавший Ламанский, директор большого мебельного магазина, владелец «Волги». — Ведь теперь на станцию обслуживания грешить начнут. Может, что с тормозами?

Довольно крупный мужчина, Ламанский как-то совсем потерялся в кабинете Корнилова среди других водителей. Сидел в уголке и занимал так мало места, что подполковнику показалось, что директор уменьшился в размерах.

— Экспертиза дала заключение, что машина технически была исправна, — ответил Корнилов. Он нажал кнопку селектора и спросил у секретаря: — Варя, Бу-гаев не звонил?

— Нет еще, Игорь Васильевич.

— Кто с ним из экспертов?

— Коршунов.

— Если позвонит, сразу соединяй.

Он только успел выключить селектор, как Варвара сказала:

— Бугаев звонит.

— Семен, как дела? — спросил Игорь Васильевич, спросил чуть более торопливо, чем ему хотелось в присутствии посторонних.

Водители посерьезнели. Кто уже писал, исподволь прислушиваясь к разговору, кто сидел хмуро над листком бумаги, еще раз переживая события того вечера.

Закончив разговор, Корнилов долго сидел молча, легонько постукивая пальцами по столу и пытаясь сосредоточиться. Известия, полученные от Бугаева, были полной неожиданностью. Совсем не о таком сюрпризе предупреждал он Семена...

«Теперь многое зависит от того, что скажет жена Шарымова, — думал подполковник. В том, что у дачи старпома стояла его машина, Корнилов не сомневался. — А вот гибель Горина... Вспомнят ли свидетели еще что-то новое?»

...Прочитав последние показания, Игорь Васильевич понял, что вызов шоферов ничего не дал. Кое-кто из них вспомнил новые детали, но никакого намека на то, откуда взялся в салоне автомашины камень, не было. Оставались только две версии: или этот камень был зачем-то нужен старпому, и он подобрал его по дороге, или... Или кто-то, скорее всего Шарымов, швырнул его Горину в ветровое стекло.

И все-таки, прежде чем отпустить свидетелей, Корнилов опросил их, не было ли на месте происшествия еще людей, которых почему-либо не пригласили в свидетели. Водители, пожимая плечами, оглядывали друг друга, словно увиделись впервые.

— Да нет, кажется, больше никого не было, — не совсем уверенно сказал Макаров. Он встал со стула, прошелся по кабинету. — Вот здесь лежала машина... — Макаров показал рукой в угол. — Товарищ Орлюков сыпал песок...

— А по-моему, был еще один! — воскликнул Павличин. — Был! Тоже, как и вы, жигулевец!

— Нет, больше никого не было, — возразил инспектор. — Я же всех записал...

— Не все дураки вроде нас, — махнул рукой Пав-

лищин. — Этот, видать, вовремя смылся. Я припоминаю, мельтешил там. Гоношистый.

Корнилов молчал, с интересом поглядывая то на одного, то на другого.

— Нет, «Жигули» только одни были. Мои, — не согласился Макаров.

— Как же, как же! Вы просто рассеянный, — упорствовал Павлищин. — Вот скажите, на вашей машине что на заднем стекле?

— Ничего, — пожал плечами композитор.

— А у того — красная ладонь! Знаете, стилиаги себе привешивают, — обратился он к Корнилову. — Едет, а ладонь болтается. Я бы им!.. — Павлищин сжал кулак. — Только раздражают.

— А номер вы не запомнили? — спросил Игорь Васильевич.

— Нет. Номер не запомнил, — развел руками шофер. — Но был он, жигулевец, был, товарищ начальник.

Позвонил Коршунов. Проведенная им трассологическая экспертиза подтвердила, что отпечатки протекторов, оставленные неизвестным автомобилем возле дачи старпома Горина, совпадают с протекторами «Жигулей» Шарымова.

— Вы довольны, товарищ подполковник? — спросил Коршунов. — Ваш Бугаев, по-моему, поставит мне бутылку коньяка — очень уж хотелось ему таких результатов.

— Я был бы доволен... — Игорь Васильевич хотел сказать: «Если бы мог предъявить эти результаты Шарымову», но при шоферах не стал. Сказал только: — Спасибо, Ваня. Будущее покажет.

Еще раз позвонил Бугаев:

— Зонтик, похоже, Шарымовой. Тут одна соседка, думаю, опознает. А сама дамочка молчит. Сейчас у нее доктор, укольчики делает, никого не подпускает. Следователь поручил мне дожждаться, поговорить с ней...

По тому, как Бугаев назвал Шарымову «дамочкой», Игорь Васильевич догадался, что он узнал о ней нечто не слишком лестное.

— Сиди там до победного, — сказал он Семену.

Больше никто из свидетелей не подтвердил показаний Павлищина, но Корнилов почувствовал, что Павли-

щин не только хваткий мужичок, но и внимательным. Эти два качества чаще всего соседствуют.

«Чем черт не шутит, — решил Игорь Васильевич. — Если поискать неизвестного «жигулиста», может, и повезет. Шарымов не Шарымов тут виноват, а полная ясность никогда никому не вредила».

Распровавшись с шоферами, Корнилов заглянул к следователю Гурову, специалисту по автодорожным происшествиям. Накануне полковник попросил провести повторную экспертизу и с нетерпением ожидал ответа на поставленные перед экспертами вопросы.

Гуров был у себя, сидел, согнувшись над столом, и вычерчивал какой-то план. Окно кабинета выходило во двор, и даже днем на столе у майора горела лампа. Второй стол в комнате пустовал уже несколько месяцев — его хозяин, молодой следователь Богов, разбился, поставив свою машину под удар грузовику с пьяным шофером. Все знали, что Богов уже не вернется на службу, но место его пока не занимали...

Увидев Корнилова, Гуров отложил в сторону чертеж, погасил лампу.

— Картинки рисуете? — усмехнулся подполковник, усаживаясь в старенькое, скрипучее кресло.

— Рисуем, товарищ подполковник, — весело отозвался Гуров и, неожиданно нахмурившись, сказал: — А вообще-то писанина заела. У меня вон на пальце мозоль. — Он показал Корнилову запачканную чернилами руку. — Жена смеется: «Ты у меня, отец, наверное, не в милиции, а в поликлинике работаешь». Она участковый врач — две трети времени на истории болезней уходит!

— Печатайте на машинке, — сказал Корнилов. — Начальник ХОЗУ Набережных нам в каждую комнату по машинке купил. Ребята все печатают. И стенографистку приглашаем...

Заметив, что Гуров смотрит на него недоверчиво, Игорь Васильевич улыбнулся:

— Не сомневайтесь, Никита Андреевич, загляните к Белянчикову, когда он из отпуска вернется...

— Может быть, может быть, — все еще недоверчиво покачал головой майор и спросил: — А вы уже за ответом?

Корнилов молча развел руками.

Гуров достал из стола тоненькую папку, раскрыл ее и передал Корнилову. Лицо у майора стало скучным.

«Проведенными по делу автотехническими исследованиями установлено. — Корнилов бегло просмотрел описательную часть экспертизы. — 3 сентября 1977 года около 23 часов гражданин Горин Юрий Максимович, управляя технически исправным автомобилем ГАЗ-24 номер 36-39 ЛЕК, следовал по Приморскому шоссе, по влажной проезжей части...» — Игорь Васильевич перелистал бумаги, отыскивая то, что интересовало его в первую очередь.

Гуров вздохнул, заметив это.

— Ничем новым порадовать не могу.

«...Комплексной экспертизе, в которой участвовали автотехник, трассолог и судебный медик, был поставлен вопрос: могли ли возникнуть технические повреждения, обнаруженные на левой передней стойке и на теле потерпевшего от удара камнем, брошенным не установленным следствием человеком в ветровое стекло автомашины... — Корнилов почувствовал, что волнуется, читая эту сухую, написанную забубенно-протокольным языком бумагу. —Повреждения, обнаруженные на левой передней стойке, не совпадают с характерными царапинами на камне. Вместе с тем на камне обнаружены микрочастицы стекла, применяемого на автомашинах ГАЗ-24, и царапины, которые могли быть получены в результате удара о стекло...»

Заметив, что подполковник поморщился, Гуров сказал:

— Если бы ему в ветровое стекло залепили — тормознул бы резко, а тормозного следа нет... Дождь, дождь все спутал! Бывает, что после сильного дождя тормозного следа и не видно! И про осколки ветрового стекла категорично ничего нельзя сказать! Они на асфальте найдены, но за день до этого там новая «Волга» и «Москвич» столкнулись. На этом же самом месте.

Корнилов сказал недовольно:

— Ну вот, уже появились оговорки. А раньше не было.

— Вы же сами сказали, что случай особый. Эксперты учли все возможности.

— Я думал, что у экспертизы каждый случай особый...

Гуров не ответил.

Несколько минут они сидели молча. Подполковник снова и снова перечитывал акт экспертизы.

— На трупе есть повреждения, характерные для автотравмы, — сказал Гуров. — Но эксперт не исключает возможности повреждения от удара камнем. Камень мог и не попасть в него. Хорошенькое дело — человек мчит на большой скорости, и вдруг булыжник влетает в стекло. Мгновенная растерянность, рывок...

— Значит, полной уверенности, что это несчастный случай, у вас нет? — помолчав, в упор спросил Корнилов.

— Полной уверенности нет, — развел руками Гуров. — Могли и камень бросить. А может быть, перед машиной внезапно выскочил на дорогу человек... Тоже нельзя исключить.

— Да ведь Горин нажал бы на тормоз, а вы говорите, тормозного следа нет!

— Нет. В дождь такое случается... Вы что же, не доверяете нашей экспертизе?

— Доверяю, — устало вздохнув, сказал Корнилов. — Но вы сами-то прикиньте, сколько совпадений! Старпом пишет в прокуратуру и пароходство. Обвинения, я вам скажу, куда какие серьезные! А тут катастрофа. Жена его приходит ко мне, говорит, что взломана дача, все перевернуто вверх дном. А мы устанавливаем, что сделано это в ту ночь, когда Горин разбился. Мы ищем человека, побывавшего на даче, — подозрение падает на штурмана Шарымова. Приезжаем к нему домой, а он прямо под дверь пускает себе пулю в лоб...

— Наверное, крупно поссорившись с женой? — спросил Никита Андреевич.

— Да бросьте вы! — рассердился подполковник. — Если все стреляться после ссор будут...

— Ссоры разные бывают.

— Ни-ки-та Андреевич!

— Да это я так! — махнул рукой следователь и улыбнулся. — Как говорится, из окаянства. Уж если она перед мужем в чем-то серьезном провинилась, так он не себя, а ее застрелил бы.

Корнилов промолчал, но подумал: «Причина-то серьезная — дальше некуда. Жена шлюха. Да все равно

трудно предположить, что Шарымов только из-за этого застрелился. В такой узел все завязалось!»

— А что же Шарымова говорит? — спросил Никита Андреевич. — Ее допросили?

— Молчит. У нее шоковое состояние. Врач к ней пока никого не пускает. Опасается за последствия. Такое потрясение.

— Знаете, Игорь Васильевич, на Востоке самая страшная месть — прийти к дому обидчика и на крыльце вспороть себе живот. Наверное, эта дамочка прилично насолила штурману.

— Прилично. Судя по рассказу капитана Бильбасова, Шарымов на днях узнал, что она любовница Горина.

— Вот это да! Чего же вы молчали? — Никита Андреевич вскочил со стула, взволнованно прошелся по кабинету.

— Но ведь мы с вами не на Востоке, а в Ленинграде живем. А не сказал я, потому что хотел еще раз выслушать ваше непредвзятое мнение, — пробурчал подполковник. — А то еще начнете строить свои теории. А теорий у нас хватает...

— Ну и ну! — Гуров все не мог успокоиться и расхаживал по кабинету, на мгновение останавливался возле Корнилова и снова продолжал шагать как маятник. Наконец он сел и, в упор уставившись на подполковника, спросил: — Так вы думаете, что Шарымов...

— Никита Андреевич, то, что мы с вами думаем, годится лишь псу под хвост! Важно, что мы знаем. А знаем мы мало...

— Не так уж и мало, Игорь Васильевич, — Гуров вдруг осекся, какая-то мысль остановила его. Он с минуту молчал, будто прислушивался к чему-то, и наконец сказал: — Я вам говорил о том, что причиной несчастья мог быть внезапно выскочивший перед «Волгой» человек. Но нельзя исключить и машину, идущую в лоб или на повороте прижавшую к краю «Волгу» потерпевшего. Резкий поворот руля...

— Вот видите, могло быть одно, могло быть второе... А откуда все-таки камень в салоне? — Корнилов почувствовал, что раздражается, и сказал как можно спокойнее: — Вы, товарищ майор, одно поймите — пока мы с вами не узнаем, как он в машине оказался, нам спать спокойно нельзя. Я вовсе не сторонник версии

об убийстве, но уж если исключать ее, то с полным основанием. На сто процентов, хоть вы и боитесь такой категоричности. А пока... — Он не договорил и тяжело поднялся с кресла.

10

Семен позвонил Корнилову только вечером, домой.

— Успехов ноль, товарищ подполковник. — Голос у него был усталый и недовольный. — Беседа прошла в обстановке корректности и лицемерия. Никакого стремления к сотрудничеству.

— А поконкретнее нельзя?

— Нельзя, Игорь Васильевич. Из автомата звоню, а на очереди суровая женщина.

— Твои на даче? — спросил Корнилов. — Приезжай ко мне, накормим фирменными котлетами.

Через пятнадцать минут повеселевший Бугаев уже сидел за столом в квартире Корниловых.

— Я так понимаю приглашение вашего сурового супруга, Ольга Ивановна, — говорил он жене подполковника, накрывавшей на стол, — отныне в Ленинградском уголовном розыске наступила новая эра. Для особо отличившихся сотрудников начальство устраивает персональные приемы. Нечто вроде бенефисов. А какой же бенефис без рюмки коньяка?

— И коньяк будет! — Оля засмеялась.

Корнилов только головой покачал. Он хотел сначала услышать доклад о деле, но жена воспротивилась:

— Человек весь день без корки хлеба. А тебе только бы о своих мазуриках поговорить.

— Если бы о мазуриках, — вздохнул Корнилов и принес из кухни бутылку коньяка.

— Так что же все-таки Шарымова? — не утерпел он, когда Бугаев расправился с тарелкой борща.

— А-а! — помрачнев, махнул рукой Семен. — Сфинкс, а не женщина. Но красива, я вам скажу, Ольга Ивановна. Карие глаза в меня вперила, словно в гляделки играть собралась...

— Сеня, вы же сами оказались свидетелем ее трагедии, — укорила Бугаева Оля. Она уже знала от Корнилова о происшествии.

— У хорошей жены муж стреляться не будет. В тот вечер Шарымова куда-то исчезла, и, судя по рассказу

соседки, муж, не застав ее дома, уехал на поиски. Спросите: куда? Он знал куда! Небось Иван Иванович подтвердил, что около дачи Горина следы от его машины обнаружили? И «пальчики», обнаруженные в доме, его?!

Корнилов кивнул.

— А почему зонтик Веры Сергеевны у старпома в машине оказался?

— Погоди, погоди, — остановил Бугаева Игорь Васильевич. — Надо еще опознание провести.

— Не сомневайтесь в результате, — горячо сказал Семен. — Интересно, почему только один зонтик там был? Куда она сама делась? Уж лучше бы...

— Семен, поменьше эмоций! — строго сказал Корнилов.

— Намек понял, товарищ подполковник. Только когда я Веру Сергеевну про зонтик спросил, она заявила, что все ее зонтики дома. И показала мне штуки три... Барахольщица!

— Вот с какими сотрудниками мне приходится работать, — мрачно сказал Корнилов. — У них эмоции забивают все остальное.

Оля засмеялась:

— А Юра Белянчиков? Уж такой рационалист!

— Это я в домашней обстановке расслабился, — улыбнулся Бугаев. — Но если уж говорить без эмоций, так Вера Сергеевна на вопрос о том, из-за чего произошла у них с мужем ссора, отвечать не стала. «Это касалось только нас двоих», — она твердила эту фразу в течение всей беседы. А вечером третьего июля у нее разболелась голова, и до двенадцати ночи она гуляла по городу. Одна.

— Откуда у мужа пистолет? Ты не спросил? — поинтересовался Корнилов.

— О пистолете она ничего не знала. Впервые увидела. А марка — браунинг. Заглядение, а не машинка, — сказал Бугаев и поежился.

Больше они этой теме не касались. Корнилов рассказ о том, как вчера побывал у Васи Алабина.

— Что-то я замечаю, Варвара над ним усиленное шефство взяла? Уж не к свадьбе ли дело?

— У них уже год как дело к свадьбе катится, — усмехнулся Бугаев. — Да вот ранение... А вы будто не знаете?

— Ну почему же не знаю? — слукавил Игорь Ва-

ильевич. Ему не хотелось признаваться, что он раньше ничего не замечал. — Знаю, но не думал, что так всерьез.

Бугаев посмотрел на него с недоверием.

Вошла в комнату мать. Увидев Бугаева, разулыбалась. Всех сослуживцев сына она хорошо знала.

— Как живете, Сенечка? Здоровы?

— А что нам сделается, Вера Николаевна, — Семен поднялся, поздоровался за руку. — Семейство на даче. Я один процветаю. Борщ, правда, некому приготовить. Так вот начальство позаботилось.

Старушка посидела минут пять в кресле, пожаловалась на погоду, пожелала всем спокойной ночи и ушла к себе.

— Ну что, товарищ доктор, — сказал Игорь Васильевич жене. — Может быть, ты нам и по сигаретке решишь выкурить?

Она махнула рукой, включила телевизор.

Корнилов с Семеном сели друг против друга в кресла, закурили.

— А вы почему меня к Шарымову послали? — поинтересовался Бугаев. — И про зонтик просили выяснить... Капитан?

Корнилов кивнул.

— Они друзья. Шарымову только что кто-то рассказал про его жену и Горина. А капитан с рыбалки никуда не отлучался. Это сразу сняло подозрение, хоть и у него «Жигули», и курит он «Филипп Моррис». Я сопоставил все, решил Шарымова проверить.

— Да... — сокрушенно покачал головой Бугаев. — Проверочка получилась, я вам скажу... Не проверка, а разведка боем.

— Давай теперь в подробностях, Семен. С самого начала.

Бугаев стал рассказывать, стараясь не упустить ни одной мелочи. Корнилов, как обычно, требовал все детали: как вела себя соседка, открывшая дверь, где жили остальные жильцы, во что был одет Шарымов, не нашел ли Бугаев каких-нибудь писем?

— Каких все-таки писем?

— Ну мало ли... — пожал плечами подполковник. — Я думаю, Шарымов не зря на даче у старпома все перерыл. Может быть, нашел что-то, письмо жены, например...

— Вы думаете, он после того, как Горина ухлопал, стал письма искать? — удивился Семен. — Оправдательные документы?

— Кто тебе сказал, что он старпома ухлопал?! Дачу взломал — это мы знаем. И застрелился. А Горин?.. — Корнилов стукнул себя кулаком по колену. — Да и некому, выходит, было убивать старпома, — Игорь Васильевич развел руками. — Мы же всех проверили. Капитан рыбачил, никуда не отлучался, стармех в больнице, директор ресторана сидел дома у телевизора, пассажирский помощник и один из штурманов были в ресторане...

— С собственными женами, заметьте, — вставил Бугаев. — Но остается еще один — штурман Шарымов. Где он был в одиннадцать вечера — никому не известно.

— Сенечка, — задумчиво сказал Игорь Васильевич, — ты самый непоследовательный человек в уголовном розыске. Не могу отрицать, что иногда у тебя проскальзывают умные мысли. Но ты не можешь делать из них правильные выводы.

— Игорь Васильевич, почему так сурово? И несправедливо.

— Ты только что удивился, зачем понадобилось Шарымову, устроив катастрофу старпому, ехать к нему на дачу и взламывать ее? Ну действительно зачем? Искать письма жены? Подтверждения ее измены? Если уж он решил убить Горина, так считал, что оснований у него на это достаточно...

— Логично, — согласился Бугаев. — Но все равно: ехать взламывать дачу из-за писем?! Да почему они обязательно должны быть, эти письма? Можно и без них прекрасно обходиться.

— Ты прав. Я думаю, что Шарымов предполагал заставить свою жену с Гориним. И убить старпома. Иначе браунинг зачем? Не дождался их — взломал стол. Может быть, нашел письма... Дома объяснения, скандал! А тут уголовный розыск явился.

— Что ж, выходит, приди я в другое время — несчастья бы и не случилось? — с беспокойством спросил Бугаев.

Корнилов не ответил.

— Игорь Васильевич! — настаивал Семен. — Вы и правда так считаете?

— А кто, Семен, знает, что бы произошло? Раньше пришел, позже... Гадать на кофейной гуще не входит в наши обязанности. Опоздай ты — может, Шарымов и жену бы застрелил...

— Да уж лучше бы! — буркнул Бугаев. Он был явно расстроен словами шефа.

Корнилов заметил его состояние.

— Милый Семен, выброси все это из головы. Ты тут ни при чем. Слишком много навалилось на этого молодого штурмана — измена жены, предательство Горина, взлом дачи... — Корнилов сказал так, а сам подумал: «И я бы мучился. Знал, что не виноват, но мучился».

— Когда с живыми людьми дело имеешь, никогда не знаешь, как все обернется, — сказал он Бугаеву. — Поступки наши иной раз никакой логике не поддаются. А с Шарымовым, по-моему, все ясно. Его намерение расправиться со старпомом — лучшее алиби. Если бы он Горину в машину камень запустил, тогда не торчал бы всю ночь на его даче...

11

Шел четвертый день с того момента, как Корнилову поручили проверить обстоятельства смерти старпома Горина. Утром Игорю Васильевичу позвонил Кондрашов.

— Самоубийство Шарымова все осложнило, — посетовал он. — Я тебе сразу сказал: неприятная история. А жена штурмана — вот уж крепкий орешек! Я ее только что допросил — ни слова о причинах скандала, об отношениях с Гориним. — Помолчав, поинтересовался: — Вы когда закончите?

— Сегодня. Во второй половине дня готов встретиться. Мое начальство тоже любопытствует. Доложусь, а потом к тебе. Идет? Вот уж навели панику с этим Гориним. А капитан, между прочим, на меня хорошее впечатление произвел.

— Знаешь, — как-то виновато сказал Кондрашов, — дело приобрело слишком большой общественный резонанс. Старпом, оказывается, и в министерство письмо отправил. — Он вздохнул и посвистел тихонько, как свистел всегда, раздумывая о чем-нибудь неприятном. Потом сказал: — Я к вам в управление сегодня

загляну. Часам к четверем. Тогда обо всем и расскажешь... Приготовься. За вами глаз да глаз нужен. И, кроме старпома, дел хватает по вашему ведомству!

— Ладно, разберемся, — усмехнулся Корнилов. — Приедешь, поговорим. Заходи прямо к Михаилу Ивановичу, я вам обоим и доложу.

Закончив разговор с Кондрашовым, подполковник позвонил в радиокомитет. Поинтересовался, не отозвался ли кто в ответ на прочитанное по радио объявление. Его передавали трижды: в семь, в восемь и в половине девятого. Корнилов решил, что если интересующий его автомобилист не услышит обращения утром, перед уходом на работу, то обязательно — слушая последние известия в машине, когда будет ехать на службу. Если только он вообще слушает последние известия!

Никаких звонков в радиокомитет пока не было. Оставался выпуск теленовостей в восемнадцать часов, когда обращение должны были повторить.

Корнилов раскрыл папку с почтой. Среди сводок и писем ему бросился в глаза аккуратно запечатанный пакет, на котором красивым размашистым почерком были написаны адрес управления, его, Корнилова, фамилия и маленькое слово «лично». «Интересно, что за женщина пишет мне? — подумал подполковник, разглядывая конверт. — У нее ровный, спокойный характер, сильная воля сочетается с мягкостью... — Игорь Васильевич по привычке потерел мочку уха и покачал головой. — Что-то слишком разноречивые признаки».

...Это была его любимая игра — составить по почерку представление о человеке. Еще в университете, изучая основы почерковедческой экспертизы, он перечитал десятки книг знаменитых и доморощенных графологов (так они тогда именовались) прошлого и пришел к выводу, что под всей наносной этой шелухой есть рациональное зерно. Современное почерковедение основывается только на одной аксиоме: почерк каждого человека неповторим. Но если неповторим, индивидуален, то эта индивидуальность должна отражать черты характера человека!

Со временем Корнилов отказался от мысли всерьез заняться почерковедением — работа в уголовном розыске оставляла мало свободного времени. Но он постоянно развивал в себе способность видеть за плавными или скачущими буквами характер человека. В управле-

нии никто не знал об этой маленькой причуде подполковника, и только дома, в присутствии жены или матери, Игорь Васильевич позволял себе, как он говорил, «поколдовать»...

Корнилов разрезал пакет и достал из него почтовый конверт и маленькую записочку, написанную тем же красивым размашистым почерком, что и адрес на пакете.

«Уважаемый товарищ Корнилов.

Перед отъездом в Нальчик я вспомнила наш разговор о покойном муже, о его отношениях с товарищами. Может быть, письмо, которое я посылаю, поможет Вам правильное оценить конфликт Юрия Максимовича с капитаном.

Мне показалось, что Вы человек, которому можно довериться. Почтайте письмо, возвращать его не надо. Только, ради бога, не надо оставлять ни в каких архивах. Лучше сожгите. Наталья Горина».

— Любопытно, — пробормотал Корнилов, откладывая записку. — Зря она письмо не прислала бы. — Он осторожно раскрыл красивый продолговатый конверт, достал сложенный вчетверо лист бумаги. — Что она имеет в виду, когда пишет о доверии? Надеется, что я не использую письмо во вред покойному? Или рассчитывает с помощью письма поддержать обвинения, брошенные старпомом капитану? Маловероятно. В прошлый раз она говорила о Бильбасове с сочувствием. Вот женская логика!

Игорь Васильевич развернул письмо.

«Здравствуй, мать! Посылаю тебе письмо с оказией. В Марселе на борту был наш консул. Через день летит в Москву.

Спасибо за радиogramму. Тридцать пять хоть и не круглая дата, но для меня рубеж — полжизни прошло! Дожить бы до семидесяти, посмотреть, что там будет, в третьем тысячелетии.

День рождения отмечали в Мессинском проливе, между Сциллой и Харибдой. Все было бы хорошо, если бы не выкинул номер кеп. Сказал свой заздравный тост, ты знаешь, он любитель поговорить, и, сославшись на головную боль, смотался. Такого еще не бывало. Я сидел как оплеванный. Да и тост был вялый. Давно уже я заметил, что мастер переменялся ко мне. Все ломал голову — почему? А сегодня все разъяснилось. Он

сам разговор затеял. Сказал, что в пароходстве наметают меня на «Шипку» капитаном. Это я и без него знаю. В кадрах говорили. Так вот он, Бильбасов, считает, что я не дорос до капитана, и не подпишет мне характеристику. Аргументы? Меня до сих пор колотит от злости. Одна демагогия. Но это еще не вечер! Решат и без него. В пароходстве есть товарищи, которые знают нелюбовь мастера к людям принципиальным.

Что же это? Обида? Да ведь я никогда не давал ему повода для такой обиды. Ничего не делал без совета и одобрения. Но он, наверное, чувствовал, чувствовал, что во многом я его перерос. Только дело не в этом. Обычная примитивная ревность — вот где собака зарыта. Когда он достиг капитанства? В сорок два! А мне только тридцать пять. Тут и кончается вся его широта, помноженная на доброту и передовые взгляды. Ему тоже дорога карьера, а начальником пароходства он отказался стать, потому что понял — не потянуть.

Разве я не прав, мать? Ты знаешь, сколько сил положено, чтобы не утонуть в толпе, не остаться заурядностью, знаешь, что даже после мореходки долбил я по ночам науки.

У меня выбора нет — если я сейчас не постою за себя, ярлык карьериста, приклеенный Бильбасовым, останется на всю жизнь. Капитан слишком легко идет по жизни, он думает, что мы все служим ему, Бильбасову, а не делу. Кого хочет, он милует и двигает, кто не по нраву — берегись! В Неаполе дед Глуховской на час опоздал к отходу. Докладывает, что вступился на улице за нашу туристку с «Казахстана», который ошвартовался рядом. У нее, дескать, пьяные парни хотели сумочку отобрать. Пьяные парни! Да у него у самого рожда пьяная и два синяка. Подрался, скотина. Ты же знаешь его страстишку.

Я спросил, где туристка. Дает показания в полиции, а его якобы отпустили. Все это легко проверить — в полицию, конечно, соваться не стоит, но запросить «Казахстан» следовало непременно. Но кеп заупрямылся. Смешные аргументы: стыдно, дескать, перед коллегами, подумают, что мы своим людям не доверяем. А мне кажется, что это тот случай, когда нечего стесняться, — проступочек-то не рядовой!

Все больше и больше он раздражает меня. Есть

в нем какая-то легкость в отношениях с людьми, нежелание поглубже разобраться в человеке. Он старается ни с кем не портить отношений. Теперь я понимаю, что дисциплина и порядок на нашей посудине строятся на стремлении угодить капитану. Или из боязни его.

Знаешь, мать, с этим надо кончать. О всех безобразиях я поставлю в известность министерство и прокуратуру. Пусть кто-то считает меня склочником и сутягой, пусть обижаются друзья. Может быть, чем-то я и не прав, несправедлив в частностях. Но в главном я прав. Есть высшая справедливость. Пишу тебе обо всем этом, чтобы ты была готова. Скоро они забегают, как крысы, начнут и тебе звонить. Обо мне небылиц наслушаешься».

Голос секретаря оторвал Корнилова от чтения.

— Игорь Васильевич, из радиокомитета...

Корнилов поспешно взял трубку. Приятный женский голосок сообщил, что на переданное объявление откликнулся один из свидетелей аварии на сорок девятом километре.

— Он у вас? — спросил подполковник.

— Нет. Звонил сию минуту. Оставил свои координаты. Данилов Петр Сергеевич... — Девушка продиктовала телефон.

— Спасибо, милая, — поблагодарил Игорь Васильевич. — Вы нам очень помогли!

Он нажал на рычаг, набрал записанный номер. Из трубки долго неслись длинные тягучие гудки, наконец глухой мужской голос лениво произнес: «Слушаю».

— Петр Сергеевич? — спросил Корнилов.

— Он самый.

— С вами говорит подполковник Корнилов из милиции. Вы только что звонили на радио... Вы были на сорок девятом?

— Да, был.

— Не могли бы сейчас приехать к нам? Скажите адрес, я пришлю машину.

— Слишком много чести, — хохотнул Данилов. — И сослуживцы перепугаются. У меня своя «каре́та».

Корнилов рассказал ему, куда ехать. Потом вызвал Варвару, попросил заказать Данилову пропуск.

«Ну что ж, — удовлетворенно подумал подполковник, потянувшись так, что хрустнули суставы в плечах, — имеем шанс. Последнюю точку поставить для

успокоения души». Он посмотрел на письмо старпома. Одна мысль не давала Корнилову покоя: откуда раздобыл Горин валюту на колечко с бриллиантом? Ведь оно черт знает сколько долларов стоит! На наши деньги оценили в шесть тысяч! Кому он его купил? Явно не жене — в письме о кольце ни слова,

Он вызвал Бугаева.

Через минуту капитан сидел у него в кабинете. Корнилов уже давно заметил, что Семен стал тщательно следить за собой, одевался без особого шика, но красиво. Сегодня на нем были пепельная замшевая куртка и широкий темно-синий галстук с какими-то черными витиеватыми огурцами.

— Ого! — сказал подполковник. Эту куртку он видел впервые.

Бугаев расплылся в улыбке. Спросил с ноткой самодовольства:

— Нравится, товарищ подполковник?

— Неплохо. Что-то, Сеня, ты стал последнее время пижонить. Семья на даче, сам в одиночестве... Кольцо обручальное почему-то снял.

— Да я его никогда не ношу! — горячо возразил Бугаев. — Не нравятся мне мужики с кольцами.

Подполковник и сам скептически смотрел на тех мужчин, которые носят обручальные кольца. А щеголей с перстнями презирал и вовсе.

— Нет, правда, товарищ капитан, уж очень вы за своей персоной следить стали. Раньше проще были.

— Игорь Васильевич, это вы виноваты. — Лицо у Семена стало лукавым. — Жена мне сколько раз говорила: посмотри, каким пижоном твой начальник ходит, а ты у меня вечно расхристанный. Я и внял голосу народа.

Корнилов едва не поперхнулся дымом от сигареты. Хотел что-то сказать, но только головой повертел. Чуть отойдя, спросил ворчливо:

— Где это твоя жена меня видела? На концерте по случаю Дня милиции? Тоже мне, нашла пижона... Ладно, мы с тобой еще разберемся. Ты вот что скажи: кольцо, принесенное Горинной, где?

— Передал следователю.

— Эх, поторопился, — огорченно сказал Корнилов. — Надо было еще со специалистами посоветоваться: где оно могло быть куплено?

Бугаев вытащил из кармана записную книжку, раскрыл ее и быстро прочел:

— Куплено скорее всего в Греции. Афины или Пирей. Фирма «Кастропулос и К^о», фирма по продаже драгоценностей. Стоимость от трех с половиной до четырех тысяч долларов. Могут и в драхмах...

Подполковник, улыбаясь, махнул рукой.

— В драхмах не надо. Молодец, сам догадался. А я, похоже, очень постарел за последнее время. Совсем забыл тебе сказать об этом.

Бугаев сиял.

— Ну и как ты думаешь, Семен, откуда у советского старпома могут быть четыре тысячи долларов?

Бугаев улыбнулся.

— Будто сами не знаете!

— Скупал валюту? Как рядовой спекулянт...

— Не рядовой, товарищ подполковник, — ехидно сказал Семен. — Тут уж квалификацией пахнет. Скупка валюты — раз, — он загнул палец. — Тайный провоз ее через границу — два. О таком колечке-то в таможенной декларации ведь не напишешь. Вот вам и три.

— Правильно, правильно! — поморщился Корнилов. — Я не хуже тебя законы знаю. О другом хочу сказать — Горин вон какое серьезное письмо в прокуратуру написал! А сам? Неужели так мелко плавал? Не до конца верится.

Игорь Васильевич никак не мог отделаться от какого-то двойственного чувства к погибшему старпому. Постепенно, штрих за штрихом, вырисовывалось перед ним малопривлекательное лицо этого «правдолюбца», но Корнилов привык выносить свой окончательный приговор лишь после того, как имел возможность посмотреть человеку в глаза, встретиться с ним, а встрече с Гориным не суждено было состояться.

Бугаев молчал. На лице у него застыла такая презрительная гримаса, что было сразу видно его мнение о покойном старпоме.

Корнилов усмехнулся. Подумал о том, как изменился за последние годы Семен. Порывистый, непоседливый, резкий в своих суждениях, он стал более внимательным и последовательным. Он хоть и остался таким же горячим, но научился не торопиться со своими выводами и скоропалительными суждениями, всегда искренними и

не всегда точными. А вот лицо его выдавало. Особенно глаза. Если Бугаев осуждал кого-то, они сразу суживались, становились злыми.

— Непойманный — не вор, Сеня, — сказал Игорь Васильевич, словно отвечая на невысказанное суждение Бугаева.

— Да разве же я возражаю? — меланхолично отозвался капитан. — Только вот деталька одна: он третьего июля куда ехал? На дачу. И колечко с ним. А жена — в Нальчике. Если б он жене кольцо привез — давно бы подарил. В первый день, как из плаванья вернулся. Или в первую ночь... — Бугаев безнадежно махнул рукой. — Ну вот... Вез он колечко... А кто с ним в машине? Зонтик-то чей обнаружили? Веры Сергеевны? Ей он и хотел колечко подарить. У себя на даче...

— Тебе бы ворожкой заниматься.

— А что, не логично мыслю? — усмехнулся Бугаев. — Другого-то и не придумаешь. Когда эта дамочка заговорит — вспомните меня.

— Ты же сам жаловался — крепкий орешек.

— Когда-нибудь да заговорит!

— Дело закроют — никто ее и спрашивать ни о чем не будет.

— А я бы спросил, хотя бы из любопытства.

— И я бы, Сеня, спросил. Только... — он не договорил. Взял в руки письмо Горина. — У меня вот письмишко одно есть. Тебе из любопытства его прочесть было бы интересно. — Корнилов хотел дать письмо Семёну, но вспомнил о просьбе вдовы и, нахмурившись, положил на стол, подумав при этом: «А жаль, что она так написала, письмишко полезно всем ребятам почитать! Ох как полезно!»

Капитан проследил за письмом, но ничего не сказал.

— Ты чем сейчас занимаешься? — спросил его Корнилов.

— Кражами, товарищ подполковник, — деловито сказал Бугаев. — Сейчас на Заневский поеду.

— Ладно. Я в шестнадцать доложу начальству по сорок девятому и тоже подключусь. Хватит мореходами заниматься, пускай они сами в себе разберутся.

— А свидетели, значит, ничего новенького не подкинули? — спросил Бугаев, глаза у него были хитрые,

Корнилов улыбнулся:

— Подкинут, Сеня, не волнуйся. С минуты на минуту один человек подъедет...

12

Корнилов пришел к начальнику Управления уголовного розыска пораньше, перекинуться парой слов о текущих делах.

В кабинете у Михаила Ивановича сидел Еленевский, руководитель одной из групп управления. Вид у него был взъерошенный, сердитое лицо покрыто красными пятнами. «Тут пахнет крупной выволочкой, — подумал Игорь Васильевич. — Наверное, по делу об ограблении пьяных». И не ошибся.

— Вот полюбуйся, — кивнул полковник на Еленевского. — Степан Степанович теорией нынче по горло занят. На оперативную работу времени не остается. У нас по ночам пьяных обирают, а майор лишь теоретизирует, считает, что это даже полезно. Пить, говорит, меньше будут. И виноваты во всем, дескать, сами пьяницы, а не воры. Каков полет теоретической мысли?

— Михаил Иванович, мы же ведем поиски! — обиженно сказал Еленевский. — Люди которую ночь не спят. Но принимать заявление от каждого алкоголика... это же смешно! Накушался до свинства, а мы должны ноги мозолить, его часики, видите ли, разыскивать...

— Товарищ майор! — перебил его полковник. — У вас в распоряжении два дня. Не тратьте время на разговоры. Не найдете воров — поставлю вопрос о вашей профессиональной пригодности.

Еленевский поднялся с кресла и, хмурясь, вышел из кабинета.

— Неплохой мужик, но увалены! — Михаил Иванович покачал головой. — Днем с огнем такого другого не сыщешь. Все сделает в конце концов, но уж очень долго раскачивается.

— Его ребята самокатчиком зовут.

— Самокатчиком?

— Ну да. Он же на службу на велосипеде ездит.

— Да брось ты! — отмахнулся полковник. — Придумаешь тоже!

— Правда, Михаил Иванович. Домой пойдешь — обрати внимание: в раздевалке желтый с синим велосипед

стоит. Его велосипед, Еленевского. И говорят, быстро ездит.

— Но уж про желтый с синим ты, положим, присочинил! — Начальник управления смотрел на Корнилова недоверчиво.

Корнилов засмеялся.

— Правда, правда. Его велик все в управлении знают. Гаишники честь отдают. Да, Михаил Иванович, — перестав смеяться, сказал подполковник. — Надо бы Семена Бугаева на майора представить. Сроки уже вышли, человек он, сам знаешь, энергичный, оперативный, не в пример самокатчику.

— Не возражаю, — согласился Михаил Иванович. — Он, кстати, дело с кражами на Заневском до конца так и не довел?

— Сейчас занимается. Ты же знаешь, я его на три дня отвлекал. И сам проваландался... История, я тебе скажу, неприятная.

— Ну тебя хлебом не корми, только дай отвлечься. С самоубийством Шарымова все чисто? Никаких неуклюжих действий не допустили? Не поторопились за него взяться?

— Мы за него и взяться не успели. Бугаев приехал к Шарымову домой выяснить, что он делал на даче старпома. А там скандал...

— Ну-ну, Бугаев, значит. Может, не торопиться со званием?

— Да что ты, Михаил Иванович! Семен здесь ни при чем. Не успеет он — могло бы и хуже обернуться. Обстановка на теплоходе не сахар. Нервозность, подозрительность! Все взвинчены до предела. И все один человек закрутил...

— Ладно, с Бугаевым договорились, — полковник взглянул на часы. — Сейчас Кондрашов придет, доложишь все подробно. От новгородцев телекс получили. Предупреждают нас: неделю назад вернулся из колонии Николай Борисович Лящ. Слышал, наверное? Специалист по аферам.

— Помню, — кивнул Корнилов. — Он ведь и у нас динамо крутил.

— В Новгороде Лящ уже успел причаститься. Двоих нагрел. Судя по некоторым данным, теперь подался к нам. Вот тут весь его послужной список, фотогра-

фии, — полковник подвинул Игорю Васильевичу папку. — Все что нужно. Надо встретить.

Секретарша предупредила по селектору, что пришел Кондрашов.

— Ну что, Василий Сергеевич, послушаем подполковника? — спросил начальник управления, когда они уселись за большой стол. — Он как, не затянул с поручением прокуратуры? Управился в срок?

— Управился, товарищ полковник, — сказал Кондрашов. — Мы и рассчитывали на него. Звезда розыскной службы! — следователь улыбнулся и подмигнул Корнилову. Игорь Васильевич отвел глаза. Он не любил таких разговоров в служебной обстановке. Да и без Кондрашова себе знал цену. Подумал: «Чего это, Вася? Не замечал я раньше в нем такой развязности».

— Перед нами был поставлен прокуратурой вопрос, — начал он сухо и официально, — проверить оперативным путем, не имел ли кто-нибудь из членов экипажа теплохода «Иван Сусанин» отношения к аварии на сорок девятом километре...

Корнилов подробно рассказал о том, что было сделано за эти дни. Временами посматривал на Кондрашова. Тот хмурил брови, записывал что-то очень быстро в блокноте, одобрительно кивал головой.

— Сегодня можно твердо сказать, что авария автомашины и смерть Горина — несчастный случай.

Сомнения, конечно, были... Серьезные сомнения. Никто не мог объяснить — откуда взялся в машине камень. Большой, почти круглый булыжник. Но час назад я беседовал с одним свидетелем, — заметив, что Кондрашов хочет что-то сказать, Игорь Васильевич положил руку на папку: — Письменные показания имеются...

Михаил Иванович хитро улыбнулся. Он знал пристрастие Кондрашова к правильно оформленным документам.

— Это свидетель, Данилов Петр Сергеевич, инженер конструкторского бюро, увидев, что дверцы заклинило, разбил камнем стекло. Струя воздуха раздула пламя, Данилов отскочил, а булыжник уронил в салон...

Когда Игорь Васильевич кончил докладывать, Михаил Иванович спросил:

— А причина самоубийства Шарымова так и не выяснена? — Чувствовалось, что это беспокоило его больше всего,

Корнилов пожал плечами.

— Мы провели дознание, поскольку наш сотрудник оказался на месте. А заниматься этим делом нам не поручали, — он посмотрел на Василия Сергеевича.

— Люди, близко знавшие штурмана, показали, что человек он нервный, впечатлительный, — сказал Кондрашов. — Шарымов, может быть, и хотел этого Горина застрелить, когда узнал, что тот его жену соблазнил. Кто знает? Дачу-то взломал! И когда милиция к нему домой нагрянула — испугался. Подумал, наверное, что все шишки на него. И дача, и смерть старпома...

— Все может быть, — задумчиво проговорил Корнилов. — Ты считаешь, уточнять больше нечего?

— Незачем. Теперь это уже никому не поможет.

— А я бы не пожалел времени. Вопросов осталось немало. Где, например, был Шарымов после того, как уехал с дачи Горина.

— Это ничего не изменит, — пожал плечами Кондрашов.

— А что говорит вдова Шарымова? — спросил начальник управления. — Ведь она, пожалуй, многое знает.

— Молчит она, товарищ полковник. Женщина с характером. Замкнулась в себе и ни гугу. Да ведь ее и понять можно — столько потрясений. Может быть, когда отойдет, заговорит. Да что толку? — Василий Сергеевич сокрушенно вздохнул. — Ну вот, так сказать, итог, сумма сумм, как выражались в старину.

— Ты, Игорь Васильевич, ничего добавить не хотел?

Корнилов в раздумье посмотрел на Кондрашова, словно решая, что сказать.

— Это, конечно, несущественно, но один вопрос я бы Шарымовой обязательно задал: каким образом ее зонтик у старпома в машине оказался?

— Мне бы твои заботы, — отшутился Кондрашов.

— Да, я, собственно, и так знаю. Но люблю точки над «и» ставить. Вы, кстати, с письмами Горина продолжаете разбираться?

— Ну а как же? Я тебя информировал — старпом и в министерство написал. Да если бы не такой общественный резонанс, мы вас и не занимали бы этим делом.

— А у меня, Василий Сергеевич, серьезные основания считать старпома... Как бы помягче выразиться?

Человеком, которому нельзя слишком доверять. В ЭНТЭО провели почерковедческую экспертизу анонимок, в которых Горину угрожали расправой, и копии, под которую он что-то печатал у соседа по даче. Одна и та же машинка. Грозил-то он сам себе!

— Да уж его шашни с женой Шарымова чего стоят! — сказал полковник. — А тут еще и анонимки...

— Знаю. Все знаю, — развел руками Кондрашов. — Но существуют письма старпома, и в них конкретные обвинения! — Он улыбнулся и снова подмигнул подполковнику. — Платон мне друг, но истина дороже. Будем разбираться.

Игорь Васильевич вспомнил вдруг изречение, которое привел в своем дневнике старпом: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Вспомнил и улыбнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — нервно спросил следователь. — От этого никуда не денешься. Или я наврал в латыни?

— В латыни ты, Вася, ничего не наврал, — успокоил его Корнилов, специально назвав по имени, чтобы подчеркнуть, что все сказанное теперь им носит неофициальный характер. — Только любим мы за цитаты прятаться. А цитаты — вещь обоюдоострая — одной и той же цитаткой идейные противники, случается, друг друга глушат.

Ты вот не думал, откуда у старпома доллары на кольцо с бриллиантами нашлись. Не сто, не двести — четыре тысячи? От трудов праведных?

— Это штука серьезная, — поддержал Корнилова Михаил Иванович. — Тут преступлением пахнет.

— Мы, конечно, поинтересуемся, откуда у Горина была валюта. Выясним, не занимал ли он деньги, — не совсем уверенно сказал Кондрашов.

Корнилов хмыкнул.

— Да что вы, товарищи! — неожиданно взъерепенился Кондрашов. — Что ж по-вашему, надо новое дело заводить? На покойного старпома? В конце концов, заявление он написал, а не на него!

— Не кипятись, Вася, не кипятись! — успокоил следователя Корнилов. — Мы же в порядке консультации тебя расспрашиваем.

— Хорошенькие консультации, — не унимался Кондрашов. — Не оставлять же без внимания такие сигналы только потому, что заявитель погиб. Они теперь

на контроле. У нас, в министерстве, в пароходстве... Еще неизвестно, чем все кончится. Может быть, сигналы и не подтвердятся. Но скажу откровенно: многие похоже на истину.

— Так всегда и пишут доносы — чтобы было похоже на истину, — жестко сказал Михаил Иванович. Он уже несколько раз поглядывал на часы.

— Я ведь не прокурор. Я следователь, хоть и старший. Не я распорядился начать расследование.

— А ты что ж, не можешь поспорить с начальством, доказать ему? — подзадорил Корнилов. Михаил Иванович покосился на него укоризненно.

— Начальство есть начальство, — успокаиваясь, сказал Кондрашов и сделал легкий поклон в сторону Михаила Ивановича. А тот притворно вздохнул.

— Завидую я, Василий Сергеевич, вашему началству. С моими подчиненными труднее — ужасные спорщики.

Кондрашов чуть порозовел и стал прощаться.

С работы Корнилов пошел пешком. Набережная была пустынной, и подполковник поймал себя на мысли о том, что его радует и дождь, и отсутствие людей. Так редко удастся пройти теперь по городу в одиночестве. Вечное многолюдье, суета, вездесущие туристы.

Серые мокрые сумерки, чуть разбавленные неоновым светом, висели над горизонтом. Желтоватые блики подсветки мерцали в стороне Петропавловской крепости.

Корнилов шел и думал о Горине. Письмо старпома к жене никак не выходило у него из головы. Вот как бывает в жизни — человек строит планы, борется, расталкивает соседей локтями. И что? Мокрая от дождя дорога, крутой поворот, секундное замешательство... И конец.

Он что ж, и вправду считал себя борцом за справедливость?

Да полно, проживший полжизни должен отличать черное от белого. Иначе все человечество сорвалось бы с цепи.

За справедливость можно, конечно, бороться и в одиночку. Но может ли быть справедливость для одиначек? Нет, нет. Такое уж это особое понятие — справедливость. Она полной гармонии требует. Не может справедливость быть неполной, как не может быть дюжины без одной единицы. И если что-то справедливо

для всех, но несправедливо для одного — это уже не справедливость. И все разговоры про высшую справедливость — выдумки. Красивая ложь в собственное оправдание.

Игорь Васильевич перешел Кировский мост, свернул направо. В обычные дни здесь толпились рыбаки, но сегодня ловил только один, в зеленом офицерском плаще с надвинутым на голову капюшоном. Корнилов остановился у гранитного парапета. Рыбак ловил на донки. Маленькие колокольчики тихо позванивали от ветра.

— Закурить не найдется? — спросил рыбак у Корнилова, повернувшись к нему.

Игорь Васильевич достал сигареты, помог прикурить. Рыбак был немолодой, широкоскулый, с красным, загорелым лицом.

— Что-то плохо клюет сегодня, — кивнул он на колокольчики. — А вообще жаловаться не приходится. Появилась рыбка в Неве. Вода почище стала — она и появилась...

— Часто ловите?

— Часто. Хожу сюда как на работу. Вчера был, и позавчера... И сегодня, как видите. На завтра не загадываю. Дожить надо.

«Пенсионер, — подумал Корнилов. — А ведь хорошо еще выглядит. Получше меня. Уйти в рыбаки, что ли? Вот и капитан Бильбасов собирается».

— Я с ранней весны тут рыбаку. Как в апреле на пенсию вышел, тут околачиваюсь. До осени половлю, наберусь силенок, а там посмотрим, — рыбак подмигнул Корнилову. — Я еще кое-что полезное могу. Не каждый молодой угонится!.. А вы и сами, наверное, не прочь с удочкой побаловать? — поинтересовался он. — А то давайте в компанию. В хорошую погоду тут не протолкнешься. Но мужички у нас приличные, подвинутся.

— Спасибо. — Дождик усилился. Корнилов поежился, поднял воротник. — Ни чешуи, ни рыбы!

— И вам желаю хорошего! — отозвался рыбак.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ СЕРГЕЯ ВЫСОЦКОГО

Сергей Высоцкий не новичок в литературе.

Его повести и рассказы, постоянно публикуемые массовой периодикой, охотно издаются и переиздаются. Тиражи его книг огромны, и не будет преувеличением сказать, что он имеет своего читателя. Далеко не всякий автор — будем глядеть правде в глаза — может похвалиться таким читательским признанием. Критика же, осмысливающая текущий литературный процесс, несомненно, в долгу перед прозаиком, работающим много и упорно, знающим удачу. Не все, написанное Сергеем Высоцким, равноценно, но путь в словесном искусстве почти никогда не бывает прямым восхождением. Писатель ищет, и нет ничего удивительного, что с обретениями соседствуют «проходные места», что словесную живопись — а рисовать Высоцкий умеет — иногда теснит сообщение, живое, непосредственное, даже увлекательное, но несколько оголенное.

Важнейшее достоинство прозы наших дней — многообразие. В последнее десятилетие у нас возникли превосходные повести и романы, посвященные деревне, основательно потеснившие «юношескую повесть» и «производственный роман», а также всевозможные урбанистские описи, возвещавшие «новые ритмы». Нет необходимости говорить, что теперь всеобщий интерес вызывают книги Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова... Читатель неоднolitik. Его интересы необъятны, как и жизнь. Как и всегда, есть у современной молодежи тяга к необычному, выходящему за круг житейских будней. Нельзя не понять юного, который тянется к остросюжетному повествованию, экзотике, к краскам дальних странствий. Не случайно ныне во всем мире огромной популярно-

стью пользуется «малая классика», олицетворяемая такими книгами, как «Убийство на улице Морг» и «Лунный камень», а также нестареющим Конан-Дойлем, создавшим живущий и сегодня образ Шерлока Холмса, распутывающего самые запутанные тайны. Время внесло много нового в давний жанр. У нас в довоенную пору излюбленным чтением юношества был «Гиперболоид инженера Гарина». В послевоенные десятилетия в литературе этого ряда, далеко вышедшей за пределы детектива, безраздельно царил Иван Ефремов, дававший счастливую возможность подростку совершить путешествия-открытия и в прошлое («На краю Ойкумены») и в будущее («Туманность Андромеды»).

Критика вполне справедливо воевала с ложной занимательностью и всяким низкопробным сыщичьим чтивом, которое у нас расплодилось в немалом количестве, выдвигала требование показывать живых людей, а не раскрашенных марионеток. Выплескивая воду, надо всегда беречь ребенка. Новое литературное поколение успешно ищет в приключенческом жанре, памятуя о том, что «детективными приемами» пользовались и великие. Все дело в том, какое содержание вкладывается, — ведь занимательность сама по себе превосходное качество. Среди тех, кто вошел в «читаемую литературу», чьи успехи несомненны и значительны, мне и хочется назвать Сергея Высоцкого, нашедшего свою тему, собственный угол зрения и единственную — только ему присущую — ритмико-стилистическую интонацию.

Нет необходимости последовательно, в хронологическом порядке рассматривать его произведения. Прозаик давно миновал стадию литературного ученичества. Но я погрешил бы против истины, если бы сказал, что его лицо сложилось и застыло. Нет, автор весь в движении, он видоизменяется, возникает новое и исчезает только-только появившееся, нас ждут сюрпризы и сюрпризы...

Наиболее полно достоинства писателя сказались в повести «Увольнение на сутки», где острейший сюжет неотделим от серьезного и глубокого содержания, где современность неотделима от народности, где героический пафос пронизан гражданственностью, где всюду присутствует драгоценное чувство Родины, преподносимое не умозрительно, а предельно достоверно и вещественно.

Я бы даже сказал, что «Увольнение на сутки» — прекрасный пример напряженного, динамического повествования, показывающего процесс расширения тематики. Мы с нетерпением ждем, к чему приведут нас события; неужели неизбежен роковой и страшный исход? Мы любим юного Гаврилова и трепещем за него, видим его ошибки, промахи, сочувствуем юношеской непосредственности, желаем в трудную минуту остановить его за руку...

В повести сказалась примечательная особенность Сергея Вы-

соцкого, связанная с его любовью к великому городу на Неве. Она имеет давние истоки и освящена великими именами. Отрадно, что прозаик принял давний огонь и понес дальше, — пламя его освещает все действие: «Ленинград был совсем рядом. Вцепившись в леер, волнуясь, вглядывался Гаврилов вперед, туда, откуда надвигался огромный город. Тральщик вдруг словно уменьшился в размерах, потерялся. Вот город уже охватил залив полукольцом, и Гаврилов судорожно вертел головой, стараясь увидеть все сразу, ничего не пропустить в открывшейся ему панораме... Он ни о чем сейчас не думал. Просто смотрел и смотрел и впитывал все, что видит, и это наполняло его счастьем». Собственно, вот это счастье — при всех испытаниях и бедах, выпавших на долю героя, помнящего блокадный город, знающего цену черствого сухаря, отлично понимающего, что такое доброта, честность, мужество, умеющего разглядеть себялюбие, подлость, коварство, в какие бы одежды они ни рядились, — дает возможность читателю увидеть жизнь в многообразной полноте.

Город на Неве — полноправный герой повествования. В самой атмосфере произведения нельзя постоянно не чувствовать немного влажный воздух Ленинграда, окружающий все и вся. Но дело не только в поэзии одного из прекраснейших городов мира, имевшего и имеющего певцов. Мы не можем не почувствовать, что для человека, хотя бы только прикоснувшегося к блокадным событиям, это память на жизнь, мета на душе, которую никогда нельзя миновать. Нет, не случайно Гаврилов, встречаясь с родным городом, восхищаясь им, замирая от счастья, все-таки думает о возмездии. Есть поступки, которые невозможно забыть, простить, вычеркнуть. Память вершит суд, и она побуждает молодого человека, еще вчерашнего ребенка, действовать. Гаврилов помнит блокаду — людей, их лица, взгляды, поступки. Он помнит близких и соседей, он жил с ними рядом, получал по одним талонам, — все оставило след, ведь в детстве и отрочестве мир воспринимается с особой остротой. Каждый день осажденного города нес новые испытания. Ребенок впитал в сердце добро, но зло, ранившее его, не изгладилось; мир не может быть гармоничным, если носитель того, что и быть не должно на белом свете, ходит как равный с равными среди тех, кто спасал Ленинград и ленинградцев. Молодость прямолинейна, и она не желает считаться с тем, что действительность многослойна и не поддается однозначному истолкованию. Здесь я не могу не вспомнить написанное поэтом в военную годину: «Нам было все отпущено сверх меры: любовь, и гнев, и мужество в бою, теряли мы друзей, родных, но веры не потеряли в Родину свою». Собственно, эти слова могли бы стать эпиграфом к «Увольнению на сутки».

Главный мотив не звучит в одиночестве. Он потому и первенствует, что существует хор разнообразных голосов, — если бы этого не было, писатель пришел бы к схеме, напоминающей, но не воспроизводящей жизнь. Один из эпизодических персонажей повести — Ольга Ивановна, «невысокая, худенькая, с гладко зачесанными волосами», — особенно запоминается. Обыкновенная жительница блокадного города перестает играть на рояле — «руки распухли», а потерянные хлебные карточки означают гибель. И разговор-спор ее соседей, выявляющий характеры, воспринимаешь скорее не с бытовой стороны, а как реквием, проникнутый скорбной лирикой по оборвавшейся жизни. Одной из многих.

В совершенно иной тональности написаны другие произведения Высоцкого. Его повести насыщены мотивами, связанными с передвижением в пространстве, аэропортами, самолетами, телефонными звонками, ресторанами и отелями. Но это не внешние приметы. Для миллионов сегодня взлетная площадка такая же реальность, как деревенская улица с прудом и ивами. Но человек, летящий на сверхзвуковом корабле, остается все-таки человеком, — каков он? Каковы его помыслы и поступки? К чему он стремится? Что любит и что отвергает?

Центральный персонаж одной из повестей поставлен в необычную ситуацию. Он, оправдываясь перед самим собой, ища в самом себе поддержки (иначе остается только рухнуть и биться головой об аэродромный бетон), изрекает афоризм, звучащий как самооправдание: «Мой дом там, где я живу...» Но явь опровергает утешительные максимы, когда они всего лишь плод рационального сочинительства, замешанного на цинизме. И перед глазами встает образ дома — города — деревни — родины, — этот образ невозможно заменить или подменить — он единственный. Да, действительно, невозможно не вспомнить давние слова о дыме отечества, что он сладок и приятен, или о том, что родную пыль невозможно унести на подметках. Ноги сами, против воли, наверное, неосознанно приводят бродягу, мельтешащего по свету, к родному порогу: «Он сначала даже подумал, что ошибся, вышел не туда, но взгляд его остановился на большом, потемневшем от старости и дождя доме, наполовину упрятом в липах и цветущей сирени. Дом стоял на задворках деревни, у проселка, поблескивающего лужами. Это был его дом». И Буров — так звать новоявленного Агосфера, спешащего по довольно сомнительным делам на край света, в далекий экзотический город, — должен узнать, что здесь — в единственном месте земли — он вычеркнут из списка живых, вычеркнут из сердца, что он не нужен никому и никогда не будет нужен. Но что из этого? И вдруг понимает: «Они ему нужны, они ему необходимы. Он столько времени жил без них. А прожить всю

жизнь не сможет». Делается вывод, простой и не подлежащий сомнению: человек не может жить без прошлого. К этому можно добавить: народ так же неотделим от своей истории, как от настоящего и будущего. Автор не разжевывает истину, а заставляет читателя подумать самого. И это важное достоинство, ибо юность больше всего и чаще всего нуждается в самостоятельной мыслительной деятельности.

Чрезвычайно удачно обращение Сергея Высоцкого к жанру новеллы. У нас так мало рассказчиков! После безвременной смерти Сергея Никитина ряды создателей рассказов поредели. «Неизвестный голландский мастер» — один из лучших современных рассказов. Я не буду говорить о прекрасной панораме большого невисского города — она присутствует в том или ином виде во всех его прозаических опытах. Писатель ставит вопрос о таких важных проблемах жизни, как красота и честность, искусство и действительность, как подоплека поверхностного эстетизма, который нельзя воспринимать с внешней стороны. В пору, когда произошел коллекционный взрыв, рассказ очень современен. В новелле в полную меру проявился своеобразный «вещизм» автора, умеющего видеть окружающее в его предметной реальности. В этом смысле писатель пытается возродить «коллекционную» или «археологическую» новеллу, рождение которой в прошлом веке было связано, как известно, с именем Проспера Мериме.

С интересом читаются и перечитываются такие — наиболее приближающиеся к детективному жанру — повести, как «Выстрел в Орельей Гриве», «Пропавший среди живых», «Крутой поворот». Они объединены общим героем — следователем Корниловым, который больше всего интересуется, почему произошло преступление. Он говорит, что ему кажутся страшными не сами преступления, а люди, которые не совершают преступлений только из-за боязни наказания, — они, будучи уверенными, что никто не дознается, пойдут на любую низость. Вот в этих-то людях и пытается разобраться герой Высоцкого. Его аналитический ум проникает туда, куда не достигает меч закона, но ведь именно это извечное дело литературы.

Читателю всегда интересно: что за человек автор? Несколько слов о жизни пр.зайка. Сергей Высоцкий родился в Ленинграде в предвоенную пору. Ребенком видел блокадный город. Мать умерла во время эвакуации. С сорок второго по сорок пятый — детский дом в далеком уральском селе. После войны вернулся в Ленинград, жил с бабушкой и тетками, узнал и город и деревню. Окончил Арктическое училище. Был комсомольским работником. Стал журналистом, пройдя обучение в Высшей партийной школе. В пятидесят восьмом году напечатал в газете «Лесная промышленность»

первый рассказ. В этом смысле его путь типичен — кто из современных авторов миновал газету?! Первая книга вышла в свет в 1968 году. Работал редактором ленинградской газеты «Смена», потом в журнале «Молодая гвардия», в «Комсомольской правде». Сейчас, выпуская книгу за книгой, активно сотрудничает, как я уже отметил, в массовой периодике, и прежде всего на страницах «Огонька».

Сергей Высоцкий и по своему литературному опыту, и по творческой биографии приближается к поколению, которое в словесном искусстве именуется «средним». Нет сомнения, что лучшая пора жизни принесет зрелые плоды.

Евг. Осетров

СОДЕРЖАНИЕ

Увольнение на сутки. <i>Повесть</i>	3
Неизвестный голландский мастер. <i>Рассказ</i> . . .	91
Пропавшие среди живых. <i>Повесть</i>	111
Выстрел в Орельей гриве. <i>Повесть</i>	253
Крутой поворот. <i>Повесть</i>	395
Повести и рассказы Сергея Высоцкого. <i>Евг. Осетров</i>	505

Высоцкий С. А.
В93 Крутой поворот/Послесл. Е. Осетрова. — М.:
Мол. гвардия, 1979. — 511 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 2 р., 150 000 экз.

В сборник входят три повести, рассказывающие о работе милиции, главным героем которых является уже известный читателю подполковник Корнилов; два других произведения — повесть «Увольнение на сутки» и рассказ «Неизвестный голландский мастер» — навеяны автору его воспоминаниями о блокадном Ленинграде.

В 70302—112
078(02)—79—243—79. 4700000000

Р2

ИБ № 1729

Сергей Александрович Высоцкий

КРУТОЙ ПОВОРОТ.

Редактор **А. Лобанова**

Художник **Э. Урманчи**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Т. Кулагина**

Корректоры **Т. Пескова, З. Харитоновна, Г. Трибунская**

Сдано в набор 06.10.78. Подписано в печать 23.04.79. А00099.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 26,88 + 1 вкл. Учетно-изд. л. 28,3. Тираж 150 000 экз. (75 001 — 150 000). Цена 2 руб. Т. П. 1979 г., № 248. Заказ 1815.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

270

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИИ